М. НАЛБАНДЯН

ИЗБРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

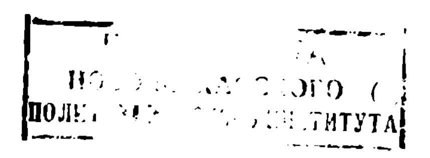
Госполитиздат
1954

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

М. НАЛБАНДЯН

ИЗБРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья
и общая редакция
А. Б. ХАЧАТУРЯНА

1954

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ М. Л. НАЛБАНДЯНА

Великий армянский революционер-демократ Микаел Лазаревич Налбандян всю свою недолгую жизнь (1829—1866) отдал борьбе за дело народа. Налбандян — соратник Чернышевского, Герцена и Огарева — был глубоким мыслителем-материалистом. Воспитанный на идеях русского революционно-демократического движения и на демократических традициях армянской культуры, он своей творческой деятельностью вписал славную страницу в историю философской и общественно-политической мысли армянского народа.

Микаел Лазаревич Налбандян родился 2 (14) ноября 1829 г. в городе Новая Нахичевань (ныне Пролетарский район города Ростова-на-Дону), в семье кузнеца. Он прожил тяжелую жизнь, полную забот и лишений. Его отец, имея многодетную семью, едва сводил концы с концами, и поэтому маленький Микаел пел в церковном хоре и прислуживал в церкви, чем зарабатывал себе кусок хлеба.

В умственной жизни Налбандяна значительную роль сыграл Г. Патканян (школу которого он посещал), отец известного поэта Рафаэла Патканяна, писатель и литературный деятель. Он привил Налбандяну вкус к литературе, оценил его литературные способности.

Однако всеми своими знаниями Налбандян был обязан прежде всего своей любознательности, самоотверженности и упорному труду.

Еще в конце 40-х и начале 50-х годов Налбандян совершал поездки по Южной России, Крыму и Бессарабии, где воочию видел тяжелую, полную горя жизнь трудящихся различных народностей. Участие в политической жизни Новой Нахичевани, в идейной борьбе армянского общества и непосредственные наблюдения за положением различных народов России были первой школой формирования Налбандяна как политического деятеля и писателя, проникнутого глубокой любовью к демократическим массам и жгучей ненавистью к эксплуататорам-крепостникам.

Новая Нахичевань, где рос Налбандян, уже в 40-х годах отличалась глубокими социальными противоречиями и классовыми столкновениями. Там сложилась довольно крепкая купеческая верхушка, которая вместе с духовенством и земельными собственниками разоряла крестьян окрестных сел и городских ремесленников. Своеобразное положение самоуправляющегося города (самоуправление им было получено при его основании, в 1779 г.) способствовало также политическим распрям. Выборы членов городской управы и городского головы всегда превращались в борьбу между отдельными группировками эксплуататоров, которые не могли не апеллировать к народным массам.

В 1846 г. Налбандян получил звание дьячка и стал работать секретарем епархиального правления в Нахичевани. С этого времени он всецело посвящает свою жизнь общественному делу и вскоре становится центральной фигурой в борьбе за интересы трудящихся масс. «С тех пор как помню себя,— писал он,— моя жизнь была неразрывна с жизнью моего народа». Он обвиняет городского голову — богатого купца и помещика А. Халибяна, католикоса (патриарха) армянской церкви крепостника Нерсеса Аштаракского и их приспешников в присвоении крупных церковных сумм, собранных с населения. Письма Налбандяна, в которых он осуждал преступную, антинародную деятельность армянского патриарха, попали в руки армянских церковников, которые вкупе с русскими властями начали неотступные преследования Налбандяна. Патриарх Аштаракский потребовал «дерзкого» юношу для расправы в свою резиденцию в Эчмиадзин. Однако, зная повадки Аштаракского, сыгравшего не последнюю роль в безвременной гибели писателя-демо-

крата, просветителя Х. Абовяна, Налбандян в 1853 г. решил оставить Нахичевань и 14 (26) июня тайно выехал в Москву.

В том же году Налбандян сдал при Петербургском университете экзамен на звание преподавателя армянского языка и получил должность младшего учителя в Лазаревском институте восточных языков в Москве. Этот институт сыграл известную прогрессивную роль в истории армянской культуры, он был очагом сближения армянской культуры с русской культурой. Но большинство профессорско-преподавательского состава института состояло из мракобесов, злейших врагов демократии. В затхлой крепостнической атмосфере института Налбандян был «светлым лучом в темном царстве». Горячий сторонник демократизации армянской литературы и сближения литературного армянского языка с народным, он стал обличителем клерикалов-крепостников, врагов армянской культуры, их покровителей — представителей русского самодержавия. Этим он сразу навлек на себя ненависть армянских князей Лазаревых, магистра богословия Мсера Мсеряна и других защитников средневековья. Чтобы избавиться от преследований армянской церкви, он в 1854 г. добился снятия с себя звания дьячка, тем более что оно противоречило его прогрессивным взглядам.

В 1854 г. по настоянию патриарха Аштаракского и наместника Кавказа князя Воронцова Налбандян был арестован и посажен в одну из московских тюрем. Но за недоказанностью предъявленных ему обвинений в оскорблении армянской церкви и ее главы он был вскоре освобожден. Однако должности учителя Лазаревского института он лишился. В этом же году Налбандян поступил вольнослушателем на медицинский факультет Московского университета и, несмотря на все материальные трудности и козни своих политических врагов, повышал свое образование. Письма Налбандяна к родным и друзьям свидетельствуют, что в течение 1854—1858 гг. он все свои силы посвящает изучению наук, русской культуры, русской общественной жизни.

В годы учебы в Московском университете Налбандян формируется как демократ и мыслитель-материалист. Он пишет стихи, полные протеста и призыва к мужествен-

ной борьбе с существующими порядками, с тиранией, изобличает армянскую поповщину и русских крепостников.

В формировании его идейных и эстетических взглядов важную роль сыграло творчество армянского демократа, писателя-просветителя Х. Абовяна, просветительские идеи С. Назарянца и особенно передовая русская культура, великие ее представители — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Чернышевский, Герцен, Огарев, Писарев. С проникновенной любовью говорит он о Пушкине, Лермонтове (стихотворения которых переводил на армянский язык) и Гоголе. Поэт Р. Патканян сообщает, что Налбандян пристально следил за деятельностью Искандера (Герцена), зачитывался «Колоколом». Анализ произведений Налбандяна показывает, что глубочайшее воздействие на него оказал В. Г. Белинский, а впоследствии, с конца 50-х годов, — Н. Г. Чернышевский.

Уже в «Речи об армянской словесности» (1854), первом крупном произведении Налбандяна по истории армянской культуры, со всей ясностью обнаруживается влияние на него эстетической концепции Белинского. С позиции русской демократической эстетики он рассматривает пути дальнейшего развития армянской литературы, подвергает сокрушительной критике клерикально-крепостническое, антинародное направление в армянской культуре и обосновывает необходимость ее демократизации. Основными положениями этой работы являются признание закономерности развития исторических процессов и попытка установить связи культуры народов с их общественно-политической историей.

«Как по нашему мнению, так и по просвещенному мнению других, — писал Налбандян, имея в виду именно Белинского, — источником художественного творчества является политическая жизнь народа, следовательно, и история его»[1].

В зрелые годы, борясь с идеалистическими и антинародными взглядами в литературе, Налбандян опирается как на Белинского, так и на Чернышевского, в частности на его знаменитый труд «Эстетические отношения искусства к действительности» с его основным тезисом — «прекрасное есть жизнь», которая должна быть преобразована в соответствии с потребностями народа.

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 113—114.

Известно, что присоединение Армении к России в 1828 г. не только спасло армянский народ от физического истребления персидскими и турецкими варварами-феодалами, но и, связав его судьбу со страной, ходом исторического развития превращавшейся в центр мирового революционного движения, приобщило армянский народ к революционному движению, к экономическому прогрессу, к передовой революционно-демократической культуре России.

Жизнь народов Закавказья — Армении, Азербайджана, Грузии под пятой турецких и персидских феодалов исключала возможность их национального развития. Эти феодалы проводили политику ассимиляции армян, они преследовали их веру, предавали поруганию язык и культуру, пытаясь не только экономически, но и духовно поработить армянский народ.

Вся тяжесть феодально-крепостнического и национального ига ложилась главным образом на трудящиеся массы деревни и города, которых феодалы не считали людьми, грубо попирали их человеческое достоинство.

Армения в течение нескольких веков экономически тяготела к России. Русское государство не раз оказывало дипломатическую и военную помощь армянскому народу в его освободительной борьбе. Народы Закавказья — армяне, азербайджанцы и грузины, — находясь под угрозой уничтожения, постоянно вели борьбу против чужеземных поработителей, за свою свободу и независимость и вместе с тем за присоединение к России.

В Армении в течение XVII, XVIII и начале XIX века происходили многочисленные восстания крестьян, а в общественной и политической мысли все больше укреплялась идея присоединения к России. Идеями союза, сближения с великим русским народом проникнута деятельность прогрессивных армянских мыслителей XVIII века — Иосифа Эмина, Мовсеса Баграмяна, Шаамира Шаамиряна, в начале XIX века — Месропа Тагиадяна, Арутюна Аламдаряна и великого армянского просветителя-демократа Хачатура Абовяна, провозгласившего идею присоединения к России.

В начале XIX в. освобождение от гнета шахской Персии и султанской Турции стало для народов Закавказья исторической необходимостью, коренным вопросом

их национального существования. В результате героической борьбы народов Закавказья и помощи великого русского народа к началу второй четверти XIX века завершилось присоединение Закавказья к России.

Навеки связав свои судьбы с судьбой великого русского народа, народы Армении, Грузии и Азербайджана обеспечили возможность своего национального развития.

В совместной борьбе против общих врагов — царизма, крепостников и капиталистов, а также других иноземных захватчиков росла и крепла дружба трудящихся России и Закавказья. Это присоединение, несмотря на то, что во главе России стояли тогда царь и помещики, имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития народов Закавказья и России.

Историческое значение этого события в жизни народов Закавказья состояло прежде всего в том, что, присоединившись к России, они были спасены от порабощения и поглощения шахской Персией и султанской Турцией.

М. Налбандян был одним из первых мыслителей армянского народа, осознавшим единство интересов трудящихся масс армянского и русского народов. В этом проявились его историческая прозорливость и революционное чутье.

В 1857 г. Налбандян, публикуя в своем переводе роман французского писателя Эжена Сю «Агасфер», в приложенном к нему исследовании об ордене иезуитов вскрывает реакционную роль католицизма, давно уже являющегося орудием религиозного раскола армянского народа в целях его колониального закабаления западноевропейскими державами.

Не от государств надо ждать помощи в национальном освобождении, лишь сила народных масс может принести его — такова основная идея исследования. Не на государства, а на народ ориентирует общественную мысль Налбандян. В этом проявляется глубочайшая разница между буржуазными идеологами и демократами типа Чернышевского, Налбандяна и др.

Налбандяну была ясна руководящая роль русского народа и русской революционно-демократической мысли в социально-политическом движении этого периода. Он понимал необходимость связи национально-освободительного движения армянского народа с русским револю-

ционно-демократическим движением, и это определило идейно-политические и философские связи Налбандяна с русской революционной демократией.

Вместе с тем Налбандян показывал, как русский царизм, опираясь на крепостников, церковь и богачей-толстосумов, проводит политику жестокого национально-колониального угнетения нерусских народов России. Налбандян подчеркивал, что царизм уничтожил в Армении государственность и проводил в ней русификаторскую политику. Таким образом, Налбандян понимал, что царское самодержавие является злейшим врагом русского, армянского, украинского, грузинского, польского и других народов России.

Воспитываясь на произведениях великих русских революционных демократов 50—60-х годов и, так же как они, любя народ и страдая за него, Налбандян на каждом шагу своей деятельности убеждался, что вопреки царской реакционной политике жестокого национально-колониального угнетения лучшие сыны русского народа признавали права народов на национальную независимость и боролись против позорной политики натравливания народов России друг на друга.

Эту позорную предательскую политику проводили русские, украинские, армянские крепостники и буржуазия и их прислужники — националисты всех мастей.

В программу русских революционных демократов входило признание самостоятельности наряду с другими народами России и народов Кавказа. В тесном единстве с русскими революционными демократами вел борьбу против царизма и крепостников великий сын армянского народа М. Л. Налбандян.

В конце 50-х годов Налбандян устанавливает непосредственные связи с Чернышевским, с революционными организациями в России, с группой Герцена и с польскими революционерами.

С 1858 г. Налбандян полностью отдается литературной и публицистической деятельности. Он становится сотрудником журнала «Северное сияние» («Юсисапайл»), который издавался в Москве под редакцией буржуазного просветителя, либерала Назарянца, профессора Лазаревского института восточных языков. Журнал этот имеет перед армянским народом немаловажные заслуги. Он систематически и последовательно проводил идею

неразрывного союза армянского народа с русским народом. За отсутствием демократического армянского печатного органа Налбандян печатал свои статьи в «Юсисапайле», проводя в нем свою особую, демократическую линию. Налбандян развернул кипучую публицистическую деятельность, показывая антинародный, реакционный характер армянского духовенства, дворян, чиновничества и зарождающейся буржуазии. В журнале Налбандян из номера в номер публиковал свой знаменитый «Дневник» и много других произведений большой изобличительной силы, которые собственно и определяли лицо этого журнала.

Своими произведениями, проникнутыми глубокой ненавистью к угнетателям, он сыграл громадную роль в развитии национального и социального самосознания армянского народа.

Против Налбандяна ополчилась целая свора армянских крепостнических и либеральных борзописцев. Находя сходство взглядов Налбандяна со взглядами русских революционных демократов, они стали обвинять Налбандяна в измене «национальным традициям», в проповеди «чуждой идеологии».

В тайных доносах министру внутренних дел редактор реакционного журнала «Голубь Масиса» («Масяц ахавни»), отъявленный крепостник, архимандрит Г. Айвазовский сообщал о «бунтарстве» и «безбожии» Налбандяна и требовал его ссылки в Сибирь. По этим доносам Налбандян в 1859 г. неоднократно подвергался допросам. Цензура не пропускала его статей. В этот период Назарянц также ставил ему рогатки.

Над Налбандяном снова нависла опасность быть брошенным в тюрьму. Под предлогом болезни он в 1859 г. уехал за границу, где (в Лондоне) безуспешно пытался основать вольную армянскую типографию.

Из записной книжки Налбандяна видно, что по пути в Западную Европу он написал несколько писем Корсакову; можно предполагать, что это — А. С. Корсаков, член тайной революционной организации студентов Московского университета «Библиотека казанских студентов» (позднее член организации «Земля и Воля»). Возможно, что и сам Налбандян был членом «Библиотеки казанских студентов». Во всяком случае за границу он ехал, будучи глубоко убежденным, что только путем

вооруженной борьбы народа можно покончить со старым строем и создать строй демократический.

В 1859—1860 гг. в замечательных стихотворениях «Песнь итальянской девушки», «Дни детства» и «Свобода» он со всей ясностью высказывается за необходимость вооруженного свержения режима тирании.

В стихотворении «Дни детства» он писал:

Не лира черная теперь нужна —
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага! —
Вот жизни смысл, вот боевая речь[1].

Выражая откровенно революционные взгляды, Налбандян не мог уже сотрудничать в журнале Назарянца. Назарянц или не печатал или кромсал его произведения. После возвращения из-за границы, в 1860 г., Налбандян сделал еще одну попытку создать революционный орган в Петербурге через своего последователя М. Будагяна. Будагян официально обратился в соответствующие органы русского правительства за разрешением издавать газету, но получил отказ.

Налбандян очутился в чрезвычайно тяжелых условиях: он не мог развернуть революционно-демократическую пропаганду. В 1860 г. он защитил кандидатскую диссертацию по филологии; кандидатская степень давала право на самостоятельное ходатайство об издании печатного органа.

В том же году население Новой Нахичевани уполномочило Налбандяна получить завещанную армянскими богачами в Индии сумму на сооружение в Новой Нахичевани школ и других культурных учреждений. Налбандян охотно принял предложение, ибо он получал возможность по пути в Индию побывать в важнейших армянских центрах Закавказья и Турции, что было очень важно для сплочения революционно-демократических сил.

В стане армянских крепостников поднялась тревога. Журнал Айвазовского «Масяц ахавни» открыто писал, что Налбандян отправился в путешествие, чтобы поднять народ против существующего строя; константинопольский крепостник монах Чамурчян в журнале «Ере-

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 235.

вак» и в специальных брошюрах принял Налбандяна в штыки. Между тем всюду в армянских демократических кругах Налбандян встречал глубокое понимание своих взглядов.

Так, будучи в Константинополе, он создал организацию революционных демократов «Партию молодых» во главе с Арутюном Свачяном, возглавившую демократическую борьбу армянских трудящихся Турции. И в дальнейшем Налбандян идейно руководил этой организацией.

Проезжая через Закавказье, он завязал знакомство с демократическими кругами в Тифлисе. В работах Налбандяна неоднократно говорится о том, что у него имеется много сторонников в Тифлисе.

В Италии Налбандян был очевидцем народного ликования по поводу побед волонтеров Гарибальди. В письмах к А. Свачяну он горячо утверждал, что путь итальянского народа и является тем путем, которым только и возможно освобождение каждого народа. В Генуе Налбандян интересуется польскими революционными организациями. Эмигрантский центр в Лондоне — Герцен и Огарев в 1861 г. приняли его как друга и соратника; здесь же Налбандян познакомился с польским демократом, сотрудником и издателем «Колокола», Станиславом Тхоржевским, с которым и в дальнейшем сохранил письменную связь. В это путешествие Налбандян установил связь с Гарибальди и Мадзини, о чем свидетельствует напечатанное в настоящем издании письмо члена «Партии молодых» Тагворяна к Налбандяну. Важно подчеркнуть, что это была не случайная связь, она была установлена по рекомендации русских революционных демократов Москвы и Петербурга, активным проводником политики которых был Налбандян.

В свое время А. А. Слепцов, член центра общества «Земля и Воля», инициатором и вдохновителем которого был Н. П. Огарев, указал, что Налбандян был одним из организаторов этого общества и принимал непосредственное участие в создании его программы, изложенной Н. П. Огаревым в листовке «Что нужно народу?». Ряд положений Налбандяна в книге «Земледелие как верный путь», написанной и изданной в 1862 г. в Париже, подтверждает это сообщение. Сама книга создавалась у истоков общества «Земля и Воля», она явилась теоретическим обоснованием для армян его программы.

Весьма вероятно, что план труда «Земледелие как верный путь» Налбандян обсуждал с Огаревым и другими лондонскими своими друзьями. Огарев, хорошо зная содержание этой работы, придавал ей большое значение и, как видно из писем М. Бакунина, лично занимался вопросом транспортировки ее в Россию[1]. О близких связях армянских революционеров с лондонским центром свидетельствуют и попытки их установить секретные шифры.

Идейные связи Налбандяна с вождем русских революционных демократов — Чернышевским настолько очевидны, что не могут вызывать никаких сомнений. Есть основания предполагать, что Налбандян в 1858 г. лично познакомился с Чернышевским.

О знакомстве и сотрудничестве Налбандяна с Чернышевским косвенно свидетельствуют тесные связи Налбандяна с Н. Серно-Соловьевичем, одним из ближайших соратников Чернышевского, и личное знакомство с Ничипоренко, выполнявшим непосредственные поручения Чернышевского по части установления связи с вождями итальянского освободительного движения Гарибальди и Мадзини, с которыми и сам Налбандян установил связь в свою последнюю поездку по Италии.

Одновременно за Чернышевским и Налбандяном была установлена слежка. Провокатор безуспешно пытался выведать сведения о нем и о Чернышевском через Назарянца[2].

В мае 1862 г. Налбандян вернулся в Петербург. В это время царская жандармерия арестовала эмиссара лондонской группы революционных демократов Ветошникова, у которого были письма и поручения от Герцена, Огарева и Бакунина к Н. Серно-Соловьевичу, Налбандяну и др.

7 июля 1862 г. жандармам был отдан подписанный царем приказ об аресте Н. Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича и М. Налбандяна.

14 июля 1862 г. Налбандян был арестован в Новой Нахичевани, привезен в Петербург и заточен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где провел около трех лет. В своих трудах и письмах, написанных в

---

[1] См. *М. Лемке*, Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПБ. 1908, стр. 130.

[2] См. *М. Лемке*, Политические процессы в России 1860-х гг., Москва—Петроград 1923, стр. 216.

крепости, Налбандян, как и раньше, горячо и беззаветно защищает идею демократической революции.

Налбандян был замечательным конспиратором: даже через голову жандармов Петропавловской крепости он сумел установить тайные связи со своими соратниками, оставшимися на воле, например с А. Султаншахом, и напечатать свою замечательную работу «Национальное бедствие», написанную в крепости.

В апреле 1865 г. за связь с группой Герцена и Огарева он был приговорен к ссылке в город Камышин Саратовской губернии. 19 ноября 1865 г. он был доставлен туда уже тяжело больным, 31 апреля (12 мая) 1866 года Налбандян умер. Тело Налбандяна было перевезено в Новую Нахичевань, его похороны вылились в многолюдную народную манифестацию. Народ оплакивал выразителя своих чаяний, глашатая свободы, узника и жертву самодержавия.

Ни жестокие преследования, ни клевета злобствующих реакционеров, ни казематы Петропавловской крепости, ни ссылка, ни тяжелая болезнь не сломили железной воли Налбандяна. Он до конца оставался верным знамени революционной демократии, он пронес его незапятнанным через всю свою жизнь.

Налбандяна горячо любили и высоко ценили не только демократические деятели армянской культуры, но и русские революционные демократы. Герцен и Огарев в письме к Н. Серно-Соловьевичу писали: «N (Налбандян.— *А. X.*) золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости... Поклонитесь ему — это преблагороднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его»[1].

В высокой оценке Герценом и Огаревым деятельности Налбандяна выразилось горячее их желание видеть свободными все народы Российской империи. Герцен и Огарев первые правильно оценили значение революционной деятельности Налбандяна.

Но все громадное значение творчества и деятельности армянского революционного демократа можно понять только в свете марксистско-ленинского учения о наследстве русских революционных демократов, с которыми Налбандян был тесно связан в своей деятельности.

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 676.

***

Наиболее зрелый период жизни и деятельности Микаела Налбандяна падает на годы, когда в России происходило нарастание крестьянского антикрепостнического движения, приведшее в конце 50-х, начале 60-х годов к революционной ситуации. Создавшаяся революционная ситуация свидетельствовала, что феодально-крепостнические производственные отношения уже изжили себя, они стали величайшим тормозом на пути развития производительных сил России. Уничтожение крепостничества стало главным вопросом общественной жизни. Крестьянство подвергалось нещадной эксплуатации со стороны крепостников и буржуазии, хозяйство которых было вовлечено в международный капиталистический рынок, а также со стороны правительства, увеличивавшего налоговый гнет.

Кризис крепостничества, назревание революционной ситуации были характерны и для национальных окраин России, в частности для Закавказья, которое еще в 30-х годах было полностью вовлечено в орбиту экономической жизни России.

В Закавказье развивались товарно-капиталистические отношения; развитие их ускорялось воздействием экономики Южной и Центральной России, в чем сказывалась одна из прогрессивных сторон присоединения Закавказья к России. Однако вместе с этими процессами на трудящихся Закавказья кроме гнета своих крепостников и зарождающейся национальной буржуазии обрушивалось еще тяжелое бремя колониального ига царизма.

Народы отвечали борьбой, в которой ведущую роль играл русский народ, русское крестьянство. Если в 1858 г. по всей России отмечено 86 крестьянских волнений, в 1860 г.— 108, то в 1861 г., после опубликования «Положения», число волнений возросло до 1176.

Нарастание антикрепостнического движения происходит и в Закавказье. Хотя в Армении выступления крестьян не принимают таких размеров, как в России, но все же в ряде ее районов крестьянство и трудящиеся города открыто выступают против существующего общественного порядка — против феодалов: меликов, агаларов, беков, ханов, пашей, духовенства и других мироедов. В середине XIX века крестьянские волнения охватывают территории Лорийского, Зангезурского, Эчмиадзинского, Ереван-

ского и других уездов. В 60-х годах в Тифлисе происходит мощное выступление армянских и грузинских ремесленников — амкар.

Еще более значительные крестьянские волнения происходят в Грузии. Царское правительство высылает против восставших карательные отряды. Антикрепостническое освободительное движение поднимается с новой силой в 60-х годах и в турецкой части Армении, в Зейтуне и других вилайетах, а также в Константинополе. Самой славной страницей народно-освободительной борьбы было зейтунское восстание 1862 г., когда 30 тысяч трудящихся, отказавшихся от уплаты непосильных податей, в течение длительного времени отбивали натиск многочисленных турецких войск. Оно дало толчок развитию армянской демократической культуры, внушило народным массам уверенность в своих силах в борьбе против внутренних и внешних врагов.

Несмотря на свою стихийность, неорганизованность и разрозненность, антикрепостническое движение, охватившее крестьянские массы России и разных ее национальностей, расшатывало крепостнический строй, сплачивало эти массы на борьбу с общими врагами — с крепостниками и самодержавием. Для армянского народа это было и борьбой против кровавого, дикого режима турецкого султанизма. Лишь в свободной России армянский народ видел возможность своего национального объединения.

В. И. Ленин, характеризуя напряженное политическое положение в России 60-х годов, писал: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять *такое* «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный

взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»[1].

В своем произведении «Земледелие как верный путь» Налбандян подчеркивает неизбежность и близость краха русского самодержавия, австрийской монархии и турецкого султанизма, на обломках которых должна возникнуть новая, демократическая жизнь. Эта политическая перспектива вдохновляет его на великий подвиг. Вместе с русскими революционными демократами, последовательно отстаивая интересы народных масс, крестьянства, Налбандян возглавляет армянских демократов в подготовке крестьянской революции.

Налбандян возглавляет эту борьбу армянских демократов в конце 50-х годов XIX века, когда вопросы уничтожения крепостничества и национального освобождения становятся центральными для России и ее окраин.

Вопросы демократического движения Налбандяну приходилось решать в ожесточенной борьбе с крепостниками Армении (Габриэл Айвазовский, Мандинян, Джалалян, Чамурчян, Мсер Мсерянц и др.). Эти армянские церковники в большинстве состояли на службе царской охранки; они имели свои органы печати: «Пчела Армении» («Мегу Айастани»), «Голубь Масиса» («Масяц ахавни»), «Старина» («Чраках»), «Планета» («Еревак»), где жестоко преследовалось всякое проявление прогрессивной мысли.

Противоречия, существовавшие среди армянских крепостников, клерикалов и либералов, не мешали их выступлению в конце 50-х годов единым фронтом против демократического направления, возглавляемого М. Налбандяном. В обстановке обострения кризиса крепостничества и активизации антикрепостнической русской революционной демократии армянские клерикалы-крепостники и зарождавшаяся буржуазия одинаково поддерживали политику царского самодержавия. Буржуазный просветитель либерал Назарянц при всей своей оппозиции по отношению к крепостникам политически с ними не порывал; он призывал царизм к реформам ради спасения самодержавия от разгрома революционным народом.

Отвергая политику либералов, Налбандян выступает решительным сторонником уничтожения султанизма,

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, стр. 26—27.

самодержавно-крепостнических порядков, колониального ига путем вооруженного восстания народных масс Армении под руководством русского народа совместно с другими народами.

«Характеру нынешнего времени, особенно второй половины текущего столетия,— пишет он,— свойственно поднимать такие вопросы, разрешение которых может улучшить положение всего человечества на земле»[1].

Начиная с 1859 г. в «Дневнике», в письмах к А. Свачяну, в художественных произведениях, в работах «Две строки», «Земледелие как верный путь», «Критика «Сос и Вардитер»», «Гегель и его время» Налбандян неотступно проводит идею вооруженного восстания, революционного уничтожения крепостничества и колониального ига.

Сквозь рогатки царской цензуры, используя маломальски прогрессивные армянские издательства в России, Турции и за границей, Налбандян пропагандирует идею. что условия победы демократии над крепостниками уже созрели, что в конце 50-х годов наступил канун революционно-демократического и национально-освободительного движения в Российской империи и в ряде других стран. Выступая против защиты царского самодержавия либералами-крепостниками, внушавшими, что лучше остаться живым в тюрьме, нежели умереть вне тюрьмы, Налбандян, уверенный в силе народа, писал: «Ложь! Лучше умереть на воле, чем жить в тюрьме!..»

«В удивительное время мы живем! Словно эти перемены уже начались, словно нам суждено быть свидетелями их начала»[2]

В период реформы 1861 г., выражая настроения крестьян, он писал: «Мы не хотим впредь оставаться в тех отношениях, при которых вы сгноили наших предков и гноите нас. Вековыми рубцами покрыты наши спины, безудержное варварство неумолимо душит нас. Юные наши дочери пали жертвой насилия наших безжалостных господ, а о женах и говорить нечего! Детей наших они обменивали на собак. Нет, впредь немыслимо оставаться в прежних отношениях!»[3].

---

[1] *М. Налбандян*, Настоящее издание, стр. 146.
[2] Там же, стр. 310, 311.
[3] Там же, стр. 409.

В своих произведениях Налбандян показывает закономерность возникновения демократической революции, неизбежность возмущения народа, доведенного крепостниками и их правительствами до края гибели. Чтобы изменить пути экономического развития, народ должен применить «чрезвычайные меры» — должен прибегнуть к насилию, к революции. Налбандян подвергает жестокой критике тех, кто в бедности народа видит его слабость, ибо бедность, нищета, гнет рождают ярость, которую народ направит против существующего строя.

Красной нитью в произведениях Налбандяна проходит революционно-демократическая идея, что народ получит свое избавление, отказавшись от покорности и став на путь вооруженной борьбы. Армянских либералов в Турции, проповедующих покорность и смирение, он называет стадом скота, выполняющим волю крепостников.

Налбандян в разные годы своей деятельности придавал большее или меньшее значение просветительству. Однако в 60-х годах главным в антикрепостническом движении он считал революционную борьбу народа. В работе «Земледелие как верный путь» Налбандян выступает против либеральной проповеди нравственного усовершенствования народа в условиях крепостничества. «Вообще могут ли народные массы думать о свете или мраке, когда они с утра озабочены одним вопросом — как бы прокормиться и прокормить свою семью?

Мы не верим в это. В рабстве, в нищете нет и не может быть просвещения!

Оставим это, умозрительная философия в наши дни значения не имеет»[1]. Он был убежден, что ни просветительство, ни реформы не могут коренным образом изменить положение народа. Упование на них вредно, ибо это половинчатые меры, а половинчатые меры не только не приведут к цели, но могут повредить народу как в материальном, так и в нравственном отношении. Реформистский же путь, проводимый сверху в условиях крепостничества, он сравнивал с росой перед восходом палящего солнца. Освобождение общества должно притти не сверху, а снизу, не от государства, а от народа.

Условием приобщения народа к культуре и просвещению он считает решительное улучшение материальной

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 425.

жизни. Это может быть достигнуто лишь революционным путем.

В освобождении трудящихся его позиция была прозрачно ясной. Кто хочет свободы, тот должен с оружием в руках идти на стан врага, против дворян-разбойников, захвативших общественную землю.

Для освобождения народа он был готов пролить свою кровь каплю за каплей. Налбандян писал: «...тот злосчастный армянин, тот жалкий, нищий, голый и голодный армянин, угнетаемый не только чужими варварами, но и своими богачами, своим духовенством и полуграмотными, так называемыми учеными или философами, — этот армянин по всей справедливости привлекает наше внимание, и ему именно, не колеблясь ни секунды, посвятили мы все наши силы.

Защищать нещадно попираемые права этого армянина — вот подлинный смысл и цель нашей жизни. И чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой и *будем служить ей* не только словом и пером, но и *оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять в руки оружие и освятить своей кровью провозглашаемую нами доселе свободу.*

Вот наше кредо, в котором мы видим спасение нашего народа»[1].

Не армянским крепостникам, Чамурчяну, Айвазовскому и др., было запугать Налбандяна обвинением в принадлежности к социализму. Жалкие люди! Они мерили великого революционера по себе!

Революционный демократ Налбандян жестоко критиковал буржуазные революции, буржуазные порядки в Западной Европе и Америке.

Буржуазные революции совершались, говорит он, под лозунгами свободы, равенства и братства. Однако ни один из них не был осуществлен. Эти лозунги в руках буржуазии были орудием, направляющим народные массы на стан крепостников, на разрушение феодализма. Но буржуазные революции народу ничего не дали. Народ не получил средства производства. Попрежнему его уделом осталась жестокая эксплуатация. На него обрушивались жестокие капиталистические кризисы, выбрасывавшие огромные массы трудового народа на улицу. Основ-

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 371. Курсив мой.— *А. Х.*

ную мысль Налбандяна о капитализме можно было бы сформулировать так: в условиях, когда народ не имеет средств производства, а у кормила власти стоят эксплуататоры, никакое развитие производства не может быть выходом для трудящихся.

Таким образом, Налбандян в известной мере подходил к пониманию специфики противоречий капиталистического способа производства и делал вывод о неизбежности революционного свержения капитализма. Эти положения Налбандян подкреплял опытом чартистского движения в Англии и революции 1848 г. в Центральной Европе.

Правда, Налбандян совершенно не понял, что в этих революционных движениях на арену истории выступил новый, единственно до конца последовательный революционный класс—пролетариат. Рабочие для Налбандяна—те же трудящиеся, что и крепостное крестьянство. В этом ясно обнаруживается ограниченность его понимания классовой борьбы и революции. Однако очень важно, что Налбандян подвергает критике ограниченность буржуазной революции, обнаруживает реакционность буржуазии.

В противовес буржуазной революции Налбандян выдвигает необходимость народной революции, которая, по его идее, должна дать в руки трудящихся средства производства, прежде всего землю, и власть.

Вслед за Герценом и Чернышевским Налбандян защищал «общинный крестьянский социализм».

Как и Герцен и Чернышевский, Налбандян связывал новый социальный строй с победой общинного начала, передачей всей земли сельским и городским общинам.

В своих произведениях он писал о преимуществе свободного труда перед подневольным, о превосходстве коллективного труда перед индивидуальным.

Налбандян предвидит высокое развитие в будущем машинной техники, в частности использование электроэнергии в производстве будущего.

Указывая на примере Англии на чрезмерную диспропорцию в развитии промышленности и сельского хозяйства, а также на нищету и грязь рабочих кварталов капиталистического города, он защищает принцип пропорционального развития сельского хозяйства и промышленности. Однако экономическая отсталость Армении и России не позволила ему найти правильное решение

затронутых вопросов. Он склонялся к выводу, что основное в экономике — это сельское хозяйство. Общинный крестьянский социализм — это ненаучный, утопический социализм, однако проповедь необходимости его утверждения демократическим революционным путем имела прогрессивное значение.

Налбандяну чужд был пессимизм относительно перспектив развития Западной Европы. Неизбежность революционных потрясений он предсказывает и капиталистической Европе, ибо, как и крепостной строй, капитализм не способен разрешить социальный вопрос.

«...Вопрос этот,— писал уверенно Налбандян,— будет разрешен рано или поздно, хотя бы ужасными бурями. Никакое насилие, никакая консервативная система, никакое сопротивление, с какой бы стороны оно ни исходило, помешать этому не может, не может помешать и то, что сегодня пророки и апостолы этого будущего подвергаются преследованиям и ссылкам» [1].

Он обращал свой взор на европейских трудящихся. Налбандян утверждал, что социальный вопрос в Азии будет разрешен при взаимодействии с Европой. Причем главный центр революционного движения в Европе он видел в России.

Буржуазные революции Налбандян подвергает критике и за их неспособность разрешить национальный вопрос.

В условиях, когда социальный гнет тесно переплетен с национальным, Налбандян не мыслит решения национального вопроса без разрешения социального вопроса. Как последовательный революционный демократ и социалист Налбандян — «враг деспотизма, в какой бы форме он ни проявлялся».

Деспотизм в области национальных отношений, порабощение одних народов другими он рассматривал как величайший тормоз прогрессивного демократического развития народов, он разоблачал «цивилизаторскую» миссию капиталистических хищников в колониях, подвергал последовательной критике буржуазный национализм, расизм и космополитизм.

Составной частью революционного преобразования существующих режимов Налбандян считал решение национального вопроса.

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 435.

Революционно-демократический характер деятельности Налбандяна нельзя понять вне учета важной ее особенности — стремления глубоко разработать национальный вопрос. И это стремление не случайно, ибо армянский народ в тот период изнывал не только под тяжким колониальным игом царизма и султанизма, но и западноевропейских хищников, прибравших к своим рукам Турцию, в составе которой находилась часть Армении. С другой стороны, это было обусловлено мощным подъемом демократического и национально-освободительного движения в России, на ее национальных окраинах — в Польше, на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, Закавказье, а также на Балканах и в Италии.

Правильное, революционно-демократическое решение национального вопроса в этот период давали Герцен, Чернышевский и их последователи. Они отстаивали свободу и равноправие народов.

Опираясь на высказывания Герцена и Чернышевского, Налбандян теоретически обосновывал революционно-демократические требования национальной самостоятельности народов.

Образование наций он связывает с возникновением в XV — XVI веках в Западной Европе абсолютных монархий в их борьбе с римским папой, с местническими стремлениями феодалов; возникновение наций было также следствием «развития того просвещения, которое требовало: объединение, национальность, королевство» [1].

Утверждения эти, особенно последнее, обнаруживают идеализм в общественных воззрениях Налбандяна. Не будучи материалистом в понимании общественного развития, он не видел, что процесс возникновения центральной королевской власти и потребность национального объединения были обусловлены более глубоким процессом формирования буржуазии и буржуазных производственных отношений. Однако он понимал, что нации — явление историческое, что их возникновение связано с определенным общественным движением.

Налбандян считал, что нации возникают, развиваются и со временем, на более высокой ступени развития общества, отомрут. «Человек еще не достиг той ступени, чтобы жить без вторичного, официального имени (как нацио-

---

[1] *М. Налбандян,* Полное собрание сочинений, т. II, стр. 117.

нальность.— *А. Х.*), со своим естественным названием *человек»*[1].

Существование наций — исторический факт, с которым нельзя не считаться. «Когда человек, приезжая в ту или иную страну, рекомендуется англичанином, немцем и т. д. и т. д., а не человеком вообще.., — пишет он, — нам остается признать это явление фактом...»[2].

Национальная форма жизни народов, по Налбандяну, необходима для прогрессивного развития человечества, но она не вечна. Нация — одно из состояний непрерывно развивающегося человеческого рода. Налбандян подвергает критике буржуазную теорию нации; если расистская теория утверждает, что нации вечны и неизменны, рассуждает Налбандян, то она должна отрицать образование и возникновение новых наций. Между тем история показывает, что не только современные нации, но и некоторые современные народы в древности не существовали. «Как же тогда быть с новыми народами, новыми нациями, которых не было прежде, что же они только что родились, созданы или выросли из-под земли?»[3], — иронизирует он.

Налбандян безусловно отвергает реакционно-идеали стический расистский, антиисторический взгляд, согласно которому нации возникли из кровного родства (проповедником этого взгляда в Армении был, в частности, крепостник Айвазовский).

Эта расистская теория мистифицирует нацию, отрывает ее от реальной исторической почвы, отрицает значение таких явлений, как смешение племен и народов, и служит для натравливания одних народов против других.

Но, к счастью, отмечает Налбандян, нет возможности установить, какая нация из какого рода или племени происходит, «...ведь в противном случае неродственные племена, которые смешивались некогда с исконными, коренными армянами и тысячелетиями разделяли их судьбу, их горе и радости и которые сегодня сами носят имя армян,— не стали бы признаваться за настоящих армян»[4].

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 436.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 437.

[4] Там же, стр. 549.

Рассматривая нации как результат единства исторических судеб больших групп людей в их развитии, как исторически обусловленное качественное состояние человеческого общества, Налбандян пытается установить некоторые признаки, характеризующие нации. «Нация есть не что иное, как группа людей, у которой имеется своя общественная жизнь, свое общественное сознание, общественная форма, стиль для выражения этого сознания»[1]. Эти признаки он прослеживает при характеристике русских, украинцев, поляков, армян, грузин и др.

Итак, наиболее характерными признаками нации, по мнению Налбандяна, являются своя общественная жизнь, свое национальное сознание и язык. В начальный период своей деятельности (например, в «Речи об армянской словесности») одним из признаков нации он считал общность религии, но впоследствии убедился в реакционности этого положения и подверг его критике в «Критике «Сос и Вардитер»» и в других произведениях.

В произведении «Земледелие как верный путь» Налбандян, пропагандируя необходимость развития экономики своего народа, утверждает, что без мощной самостоятельной экономики «нация не может быть жизнедеятельной, она — фикция, она погибнет. Экономика — вот сила,... развитие которой может обеспечить равноправие нации перед лицом внешних сил, сила, которой и живет нация»[2].

Говоря о национальном сознании (психике), составляющем важный признак нации, Налбандян не сводит его к биологической основе и не видит в нем нечто застывшее, неизменное. Общность черт характера, национального сознания, культуры наций свидетельствует о сходстве их исторического прошлого, способствует солидарности между нациями. Об этом говорят, например, культурные связи армян и азербайджанцев. Азербайджанцы, пишет Налбандян, с глубоким чувством поют армянские песни «Жаль тебя, бедный армянский народ», «Крунк», а армяне — азербайджанские песни «Кёр-Оглы», «Серебряный нож Айваза», «Песни Кярима», «Ашик-Кериб».

В свете сказанного понятно, почему Налбандян главным в жизни нации и разрешении национального вопроса считает борьбу за преобразование экономики.

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 570.
[2] Там же, стр. 446.

Попытки Налбандяна определить некоторые характерные признаки нации свидетельствуют о его громадном историческом чутье, о плодотворности выдвинутых им положений. Эти положения Налбандяна теоретически обосновывали революционно-демократическую программу в национальном вопросе и служили идейной основой борьбы армянских революционных демократов за свободу и самостоятельность наций, за их экономический и культурный расцвет, за дружбу народов, основой борьбы против колонизаторской политики эксплуататорских классов и национализма.

Важным в учении Налбандяна о нации является его убеждение, что носителем как нравственного, так и материального богатства нации являются составляющие ее миллионы простого народа. Простой народ, т. е. трудящиеся, а не эксплуататоры, «богачи и люди с высокими званиями», составляет подлинную основу нации. Он создает как материальные, так и духовные богатства нации. Отсюда Налбандян выдвигает идею такого устройства национальной жизни, чтобы все богатства принадлежали их создателю — простому народу.

Налбандян понимал противоречивый характер современных ему наций, понимал, что нация не представляет собой единого целого в социальном отношении. Со всей силой обличения он обрушивался на либерально-буржуазное славословие о богатстве английской и французской наций, показывал, что трудящиеся Англии и Франции бедны и нищи, ибо несметные богатства этих стран, созданные народом, принадлежат кучке эксплуататоров.

Налбандян анализировал общественные явления современной ему действительности под знаком вскрытия внутренних социальных противоречий, с одной стороны, и межнациональных противоречий — с другой. «В Неаполе почти в той же мере налицо те три отличные друг от друга понятия, как и в Мессине,— писал он,— видно, что так и по всей Италии: простой народ — за Гарибальди, средний класс — за Виктора-Эммануила, а дворяне — жалкие реакционеры»[1]. Он показывает, что итальянское дворянство в одном лагере с австрийской монархией борется против итальянского народа.

---

[1] *М. Налбандян*, Настоящее издание, стр. 629.

Анализируя итальянское освободительное движение, Налбандян пришел по существу к тем же выводам, что и Чернышевский, который писал, что «...связь по принадлежности к одной и той же партии гораздо крепче, нежели связь по национальности, а вражда по различию партий — выше недоверия, внушаемого иноземцами»[1].

Налбандян подчеркивал, что в итальянском движении существует единство линий Габсбургов и Рима, Меттерниха и Наполеона.

Рассматривая национально-освободительное движение в свете борьбы реакционных и прогрессивных сил общества, он показывал, что крепостники — враги своей нации, а трудящиеся — последовательные защитники национальных интересов. Он ясно понимал, что национальное освобождение и демократические преобразования в Армении должны совершить трудящиеся, а не буржуазия. Он изобличал армянскую буржуазию и ее идеологов (Сервичена и других) в национальном предательстве.

Преступным, антинациональным явлением современности Налбандян считал колонизаторскую политику Англии, Франции, Австрии, Пруссии, России, Америки и других государств.

Разоблачая колониально-феодальный режим австрийской монархии, сосавшей кровь народов Италии и Балкан, клеймя режим русского самодержавия, показывая их непрочность, Налбандян указывал угнетенному армянскому народу путь избавления от колониального ига, путь революционной борьбы, примером которой являлось движение, возглавленное в Италии Гарибальди и Мадзини, путь, к которому звали революционные демократы в России.

В труде «Земледелие как верный путь» и в других работах Налбандян обращает свое революционное негодование против колониальной политики Англии, Франции и Америки в отношении армянского народа: «Армяне в Турции находятся вне всякой защиты. Английское и французское правительства употребляют это в свою пользу», они интригуют Порту против армян, устраивают резню, религиозные расколы с целью увеличения своего

---

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Полное собрание сочинений, т. V, СПБ 1906, стр. 337.

«нравственного влияния» на армян, чтобы превратить их в своих агентов на Ближнем Востоке. Эту политику еще в 20-х годах XIX века начал проводить «доктор золотушных болезней Луи Филипп».

Срывая личину «цивилизатора» с колониальной Англии, Налбандян изобличает ее захватнические стремления. Налбандян указывает, что колониальные державы проводят грабительскую политику в Индии, Китае и в других колониальных и полуколониальных странах. Налбандян видит сущность их «цивилизаторской» роли в грабеже и отравлении народов. Он критикует беспочвенные иллюзии относительно английской помощи в деле освобождения европейских народов; правильная политика должна ориентироваться на демократическое движение русского народа, возглавляемое лозунгом: «Землю и волю всем народам России».

Налбандян сделал глубоко верный вывод, что «зарождающуюся в России свободу смело можно назвать свободой для человечества, ибо она имеет под собой почву, так как русские не только для себя добиваются свободы, они проповедуют независимость от Великороссии для Польши и Финляндии, Малороссии... Кавказа, Грузии и Армении, для того чтобы 43 млн. собственно русского народа обрело подлинное освобождение, отвергло начало всякого рабства и насилия и, собрав свои моральные и материальные силы, вкусило счастье после тысячелетнего рабства и преуспело в цивилизации» [1].

Ориентация на Западную Европу вредна, ибо, как показывает опыт, капиталистические государства Запада поддерживают от развала кровавый султанизм Турции, чтобы превращенные ею в рабов армянский, славянские и греческий народы не лишились своего «цивилизующего опекуна»,— с возмущением иронизировал Налбандян. Он призывал разоблачать как предателей тех, что ориентирует армянский народ на капиталистические державы Запада и на Америку с ее пресловутой свободой. «Свобода — только наживка на удочке протестантских проповедников,—горе простачку, попавшемуся на приманку!— рабство — вечный его удел»[2],— писал он о деятельности американских агентов-миссионеров на Ближнем Востоке.

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 413.

[2] Там же, стр. 611.

И до сих пор звучат гневным протестом слова Налбандяна против капиталистических «цивилизаторов»: «Их школами являются тюрьмы, воспитателями — полицейские и жандармы, книгами жизни — цепи, высшей школой морального усовершенствования — ссылка, «вратами, ведущими к вечной жизни»,— позорный столб, виселица и эшафот.

Да здравствует кошка, ловящая мышь во имя своего брюха!»[1].

Вскрывая реакционную сущность капиталистической политики «европейского равновесия» — другого фальшивого аргумента для прикрытия колониальных разбоев, Налбандян предостерегал капиталистических хищников от карающей руки угнетенных народов, требованием которых является национальное равноправие и установление у себя на родине демократических порядков. В доказательство он указывал на мощное национально-освободительное движение итальянского и балканских народов, поляков, ирландцев и индийцев (восстание сипаев).

Пока существует современный строй экономического и политического порабощения с его политикой «закалывать целого быка другой нации» «ради куска жареного мяса», не может быть национальной свободы и для трудящегося народа нации порабощающей. «Достойно особого внимания вот что,— писал он.— Сама эта могущественная нация не имеет никакой пользы от приписываемых ей выгод... Люди, нации которых приводят в трепет весь земной шар от полюса до полюса, тоже являются рабами своих государств .. Над человеком тяготеют чары государств. Он несет тяжкое бремя нищеты, не давая себе отчета — во имя чего эти лишения!»[2] Ясное понимание противоречий в общественных отношениях не позволяло Налбандяну отождествлять народы стран-захватчиков с господствующими классами и правительствами этих стран. Напротив, он подчеркивал единство интересов трудящихся и считал необходимым укреплять интернациональные связи и дружбу народов. Он требовал решительного разрыва народа с политикой господствующих классов, так как «человек не свободен до тех пор, пока он... совершает насилие над своим товарищем» иной национальности.

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 444.
[2] Там же, стр. 441.

Налбандян доказывал неизбежность поражения государств, которые строят свою жизнь на политике национального гнета и порабощения других народов, он предсказывал крах не только австрийской монархии и русского царизма, но и Британской империи.

Злейшими врагами демократии Налбандян считал националистов и космополитов. Космополитизм, отмечал он, отрицая нацию, национальную самобытность и самостоятельность народов, превращает само человечество в «бесплотную абстракцию»; космополитизм представляет «самое ужасное зрелище», самую «жалкую философию и плачевное учение», ибо он, прикрываясь общечеловеческим интересом, проповедует подчинение малых народов великим и тем оправдывает колониальный разбой так называемых великих держав. Налбандян доказывал необходимость борьбы за национальную самостоятельность, которая при демократическом строе не имеет ничего общего с буржуазным воинствующим национализмом и способствует дружеским интернациональным связям.

«Нация должна иметь свое национальное (свой национальный облик.— *А. Х.*), это — личность нации: как не может быть человека без личности,— пишет он,— так не может быть нации без национального...» Но «личность не только не препятствие, а, напротив, средство для того, чтобы свободно и в совершенстве познать другого человека, другую личность. Точно так же собственно национальное какой-либо нации дает ей возможность познать другую национальность, а с познанием и оценкой других национальностей исчезает эгоистический, фанатический и бесчеловечный характер национальности»[1].

Налбандян призывал к защите национальных прав и интересов, как пламенный революционный демократ-патриот, он говорил, что нация нужна и полезна, если она требует равного права для всех народов, если она признает без различия все национальности, если она — потребность, право членов нации, если она ставит задачу разрешить экономический вопрос[2].

Таким образом, по мнению Налбандяна, истинное решение национального вопроса заключается в безусловном признании равноправия, свободы и самостоятельности народов и наций. Налбандян убежден, что эта про-

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 149—150.
[2] См. там же, стр. 446.

грамма по национальному вопросу может получить свое разрешение только в демократической, антикрепостнической революции.

Истинную любовь к народу, истинный патриотизм Налбандян понимает как борьбу против крепостнического и буржуазного строя. Совершенно очевидно, что патриотизм Налбандяна свободен от националистических предрассудков и в основе своей революционен. Налбандян решительно выступал против попыток армянской буржуазии подчинить национально-освободительное движение армян своим интересам, против возбуждения буржуазией фанатического, слепого национализма и шовинизма.

Еще на заре возникновения армянской буржуазии он отвергает ее притязание на патриотизм, доказывает безразличие ее к национальным интересам.

«Патриот? Как бы не так! — писал Налбандян об армянском буржуа. — Почему не называться тебе чревоугодником, корыстолюбцем?.. Не только почетное имя патриота, но и весь свой народ... ты... продашь за две копейки» [1].

Наглядным примером национального предательства было отношение армянской буржуазии к так называемому «конституционному» движению в Турции в 60-х годах XIX века, когда она вкупе с армянскими клерикалами-крепостниками присоединилась к турецкому султанизму, заключила союз с турецкими пашами и жестоко расправилась с армянской демократией.

Острой критике подверг Налбандян попытку изолировать армянское национально-освободительное движение от того демократического, имевшего, по его убеждению, «общечеловеческое значение» движения, которое развернулось в России против самодержавия и крепостничества. Он резко критиковал националистические веяния в поэзии крупнейшего поэта-реалиста Рафаэля Патканяна. Он клеймил трусость армянской буржуазии, предпочитающей слово оружию, высокопарную болтовню — делу. Всю свою кипучую жизнь посвятил Налбандян делу объединения армянского народа с народами России против самодержавно-крепостнического строя. Он верил, что возникшее в России, в Италии и на Балканах революци-

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 183.

онно-демократическое и национально-освободительное движение сметет на своем пути реакционные феодально-монархические режимы и приведет к новому строю, свободному от социально-политического и национального угнетения. Трудящимся многочисленных народов и наций России Налбандян завещал крепить братскую дружбу.

Со строем будущего Налбандян связывал возможность осуществления свободы и равноправия наций, а впоследствии и их исчезновение. Иначе говоря, идеи революционно-демократического и национально-освободительного движения он соединял с идеей социализма, хотя и не научного. «Нам могут вновь возразить,— писал он,— что, если, с нашей точки зрения, существует лишь одна проблема, о человеке и хлебе... значит — национальный вопрос не заслуживает никакого внимания; живет ли человек под именем армянина или под каким-либо другим — он тот же самый человек и т. д.

Да, если равноправие сегодня будет признано на всем земном шаре, если исчезнут существующие теперь государственные системы, то назавтра уже не только не будет национального вопроса, но и надобности в нем не будет» [1].

Итак, единственно правильным путем решения национального вопроса Налбандян считает самостоятельное национальное развитие народов на основе революционно-демократического преобразования общества.

«Пусть каждый народ,— писал Налбандян,— сохранит свой национальный облик, пусть свободно и ярко расцветает любая национальность в человеческом мире!»[2]

Однако как ни были прогрессивны взгляды армянского мыслителя на нацию, он все же не дал и не мог дать научного решения поднятых им вопросов; он только приблизился к точке зрения исторического материализма в понимании сущности нации. Он не мог понять закономерного характера складывания наций в период крушения феодализма и победы капитализма. И подчас смешивал такие понятия, как «народ» и «нация». Критикуя присущий буржуазии национализм, Налбандян не понял буржуазного характера национально-освободительных движений того периода. Окончательное решение нацио-

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 435.
[2] Там же, стр. 150.

нального вопроса он ошибочно связывал с общинным крестьянским социализмом, но наряду с Чернышевским он ближе всех подошел к правильному пониманию нации и национального вопроса, детальнее и глубже разработал национальный вопрос, чем кто-либо из его современников — революционных демократов.

Правильное решение национального вопроса, научное обоснование происхождения, формирования и развития наций стало возможным в результате революционного переворота в науке об обществе, в результате открытия законов исторического материализма; это решение дается учением марксизма-ленинизма, разрешение же национального вопроса стало возможным лишь в условиях победы рабочего класса. Об этом свидетельствует опыт нашего многонационального Советского государства, опыт стран народной демократии.

Народы нашего многонационального государства под руководством великой Коммунистической партии Советского Союза, развивая национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру, построили социализм и, укрепляя дружбу народов, строят коммунистическое общество.

Самоотверженная борьба Налбандяна за дружбу армянского народа с великим русским народом, с народами Кавказа, Украины, Белоруссии и другими сыграла важную роль в развитии прогрессивной революционной мысли и культуры армянского народа и продолжает служить его сближению с народами Советского Союза.

Налбандян был революционным демократом, интернационалистом и армянским патриотом. Вся деятельность его служила одной цели — подготовке демократической антифеодальной революции.

Великий Ленин высоко оценил значение борьбы, которую в 50—60-х годах вели революционные демократы: «Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов» [1].

Одним из великих деятелей 60-х годов был соратник русских революционных демократов Налбандян.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, стр. 100.

***

Налбандян в процессе формирования своего мировоззрения прошел путь от идеализма к материализму.

Не являясь последователем какой-либо идеалистической философской школы, Налбандян в начальный период своей деятельности не был свободен от религиозных представлений. Освобождению от этих представлений способствовала революционно-демократическая деятельность Налбандяна, непримиримая борьба против крепостничества и его идеологии. В наиболее зрелые годы его жизни материализм и диалектика составляли теоретическую основу его революционной деятельности.

В формировании материалистических взглядов Налбандяна известную роль сыграло изучение им естествознания в Московском университете. Будучи на медицинском факультете, Налбандян основательно изучал не только специально медицинские науки, но и химию и биологию. Глубоко интересовало его, в частности, эволюционное учение в естествознании, крупнейшим представителем которого в России был профессор Московского университета К. Рулье.

В борьбе против крепостников и крепостнической идеологии Налбандян черпал силы в арсенале русской передовой материалистической философии. Особенно большое влияние на формирование взглядов Налбандяна имели Белинский, Герцен и Чернышевский.

Налбандян находился в самой тесной идейной и политической связи с Чернышевским. Через работу Налбандяна «Земледелие как верный путь» красной нитью проходит основная философская идея работы Чернышевского «Антропологический принцип в философии» — идея материалистического монизма как единственно правильного принципа в философии. В набросках работы «Гегель и его время» Налбандян неоднократно цитирует Чернышевского, считая его наиболее передовым философом-материалистом и революционером. Он открыто объявляет себя его соратником, отождествляя свою позицию в философии с позицией Чернышевского.

Налбандян солидарен с Чернышевским не только в критике идеалистической философии Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, но и в положительном отношении к диалектике. При оценке диалектики он ссылается на

«Критику философских предубеждений против общинного владения» Чернышевского.

Налбандян изучал также материалистические произведения западноевропейских мыслителей, в частности «Сущность христианства» Л. Фейербаха.

Будучи выдающимся идейным соратником гениального Чернышевского, Налбандян наряду с русскими материалистами развивал и совершенствовал материалистическую теорию. Он был из той когорты борцов, мысль которых неустанно работала в поисках правильной теории в борьбе против феодально-крепостнического режима и всякого мракобесия. Философия для Налбандяна — не самоцель, она должна объяснять жизнь и служить орудием освобождения трудящихся. Философию, которая не служит улучшению жизни человека, он объявляет софистикой. «Человек лишен приюта,— пишет он,— человек не имеет хлеба, человек раздет и разут... Найти простой и естественный путь... чтобы человек обрел себе приют, имел хлеб, прикрыл свою наготу, удовлетворил природные потребности,— в этом суть философии» [1].

Философия, по Налбандяну, должна заниматься реально существующими вещами.

Содержанием, предметом философии, говорит Налбандян, должны быть природа и человеческое общество. Быть философом — значит уметь правильно понимать законы природы и общества.

«В мире нет ничего, что совершалось бы против законов природы. То, что противоречит законам природы,— ложно» [2],— пишет он.

Природа вечна, несотворима и неуничтожима. «В природе,—писал Налбандян в труде «Земледелие как верный путь»,— ничто не пропадает» [3]. Нетрудно заметить, что это не что иное, как формулировка закона сохранения материи, который является нерушимой научной основой материализма. Вслед за Джордано Бруно Налбандян утверждал, что природа бесконечна во времени и в пространстве, в ней существует бесконечное число миров.

Защищая положение о вечности, следовательно, о несотворимости и неуничтожимости материи, Налбандян

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 460.
[2] Там же, стр. 572.
[3] Там же, стр. 439.

подчеркивает ее изменяемость. Всегда существовали вещи, тела, но «вещи и тела вечны в своих преобразованиях».

«Все вещи в природе,— пишет Налбандян,— подчиняются общим законам природы. Но известно также, что бессмертие вещей, организмов осуществляется через смену поколений. Вещи не египетские мумии, у которых сохраняются окостенелые формы и положения...» [1]

Развивая это положение, Налбандян делает вывод, что величайшей революцией в природе было возникновение живой природы из неживой. О глубине понимания им этого вопроса свидетельствует его критика попыток упрощенно объяснить возникновение жизни чисто количественной комбинацией неживой материи.

Он уверен, что завоевания науки, особенно химии, раскроют загадку перехода от неорганической к живой материи. Химия, писал он, уж на «...рубеже, на пороге, где положительно кончается граница разных умствований и начинается новый истинный мир»[2].

Наука, писал Налбандян, накопила уже достаточно фактов, которые опровергают идею сотворения мира и подтверждают, что как неорганический, так и органический мир имеют историю и что органическая материя является результатом естественного развития неорганической природы. Он отвергает антиисторическую, ненаучную точку зрения Либиха о вечности жизни. Налбандян, опираясь на успехи эмбриологии, которая неопровержимо доказывает единство происхождения живых организмов, борется против идеализма и религии, воздвигшей непроходимую стену между природой и животным миром и между видами животных. «Эмбриология,— пишет он,— это... великолепная наука, правда, она еще молода, но какая будущность ожидает ее,— это словами почти выразить нельзя, у благочестивых идеалистов волосы дыбом поднимутся, а в Испании, пожалуй, что снова запылают костры инквизиции!!»[3]

Налбандян стремился установить закономерности развития органического мира. Вслед за русским ученым К. Рулье он считал, что развитие и изменение организ-

---

[1] *М. Налбандян,* Полное собрание сочинений, т. I, стр. 22.
[2] *М. Налбандян,* Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 171.
[3] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 654.

мов происходит под воздействием внешней среды. «Организация животного очень легко объясняется условиями и способом его жизни»[1],— пишет Налбандян в полном противоречии с догматом религии.

Признание первичности материи, первичности природы и вторичности сознания Налбандян считает незыблемой основой научной философии.

Вопрос об отношении мышления к бытию Налбандян решает материалистически. Психическую деятельность человека Налбандян объясняет наличием у людей определенного органа. «Все ощущения и способности человека,— говорит он,— концентрируются в органе мысли, в верхних полушариях головного мозга». В работе «Земледелие как верный путь» Налбандян прямо противопоставляет свою материалистическую точку зрения идеалистической.

«Человек изучает философию и сам же является предметом изучения, — пишет Налбандян. — Но человек, прежде чем явиться на свет, прежде чем жить, прежде чем изучить и осмыслить свою собственную личность, свою жизнь, свое прошлое, настоящее и будущее,— прежде всего этого нуждается в материи»[2].

В борьбе против идей «богочеловека», в опровержение идеалистического взгляда о первичности мышления Налбандян пишет, что человек телесен, и к этой своей телесности апеллирует. Утверждение идеалистов, что действительность сотворена духом, богом, есть бред и мистика. «Мистика разделяет душу и тело, а материализм связывает их одним узлом». Материализм учит, что «душа относится к телу (т. е. является свойством тела. — *А. Х.*), а тело результат природы. Душа подчинена природе, а потому, да сгинет мистика»[3],— пишет Налбандян.

Доказывая первичность материи и вторичность сознания, Налбандян отмежевывается и от вульгарного материализма. Подчеркивая, что дух есть свойство определенного «обмена веществ», он вместе с тем отличает духовное от физиологического. Для Налбандяна физиологическое является основой духовной деятельности, но

[1] *М. Налбандян*, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 210.
[2] *М. Налбандян*, Настоящее издание, стр. 425—426.
[3] *М. Налбандян*, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 105.

не исчерпывает ее, так как мышление, психический склад людей определяются их историей, их социальным и политическим положением.

Философия, по Налбандяну, должна опираться на естествознание и всеобщую историю, из которых она и черпает свои выводы. В противовес идеалистическому и догматическому пониманию философии Налбандян писал: «Изучай историю, изучай природу, изучай человека, исследуй общество, его законы, явления человеческой жизни, познай ее потребности, средства удовлетворения этих потребностей,— и ты станешь философом без признания чьей-либо готовой системы»[1].

Налбандян стоит на правильном пути в понимании специфики философской науки. Философию он не сводит к естествознанию и истории. Философия обобщает данные наук о природе и истории, раскрывает наиболее общие связи изучаемых этими науками явлений. Для того чтобы стать философом, человек, пишет Налбандян, должен «соединив в своей голове все нити этих областей знания, обобщить их»[2]. Перед философской наукой Налбандян ставит новую задачу: проникнуть «в суть общественных отношений, их законов», он отрицает кантианско-идеалистические измышления об отсутствии законов в общественной жизни и невозможности их познания.

Если философия является отражением действительности, а последняя развивается, то и философия должна идти в ногу с действительностью. Таковы глубоко материалистические воззрения Налбандяна и его возражения догматикам.

Воинствующий, критический характер материализма Налбандяна проявляется и в его отношении к истории философии. Беспощадно критикуя идеализм, Налбандян вместе с тем был против охаивания всей прошлой философии.

«Унаследовать готовые знания и освещенные их светом дела прошлого,— писал он,— а потом осуждать эти знания мы не только не вправе, но это даже безнравственно... Отдельные их положения, которые близки к идее абсолютной истины, достойны того, чтобы человек освоил

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 461.
[2] Там же, стр. 462.

и выяснил их для себя, — они оттачивают и пробуждают его познавательные способности»[1].

В истории философской мысли Налбандян высоко ценил Ф. Бэкона и Л. Фейербаха, произведения которых неоднократно цитировал.

Острой критике подверг Налбандян систему Гегеля. Абсолютная идея Гегеля есть результат разделения нераздельного: отрыв свойств человека от самого человека, мышления — от мозга. Система Гегеля, как и все идеалистические системы, по мнению Налбандяна, является «результатом насилования мысли» и поэтому «недостойна признания» и безусловно «должна быть отвергнута»[2]. Он подвергает критике и метафизическую сторону концепции ра́звития Гегеля. Гегель понимает совершенство как неподвижную цель, которая якобы уже достигнута в его философии, но изображать совершенство как неподвижную цель — значит отрицать развитие, ибо жизнь должна повернуться вспять с той минуты, когда она останавливается на своем пути [3].

Здоровое понятие о жизни, утверждает Налбандян, заключается в том, чтобы смотреть на нее, как на нечто развивающееся от менее совершенного к более совершенному. Поэтому философия Гегеля, несмотря на то, что она содержит диалектику, которая является поборницей свободы, становится врагом прогресса, свободы и диалектики.

Налбандян пытается вскрыть социальные корни философии Гегеля. Эти корни он видит в раздробленности Германии, в трусливости немецкого бюргерства. Исторический подход к оценке философии Гегеля есть одно из ярких проявлений диалектических тенденций в понимании Налбандяном общественных явлений.

Консерватизм философии Гегеля, по мнению Налбандяна, коренится в его враждебности всему демократическому, республиканскому, в его боязни народа. Антиреспубликанизм Гегеля был той желчью, которая, разливаясь по организму, постоянно отравляла сознание Гегеля. Гегель шел крестовым походом на все прогрессивное. Защищаемый Гегелем политический строй является не чем иным, как строем солдатчины, «абсо-

---

[1] *М. Налба́ндян,* Настоящее издание, стр. 461—462.
[2] Там же, стр. 461.
[3] См. там же, стр. 471.

лютная дисциплина войны... превратилась для него в sine qua non»[1].

Борясь против идеализма и агностицизма, Налбандян и в теории познания защищает основы материализма. В работе «Критика «Сос и Вардитер»» Налбандян пишет, что естественные науки способны проникнуть в глубочайшие тайны природы. Подчеркивая, что познание развивается от менее совершенного к более совершенному, он восклицает: «Каких успехов достигли ныне естественные науки, какие жреческие тайны они разрушают, как они смело шагают,— всему этому мы имеем сотни доказательств» [2].

Налбандян считает, что познание связано с воздействием внешних предметов на органы ощущения, которые доводят исходящие от них лучи до центрального аппарата мышления. Это значит, что Налбандян, во-первых, рассматривает психическую деятельность как результат внешнего раздражения органов чувств, во-вторых, связывает психическую деятельность с нервной системой: познание — не самотворчество, оно есть отражение сознанием природы.

Познание связано с практической деятельностью человека; превосходство его над животными, писал Налбандян, прежде всего в деятельности его рук, ибо громадные его успехи обусловлены этой деятельностью, а затем уж мышлением.

Наблюдения, практика, их обобщение и отражение в мышлении дают возможность познать законы природы, законы жизни. Однако следует оговориться, что понимание практики у Налбандяна еще не носит научного характера. Говоря о познании, он подчеркивает не воздействие человека на природу, а, напротив, воздействие природы на человека, т. е. упускает из виду главное, и диалектика деятельности рук и мозга человека, о чем у Налбандяна имеются отдельные догадки, понимается им весьма наивно и смутно.

Для Налбандяна характерно подчеркивание практически-эмпирических основ познания. Однако он был чужд узкого эмпиризма. «Хотя мы вообще являемся сторонниками индуктивной философии, как более положительной

---

[1] См. *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 470.
[2] Там же, стр. 516.

теории,— писал он,— но в познании ничуть не ошибочна и дедукция»[1]. Правильная теория познания должна исходить не из противопоставления чувственной и рациональной деятельности мышления, а из их единства.

Одной из особенностей развития армянской культуры в XIX веке является ожесточенная борьба по вопросам языка. В развитии культуры большое значение языку придавал X. Абовян, идеи которого развил дальше Налбандян. Он пришел к выводу, что дедукция, обобщение, абстрактное мышление невозможны без языка. Налбандян рассматривает мышление как форму отражения природы, объективного мира, и язык — как средство выражения мысли, как орудие общения между людьми, как орудие духовного и материального развития общества. Связь мышления с языком неразрывна.

«Мысль и ее форма образуются в человеке под влиянием природы... на основании естественно сложившихся условий. Какова природа... какова жизнь — такова и мысль. И язык, который является не чем иным, как выразителем мысли, естественно, должен походить на мысль, его форма не может быть чем-либо иным и не должна быть чем-либо иным, как отражением формы мысли»[2]. Таким образом, язык связан с мышлением по форме и содержанию, а законы мышления, его формы, по сути, совпадают с законами природы.

В противоположность идеалистам Налбандян правильно подчеркивает связь мышления и языка с природой и обществом, с объективным миром, поскольку он понимает, что слово соотнесено к предмету, а в грамматическом строе языка (связь слов) отражены связи предметов и явлений.

Налбандян ведет борьбу с идеализмом и в понимании законов науки. «Свои идеи человек черпает у природы. Истинность его идей и понятий определяется в зависимости от того, насколько он познал и изучил природу. Вот закон, не знающий исключения. Все тончайшие — даже тоньше паутины — идеи метафизических систем имеют свои основания в природе»[3].

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 569.
[2] Там же, стр. 558—559.
[3] Там же, стр. 509.

Если источником знаний является объективная природа, то сам собой отпадает вопрос о сверхприродном, надприродном или субъективном характере законов науки. И Налбандян, несмотря на наличие у него отдельных формулировок деистического характера, в целом отвергает подобные идеалистические представления о законах науки.

Налбандян высмеивает скудоумие идеалистов. «Ты,— пишет он по адресу поповствующих идеалистов,— показывающий мне в Неаполе бутылку с несколькими каплями крови, говорящий, что кровь эта имеет свойство в любой момент закипать, хочешь этим убедить меня в могуществе бога... ведь я же не сошел с ума, чтобы, оставив величественное чудо океана, глядеть на твои две капли засохшей крови, и это в то время, когда миллиарды таких капель, но живой крови ежесекундно обращаются в моих жилах» [1].

Вечно и закономерно развивающаяся живая природа является полным опровержением идеализма и поповских вымыслов. Великие ученые объясняли природу не из бога, а из нее самой. Налбандян ссылается на Галилея, который считал «правила астрономии и геометрии» отражением законов природы, правилами, которые должны просветить умы и стать действительной основой знаний.

Всякий изучающий природу, пишет Налбандян, должен признать, что природа имеет непререкаемые «законы, которые ни на волос не нарушаются». Природа развивается закономерно, независимо от того, познаны ее законы или нет, «этими законами управляется все то, что мы видим или вовсе не видим в необозримом пространстве вселенной» [2].

Налбандян указывал на громадное значение теории, науки для практической деятельности. Он писал, что за путаницей в теории следует хаос, столпотворение на практике. Наука должна, говорил Налбандян, содействовать улучшению жизни народа. «В сущности,— писал он,— дело состоит в том, чтобы наука способствовала улучшению быта человека... Улучшить свой быт человек не может, покуда не покорит природу, т. е. покуда не будет знать ее тайн.

---

[1] *М. Налбандян.* Настоящее издание, стр. 516.
[2] Там же, стр. 515.

Стало быть, изучение природы в социальном отношении имеет большое значение»[1].

Назначение науки — не только правильно отражать действительность, природу, но и быть орудием покорения природы, использования природы в интересах человека на основе ее законов. Сознательно управлять явлениями природы — вот к чему, по мнению Налбандяна, должна стремиться подлинная наука.

Мы должны «заставить рыбу совершать те функции, которые она совершает от нас вдали и тайно... Это очень важно в экономическом отношении»[2], — писал он своему соратнику Султаншаху из Петропавловской крепости.

Наука должна стремиться к познанию объективной истины, к соответствию наших суждений существующему вне нас миру. «Истина не собственность личности», она не поколеблется от того, признает ее человек или нет; «если то, что было отвергнуто, было абсолютной истиной, исследователь в своем исследовании сам обнаружит эту истину и невозможно, чтобы не обнаружил»[3].

Подобное понимание истины направлено против субъективизма и догматизма в науке. Источник истины — не различные системы и учения (в лучшем случае они могут лишь облегчить достижение истины), а природа, общество, поэтому надо изучать природу, а не догматизировать существующие учения.

Налбандян боролся против метафизического, абстрактного понимания объективной истины. Он беспощадно критиковал армянских философствующих монахов—Г. Айвазовского и С. Джалаляна, рассуждавших обо всем по принципу «вообще».

В учении об истине Налбандян исходит из того, что критерием истины является, в конечном счете, практика. «Наука,— пишет он,—требует проверки суждений практикой»[4]. Хотя практику, как сказано выше, он понимает не научно, а лишь как наблюдение, эксперимент.

Через все высказывания Налбандяна красной нитью проходит идея — поставить науку на службу человеку.

---

[1] *М. Налбандян.* Настоящее издание, стр. 653.
[2] Там же, стр. 654.
[3] Там же, стр. 459.
[4] *М. Налбандян,* Полное собрание сочинений. т. II, стр 298

Наука принесет свою пользу лишь в том случае, если будет связана с общественной жизнью, если будет служить практике. Такое понимание Налбандяном задач и роли науки целиком и полностью вытекает из его идейных позиций революционера-демократа.

***

Как философ-материалист Налбандян стремился овладеть диалектикой. Об этом говорит его подход к Гегелю: при всем отрицательном отношении к его системе диалектику его он пытался сочетать с материализмом.

Идея развития, прогресса пронизывает все мировоззрение Налбандяна. Материя несотворима и вечно находится в движении и развитии. Движение и развитие он считает всеобщим законом природы и общества. Налбандян, доказывая, что движение — неотъемлемое свойство материи, ссылается на физические, химические изменения тел и, наконец, на возникновение органической материи из неорганической природы. Природа не знает покоя, пишет Налбандян, она находится в постоянном движении. Это ее жизнь. Процесс движения есть возникновение нового, которое неодолимо и неизбежно побеждает.

В органическом мире выживают лишь те существа и растения, которые в борьбе с природой, изменяясь, приспособляются к ней, приходят в соответствие с ее требованиями.

В общественном развитии более прогрессивные формы жизни побеждают, несмотря на отчаянное сопротивление старых форм. Все, что не развивается, отстает, идет назад, должно погибнуть. Исторический процесс Налбандян рассматривает как борьбу нового со старым, как разрушение старых систем и учреждений и возникновение новых.

Правильный подход к жизни заключается, по Налбандяну, в том, чтобы находить зарождающиеся ростки нового, «ухаживать за ними и поддерживать их» [1].

Глубочайшим революционным оптимизмом дышат слова Налбандяна, обращенные к молодому поколению, призывающие не довольствоваться реформой 1861 г. и не страшиться карательных мер самодержавия: «Предо-

[1] *М. Налбандян*, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 23.

ставьте мертвым хоронить своих мертвецов. Солнце их закатилось, а вы живы, и заря будущего восходит над вами! Пусть ваша малочисленность перед лицом огромных потребностей не обескураживает вас: всякий, кто чувствует в себе жизнь, должен примкнуть к вам, ибо жизнь течет только в одном направлении — вперед!»[1].

Его не пугала жандармская расправа. Он видел, что будущее против царизма и крепостничества. Грядущему нужно способствовать активной, революционной борьбой. «Еще задолго до того,— писал он,— как взять в руки перо, мы... знали, что старые умы никогда не согласятся мирно уступить место новым идеям... что новое только в борьбе водрузит свое знамя на развалинах старого. Следствием этих познаний было то, что весьма частые нападки не на идеи, а на нашу личность никогда не могли ни на волосок сбить нас с нашего заветного пути»[2].

Диалектический подход к действительности у Налбандяна становится теоретической основой для его революционной деятельности. Он пишет, что историю общества нельзя понимать только как эволюцию или реформу; важнейшим законом развития общества является революция. Время глубоких, коренных изменений — наиболее плодотворный период развития истории. «Бывали периоды, когда человек, прожив столетие, не проходил и однодневного пути, но бывало и так, что он в течение дня перешагивал через столетие»[3]. В таком понимании характера исторического процесса Налбандян был одного мнения с Чернышевским.

Налбандян считает, что одной из особенностей развития природы и общества является переход количественных изменений в качественные. В химических соединениях, пишет Налбандян, соединяемые тела теряют свои прежние типы и качества и образуют новые тела.

Качественные изменения присущи действительности, самой природе. «Мы признаем, что кислород и водород,— пишет он,— соединившись, потеряли свои прежние свойства и превратились в воду, свойства которой отличают ее и от кислорода и от водорода»[4].

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 391.
[2] Там же, стр. 367.
[3] Там же, стр. 460.
[4] Там же, стр. 436.

Переход количественных изменений в качественные Налбандян отмечает и в обществе. Например, возникновение в истории человечества наций, пишет он, было началом нового этапа его развития.

Налбандян улавливает единство и различие количества и качества. Качество невозможно без известного количества, не может получиться новый химический элемент без известной количественной пропорции входящих в химическую реакцию исходных элементов; то же и в общественной жизни: нет нации без составляющих ее людей. В то же время качество не сводится к количеству; так, национальность не определяется количеством входящих в нее людей.

В обществе развитие ведет к необходимости оставлять одни и переходить на другие, новые рубежи.

Налбандян неоднократно возвращается к той диалектической мысли, что развитие есть связь и перерыв постепенности.

Вслед за Чернышевским он видит возможность миновать «средние моменты» в развитии общества и достигнуть более высокой ступени. «И действительно,— пишет Налбандян,— если бы средние моменты в каждом случае, непременно, достигали предметной сущности, то развитие не то что замедлилось бы, но и не было бы возможно»[1]. Однако это правильное общетеоретическое положение Налбандян проводит не всегда последовательно. Ему ясно, что развитие природы сравнительно с развитием общества имеет свою специфику, но, исходя из относительно медленного развития природы по сравнению с обществом, он считал, что природа скачков не делает.

Мысли Налбандяна, являясь правильными по существу, носят, однако, еще зачаточный, иногда непоследовательный характер, диалектического метода как такового здесь еще нет. Налбандян выяснил лишь некоторые черты диалектического развития, но не мог раскрыть их внутреннюю, органическую связь. Он недостаточно уяснил себе соотношение эволюции и революции, постепенного и скачкообразного. Однако, будучи демократом, человеком дела, творчества, революции, он был чужд духа метафизики. Диалектические положения о том, что все изме-

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 478.

няется и что в этом изменении побеждает прогрессивное, были могучими крыльями, которые позволили ему подняться выше, видеть дальше и вернее определять ход и исход исторических событий.

Налбандян вплотную подошел к диалектическому материализму. Диалектика была источником его веры в лучшее будущее трудящихся, в их триумф.

* *
*

Налбандян не мог преодолеть основную ограниченность метафизического материализма, он не был материалистом в понимании истории общества, однако отдельные его положения носят материалистический характер.

Еще в первом своем произведении, «Речь об армянской словесности», Налбандян подчеркивает, что история общества носит закономерный характер. Однако в этот период закономерность исторического процесса он связывает с особенностями «народного духа», с миросозерцанием народа, с его убеждениями, в том числе и религиозными. Вместе с тем он критикует армянских историков, которые все исторические события в жизни армянского народа объясняют «гневом божьим» и игнорируют реальные обстоятельства жизни народа, его быт, государственный строй, его отношения с другими народами.

В дальнейшем, по мере обострения классовых противоречий в стране, назревания революционной ситуации в России, на основе опыта активной политической деятельности и обобщения опыта революционного движения Англии, революции 1830 г. во Франции и 1848 г. в ряде западноевропейских стран, Налбандян отходит от абстрактных рассуждений о «духе народа». Материалистическое решение основного вопроса философии наталкивает его на положение о том, что «дух народа» не есть основа, что «дух народа» сам должен быть объяснен более глубокой причиной.

В работе «Гегель и его время» Налбандян показывает, что отношение классов в Англии, их политические стремления нельзя понять помимо их экономического положения. Развивая эту мысль, он приходит к выводу о том, что экономический вопрос есть «вопрос жизни и смерти» и невозможно обновить жизнь народа, невозможно вложить в нее силу, мощь, пока простой народ

нуждается в насущном хлебе, пока экономическая проблема не решена.

Налбандян не мог до конца понять, на какой основе складываются различные экономические отношения в обществе, ему остался неизвестным закон развития способа производства — диалектика производительных сил и производственных отношений. Однако, выделив экономическую проблему как основу жизни людей в обществе, видя неизбежность борьбы между людьми различного экономического положения, он шел к материализму и в понимании истории, он был убежден, что экономические отношения могут быть изменены лишь средствами демократической революции.

В своих произведениях Налбандян показывает, что суть решения «экономической проблемы» заключается в том, чтобы уничтожить отношения, основанные на эксплуатации, уничтожить феодализм и капитализм. С позиции революционного демократизма он рассматривает и роль народных масс, личности и государства в развитии общества.

Народные массы для него являются творцами не только всех материальных, но и духовных благ. В работах «Земледелие как верный путь» и в «Критике «Сос и Вардитер»» он последовательно проводит это положение. Материальные блага создаются простым народом, трудящимися. Однако собственники грабят их, лишают куска хлеба, элементарных условий жизни. Отсюда та постоянная и глубокая вражда, которая пронизывает отношения между помещиками и крестьянами, между буржуазией и трудящимися городов. Налбандян показывает, что демократические преобразования общества ещё больше возвысят роль народа в истории, ибо приобщат его к созданным им материальным и духовным благам.

Революционному демократу Налбандяну чужд буржуазный взгляд на народ, как на пассивную толпу. Он глубоко верит в активную, творческую силу народа. Историю творят не отдельные выдающиеся личности, а народные массы, ибо и выдающиеся личности черпают силу в народе и без народа бессильны. Все для народа, все через народ — так кратко выражал он свое отношение к вопросу о роли народа в истории. «Необходимо,— писал он,— чтобы народ действовал сам, победа нации достигается народом». Выступая против господствующей

эксплуататорской идеологии, исходящей из деления общества на стадо и пастухов, на недорослей и учителей, Налбандян писал, что народ — «...слушающая часть нации — не лист белой бумаги, не знающий и не способный судить о том, что пишут на нем. Слушающий многое дает толкующему, он очень часто воодушевляет его... Умный слушатель, когда в нем пробуждается дар говорить, становится умным толкователем. Таким образом, в результате беспрепятственного обмена мыслями — передачи и восприятия — достигается общая моральная победа нации»[1].

Общий вывод, к которому приходит Налбандян, сформулирован им так: «...Всегда было ошибочно... мнение, что нация — это только богатые или те, которые имеют блестящие звания, ибо основой всего общественного строя любой нации является простой народ. Отдельные лица, выдвигаясь из его среды, своей частной деятельностью и сознанием могут во многих отношениях служить великому делу просвещения и прогресса человечества. Но только в том случае они могут создать что-либо, если они пустят глубокие корни в простом народе, если между ними и простым народом будет непрерывная и живая связь, а также взаимопонимание»[2].

Несмотря на просветительский оттенок, здесь ясна мысль, что основу развития общества составляет деятельность народа, что все великие дела совершаются силой народа. На исторических примерах прошлого он показывает, что государства, которые проводят антинародную политику, погибают. Так погибло армянское государство Аршакидов, ибо оно стало на путь захватнической политики, игнорировало интересы своего народа. Эту же участь он предвещает державам-колонизаторам, политика которых чужда интересам народа как своей, так и порабощенных наций. Неизбежность гибели царского самодержавия Налбандян видит в том, что оно проводит антинародную помещичье-крепостническую политику. Несмотря на жестокое подавление крестьянского народного движения в 60-х годах, Налбандян был убежден, что восторжествует народ, ибо он более грозная, более

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 148, 149.
[2] Там же, стр. 149.

страшная сила, чем сила армии, на которую опирается самодержавие.

Налбандяну чужды как идеализация, так и игнорирование выдающихся, великих личностей в истории.

Лишь в начале деятельности у Налбандяна можно встретить мечтания о великане, который должен появиться и спасти родину, вывести ее из-под чужеземного ига и даровать народу свободу и счастье. Однако к концу 50-х годов он окончательно освободился от этой идеалистической и чуждой демократизму точки зрения.

Выдающаяся личность не может изменить ход истории, так как история развивается по законам, которые не зависят от воли людей. Не воля людей определяет историю, указывает Налбандян, а исторические условия определяют волю людей. Вместе с тем он считает, что, поскольку выдающиеся личности являются носителями определенных интересов, они выступают либо за осуществление требований общественных законов, либо против их осуществления. Великая личность, пишет Налбандян, «выступает не как голое орудие, а, обладая определенной волей, является либо поборником, либо противником исторического закона»; поэтому она может либо ускорить, либо замедлить ход истории. «...закон истории носит неизбежный, необходимый характер, но так как время его осуществления не предопределено, то качества главного действующего лица могут повлиять на сроки осуществления этого закона...»[1]. Сила великих личностей — в их связи с народом, в их понимании нужд народа. Великими Налбандян считал лишь те личности, которые все свои способности, достоинства посвящают преодолению «несовершенств мира», уничтожению социального зла. Великие личности — это революционеры, народолюбы, но «опорой нации и ее рычагом является простой народ. Как бы ни была богата нация замечательными людьми, тем не менее движущей силой ее остается простой народ — именно он и есть стан, ось и рычаг этой машины»[2].

Трактовка им роли народных масс служит теоретическим обоснованием демократической крестьянской революции. Она была направлена на укрепление веры народа

---

[1] *М. Налбандян.* Настоящее издание, стр. 456.
[2] Там же, стр. 332.

в свои силы, на развязывание инициативы народных масс и обоснование необходимости неразрывной связи вождей с народом в демократической революции.

Таким образом, в освещении роли народных масс и личности в истории мысль Налбандяна работала в направлении исторического материализма. Однако Налбандян не конкретизировал понятие народ. Он, например, не видел, что в связи с возникновением рабочего класса понятие народ приобретает новое содержание. Налбандян не понял, что народ не есть сплошная масса, а состоит из различных классов, он не идет дальше деления общества на трудящихся и эксплуататоров, на имущих и неимущих. Эта ограниченность была исторически неизбежна в условиях России 50—60-х годов XIX века. Однако, несмотря на эту ограниченность, Налбандян вслед за Чернышевским близко подошел к историческому материализму, научному социализму. Об этом же свидетельствует ряд его положений о сущности и роли государства. Он считает, что деспотизм, монархия как форма власти не есть выражение только политического разбоя, личной воли деспота Нерона, Калигулы, Людовиков и других реакционных деятелей, деспотизм не является также выразителем воли какого-либо собрания, сената и т. п. Система деспотизма обусловлена особенностями существующих общественных отношений — делением общества на эксплуататоров и эксплуатируемых.

«Пусть,— пишет Налбандян,— если угодно, хоть сорок раз меняют форму правления, но, пока одна часть общества владеет землей, другая же остается нищей, — там будет царить насилие» [1].

Налбандян отвергает взгляд на государство, как на орган, стоящий над обществом. Для него буржуазное государство не есть действительность всеобщей нравственной идеи, как повторяли вслед за Гегелем армянские либералы, а является объективным и неизбежным продуктом эксплуататорских социально-экономических отношений.

В эксплуататорском обществе, по Налбандяну, существует коренная противоположность интересов народа и государства, государства и нации.

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 407.

«...Надо знать,— пишет он,— что государство — не народ и интересы государств ничего общего не имеют с интересами народов до тех пор, пока их структура такова, как сегодня»[1].

В пример он приводит буржуазную Англию, государственная машина которой приводится в движение аристократией и буржуазией. Английское правительство защищает интересы биржи; как внутренняя, так и внешняя политика английского правительства направлены на обеспечение успехов мануфактуры и торговли; вот почему средний класс, буржуазия, пишет Налбандян, всегда будет защищать это правительство. Оба эти класса, пишет Налбандян в работе «Гегель и его время», полностью и безраздельно держат в своих руках власть. Они изменяют законы, порядок престолонаследия, религию, конституцию. Эти высказывания Налбандяна показывают, насколько глубоко проник он в сущность государства как аппарата управления господствующих классов. Ни историки времен Реставрации, ни социалисты-утописты не могли связать вопрос о государстве с природой эксплуататорского общества. Чернышевский, а вслед за ним Налбандян сделали решительную попытку рассмотреть государство в свете борьбы эксплуататоров и эксплуатируемых, господ и трудящихся.

В свете этой борьбы, как и русские революционные демократы, Налбандян считал, что революционное движение демократии против эксплуататорских классов не должно ограничиваться лишь отрицанием эксплуататорского государства. Победа крестьянской демократической революции не может быть удержана без создания демократического государства.

Налбандян противопоставляет анархистской тактике бунтов и мирной тактике западноевропейских социалистов-утопистов тактику революционного демократизма — вооруженное свержение всех старых властей и создание государства трудящихся.

В работе «Земледелие как верный путь» он решительно выступает против умаления значения захвата власти и создания демократического государства в ходе демократической революции. При этом Налбандян

---

[1] *М. Налбандян.* Настоящее издание, стр. 395.

ссылается на опыт революции 1848 г., когда трудящиеся, проявив «наивность», не взяли власть в свои руки. Он предостерегал против повторения этой ошибки:

«Мы знаем, есть люди, и даже среди любимых наших друзей, которые скажут: лишь бы заполучить землю, пусть вначале будет какая угодно форма правления и организация жизни, в дальнейшем все выправится, обновится и т. д. и т. д.

Нет, это ребячество, такое исправление и обновление — не легкое дело и, смело можно сказать, что более трудное, чем приобретение земли заново. Из опыта других народов, стоившего им моря крови, опыта, совершенно безвозмездно предоставленного нам историей как пример, мы должны извлечь уроки и не устремляться на ложный путь, с которого ступивший на него хочет свернуть, но оступается»[1].

Идеалом Налбандяна была демократическая республика. Однако он не понял до конца роль революционно-демократического государства в развитии общества. Критикуя утопистов, он сам еще во многом оставался утопистом, поскольку думал, что крестьянство способно самостоятельно взять власть. Ограниченность понимания Налбандяном классовой борьбы и государства коренилась в отсталости общественных отношений в России и выразилась в том, что революционным классом он считал крестьянство.

В «экономическом вопросе» Налбандян видел и источник нравственности людей. Нищета и невежество народных масс, отношения господства и подчинения духовно и физически калечат человека. В противовес буржуазному либерализму он утверждал, что лишь борьба за коренное преобразование социально-экономических условий является чистым «источником человеческой солидарности и искренней, подлинной нравственности». Считая покорность источником всякого рабства, Налбандян призывал народ к активности. Высшим принципом нравственности он считал служение общественным интересам, интересам народа.

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 447.

* *
*

Велико значение Налбандяна для армянской культуры как литературного критика и теоретика литературы. В развитии и укреплении демократической линии в армянской литературе второй половины XIX века Налбандян сыграл поистине великую роль. Он блестяще защищал и развивал начатое Абовяном реалистическое направление литературы в борьбе против клерикально-крепостнической реакции и либералов.

Налбандян осветил дорогу для плеяды замечательных армянских писателей и поэтов второй половины XIX века: П. Прошяна, Г. Агаяна, Раффи, Г. Сундукяна, Ал. Цатуряна, А. Пароняна, Ов. Туманяна и других.

В целях пропаганды революционно-демократического мировоззрения в армянском обществе Налбандян стремился поднять уровень литературной критики до передовых идей своего времени. Критика — мерило просвещенности того или иного народа, критика — показатель степени зрелости или незрелости теорий и мировоззрения народа, писал Налбандян. «Критика является чутким вождем общества»[1]. Именно таким вождем армянской демократической литературы был сам Налбандян.

Вслед за Белинским и Чернышевским он считал, что искусство и литература должны быть зеркалом общественной жизни, оружием борьбы, разоблачения всего реакционного и антинародного, оружием утверждения нового, передового, оружием развития.

Верный ученик и последователь Чернышевского, Налбандян вслед за своим великим учителем материалистически решает основной вопрос эстетики — об отношении искусства к действительности и защищает положение: «Прекрасное есть жизнь». Однако ни Чернышевский, провозгласивший это положение, ни Налбандян, защищавший его, не собирались идеализировать крепостническую действительность. Подлинно прекрасной может быть лишь та жизнь, которая отвечает потребностям народа. Материалистически понимая положение «прекрасное есть жизнь», они опирались на положительное, прогрессивное в самой жизни и стремились в революционной

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 132.

борьбе преобразовать жизнь в интересах народа. В борьбе с армянскими крепостниками-клерикалами и либералами Налбандян разрабатывал эстетику реализма, пропагандировал и защищал идейность, народность искусства и литературы, резко выступал против теории «чистого искусства».

В полемике с армянскими либералами Налбандян доказывал, что в основу оценки произведений литературы следует положить принцип идейности. Толковать литературу как «азиатскую сказку», где преобладает яркая, но пустая форма,— значит выхолащивать главное в искусстве — его идейность.

Характеризуя значение романа «Раны Армении» Х. Абовяна, Налбандян отмечает прежде всего его реалистические черты — всеохватывающее изображение народной жизни, правдивость и идейность. Подлинная литература, по Налбандяну, должна отвечать всем этим требованиям. «Душа литературного дела» в том, указывает он, чтобы проникнуться «живыми, действенными вопросами своего времени»[1], а это значит видеть, что во все времена новый порядок вещей вел войну против старого порядка, и, руководствуясь этим положением, вести непримиримую войну против старых порядков.

Исходя из этого, Налбандян усматривает закономерный характер острой идеологической борьбы в области искусства. Не случайно, пишет он, что «литература, которая, оставаясь верной жизни народа, развивается ныне несколькими правдолюбивыми и дальнозоркими людьми, подвергается сейчас гонениям, и против работников этой литературы направлены отравленные стрелы воинов тьмы»[2].

Возражая на пренебрежительный отзыв С. Восканяна о книге Абовяна «Раны Армении», о которой якобы невозможно судить «по европейскому канону, ибо... она предназначена для простолюдинов и написана их языком и не предстает перед нами как литературное творение», Налбандян писал, что «Раны Армении» — произведение, достойное внимания, оно может быть оценено согласно принципам подлинной критики... *которая «всегда обращает внимание на идею произведения и на то, в какой*

---

[1] См. *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 146.
[2] Там же, стр. 284.

степени сумел автор понять и разрешить поставленную перед собой задачу»[1].

Борясь против теории «искусство для искусства», Налбандян призывал писателей освещать жизнь простого народа, который «составляет основу общественной жизни». «Критика «Сос и Вардитер»» Налбандяна в истории развития эстетической мысли в Армении сыграла огромную роль. Она знаменовала собой теоретическое обоснование реализма, его победы в армянской прогрессивной культуре.

Налбандян считал, что в романе П. Прошяна «Сос и Вардитер» недостаточно полно изображено «скептическое», т. е. революционное, направление в крестьянстве, он упрекал писателя за то, что представитель этого направления выведен в романе лишь эпизодически. «Мы очень хотели бы знать,— писал Налбандян,— насколько это... спасительное направление распространено»[2]. Однако, несмотря на эпизодичность и незавершенность образа представителя революционного направления, Налбандян видит в нем настоящего героя своего времени и ставит этот образ в заслугу Прошяну.

Налбандян считал пагубной для художественного творчества позицию пассивного фатализма и созерцательности, осуждал писателей, которые к жизни подходят метафизически, натуралистически, игнорируют развитие. Он требовал изображения жизни в ее многогранности, противоречивости, в борьбе прогрессивных сил против старых, отживающих.

Подлинный художник, указывает он, должен вскрывать все стороны жизни, ибо положительное «черпает силу в борьбе с отрицательными сторонами жизни». Налбандян считал ложным такое изображение жизни, которое за положительным не видит отрицательного, за второстепенным — главного. Искусство должно быть проникнуто духом революционной критики против реакционных сил и сторон жизни, оно должно быть проникнуто демократическим патриотизмом, непримиримостью к национальным и чужеземным поработителям.

Понимая искусство как отражение реальной жизни в образах, Налбандян вскрывал его громадную активную

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 142. *Курсив мой.— А. Х.*

[2] Там же, стр. 494.

роль в развитии общества. «Театральная сцена,— писал он,— не ниже научной кафедры... Театральная сцена — тот грозный моральный суд, где добродетель и преступление получают беспристрастное и заслуженное воздаяние»[1].

Выдвигая на первый план идейность, социально-политическую насыщенность литературы, Налбандян главным условием художественного творчества считает сочетание естественного и художественного.

Естественность заключается в реалистическом, всестороннем критическом изображении действительности, художественность же заключается в том, чтобы идеи были выражены в конкретных, живых образах, чтобы поступки, действия, переживания психологически были оправданы и обоснованы. Образы и характеры должны изображаться так, «чтобы они постепенно развивались и росли перед глазами читателя»[2].

Налбандян был не только теоретиком, критиком литературы, но и поэтом, писателем-романистом.

* *
*

Идеи Налбандяна были в корне противоположны идеям армянских буржуазных либералов. Армянские либералы, злейшие враги интернационализма, стремились отравить трудящихся ядом национализма, привить им чувство вражды к русскому народу, отвлечь их от общей социальной борьбы против угнетателей и тем самым идейно подчинить корыстным классовым интересам армянских крепостников и буржуазии. Для обмана масс националисты и либералы проповедовали антинаучную, реакционную «теорию» бесклассовости, «исключительности» армянского общества и теорию «единого потока». Армянские либералы и националисты выступали как союзники русского царизма и буржуазии, турецкого султанизма, его кровавого режима, и как агенты западноевропейских хищников.

Налбандян в истории общественной мысли выступил как революционный демократ, он видел глубокий социальный раскол армянской нации и признавал необхо-

---

[1] *М. Налбандян,* Настоящее издание, стр. 384.
[2] Там же, стр. 533.

димость непримиримой борьбы трудящихся против социальных и национальных поработителей. Громя националистов, он воспитывал армянский народ в духе дружбы с русским народом и солидарности с ним в общей революционно-освободительной борьбе; он призывал укреплять интернациональные связи между трудящимися. Великая прогрессивная русская культура оказала благоприятное влияние на дальнейшее развитие армянской культуры. Армянский народ в свою очередь внес свой вклад в мировую культуру.

Идейное наследие Налбандяна, вся его революционно-практическая деятельность сыграли выдающуюся роль в воспитании не одного поколения армян — борцов за дело народа. Его наследие служит предметом гордости армянского народа и заслуженно входит в сокровищницу духовной культуры советского народа.

Всемирно-историческое значение имели теоретические искания русских революционных демократов, их борьба против крепостничества и самодержавия.

Ленин писал: *«Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что́ это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...»[1].

Армянский народ гордится тем, что рядом с великими русскими революционными демократами выступил его великий сын, который посвятил всю свою пламенную жизнь борьбе с насилием, поискам правильной теории, расчищал путь будущему поколению революционных марксистов в Армении.

Газета «Пайкар» («Борьба») в 1916 г. по поводу 50-летия со дня смерти Налбандяна писала, что «литературно-общественная деятельность Налбандяна стала предметом особого внимания марксистов благодаря тому особому обаянию воина свободы, которому не страшны «гром и молния», огонь и железо господствующих порядков» [2].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 342.

[2] Газета «Пайкар» («Борьба») № 13, 1916 г.

Идейное наследство Налбандяна, тесно связанное с революционными традициями русских революционеров-демократов, приобретает огромное значение в развитии социалистической по содержанию и национальной по форме культуры Армении.

Развиваясь на теоретической базе марксизма-ленинизма, на основе политики Коммунистической партии Советского Союза, советская культура впитывает, научно и критически перерабатывая, революционно-демократические традиции прошлого. Нам, советским людям, дороги эти традиции, они укрепляют веру в наши силы, служат делу наших побед на пути к коммунизму.

РЕЧЬ
ОБ АРМЯНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Познайте истину, и истина спасет вас.

Да не покажется странным, если мы позволим себе начать нашу речь об армянской словесности со слов о том, что в истории нашего просвещения знаменателен XIX век, имеющий сходство с IV и V, названными золотыми, когда дух разума у армян, пробудившись от долговременного сна, следовал просвещению и, вдохновленный, спешил, торопился к познанию жизни. Ибо как прошли и исчезли века древнейшие и вплоть до IV века после Христа, размоловшись и истлев, не оставили даже крохи армянского духа, точно так же проходят века, начиная, скажем, с XIV и по нынешний, когда сама природа, восстав против жалкого невежества, золотым перстом открывает вход в новый мир, в новую жизнь — перед сынами армянскими. И кому же суждено было принять премию знаменательной победы на этом широчайшем поприще—лавровый венок на голову, если не тому, кто мужественно мыслил, трудился над обновлением армянской словесности, тщательно продумывая изменение времени и нынешнее положение нашей нации? Скажут, что до сих пор авторы и на прежних путях находили якобы плодотворное, почему и думали, что им-то и принадлежит победа (если только возможно выхватить неотъемлемую оливковую ветвь из руки, что дорого продает победу). Но они молчат, совершенно онемев, ибо им кажется, по некой азиатской хитрости, что, признав справедливые заслуги

других и их духовные преимущества, они ставят под угрозу свое мнимое превосходство — ложное и жалкое превосходство. Мы же, по справедливой христианской совести, воздавая богово богу, человеческое — человеку, воздаем мужу то, что по полному праву принадлежит ему: suum quiquae. Всем известен труд профессора Степаноса Назарянца «Учение религии»[1], вышедший в Москве в 1853 году, поэтому нет надобности в каких-либо пояснениях о человеке, плодом мыслей которого он является, ибо само дело говорит о неопровержимом достоинстве автора. Итак, мы сказали бы, что упомянутый труд и в неясно очерченных будущих веках, грядущих своим чередом, будет сиять неугасимо, как сияют нам труды именитых мужей Европы, которые первые своими мудрыми произведениями открыли новую эру в словесности.

Доказательство знаменательного прогресса нынешнего XIX века мы видим в особенности в новом армянском языке автора, обработанном и очищенном от смешения слов и звуков и притом понятном вдумчивым читателям. Мы должны признать, что намерение нашего автора было направлено на просвещение братьев-соотечественников, для которых неприемлем древний язык, и что в его глазах не имела никакой цены слава старой армянской речи, пользование которой для почитателей древнего языка не имело иной цели, как только добиться звания писателя; подделываясь под авторов V века, — именно на этом поприще очень многие, одержимые личным честолюбием, споткнулись и забыли, что имеются у них соотечественники, лишенные духовной пищи, о которых надо было постоянно заботиться, — прежде всего, чтобы они не погибли голодной смертью, — а не то, что, оставив их обездоленными, искать себе ребяческой личной славы, ибо слава мужа — общественная польза. И какая слава от десятка, другого таких же, как он сам, слабых духом, которым всегда легче было отрицать пользу общества, нежели самим себе вынести приговор? Какая может быть слава мужу, который говорил бы только на языке V века в наше время, когда все европейские народы прилагают усилия к обогащению своего ума все более правильными идеями и точными воззрениями и как нечто личное и частное почитают древние литературы, греческую и римскую, т. е. для нужд исторических наук, а не то, что писать или говорить по-гречески или по-латыни для народа?

Мы видим, что этим безошибочным путем осмотрительных и здравомыслящих народов Европы идет и пропаганда нового армянского языка, единственная цель которой — развивать разум, остающийся недостроенным, усовершенствовав и облагородив при этом новую речь, понятную массам, с тем чтобы сделать ее проводником и выразителем мыслей. Эта инициатива — не плод посредственности, она не возникла из корня самолюбия и не из легкомысленного тщеславия оказаться в одном ряду с выдающимися литераторами. Автор данного труда, взяв себе в руководители светлый разум и сочетав его с многообразным европейским образованием, совершил большое дело, достойное неотъемлемой славы, и сейчас и впредь; нашему автору воздадут сердечную хвалу не отдельные личности из общества, а сам народ и детвора нации, которым недоступен древний язык и негоден, поскольку не содержит в себе живительного материала, чтобы напоить жаждущие души. Если любители древности потребуют доказательства нашим словам, мы попросим ответить на вопрос, который является красугольным камнем нового армянского языка: кому из армян понятны произведения древних, не говоря о весьма немногих знатоках древнего языка, и какой армянин, взяв в руки труды Хоренаци, Егише, Парпеци и других авторов, возликовал душой, найдя в них прогрессивное мировоззрение и плодотворные идеи? Разве повседневный опыт не выступает против вашего пристрастия к старине, вредного для народа, поскольку читатель, истомленный непонятностью, выпускает книгу из рук? Что же теперь скажет армянин, читая «Учение религии», когда любой оборот слов понятен читателю без малейшего пояснения; и кто же может лишить национальную общественность права обсудить и оценить упорный труд и усилия нашего автора и быть тысячи раз довольной им, что предпочел пользу общества ложной славе, пожинаемой с уст немногих, и для чего спрашивается? Не для плодотворных мыслей и светлых идей, конечно, а для гладкости писания в древнем стиле! Армянское дитя, не будучи в состоянии итти дальше по пути, засоренному от веков, растерянное в колебаниях, недоумевает: ужели оно не вправе пойти по пути, широко открытому перед ним руководителем, неужели оно окажется неблагодарным тому, кто направил его на спасительный путь?

Армянская письменность, чудесно вызванная к жизни греческим духом в век наших переводчиков, сохраняла признаки жизни до конца XIII века. Из письменных трудов этого периода дошли до нас библия и несколько исторических книг со многими недочетами как в отношении требований, предъявляемых историографией, так и в смысле хронологии; да не покажутся слова мои резкими, если скажу, что они — заплаты монашеских портных, зачатые монашеским духом и рожденные на свет также без содействия удачной акушерской помощи — передовой мысли, — думаю, что не ошибаюсь. Но это, быть может, простительно монахам, поскольку историография не их поприще, а мужей светских и политических, какими были историки Греции и Рима и новые — европейские. И монашеская келья — не та обсерватория, где можно было бы, подняв взор, увидеть и познать явления мира. После XIII века в пестром калейдоскопе преобразующего времени рушится кое-как построенное здание древнеармянского языка, причиной чего, независимо от злой доли политической, было— да будет позволено сказать, и мы готовы доказать это фактами тем, кто иначе мыслит, — то, что источником для переводчиков армянского языка был не живой богатый разговорный язык, употребляемый народом, а мутные ручьи запоздавшей византийской письменности, знатоками которой они были; вот почему и армянский язык этих авторов не столько армянский, сколько эллинский, совершенно отчужденный от национального. Вследствие этого, как теперь, так и в те времена, он никак не мог пустить корни в сердце и душу народа, а оставался достоянием отдельных лиц, собственностью некоторых личностей из овизантийствовавшихся армян. И по этой именно причине византийское любомудрие, прививаемое армянам, не будучи должным образом арменизировано, оставалось всегда чуждым и недоступным массам. Армянский народ никогда не был участником такой ксенофильской[1] национальной письменности, ибо, насколько видят наши глаза, монахи заложили основу этой литературы, да и то из урожая греческого вертограда, монахи же были и ее хранителями, почему и поныне эта литература выглядит монашеской, хотя и не может остаться такой, поскольку время, бесстрашный Ганнибал, требует своего. Каково же следствие подобного насильственного отношения к родному народному языку? Насколько та-

кая литература чужда армянскому духу, настолько она и вредна для нашего просвещения. Таким образом, была создана некая искусственно приспособленная римско-армянская литература, а не подлинно родная, армянская. Писания эти, как рассказывают их же историки, были наполовину уничтожены и наполовину осуждены на вечное заточение. Если произведения наших авторов были вполне понятны народу, если допустим вероятность мнения некоторых, что во времена переводчиков были одинаковы народная разговорная и письменная речь, то что же означали рыдания старца Хоренаци, вызванные смертью Саака Партева — патриарха армянского и концом царствования династии Аршакидов?

«Кто же отныне почтет нашу ученость? Кто возрадуется успехам учеников? Кто, частично побежденный сыновьями, возгласит отечески удовольствие?» *(Хоренаци,* История Армении, кн. III, гл. 68). Какого почета учености пришлось бы искать старцу, если бы он наравне с современниками пользовался тем же разговорным языком и на нем рассказывал им об остатках былого древних армян? Какой разумный человек, осмыслив написанное, не признал бы с великим уважением достоинства гениального мужа, и к чему бы тогда его плач об окончании патриаршества из рода Партевов и о гибели царства Аршакидов, что было делом политическим и церковным и тем более прискорбным, что не было среди них никого, кто почитал бы ученье и науку *.

Если совершенно не осознавать недостатков и пороков старины, то нетрудно утверждать, что в те времена язык письма соответствовал народной речи, и, следовательно, всякое писание авторов «золотого» века армянской письменности было доступно каждому армянину, умевшему хотя бы читать. Но такое мнение нуждается в величайших фактах и доказательствах, и мы просили бы любителей старины вынести их на свет божий, чтобы выяснить этот вопрос национальной словесности. Мы просим почтенных любителей старины привести доказательства

* Все это может быть истолковано иначе. Слова Мовсеса Хоренаци вполне основательны, ибо с уходом из нации защитников просвещения, опорой коих был Саак Партев, и с гибелью царства не оставалось, конечно, почитателей и двигателей армянского ученья, ибо жезл власти — покровитель науки и образования нации, и нигде не расцветала мудрость без национального государства.

против нашего мнения о том, что с уходом с исторической арены переводчиков и их учеников и прочих их последователей армянская письменность спала глубоким сном вплоть до Мхитара Себастаци, который, основав в 1717 году в Венеции монастырь, конгрегацию, школу и типографию, положил начало возрождению древнего армянского языка, после чего постепенно стали появляться и литература и языковеды. Если вы ответите на это со здравой точки зрения, то мы примем ваше мнение как вероятное, а если нет — будем проводить наше мнение, сводящееся к тому, что если на этом книжном языке и говорили, то так было во времена Гайка и, если будет угодно, до конца царствования древних армян, а после того древний язык остался достоянием жрецов и служителей капищ, а также нашел место в Архиве двора. Народ же вообще, следуя необходимым законам природы, говорил на мирском, ныне называемом новым, армянском языке, хотя постепенно вмешал в него заимствованные слова из других языков и многообразно по городам и областям преобразовал звучания слов вплоть до того, что язык становился непонятным для тех, кто из другой области, что хорошо чувствуем мы и сейчас по личному опыту [1].

Если писатели-архаисты нашего века, которые прилагают усилия писать во что бы то ни стало на неясном языке, и полагают, что этим они идут по стопам авторов IV или V веков, то они жестоко ошибаются, и мы покажем, насколько их направление противоположно направлению переводчиков и других современных им авторов.

Наши переводчики, получив образование у греков и рабски подчинившись строю греческого языка, пошли по их пути и руководствовались их теорией, не думая о потребностях своего народа, и предпочли как священное писание, так и другие книги преподнести народу на подлинно эллинском языке того времени. Возможно, это было сделано и не бессознательно, ибо по-азиатски даже и по сей день предпочитается преподносить то, что относится к религии и богопочитанию, возможно, более таинственно и не всякому понятно, почему и они подносили заветные почитания как бы божественным глаголом. Но эта мутная теория, идущая из древних веков, ныне, в наш просвещенный XIX век, — несмываемое порицание тем, кто руководствуется этой теорией, ибо хочет снискать

своими непонятными писаниями личную славу в сердце народа, обрекая язык на бездействие. Если наши переводчики руководствовались греческой теорией, а также, побежденные доморощенными азиатскими культами, писали малопонятно и не в родном армянском духе, ужели пристойно вам, отказавшись от пути просвещенных европейцев, стать архаистами, словно чумы, избегая писать на новом и живом языке? Пристойно ли, закрыв глаза от света истины, следовать мрачному руководству древних без тщательного внимания к тому, что ныне потребно армянскому обществу, и к справедливым требованиям времени? И что это за миссия автора и что это за мнение и теория, что, мол, древний язык сам по себе просвещение или первое и последнее средство просвещения? По крайней мере это мы слышим от архаистов изо дня в день; это они утверждают, что новым языком разрушается великолепное здание армянского слова. Удивительно, что эти почтенные авторы до сего времени не сумели познать лучезарную истину, им нужен гений, который доказал бы им значение и качество нового армянского языка. Но если бы им недоставало понятливости, следовало бы уже давно видеть их оголенными на тропе сомнений, на коей они топтались бы в бессмысленном пустозвонстве.

Целью нового армянского языка не было и не есть разрушение основ древнего армянского слова, ибо, если бы таково было направление, проповедуемое новым армянским языком, он ошибался бы жестоко, так как то, что разрушено естественно и устарело, не может помочь оживлению и становлению нового, что в разном оформлении звучит из уст простолюдинов по городам и областям. Язык — не что иное, как орудие и средство для передачи мыслящим его идей путем воздействия на слух собеседника или путем изложения их на письме перед читателем. Иной функции язык не несет, и какой же оригинальной логикой надо обладать, чтобы решиться отсюда сделать вывод, что для облагораживания и обработки языка следует искажать и разрушать имеющийся подлинно армянский язык, признаваемый единственным источником восполнения пробелов нового языка! На каком основании можно думать, что строительство нового языка приведет якобы к разрушению старого языка? Поучимся у просвещенных народов, если не в силах сами познать.

Каким искажениям подвергся самый язык Цицерона, в то время как от него произошли столь многочисленные языки Европы, именуемые романскими? Никаким, повторяем — никаким. Мертвый латинский язык, не удовлетворявший обстоятельствам и потребностям времени, точно так же как древний армянский язык у армян, дал место рождению нового, и разве новые романские языки причинили какой-либо ущерб мертвому латинскому языку? Чем он был, тем остается и поныне в литературе авторов и ныне почитается только малочисленными учеными, да и то в сугубо специальных и только специальных целях. То же и с древнеармянским. Но, ради бога, что же понимают армянские ученые под сохранением и оживлением древнего языка? Ведь общеизвестно, что древний язык мертв и покоится в глубине могилы, следовательно, нет ему места и применения в общественном быту, и этот мертвый язык (который уже не язык, ибо язык по существу это то, что живет, движется, говорит и звучит в устах народа) умертвить снова невозможно. Но хотя бы сохранить его следовало бы, говорят армянские мудрецы, и мы говорим: да будет и да остается он там, где есть, т. е. связанный и заключенный в своей вековой могиле, ибо нет ему места в мире живых и нынешнее время — совершенно иное, чем века Мовсеса Хоренаци, Егише и других авторов, писавших на древнем языке. Но путать и смешивать века и времена и требовать, чтобы армяне XIX века по мановению некоего волшебного жезла были перенесены в IV или V века армянской письменности, — и это теперь, когда мы видим армян в мучительном положении (хотя слепые ничего не видят, поскольку зрение не присуще им), когда у них в головах подобно вавилонскому столпотворению, мы не одобряем, а совершенно согласны с мудрыми мыслителями в том, чтобы, памятуя об изменении времени и о нынешнем положении народа, тщательно изыскать средства и способствовать введению в употребление нового национального языка и разрабатывать его в соответствии с потребностями наших дней. О, если бы могли эти архаисты видеть прошлое и настоящее, а следовательно, и естественность происхождения будущего, как сына от отца!

Воспитанный на монашеской традиции, священник Ованес Мирзоян из Вана, преподаватель армянского языка в Смирне, в наш XIX век выступил на сцену армянско-

го темнословия со своими стихотворными произведениями в двух томах, озаглавленными «Золотой век Армении», «Солнечная Армения» и «Речь о святом знамении Варага», и, как нам кажется, вновь и вновь вселил в сердца монашески мыслящих армянских мудрецов стремление прилагать все усилия к темнословию, доказательства чего мы можем найти в их похвалах последователям Ванца, которые не взвесили умом того, что достоинство какого-либо умственного труда состоит не в том, что он изложен наиболее темными, непонятными словами и недоступен массам, а, наоборот, в богатстве и обилии идейной, духовной пищи и в понятности читателям. Но они этого не требуют, а лишь восхищаются темнословием и как слабомыслящие резонеры слепо следуют этому направлению. Мы просим здравомыслящих читателей, в руки которых попадали такие труды, сказать нам, что нашли они в них такого, что могло бы быть полезным для воспитания души и сердца и питать умственную жизнь детей? Мы просматривали их не раз, но не нашли в них ни исторических сведений, ни художественных достоинств. В них мы не находим ничего, кроме усердно на недоступном древнеармянском языке навороченных пластов и скоплений неупотребительных слов, повторяющихся на протяжении всего произведения непрерывной цепью, которых мы не находим даже у авторов, относящихся к числу переводчиков, т. е. первых наших писателей.

Пусть скажут защитники древнеармянского языка, скажут от чистого сердца, — кто же может их читать, и разве восторг нескольких архаистов от их чтения может пополнить тот недостаток, какой чувствует и терпит армянское дитя, томясь жаждой среди родников, как сказал кто-то из древних? Доколе будет у нас в почете азиатское заблуждение: говорить, писать, петь так, чтобы понимали немногие, ибо чем меньше понимающих, тем якобы превосходнее слово? Кто им сказал, что то, что называется знанием и принадлежит всему человеческому обществу, надо было держать в тайнике и открывать лишь пяти или десяти избранным? Слушайте, кто имеет уши, что говорит талантливый немец Шлейден: «Наука должна быть собственностью всего человечества, а не таинством или тайной, в которую посвящены лишь немногие, образующие объединение ученых». И еще жалуются они, сами армянские ученые, что нет среди армян

просвещения и что армянская детвора не проявляет склонности к учению, будто вправе они воспитывать ребенка на мертвом и сухом языке и требовать от него, чтобы он воспринял его, питал им душу свою и оплодотворял ниву ума, тогда как он его не понимает и лишь мучается под лишним бременем непонятного. Жалобы на армянскую детвору были бы справедливы лишь в том случае, если бы древний армянский язык носил в себе поучительные и живые идеи, которыми расцветает Европа, но если древний язык был и остается мертвым и бездушным, какую идею может он дать учащемуся? Пусть скажут сами ученые: чему научились они сами по сей день из древней литературы? Нескольким посланиям, инструкциям, речам — и о чем? Нынешний армянский народ и не понимает всего этого, а если бы и понимал, не имел бы никакой пользы, ибо такой плод еще до рождения был мертв, родившись на свет божий, он как бы перешел из одной могилы в другую. При таком положении вещей, какова же участь наших армянских детей? Пусть скажет, кто хотя бы на часок задумался над этим вопросом и постиг истину. Но мне кажется, что для армянских ученых нет истины, кроме той весьма сомнительной, которую они приемлют из уст приятелей, но истина, исходящая из уст врагов, для них неприемлема. Следовательно, получается, будто истину следует измерять мерилом дружбы или вражды, что для европейцев было всегда второстепенным при обсуждении мнений какого-либо мыслителя.

В армянской среде замечается истина, совершенно чуждая просвещенному духу времени, хотя и весьма родственная мрачной истине папистов на протяжении средних веков и после них. Я имею в виду истину, которая утверждается приказом, угрозой и наказанием, причем побеждающие доказательства — разумные причины — отсутствуют. Истина, доказываемая палкой, — жалкая истина, причем противник в условиях зверского насилия безоружен! Отвратительная истина!

Доныне они не сумели ощутить крайнюю бедность древней армянской словесности, с позиции которой смотрят на поприще науки — науки, которой озаряется мысль, оживает и питается душа! Побежденные невообразимой любовью к старине, армянские мудрецы возглашают, что просвещение нации зависит от словес-

ности и что именно она — первое и последнее средство, чтобы раздуть пламя патриотизма, без чего нации грозит гибель, особенно если будут писать новым и ясным армянским языком, который живет и применяется в общественном быту. О, ребяческие рассуждения! И кто же из просвещенных армян, изучивших и проработавших древнюю словесность, не видит воочию неосновательность и ложность этого рассуждения, являющегося не чем иным, как неким искусственным средством обмануть легковерие народа? Мы уже сказали и задали вопрос: чему же научились они у древней словесности? Мы ждем ответа: пусть заговорят почтенные. Но, поскольку они молчанием лишь признаются в своем поражении, мы объявляем наше мнение: древняя словесность, кроме сохранения в себе заветного языка, не дает нам, потомкам, ничего, за исключением сведений по национальной истории. Возможно ли извлечь из нее такие знания, какими свыше меры изобилуют европейские литературы в наш век? Конечно, нет! Не можем мы сравнить нашу древнюю литературу также с древней греческой и римской литературой, которая отличалась от нашей, как день от ночи, и тут уж ничем не утешишься, отлично зная, что литература народа, всегда служившего и бывшего в рабстве у иноземных властителей, каким был армянский, невольно имеет в себе нечто крайне скудное [1].

Любопытно было бы знать, что понимают армянские мудрецы под гибелью нации с созданием новой литературы? Мне больно признаться, что наши почтенные мудрецы все еще не могут понять, что нация не что иное, как язык, без которого не может быть нации: он — душа нации, и всякая нация вообще им жива. Язык же сухой и мертвый, погребенный к тому же под пылью тысячелетий, каким является наш древний язык, совершенно бессилен оживить задохнувшийся разум. Что за неразумная политика у армянских мудрецов, которые из нашего рассуждения, что армянский народ — беспомощный и бесприютный, что он очень отстал и почти вовсе лишен просвещения, что древний язык не в состоянии быть его проводником к просвещению, ибо не содержит в себе питательного сока, какого требует наш просвещенный век для сохранения разума нации в возможно большей живости, что он совершенно непонятен и недоступен новому народу и путь к просвещению следует открыть

через живой язык, вложив в него квинтэссенцию знаний, достаточных для чудесного пробуждения к жизни мертвого разума, делают вывод, что народ погибнет, если не окропится тусклым светом древней словесности, а поле его разума будет удобряться живым языком, на котором армяне вообще ведут свою общественную жизнь.

Не знаем, право, и удивляемся, что же ответят нам наши мудрецы, если, основываясь на их словах, спросить их: почему же не погибли народы Европы, проложив мост к просвещению через новый язык, понятный всем, а, напротив, найдя вход в новый мир, расцвели и расцветают изо дня в день, приобрели просвещенные и светлые воззрения на вещи? С такими же взглядами, чуждыми истине, одно время—а именно на исходе XIII века—монашески мыслящие схоласты ополчились против бессмертного Данте, написавшего «Божественную комедию» не на латинском языке, а на понятном народу итальянском. Из последних сил пытались они преградить путь языку Возрождения, придумывая нелепейшие причины, примеру которых и следуют ныне армянские мудрецы-архаисты, также воспитанные на ограниченной схоластической теории. И что же? Смогли ли попрать непобедимую истину, провозглашаемую устами мудрого Данте? Плодом гонений, каким подвергали схоласты новый итальянский язык, было то, что народ воздвиг Данте памятник вечной благодарности и расчистил путь ему и его последователям для создания новой эры просвещенной словесности, разоблачившей мрачную теорию неучей-схоластов. Таким образом, осужденный на гибель язык стал краеугольным камнем великолепного итальянского языка. Если армянские архаисты считают, что все это ушло в область преданий, и не хотят понять, что происшедшее у европейцев может произойти и у армян, поскольку армянский народ не является каким-то вне правил человечества пребывающим исключением, то мы заверяем наших почтенных мудрецов, что природа и время одинаковы и по одним неизменным правилам обращаются со всеми народами и народностями, и никто не в силах противостоять воздействию времени и требованию природы. Разница между народами лишь в том, что европейцы твердо опирались на почву родной земли и, совершив определенный путь, дошли до вершин царства науки; нам же, армянам, хоть и на чужой земле,

только теперь дана возможность следовать за ними[1], быть может, и дарует всемогущий господь, что и армянские архаисты, заботясь об армянской детворе, которая, с отвращением зубря сухие и скучные именительные и родительные, тупеет, иссушается и черствеет душой, найдут в себе столько мужества, чтобы признать эту истину, и, отбросив в сторону бессмысленную верность старине, единодушно сплотившись вокруг просвещенных мыслителей, будут стремиться олицетворять собою живой образ бодрого сеятеля на ниве разума армянской детворы.

Здравомыслящий автор ныне восхваляемого нами «Учения религии» давно уже познал эту лучезарную истину. При издании своей «Психологии», напечатанной в 1851 году, в предисловии к ней весьма мудро и вразумительно он излагает это тем из наших, кто имеет здравый смысл, и таким образом, честно выполнив свое дело, издает первое произведение для детей на новом языке, озаглавленное «Первая духовная пища для армянских детей» [2], после чего на благоустроение армянской церкви дарит нации «Учение религии» с мудрым предисловием.

Да разрешится нам тут признаться откровенно, что здесь впервые армянский народ читает на понятном ему языке и узнает о своих отношениях к своей личности, к товарищу и к богу и о том, что относится к божественному учению. Хотя наши отцы в древности проповедовали в Армении с самого начала христианства — если и не по этим правилам, то как умели — но, поскольку они писали на древнем языке, недоступном армянским народным массам, их проповеди оставались, как остаются и ныне, в уголках монастырей и монашеских келий. Правда, незадолго до издания вышеназванного произведения магистр Мсер из Смирны напечатал в Москве свою «Инструкцию христианского учения» (которую вернее было бы назвать христианским катехизисом), однако, как ни больно признать, и этот труд, по примеру прошлых прошел бесследно и забыт народом, ибо почтенный автор не захотел говорить с народом на понятном ему языке. В этом труде магистра мы видим беспорядочную массу высказываний, собранных отовсюду, и почти ничего удобочитаемого — от самого автора...

Армянские мудрецы, пренебрегая народом, ринулись в бой против здравого рассудка, не желая прислушиваться к доказательствам мыслящих людей, они трубят

с бесконечным упорством, будто бы тот, кто блуждал в чувствах и идеях одного лишь древнеармянского языка, мог думать и мыслить так, как присуще просвещенным. Скажите на милость, что же в состоянии сообщить несчастный язык, если чувство ничто ему не диктует, если разум еще покрыт терниями и мхами, — не с чем ему выступить перед народом. Знание одного языка, и притом только армянского, вовсе не следует называть знанием. Всякий язык, рассматриваемый как хранилище знаний, тем самым достоин уважения, но механическое стремление к знанию языка не обогащает мысль правильными идеями и верными воззрениями на вещи, не обостряет разум, оно бесцельно. Только просвещенное мышление упорядочивает речь, оно дает возможность познавать и судить, между тем как язык в качестве материального орудия этого познавательного действия оформляет мысли в звуки, доводя их до слушателей или читателей. Если, судя по ответу архаистов, их намерением, действительно, было доставить свет детворе народа и снять с нее тяжесть нищенской жизни за счет милостыни от чужих, то следовало тьму рассеять светом и жизненностью возродить к жизни дремлющую душу армянской детворы, чтобы отказаться от каменистой тропы трудно одолимого и бесплодного древнеармянского языка и пойти по столбовой дороге, ибо и без того в наши дни очень и очень многочисленны трудности широко развернувшихся и неимоверно разветвившихся наук. Дабы подтвердить сказанное выше свидетельствами, считаем нелишним коснуться вкратце истории нашей литературы, чтобы осветить скудость ее духовной пищи и голод истощенной армянской детворы в ее неприютном мире.

Коренной армянский язык, возможно, природный для предков Гайка, расцветши в стране Араратской, делится на две ветви: *«востаник»* (столичный или дворцовый) и *«езеракан»* (окраинный)*, и, как можно предположить, языком книжным был именно «востаник», так как его мы видим в песнях придворных сказителей и в дворцовых архивах Трдата (я имею в виду произведение греческого историка Агафангела). По мере же удаления от центра страны он преобразуется в «езеракан» — язык семи пле-

* *О. Г. Инчичян,* Древний язык, напечатано в Венеции, т. 3, стр. 7—8.

мен, отделившихся от Степаноса, о чем говорит Оваи Ерзинкаци в толковании древней грамматики. Литература этого языка, насколько можно судить по оставшимся крохам, так же как и у всякого народа, начинается с эпических песен о подвигах богатырей, которые еще в IV и V веках исполнялись певцами Гохтена[1] в сопровождении бамбирна *.

Далее в истории основательно подтверждается—хотя неумолимое время лишает нас, современников, подлинных свидетельств и заставляет довольствоваться упоминаниями, приводимыми Хоренаци, как Мар-Абас, будучи послан армянским царем Вагаршаком к царю Аршаку и порывшись в дворцовом архиве в Ниневии, извлек из эллинских книг историю нашего народа, написанную греческими и сирийскими письменами, и доставил ее в Мцбин—Вагаршаку **.

Исторические и литературные памятники древней письменности стали первыми жертвами гордыни и самолюбия сирийского царя Ниноса, который, желая показать себя первым по храбрости и величию, приказал собрать и сжечь повсюду многочисленные рукописи и сказания о делах храбрости и отваги, а что писалось в его время — прекратить и писать лишь о нем самом***. А то, что избежало неминуемой гибели и сохранилось до начала IV века, было осуждено Просветителем[2] Армении, как вместилище суеверия вообще, на безжалостное сожжение вместе с замечательными и редкостными статуями и храмами Аштишата, Арташата, с капищами Гисне и Деметры и другими, причиняя неисцелимую боль сердцам археологов и филологов, поскольку между прошлыми веками и до IV века после Христа остается зияющий пробел, непроходимая пропасть, не заполненная и до наших дней. Не удовольствовавшись и этими жертвами, время выдвигает еще одного супостата против армянской словесности — Меружана Арцруни, который в жажде заполучить корону в угоду персидскому царю Шапуху сжигает все рукописи с греческими письменами и отдает приказ по стране учиться персидскому языку и письмен-

---

* *Хоренаци,* История Армении, напечатано в Венеции, 1827 г., кн. 1, гл. XXXI.

** *Хоренаци,* кн. 1, стр. 47—52.— Католикос Ованес, напечатано в Москве, 1853 г., стр. 11.

*** *Хоренаци,* История Армении, кн. 1, стр. 76.

ности*. На крыльях этих бешеных бурь уносятся и скрываются от нас науки, процветавшие в Армении к концу I века — при Арташесе II,— о чем подробно рассказывает нам достопамятный философ Мовсес** [Хсренаци].

После подобных бедствий, пронесшихся над нашей литературой, в начале IV века первое место среди наших писателей занимает святой Григорий своим трактатом о боге и божественном. Второе место занимает греческий историк Агафангел, рассказывавший о событиях, имевших место в Армении в период распространения христианства усилиями святого Григория. Можно сказать, что все наши писатели, за очень немногим исключением, как увидим ниже, работая над богословскими и историческими трудами, следуют им. Дух поэзии, проблуждав беспризорно, в конце V и в VI веке находит приют в песнях армянской церкви. В IV веке патриарх Мцбнийский святой Акоп, прозванный Згоном (бдительным), по просьбе сына святого Григория — Вртанеса пишет восемнадцать богословских и нравоучительных речей, которые и были в честь святого Акопа*** названы «Згон».

Точно так же и сириец Зеноб Глак по повелению святого Григория пишет историю христианской церкви в Тароне, в утверждении которой он и сам содействовал святому Григорию. В VII веке этот самый труд продолжает Ованес Мамиконян, прибавив в конце книги примечания об армянской словесности. Литературу IV века, насколько нам известно, заключают Павстос Бюзанд и Нерсес Великий Партев, из коих первый продолжает историю Агафангела, рассказав о событиях, происходивших в Армении с 344 до 392 года, а второй занимается составлением богословских речей, а также воспитанием святых Саака и Месропа — предтечей просвещения V века.

Да будет позволено нам тут, несколько выйдя за пределы нашей речи, предпочитающей краткость изложения, неторопливо пройтись по «золотому» веку, дабы, возможно, успокоить и утешить скорбное сердце, подавленное тысячами ударов времени. И поскольку мы не намерены излагать историю армянской литературы, как этого

---

* *Хоренаци*, История Армении, кн. III, стр. 452, 500; *Чамчян*, История Армении, т. I, стр. 463.

** *Хоренаци*, История Армении, кн. II, стр. 424.

*** *Чамчян*, История Армении, т. 1, кн. 2, стр. 424.

требуют правила и порядок, а лишь извлечь из нее важные факты в свидетельство сказанному нами, мы вкратце остановимся тут на некоторых ценнейших сведениях.

Рожденный в блуде Пап — сын армянского царя Аршака от любовницы Парандзем, — уязвленный бесчисленными порицаниями Нерсеса Великого, задался постыдной целью (следуя по стопам матери) лишить жизни святого и, тайком подсыпав яд в питье, умертвил его, ввергнув в безутешное горе двух сверстников: сына святого Нерсеса — Саака Партева и ученика Нерсеса Великого — Месропа Ацекаци. Блаженный Месроп оставляет секретарскую должность при царском дворе и спешит уйти в желанное уединение, чтобы слиться душой с духовным отцом.

Через шесть лет армянский царь Хосров вместо Аспуракеса назначает католикосом Армении Саака Партева, который, получив около шестидесяти учеников, спешит обучить их наукам по эллинской школе. Святой Месроп, утешившись и осушив свои слезы по невинно погибшему учителю своему, при виде сына, сменившего отца, горячо увлекается мыслью о просвещении нации и, задавшись целью создать армянский алфавит, отправляется к святому Сааку, чтобы вместе подумать о выходе из положения, но, найдя и самого святого, занятого теми же идеями, возвращается к месту своего уединения, ища убежища у всемогущего бога. В это время армянский царь Врамшапух, отправившись в Месопотамию по повелению персидского царя Врама для разрешения раздора между греками и персами, испытывает большие затруднения, не имея искусного писца, ибо после ухода Месропа дьячки, имевшиеся при царском дворе, вели всю переписку только по-персидски. При возвращении Врамшапуха из Месопотамии некий сирийский священник по имени Абел предлагает ему армянские письмена, составленные его родственником — епископом Даниэлом. Врамшапух не придает значения этому предложению, но, вернувшись в Армению, он находит собравшимися у Великого Саака и Месропа (который снова приехал к Сааку) всех епископов, озабоченных изобретением армянской письменности, и, поставив собрание в известность о предложении Абела, просит не быть беззаботными и немедленно посылает к Абелу посланца — верного человека по имени Вагрич с требованием выполнить обещание.

Посланец вместе с Абелом отправляется к Даниэлу, хорошо изучает письмена и, возвратившись в собрание, вручает их Сааку и Месропу. Собранием устанавливается недостаточность присланного алфавита для выражения всех звуков и связи всех слогов в слова, причем число их Асохик называет двадцать девять, а Вардан — двадцать два. Сам Месроп, отправившись со своими учениками к Даниэлу, не нашел у него ничего сверх того, что было ранее доставлено посланцем. Не желая возвращаться в Армению с пустыми руками, разочарованный и обезнадеженный, Месроп отправляется в Эдессу и в Финикию и, достигнув Самоса *, обращается к ученику Епифана по имени Рофан — знатоку эллинской литературы — с просьбой помочь ему в завершении этого дела, но, не получив и от него никакой помощи, сам, руководимый гениальной мыслью, создает требуемое, о чем у Хоренаци рассказывается следующим образом: «И видит (святой Месроп) в спящем состоянии не сон и не видение на яву, а веление сердца, явившееся перед духовным взором: кисть правой руки, чертившую на камне *Ա, Ե, Է, Օ, Ի, Ո, Ւ,* так что на камне сохранялись следы линий, словно на снегу. И не только было видение, но и все обстоятельства, словно в сосуде каком, собрались в его мыслях. И встав с молитвой, Месроп создал наши письмена; он вместе с Рофаном оформил их, приспособив буквы к правильности армянских звуков» (*Хоренаци*, История Армении, кн. III, гл. 53).

Ликуя от удачи как человек, нашедший большую добычу, святой Месроп вслед за тем с помощью своих учеников Ованна и Овсепа приступает к переводу притч Соломона и Нового Завета и, завершив дело, доставляет их вместе с письменами в Армению — святому Сааку и армянскому царю Врамшапуху, и поскольку эти великие мужи давно уже были озабочены судьбою нации, то повелели они тогда Месропу открыть школы и содействовать расцвету письменности на собственной графике, собрав учеников, способных в учении, о качествах которых подробно рассказывает Мовсес Хоренаци. После всех этих установлений и распоряжений Месроп был пригла-

* Чамчян, ссылаясь на часто повторяемые Корюном названия Самостия или Самусат, что на берегу Евфрата, считает, что Хоренаци и Парпеци, говоря Самос, имеют в виду не остров Самос против Эфеса, а город Самосат.— История Армении, т. 1, прим. 2, стр. 761.

шен в Грузию для того же дела; создав письмена для гортанно-звучного гаргарского языка, он возвращается в Армению и застает святого Саака за переводом Ветхого Завета с сирийского языка на армянский, так как имевшиеся греческие книги были сожжены Меружаном и персидские надзиратели не разрешали кому-либо из армян пользоваться греческой письменностью, а только сирийской.

С большим успехом применив все, что в силах одолеть человеческая мысль, преодолевая все трудности и препятствия, армянские просветители распространяют письменность и другие важные знания в персидской части Армении.

Ту же миссию жаждут выполнить они и среди армян греческой части страны, но, натолкнувшись на неприязнь и ненависть со стороны греческих надзирателей, святой Саак направляет Месропа и своего внука Вардана в Византию, дав им послания на имя императора Феодосия, греческого епископа Атикоса (армянин родом из города Себастии) и на имя полководца Анатолия с просьбой дать императорский указ по всем местностям греческой части Армении принять патриаршество святого Саака и письмена Великого Месропа*.

Император Феодосий внемлет этой просьбе и дает императорский указ почитать Саака, приняв его пастырское руководство, а также письменность Месропа, отвергнув прежнюю, причем расходы на школы принять за счет государства, присвоив Вардану чин стрателата, а Месропу — сан первого вардапета (ученого монаха). Возвратившись к Сааку, ободренные императором посланцы стремятся излить горячую жажду сердец, спешат учить и просвещать, как опаленный зноем и томимый жаждой спешит достичь ключевой воды. Саак, считая, что Месроп вполне справится с осуществлением обучения народа на западе, оставляет с ним своих внуков, а сам вместе с Варданом отправляется в страну Араратскую, послав к персидскому двору по назревшим политическим делам кавалера Смбата и стрателата Вардана; Месроп, подготовив себе духовных сыновей и назначив их взамен себя — Гевонда и Еновка в Спере, Гнита в Дерджане и Данана в уезде Екехяц, — сам спешит в Араратский край, в

* *Хоренаци*, История Армении, кн. III, гл. 57.— Католикос Ованес. История, напечатано в Москве, стр. 33.

область Гохти, для ликвидации появившейся в то время секты еретиков, а по выполнении этой миссии отправляется в Вагаршапат — к святому Сааку. Посоветовавшись между собою, наши просветители посылают своих учеников, Овсепа и с ним его товарища из селения Кохб по имени Езник, в Месопотамию — в Эдессу, с тем чтобы они перевели и спешно привезли в Армению писания первых отцов церкви, после чего с той же миссией их пошлют в Византию. Но они, поверив чьим-то наговорам, что якобы Великий Саак и Месроп намерены в Византию послать других, вопреки распоряжению учителей отправляются прямо в Византию. Побуждаемые ревностью в этом деле, их товарищи, имена коих Гевонд и Корюн, также самовольно отправляются в Византию, куда прибывают затем и Ован и Ардзан, ранее посланные Сааком и Месропом, но задержавшиеся в Кесарии и потому запоздавшие. Эти шестеро, получив греческое образование, приступают к переводам и сочинениям. Из Византии они привезли в Армению канонические послания Эфесского собора и точные образцы Ветхого и Нового заветов, с которых Саак и Месроп заново сделали переводы. Хотя Великий Саак был искуснее всех в греческом, просветители посылают Мовсеса Хоренаци, воспитанника и ученика святого Месропа, в числе других способных юношей в Александрию для обучения «славному языку и усовершенствования в настоящей академии»*. И так, верша большое дело для своих соотечественников, эти замечательные люди один за другим принимают апостольский венец. Они сеют добрые семена на добрую ниву разума своих учеников, с которыми мы встретимся ниже.

«Страна Армения, возрожденная новым духовным рождением, несет во главе V века этих двоих как литой из злата венец золотого века; обязаны сыновья Армении, пока они существуют и пока солнце светит им, считать их своими несравнимыми благодетелями, хотя бы и другому кому удалось со временем совершить великое дело».

«Фимиамом к небу вздымается имя твое, Месроп, небесный гражданин, ты с апостольской кротостью соизволил простить своих несправедливых сынов, которые, одержимые веднями религиозного фанатизма и наученные неким Хачатуром, дерзнули наравне с тобой исповедовать чужеземную Атридову ересь. Есть у тебя сыновья,

* *Хоренаци,* История Армении, кн. III, гл. 61.

для которых имя твое превыше всего и которые память о тебе в сердцах своих запечатлели твоими письменами».

Так как, по данным истории, многие из учеников святых Саака и Месропа знакомы нам только по именам, то, поскольку труды их скрыты под пылью монастырей Армении или под руинами заветной отчизны, мы считаем нужным известные нам произведения собрать на это торжество, предоставив другим патриотам и любителям старины выявить нам неизвестные.

Езник Кохбаци, товарищ Овсепа, вместе с которым он был послан в Византию, оставил нам свой труд, озаглавленный «Опровержение ересей», разделенный на четыре части: первая против язычества, вторая против персидской веры и ее магов, третья против греческих мудрецов и четвертая против маркиановцев и манникейцев. Его современник Корюн вардапет, прозванный Чудесным, входит в ряды избранных авторов; он написал и составил нам житие и дела своего учителя Месропа и святого Саака об изобретении армянских письмен, а также сведения о самом себе. В это же время появляется отец нашей истории философ Мовсес Хоренаци, мимо которого мы не можем пройти и должны несколько остановиться в восхищении перед этим мужем и его многими плодотворными трудами. После семи лет изучения вместе с товарищами в Александрии всей премудрости, постигнутой разумом времени, он хотел отплыть в Элладу и посетить своих товарищей по учебе в Афинах, но по воле противного ветра попал в Италию и, достигнув Рима, побыл там некоторое время, научившись различным предметам, после чего через Афины и Константинополь поспешил в Армению Араратскую в жажде скорее увидеть своих учителей. Невыразимая скорбь охватила блаженного, когда он увидел, что богатые заслугами учителя его, пойдя навстречу зову Всевышнего, оставили поприще жизни, а также увидел, что царство лишилось дома Аршакидов. Тут он создал плач об этих зловещих событиях, который мы находим в конце написанной им «Истории Армении», и позаботился о заполнении пробелов в переводе священных книг. Делом его гениального разума было—завещать нам, потомкам, тщательно составленную историю нашего народа, начиная с первых Гайкидов вплоть до своих дней, что он сделал по просьбе Саака Багратуни, приложив к ней и географию по данным своего времени. Он освещает перед

нами наше прошлое, тщательно изучив сам все сказания и достоверные истории и записи своего времени,— всему этому учимся мы по трудам его и других его современников. Он создает по настояниям некоего Теодора «Гирк Питоиц» («Книгу хрий»), а также много церковных песнопений, которые упоминаются в предисловии «шараканов» (церковных песен) в любом издании, и речь о мученицах Рипсимян.

Правда, плоды столь длительных трудов кажутся не особенно большими, но следует посмотреть на современное ему армянское монашество и его главарей, со стороны которых после смерти Великого Саака и Месропа терпели нещадные гонения и издевательства эти блаженные*. Их просветительские книги называли «патахинес»[1], и нет ничего невероятного, что, попав в руки этих рясоносцев, они осуждались на сожжение или выбрасывались в воду, следуя порочному примеру Нианоса, чтобы грядущим поколениям не были представлены дела добродетельных и избранных. Руками тех же монахов, несомненно, были уничтожены нигде не обнаруживаемые теперь «Слово в стихах к себе и Сааку Багратуни», а также проклятье по адресу главарей священства, оставленное Хоренаци в письменной форме. Мы не поколеблемся также приписать им же причину гибели различных переводов Великого Мовсеса, за которыми неустанно сидел он до глубокой старости**; возможно, что это и были те действительно ученые книги, о которых упоминает Парпеци под названием патахинес, данным им монахами. После смерти Езника Кохбаци главари духовенства, коварно предоставив блаженному (Хоренаци) Багревандское епископство, поднесли ему этим как бы смертельный яд. Обнаружив постыдное преступление, Хоренаци в гневе произнес проклятье по адресу главарей духовенства; после его смерти эти рясоносцы вступили в бой с останками святого; своими святотатственными руками они вырыли его из могилы и бросили в реку, о чем упоминает блаженный Лазарь в своем послании к Ваану:

«Блаженный философ Мовсес, который еще при жизни был в одном ряду с небесными силами, разве не был гоним с места на место армянскими монахами? Разве не называли они его и его просветительские книги патахи-

* Послание Лазаря к Ваану, напечатано в Москве, 1853.
** *Хоренаци,* История Армении, кн. III, гл. 65.

несом? И после бесчисленных других враждебных выпадов они, наконец, совершили постыдный поступок с епископством, затем, напоив святого смертельным ядом, задушили его; о том страшном проклятии, с каким он письменно обрушился в смертный час на главарей священства, Вы и сами знаете... Они приказали кости его вынуть из могилы и бросить в реку; ангелоподобного мужа бесконечными гонениями довели до смерти и теперь еще пьяны ненасытной злобой к мертвому».

Возможно ли не ужаснуться вероломству рясоносцев?..

Мамбрэ Верцанох (Толкователь), брат Мовсеса Хоренаци, оставил нам несколько проповедей, из коих две были изданы: о воскрешении Лазаря и о въезде Христа в Иерусалим на осле.

Давид, прозванный Анахтом (Непобедимым) или философом, один из воспитанников Великого Саака и Месропа, двоюродный брат Мовсеса Хоренаци, получил образование в Александрии, Афинах и в Византии. Он оставил после себя несколько трудов, а именно: «О началах», «Пределы философии», или «Книга пределов», перевод Порфирия, комментатора Аристотеля, и другие такого же характера. Язык этого автора совершенно отличен от языка других армянских авторов, а слог и стиль изложения рабски подчинены греческому синтаксису.

Лазарем Парпеци (желающий познакомиться с его жизнью и деятельностью может найти сведения в его послании к Ваану, владетельному князю из рода Мамиконян, напечатанном в Москве в 1853 году трудами уважаемого ученого Мкртича Эмина и озаглавленном «Обвинение лживых монахов») написана история Армении с 388 года до 484 года после Р. Х., в которой он описывает изобретение письма Месропом, распространение просвещения, перевод священных книг, войну Армении с Персией, плодородие Арарата, благоденствие народа при наместничестве Ваана Мамиконяна — своего покровителя. Автор этот обладает отважным духом, и написанное им отличается правдивостью и верностью, а в отношении армянского языка он считается одним из первых, хотя местами и допускает некоторую расплывчатость в отличие от неизменно ровной речи Мовсеса Хоренаци.

Егише, епископ Аматунийский, ученик Саака Партева и Великого Месропа, секретарь армянского полководца

Вардана Мамиконяна, при котором он находился во время битвы против персидского царя Язкерта Второго, стремившегося навязать Армении религию огнепоклонников. Дух этого автора бодр, ясен и кроток; в отношении армянского языка книга его не имеет равной себе, и мы нисколько не погрешим против истины и не допустим никакого преувеличения, если осмелимся назвать его армянским «Златоустом», так как простота и ясность слога сочетаются у него с глубиной философской мысли, а по здравости и живости воззрений мы не находим ему равного.

Свойство духа великого мужа раскрывается перед всеми, кто читает историю войны Вардана и его соратников против Сасанидов, очевидцем и свидетелем которой, как уже отмечалось, был автор лично.

Эту историю он написал по просьбе иерея Давида. Перу его принадлежат также речи богословские и нравоучительные, но мы, не останавливаясь на них, продолжим наш обзор.

Золотой век нашей словесности — я говорю о V веке— заключают Ован Мандакуни, католикос Великой Армении после Гюта, и Хосров. Первый из них оставил нам богословские речи числом до двадцати или более и другие нравственные назидания, а Хосров написал для нас историю жизни и деятельности святого Саака. Этого Хосрова мы уже встречали как товарища Индзака, вместе с которым он отправился в Палестину, чтобы там переводить писания первых отцов церкви. Интересно было бы выяснить, не тот ли это Хосров, о котором упоминает Лазарь Парпеци в своем послании Ваану Мамиконяну, о котором мы говорили, а именно на странице 65[1]. «Беспорочный и всеми уважаемый отец Хосровик еще не достиг наших границ, был еще в пути, когда они (рясоносцы армянские), услышав об этом, вооружились словно против врага, говоря: «Куда едет еще и другой переводчик?» И блаженный еще издали услышал свист смертоносных стрел, вознес молитвы к Всевышнему и быстро получил просимое, вследствие чего другие, а не мы, удостоились принять желанные останки».

Начиная беглый обзор истории нашего V века, несмотря на его мрачность, мы надеялись найти в нем утешение для души. И, действительно, не обманулись бы в надежде, если бы только дела монашества не огорчали нам сердца. Но если золотой век мог возбудить надежду

на потомков, не дело разумного человека успокоиться в ожидании замечательных мужей для свершения плодотворных дел. Но чтобы завершить обзор, упомянем тех, чьи труды нам известны.

VI век проходит, не оставив нам печатных следов, став памятным лишь реформой календаря, проведенной католикосом Мовсесом вторым Егивардаци.

VII век, хотя по сравнению с другими обильными и богатыми веками оказался пустым и бесплодным в отношении рождаемости выдающихся деятелей, однако и он несет в своих объятиях несколько личностей, которые более или менее познали просвещение и обогатили нашу литературу несколькими произведениями. В числе их Ананий Ширакаци, изучавший математические науки у Тевхика Византийского в Трапезунде, сочинил астрономию, грамматику, архитектуру, заимствовав это у греков и халдейцев. По просьбе отцов-отшельников он пишет и различные речи.

Теодорос Кртенавор, получивший греческое образование, по воззрениям времени большой знаток богословских наук, оставил нам несколько богословских речей против Ованеса Майраванци и его ученика Саркиса Бухараци.

Мовсес Сюни, епископ, прозванный «Кертох», написал грамматику, риторику и другие речи. Он был знатоком греческой литературы и еще большим знатоком армянского языка и литературы; многие даже думают, что им написана «Гирк Питоиц» («Книга хрий»), приписываемая Хоренаци, а также грамматика и правила ораторской науки, приписываемые ему вместо почтенного старца. Но нам кажется, что скорее совпадение имен дало повод для этих предположений, нежели достоинства Мовсеса Сюни, который и по времени и по содержанию своих трудов на много отстает от Мовсеса Хоренаци.

Мовсес Каганкатваци выступает в конце VII века со своей историей Агван, которая долгое время считалась утерянной. Достоинства этого автора состоят в беспристрастном соблюдении меры, в верности излагаемого, а также в качестве языка и слога изложения. Эту историю, скопированную с отличного образца, обещает патриотам выпустить в свет уважаемый Мкртич Эмин. Литературу этого века заключает Ованес Мамиконян, продолживший написанное Зенобом, о котором упоминалось ранее, и давший к нему приложение об армянской словесности.

В пострадавшей от анархии Армении в VIII веке выделяются по меньшей мере две великолепные личности — переводчики греческой литературы, успех которых носит на себе печать V века. Один из них — Ован Одзнеци, католикос всех армян, который за глубину мысли, красноречие и искусность в философии получил почетное прозвище «Имастасэр» (мудролюб, философ). Взойдя на патриарший престол в 718 году, он приложил все усилия к тому, чтобы умиротворить нашу церковь и очистить ее от вторгнувшихся еретиков, появившихся в то время.

Выдающимися произведениями его считаются: а) речь, произнесенная на соборе в Двине в 719 году, на втором году патриаршества; б) речь против фантастов, относящаяся особенно к человечности Христа и к двум несмешиваемым и неразделимым природам, объединенным в Христе; в) речь против солнцепоклонников, следы которых еще замечались в Армении вплоть до VIII века.

Второй — архиепископ Сюнеци Степаннос, из трудов которого многие до нас не дошли, а те, что сохранились до наших дней,— это переводы с греческого, из Дионисия Ареопагского — о первосвященстве небесных, Григория Нивского — богословские речи, книга Кирилла Александрийского и произведения многих других.

В IX веке Армения, утерев слезы сочувствия мудрых князей Багратуни, много сделавших для ее просвещения, выдвигает в числе других католикоса Ованеса, историка. Пользуясь старыми и живыми источниками, он пишет историю Армении с древнейших времен до своих дней с богатыми подробностями. Почтенные отцы Мхитаристы не пожелали в числе других авторов древней Армении увенчать и его историю, считая его противником Халкедонского собора. Она была издана в Иерусалиме, но по извращенному списку, а в 1853 году была заново напечатана с избранного образца уважаемым Мкртичем Эмином в Москве. После него идет историк Товма Арцруни, написавший по просьбе царя Гагика из рода Арцруни историю рода Арцруни, разбитую на пять частей; она была напечатана в Константинополе в 1852 году.

Наступает X век, неся в объятиях Григора — более гражданина, чем нарекаци [монаха]; книга его молитв, названная «Нарек», действительно, несравненна по богатству мысли и величию слога. Его же перу принадлежит толкование «Песни песней» Соломона, различные ре-

чи о святой деве Марии, об апостолах, о животворящем кресте христовом. К этому же веку относится Степан Асохик, автор истории Армении от начала до 1000 года, которую по точности хронологии многие предпочитают другим, а также иерей Гевонд, автор истории Магомета и арабских халифов.

В начале XI века жил Ован Козерн, большой знаток математических наук. По просьбе епископа Анания Вагаршапатского он написал речь о календаре и книгу о христианской вере. Григор Магистрос Пахлавуни*, слог которого крайне тяжел и совершенно подчинен греческой школе, оставил письма, относящиеся к политическим, государственным, историческим и философским наукам. Он же известен нам как переводчик греческих и сирийских книг, которые стали жертвой нещадного времени и до нас не дошли.

В XI веке жил и Аристакес Ластивертци, автор истории Армении с 988 года, с царствования Гагика Первого из рода Багратуни, и до 1071 года. Он описывает ужасы разрушения Ани и бедствия Ширакской области. Григор Вкайасэр переводил жития святых с сирийского и греческого языков, чему и обязан своим прозвищем.

В XII веке Григор Пахлавуни, реформировав армянский календарь и табель праздников и сочинив ряд шараканов, передает патриарший престол преемнику — своему младшему брату Нерсесу Шнорали, проживавшему в Ромкле и потому называемому также Клайеци. Труды его, как ученые, так и богословские, многочисленны, и следует вспомнить его с почетом и уважением, так как был он поистине достойным пастырем и утешителем национальной церкви.

Из стихотворных произведений этого автора примечательны: «Иисус сын», «Плач об Эдессе» в связи с разрушением этого города при набеге османцев в 1144 году, «История Армении» и церковные песнопения по различным поводам. Из прозаических произведений первое

* Слово «магистрос» следует понимать не в современном его значении у европейцев как ученую степень, а как политическую почесть. Армяне, не имея ни университетов, ни академий, не имеют и ученых магистров или профессоров, да и не могут иметь, пока не создадут всеобщего ученья в собственных университетах. Правда, армяне могут достигнуть магистерской чести, но это — или учась в чужих университетах, или будучи награждены армянским католикосом, как это имело место в последнее время с Мсером Змюрнаци.

место занимают его «Послания», изданные в Санкт-Петербурге.

Игнатиос вардапет известен как толкователь евангелия от Луки, а Саркис вардапет за сладостность речи, глубину и верность мысли был назван Нерсесом Шнорали толкователем католикосов.

Маттеос Ургайеци, священник, написал историю крестоносцев и историю царствования Ашота, которая начинается с 952 года и заканчивается 1132 годом. Слог изложения слабее подлинно армянского языка древних авторов, лишен гладкости, заметны элементы нынешнего нового армянского языка.

Считая лишним перечислять здесь всех без исключения авторов как XII, так и последующих веков, мы ограничимся указанием лишь главных, по которым можем заключить о силе и мощи нашей литературы в свидетельство уже сказанного нами. Итак, оставив прочих, напомним о Нерсесе Ламбронаци — муже суровом, красноречивом и ученом в греческом и латинском ученье, на 23-м году жизни удостоившемся чести инспекторства и выступившем на соборе в Тарсоне в 1179 году с речью об объединении армянской и греческой церквей. Эта речь, достойная внимания по богатству языка и по глубокому смыслу, напечатана отцами-мхитаристами, а другие его речи — о боге-духе и о вознесении Христа — находятся в часослове армянской церкви. Слог его и влиятельность мыслей дают нам основание сравнить его с Лазарем Парпеци, у которого находим обилие острых мыслей. В конце XII века в ряды армянских авторов вступает баснописец Мхитар, прозванный «Гошем», со своими нравоучительными баснями и сводом гражданских законов, основанных в общем на кодексах Феодосия и Юстиниана, а также различными речами о порядках и обрядах армянской церкви.

В XIII и XIV веках хотя и появлялись в истории нашей литературы люди, в той или иной мере внесшие свой вклад в литературу, но они не идут ни в какое сравнение с их могучими предшественниками. Таковы: Григор Скевраци, ученик Нерсеса Ламбронаци; его современник Мхитар Анеци; Аристакес — автор грамматики и краткого словаря армянского языка; Ован Ванакан, Вардан Барцрабердци, Киракос Гандзакеци; Ваграм Эдесаци — секретарь армянского царя Левона; Ованес Ерзынкаци (Плуз),

особенно известный в истории армянской словесности своим толкованием грамматики, а также астрономией, написанной в 1284 году по просьбе грузинского князя Вахтанга и тифлисского епископа; у этого автора мы уже не находим блестящего слога армянской речи Хоренаци и Егише; историк Степанос Орбели, навеки заслуживший уважение точностью хронологических сведений, сообщаемых им; в его произведениях также заметны элементы нового армянского языка; Григор VII, армянский католикос, реформатор нашего календаря в соответствии с календарями греческим и латинским; в его годы развернулся и Хачатур вардапет Кечараци — автор церковных песнопений — «Шараканов».

Армянская словесность, претворенная в жизнь греческим духом и на протяжении целых восьми или девяти веков — начиная с V века и вплоть до конца XIII — обогащавшаяся по временам замечательными образцами армянского слова, совершенно гибнет в XIV веке, ибо в XV веке только Товма вардапет Мецопеци пишет о бедствиях, обрушившихся на Армению, — о нашествии Тамерлана, разорившего Восточную Азию. В овдовевшей Армении, лишенной и государства и писателей, мы не видим ничего, кроме ударов от татарских набегов, а затем и других, перешедших меру безжалостности, больше всего от исчадия ада — Тамерлана, который, выступив войной, разрушил церкви, их имущество разграбил, поработил население, а все книги и рукописи, имевшиеся в Армении, запер в неприступной башне в своей столице Самарканде, отдав приказ, как рассказывают нам современные летописцы, чтобы никто не осмеливался брать их оттуда. Анархия на земле Армянской, порожденная отсутствием учения и воспитания, отсутствием единодушия у армян на всякое доброе дело, их бессмысленной, безрассудной завистью друг к другу, умножает боль и скорбь Армении: если некогда, в дни патриарха Арама, к границам государства шло повеление вести дела повсюду на армянском языке, теперь, подвергшись переменам времени, она вынуждена была терять свою заветную речь. Итак, отступив перед бессмыслицей и невежеством, совершенно опустошается литература. Но само время начинает прокладывать дорогу к новому армянскому языку, признаки которого намечались уже в XI веке и после того, разрастаясь изо дня в день, оформились в разный для различных краев

и областей разговорный, светский, язык наших дней, более или менее близкий к чистому армянскому языку. И вообще надо сказать, что язык наших древних авторов не в такой степени изменился в устах армян, в какой изменился древний латинский в устах итальянцев, французов и других романских народов. А можно было ожидать обратного явления, памятуя безграничные и бесконечные потрясения и ужасы, имевшие место на земле Армянской.

Бесплодие и вообще голод в нашей словесности XVI и XVII веков, а также искажение языка доказываются ссылкой на историю Аракела вардапета Даврижеци, напечатанную Восканом вардапетом в Голландии, в типографии, основанной в 1655 году дьяконом Маттеосом Цареци, посланным армянским католикосом Акопом.

Книгопечатание у армян появляется впервые в Константинополе, но католикос Акоп, недовольный этим, заботится о посылке человека в Европу, с тем чтобы дать изготовить чистый шрифт, и, найдя верного человека в лице Маттеоса Цареци, посылает его в Венецию, Рим и Амстердам. Найдя в Амстердаме подходящего мастера, он заказывает ему шрифт, но, впав в долги, вскоре умирает, оставив дело братьям Аветису и Воскану Ереванци, которые, завершив отливку шрифта, печатают наряду с различными церковными книгами также первую у армян библию, но, с прискорбием надо признать, извратив ее значительными сокращениями по примеру греческих и латинских изданий, так что потом она была восстановлена с образца, избранного Мхитаром вардапетом Себастаци — основателем и руководителем конгрегации святого Лазаря в Венеции.

Словесность наша и язык, в более узком смысле слова, дичают вплоть до начала XVIII века, когда волей судеб Мхитар вардапет Себастаци, покинув Великую Армению, после многих скитаний по мукам попадает в Италию, в Венецию, и основывает у синих вод Адриатики прочную базу древнеармянской культуры и как бы с некоего маяка подает нации свет неустанным литературным трудом. Слава великого мужа, самоотверженно отдавшего себя делу просвещения нации, умаляется его направлением — его отпадением от армянской церкви и переходом в лоно римского папы, а также извращением писаний древних по вероисповедным вопросам, но, рассуждая здраво, мы не

вправе порицать его, так как, покинутый своими, он нашел помощь у чужих и, наконец, вынужден был поклоняться и вере тех, чьим гостеприимством он пользовался. Мы не отрицаем, что прискорбно нам направление Мхитара Себастаци, но причина этого прискорбного факта — все те же нравы ненавистников и гонителей просвещения — армянского монашества. Но так или иначе, а словесность армянская, превратившаяся в прах в XVI и XVII веках, вновь возгорелась из искры, зажженной Мхитаром Себастаци, порождением его гениальной мысли.

Из последователей этого великого и замечательного мужа, начиная с основания конгрегации и по сей день, выдвинулись великолепные арменисты, они перевели довольно много книг по различным отраслям знания с иностранных языков на армянский, из коих, по-моему, насколько приходилось мне знакомиться с их трудами, особенно сильны отцы: Вртанес Аскерян, два брата Авгерян, Джахджахян, Инчичян с его капитальными трудами «Описание древней Армении» и «Армянская археология», Айвазовский с его историческими трудами[1] и отличным армянским языком, какой находим редко у других. Не можем мы забыть также Микаэла Чамчяна и его историю в трех пухлых томах, но, наученные почитать истину, мы должны тут же сказать, что он, как засвидетельствовал это недавно венский журнал «Европа»[2] в первом номере от 20 января 1853 года, выйдя из лона папы, взявши в руки перо ради папы, постоянно старался извратить направление немногих преданий, относящихся к национальной истории, ибо у него мы находим не только частичную ложь, но и на протяжении всего изложения целую легенду в римском толковании. В то время как наши католикосы и вообще григорианская церковь отвергают мнимое главенство римского папы и его неуместную власть над всеми епископами в качестве наместника Христа и преемника Петра, почтенный Чамчян излагает историю по своему вкусу и желанию, а не так, как диктует действительность. Не говоря уже о том, что его истории в целом очень и очень недостает историчности, мы считаем вовсе неуместным говорить, в частности, об истории Армении, если только можно назвать ее историей. По представлению европейских народов, у которых мы вообще учимся, то, что называется историей, должно прежде всего иметь

материал, форму и вообще организацию подобно организму, чтобы материал, получив форму, внутренне рос, организовывался, неуклонно пускал ростки, не нарушая целого. Всех этих условий, необходимых для истории, не было у Армении. Говоря это, мы отнюдь не хотим отнести это к недостаткам Чамчяна. Его история вообще лишена исторической системы. Мы признаем, что жизнь нашего народа вовсе не развивалась так, как у других народов. Она была прерывистой, порабощенной и подчиненной влиянию других государств и притом, хотя и больно нам признаться, в условиях укоренившегося среди армян некоего адского духа несолидарности и безрассудной зависти к удаче товарища. По народу и история его; из истории мы должны делать выводы о качестве, о духе того или иного народа, как о части чего-либо мы можем судить лишь по целому. И при всем этом не только не бесполезно, а, наоборот, нужно и очень нужно выявлять перед новым поколением остатки преданий, крохи деяний наших предков, как требуют того исторические порядки и законы. Нет сомнения и в том, что все эти исследования следовало бы давать на новом языке, понятном всем армянам, ибо понятное может помочь, а от непонятного какая польза? Повторяем — какая польза? Слово должно быть услышано и понято, следовательно, и говорить должно понятным языком, иначе говорящий не будет услышан, а слушающий не извлечет пользы. Наши писатели хотя и не одобряли бессистемную историю Чамчяна, но до сих пор сами пренебрегали настоящей работой, и здесь именно кроется причина того, что наш народ не знает своей истории, не знаком с трудами своих предков, не знает отцов своих. Беззаботность и безответственность! Мы крепко надеемся, что достопочтенный профессор Степанос Назарянц не сочтет недостойным обратить внимание на это в своей деятельности, если только на помощь ему поспешат своим поощрением здравомыслящие патриоты, разумеется, не приказывая ему, как своему слуге, а приглашая на почетное поприще мужа ученого и многодостойного. Однако довольно об истории Армении, вернемся к нашей теме.

Возникает вопрос, даже, если хотите, с точки зрения любознательности: что же сделала для нации конгрегация мхитаристов? На этот вопрос следует ответить чистосердечно, с душой, незапятнанной пороком религиозного

фанатизма, не оглядываясь по сторонам. Хотя мы не можем осуждать Мхитара Себастаци за отступничество от армянской церкви, но и не одобряем его за этот поступок. Чтобы не порицать Мхитара за вероотступничество, должно помнить о деспотических обстоятельствах времени, которые постоянно давят на человека, от которых зависят все события в жизни человечества, и судить следует эти обстоятельства времени, а не Мхитара, словно бы это был сверхчеловек. Но как можем оставить мы без укора фанатичных и монашески мыслящих преемников и учеников его, которые бесстыдно и без страха божьего метали каменями в родительскую церковь, набросив на себя монашескую схиму извращенной римской церкви, в которой почитаются не столько веленья божьи, сколько приказы людей, легко поддающихся ошибкам, которых они чуть ли не обожествляли, провозгласив римскую церковь безошибочной (risum teneatris, amici). Предположим, что Мхитар как человек XVII—XVIII веков руководствовался средневековыми взглядами или же как человек, не склонный к учености, желающий ученья, но сам не ученый, не сумел ясными глазами увидеть родную церковь, но разве можно поверить, что сейчас, в XIX веке, почтенные отцы мхитаристы сами не видят неудобство этого положения, не видят, что армянская церковь, если и не выше римской, то уже нисколько не ниже и не меньше ее? И почему же должны мы, слыша столь недостойные слова из уст армянских папистов, думать, что якобы усилия и труды мхитаристов были на пользу нации? Отлично видя дело, мы не можем заблуждаться и строить воздушные предположения, ибо хорошо знаем — и нет тут никакого сомненья, — что жизнь нации сохраняют государство, религия и язык. Первое мы утратили и нет его теперь, остается, значит, искать прибежище в религии и языке, но, если почтенные мхитаристы, присвоив себе привилегию патриотов, имеют бесстыдство бросать армянскую массу в лоно римской церкви, пусть скажут, чем же они тогда сохраняют жизнь нации? Одним лишь языком? Этого недостаточно, тем более что народу непонятен заветный древний язык, а новый у них извращен до такой степени, что трудно слуху выносить этот беспорядочный жаргон. Мхитаристы сделали для нации то, что восстановили осиротевший древнеармянский язык — этой заслуги мы не можем их лишить, этой милостью мы обязаны им.

Но это возрождение древнего языка имело ли общее значение для армянского народа — об этом-то и вся наша речь. Нет и среди нас недостатка в предубежденных людях, которые, произнося слова «Венецианская конгрегация» или просто «Венеция», подразумевая под этим конгрегацию мхитаристов, считают, что она много сделала для нации, но это, как мы сказали, мнение ненаучное и лишенное оснований, и притом мнение не общее, а некоторых предубежденных лиц.

Давайте разберемся теперь, что сделала для армянской нации Венская конгрегация[1] — достойная дщерь своей венецианской матери.

По совести говоря, ее миссия, усилия и труды были направлены к тому, чтобы извратить и исказить наш древний язык своим неустанным и упорным пристрастием к буквам «гад» (ղ) и «пюр» (փ). Она арменизировала несколько европейских букв: е переведя в «гад» (ղ) и t — в «пюр» (փ), — вот и вся ее заслуга; в отношении же фанатизма и армянофобства она похуже венецианцев, которые умеют более или менее ловко маскировать свои постыдные дела. Да видят отныне наши почтенные соотечественники цели олатынившихся армянских конгрегаций, да видят и познают и да не надеются собрать смокву с римского терновника! Пусть заботятся сами, помогая друг другу, о своих детях, изыскав собственные средства для их просвещения, ибо свет, исходящий от чужих, злее собственной тьмы, если, конечно, каждый со здравым разумом обсудит смысл этих наших слов.

После этого беглого обзора истории нашей литературы, от расцвета нашего языка до нынешних дней, нам остается еще упомянуть о национальных журналах и газетах, издаваемых различными организациями и лицами в Константинополе, Смирне, Калькутте, Сингапуре, Венеции и Вене.

Из этих журналов предпочтительнее всех смирненский, по праву носящий название «Азгасэр» («Патриот»)[2], как по гладкости слова новоармянского языка, так и по здравому рассуждению оказавшийся плодотворным и заслуживший своими неоспоримыми полезными качествами любовь народа. Надеемся, что этот журнал, издаваемый ученым Балтазаряном, будет и впредь с неизменным успехом продолжать свою деятельность и что любящее

просвещение смирненское общество, как и вся нация, чистосердечно к нему привлеченная, вознаградят труд неутомимого редактора. Если бы все наши журналы следовали по этому пути, преподнося армянскому народу чистую, насколько это возможно по обстоятельствам места, духовную пищу! Да, мы охотно признаем достоинства константинопольских армянских журналов «Нойян ахавни» («Ноев голубь»)[1] и «Масис»[2] и не можем отказать в нашей признательности почтенным авторам этих журналов, так как и они, по примеру господина Балтазаряна, позаботились о внедрении нового национального языка и о том, чтобы им проложить дорогу через пустыню армянского просвещения, хотя пока только в частных пределах журналистики.

Наш ученый соотечественник господин Месроп Давтян Тагиадянц не менее, чем разнообразными трудами своими (которые спустя долгое время после печати дошли до нас из далекой страны, где он проживает), известен издаваемым им в Калькутте патриотическим журналом «Азгасэр» («Патриот»)[3], хотя с болью признаемся, что направление сего ученого мужа не было совершенно согласовано с его благородной целью, так как язык его книг был непонятен простому народу и пригоден лишь отдельным лицам, являющимся, по-моему, служителями храма древнеармянского языка; и кто же не пожалеет о том, что господин Тагиадянц противился облачению ярких и острых порождений своей мысли в одежды XIX века, чем оказал бы большую услугу нации, ибо народ наш под влиянием времени не знает одежды древних фасонов, к числу которых относится и армянский язык IV или V веков? Но для будущих любителей и исследователей древнеармянского языка упомянутый автор никогда не потеряет своего достоинства и не затмят... имени его произведения на одряхлевшем армянском языке, ибо никто из авторов XVIII и XIX веков не старался в такой мере пренебречь воздействием времен на язык, как господин Тагиадянц. Вообще будущие исследователи старины, взяв в руки литературу на древнем языке V века и литературу XIX века, не найдут в них большой разницы, отличие их друг от друга будет заключаться разве только в ясности или путанности языка, но ведь это встречается в любом веке; и в заветном V веке не все были Егише, не все Хоренаци и т. д., были и такие, которые в отношении армяно-

ведения намного отставали от уважаемых авторов, такими были и есть Авгеряны, Джахджахян, Аскерян, Инчичян, Айвазовский и другие, которых здесь перечислять не место. И один лишь господин Тагиадянц осветит будущим исследователям старины, как отразился XIX век на древнем языке, однако все это удовлетворит желание и даст ответ лишь ученым исследователям, а какая от этого польза народу вообще? Никакой и еще раз никакой! Этот древний язык лишен прав современности, лишен жизни в социальном быту. И каждый армянин, если он учится ему или обязан будет учиться, то лишь с той целью, с какой европейские дети учатся латинскому и греческому. Но армянам нужен другой, новый и живой светский язык, созданный и разработанный усилиями авторов как орудие национального просвещения. Такова была первая потребность, но остается и еще одна, к которой до сих пор никто из армян в России не проявлял и не хочет проявлять внимания, а именно — основание армянских школ с преподаванием в них всего учебного материала на армянском языке, ибо живая речь учителя иначе воздействует на сердце и душу учащегося, чем только написанное, не говоря уж о том, что многое и в светской литературе без дополнительного разъяснения со стороны учителя осталось бы непонятным армянскому ребенку. Но наши умные попы, нагромождая одни трудности на другие, своими же руками закрывают и замуровывают все ходы к просвещению. По их мнению язык армянский и просвещение — два разных явления: им представляется чем-то большим несколько жалких осколков древнеармянского слова, в то время как головы детей, лишенные великолепных знаний нашего века, остаются пустыми и без пищи. Но дитя армянское нуждается в понятном языке, на котором оно могло бы учиться даже и древнему языку, который непонятен ему, хотя многие из упрямых фанатиков старины шли и на такие опыты — пробовали на древнем учить древнему, что значит мертвым возрождать к жизни мертвое. Эти фанатики все еще связаны и скованы ограниченными и мутными понятиями софистических веков, в которые жили схоласты. И не удалось им увидеть свое желание осуществленным, не говоря о немногих исключениях. Ничего не можем сказать о любопытном журнале «Сингапур»[1], ибо не сумели раскусить его цели. Этот журнал больше других кажется нам удивительным тем, что до сих

пор не открыл своей цели и причины подобного загадочного поведения. Перейдем теперь к рассмотрению журнала мхитаристов «Базмавеп» («Полигистор»)[1], затем к венской газете «Европа».

За журналом «Базмавеп» мы следили с начала его существования до последних дней и поняли, что этот журнал — только средство добывания дохода, предмет торговли, ибо, напечатав несколько старых национальных поэм и надгробных стихотворений, появлявшихся чаще, чем что-либо другое, он не имеет чем оправдаться перед священным судом критики; отдел естествознания этого журнала кормится за счет «Житницы полезных знаний»[2], некогда издававшейся в Смирне, в чем может удостовериться каждый и убедиться в истинности наших слов, а мужественное рассуждение, мысли, мнения, живые идеи и воззрения на различные науки, которыми озаряется мысль и питается душа, изгнаны из этого журнала, в нем не последнее место занимали ежемесячные «откровения» мхитаристов, почтительно именуемые «Загадками», не говоря уж о неправильной структуре языка, которую в последние дни немного упорядочили. А венская «Европа» кажется нам созданной с целью развлечения для местной конгрегации мхитаристов или как средство распространения безвкусных мнений и рассуждений монашески мыслящих авторов, для которых показателен 1-й номер за январь 1853 года, в котором они не постыдились выставить святого Месропа обязанным Мхитару Себастаци, что явилось камнем, брошенным в Месропа по традиции преступных монахов, ради некоторой массы легко поддающихся соблазну армян, вовлекаемых в лоно заблуждающейся римской церкви.

Все эти печальные свидетельства жалкого армянского невежества наполнили сердце наше горечью, но скрывать эту саркому, заражающую и здоровое тело народа, неразумно. Посему пусть хорошо видят почтенные наши соотечественники усилия и труды мхитаристов, которые состоят наемниками римской церкви и которым не только нет дела до нападения волка, но они и сами в не меньшей мере готовы резать ягнят, расположившихся на покой в лоне армянской церкви, если только серьезные пастыри, кому доверены овцы, допустят это; но, милостью всемогущего, уста наши раскрыты против всех противников истины, и стрелы наши заострены, чтобы изгнать

и сокрушить всех коварных и хитрых волков в овечьей шкуре; хватит и того, что они утоляли ненасытный голод римский армянской кровью!

Пусть видят наши почтенные соотечественники и не надеются найти сладкое и веселящее вино в закопченной утвари, приготовленной лжепатриотами; пусть научатся сами готовить пищу для своих детей собственными руками, с присущим им разумом изыскивая средства и возможности для своего просвещения, — и пока не сделано это, ложно всякое армянство, ложен и патриотизм, провозглашением которого повседневно сотрясается воздух.

В ходе нашего обзора должны мы сказать и о наших писателях среди российских армян, хотя и трудно, очень трудно отыскать их вследствие бесплодности и скудости их трудов. Причина этого явления скрыта более глубоко, чем это кажется при беглом и поверхностном взгляде. Если среди армян в Турции учебно-просветительные общества немного сделали для народа, то они по крайней мере не переставали действовать и проявлять патриотическую энергию. У нас, российских армян, большое число авторов, среди них епископ Микаэл Саллантян, Худабашянц, Мсер Змюрнаци [Мсерян], Мкртич Эмин и некоторые другие, из коих епископ Микаэл Саллантян, сосредоточившись на изучении разных языков и богословских наук в схоластическом духе, выступает с религиозными и риторическими трудами, напечатанными в период его учительства в Лазаревском институте. Не место здесь для подробной оценки деятельности этого мужа, немало выдающегося в группе наших церковников, но мы считаем необходимым ознакомить читателя хотя бы с таким фактом из его биографии. Соблазненный с детских лет олатынившимися монахами, он попал в лоно римской церкви, где и принял священство, но впоследствии оставил чуждую церковь, не поколебался обратиться к своей и выступить против латино-армян, беспристрастными свидетелями чего являются его произведения по вопросам религии в книге, озаглавленной «Араратские музы». Правда, этот муж в сравнении с его коллегами в армянском духовенстве превосходил их в богословских и исторических науках и мог бы сделать свои труды достоянием современников и будущих поколений, если бы написанное им было на языке, понятном вообще народу.

Разве наши читатели не говорят, что произведения его погребены в недрах библиотек на потребу бессловесным червям, а не разумным существам? Автор Армяно-русского словаря, напечатанного в Москве в 1832 году, Александр Худабашянц своим трудом помог и помогает многим переводчикам, нетвердым в знании армянского и русского языков; вообще это издание небесполезно, особенно для русских, желающих учиться армянскому языку; но для обучения армянскому языку русским был бы несравненно полезнее русско-армянский словарь, какой издали недавно архимандрит Арутюн Аламдарянц и господин Ерицпохянц, хотя надо сказать, как бы неприятно это ни было, об изобилии у них в словаре ошибок и погрешностей против армянского языка, о неудачном словотворчестве и следованию искажениям Венской конгрегации мхитаристов, которые, не оглядываясь по сторонам, произвольно переводят немецкие слова, не принимая во внимание законов нашего языка, не считаясь с тем, приемлемо ли это для него. Впрочем, наши читатели уже разобрались и проверили это, а потому ограничимся сказанным.

Старший преподаватель армянской словесности в Лазаревском институте Мсер Григорян Змюрнаци [Мсерян], о котором мы упоминали в начале нашей речи, имеет напечатанными несколько книг, относящихся к религиозной тематике. Его знание армянского языка, возможно безупречное, но всегда отрывочное и бессвязное, ограничивается узкими рамками; подобно маленьким суднам, бредущим по заливу, он не дерзает выйти на широкие морские просторы. Этот почтенный автор, не знаем для чего, ужели лишь для того, чтобы заслужить славу мужа-армяноведа, пишет на древнеармянском языке, делая свои труды непонятными народу. Мы спрашиваем — и имеем право спросить: если в намерение почтенного мужа входило воспитывать в наш век армянский народ, почему же не пишет он на языке, понятном и употребляемом в общественном быту?..

Получил ли народ какую-либо пользу от таких произведений?.. Решить это нетрудно, но об этом речь ниже.

Быть может, господин Мсер Змюрнаци [Мсерян], не одобряя наших правдивых слов, укажет нам на свои небольшие брошюры в «Аватапатумк» («Вероучения»),

написанные якобы на новом армянском языке. Но эти брошюры, по совести говоря, не что иное, как смесь древнего и нового языков, ни рыба ни мясо... Пусть внимательно слушают народную речь, бытующую в простом народе, слушают и изучают, какие армяне и в каких местностях применяют в разговорном языке букву З как показатель винительного падежа, которую встречаем повсюду в брошюрах господина Змюрнаци.

В предисловиях своих книжек этот автор провозглашает очищение им нового армянского языка изгнанием из него показателей настоящего времени — частицы «ум» и будущего времени частицы «кы», которые, по его словам, являются варваризмами. Действительно, им сделано это дело, но осуществлена его цель не обновлением древнего языка, а одревнением нового, получился ни древний язык, ни новый, а греческий кентавр. Относительно причисления им частиц «ум» и «кы» к варваризмам излишне подробно останавливаться, извиним это мнение автору лишь потому, что он несведущ в других языках и не в состоянии разобрать и понять, путем каких огромных преобразований создавались из древних языков новые, не нося титула «варварских».

Пора обратиться к трудам Мкртича Эмина — директора Лазаревского института. О его «Грамматике», переписанной из грамматик Саллантяна и Габриэляна, было бы излишне говорить, ибо всякий, кто видел ее, может легко узнать что̀ принадлежит упомянутым авторам и что̀ является заплатами господина Эмина вместе с ошибками, о которых он и сам, как известно, свидетельствует, исправив их в новом издании. Но стоит поговорить о критической части его «Эпоса древней Армении», напечатанного в Москве в 1850 году. Сладостно нам, соотечественникам господина Эмина, видеть его филологическое исследование (не для народа вообще, а для армяноведов), ибо каждый, кто сведущ в армянской словесности, прилагает усилия, чтобы осветить вопросы, неясности, относящиеся к нашему языку и литературе, но почтенный автор — удивляемся, откуда он это взял, — на 5-й странице пишет: «существование коих (народных песен), не знаю почему, всеми единодушно отрицается». «Это мнение, простительное в устах чужих, недопустимо для наших, которые добровольно отказываются от родного наследства»,— заключает он на страницах 93—94...

«Осмелился... собрать воедино... до основания разрушенное изумительное сооружение песни эпической, подобно *младенцу Вардгесу,* который, в древности,

Отделившись, отправился
Из области Тухов,
По реке Касах.
Придя, воссел
На холме Шреш,
В городе Артимеде,
На реке Касах,
Ковать-крепить дверь
Царя Ерванда».

Задолго до исследования почтенного автора и наши и чужие говорили в своих сочинениях о древних песнях и приводили подлинные песни из [«Истории»] старика Хоренаци. И кто же «отрицал» эти песни и «отказывался добровольно от родного наследства», как говорит господин Эмин, что и дало ему повод приложить усилия с сыновней любовью к нашей древности «собрать воедино» (стр. 93—94)? Нам кажется, что это лишь фантазия или что-то другое, известное лишь самому почтенному автору.

Не отрицаем его любви к родной словесности, в доказательство которой можем привести факт опубликования им истории католикоса Ованеса и послания Лазаря Парпеци к Ваану Мамиконянцу, напечатанных в Москве в 1853 году на пользу любителям древности и к сведению арменоведов вместе с предисловиями об авторах и произведениях. Признаем его заслуги также по изданию древних авторов. Но тут мы прекратим обзор истории нашей литературы и перейдем от него к изложению мыслей и соображений, вызванных этим беглым обзором.

Главное, с самого начала и по сей день редко где у наших авторов в их произведениях мы находим такое, что могло бы обработать целинный разум нашего народа. Армянская жизнь, превратившаяся в совершенную пустыню, нуждается в длительной обработке, освещенной светом европейского опыта.

Одну лишь проповедь армянского языка, принуждение детей зубрить именительный, звательный — и притом на грабаре — мы считаем делом жалким, и жалким до слез. Если бы даже сами достопочтенные наставники армянской школьной учебы, которым дано знание только армянского, могли быть причислены к просвещенным людям, и тогда не стоило бы заставлять детей блуждать по

недоступной ниве, поросшей сорняками за тринадцать веков. Не говорим уже о том, что этого и в мыслях не могли иметь те, о которых так хорошо сказал епископ Микаэл Саллантянц в предисловии к своей риторике: «Тот, кто знает только армянский, ничего не знает».

Да узреют армянские мудрецы европейское просвещение, исследуют направление их авторов и затем, будучи в курсе дела, скажут с чистой совестью, могло ли армянское дитя, под тысячами ударов времени обучаясь древней армянской словесности, ожить и расти духовно и притом овладеть знаниями, которыми полна Европа? Мы отлично знаем, что в возражение нам сошлются на политическую жизненность, на многочисленность народа, на его любовь к грамоте и на тысячи обстоятельств, которых лишены мы вообще. Мы и сами признаем все это и принимаем, что мы никогда не сможем итти параллельно Европе в походах на завоевание наук, но, любя свой народ и подлинно болея о его жалком положении, мы и говорим: неужели если нет возможности сделать большое, то следует пренебрегать и малым? Если мы не в состоянии создать, основать крупные научные общества вроде академии и т. п., неужели следует лишить детей и того небольшого просвещения, которое мы могли бы дать им, пользуясь опытом европейцев? О нелюбви нашего народа к книге, об укоренившейся в нем ненависти к учению разглагольствуют сами же почтенные любители древности, они сообщают, что тот или иной армянин с радостью предпочтет купить какое-либо художественное произведение на чужих языках, чем историю католикоса Ованнеса... Почему же армяне вообще с антипатией относились к своей литературе? Разве не слышат они повседневной жалобы народа на непонятность для него написанного по-армянски? Разве не знают наши почтенные авторы, что та отчуждающая сила, которая принуждает наш народ отрекаться от своего языка, заключается в том, что нет ему хода в этот заветный храм, ключи от которого, по прекрасному выражению профессора Степаноса [Назарянца], утеряны им безвозвратно в волнах веков минувших? (предисловие к «Психологии», напечатанное в Москве в 1851 году).

Наш народ, сирый и беспризорый, рассеянный по лицу земли, осушил до дна горькую чашу испытаний, что уготовили ему предки своими раздорами, завистью, под-

халимством и больше всего упорным невежеством. Он не имеет возможности посвятить себя знанию своего языка, ибо для того, чтобы научиться ему, потребуется пять или шесть лет. Каждый армянский юноша по достижении зрелости должен добывать средства на жизнь, ибо время требует этого: яма тут, яма там и смерть впереди — по мудрому слову Нарекаци. Так что же могло смягчить дикость армянского разума, чтобы сеять семя доброе в нетронутой пустыне, орошать, удобрять ее, чтобы сделать плодоносной, как не то, чтобы говорить с народом на языке, на изучение которого ему не надо тратить время, которым он уже владеет, получив с молоком от кормилицы? И какой армянин отказался бы от любви к книге и любви к учению, если бы, взяв в руки книгу, понимал бы ее, не нуждаясь в пояснениях некоторых недоучек, привыкших в нашем народе вторгаться в группы простолюдинов, чувствуя себя на цицероновской кафедре? Говоря это, мы вовсе не думаем, что с обновлением литературы армяне тут же сбросят с себя нелюбовь к мудрости, которая есть и сейчас и была в древней Армении, о чем узнаем у старца Хоренаци*; лишь мало-помалу, постепенно этот холодок сменится теплом, а пока остается на службе древний язык, тщетно потеют армянские мудрецы над просвещением народа, ложны всякие усилия, которые прилагаются совершенно бессознательно, лишь во имя самосохранения. Ибо если в самом деле намерение или, лучше сказать, направление армянских мудрецов полностью провалилось на самое дно безнадежности, то следовало бы холод утеплить не морозом, а огнем, рассеяв мрак светом, т. е. основав новый армянский язык. На протяжении всей нашей речи много раз упомянув о новом армянском языке, мы считаем нужным сказать о его конструкции, о том, как следует его оформить, с тем чтобы он стал средством и мостом к просвещению. Под новым армянским языком мы понимаем не растерзанный и смешанный с наносом чуждых звуков**, а очищенный язык, обработанный, пополнивший пробелы из того же древнего, без разноголосого оформления по городам и странам, а идущий по единой тропе, одинаково понятный всем общинам, рассеянным по миру и живущим изгнанниками в Азии и в Европе по милости времени.

* *Хоренаци*, История Армении, кн. 1, т. 3.
** См. *Саят-Нова*, напечатано в Москве, 1852.

Некоторые мужи, считающие себя знатоками языка, во имя самосохранения выступают противниками этой очевидной истины, хотя не стоит болеть и огорчаться из-за этого, ибо естественно, что лучи солнца нестерпимы для тех, кто [из царства мрака]. Один из них... сбросив монашескую схиму, вопил против самого существования «мужицкого» языка, другой, бóльший философ, чем тот, вопрошал: зачем смешивать новый язык со словами древнего языка? Все эти разговоры слышались после выхода из печати *«Первой духовной пищи для детей армянской нации»*, изданной достопочтенным Назарянцем. Если светский армянский язык, разработанный и приспособленный к потребностям наших дней, должен быть назван «мужицким» языком, значит и все другие языки, которые происходят от латинского, оформились в различные европейские языки, тоже являются «мужицкими»; да и тот, кто судит так, сам «мужик», ибо, кроме латинского, он знает и другие языки — порождения латинского. А другой, о недуг мышления! — до такой степени отстал от истины ради самосохранения... что не мог судить, что недостающее в светском языке следует заимствовать не из персидского или арабского, а из собственного древнего языка! Будь он знаком с процессом образования романских языков, мы не сомневаемся, что он сам открытыми глазами увидел бы опасную вершину горы, с которой, гонимый вихрем невежества до самого края, он был бы сброшен и поглощен гибельной пучиной безбрежного океана.

Армянские мудрецы, не зная о преобразованиях, какие имеются в новом языке, боятся и колеблются, следует ли разрабатывать его, и, впав в сумасбродное отчаянье, согласны рассыпаться прахом перед древним языком, поскольку нет вполне готового нового языка. Пусть скажут эти фанатики древности: какой язык после своего обновления предстал перед глазами в полном совершенстве? Какой язык на первых порах не заикался и не разрабатывался постепенно? О, если бы это создание языка было делом рук только одного лица и притом к назначенному часу, словно какое-то обычное произведение: если бы возможно было составить язык — во всех отношениях вполне готовый — и вложить его в уста народа в тот же час! Язык, который в течение ряда веков бесчисленным множеством людей извращался и искажался, не может

быть исправлен отдельным человеком: для этого нужны время и много писателей. Если нам нехватает терпенья обратить взоры на Западную Европу, близок к нам русский народ, и мы можем без всякого труда исследовать и изучить историю обновления его языка и освобождения от старославянских пут в XIX веке; можем сравнить литературу этого народа двадцать лет назад с нынешней литературой, и выводы из этого исследования будут достаточным свидетельством в пользу сказанного нами. Но самое постыдное и позорное — это то, что в любом просвещенном народе неуместно было бы доказывать, что ночь— тьма, а день — свет. У нас же требуются и этому доказательства, пожалуй, усилия и мощь логики, чтобы вразумить наших мудрецов. Да, мы не имеем никакого права порицать их за это: в отношении их неоспорима истина, что если кто не понимает чего, то он не может и судить об этом и обсуждать, а мудрецы армянские все еще не понимают смысла и значения реформы языка, следовательно, и не могут судить о ней и взвесить пользу и вред, а вместе с тем и истину наших слов, провозглашаемых нами неустанно с любовью к справедливости. Или, быть может, упрямство в них сильнее здравого рассудка или личная польза дороже общественной; и в том и в другом случае не извлечем мы пользы и от умножения фактов и доказательств, ибо сердца этих фанатиков древности имеют сходство с гранитом, на котором никогда не цвести цветам и даже траве не зеленеть.

Старый обычай, как у всех народов, так и у нас, чтобы почтенные авторы ругали народ за его нелюбознательность, как будто народ не может судить и познать достоинства талантов своих гигантов, какими у нас считают себя господа авторы, пищущие свои произведения на древнем языке. Не будет неуместным дать тут почтенным авторам подобающий полновесный ответ.

Хотели бы мы услышать от этих глубокомысленных людей, как оценивают они китайских авторов, языка которых они не знают, и сколько книг найдется в их бедной библиотеке на китайском языке, и знакомы ли им ценность и честь, а также достоинство китайских авторов, если они не знают их языка? Так вправе ли они осуждать наш народ за нелюбовь к книге, если они для нашего народа то же, что и китайские авторы для армянских мудрецов, т. е. армянские китайцы? Наш народ заслуживает осуж-

дения за недружелюбие, отсутствие единодушия и патриотизма; в нем живет некий злой дух, который воздвигает средостение между людьми, разобщает и отрывает людей друг от друга. У нас, как и у иных полупросвещенных народов, каждый имеет особые формы быта, фасоны одежды, разный образ мышления и, что особенно печально и самое большое зло, разный склад речи. В доказательство этого мнения стоит лишь собрать от каждой из этих раздельных частей по одному человеку, как то: дворянина, духовного, ученого, студента, знатока древнеармянского языка, купца, горожанина и крестьянина, заслушать мнение каждого и увидеть, имеется ли у них у всех как членов одной нации единая цель в отношении просвещения нации. Ничего подобного! Знают ли они и хотят ли понять, что такое национальное просвещение? Дворянин, опьяненный своим чином и преимуществом благородного происхождения, думает лишь о средстве добиться такой жизни, в которой не было бы недостатка ни в чем; он не знает, сыном какой нации является, и не желает знать. Не напоминаем уже о том, что по законам нравственности обязаны мы заботиться не только о себе, но и о товарище. У нас духовное лицо, научившись в стенах церкви шараканам[1] и псалмам, без всякого сознания и выбора применяет их с большим религиозным фанатизмом ко всем вопросам, не имеющим никакого отношения к догматическим знаниям, и, представляясь поборником знания, пренебрегает всякой иной ученостью, называя ее внешней и второстепенной; если же спросить, а что же следует изучать, указывает на священное писание и поучения какого-либо монаха, как будто в них заключены все науки, появившиеся доныне на свете[2]. Кто же осмелится отрицать, что не следует изучать священное писание и евангелие, не свободные от человеческих установлений, которые в сравнении с небесным учением Христа — прах и пепел недостойный? Но это в своем порядке и на своем месте. Разве наши духовные лица меньше могли бы воздействовать на народ, если бы только знали как? Конечно, нет! Если бы они хотели убеждать и поучать народ, дать ему направление, целью которого было бы просвещение нации, неоспоримо, что народ постепенно научился бы думать и размышлять о национальном просвещении. А что наши духовные лица? К чему устремлены их помыслы, как не к тому, чтобы уговорить народ покрыть серебром те или

нные иконы в церкви, как будто это большая добродетель и немалый подвиг. Отвергая общественную пользу, растрачивать средства на украшение каменных и деревянных изделий, в коих, как сказал бог, не живет он, как в изделиях рукотворных, а живет в покорных и смиренных, что трепещут от его слова... Ученый и учащийся плачут в душе, они видят нацию под ударами времени беспомощной и неподготовленной, но что бы они могли сделать? Ровно ничего, ибо тысячи препятствий встают перед ним со стороны наших же и обрекают на гибель все средства национального просвещения. То же и остальные лица — из других сословий [1]. А проистекает это из того, что народ непричастен к образованию, что наши почтенные авторы пишут для него на китайско-армянском языке, которого скоро и сами не будут понимать. Но если бы было не так и эти почтенные люди в духе полного единодушия приложили бы все усилия к тому, чтобы приобщить народ к знаниям, давая их на понятном ему языке, тогда каждый человек осознал бы свое достоинство и свой долг и долг и достоинство товарища, и, помогая друг другу, они обновили бы свою духовную жизнь, вконец разрушенную.

Вообще у армян, воспитанных в духе недружелюбия и наследственной отечественной зависти друг к другу, не имеется просветительных обществ, этим же вызвано и отсутствие собственных школ, предназначенных для обучения армянской детворы. Если армяне разных сословий не могут объединиться и с чистым сердцем организовать содружество, то не могут это сделать и ученые и учащиеся, так как, создав такое общество с целью просвещения нации, их подняли бы на смех другие изолированные от них и враждебные им во всех отношениях, которые разыграли бы роль гнусных шутов, подобно армянским монахам V века, о чем мы знаем из послания Лазаря Парпеци к Ваану Мамиконяну. Услышав о предстоящем приезде одного из переводчиков просветителей нации — Хосровика,— они кричали: «Куда же еще нового переводчика?». Ведь это они гонениями доконали философа Мовсеса и вступили в бой даже с костями его, бросив их в реку. Разве не прогнали они Лазаря из монастыря голым и жалким, похитив его книги и другие его собственные вещи? А нынешние противники просвещения — сыновья тех прежних, что совершили это...

Среди армян в России лишь единственная семья, именно семья достопочтенных Лазаревых, осознав пользу нации, основала на свои средства училище[1] и типографию, хотя и здесь, к сожалению, поклоняются старой словесности, и вообще действенный язык чужд армянам. Но при всем том семья эта вправе сказать нации: вот наши заслуги. А разве только Лазаревы обязаны почитать патриотизм, разве одни Лазаревы составляют всю нацию? Где же попечительство нации? Где же любители просвещения? Почему же, не щадя детей своих и вырвав из материнских объятий, бросают их под пяту бессмыслия, невежества и полной бессловесности? Лазаревы одни сделали больше, чем нация в целом: они первые открыли афинский храм перед армянскими детьми; если же результаты не соответствуют цели основателя, он неповинен в этом, и совесть его чиста, как зеркало: он сделал, что мог, проявил любовь к детям, к нации, любовь к просвещению и принятию измученных сирот под кровом храма науки. Разве не стоило бы российским армянам, среди которых много богачей, видя несчастье и жалкое положение армянских детей в нищете и без куска хлеба и руководствуясь не столько разумом, сколько природным чувством, присущим всему животному царству, позаботиться о них, собрать их, обласкать отцовской любовью, принять их как детей одной единой семьи, к которой принадлежат и они сами, и открыть им путь к просвещению?

Предположим, что предки нынешних российских армян, не позаботившись об этом, завершили свой жизненный путь. Почему же нынешние должны следовать этому дурному примеру предков? Естественно, что настоящее — дитя прошлого и мать будущего, но и время в свою очередь имеет воздействие вообще на все в подлунном мире: будь это не так, история человечества не представляла бы собой такого пестрого круга от самого начала своего существования или, лучше сказать, история не давала бы нам столько света. Все нации и народности... постепенно переходили от тьмы к свету, и этот переход окупался не одним лишь сотрясением воздуха, а жертвами и подвигами — в соответствии с обстоятельствами. Успехи просвещенных наций добыты ценой неустанных усилий или, лучше сказать, ценою крови. Армяне же в силу крайнего своего недомыслия думают — если думают вообще,— что

провидение без всякого труда со стороны нации изольет мудрость в головы армян, словно дождь на землю, а если не так, то изгнана вконец из мысли армян всякая надежда на просвещение, ибо иного пути не может быть. Единственным же источником столь печального и несчастнейшего состояния нации следует признать то, что нет у нее языка,— да простится нам признание этой голой истины, хотя многие — по слабости зрения — не могут увидеть ее. Да, нет у нее языка, повторяем мы, ибо язык, который имеют армяне, — древний язык, в общественном смысле значит не язык; тем же языком, которым они пользуются в быту, армянские мудрецы пренебрегают, они не хотят считаться со временем и понять, что ныне не V век, а XIX. Сидеть в помещении, где свеча за перегородкой, — значит сидеть во мраке и не иметь света; точно так же иметь язык, как имеют армяне, — значит не иметь его, ибо, как перегородка не пропускает лучи света к глазам сидящих в помещении, так и долгие века являются преградой для народа к пониманию языка древних армян. И может ли быть большее несчастье и злейший вред для какого-либо народа, чем утрата языка, являющегося душой народа, последним и единственным средством сохранить его жизнь? После многих испытаний армяне наказаны утратой языка, который не хотят мудрецы армянские вернуть им обновленным и разработанным, в духе языка, который еще сохранил народ.

Утрата языка, утрата политической жизни обусловили утрату армянами духа художественного творчества, хотя надо признаться, что армяне и при цветущем состоянии своей политической жизни, еще до того, как соседние царства потрясли и терроризировали ее, не обладали талантом художественного творчества — по крайней мере мы не видим его следов, хотя остатки песен, которые распевались в древности в сопровождении бамбирна, считаются некоторыми исследователями[1] доказательством наличия художественных произведений в древности, очевидно во времена первых армян. Однако это — только мнение, и притом выдвинутое любителями древности, чтобы пустить пыль в глаза обществу. По нашему мнению, армяне, жизнь которых неоднократно прерывалась, лишены были историчности (поймите это слово в узком его значении) и не могли иметь мощного художественного творчества, какое мы видим у других народов, ибо, как по

нашему мнению, так и по просвещенному мнению других, источником художественного творчества является политическая жизнь народа, следовательно, и история его. Армяне с самого начала возникновения царства Аршакидов, будучи подчинены и порабощены в разные века в большей или меньшей мере влиянию государств Персии, Греции и других, естественно, должны были быть в подавленном состоянии и неспокойны душой, поэтическим выражением чего могли быть — и были на самом деле — вопли и стенания, плач и траур, начиная со времен мудрого Хоренаци («Оплакиваю тебя, Армянский мир»), со времен Шнорали («Плачьте, церкви») и т. д., в которых слышны лишь вздохи, стоны и отчаянные вопли умирающих, и это по праву, ибо художественное творчество — зеркало, в котором отражаются тропы народной жизни. Не заслужили осуждения наши поэты за то, что оставили нам произведения, являющиеся печальными памятниками нашей гибели: неестественно человеку, вошедшему в дом покойника, плясать, как на свадьбе,— так и муза никогда не подойдет близко без побуждения обстоятельствами и силой вещей[1]. Не удивительно, но прискорбно, что армяне, подвластные влиянию зловещих приключений, имели и зловещую память, из коей рождались произведения, исторгающие слезы и приводящие в отчаянье; но вопли и стоны, слезы и рыданья никогда не могут привести к бесстрашию и отваге, а только лишь к гибели, к бабьей трусости, равносильной политической смерти. Дух, которым живет народ, одухотворяет историю, а последняя — художественное творчество. Следовательно, каков народ, такова и его история, а какова история народа, таково и художественное творчество его. Но все это было пустым звуком для слуха армянских мудрецов, которые, самое большее, лишь восхищались словоупотреблением и синтаксисом у некоторых авторов, особенно деепричастием в конце фразы или употреблением имен существительных, корнями действительных при однозвучных глаголах, как, например, «спать... сном», «пленить в плен» и т. д. Пусть услаждаются нёба их и им подобных этакой пищей, если только можно действительно услаждать и кормить ею, подобно лисе, которая, поедая лед, только горло леденила холодной пищей, а в брюхо вливала одну лишь воду. К чему им заботиться о просвещении нации? Достаточно, если дети нации смогут выучить несколько мертвых и сгнивших

слов древнеармянского языка, которые, по их мнению, могут заменить все и всякие знания, достигшие высокой степени в Европе.

Случилось нам как-то беседовать с одним любителем древности (более или менее пользующимся уважением народа) по литературным проблемам, и мы доказывали пользу и настоятельную необходимость разработки языка. Почтенный архаист в довершение хвалебных слов своих о древнем языке заявил, что нация погибнет и исчезнет окончательно, если в литературе будет применяться новый язык, а древний будет в пренебрежении, а почему? В пример можно привести русскую литературу. Взяв в руки произведения поэзии русских авторов, таких, как Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Гоголь и другие, читатель восхищается и радуется, вкусив сладость языка более благородного, чем обычный разговорный язык; это чувствуют и русские армяне. У нас же этим достоинством обладает древний язык, ибо он несравненно благороднее разговорного; если же литература будет на новом и понятном народу языке, наш народ лишится душевных радостей, какие находит в русской литературе и в древнеармянской словесности. Наш ответ на эту неуместную мотивировку упомянутого армянского мудреца мы считаем нелишним повторить здесь. Во-первых, наш народ, не понимая древнего языка, не мог радоваться ему и получать от него удовлетворение; во-вторых, душевное удовлетворение, доставляемое читателю русской литературой, имеет источником не только совершенство или богатство языка, но и величие творческой идеи[1], которого вовсе нет у нас, а если и будут даны такие идеи, то народ их не узнает в таком наряде и не поймет, а мы уже знаем, что непонятное не может доставить нам радости, ибо чувство наше не воспримет его воздействия; и в-третьих, постепенно можно культивировать, обрабатывать новый армянский язык, если во всем употреблять его и так, чтобы написанное было доступно народу, чтобы он мог радоваться и ощущать удовольствие от того, что вновь обрел душу и мысли армянина, стал вновь армянином. После всего сказанного о задачах нашей словесности против упрямого сопротивления почтенных армянских мудрецов необходимо обратить взоры к народу и, превратившись всем существом в слух, выслушать его жалобу на древний язык, на авторов, которые не совестились лишь из

самолюбия говорить с народом на древнем, не понятном ему языке. Народ признается, что он отчужден от собственной литературы и живет чужим наследством; изо дня в день растут поводы к тому, чтобы сурово осудить мнение армянских мудрецов, народ требует (и вправе требовать, поскольку к нему предъявляются требования читать то, что мы пишем), чтобы все было написано на совершенном, чистом, новом, понятном ему армянском языке, чтобы, читая, народ рос морально и обогащал свой язык, который, распустившись после тринадцативековой зимы, обещает обильные плоды, если насаждения будут обрабатываться должным образом; но вполне вероятно, что одни лишь авторы, будь они хоть и небесными существами и посвяти себя просвещению своих соотечественников, несмотря на все свои достоинства, не могли бы ничего сделать, не получая помощи и содействия самого народа, ибо то, что мог бы приготовить автор для детей народа, он не мог бы напечатать на свои скудные средства, дабы подарить народу; во-вторых, и мысли народа должны быть направлены в ту сторону, на которой сосредоточены мысли понимающих людей, а именно — на цели национального просвещения. Автор без народа и народ без автора бессильны сделать что-либо, объединившись же душой и волей, они могут многое сделать для просвещения соотечественников.

Мы считаем нелишним осветить перед армянской общественностью и кое-что другое, относящееся к просвещению детей.

С давних пор принято у нас более или менее, но все же заботиться об образовании лишь сыновей, хотя и в совершенно неверном направлении, но так или иначе, хотя бы инстинктивно, считают нужным обучить сына, определив его к какому-либо церковнику на предмет зубрежки псалмов, шараканов и тому подобного; образованием же дочерей совершенно пренебрегают, между тем оно особенно необходимо для сохранения языка, поскольку всякий язык считается материнским, и мы прежде всего жаждем повторить материнские звуки. Конечно, было бы большим благом, если бы наши почтенные соотечественники, патриотически заботясь о недопущении утраты языка, открыли в различных городах с армянским населением школы для девочек, в которых на первых порах, пока горожане не в состоянии организовать их по

образцу европейских женских училищ, преподавались бы новый национальный язык, русский язык, арифметика, география, национальная история, закон божий, домоводство и танцы. А пока этого нет, мы даем святой совет нашим соотечественникам непременно обучать своих дочерей хотя бы чтению и письму на родном языке и рекомендовать им в целях возрождения произведения достопочтенного профессора Степаноса Назарянца «Первая духовная пища для армянских детей», «Учение религии» и другое, что выйдет из печати на новом армянском языке. Мы твердо надеемся, что наше почтенное общество спустя немного времени само убедится на опыте, как дочери армян, воспитываясь изо дня в день на новом языке, будут расцветать душой; непривычное в языке для слуха будет постепенно сглаживаться и упорядочиваться по мере наличных возможностей; и девочка, воспитанная таким образом, став со временем матерью детей, сможет изъять из детских уст смесь чужих слов, татарских, турецких, персидских и тому подобных, сможет, воспитывая, передать своим детям новую армянскую речь. Забота же вообще о школах для образования и мужского пола, которых нет сейчас у нас, несомненно, нужна, и в них посредником в усвоении наук должен быть язык действенный, новый, понятный каждому. Пусть не надеются армяне встретиться со спасительным просвещением, пока не накопили собственных знаний, пусть не протягивают руки к чужим, как ныне, скитаясь за подаянием: если пища, поднесенная ко рту чужими руками, не может иметь того же вкуса, какой чувствуем мы, когда она производится нами самими, то и просвещение посредством чужого языка не может разбить и раздробить кору невежества, образовавшуюся за тринадцать веков. Обращая на это внимание наших почтенных и дорогих соотечественников, мы не можем не указать и на то, что для просвещения армянской детворы на своем родном языке нужны книги на новом армянском языке, на котором должны преподаваться все науки, принятые ныне в Европе, следовательно, нужен небольшой труд со стороны общества — поощрять трудолюбивых авторов материально во имя благосостояния своих детей, следовательно, и всей армянской нации, ибо в детях таятся взрослые, которых мы не видим воочию, как и их преемников, скрытых природой в них самих.

Но мы кончаем наше слово об армянской словесности. Оно не было бы напрасной тратой времени, если бы мы впредь могли пользоваться уже литературой на новом языке, особенно по естественным наукам, которые преподаются в Московском императорском университете. Считаем излишним говорить, почему эта речь написана на древнем языке, но обещаем, что это будет последняя работа на грабаре, отныне мы будем писать на новом, понятном народу языке согласно требованию времени и тысячам иных обстоятельств, среди которых мы живем. Мы не пытаемся доказывать также нашим почтенным соотечественникам, что написанное нами есть плод искреннего патриотического сердца, без какого-либо пристрастия или каких-либо иных соображений, порочащих человеческую честь; надеемся, что наши усилия, наши слова и соображения, направленные на просвещение нашего измученного народа, оправдаются перед справедливым судом и трудами патриотов, не говорим о старых авторах, для которых нет правды на свете. «Кто творит зло, тот ненавидит свет, дабы не попрекали за дела его».

[ОБ АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ]

Наши почтенные соотечественники, очень часто слыша от правдолюбивых авторов сердечные слова сожаления по поводу нелюбознательности народа и его нелюбви к чтению, обижаются и указывают при этом, повидимому справедливо, на оправдывающие их причины: во-первых, что произведения этих авторов, будучи написаны на древнем и мертвом языке, недоступны народу и, во-вторых, что они большей частью касаются метафизических или архаических вопросов, которые, не отвечая современности, не пробуждают в душе народа интереса к чтению, почему и остаются лежать в том или ином доме даже нераскрытыми или же становятся достоянием нескольких знатоков древнего языка.

Принимая во внимание все это, я счел своим приятным долгом дать перевод романа г-на Эжена Сю «Агасфер» на понятном народу современном армянском языке. Если будет доказано на практике, что жалобы народа имеют под собой почву, наши почтенные авторы, конечно, приспособятся к требованиям современности и постараются занять читателей такими темами, которые были бы и понятны им и влияли бы на их духовное развитие. Если же мотивировка наших соотечественников приводится лишь с намерением оклеветать правдивость авторов и тем самым прикрыть свой грех нелюбознательности, тогда и это выявится и даст понять действительное поло-

жение вещей. Я говорю об этом вообще, мое же личное мнение таково, что, пока нет у нас школ, организаций и многих других условий, которые могли бы взрастить и развить в душе нашего народа семена просвещения, пока нет настоящих орудий для вспашки целинной земли, было бы совершенно бесполезно бросать семена в сухую, поросшую бурьяном землю или на скалы и проезжие дороги.

Народ, не имевший школ, культурных обществ, периодических изданий, распространяющих различные просвещенные идеи, народ, для которого учение и наука — нечто второстепенное и третьестепенное, который все свои душевные силы напряг и направил только на материальные нужды,— какую пользу почерпнет он или какому воздействию может подвергнуться появлением в свет одной книги в год или в два года? Несчастный автор годами мучается, пока завершит свой труд, но пригодится ли для чего-либо этот труд народу? По крайней мере до сих пор мы не видим положительного доказательства этому.

При таком положении вещей авторам необходимо было изыскивать способы для воздействия на сердце народа, чтобы пробудить в нем ту благородную энергию к просвещению, которая является славой и гордостью человечества. Следовательно, прежде всего надо было говорить с народом на том языке, который, воздействуя на слух народа, помогал бы довести впечатление до его сердца. Это делается через восприятие и сознание; если мы слышим какое-либо непонятное слово, оно звучит для нас, как удар по барабану: такие звуки кроме некоторого раздражения ничего хорошего вызвать у нас не могут. Поэтому, для того чтобы воздействовать на сердце народа, следует воздействовать на его слух такими звуками, которые, будучи восприняты сознанием, непосредственно запали в сердце народа. И автор обязан иметь дело с сердцем и душой народа, а не с его слухом, который сам по себе является лишь передатчиком впечатлений внешнего мира сердцу и душе. Во-вторых, такому народу, как наш армянский, в его нынешнем состоянии требуется общее элементарное образование как подготовительный этап к более высокому и основательному просвещению, а отнюдь не высшее образование в какой-либо специальной или частной отрасли науки или предмета. При нынешнем состоянии армянский народ может ли достигнуть высокого или высшего образования в области специаль-

ных дисциплин!! Этого он достигнет лишь тогда, когда эти отрасли науки будут средством для улучшения его материального благосостояния.

Вот те причины, почему автор должен писать, во-первых, на новом армянском языке, во-вторых, произведения его должны относиться к общеобразовательной сфере и быть написаны так, чтобы стать понятными читателям без предварительной подготовки в школах и в университете и быть вообще интересными и воспитывающими.

Перед нами очень много примеров того, как произведения, осуществленные ценой больших усилий, не приносили народу никакой пользы, например инструкции по высшим наукам: вдруг, не имея ни школ, ни академии, ни университета, перевести и напечатать «Исследование по навигации»! Говоря это, я не хочу опорочить специально это издание или указать на его неуместность — подобных изданий очень много, более того — можно сказать, что большая часть нашей литературы состоит из подобных произведений. Кто их читает и понимает и каков смысл этих книг? Да, вот если бы у нас имелись соответствующие училища, если бы у нас была прочная каменная опора для лестницы науки, на которой безопасно можно было бы укрепить эту лестницу, тогда можно было бы подняться и еще выше. Но мы, не имея не только настоящей прочной опоры, но и места, куда могли бы ступить хотя бы одной ногой, хотим укрепить лестницу в воздухе и по ней подняться. Такие вещи могут совершаться только во сне, наяву же — никогда!

Поскольку наша литературная деятельность замкнута в пределах узкой и вековой старины, поскольку авторы XIX века, говоря языком IV и V веков, хотят заставить и народ забыть о XIX веке, забыть об окружающих условиях и пятиться назад к V веку, возможно, что я со своей стороны согрешу... но полностью оправдаю нелюбовь народа к чтению, ибо если сами авторы в процессе творчества и могут перенестись в V век, то народ не может последовать за ними туда и читать произведения нашего почтенного XIX века с точки зрения V века. Народ крепко связан цепями времени; а время бежит вперед, следовательно, и народ должен бежать; он не в состоянии, даже если бы и захотел, повернуть вспять, совершить скачок на четырнадцать веков назад. Народ — спутник времени, он был и остается под его влиянием. Почтенные

авторы, желая быть исключением из законов общественного развития, остались и ныне еще прилагают все усилия к тому, чтобы и впредь оставаться в V веке и ни в коем случае не подниматься с этого века к народу, — так как же они могут понять друг друга?! Я не знаю, какая сверхъестественная сила потребуется, чтобы рассечь четырнадцативековый барьер, громоздкой массой лежащий между V и XIX веками, и достигнуть народа.

Мы не имеем никаких оснований удивляться отсутствию любви у нашего народа к чтению, так как наша литература доныне остается монашеской, школьной литературой средних веков, если можно назвать ее даже и таковой. В ней нет жизненности, а с самого начала и по сей день — одно лишь унылое однообразие. Допустим, что какой-нибудь армянин взял бы в руки какую-либо книгу на древнем языке (конечно, армянском) и стал бы, не давая себе отчета, читать ее до тех пор, пока вызубрил бы эту книгу наизусть, — хотя это ужасная механическая мука, — но какую пользу он мог бы извлечь из этого, какое воодушевление она может вызвать у него! Никакого, ей богу, никакого! Человеческий организм не может питаться пищей, которая выходит из желудка точно в таком же виде, в каком она попала в рот; не переварившись и не попав в кровь, она не может питать организм, который, не получая материала для развития, несомненно, ослабел бы и разрушился. Вот такой пищей для души является и чтение непонятных произведений.

Допустим, что он и понял бы язык прочитанной книги, но в процессе чтения понимание одного лишь голого значения слов не значит понимание сути произведения, следовательно, что же может он найти в ней, что было бы понятно ему по мысли и вместе с тем увлекательно? Ученые труды не для простого народа; он не может понять их смысла, он не изучал этих предметов; а между тем, если у нас и имеются книги на новом армянском языке, они большей частью научного содержания, я уже не говорю тут об их недостатках в отношении языка и высказанных мнений: последние во многих случаях на века отстают от современности.

И вообще, какие книги имеются в нашей литературе? Священное писание, которое, к сожалению, тоже непонятно народу, оригинальные произведения переводчиков, как, например, Мовсеса Хоренаци, Егише, Корюна, Лазаря

Парпеци и их соратников; но сколько у нас имеется людей, которые понимали бы в них толк? Неопровержимым доказательством этой печальной истины служит то, что армяне читают произведения своих собственных авторов на чужом языке[1]. Что мы имеем, кроме перечисленного? Несколько бесцельных и никчемных книг, выпущенных стараниями досточтимых мхитаристов, затем правила христианского вероучения, далее снова правила, опять правила, десять, двадцать раз все одно и то же в различных вариантах. Не забыть упомянуть о грамматиках, которые очень часто отличаются одна от другой только тем, что одна признает десять падежей, другая — девять, третья — шесть, а в четвертой порядок падежей совершенно иной.

Таким образом, в нашей литературе нет ничего нового. Одно и то же повторяется изо дня в день; я не говорю о календарях, которые всегда заново печатаются в различных местах, некоторые из них предсказывают погоду, другие указывают благоприятные и неблагоприятные для кровопускания дни. Правда, я не отрицаю и того, что у нас нет недостатка и в «эфремерди» (книга предсказаний), в той чудесной книге, которую любит наш народ, в которой пишется о том, что должно совершиться на белом свете в том или ином году, предсказываются затмения солнца и луны, отлет журавлей и т. д. и т. п. Печальная литература! И как можно требовать, чтобы народ поощрял развитие подобной литературы, с любовью принимал ее?

В естественном мире ничего не совершается без смысла. Также и авторы, будучи под властью этого закона развития общественной природы, работая над тем или иным произведением, должны преследовать определенную цель, и эта цель должна быть чем-то возможным, т. е. соответствующим обстоятельствам времени. Но мне с болью приходится признать, что авторы, пишущие на нашем древнем языке, лишены этой цели. Такому-то автору захотелось сочинить или перевести какую-либо книгу, и он исполняет это свое желание. Но с какой целью, какова польза от этой книги, кто ее будет читать или кто поймет ее, над этим он не задумывается. Он желает лишь одного: чтобы на титуле было напечатано его имя, и если он немного изучил древнеармянский язык, то мысленно считает себя равным Егише (Парпеци намного ниже его)

и следит, чтобы в лаконичности стиля не уступить Хоренаци. Но я, кажется, переборщил. Если пишущие на латинском языке стараются употребить каждое слово так, как употреблял его Цицерон, почему же мы, армяне, не можем вводить в наши сочинения обороты и выражения из трудов Хоренаци и католикоса Ованеса?.. Зачем мы должны пренебрегать вышедшими из употребления словами и оборотами древнего языка (которые, кстати, и в древности лишь местами применялись), ведь написанное нами станет еще более непонятным и прославится наше имя: скажут — вот это замечательный армяновед!..

Я не раскаиваюсь в сказанном, ибо это сущая правда, хотя, к сожалению, «глас вопиющего в пустыне».

Если наши почтенные авторы-архаисты считают, что одной лишь школьной премудростью можно оказать большое влияние на просвещение народа, то вот уже миновали тысяча триста лет, проходит тысяча четырехсотый, не давшие ничего в этом направлении; и если среди армян имеются сведущие люди, то лишь благодаря литературе других народов. Если почтенные авторы будут и впредь продолжать эту линию, духовная жизнь армян будет столь же однообразной, какой она была и есть, т. е. простой народ останется лишенным просвещения, а желающий научиться чему-нибудь будет нуждаться в милости других.

Причина столь печального положения будет очевидна для каждого, если снять с глаз монашеские очки средневековья и посмотреть через телескоп Гершеля. Они увидят, несомненно, что у армян до сих пор не было светской литературы, а имеется лишь хорошая или плохая монашеская литература, как мы указали выше. Они увидят, что эта литература, с одной стороны, упорно не желая отказываться от архаичного языка, с другой — сотни раз повторяя одно и то же, в такой степени оттолкнула от себя народ, что древний язык стал ныне для нашего народа языком египетских иероглифов. Прошли те времена, прекрасно говорит г. Писаревский *, когда люди считали, что только в жреческом одеянии можно подойти к аналою науки; прошли те времена, повторяю, когда по мерке и по весу давали народу свет мудрости, да и то лишь в желательном им направлении. Удивительны перемены в

* «Общепонятная физика», изд. 2, СПБ, 1854, стр. 4.

мире, но еще более удивительно то, что и теперь ещё имеется много людей, которые не верят, что эти перемены уже произошли на свете.

Я нисколько не сомневаюсь в этих переменах, только думаю, сколько труда потребуется для того, чтобы после тысячелетий сна восстановить армянскую речь нашего народа, сколько сердец и рук — чтобы воздвигнуть оплот нового армянского языка на руинах древности? Да, большое поприще открыто перед разумными армянами, если они, поняв перемену в положении вещей, пожелают обработать голую армянскую пустыню и обессмертят свои имена вечными памятниками — беззаветным трудом.

Да не будут поняты эти слова нашим дорогим народом в том смысле, что только ученые обязаны работать для народа! Нет, в национальном языковом хозяйстве каждый человек по мере своих сил и возможности должен работать и вносить свой вклад, одни авторы ничего не могут сделать. Предположим, они написали много книг, но написанное должно быть напечатано; автор, годами потрудившись над своим произведением, должен быть освобожден от необходимости самому заботиться о его издании. Не ставить же ему в вину его труд! Его труд должен стать общественным достоянием. Однако, к сожалению, до сих пор наши авторы были в незавидном положении. Наши братья-соотечественники обязаны поощрять людей, работающих для них, отирать пот с их лиц и добрыми, полезными народу делами быть примером для своих товарищей.

Свой разговор о строительстве национального языка я завершаю указанием, что, пока новый язык не станет вообще литературным языком, пока смысл написанного не станет понятным и доступным народу, пока народ разумными путями не позаботится о собственных национальных школах и, наконец, что самое необходимое, пока наши почтенные авторы, отложив в сторону школьную славу, не станут разумно работать для народа и, с другой стороны, состоятельные люди нации не помогут им, — призрачно просвещение! Сидеть без деятельности и ждать каких-то просвещенных времен — это не что иное, как самообман.

Заканчивая этим мои мысли об армянской литературе, считаю нужным сделать несколько замечаний по вопросам, относящимся к данной моей работе.

Наши соотечественники, владеющие французским, немецким и русским языками, уже знакомы, надо полагать, с романом «Агасфер» и понимают его благородный и святой смысл, следовательно, и его достоинства. Поэтому, считая лишним распространяться об этом, полагаю себя обязанным сказать только, что, если наши достопочтенные отцы-мхитаристы не пожелали перевести на армянский язык и напечатать эту книгу, причина этого не нуждается в пояснениях. В этом труде гуманист Эжен Сю описывает антихристианскую и варварскую жизнь и нравы иезуитских монахов. Достопочтенные отцы-мхитаристы, будучи сами одной с иезуитами религии и их поклонниками *, вполне естественно, не могли приложить руку к такому делу, тем более что сам владыка папа проклял автора и читателей этой книги, следовательно, и переводчика. И в самом деле, как может монах-папист поступить наперекор человеку, считающемуся наместником бога на земле, открывающему и закрывающему врата в рай (неужели?)... Я благодарен богу, что, не будучи папистом, волен писать и переводить то, что служит правде, что порицает дела, противные закону Христа, и описывать все по чистой совести. И в этом долгом труде я на каждом шагу чувствовал поощрение, так как я призван был поднять знамя правды.

Умным и понимающим людям не приходится объяснять мою цель, тем же нашим соотечественникам, которые, отчасти, по воле жестокой судьбы, отчасти по собственной вине, остались неприобщенными к просвещению, надо сказать, что этот роман, этот чудесный труд, совершенно беспристрастно описывая отношение иезуитов к наследникам Ренебона, может в доступной форме дать понять нашим армянам, каково было направление ордена иезуитов — этого родного детища папизма. Это указание было бы лишним, если бы все сыны нашего народа были в состоянии сами разобраться в том, что такое папизм вообще, проанализировать его историю и вывести из нее беспристрастное и верное заключение...

Да, если бы таково было положение в отношении всех, мы были бы счастливыми людьми. Но как это могло быть? Были ли условия для такой возможности? Где национальные школы, где попечение власть имущих об

---

* См. «Церковную историю» Папазяна, напечатанную в Венеции в 1848 г., стр. 923—932.

этом? И в этом причина того, что люди вроде господина Папазяна берут на себя труд писать для нас церковную историю: армянский народ, обучившись у Папазяна истории своей церкви, «войдет невестой в богатый дом»! Я уже не говорю о том, что нет, не монашеская келья—та научная лаборатория, откуда можно было бы свободным взором обозреть мирскую действительность и описывать ее так, как она есть.

Господин Папазян на 923—932-й страницах своей «Церковной истории», напечатанной в 1848 году, выступая поборником иезуитов и против противников иезуитского ордена, прилагает все усилия к тому, чтобы доказать, что иезуитский мрак — свет, а свет противников — мрак. Я сожалею, что почтенный автор не сумел хотя бы частично прикрыть свои симпатии к иезуитам и, считая, что на свете нет других людей, помимо мхитаристской братии, весьма уверенно и решительно выступил среди армян. Это обстоятельство дало мне повод приложить к роману почтенного Эжена Сю историю иезуитского ордена в извлечениях из трудов справедливых и правдолюбивых авторов. Я это сделал, во-первых, для того, чтобы читатели не подумали, что господин Сю опирался лишь на силу своей фантазии и был лично во враждебных отношениях к иезуитам, а поэтому пристрастно изобразил характеры Родена, д'Эгринье, Дюбуа и других персонажей; чтобы, изучив историю иезуитского ордена, читатели рассеяли всякие низкопробные мнения о господине Эжене Сю; во-вторых, чтобы господин Папазян или, если его самого нет в живых, его собратья, прочитав это произведение, поняли, что их намерение — выдавать армянскому народу ложь за чистую монету — народ имеет возможность не только распознать, что это — мошенничество, источник которого ясен... но и разобраться и, разобравшись, беспристрастно разоблачить и осудить автора лжи.

Прошли времена, когда папская власть назначала инквизиторов, совершала ужасающие аутодафе, принося в жертву бесчисленное множество людей. Время, просвещение мира ныне сами назначили следствие и суд над папскими делами. Люди, которые некогда руками инквизиторов осуждались к тюремному заключению, к костру и плахе, сами теперь назначают неизбежную умственную инквизицию и осуждают на вечный позор безбожные

дела папизма. Удивительно, что достопочтенные отцы-мхитаристы, сами постоянно имея общение с несколькими невежественными и грубыми армянами и поддакивая их невежеству, думают, что таков без исключения весь наш народ и что он будет не в состоянии распознать яд, примешиваемый мхитаристами к своим писаниям, примет его за сахар. Извините: это не так, и для армян мир несколько изменился.

Верно, — и никто не может отрицать этого — в нашем народе имеется много и много невежественных людей, так же и среди достопочтенных мхитаристов; я сам встречал многих из них, которые не знали ничего, кроме молитв Rosarium и Pater noster, но разве нет в нашем народе и просвещенных людей, перед которыми пришлось бы краснеть и стыдиться публичным лжецам?.. Да, и они есть и их, повторяю, много...

После всех этих замечаний о содержании моего труда считаю нужным сказать несколько слов о том, что в этом труде я приложил все усилия к тому, чтобы сделать его ясным и понятным и как можно более близким живому народному языку, но достиг ли я этой цели, — не мне судить об этом.

Наш новый язык еще в младенчестве. Впереди еще очень и очень много трудностей, чтобы говорить на этом языке хорошо и красиво. Об этом позаботится время, когда новый язык, обработанный под пером авторов, достигнет своего зрелого возраста, тем более что сейчас есть еще много такого, о чем армяне не имеют никакого представления, не имеют, следовательно, и тех сосудов, т. е. тех выражений и оборотов, а очень часто и слов, в которые могли бы быть заключены новые мысли, доныне отсутствующие у армян.

Я отлично знаю, что стиль моей речи имеет недостатки, но что же делать — всякий человек говорит по-своему, индивидуальность нельзя искоренить. Я не задавался целью сделать мой труд образцом для других, я лишь хотел, чтобы этот роман и история ордена иезуитов и для армян были доступны и понятны, — и этой цели я достиг.

КРИТИКА

О ТРУДЕ ПРОФЕССОРА СТЕПАНОСА НАЗАРЯНЦА «СБОРНИК НОВОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА», том I, Москва, 1857.

В предисловии к ныне печатающейся нашей работе «Одному слово, другому — невесту»[1], где довольно подробно говорится о древнем и новом армянском языке, мы пишем: «Пройдет немного времени, и народ, в какую бы сторону ни обратил свой взор, увидит книги на новом литературном армянском языке и т. д.».

В эту минуту наше сердце наполнено светлой радостью от того, что начинают проявляться признаки истинности наших слов. Именно это обстоятельство заставляет нас возвысить голос и смело провозгласить нашим дорогим собратьям, что, наконец-то, наша новая литература, вырвав из рук одряхлевшего и усталого старца слишком долго используемое им гражданское право, как истинный сын времени двигается вперед семимильными шагами и ведет за собой нашу читающую публику.

Мы говорим о первом томе труда достопочтенного Назарянца «Сборник нового армянского языка», напечатанном в прошлом 1857 году в Москве, второй том[2] которого также будет очень скоро издан и распространен среди народа. Мы, изучив первый том этого труда, с своей стороны считаем нужным поделиться с читающей публикой впечатлением, произведенным на нас этой книгой, словом, публично заявить наше мнение об этом труде.

Однако, прежде чем познакомить публику с этим ценным трудом, мы считаем нужным немного поговорить

с нашим народом о том, что такое критика вообще и какой тяжелый долг ложится на человека, желающего исполнить обязанность критика (ученого судьи), который должен быть совершенно свободным от предвзятых мнений и привычек.

О том, почему мы считаем нужным предпослать нашей статье такое предисловие, почтенные читатели узнают, прочитав статью от начала до конца.

В нашем народе распространено ошибочное мнение, что критика дурная вещь, что она позорит человека, что она, выявляя недостатки автора, высмеивает его и выставляет перед обществом невежество автора. Этим заблуждением заражены и многие армянские схоласты, которые, научившись выводить вкривь и вкось пару слов, считают себя Хоренаци и Егише.

Мы говорим это не без основания. В 1853 году некий армянский схоласт из города Тифлиса послал своему московскому единомышленнику — армянину-схоласту *— «критику» на труд проживающего в Тифлисе некоего переселенца с целью, чтобы московский схоласт дал своим ученикам переписать и распространить среди публики экземпляры этой безобразной философии и тем самым опорочить труд упомянутого господина[1].

Московский схоласт выполнил это поручение с особым удовольствием и притом упрекнул тифлисского схоласта за то, что тот слишком поспешил, ибо, оказывается, московский схоласт и сам подготовил не менее глупое произведение. Он показывал этот слабый, безвкусный, уродливый, несуразный и низкопробный «труд» всем встречным и поперечным. Пришлось и мне прочитать его. Содержание сводилось к тому, что какой-то господин написал в Тифлисе такую-ту книгу, которая в 1840-х годах была напечатана в Москве; в этой книге тифлисский армянский схоласт нашел опечатки ** и утверждал, что автор этого труда заслуживает порицания еще и потому, что раньше носил на голове чалму, а теперь круглую

* Скромность не позволяет нам сообщить здесь имена этих схоластов, но мы не сомневаемся, что эти господа сами узнают себя по своим делам и, быть может, откажутся впредь от своего ребячества.

** Московский армянский схоласт также повсюду хвастался, что в работе такого-то господина нашел столько-то опечаток. Он приводил и цифры, но я их не помню.

шляпу и что когда-то он носил широкие шаровары, а теперь — узкие брюки, и тому подобные пустяки.

Спрашивается, виноват ли наш народ, если наши почтенные схоласты внушили ему мысль, что критика — сплетни или пасквиль; писали этакую глупость и уверяли публику, что это и есть критика! Можно ли осудить человека, если ему, никогда в жизни не видавшему ни павлина, ни аиста, злонамеренные люди, показывая на аиста, скажут, что это павлин? В подобных печальных случаях мы не осуждаем того, кто, доверившись совести другого человека, был обманут по своему невежеству, ибо его доверие было употреблено во зло. Конечно, если какому-нибудь зоологу покажешь павлина и аиста, если бы даже последний спрятал свой красный клюв и длинные ноги, то он тем не менее сразу же различил бы этих птиц и сказал бы: этот павлин, а тот аист.

Вот так-то наш народ по милости схоластов, признанных корифеями, повинен перед критикой, ибо имеет о ней ложное мнение, хотя она — святое дело.

Да, критика — святой и нелицеприятный суд, такой суд, перед которым равны друг и враг; критика, как беспристрастный судья, разбирает достоинства и недостатки какого-либо труда. Она со всей основательностью разбирается в деле, определяет его цель и решает, в какой мере и в каких пределах автор выполнил свой долг.

После разумного и всестороннего разбора критика дает свою оценку труду, руководствуясь лишь его качеством, равно взвешивая достоинства любого автора, будь он друг или враг; да, она умеет почитать достоинства и врага!

Скажут, к чему критика? Ведь каждый человек, прочитав какое-либо сочинение, и сам поймет, в чем дело, критика, мол, не окажет влияния на душу читателя, так как он свободен, лично прочитав подвергнутое критике произведение, получить впечатление соответственно своему вкусу и пониманию. Но это не так. Не всякий читающий человек в народе имеет столько знаний и понятия, чтобы быть судьей. Очень многое из того, что какой-либо автор вольно или невольно употребил во зло и что легко могло быть принято за чистую монету, добросовестный критик, разобравшись, выявляет и показывает как недостатки, раскрывает глаза читающей публике и, обратив на них ее внимание, тотчас же закрывает путь

к заблуждению. Точно так же большие достоинства, зачастую лишенные внешнего лоска, остаются неведомыми публике, которая часто ищет развлечений, ошеломляющих впечатлений. Сплошь и рядом публика в погоне за внешней формой, ища эффекта и блеска, напрягая все свои душевные силы, чтобы найти и увидеть удивительные, поражающие и тому подобные возбуждающие мозг вещи, остается равнодушной к главному достоинству произведения, которое, по правде говоря, очень часто в человеческом мире облекается в скромную, простую форму и потому нередко ускользает от внимания читателей.

Вот в этих-то случаях и выступает на сцену критика, тут-то она и появляется во всем своем величии. Она показывает воочию те достоинства под скромным нарядом, которые остались незамеченными читателями, и, показав их, пробуждает душу читателей к восприятию произведения, волнует и согревает их сердца. Во-вторых, оценивая произведения по достоинству, морально вознаграждает автора, поощряет его к дальнейшему продвижению на этом благородном поприще.

Столь же доброжелательно указывая на имеющиеся в произведении недостатки или необоснованные мнения, критика является чутким вождем общества и в то же время дает автору повод исправлять и совершенствовать свой труд, чем, несомненно, приносит пользу и обществу и автору.

Здравый разум, желая содействовать неуклонному, изо дня в день растущему прогрессу человеческого рода, своим советом показывает недостатки какого-либо произведения не с целью порицать автора во что бы то ни стало, нет, боже сохрани,— это было бы делом злого и бездушного человека и не заслуживало бы имени критики, которая является делом святым и ответственным, призванным двигать вперед истину в науке.

Говоря вообще о критике, следует отметить и то, что она — показатель, мерило, которым с точностью определяется степень просвещения какого-либо народа; следовательно, критика того или иного народа показывает нам степень развития и отсталости мировоззрения и взглядов этого народа. И у современных просвещенных народов критика достигла такого расцвета, что смело можно сказать — стала важнейшей отраслью литературы, и притом весьма полезной отраслью.

Сколько истин выявила критика[1], сколько незамеченных фактов, которые тот или иной автор умышленно или случайно упустил из виду! А насколько способствует критика прогрессу явлений, попавших под критику, доказывает повседневный опыт.

Очень часто критика глубже проникает в факты, чем автор, тогда события получают внутреннее освещение и произведение приобретает новое значение; критика, как бы волшебной силой разрывая внешнюю оболочку, обнаруживает подлинную его суть, которая настолько отлична от замысла писателя, что последний — творец и создатель произведения — затрудняется узнать свое детище — плод своей мысли и труда.

В литературе того или иного народа выражается его душа, его взгляды, его социальная жизнь, в критике же — мера и степень всего этого, ее дело — анализировать и оценивать.

Народ, не имеющий критики, не имеет и литературы, ибо литература без критики все равно, что тело без души. Народ же, не имеющий литературы, не имеет, следовательно, и разума, ибо литература — не что иное, как протокол разума.

Литература — это дневник, некое вместилище, где сосредоточиваются завоевания человеческого разума, творения человеческой души; и можно ли допустить, чтобы народ, не имея литературы, дерзал думать, что он находится в ряду просвещенных народов на земле или что его существование имело какой-то смысл в истории человечества?

Сердце наше обливается кровью при произнесении этой истины, ибо по воле злой судьбы мы в данный момент дошли до такого состояния, что не можем, не пороча нашей совести, сказать, что наш народ имеет литературу. Как не имеем литературы? Представитель венской школы, дабы подтвердить свое мнимое правомочие в отношении армян, громогласно вопит: «Не бойтесь, не бойтесь обратить взоры на литературу!» — словно есть она, эта литература и притом большая, цветущая по милости мхитаристов*.

---

* В следующих номерах «Юсисапайла» мы изложим наш взгляд на мхитаристов, разберем их деятельность, ее побудительные причины и затем покажем отношение этой конгрегации к нашему народу[2].

Литература, проповедуемая этим вѐнцем, как бы ножом отрезана, отделена от народа. Она — не порождение души народа, а измышление фальшивого субъекта. Литература же, которая не связана неразрывно с душой народа, которая не отражает, как в зеркале, жизнь народа, его наитончайшие черты, такая литература — да простят нам эту истину — похожа на религиозность иезуитов... Такая литература может в такой же мере быть воспитателем народа, на сколько какая-либо мачеха—матерью чужим детям.

Не преступно ли с нашей стороны так отзываться о нашей древней литературе? Чтобы решить этот вопрос, повторим сказанное нами выше, что литература — вместилище разума; если члены армянской нации могут делиться друг с другом творениями своего разума на том языке, на котором двигалась поныне наша монашеская литература, тогда мы достойны осуждения. Если же, напротив, это вместилище недоступно народу, если у народа нет ключа от этого закрытого шкафа и он не может понять, каков был до него разум народа, если эта литература не является для него духовной пищей, разве преступно сказать, что она словно ножом отрезана, отделена от жизни народа? Следовательно, какое же преступление сказать, что народ не имеет литературы, в которой отражалась бы его жизнь, наитончайшие черты его облика? Какое же преступление призывать наших авторов отказаться от суетного честолюбия знатоков древнеармянского языка, стремиться разработать живой язык живого народа, которым, несомненно, двинулось бы вперед народное просвещение? Надо же, наконец, понять, что писатель имеет дело не с умершими поколениями, а с нынешним живым народом, условия жизни которого совершенно изменились, следовательно, и важнейшая форма проявления этих условий — язык должен соответствовать новым условиям жизни.

Всякий человек знает, что одежду, которую носили во времена Людовика XIV, теперь уже никто не носит, поскольку она устарела и кажется неподходящей. Да что там времена Людовика XIV! Из года в год мода заставляет нас отказываться от одежды, сшитой год-два тому назад, и заказывать такую, которую носят сейчас. Если так обстоит дело с материальной одеждой, что же удивительного, что язык — одежда нашей мысли — в те-

чение стольких веков изменялся, будучи живым, текучим, ежеминутно поддающимся воздействию.

Наша совесть чиста, и мы, следуя здоровому ее и нашего разума велению, считаем своим долгом провозгласить публично, что только теперь занимается заря живого языка живого народа.

Теперь мы познакомим наш народ с трудом достопочтенного Назарянца, со «Сборником нового армянского языка», первый том которого, как мы указывали выше, вышел в свет уже довольно давно, второй же появится в ближайшие дни, чтобы обогатить нашу довольно бедную, но подлинно народную литературу.

Первый том, о котором идет речь, представляет собою для более или менее грамотной массы нашего народа и более или менее развитых детей отличную, ценную книгу для чтения. Содержащиеся в ней статьи затрагивают разнообразные темы, дают возможность каждому читателю найти полезные знания и благородное удовольствие. Ни в одной из европейских книг, написанных с этой же целью, мы не найдем собранного в одном месте столько избранного и прекрасного материала для чтения, сколько в этой книге. Это объясняется тем, что трудолюбивый и многоопытный автор, подобно разборчивой пчеле, собрал со всех видов европейских цветов наилучшие соки для своей книги.

И в какой другой книге армянское дитя или, да будет позволено нам сказать, армянский народ мог бы найти духовный стол, столь богато уставленный всевозможными яствами? Гениальные, могучие, отважные мысли и высказывания стольких мудрецов, со вкусом подобранные рассказы, остроумные, свободные и мудрые речи; сколько занимательных бесед, маленьких рассказов, достойных внимания, коротких историй, описывающих быт и нравы; затем различные нравоучительные стихотворения, заключающие в себе всякого рода мудрые, привлекательные и воспитательные материалы, аллегорические, предостерегающие и страшные, как, например, назидательные рассказы о природе: тут «Зернышки семян», «Крокодил», «Долина браминов», «Пустынный остров», «Повторная клятва о самоисправлении», «Новый год несчастного человека» и т. д. и т. п.

Автор этим не ограничился. Он рассказывает умным армянским детям и народу о предметах, относящихся

уже к области науки, а именно: о строении мира, о богатствах земли, о животном, растительном и минеральном царствах. В этой книге мы находим также довольно длинные и содержательные, написанные легким слогом повествования о человеке с точки зрения его физического строения, некоторые психологические сведения и, наконец, довольно подробное рассуждение о природе и имеющихся в ней явлениях; затем нравоучительные поговорки, моральные назидания и изречения.

Этот большой и разумно выполненный труд заканчивается двумя прекрасными речами, из коих одна посвящена жизни Сократа, а другая — жизни и деятельности Христофора Колумба и открытию Америки; речи эти написаны довольно возвышенным и ученым слогом, и кто же из более или менее понимающих и чувствующих армян не прочитает без душевного волнения и сердечной теплоты пролог и эпилог открытия Америки!

Мы знаем, что европейские критики имеют обыкновение приводить для подтверждения достоинств какого-либо труда различные цитаты из него и подвергать их критике, но мы довольствуемся тем, что говорим: пусть грамотные армяне возьмут в руки книгу Назарянца, и тогда они сами в той или иной мере подтвердят сказанное нами.

Теперь армянский ребенок в России может взять в руки книгу и получить духовное удовлетворение, и досточтенный автор, с большим успехом достигнув своей цели, может утешаться тем, что его труд, результат его многолетних усилий, претворен в вечно прекрасный памятник, который обессмертит его всегда уважаемое имя.

Язык, которым написана эта книга, чрезвычайно богат и более близок к живому народному языку, нежели язык других, ранее написанных им произведений; усовершенствование языка автора станет очевидным, если сравнить его произведения «Первая духовная пища для армянских детей», «Учение о религии» и нынешний «Сборник нового армянского языка». Но мы хотели бы видеть его язык еще более близким к народу, так как и сейчас еще он местами ближе к древнему языку, чем к народной речи. Но тут трудность не только в одних словах, но и в мыслях и в личности автора: нельзя требовать, чтобы все люди говорили одинаково или чтобы возвышенные и пре-

красные мысли выражались посредством бессвязного и отрывочного языка обывателя.

Несмотря на то, что литература у всех просвещенных народов народна, все же язык литературного произведения более возвышен, чем тот язык, на котором говорят в быту.

Нет, будем разумны в наших желаниях, не будем требовать от автора невозможного. Да он и сам, взявшись за такой большой труд и выполнив его, говоря в своей книге таким чистым и красивым слогом, тем не менее настолько скромен и добродушен, что не хочет считать свой слог «повсюду чистым золотом, а всей душой готов поучиться у говорящих лучше его», лишь бы скорее появились более красиво говорящие по-армянски, чтобы утешить и воспитать нас.

Вообще заслуживает большой признательности то, что достопочтенный автор в своей столь содержательной книге открыл широкое поприще народному языку; правда, иногда он не по-армянски, а по-европейски объясняет свою мысль, но причина этого, думается, в том, что народный язык армянской нации, будучи языком необработанным и несовершенным, не содержит еще в себе всех тех форм, тех логически связанных периодов, которыми можно было бы достойным образом привить армянам любую европейскую идею.

Да, мы знаем, что армянин нашего века, не имея представления об очень и очень многом, не имеет поэтому и соответствующих слов и форм для выражения, и потому, когда он слышит незнакомые идеи на разговорном армянском языке, освещенные европейской логикой, естественно, что вначале они должны казаться ему чуждыми, так как армянин не знаком ни с этими идеями, ни с формами, в которые они облечены, иными словами — он еще не умеет говорить потому, что не умеет думать. Но в этом повинна лишь некультурность народа, а не автор, который, вынашивая в себе идеи, имеет и соответствующие формы для них, взятые им из источника того же национального языка, а не у турок и татар, как это бывает большей частью в народной речи.

Мы твердо надеемся, что под пером такого автора наш народный язык скорее получит гражданство и изо дня в день будет становиться ближе к своей цели — воспитанию народа.

Мы не обманываем себя надеждой и знаем, что народ с любовью примет книгу, посвященную делу воспитания детей народа и вполне отвечающую этой цели.

Мы же со своей стороны, искренне желая пользы народу, невыразимо рады тому, что народный язык встает на ноги и что в довольно бедной сокровищнице нашей новой литературы появляются признаки умственного движения.

Да благоволит принять достопочтенный автор нашу сердечную признательность и пожелание от всей души сил и успеха в будущих трудах.

Сочтем для себя приятным долгом в одном из следующих номеров «Юсисапайла» поговорить о втором, более богатом, томе [1] этого почтенного труда, который на днях вышел из печати.

[О ХАЧАТУРЕ АБОВЯНЕ]

Единственным источником художественной литературы народов является их национальная история, т. е. жизнь народа. Народна литература, если она содержит в себе нечто принадлежащее народу, события из его жизни или деятельность исторической личности. Точно так же народен писатель, если он воспевает или пишет о том, что непосредственно связано с народом, связано с его умственной и нравственной жизнью, это неопровержимо. У литературы должна быть душа, должна быть жизнь, и эту жизнь она может почерпнуть только из того, что само имело жизнь, что жило не как минерал или египетская мумия, а как совершенствующийся в своем развитии организм. Каков народ, какова жизнь народа, такова и его история, а какова его история — такова и его литература.

Неопытному глазу на первый взгляд может показаться, что история имеет дело с доподлинно совершившимися событиями или жизнью людей, участвовавших в этих событиях, а литература лишена реальной подлинности. Да, арена истории — это только реальный мир, литература же не может довольствоваться этим. Она от реального возвышается к иному, несравненно более широкому миру — некоему нематериальному или духовному миру. История передает нам целый ряд событий, которые совершались как результат жизненной потребно-

сти народов, как результат формирования этих народов на политической арене. История анализирует естественные и логические причины этих событий, и тут нет места фантазии. Подлинность одного события она подтверждает свидетельством других примыкающих или второстепенных событий. Художественная же литература пользуется неограниченной свободой и не обязана подчиняться требованиям топографическим, хронологическим или механическим, необходимым для совершения этих событий.

Такое различие действительно существует между историей и литературой, но это различие нечто внешнее, и, глубже обсудив вопрос, мы увидим, что литература так же верна жизни, как и история. История описывает те явления духовной жизни народа, которые материализировались, проявились в реальном мире в том или ином виде, литература же воплощает, делает зримыми и ощутимыми для нас те явления духовной жизни народа, которые, не материализовавшись, остались в понятиях народа лишь как идеи, но идеи неизгладимые, оставляющие определенный отпечаток на характере нации.

Литература восполняет наши понятия о миросозерцании или духовной жизни народа, дает то, что непосильно истории. Допустим, что литература, рассказывая о каком-либо событии или человеке, не соблюдает порядка этих событий, вводит различные произвольные и вымышленные обстоятельства, описывает иногда сверхъестественные явления и сцены и т. д. Но вопрос не в том, совершались или не совершались эти события, а в том, могли ли они совершаться или нет? Согласуются ли те сверхъестественные явления, которых не было, нет и не будет, с понятиями народа, заложены ли глубоко семена этих фантастических идей в мозгу и сердце народа — вот в чем вопрос.

Произведение светлой памяти Абовяна «Раны Армении»[1] — верный образец народности литературы. До сих пор мне не удавалось сказать несколько слов об этом произведении. Вот где воплощена душа народа, его нынешнее состояние, его сознание. В нем, словно в волшебном зеркале, отражены писателем печальные, неутешительные картины национальной жизни народа; тут мы видим деревенских старост, знакомимся с их понятиями. Добросовестный писатель знакомит нас с духовными лицами, заставляет их говорить в соответствии с их поня-

тиями о том или ином предмете, изображает нам состояние сознания их слушателей, печальные отношения, существовавшие между ними. В этом Аполлоновом зеркале мы видим мертвую картину армянской жизни, видим, как в разных точках этого мертвенного поля копошится добродетель и, по понятиям идиллических или патриархальных времен, вооружается против того или иного беззакония; видим, как эта добродетель подвергается гонениям и становится причиной невыразимо обильных слез. В лице Агаси с его товарищами он показывает, что не совсем застыла армянская кровь в жилах сынов Армении, показывает, что призыв героя отомстить врагу за попранные права народа, за поруганную веру и свободу еще находит отклик в сердцах молодых сынов народа. Он показывает нам вызванное состоянием общей подавленности и отчаяния народа холодное отношение к товарищам Агаси, полусердечное женское сострадание к этим храбрецам; этим Абовян дает понять, что дух товарищей Агаси не присущ всему народу, что эти мужи с горячей кровью окружены людьми с холодной кровью, в глазах которых всякая моральная задача потеряла свою ценность и вся храбрость которых заключалась лишь в том, что они умеют плакать, вопить и убиваться, без малейшей попытки поискать выхода из этого положения. В этом зеркале мы видим варварское обращение персов с нашим несчастным народом, порабощенное состояние нашего народа; тут писатель показывает отношение, какое мог проявить невежественный народ с деспотической властью к армянам.

Армянский журнал в Париже «Аревмутк» («Запад»)[1], издающийся с января нынешнего 1859 г. уважаемым ученым г-ном Степаносом Восканяном, в своем 6-м номере, в связи с выходом в свет этой книги, говорит о жизни Абовяна, а в 7-м номере излагает свое мнение о произведении «Раны Армении». Вообще ученый издатель «Аревмутка» с похвалой отзывается об Абовяне, вполне поняв как значение этой книги, так и заслугу автора, но с некоторыми мнениями, относящимися к отдельным частностям этого труда, я не могу согласиться с г-ном Восканяном.

Я не сомневаюсь, что г-н Восканян со всей дружественностью примет эти мои краткие замечания. Он говорит: «Невозможно судить об этой книге по европейскому

канону, ибо, как было сказано, она предназначена для простолюдинов и написана их языком и не предстает перед нами как литературное творение».

Если «Раны Армении» Абовяна обладают достоинством и если это достоинство можно оценить, то уж обязательно по европейскому канону, который всегда обращает внимание на идею произведения и на то, в какой степени сумел автор понять и разрешить поставленную перед собой задачу. Если мы отбросим европейские каноны и посмотрим на этот труд с азиатской точки зрения, он представится нам как некая легенда (сказка).

«Она предназначена для простолюдинов и написана их языком», — говорит критик. Я не согласен. Она написана для всего народа: в ней много поучительного не только для поселянина и горожанина, но и для недоучившихся армянских «ученых». В армянском народе, с утратой им своей государственности и с исчезновением потомственных дворянских родов, нет и простолюдина («рамик»), который может быть только там, где есть дворянство («благородные»). Благородство зиждется не на богатстве, точно так же как и простолюдинство — не на бедности: в настоящее время все члены нашей нации равны между собой. Поскольку в нашем народе нет дворян и простолюдинов, нет и присущих этим состояниям диалектов: древний и мертвый язык «грабар» — не дворянский, как и живой народный — не простолюдинский, как это утверждают некоторые верхоглядствующие люди — путаники, в том числе и француз г-н Делорье, называющий наш народный язык и вообще живую армянскую речь *жаргоном*. О языке Абовяна можно сказать только, что он очень обременен местным диалектом, но Абовян преследовал специальную цель. Было бы несправедливо из-за этого не признавать глубокого достоинства этой книги, а именно — изображения жизни народа перед самим народом. Да, Абовян не придавал своему творению такого развития событий или такой концовки, как принято у европейских писателей; оно предстает перед нами не как законченное целое, а как галерея определенных картин и образов, но автор сам предопределил это, дав своему труду обобщающее название — «Раны Армении». Некоторая тяжеловесность языка и стиля является не следствием германизма автора, а следствием влияния подлинной жизни местного населения и

присущих ему форм выражения мысли. Правда, мы видим местами безвкусное повторение однозначащих слов, но не забудем, что целью Абовяна было писать так, чтобы необразованный народ не чувствовал, что он читает книгу, а казалось бы ему, что кто-то беседует с ним: чем же виноват Абовян, что азиат не знает меры ни в чем? А в общем спасибо «Аревмутку»: он очень добросовестно выполнил свой долг, и наши замечания не снижают достоинства его статьи.

ЗАМЕЧАНИЯ

В то время как наши национальные журналы и газеты, совершенно не считаясь с тем, в чем заключаются их задачи на литературном поприще, заполняют свои страницы материалом, не имеющим никакой связи с нынешними нуждами и потребностями нашего народа; в то время как эти газеты и журналы избегают касаться тех вопросов, обсуждение которых могло бы огорчить честолюбие близоруких членов нации со всеми вытекающими из их невежества последствиями, — провидению угодно было, чтобы в неутешительной армянской пустыне появился «Юсисапайл», словно глас вопиющего... Провидению было угодно, чтобы «Юсисапайл» при нынешних обстоятельствах нес на себе тяжелое, но с философской точки зрения сладостное ярмо. Да, провидению было угодно, чтобы лучи «Юсисапайла» осветили и сделали видимым очень многое, основательно поговорить о чем было так невыгодно господам, издающим журнал или газету, ибо неразумные члены нации, обидевшись совершенно без оснований, могли бы вовсе отстраниться от участия в таком литературном деле.

Любой человек, лишенный всестороннего образования, отдаляется и отстраняется от разговора, касающегося его недостатков. Хотя этот человек частично и чувствует свои недостатки, но как признание этих недостатков, так и выслушивание о них мнений других для такого человека тя-

желее, нежели чувствовать на себе эти недостатки. Есть люди, которые ради самообмана, чтобы хоть несколько утешиться, очень часто предаются самозабвению и, мысленно уходя, удаляясь от той среды, в которой они действительно находятся, стремятся развлечься идеальными совершенствами. Подобные люди очень часто хотят, чтобы другие сознательно или бессознательно хвалили их, не касаясь их недостатков; лживые похвалы со стороны чужих эти люди ставят на службу себе в качестве главной опоры самообмана. Вот в таком положении находится наш народ. Он попал в поток времени, и время несет его, но, поскольку ему недостает самосознания, он совершенно машинально, совершенно пассивно, отдаваясь самозабвению, мчится вперед, дабы быть погребенным в вечной пропасти времени. Печальная и прискорбная картина для человека, умеющего смотреть и видеть! Но обливать ли нам потоками слез это общее разорение и несчастье народа или же, видя, с другой стороны, черную воронью стаю обскурантов (которые, предпочитая свою личную выгоду и обращаясь с народом так, как обращался бы с ним лицемерный и чуждый сосед, не имеющий ничего общего с народом, закрывают народу путь к просвещению), оплакивать их жалкую и гнусную личность? О, печальная картина! Эти жалкие, несчастные люди, напрягая все свои силы, чтобы сохранить в неприкосновенности вековой самообман народа, и сами вольно или невольно впадают в самообман: наша цель, говорят они, служить народу, а народ именно хочет этого; мы, выполняя волю нации, достигли своей цели, служили нации, следовательно, имеем право требовать вознаграждения и признательности нашей нации.

Браво, господа обскуранты, честь и хвала вам! Какие прекрасные и благородные мысли бережете вы в ваших умных головах! Но честно признайтесь, продуктом ли собственного вашего ума являются эти мысли или другой всадил их в ваши головы?.. Смотрите же, остерегайтесь, как бы там ни было, не отдавайте половину другим — ведь это беспримерное сокровище, bravissimo!

Такая жалкая и несчастная философия обскурантов видна в их повседневном поведении. И они не ошибаются в своих расчетах относительно всего, что касается их личной пользы. Но совершенно иного характера философия других людей, что видно по «Юсисапайлу». Они поднимают

знамя истины и, вторгаясь к миллионам спящих людей, нещадно будят их от вредного и ослабляющего сна, призывая к зоркости, бдительности и деятельности. Эти люди считают пропащими те минуты, когда они не служили нашему народу, открывая ему какую-либо истину или утверждая его право в армянской действительности. «Юсисапайл» — смелый «Юсисапайл», непричастный к суеверному страху, свободный от лицемерия, лицеприятия, чуждый адскому иезуитскому духу, «Юсисапайл», со всей преданностью служа божественной истине, руками своих сотрудников раздирает, разрывает завесу, покрытую тысячами заплат, за которой наши мракобесы со всей тщательностью скрывали моральные язвы и раны нашего народа. Сосредоточив в себе неутомимую деятельность, чтобы осудить и уничтожить моральные пороки нашего народа, «Юсисапайл», несомненно, должен был наткнуться на трудности, ибо некоторые неразумные члены общества, не умея отличить нацию от ее недостатков, полагали, что следует в одинаковой мере защищать как нацию, так и ее недостатки. Но что могут сделать все эти трудности, эти западни и черные сплетни против общества, объединенного истиной, воодушевленного истиной, задачи и цели которого — истина, слава которого — крест христов.

«Юсисапайл» уже поднимал и впредь будет поднимать, невзирая на окружающие повседневные препятствия, вопросы, имеющие большое значение для прогресса нашего народа. Без этого журнал не может жить, эти живые и действенные вопросы — душа литературного дела, именуемого журналом. И только тогда сотрудники журнала свободны от осуждения со стороны здравого разума и достойны морального вознаграждения, если они, жертвуя всем во имя истины, ставят и продвигают эти вопросы.

Характеру нынешнего времени, особенно второй половины текущего столетия, свойственно поднимать такие вопросы, разрешение которых может улучшить положение всего человечества на земле. На этом пути одерживаются более крупные победы, чем на поле войны, и залы совещаний — лучшие арены для человеческого разума, нежели окровавленные поля. Вот вам и новая пища для сплетен мракобесов: вновь запляшет Иродиада...[1]

Народ, некогда свалившийся под сокрушительным ударом времени, больше не выступает на поприще человече-

ства как нечто целое, как одна семья, члены которой, будучи тесно связаны между собой, старались бы для ее общей пользы. Буря, вырвавшая такую семью из общего политического круга человечества, рассеивает членов этой семьи, отдаляет, разделяет их друг от друга. После этого для членов такой семьи нет больше в реальном мире единения, они больше не составляют одной семьи, члены которой служили бы одной общей и общественной идее; все это становится голой абстракцией, названием без вещи. Безжалостная судьба или, говоря по справедливости, вина нашего народа довела его до этого несчастного состояния. Каждый из членов нашей нации считает себя частным лицом — нация превратилась в некую абстракцию. По этой-то причине воз национального прогресса валяется на дороге, ибо каждый, считая себя частным лицом, не имеет влечения приблизиться, поднять его и повезти.

На свете нет абстрактной нации: если нация есть, значит есть в действительности, иначе нет ее вовсе. Что означает абстрактная нация? Я, ты, он, другой называем себя частными лицами, не думая о том, а кто же нация, и если что случится, каждый член нации говорит: «Пусть нация позаботится». Говоря так, он отделяет свою личность, исключает себя из нации и считает себя частным лицом. Если все члены нации, рассуждая таким образом, исключают себя из нации, то кто же составляет нацию? Никто! Вот это и есть абстрактная нация, и эта нация — мы. Но, поскольку, как было сказано, абстрактной нации не бывает, значит, у нас нет нации. Нам могут сказать: «Как ты дерзок! Как ты осмеливаешься говорить, что нации нет, когда географы насчитывают в нашей нации около пяти миллионов армян?» — Не сердись, дорогой, спокойно, спокойно: эти пять миллионов — не нация, а частные лица, и один из людей, составляющих эти пять миллионов, — ты, называющий себя частным лицом; и как ты отделяешь себя, исключая из общего как частное лицо, так и остальные четыре миллиона девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять, по одному исключая себя как частные лица, в итоге оставляют пустоту, ноль. В этом наша беда, наша язва, наша скорбь.

Нация — та сила, та живая связь между людьми, без которой или вне которой частный человек был бы беспо-

лезным эгоистом, а все человечество — бесплодной абстракцией[1]. Эгоистические принципы, разделяющие людей — отдельные личности, — умеряются высшим принципом живой национальной связи, иными словами — великим общественным принципом. В общественной связи личности не теряются, не уничтожаются, а лишь отказываются от своей частности с тем, чтобы составить одно согласное целое, проявить для всех желательное единение. Личности в обществе звучат не в отдельности каждая, а как цельная гармоничная музыка. Товарищество, общественность, высший принцип нравственности человечества[2], пока несовершенно проявляется на земле. Христианство очистило и осветило вопросы нравственности, которые до того или смутно понимались народом, или лишь угадывались им. И с тех пор общественность стала идеей, к которой остается стремиться во веки веков. Большим шагом по пути к прогрессу, большой честью для нации, по нашему мнению, является постановка, выдвижение такой идеи и то, что она приводит в движение множество людей. Эта деятельность и является той связью, которая из частных людей составляет одну целую нацию. Невозможность совершенного осуществления идеи общественности ни в коем случае не должна прекратить деятельность стремящихся к ней людей; всякое препятствие, всякая преграда на пути должны стать источником и стимулом к деятельности — новой силы и мощи. Нельзя быть совершенным христианином, но долг человека — всегда стремиться к этому идеалу. Нации необходима самостоятельная действенность, и моральная победа нации завоевывается всей нацией.

Было бы странно делить нацию на две части: образованных и невежественных. В самом деле, одним дается сила толковать, а другим — слушать и понимать, но не люди распоряжаются таким образом, а провидение. Помимо того, слушающая часть нации — не лист белой бумаги, не знающий и не способный судить о том, что пишут на нем. Слушающий многое дает толкующему, он очень часто воодушевляет его. И говорящий и слушающий делают одно общественное дело, один — разумно давая, другой — разумно принимая; их связывает одна общественная идея, которая, исходя от одного, проникает в другого и уравнивает природные различия; это же соотношение, но с большей точностью, имеется между авто-

ром и читателем. Природная способность не может быть передана непосредственно из рук в руки, истина же — общественная собственность; те способности, которые заложены в том или ином человеке, могут раскрываться, обнаруживаться в его деятельности. Умный слушатель, когда в нем пробуждается дар говорить, становится умным толкователем. Таким образом, в результате беспрепятственного обмена мыслями — передачи и восприятия — достигается общая моральная победа нации. Всегда было ошибочно также и то мнение, что нация — это только богатые или те, которые имеют блестящие звания, ибо основой всего общественного строя любой нации является простой народ. Отдельные лица, выдвигаясь из его среды, своей частной деятельностью и сознанием могут во многих отношениях служить великому делу просвещения и прогресса человечества. Но только в том случае они могут создать что-либо, если они пустят глубокие корни в простом народе, если между ними и простым народом будет непрерывная и живая связь, а также взаимопонимание.

Простой народ не имеет никакого особого богатства, кроме имени человека и христианина. О, как богата эта бедность! И, находясь на низкой ступени, как высоко он стоит! Будучи человеком, он имеет все. Нося имя человека и христианина, он уже носитель идеи всего человеческого и христианского общества. И когда люди, случайно получившие в этом мире блестящее звание, богатство и привилегии, смотрят на эти отличия не как на повод для гордости и превосходства над другими, а как на требование времени, вытекающее из несовершенства мира, тогда они действуют истинно и убеждаются в том, что и сами они те же люди и христиане — без малейшего различия.

Нация должна иметь свое национальное — это личность нации: как не может быть человека без личности, так не может быть нации без национального. И если случается видеть человека без личности или нацию без национального, то это — жалкое и несчастное явление, бесполезное и себе и другим. Личность не только не препятствие, а, напротив, средство для того, чтобы свободно и в совершенстве познать другого человека, другую личность. Точно так же собственно национальное какой-либо нации дает ей возможность познать другую национальность, а с познанием и оценкой других национальностей

исчезает эгоистический, фанатический и бесчеловечный характер национальности. Там, где исчезает национальное, там исчезает материально или морально и сама нация. Национальность — живая и цельная сила, содержащая в себе нечто непостижимое, как сама жизнь: и душа, и архитектурные созидания, и характер людей, и даже природа местности (страны) участвуют в этой силе.

Можно возразить, что национальность — это ограниченность, что она носитель индивидуализма, национализма, национализм же — вреднейшее злоупотребление. Чтобы освободиться от национализма, или эгоизма, нация не должна уничтожить свое национальное, напротив, следует признавать все национальности. Ни одна нация не вправе поглотить и уничтожить другую нацию, но это часто повторяется в истории человечества. Вот тут-то сказывается вреднейшее злоупотребление национализмом, в этом — нечистая стихия эгоизма. Справедливость требует признания всех национальностей, да, всех национальностей, ибо из их объединения строится организм всего человечества. Народ, теряющий свое национальное, выпадает из этого организма, как сгнивший член, и чрево вечности безжалостно поглощает такую нацию. Нет поэтому ничего более печального для человеческого сердца, как видеть какую-либо нацию падающей и погибающей под ударами тяжелых обстоятельств — под гнетом какой-либо другой нации. Но совершенно неописуемо несчастье, совершенно ужасающе зрелище, когда члены нации сами отрекаются от своей национальности и во избежание якобы гибельного знамени национальной ограниченности видят общечеловеческие честь и достоинство в национальности другой великой, но чуждой нации.

Какая жалкая философия, какое плачевное учение!

Пусть каждый народ сохранит свой национальный облик, пусть свободно и ярко расцветает любая национальность в человеческом мире! Они лишь придают мощь и душу общему труду народов.

Но... для нашего народа... наши слова — глас вопиющего в пустыне. Кто хочет слышать и понять, что такое нация, что такое национальность? Кто хочет поднять из грязи свою вконец обесчещенную нацию и национальность? Гибельный дух эгоизма уже давно господствует над членами нашей нации. И разве не этот дух, не этот предосудительный эгоизм — причина того, что наш народ вы-

пал из скрижалей истории человечества? Нам по крайней мере неведома иная причина.

«Разве наша нация не самостоятельная нация?»—Да, она не самостоятельная нация в настоящее время и никогда не была ею. Ее политическая жизнь протекала урывками и была рабской — под чужими скипетрами и чужими знаменами. Образ правления у нее был полностью сходен с формой управления несамостоятельных народов. О, печальная истина! Легче и приятнее осушить стакан желчи, нежели публично признаться в этой истине, ибо в ней — приговор нам всем. Близоруким и полуграмотным людям мы предоставляем радоваться и ликовать, что они, разгребая руины национальной истории, находят кое-какие обломки, реликвии прошлого. За собой же мы оставляем единственное право оплакивать их и скорбеть над ними и, извлекая уроки и назидания из злосчастного прошлого, стараться улучшить настоящее во имя лучшего будущего. В нашей истории ничто не утешает нас, так как мы привыкли основательно исследовать историческое достоинство народов. Но как бы то ни было, будет ли это история, отрывочные ли предания, лишенные исторической ценности, стоило бы заблаговременно собрать все это и выложить перед нашим народом, но не в сыром и незрелом виде, как это делалось до сих пор, а пропущенным через огонь критики. Мы со своей стороны обещаем,— если всемогущий господь не сочтет это обещание слишком большим и даст нам времени для этого,— когда-нибудь представить нашему народу труды его авторов V века, например Хоренаци, Егише, Лазаря и т. д. и т. п., на новом, живом и понятном народном языке.

Чтобы установить степень вековой холодности нашего народа к своей национальности и просвещению, не пригоден термометр Реомюра, ибо ртуть остынет в трубке, не выдержав мороза. Армяне не хотят подумать об этом: их хвалят обманщики, и в самозабвении они погрузились в глубокий сон, слушая колыбельную песню обскурантов.

Никакое дело не делается без движения, сама жизнь проявляется в непрерывном движении, но азиат не любит движения, он счастлив только тогда, когда неподвижно валяется в постели.

Причина этого та, что в нашем народе нет согласованного и разумного стремления. Человек, лицо которого

обезображено, боится смотреться в зеркало, ибо ему страшно увидеть это безобразие; он сердится на зеркало, а в чем вина зеркала? Пусть он постарается устранить свое уродство, тогда и из зеркала исчезнет образ урода. Некоторые наши армяне сердятся на людей, говорящих правду,— на зеркало. Ты, брат, посмотри, ведь это зеркало отражает твой образ, как он есть — красивый или уродливый, следовательно, постарайся быть красивым.

Мы не принимаем ни одного мотива, какие приводятся или могли бы быть приведены нашим народом против сказанного выше. Истина только в том, что нравственность нашего народа держится на глиняных ногах.

Данная провидением человеку сознательность в стремлениях, воля, является его определяющим характером, этим он отличается от неодушевленной природы; именно эта воля и делает его нравственным существом. Для природы не существует никакого морального вопроса, для человека он есть, и это — результат его воли, которая может быть доброй и злой, может возвысить его и погубить. Из этого вытекает бесконечная деятельность человеческой души, ее постоянное стремление вперед, из этого вытекают светлые и темные стороны в человечестве и в человеке. Как бы низко ни пал человек, тем не менее для него всегда имеется возможность подняться, лишь бы не перестала действовать его воля. Для человека хуже всего смерть его воли, впадение в сон и уныние, потеря веры в себя или полное ее отсутствие. В таком случае человек теряет смысл своего существования и свое достоинство. Пусть члены нашей нации, употребив к добру свои способности, пожелали бы только, и национальность ожила бы.

Моральная победа жизни принадлежит не одному человеку, но народам, и каждый человек, каждый народ достигают ее только самостоятельно, а не иначе. Самостоятельное, самобытное действие каждого не исключает возможности взаимного соглашения, но ясно, что это соглашение должно быть свободным и независимым. Там, где нет свободного действия души, там господствует рабство и подражательность, там нет деятельности, а только пустая суетливость (фальшивая тревога).

Нравственное дело должно совершаться нравственным путем, без силы внешнего принуждения, без помощи насилия. В нравственных вопросах ничто не может быть

так вредно, как вторжение грубой силы. Если грубой силой полагают укрепить какую-либо истину, то подвергают сомнению собственную мощь истины, так что для истины лучше иметь грубую силу своим врагом, нежели помощником и сотрудником. Нравственная истина имеет только одно оружие, это свободное свидетельство сердца — слово разума. Вот единственный меч души, и он является знаменем человека на свете. Слово, составленное человеком при посредстве звуков и насыщенное сознанием, воодушевляет видимый мир, облекает плотью невидимый мир. Здесь, в пределах этого слова и разума, по достоинству осуществляется либо солидарное стремление человечества, либо война мыслей в тех случаях, когда искатели истины вступают в спор и в противоречия между собою.

Спор и война — неотъемлемая собственность человечества, которое само кует свою жизнь. Люди ищут истину, и каждый ищет в отдельности. Не всякий взгляд одинаково ясен, не всякий взор направлен в одну сторону; бывает много добросовестных заблуждений, ложных толкований и различных извращений. Даже свет христианства, даже божественная истина иногда мутно и мрачно поблескивает в тучах понятия хворого и помутневшего ума. От этого в человечестве возникает война, но эта умственная война, повторяем категорически, должна вестись в пределах свободного свидетельства сердца, в пределах слова и разума. Никакая внешняя и грубая сила не должна иметь места в этой войне: разящим мечом является не железо, а слово: тут имеет вес не блестящее звание или какое-либо случайное положение на свете, а мысль и философия. Насилия над мыслью не требуется; инквизиция — собственность папизма. В настоящий момент и среди нашего народа происходит умственная война; в ней также имеет место столкновение мнений.

Вступая на арену публицистики, мы тем самым принимаем на себя обязанность открыто и прямо выразить убеждения нашего сердца и стараться, чтобы они проявились с возможным совершенством и ясностью.

В нашем народе еще не оценено должным образом достоинство слова, мы на каждом шагу видим поведение, недостойное разума. У нас еще не все понимают, что глубокая искренность сердца достойна уважения. Если искренне высказанные убеждения ошибочны, следует их

опровергнуть, доказать их ошибочность в споре, но не унижаться до непристойных, дешевых и грубых шуток, до искажений и сплетен по адресу противника. Гонения, ненависть, ложь, недобросовестность и т. п. могут вызвать то же самое со стороны противника. Мы желаем, чтобы наша общественная борьба приняла принципиальный характер соответственно ее значению. Мы не отвергаем шутки, насмешки, иронии, но в рамках пристойности и, главное, добросовестности; не следует извращать мнения противника. Отрицать и осуждать ложные и ошибочные мнения — святой долг каждого нравственного человека, но извращать их для того, чтобы легче осудить, не дело порядочного человека.

В нашем народе имеются теперь различные точки зрения и направления, имеются, следовательно, различные знамена, идет борьба. Было бы странно отрицать это, странно было бы также желать какого-то объединения борющихся между собой лагерей. Это было бы вредно для нашего народа. Борьба — следствие движения, а движение — жизнь. Если бы два противоборствующих лагеря совершенно свободно пришли к соглашению в своих взглядах, только тогда они примирились бы и сблизились друг с другом. Без основательного согласования взглядов — ложно всякое примирение и объединение, хотя бы в газетах и объявлялось публично, что, мол, царствуют мир и покой...

Для сближения противоположных лагерей не следует приносить в жертву убеждения сердца: это вызвало бы вавилонское столпотворение и доказало бы слабость обеих сторон во славу какой-то нравственной прострации и умственной лени. Нет, пусть каждая сторона без жертв и насилия развернет всю свою мощь, всю глубину своих взглядов — только в этом случае проявится решительная победа и борьба достигнет своего блестящего плодотворного конца. Да будет благословенна борьба, да будет она сильна, беспощадна, благородна и добросовестна! Убегающий от благородной борьбы — жалкое существо с бабьим характером. Ложное миролюбие, под покровом которого, словно волк под овечьей шкурой, скрыта личная выгода и слава, мы величаем почетным именем *иезуитизма*. Подлинное следствие истины — разделение; должен быть раскол, чтобы выявились избранные. Вино, пока оно не перебродит — не прояснится. Сусло, свернувшееся

под влиянием серы и переставшее бродить, столь же ценится среди вин, сколько кастрат среди людей: имеющий уши, да слышит!

Просвещение — вот цель человека. Само слово *просвещение* содержит толкование его смысла. Высшее стремление от тьмы к свету присуще нравственной природе человека, оно — жажда бессмертной души. Кто пожелает невежества, кто пожелает мрака?.. Как солнце для всех, так и просвещение для всех людей. Непонятен страх перед просвещением; это — то же, что светобоязнь. Но истина не страшится света, только ложь ищет тьмы. Плохой верующий тот, кто думает, что вера крепка невежеством. Нечиста совесть, которая страшится публичности, которая мыслит найти себе опору и безопасность, обходя возражения. Истина — сама свет; она, как солнце, не требует для себя света. Пусть только рассеются тучи, скрывающие и заслоняющие ее, и солнце истины засветится во всем блеске своих лучей.

Говоря по существу, что значит просвещение? Просвещение не только усвоение открытых другими знаний. Разве можно назвать просвещенным человека, забившего голову различными сведениями? Нет, этого мало, это еще не просвещение. В этом случае человек подобен заполненному книгами шкафу, а какая польза шкафу от того, что в нем находятся книги, богатые ученостью и истиной? Можно ли назвать шкаф просвещенным? Следовательно, мало только получить и усвоить различные знания и сведения, добытые другими. Требуется, чтобы с получением и усвоением их в самом человеке произошла революция — возрождение. Человеку необходима собственная деятельность, воспринимающая, оценивающая эти знания и господствующая над ними, необходима творческая, созидательная сила мысли, необходимо, чтобы эти сведения и знания не падали, как семена на песок, а вызывали движение в почве и приносили плоды.

Эта творческая сила мысли есть ее главная сила; без нее голова — лишь склад знаний, который можно демонстрировать как библиотеку, но не больше. Такое просвещение бессильно, оно пахнет средневековой схоластикой. Просвещение любого народа должно осуществляться на его собственном, родном языке. Храм просвещения должен воздвигаться руками всего народа.

Роль духовенства в просвещении очень ограничена. Ни один народ не достиг высших ступеней просвещения под руководством духовенства. Пусть духовные у нас занимаются проповедью божьего слова, а просвещение народа должно продвигаться попечением самого народа. Просвещение тем основательнее, чем оно свободнее и независимее: ростки просвещения не могут зазеленеть в рабстве.

Ошибочно представление, с давних времен укоренившееся в нашем народе, что армянский католикос или архиерей должны быть попечителями и служителями просвещения. Не Маркос и не Киракос, а народ своими руками должен сеять, если хочет собрать благословенный и святой урожай...

ИЕЗУИТЫ

Из всех монашеских орденов, когда-либо существовавших на свете и ныне почти исчезнувших, ни один не сыграл в истории такой роли, как орден иезуитов. Будучи учрежден в период, когда прежние ордены были уже не только бесполезны, но и в тягость папской власти, потрясаемой страхом перед лицом реформ Лютера, он необычайно быстро распространился по всему миру, накопил несметные богатства и, добившись исключительного влияния на дела всей Европы, основал в Парагвае независимое государство, в котором осуществил свой идеал политического строя. Хотя для народа этот идеал оставался пустым и мертвым, для самого ордена он был прочен и выгоден...

...Итак, ордену иезуитов удалось над одним народом осуществить свою идею государства. Я говорю о Парагвае.

Иезуиты жаловались Филиппу III на испанских губернаторов, на то, что они своей жестокостью в отношении местного населения и недоброжелательством к иезуитским миссионерам препятствуют распространению христианства среди туземцев Америки. Король весьма милостиво выслушивал их жалобы. Поощренные этим, иезуиты развернули перед королем идею христианской республики, которая должна возродить счастливые дни патриархальных времен. Филипп III, будучи воспитанником знамени-

того иезуита Марианны* и находясь поэтому под влиянием ордена иезуитов, отдал им Парагвай в качестве совершенно независимого от Испании государства, в котором орден мог действовать свободно и самостоятельно лишь с условием вносить в королевскую казну в Мадриде установленный налог — état demi-souverain **. Основав Парагвайскую республику, орден иезуитов полностью осуществил в ее структуре свои политические принципы. В Европе и Азии он должен был воевать против существующего порядка вещей, но здесь, в пустынях Южной Америки, он мог вольготно проявить свой дух среди новых и нецивилизованных людей. С первого взгляда кажется, что политический строй иезуитов, умерщвлявший достигшие совершенства народы, был во всех отношениях удобен для этого народа-младенца. Иезуиты своим чудесным искусством привлекали их на свою сторону; они, искусно разделяя один туземный народ от другого, делали их вечно покорными и рабски послушными своему ордену. Получилась республика детей, где имелись все условия для их счастливой жизни, за исключением того, что могло формировать их мысль и сделать ребенка взрослым человеком. Метод, который применяли иезуиты, чтобы создать свободную и спокойную жизнь для несчастных народов, исстрадавшихся под палкой испанских губернаторов, и чтобы постепенно приучить их к власти своего ордена, достоин изумления для законодателей и проповедников республиканского строя!

Лаской и назидательными наказаниями они возбуждали у этих диких народов любовь к порядку и приучали их к оседлой жизни и скотоводству.

Основой политического и духовного законодательства иезуитов в Парагвае являлась религия. Называя себя рабами бога, которого проповедовали, они требовали слепого и безграничного себе повиновения, как служителям бога. Таким путем иезуитам нетрудно было приучить этот народ, благодарный им за свое спокойствие, к той мысли, что нет на свете более высокой и могучей власти, чем власть ордена. Неизбежным следствием этого было то,

* Придворный иезуит в Мадриде Марианна по повелению Филиппа II сочинил книгу „De Rege et Regis Institutione" для чтения наследника королевства. В этой книге устанавливалось, в каких случаях можно предать особу короля. Эта книга в 1610 г. была торжественно сожжена в Париже.

** Полусуверенное состояние.

что эти дикари безгранично покорились иезуитским миссионерам. Жители Парагвая на коленях выслушивали их приказы и считали большим счастьем поцеловать подол рясы святых отцов.

Общественная жизнь, политическое правление и различные ремесла, введенные в эту республику, полностью соответствовали целям и идеям ордена. Все жители научились работать: мужчины работали на полях, женщины получали в установленном количестве лен или хлопок, которые они обязывались очищать, прясть и ткать из них различные материи в течение недели; даже дети имели свои ежедневные обязанности. Из искусств в Парагвае были введены живопись, архитектура и музыка в той мере и в тех пределах, в каких нужны были они в местной жизни. Публичными зрелищами были лишь театральные представления, свершавшиеся с такой же величественной торжественностью, как богослужения. Обычно представляли различные события из священной истории, особенно такие, которые могли произвести впечатление на воображение парагвайцев и внушить им любовь и покорность к своим властителям, т. е. иезуитам. Политическое правление было поручено инспекторам (так они назывались) или попечителям, которые назначались иезуитами, зависели от них и находились всецело в их власти. За малейший проступок назначались по большей части телесные наказания, но крупнейшие преступления, как, например, оскорбление или огорчение (!) иезуита, считались заслуживающими смертной казни. Ежегодно собирались советники и обсуждали все дела за год, устанавливали новые законы и отменяли старые.

Главной целью иезуитов было приучить парагвайцев к порядку и держать их в совершенном невежестве. Поэтому они отдаляли их от всякой науки, которой парагвайцы могли бы «злоупотребить». Частная собственность была аннулирована; продукты общественного труда принадлежали иезуитам и предоставлялись работникам в столь ограниченной доле, что их едва хватало на удовлетворение основных потребностей жизни. Из этого можно заключить, какие огромные сокровища приносила ордену эта богатая страна, жители которой довольствовались лишь самым необходимым, и сколько труда должны были приложить иезуиты, чтобы уничтожить связи Парагвая с Европой.

Вся страна, как свидетельствует губернатор города Подози Дон Матиа-де-Гортари, была разделена на тридцать шесть церковных уездов (епархий), каждый из которых включал в себя до десяти тысяч семей. Кроме бесчисленного множества золотых и серебряных приисков и текстильных фабрик в Парагвае имелось литейное производство, где изготовлялись пушки и различное другое оружие, употребляемое иезуитами в войнах с соседними индейскими племенами или продаваемое европейским купцам.

Иезуиты вели мировую торговлю продуктами парагвайского земледелия, особенно хлопком, сахаром, табаком, различными кожами и прочими предметами. Раз в шесть лет приезжал генерал-прокурор, подсчитывал доходы и образовавшуюся сумму в векселях переводил в Рим генералу ордена. В каждом уезде имелись склады и амбары, где хранились подлежащие продаже товары: золото, серебро, драгоценные камни. Крупнейшими торговыми центрами были Санта-Фе, Буэнос-Айрес и Тукуман; только эти торговые центры приносили в год более десяти миллионов таллеров дохода.

В этом государственном управлении со всей ясностью проявилась сущность иезуитского ордена, здесь иезуиты в совершенстве выказали свой характер. Но имелось ли в этом иезуитском ублюдке начало великого государства? Везде, где зарождается историческая жизнь, мы видим активность народа, борьбу, кровопролитные войны, которыми укрепляется юная мощь народа, а здесь — ужасающее спокойствие. Дух иезуитизма *иссушил* эту девственную страну... Он не может вызвать Гватимозина или Монтезуму. Орден был на краю гибели, но народ Парагвая в своих недоступных пределах оживил его, становясь с каждым днем все более покорным, все более безропотным. Желание иезуитов осуществилось: появилось государство без дыхания, без движения, лишенное всяких признаков жизни.

В истории иезуитского ордена в Европе было два направления: в XV и XVI веках орден воевал против монархической власти королей и против тех установлений, которые защищали эту власть. В этот период еще только формировались великие монархии Европы — Франция, Испания, Германская империя (наследственные страны австрийской короны) и Англия. В монархической власти

проявлялась жизнь народов, она отражала результат просвещения средних веков — единство, национальность, государство. Вот против этой живительной власти выступили иезуитские республиканские проповедники, особенно Беллармн, Марианна, Альфонс Сальмеро и Эммануэл Спа. И кто мог подумать? Они выступили во имя прав народа, якобы неразрывно связанных с идеей теократической республики.

Формулируя эту мысль, они считают основой всякой власти в государстве то, что было сказано авторами XVIII века и проповедниками республики — Руссо и Монтескье — beneplacita multitudinis. Но республиканцы XVI века сами же уничтожали свои идеи, ставя выше всякой власти власть папы, а следовательно — и власть своего ордена.

Но, как было упомянуто в первой статье, трудные обстоятельства препятствовали этой теории. Историческая жизнь народа еще не укрепилась, государства не поглотили обособленных феодалов, они еще не были ликвидированы, почему Сарпи и другие республиканские проповедники, понимавшие ход современных дел, выставили политический принцип, во всех отношениях противоположный иезуитскому, т. е. божественное право королей, и таким образом приравняли светскую власть к власти духовной.

Стали формироваться монархии, а иезуиты, убедившись в полной несостоятельности своей теории, приняли новое направление. С этого дня они всюду появляются в роли исповедников королей и уже от их имени действуют в пользу своего ордена...

МХИТАР СЕБАСТАЦИ И МХИТАРИСТЫ

[*отрывки*]

I. МХИТАР

На исходе XIII века, с угасанием власти последнего царствующего дома Армении — Рубенидов, армяне утратили последние остатки своей свободы. Часть народа, оставшись на своей отечественной территории, вымирала на развалинах своих домов и под мечом врага, другая часть, добровольно покинув свою страну, рассеялась на все четыре стороны в поисках такого уголка в мире, где могла бы прислонить голову, где могла бы как-нибудь заработать хлеб насущный. С этими печальными событиями угас в Армении светоч просвещения. Сохранились кое-где весьма тусклые отблески лишь в монастырях Армении. Но что значили эти тусклые лучи в сравнении с потребностью народа!

Перед человечеством открывалась цепь новых событий; человеческое познание в конце средних веков, перебродив, вырывалось стремительно, чтобы улучшить положение народов, рассеять мрак невежества и открыть новые поприща для человеческой деятельности. Тут Колумб с заманчивыми предложениями стучался в двери королей и, получив ничтожную помощь, пускался по просторам таинственных морей для открытия человечеству нового мира. Там Гуттенберг, подчинив буквенные знаки своему остроконечному инструменту, замышлял книгопечатанье, и освобожденные из пергаментных тюрем и окрыленные, человеческая мысль и разум должны были распространиться повсюду, превратившись из собственности

одного человека в достояние всего человеческого общества... В такой кипучей деятельности пребывало человечество в Европе, между тем как армянский народ, став слугой и рабом чужих, подставлял свою шею под любое ярмо из-за куска хлеба, а монахи армянского народа, запершись в монастырских кельях, зубрили Порфирия «Аристотеля» и «Пределы» философа Давида Анахта (Непобедимого). Печальная картина, плачевное положение! Жизнь нашего любимого армянского народа с каждым днем дичала, чистая армянская речь былых времен была извращена, и безутешная черная ночь распростерла мрачный покров над горизонтом Армении.

Хотя и во времена царствования Рубенидов мы не видим в Армении особой любви к просвещению, хотя многие неутешительные памятники, в том числе и царские манифесты и кондаки католикосов, показывают невежество народа и регресс языка, хотя в этот период мы слышим жалобы Ламбронаци на такие явления, которые возникали непосредственно от невоспитанности и некультурности духовных и светских властей нашего народа, все же после гибели царства Рубенидов невежество еще более усилилось, мрак стал гуще и народ полностью впал в смертоподобный сон. С тех пор армянский народ, не раскрывая глаз, спит непробудно четыреста лет — вплоть до начала восемнадцатого века.

Этот век призван был подготовить более счастливые времена для армянской литературы. В этот период не только пробуждается изучение древней армянской литературы, но выдающиеся люди прилагают много труда, основывая школы и переводя книги с новых европейских языков, стремясь поднять народ, столь глубоко погрязший в невежестве, и ввести его в рамки европейской цивилизации. Но больно признать, что земля Армении, на которой некогда столь замечательные люди сеяли семена и собирали плоды, не обладала более той моральной почвой, какая была необходима для любого духовного посева. Более или менее значительное умственное возрождение армянского народа должно было совершиться не на подлинно армянской земле, а вне Армении, в чужом мире. Армянские литераторы должны были отправиться в Италию и питаться чужим хлебом, так как народ, как и в наши времена, не имел для своих сынов-патриотов ни

хлеба, ни чести. Каждый человек думал только о своей пользе, словно частная польза возможна без общей.

Деятельность восемнадцатого века по возрождению армянской литературы совершилась усилиями Мхитара Себастаци...

II. ПРИНЦИПЫ МХИТАРИСТОВ

Для того чтобы беспристрастно ознакомиться с принципами мхитаристов, надо прежде всего решить вопрос, что такое папизм?

...Что такое папизм? Трудно разрешимый для нас вопрос, так как от глаз нашего народа, руководствовавшегося доныне писаниями папистских монахов, непроницаемой завесой лжи была скрыта подлинная сущность папизма. С другой стороны, поскольку народ незнаком с всеобщей историей человечества, наши слова показались бы ему голосом из чуждого мира; он был бы удивлен и поражен, если бы мы, смелой рукой разорвав эту завесу, разоблачили перед ним папизм во всем ужасающем великолепии обмана. Нам предстоит война с тысячами умов, погрязших в предрассудках, война с папскими монахами. Но мы, защищенные щитом подлинных фактов и вооруженные молотом правды, выходим на арену, как верные последователи истины, как воины, спину которых не увидят враги.

...Воспользовавшись невежеством народа, папы ввергли его в слепоту. Мы должны увидеть с болью и мукой, как сердца, которые раскрылись и расцвели, орошенные невинной христовой кровью, вновь сжимаются и увядают под мертвящим дыханьем папизма.

Папы издавна привыкли думать, что всякая идея свободы, изложенная в священном писании, провозглашена для их пользы. С давних времен они провозгласили себя непосредственными наместниками бога на земле, притом — наместниками безошибочными и непогрешимыми; с давних времен папы и их адепты проповедовали, что ключи от двери рая висят на стене Ватикана. В то время, как человечество, освободившись из дьявольского плена и воодушевившись, готово было пойти на любые жертвы во имя освободительной религии; в то время, когда, с другой стороны, в различных странах нехристианские народы мучили и угнетали жителей-христиан, папы, чтобы пред-

ставить себя главой церкви и не допустить над собой светской власти, занимали эти народы крестовыми походами против неверных. Не успевали одни крестоносцы, разбитые в пух и прах, вернуться с похода, как с церковных амвонов уже гремели папские энциклики с призывом к новому походу. Этим преследовалась двоякая цель: во-первых, показать, что они (папы) — защитники христианства, и тем самым приучить народы смотреть на папу, как на главу церкви; во-вторых, чтобы народы и особенно их правители, будучи заняты этими бесконечными походами, не имели времени обратить внимание на безобразия, творимые папами и вообще церковниками.

Еще задолго до этих событий папы сочинили идею своего вселенского правомочия. Они твердо придерживались мысли, что овцы для пастыря, а не пастырь для овец. Устраняя народ от чтения священного писания под предлогом, что, будучи невежественным, он превратно поймет его и впадет в соблазн, папы изо дня в день окутывали мысль народов густым туманом ничтожных и суетных правил, чтобы народы не могли видеть дел папизма.

Каких дел? Разве папы занимались непристойными делами? Неужели непогрешимые наместники бога, избираемые святым духом, могли своим безукоризненным поведением ввести в соблазн народы, для удержания которых прочно на ногах их создатель предстал перед римским судьей?

Окинем взором время за последние полтораста лет, с окончания династии Каролингов, и мы увидим, что из двадцати четырех пап, сидевших за этот период на престоле Римской церкви, двое были убиты, пятеро сосланы, трое сами отказались от этой опасной власти, некоторые силой оружия достигли этого высокого поста, другие — силой золота, двое получили папскую тиару из рук своих любовниц, один сам избрал себя папой. Отречение от папского престола однажды было куплено набитым кошельком, в другом случае — ласками красивой невесты. Один из римских первосвященников ограбил церковную кассу, бежал со своей добычей из Рима, вскоре затем вернулся, изгнал своего преемника и изувечил его самым гнусным образом. На одной из страниц истории мы читаем об ужасном событии, как труп антипапы доставляется перед ясные очи нового папы, чтобы «выслушать» приговор о

своем свержении, а на другой странице мы видим, как сам этот судья выслушивает такой же приговор себе, хотя и не в такой отвратительной торжественности. Один из пап берет в аренду свою непогрешимость в восемнадцатилетнем возрасте, другой — не достигши двенадцати. Мы видим папу, который выбирает себе преемника, чтобы самому возглавить войска, выступавшие в поход из Рима. Другой папа, получив крупную сумму, соглашается признать константинопольского патриарха главой церкви. Все святое делается предметом торга, порок и разврат царствуют под сводами Ватикана, а осиротевшая церковь, став одновременно невестой трех женихов (так говорили в то время), была вынуждена присутствовать на трех, якобы противоречивых таинствах обедни, совершаемых в одном и том же христианском мире. Не должны ли были поглотить, наконец, врата ада папский престол? Чтобы доказать возможность такой опасности, достаточно сослаться на свидетельство историка церкви Барониуса.

Вот те факты, которые народ не должен был сравнивать с учением священного писания и евангелия. Папизм требовал от народов слепой и безусловной веры, веры не непосредственно в бога, а через посредничество папы, ибо ключи от рая были в его руках...

Какова цель действующего таким образом папизма? Эта цель велика, но сколь она велика, столь и гибельна для человечества. Папизм действует под маской религии и религиозности, но это — нечто второстепенное в сравнении с основной целью, которой он стремится достигнуть: под его надуманным и представляемым вселенским духовным правомочием скрывается вселенское политическое правомочие.

В свидетельство сказанного нами следовало бы привести здесь несколько фактов из истории папизма, но мы, предоставив это тем, кто мужественно раскроет армянскому народу историю церкви, ограничимся рассказом одной короткой истории из жизни папы Григория VII.

До папы Григория VII короли на Западе пользовались правом назначать на своих землях епископов и настоятелей монастырей; до него независимость пап существовала лишь на словах. Однако Григорий, уму и руководству которого пять пап были обязаны своим папством и

который сам удивительно ловко очутился на папском престоле, уже через несколько недель после своего избрания, на особом соборе добился решения, чтобы не только священники были безбрачны, но и женатые развелись бы с женами, причем народу предписывалось не посещать церковных служб, если их несет женатый священник. Этот папа публично объявил всему миру, что не светская власть назначена богом, что сам господь доверил свою власть над человеческим родом святому Петру, что каждый христианин обязан быть покорным святому престолу, следовательно, и римским первосвященникам, которым принадлежит верховная власть над всеми императорами и королями, над патриархами и епископами, они обязаны получать свои короны и клобуки из рук папы, — эта верховная власть вверена римскому папе непосредственно самим великим апостолом.

Просматривая послания этого папы, во всем видишь это учение. Он объявляет французскому королю, что каждая семья, проживающая в его государстве, обязана платить папе налог в размере двух су в год, и приказывает своим послам собирать этот налог в знак покорности Франции святому престолу. Он доказывал венгерскому королю Соломону, что его государство является собственностью римской церкви. Соломон, не убежденный и упорствующий, был свергнут с престола, а его преемник Владислав, оказавшись более сговорчивым, объявил себя агентом папы и согласился платить ему налог, как подлинному хозяину государства.

На Корсику был направлен посол для управления папской собственностью на острове и для возвращения земель, захваченных сарацинами. В Сардинию было отправлено послание, в котором провозглашалась верховная власть папы над островом, в случае же возражения и споров послание грозило набегами норманнов. Известно также, что папа Григорий наградил герцога Далмации Дмитрия королевским титулом с условием, чтобы тот платил ежегодно двести марок серебром ему и его законным преемникам в качестве платы за их высшую власть над Далмацией. В это время в Риме находился некий молодой человек, которого папа Григорий в одном из своих посланий называет сыном русского царя. В послании русский царь оповещался о том, что папа, внемля просьбе молодого царевича, принял его клятву в верности святому

Петру и его наместникам, не сомневаясь в том, что «подобный поступок молодого царевича будет одобрен царем и всеми выдающимися людьми государства, поскольку апостол, рассматривая с этого дня Россию, как свою собственность, возьмет ее под свою защиту». Такой же присяги требовал папа от Свенона Датского; от поляков, которые в то время только что приняли папизм, Григорий, ссылаясь на свою верховную власть над их страной, потребовал налога в сто марок серебром в год. Папскими буллами со всех концов Европы были вызваны в Рим многие епископы, некоторые из них были лишены сана, а другие перемещены на новые посты. Во Франции, Испании и Германии папские послы пользовались властью папы, и жалобы на их слабость или суровость находят отголоски в переписке Григория.

Еще многое мы могли бы рассказать об этом, но ограниченность времени вынуждает нас довольствоваться этими несколькими замечаниями о фактах, которые могут дать нашему народу некоторое представление о направлении папизма и об его коварной политике.

Таким образом, в средние века папизм широко шагал к своей предосудительной и нехристианской цели — осуществлять насилие над человечеством, пленить и поработить его. По требованию вышеупомянутого Григория VII германский император Генрих IV в зимнюю стужу три дня простоял у дверей церкви с непокрытой головой и босой — в знак покаяния. Послы другого Генриха IV, попавшего под проклятье папы Сикста V, были избиты в церкви кардиналами в полном церковном облачении в присутствии папы Клемента VIII.

Огнем и мечом связали папы уста человечеству, вольное развитие его разума. И миллионы людей, не пожелавших склонить головы перед нелепыми папскими приказами, склонили свои головы под беспощадным топором папизма. Пепел многих тысяч казненных развеял и унес ветер с эшафотов и костров, между тем как паписты, предавшись чувствам властителей преисподней, умилялись, глядя на обуглившиеся трупы на столбах... Многие, словно овцы, были перерезаны в ту страшную ночь[1], когда сам король (Карл IX) собственноручно стрелял в своих подданных — евангелистов и в память о которой были вычеканены медальоны и возносились благодарственные молебствия богу.

Гибель стольких людей была ничем в глазах папизма. Их кровью он орошал и выращивал ростки слепой покорности в душе папистов.

Бедная, жалкая Испания лишилась своих деятельных и богатых подданных, какими были мавры. Евреи также частью были уничтожены огнем и мечом, частью в жалком состоянии изгнаны со своих местожительств. Этого требовала инквизиция, папская политика требовала крови, смерти, огня и меча, сам Христос, дескать, умер для спасения народов. Папизм истреблял народы для собственного обеспечения, провозглашая себя при этом защитником христианства. Рассматривая папизм с позиций истины, можно ли не видеть, что он преследовал исключительно политические цели? Можно ли опровергнуть, что его религия и его заверения относительно защиты им христианства были маской, скрывающей и охраняющей его мирские домогательства от европейских королей и народов?

Вот те принципы, из которых росла и выросла конгрегация мхитаристов[1], вот та кормилица, на зараженном молоке которой выросли и оформились армянские адепты папизма. Видя это, ни мы, ни один из наших беспристрастных читателей не согласится с достопочтенным архимандритом Габриэлом Айвазяном, что папизм мхитаристов был только маской, что каждую минуту можно было сбросить с лица эту мрачную маску...

III. МОРАЛЬ МХИТАРИСТОВ

Нравственность любого человека, общества или целого народа имеет два источника: первый и главный источник — религия, второй — просвещение. Можно было бы третьим источником считать политику, но направление политики является непосредственным следствием религии и просвещения. Если логически правильно рассудить, то и просвещение является следствием религии, как было сказано в предыдущей главе. Следовательно, в поисках элементов морали мхитаристов мы должны обратиться опять-таки к их религии, а именно — папизму. О том, что такое папизм, мы сказали в предыдущей главе.

Муки человечества, горчайший опыт, накопленный им за тысячелетия, жизнь его, подверженная тягчайшим

испытаниям, в рабстве и услужении, приводят нас к той несокрушимой истине, что рабство — мать всякой безнравственности. Нелишним будет кратко разъяснить читателям это заключение и показать, каким образом или каким путем рабство становится матерью всякой безнравственности, которая в свою очередь порождает страшные, ужасающие преступления. Развивая эту мысль, мы говорим, что человек отличается от прочих живородящих животных своим разумом. Исследуя человека физически и психически, мы видим, что в его организме имеется центр, где сосредоточены наивысшие свойства материального, разбросанные розно в животном и растительном царствах; мы видим тут духовные силы и способности, которые у других одушевленных существ заменяются инстинктом, врожденным реагированием. Эти признаки убеждают нас, что человек создан, чтобы быть свободным. Его свобода — следствие его совершенной физической организации, психической и познавательной силы. Свободу или возвышенное желание свободы осознал только человек как разумное существо; он, понимая свое превосходство среди других существ, разгорается, воспламеняется особенно тогда, когда какая-либо оскверненная рука или событие пытаются сковать естественное право этого самобытного, природного душевного стремления и самоощущения.

И действительно, кто из нас не стал бы протестовать, если бы какая-либо варварская или деспотическая рука сковала нас и материально и морально, или поставила преграду нашей свободе, нашей воле, являющейся необходимостью нашего духовного и физического совершенства?

История свидетельствует, что восстания, мятежи, убийства, поджоги, грабежи и другие ужасные явления порождались деспотизмом. Деспотический дух, являющийся защитником рабства, не желающий признать человеческое равенство, незаконно подходя к имуществу и праву другого, первым обнажил меч над шеей бессильного и беззащитного.

Деспотизм, став палачом свободолюбивых свойств человеческой души, питает и взращивает ничтожные, вредные и бесчеловечные черты и заблуждения, к числу которых относятся лицемерие, ложь, предательство и подобные им пороки, вооружиться которыми принуждается

всякий человек-раб для того, чтобы как-нибудь защитить свое достояние и свое благополучие от посягательств деспотизма.

Папизм, сосредоточив в себе всякое право на свете, право, уступающее лишь божественному праву, никогда не считался и не будет считаться защитником свободы. Его установления, его духовные порядки и бесчисленные другие факты из истории человечества свидетельствуют и утверждают, что он, отняв свободу и волю всех, образовал лишь для себя житницу свободы, и его неограниченная свобода во всем человеческом мире является тем, что иными словами называется папской непогрешимостью. Почему? Потому что он свободен, потому что он считает свою личность превыше всего человечества, а человечество — рабски покорным себе, следовательно, — он непогрешим, ибо грешить можно, переступив через какой-либо запрет, а поскольку для него нет запретов и преград как в материальном, так и в моральном отношении, напротив, он вооружен полнейшей свободой, как же он может согрешить?

Однако свобода, как мы уже говорили, является собственностью всего человечества, и каждый член последнего в равной мере должен обладать ею, свобода одного члена не могла возрасти неограниченно, не отняв ее у других подобных себе членов человечества. Это — неопровержимый закон в человеческом мире, и миллионы доказательств этому может видеть каждый человек, обладающий зрением.

Религиозным источником морали мхитаристов был папизм, излишне распространяться на этот счет: кто имеет уши, да слышит, кто обладает разумом, да поймет!

Давайте рассмотрим теперь второй источник морали мхитаристов, а именно просвещение. Мы уже говорили, что если разобраться логически правильно, просвещение есть следствие религии; мы говорили в первой главе: «Скажи мне, какую религию ты исповедуешь, и я скажу тебе, на какой ступени или в каком состоянии твой разум». И в самом деле, папизм, будучи некоим познавательным и нравственным Китаем, куда ничто чужое и никто чужой не имеют доступа, имеет свой собственный взгляд на все вещи. Всеобщее мировое просвещение не для него. Если по существу рассматривать понятие «просвещение», то как могло в самом деле подлинное просве-

щение найти место в том мире, основой и стихией которого были деспотизм и рабство, глава которого, провозгласив себя наместником всемогущего бога, требовал себе от народа божеских почестей, фанатичные монахи которого — эти дети рабства и мрачные адские воины деспотизма — потрясали церковные амвоны, провозглашая анафему и осуждение людям, осмеливающимся, как служители правды, приближаться к добыче льва?.. Да, для многих проповедь правды и просвещения служила смертным приговором. Огонь и меч папизма сжигал и отрезал языки и головы людям, непосредственной проповедью которых взволновался и воссиял свет истины в пределах безутешного и мрачного папского мира. Многие проповедники истины и просвещения испустили последний вздох свой под заплесневелыми стенами папских тюрем на одной соломенной подстилке с злодеями и разбойниками...

Кто, имеющий мозг в голове, надеялся бы найти истинное просвещение там, где, с одной стороны, мысли скованы предрассудками, навеянными папизмом, а с другой — насилие и рабство принуждают покориться и подчиниться, отказаться от какой-бы то ни было критики громко вопящего: «Я безошибочен!» Нет сомнения, что школы их, типографии, библиотеки, музеи древностей и т. д. и т. п. похожи, увы, на ту смоковницу, которую встретил однажды Христос на пути из Иерихона в Иерусалим. Это — только внешний блеск. Под видимостью жизни скрываются ужасающая бездеятельность и неподвижность.

Учение и просвещение, преподносимые человечеству руками папских служителей, похожи на конфеты из опиума, какие азиатские кормилицы обычно дают детям, примешивая к этой усыпляющей жидкости сладость, чтобы младенец, обманутый ею, охотно принял ее. Свидетельство сказанному дает история, которая, будучи летописью жизни и дел человечества, может осветить любую истину. Итак, мы спрашиваем историю, в каком состоянии и на какой ступени находилось просвещение европейцев, пока науки были заключены за башенными стенами монастырей и феодалов, пока служителями наук были монахи различных папистских орденов? Содержали ли эти науки в себе, как ныне, жизнь и движение? Имели ли влияние на эти науки годовые кру-

говращения солнца в отношении их прогресса? История отвечает: ни в коем случае! В средние века, когда попечителем народного просвещения было папское духовенство, торжествовала во всем своем высокомерии узкая схоластика со своей софистикой. Науки, связанные и скованные, словно иссохшаяся мумия, ограничивались так называемыми искусствами, каковы: грамматика, риторика, логика, музыка, арифметика, геометрия и астрология, ввезенные в Европу в VI веке в несуразных книгах Кассиодора, Изидора и Маркиана.

Эти науки в нынешние времена имеют заслуженное достоинство перед судом человечества, так как, освободившись от цепей или, лучше сказать, прорвав саван покойника, ожили, выросли и продвинулись вперед. Когда же эти науки появились в Европе, всякая литературная деятельность в течение пяти-шести следующих затем веков заключалась лишь в рабском перепеве предшествовавшего. В то время умы были заняты и вдохновлялись освобождением Иерусалима или созывом того или иного собора для осуждения какого-либо несчастного человека, а всякая духовная деятельность сосредоточивалась в духовных рыцарствах. На какой же ступени могли быть наука и просвещение, преподносимые человеческому роду руками папских воспитателей?

Как же возникло европейское просвещение? — Пусть говорит история. Сила и мощь европейских народов иссякли в крестовых походах, рыцари попали в руки Армиды[1]. Нищета послужила материальной причиной пробуждения народов, или, лучше сказать, уколола, словно шилом, бока спящих народов. Они проснулись и, оглянувшись на свое печальное и гнетущее прошлое, позаботились об улучшении настоящего, чтобы оно породило прекрасное и счастливое будущее. Народы, по горло сытые духовным воспитанием, отказались от этой пищи, в дальнейшем они самостоятельно стали воспитываться, и вот тут-то было положено начало эпохе нынешнего европейского просвещения.

Начало этой многозначительной революции мы видим в XIII веке; накапливая силы вплоть до XV века, она, наконец, отовсюду хлынула мощными потоками.

То европейское просвещение, к которому ныне безвозмездно может приобщиться любой член человечества, Европа приобрела ценою крови. Полвека с юной святой

силой в руках воевало оно против лишения своих прав, с могучей старухой, мрачных воинов которой было больше, чем сынов просвещения. Кровью омылась Европа в этот период. Удивительная вещь — истина и свет всегда должны силой вырвать победные лавры, воюя, побеждать тьму и ложь. Таков порядок вещей на свете и воля провидения, чтобы появились избранные. В наши задачи не входит описание того, как европейское просвещение постепенно прогрессировало: обо всем этом рассказано в истории европейской культуры, но коснуться этого вопроса было необходимо для того, чтобы показать сущность папистского просвещения, в котором мы искали второй источник морали мхитаристов. Мы уже видели этот источник, нам остается теперь итти дальше, оставив для следующей главы разговор о подлинно мхитаристском просвещении, поскольку все доныне сказанное относилось вообще к папизму.

Перейдем теперь к рассмотрению третьего источника морали мхитаристов, т. е. политики папизма.

Провозгласив себя безошибочными и непогрешимыми наместниками Иисуса Христа на земле, папы исстари весьма тонко внушили папскому окружению идею, что весь земной шар обязан признать это сверхчеловеческое правомочие пап. Приняв на себя вместе с духовным правомочием и политическое достоинство в силу того учения, что нет спасения вне римской церкви и что Христос обещал превратить все человечество в одно стадо с одним пастырем, они проповедовали народам, что в религиозном отношении следует слушаться только этого пастыря и искать его покровительства. Различные папские ордена были ревностными орудиями или, так сказать, избранными сосудами, изливающими эти идеи в сердца и души народов. Миссионеры этих орденов, объезжая сушу и моря, как на крыльях ветра пролетали невообразимые расстояния, — от берегов Испании до негостеприимных, ржавых железных ворот Китая.

Всюду проповедовалась слепая покорность папе, всем отпускались грехи ценою признания папского правомочия, что было делом сокровенным, грехи отпускались и за более мелкие дела, лишь бы они были в той или иной мере выгодны папизму...

IV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МХИТАРИСТОВ

В этой главе мы рассмотрим только литературную деятельность мхитаристов на поприще армянского языка, не входя в оценку достоинств этой деятельности, что оставим до следующей главы, где разбор и изучение мотивов и побудительных причин этой деятельности позволяет более справедливо оценить эту деятельность, учтя и взвесив многие обстоятельства, послужившие непосредственным поводом к ней.

В первой статье мы видели общее разорение нашего народа во времена Мхитара, познали бездеятельность нашего духовенства, его мракобесие и тунеядство. Сказали и о том, до какой степени был в забвении родной язык, заветный язык нашего отважного патриарха Арама. В этой главе мы увидим движение в армянской литературе. Древний, но заброшенный, искаженный и нарушенный язык восстанавливается и упорядочивается попечением мхитаристов. Сам Мхитар не может считаться слишком плодовитым автором в этом возрождении, так как он не получил должного образования и не имел условий для изучения памятников древнего языка, чего достигли постепенно его ученики, изучая эту древность с железным терпением и в самоотверженном труде.

Именно следствием терпения и самоотверженного труда явилось то, что армянский язык V века ожил для нескольких частных лиц, живущих в XVIII—XIX веках. Пусть сам Мхитар не был блестящим арменистом, пусть он писал разрушенным и искаженным языком,— тем не менее своей новой жизнью, своим возрождением древнеармянский язык обязан Мхитару, так как Мхитар был основателем конгрегации, которая высвободила армянский язык из-под пыли веков, возобновила и обработала его. Когда мы говорим здесь о жизни, оживлении, прогрессе и т. д. и т. п., мы имеем в виду отдельных лиц, отдельных ученых, а не весь народ, ибо и сорок Мхитаров и столько же конгрегаций не смогли бы оживить мертвого языка, который уже не является духовной формой и выражением современной жизни народа.

Желая сохранить и спасти от гибели памятники древнего языка, а следовательно, и древний книжный язык, мхитаристы большую часть, сколько сумели собрать и раздобыть, трудов авторов V века напечатали. Мхита-

ристы позаботились о составлении более или менее приличной грамматики армянского языка, изучив всю армянскую письменность и изучив формы и особенности нашего родного языка по произведениям различных армянских авторов. Работая дни и ночи, мхитаристы составили и напечатали словари армянского языка — различного типа и разного назначения. Кроме армянских авторов они перевели и напечатали различные труды с древних и новых европейских языков и этими переводами в значительной мере разработали и обогатили древнеармянскую литературу. Не будем касаться того, что многое переведено мхитаристами без смысла и без какой-либо определенной цели. Не будем говорить и о том, что по сей день мхитаристы были лишь переводчиками и ни одного замечательного произведения не создано ими в какой-либо области науки.

Вообще задача, разрешением которой задалась конгрегация мхитаристов на поприще нашей древней письменности, сводилась лишь к сохранению и разработке древнего языка; распространение общего просвещения в нашем народе не было ее делом — и тут она оказалась совершенно бесплодной. Мхитаристы, обучаясь в школе, готовившей своих питомцев к духовной деятельности, напрягали силы для изучения языков и, вполне естественно, преуспели на поприще языкознания: среди них появились отличные эллинисты, знатоки английского, французского, итальянского и других языков, а поскольку поприще других наук было весьма ограничено в этой школе, ничего достойного внимания среди мхитаристов не появилось. По сей день из их среды не вышел ни один ученый со всесторонним европейским образованием; их знания в той или иной области науки не что иное, как отрывочные сведения, дилетантизм. Настоящей эрудиции, энциклопедическому образованию не могло быть места в такой школе или в таком обществе, где история подчинена политическим теориям папизма, где философская мысль, свободная и возвышенная по природе, находится в рабстве у надменной папской непогрешимости.

Мы знаем, что некоторые предубежденные люди завопят: «Как? мхитаристы не имеют разностороннего европейского образования?!» Да, отвечаем мы, потому что папизм мхитаристов лишал их всякого истинного просвещения. И не только мхитаристы, которые своим образо-

ванием и ученостью намного ниже иезуитов, но и сами иезуиты известны европейскому миру и европейской литературе как языковеды и хитрые политиканы, насыщенные духом Макиавелли. А между мхитаристами и иезуитами — горы и долы, несмотря на то, что и мхитаристы руководствуются уставом ордена иезуитов. Нас поймут европейцы, а также наши образованные соотечественники в России, Турции или где-либо, получившие образование в европейских школах. Имея в виду эти обстоятельства, мы должны вновь выразить благодарность конгрегации мхитаристов, во-первых, за то, что они разработали и помогли расцвету древнеармянского языка, они подняли его из жалкого состояния, в котором он пребывал по небрежности нашего духовенства, во-вторых, за то, что мхитаристы не посвятили себя распространению знаний в нашем народе, так как свет, восходивший с горизонта папизма, судя по опытам, с химической точностью произведенным на белом свете в области морали, равносилен свету болотных или могильных блуждающих огоньков. Доказательства сказанному можно найти в их нескольких вкривь и вкось толкующих исторических трудах, всецело приспособленных к нуждам папизма. К числу таких книг принадлежат и томы так называемой «Армянской истории» Чамчяна, в которой азкерты, тамерланы, татары, греки и другие иноземцы разоряют Армению по той причине, что она прогневила бога; в ней не приводятся политические причины, не дается критической оценки ни одному событию национальной жизни; в этих томах армянские католикосы и епископы непрерывно шлют послания о покорности папе римскому. Вспоминая все это, не следует забывать, что если бы армянский народ возлагал свои надежды на милость армянских монахов, наш древний язык оставался бы и поныне в таком положении, в каком он был до Мхитара. Да и книгопечатание не достигло бы того совершенства, какого оно достигло попечением мхитаристов.

Жалкое и отчаянное положение Маттеоса Цареци, архимандрита Воскана и Гукаса Ванандеци в Голландии, а также половинчатое сотрудничество наших католикосов с ними, не могли сулить хорошего будущего армянскому книгопечатанию. Волею провидения армянскому книгопечатанию суждено было вырасти и окрепнуть под небом Италии. И армяне, сидя беспечно в своей стране, предо-

ставили это важное поприще попечению отважных изгнанников — мхитаристских монахов, а следовательно, им — и венец славы, которому и цвести всегда, доколе армянин может взять в руки армянскую книгу.

Конгрегация мхитаристов, этот отпавший от нас осколок, на чужбине, преодолевая многообразные препятствия, без сна и покоя трудилась над обработкой и развитием древнеармянского языка, и ныне армянский народ знаком европейцам благодаря мхитаристам.

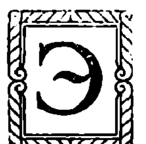
Вот все, что мы имели сказать о литературной деятельности мхитаристов...

ВОПРОШЕНИЕ МЕРТВЫХ (МЕРЕЛААРЦУК)

(главы из незаконченного романа)

I

то было в мае 1858 года. Только наступило утро, солнце едва поднялось над горизонтом, золотя вершины гор, покрытые молочно-белыми облаками, люди только пробуждались от сна, столь глубокого и крепкого в эту весеннюю пору, когда слуга г-на Маркоса вошел в его комнату. Г-н Маркос спросонья открыл глаза и, поглаживая заспанное лицо, спросил его о причине столь раннего появления, но не успел он закончить вопрос, как слуга приблизился и протянул ему письмо, принесенное слугой г-на Шакарянца.

Г-н Маркос вскрыл конверт и, протирая сонные глаза, прочитал следующее:

«Сердечный друг,

господин Маркос!

Не сердись за откровенность, но, как я замечаю, ты больше обещаешь, нежели исполняешь. Речь идет о нашей пирушке, о которой мы беседовали на-днях, причем ты обещал позаботиться обо всем, однако, к сожалению, никаких признаков заботы с твоей стороны я не вижу и по сей день. Дни проходят, жизнь летит, а мы, благодаря тебе заключенные в наших квартирах, увядаем в тоске. Видя такое положение вещей и то, что нет на тебя надежды, я самовольно начал заботиться об этой пирушке. Все приготовления уже сделаны как в отношении еды, так и питья. Одной водки купил целое ведро, а обыкновенного вина — сто двадцать бутылок, шампан-

ского — очень хорошего — клико и редерера — двадцать четыре бутылки; мадеры, хереса, рейнвейна, словом крепких вин — восемнадцать бутылок. Омовение всяких законов, в том числе установленных пророками, будет выполнено отличным мараскином, полученным мною из-за границы.

Уже из этого перечня ты видишь, что я не бил подобно тебе баклуши. Так или иначе, сочтешь ли это обвинением или назиданием, прими к сведению и с получением этого письма поспеши ко мне, чтобы посоветоваться о том, кого из наших приятелей и знакомых пригласить и кого не приглашать.

Всегда желающий тебе добра:
А. Шакарянц».

Закончив чтение письма, г-н Маркос с тяжелым чувством и мыслями стал подсчитывать: сто двадцать и еще восемнадцать — сто тридцать восемь плюс двадцать четыре — сто шестьдесят два, не так уж много, но, если в виде предисловия возьмем ведро водки, а послесловием — мараскин, тогда сто шестьдесят две бутылки кое-что да означают. Но почему он забыл о роме?.. И коньяка тоже нет, нет и английского джина; ведром чистой водки хочет нам очки втереть... Нет, брат, не пройдет, я всучу тебе еще один списочек... Ай-ай-ай, и сарептский бальзам позабыт, что же это за пирушка!

После этих размышлений, имевших довольно значительный вес в его жизни, он начал одеваться. Слуга внес и поставил на стол самовар. Г-н Маркос заварил чай и, усевшись в кресло, живо представил себе различные картины пирушки. То он представлял себе всех своих друзей пьяными и валяющимися на лужайке, кого спящим, а кого... сам же он как настоящий мужчина с чашей вина в руке стоит возле них, издеваясь над их слабостью. Потом ему представилось, что его товарищи, перепившись, затеяли драку, один из них плачет и жалуется, что его обижают, другой оглушительно кричит и бранит товарища, обещая, что, если тот не уймется, он с ним так разделается, что тот света не взвидит. Тут г-н Маркос вообразил себя чем-то вроде средневекового рыцаря, который, подойдя к дерущимся с чашей вина в руке, утешал обиженного, говоря, что, мол, недостойно на все обижаться, как женщина, одновременно и гневался на его противника, указывая, что в товарищеской среде не-

допустимо столь грубое поведение, и так далее в этом же роде.

Создавая в мыслях подобные картины, г-н Маркос пил свой чай, время от времени выпуская изо рта густой табачный дым колечками. Особенно злорадствовал он при мысли, что, когда будут осушены ведро и бутылки, а несколько человек, в том числе и он сам, останутся трезвыми, он будет громогласно требовать вина у г-на Шакарянца, изобличая его в скупости.

Таково было его настроение после чтения письма. Покончив с чаепитием, он взял пальто, шляпу, трость и вышел из дому.

Возможно, что читатель этих строк подумает, что г-н Маркос горький пьяница. Боже упаси, это было бы клеветой. Правда, г-н Маркос пьет, как и другие, как всякий добрый армянин-христианин. Его грезы о пьянке и обида на скупость г-на Шакарянца — самое обыкновенное явление. Чем больше пьет молодой человек, тем он почтеннее, тем больше для него славы и хвалы. Не так давно я встретил в поселке Кунцево несколько молодых людей армян, которые гуляли с одним русским, с трудом державшимся на ногах и заплетавшимся, почти одеревеневшим языком еле произносившим слова. Один из молодых армян, г-н Ц...в, сказал мне по-армянски: «Видите, до чего мы довели его», т. е. как мы его напоили.

Я говорю это к тому, что г-н Маркос не составляет исключения, когда занят мечтами о выпивке, когда должен стремиться день ото дня выпивать все больше, так как многие из нашей армянской молодежи этим измеряют свою храбрость. Несколько лет тому назад я встретил в городе... молодого армянина, по праву получившего от общественности почетное имя Бекри-Мустафа; когда сей господин, совершивши свое очередное паломничество в храм Бахуса, встретился со мной, то, выслушав мое осуждение за пьянство, заговорил так:

— Сударь, знаешь ли ты, что человек превыше всех других творений мира?

— Знаю,— ответил я.

— Так почему же ты обвиняешь меня, если я стараюсь заслужить уважение своей человечностью в отличие от какой-либо бессловесной твари?

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Человек выше или дерево? — спросил он.

— Какое может быть сомнение!

— Чудак! Если ты знаешь истину, так почему же не принимаешь ее? Я человек, взгляни-ка хорошенько на меня, я — образ и подобие божье, у меня есть разум, из моих слов ты видишь, что я очень хорошо сознаю свое достоинство среди прочих творений мира. Какое-либо неодушевленное существо, какая-либо бочка, сделанная из дерева, не имеющая ни души, ни образа божьего,— вот такое ничтожество, говорю я, вмещает в себе до сорока ведер вина. Видя это, могу ли я до такой степени унизить свою человечность, чтобы равнодушно смотреть на это, и не было бы с моей стороны поношением божьей благодати, данной мне, происшедшему из горсточки земли, если бы я не старался уравняться и превзойти это ничтожное дерево? Каждый из нас обязан поддерживать человеческое достоинство и не порочить божьего духа, вдохнутого в нас. Мы обязаны оправдывать творца, добиваясь уважения той благодати, способными к которой избрал он нас из всех творений своей руки. Мы обязаны не только уравняться с бочкой, но и превзойти ее... Вино — роса небесного рая: патриарх Ной сейчас же после потопа стал употреблять его... Чего ты добьешься, глотая, как лягушка, воду; вода — орудие в руках бога для наказания злодеев. Доказательство этих слов — всемирный потоп. Чем уничтожил бог человечество, вином или водой?.. Сам Христос на свадьбе в Кане Галилейской превратил воду в вино — так что же ты говоришь после этого?!

Если среди наших армян имеются мыслящие подобным образом люди, то, значит, г-н Маркос блаженный человек.

Поскольку речь зашла о г-не Маркосе, познакомим с ним наших читателей. Это — человек лет сорока. Будучи с детских лет в учении у некоего портного, он слывет ныне одним из лучших портных. Однако, зарабатывая на хлеб столь прозаическим ремеслом, он увлекается в то же время чтением различных книг. Он всегда считал себя, считает и ныне одним из патриотов, да и почему бы не считать — разве это такое уж трудное дело считать себя патриотом или быть таким в глазах других? Говорю это только в отношении наших армян, а не других народов, ибо, насколько легко прослыть патриотом в нашем народе, настолько это трудно у других народов.

Почему? Да потому, что армянин, наслышавшись тут и там пару-другую громких фраз, садится в свой угол и мнит себя патриотом: каких только благих пожеланий не расточает он своему народу! Он желает, чтобы народ просветился, чтобы одичавшие дети народа учились, чтобы имелись и непрерывно издавались прекрасные газеты и журналы, но чтобы все это делалось само собой, возникало из ничего и существовало ничем, чтобы наш почтенный патриот сидел спокойно дома, чтобы его не беспокоили. Ведь он не опекун народа! Разве он обязан чем народу? Пусть народ сам думает, сам заботится о себе; мой патриот — частное лицо: он сыт, денег у него много, что ему до того, что дети народа, невежественные и лишенные воспитания, обречены босыми метаться из стороны в сторону в поисках куска хлеба, крова над головой или одежды, чтобы прикрыть наготу? Мой патриот почитаем лишь за то, что не скупится на добрые пожелания, соглашается с каждым добросовестным человеком и помогает народу, подавая два-три рубля милостыни нескольким беднякам. Он восхваляет нацию, скрывает перед чужими ее недостатки. Он так любит армянский народ, что люто ненавидит тех, кто вскрывает его недостатки, он мстит им клеветой и бранью и...— чего же еще хотите — освящает в чужой стране могилу несчастливца, лишившегося жизни и имущества в изгнании...

Такой вот человек — о, печальная истина! — пользуется уважением в глазах невежественной толпы, отрастив себе брюхо и заострив ус, он осмеливается требовать от нас почета и уважения, ибо он богат, а мы нет, он разъезжает в карете, а мы плетемся пешком.

Подальше от нас, наглый глупец, прочь с наших глаз, лжец и бесчестный человек,— мы знакомы с твоим мошенничеством, твои махинации не пройдут у нас! Патриот? Как бы не так! Почему не называться тебе чревоугодником, корыстолюбцем? Что, понравилось тебе имя патриота? Ты хочешь, не испытав лишений, стать добродетельным? Как это можно? Ведь добродетель — это лишения для человека, творящего добро. Разве ты пойдешь на лишения? Боже упаси! Не только почетное имя патриота, но и весь свой народ и даже останки своего отца ты выроешь из могилы и продашь за две копейки...

Если люди нашей нации, придерживающиеся такого образа жизни (вместо того чтобы объединиться с подобными

себе состоятельными людьми и помочь народу в его жалком и несчастном положении), *потеряв человеческий облик* (по словам г-на Шахбека[1]), *дни и ночи чревоугодничают* и тем не менее считаются патриотами, то, следовательно, и г-н Маркос достоин считаться патриотом за свои благие пожелания нации.

Г-н Маркос — сердечный друг г-на Шакарянца. Они с детства были соседями и, выросши почти вместе, доныне оставались как бы братьями, хотя г-н Шакарянц богаче, нежели г-н Маркос, ибо отец Шакарянца оставил ему кое-какое недвижимое имущество, на доходы с которого он жил без особых забот.

С 18-летнего возраста вплоть до сегодняшнего дня (сейчас ему лет 36) г-н Шакарянц усердно занимался чернокнижием. Каких только старых рукописей не было у него, каких только молитвенников, написанных на пергаменте красными и синими письменами! Он хвастался тем, что у него есть даже шеститысячелетники...

Много раз видели Шакарянца, как он, запершись в конюшне с рукописным пергаментом в одной руке и с мелом — в другой, чертил на полу круги. Слуги не раз находили в центре этих кругов зарезанную черную курицу без единого пятнышка и нож с черным черенком. От естественных вещей у г-на Шакарянца болела голова, он любил беседовать с духами и пери, давал им поручения и неоднократно уверял своих друзей и приятелей, что многого достиг своими волшебными манипуляциями. К числу этих достижений относится и то, что одна очень красивая девушка, в которую он был долгое время влюблен и которая не считала г-на Шакарянца даже за человека, сама, собственными ногами, в одной лишь рубашке явилась в полночь в конюшню к г-ну Шакарянцу и, пав на колени перед ним, со слезами на глазах просила...

Вот этот-то господин и писал г-ну Маркосу, к нему-то и направился г-н Маркос, куда вслед за ним поведем и мы наших читателей...

IV

— Теперь поговорим о нашей пирушке,— сказал г-н Маркос, выпив водку и поставив стакан.

— Поговорим, друг, поговорим, — машинально ответил г-н Шакарянц, стараясь забыться.

— В твоих приготовлениях я нахожу пробелы,— продолжал г-н Маркос,— о чем заключаю по твоей короткой записке. Ты не позаботился, во-первых, о роме, во-вторых, об английском джине, в-третьих, о коньяке, в-четвертых, о сарептском бальзаме, все же прочее очень хорошо. Но следовало бы тебе знать, что веселье — не веселье, если оно не зиждется на твердом фундаменте: эти четыре вида напитков и являются теми столпами, на которых можно воздвигнуть дворцы веселья.

— Извини, друг, забыл; может, ты приписываешь это моей скупости? Я сейчас же позабочусь и благодарю, что напомнил, хотя, возможно, я и сам вспомнил бы, но в этой суматохе... возможно, и забыл бы. Совершенно верно, ничто не бывает так основательно, как содеянное по взаимному совещанию, и я тотчас же позабочусь о недостающем. Эй, Саркис!

Саркис был слугой Шакарянца, он тотчас явился на окрик своего барина.

— Послушай-ка, что говорит барин,— обратился Шакарянц к слуге, указывая на г-на Маркоса,— и сейчас же закупи то, что он прикажет.

— Две бутылки хорошего ямайского рома, две бутылки коньяка, две бутылки английского джина и две бутылки сарептского бальзама,— тотчас же перечислил г-н Маркос.

Саркис поклонился и вышел.

Г-н Шакарянц продолжал:

— О чем еще нам следовало бы поговорить?

— Ты писал, что надо посоветоваться, кого пригласить и кого нет,— ответил г-н Маркос.

— Да, правильно. Я вот составил список друзей и знакомых, которых следовало бы пригласить.

— Прочти-ка, посмотрим.

Г-н Шакарянц вынул из-под вороха разбросанных на столе бумаг листок и стал читать.

— Значит, десять человек,— сказал г-н Маркос,— с нами будет двенадцать — апостольская цифра, сокровенная. Только, знаешь ли, некоторых из этих людей я не знаю, а в такого рода приглашениях следовало бы знать характер всех этих людей, без выбора приглашать первого попавшегося, по-моему, глупо. Во-первых, на нашей пирушке может возникнуть какой-нибудь неприятный инцидент, вызванный чьей-либо глупостью; во-вторых,

могут начаться беседы, противные направлению нашего воодушевленного весельем общества. Встречаются люди, которые, не считаясь с местом, с обстоятельствами и с пристойностью, вдаются в философию и причиняют, таким образом, головную боль присутствующим и этим служат причиной тому, чтобы души их от веселья обратились к грусти. И, по правде говоря, к чему во время веселья ученые разговоры? Веселясь, человек должен забыть себя, свое положение, все окружающее и обстоятельства — только в таком случае веселье имеет смак. Между нами говоря, человек в это время должен чуточку стать скотиной... Думаю, ты не против этого мнения.

— Твои слова — чистая правда, как можно противиться им? Ученость да ученость — это нестерпимо, голова треснет. С другой стороны, что плохого, если человек иногда становится скотиной? Поверь мне, скотине живется на свете не намного хуже, чем нам.

— И ты говоришь правду.

— Кроме того, чем человек отличается от скотины и чем он превосходит ее? Неужели тем, что умники и ученые кричат о том, что человек обладает разумом, что он некое нравственное существо и т. д. и т. п. Нет, вовсе не этим. Отличие человека от скотины и превосходство его над нею в том, что скотина пьет только тогда, когда чувствует жажду, а человек, и не чувствуя жажды, может осушать стаканы. Скотина пьет одну лишь воду, а человек, выказывая свое величие и превосходство над скотиной, пьет горячительные напитки крепостью до 30°, а иногда и выше. Дай-ка, признаемся, г-н Маркос, разве человек не скотина своего рода? Однако наши враги, эти самые так называемые ученые глупцы, скажут, что человек имеет разумную душу, что человек говорит и т. д. Во-первых, кто видел эту душу? Если отрубить человеку голову, разве он не умрет точно так же, как черная курица, которую ты видел на конюшне? Смертность обоих одинакова, в обоих случаях — смерть, и при смерти человека никто до сих пор не видел выхода его души из тела. Во-вторых, разве животные ничего не понимают? А вот попробуй-ка поднять камень с земли, ты увидишь, будут ли ждать сидящие неподалеку от тебя воробей, ворона или собака, пока ты швырнешь этим камнем в них? И откуда мы знаем, что эти животные не говорят между со-

бой на своем языке? Из того, что мы не понимаем их языка, можно ли заключить, что они бессловесны? Ведь и для них наша речь так же непонятна, как их речь для нас. Все эти философии и науки — один обман. По крайней мере, по-моему, высшей философией является то, чтобы человек был сыт, чтобы питья было вдоволь, дни бы проходили весело и рядышком — любимая женщина. Если есть счастье выше этого, назови, и я признаю.

— Что верно, то верно, дорогой Шакарянц, значит ты согласен со мной, что следует сделать выбор приглашаемых.

— Совершенно согласен и именно за этим просил тебя к себе. Давай-ка сядем да и сделаем это дело.

— Добро, но, как я уже сказал, многих из этих людей я не знаю. Но не лучше ли провести это совещание в присутствии г-на Мантухянца? Он всех знает и по-приятельски скажет, конечно, правду в нашу пользу.

— Разумеется, это было бы хорошо, но беда в том, что он вряд ли располагает временем. Позволят ли его занятия потерять время на это совещание?

— А что за такие важные дела у него, на какой он государственной службе, чтобы не урвать несколько часов из своих занятий для своих друзей?

— Правда, его основное занятие не особенно важное дело, как это и тебе известно, и он такой человек, что готов пожертвовать для своих друзей не только несколькими часами, но даже несколькими днями. Но что поделаешь, в данный момент он в таком положении, что время для него очень дорого. У меня нет секретов от тебя,— добавил г-н Шакарянц, по-дружески похлопывая г-на Маркоса по плечу,— и я надеюсь, что ты будешь настолько скромен, что никому не откроешь этого секрета, если я, когда ты поклянешься мне в этом, все же доверю его тебе.

— Проклятье трехсот восемнадцати патриархов да падет на мою голову, если хоть один человек узнает об этом! — горячо воскликнул г-н Маркос.

— Так слушай же: скоро г-н Мантухянц станет таким богачом, что Ротшильд перед ним не будет и гроша стоить.

— Что ты говоришь!

— Слушай, он занимается алхимией...

— Что такое алхимия, объясни, пожалуйста,— перебил его г-н Маркос.

— Это — наука, которая учит облагораживать простые металлы, как, например, железо, медь, олово и другие, т. е. превращать их в золото и серебро.

— Разве это возможная вещь?

— Без сомнения! Надо только хорошо изучить алхимию.

— Честное слово, впервые слышу такую вещь.

— А ты как думал, дорогой мой? Алхимия — это не то, что твои книги и мои талисманы, это нечто особенное...

— Откуда же эта наука, каким образом г-н Мантухянц изучил ее?

— Откуда эта наука, было бы долго рассказывать, тем более что я и сам нетвердо знаю, хотя г-н Мантухянц однажды рассказывал мне. А как он дошел до этой науки, это — тайна, которую он и мне не открыл.

— Нет сомненья, что кое-что ты знаешь об этой науке; расскажи мне хотя бы столько, сколько знаешь, а затем я сам пороюсь в книгах.

— Ты зря не ищи, в своих книгах ничего не найдешь. А если очень попросишь, я покажу тебе одну бумагу, на которой Мантухянц написал несколько заметок об алхимии. Он дал мне эту бумагу, чтобы уверить меня, что такая наука существует и что ее служителями были очень умные люди.

— Ради бога, покажи мне эту бумагу, буду весьма благодарен и взамен дам тебе один рукописный молитвенник, перед силой которого не устоят не только простые демоны, но и вельзевул, беллар и даже сам сатана.

Г-н Шакарянц, встав с места и выйдя в другую комнату, открыл шкаф. Беспорядок здесь превосходил беспорядок в гареме османского султана, и, как гласит русская поговорка, сам черт сломал бы тут ногу. Не было числа рукописным молитвенникам, часословам, пергаментам, исписанным красными чернилами, все это измятое, некоторые без обложек, некоторые с разрозненными листами, некоторые изъеденные молью, словом, вавилонское столпотворение. Вот в этом-то шкафу и стал он искать заметки Мантухянца об алхимии.

Г-н Маркос, оставшись один, тихо, под нос напевал какую-то мелодию.

После долгих поисков г-н Шакарянц нашел рукопись Мантухянца и с самодовольным видом вернулся к г-ну Маркосу, напевавшему свою мелодию.

— Нашел, нашел! — воскликнул г-н Шакарянц.

— Чудак, не теряй времени, давай прочтем,— сейчас же прервал его г-н Маркос.

— На, читай, но вслух, я тоже хочу послушать, так как забыл содержание,— сказал г-н Шакарянц, протягивая бумагу г-ну Маркосу.

— Так прочту, что придешь в восторг,— с жаром ответил г-н Маркос.

И действительно, постоянное чтение Нарека [1] очень помогло ему в навыке чтения.

Г-н Шакарянц подсел к приятелю. Г-н Маркос стал читать: «Заметка об алхимии, извлеченная из одной древней рукописи». Эта рукопись была написана в городе Урха в 1028 году армянского летосчисления...[2]

...При помощи огня руда из земляного состояния легко преобразуется в металл, а изменение, происходящее в нем под влиянием огня, доказывает, что эти металлы могут еще больше совершенствоваться. Алхимики полагают, что при помощи огня можно преобразовать металлы в благородные, т. е. в золото.

Эта краткая заметка извлечена из вышеупомянутой рукописи с той целью, чтобы профаны не насмехались над нашей наукой.

Грешный слуга Христа Мантухянц».

— Великий боже! — воскликнул г-н Маркос, закончив чтение письма,— что за чудо!.. неисповедимы пути твои... как велики дела твои, господи!..

— Да, г-н Маркос. Такие-то дела на божьем свете.

— Но скажите, пожалуйста,— продолжал г-н Маркос,— если Мантухянц так сильно занят, значит он и на пирушке не сможет быть?

— Почему же? Я надеюсь, что он до завтра закончит свое дело. Вчера вечером он был у меня и просил полтинник на покупку угля. При этом он мне сообщил, что осталось очень немного, чтобы достигнуть цели, так как он уже провел семьдесят пять опытов соединения различных металлов в разных дозах, всего должно быть проведено семьдесяг семь опытов, следовательно, остается провести еще два, которые он, несомненно, проведет

сегодня или завтра утром, и дело будет закончено. Трудно было провести семьдесят пять опытов, а что по сравнению с ними эти два?

— Почему же он просил у тебя полтинник на уголь, разве у него и такой толики денег нет? — спросил г-н Маркос.

— У него было около двух тысяч рублей, но все эти деньги он принес в жертву алхимии — на приобретение различных материалов. Последние три месяца он в разное время брал у меня нужные деньги; я дал ему уже около трехсот рублей, но охотно доверил бы ему и три тысячи; большое ли это дело, особенно для человека, который не сегодня-завтра станет обладателем всех богатств мира.

— Я вижу, что у тебя с ним нечто вроде компании. Дай бог, дай бог, я рад, богатей, брат: такой человек, как ты, умный, со зрелым рассудком нужен нашему народу... Но если дело ваше выгорит, справим еще одну пирушку, не так ли?

— Одну ли, десяток ли!.. Умник, я для тебя ванну из шампанского закажу, чтобы ты просветился. Что нам тогда деньги! Деньги тогда лишь с трудом вынимаются из кармана, когда добыты в поте лица, когда для их добывания приходится гнуть спину. Если же у тебя есть наука, приказывающая меди или железу превратиться в золото, и бесчувственный металл подчиняется твоему властному приказу, какая тогда цена золоту или серебру? Пусть другие ищут их в Уральских горах, в Бразилии и Калифорнии — мы будем получать их из горна Мантухянца,— самодовольно ответил г-н Шакарянц.

С этими словами он набил трубку табаком. Следуя его примеру, г-н Маркос закурил турецкую сигару и, выпуская дым колечками, что отлично удавалось ему, казалось, погрузился в размышления.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге показался человек с лицом, покрытым копотью. Его старый сюртук во многих местах был прожжен искрами огня; руки, постоянно имевшие дело с раскаленным металлом, совершенно огрубели и потрескались, и поры кожи, забитые угольной и прочей пылью, тянулись черными полосками в разных направлениях.

Его волосы с проседью почти совершенно выгорели, и это неравномерное выгорание, очевидно, произошло под

влиянием различных химических паров, как, например, паров солей хлора, сильно действующих на пигменты. Черты лица его были неправильны; глубоко впавшие глаза своим необычным блеском свидетельствовали о неспокойном характере его души. Лоб облысел, очевидно, от паров каких-то химических составов: нос большой (хотя и каждый из нас, армян, не имеет оснований жаловаться на малые размеры носа), а кончик носа, крючком, подобно совиному клюву, спускающийся к верхней губе, был почти полностью прикрыт густыми усами, также опаленными. Лицо вообще желтое, но верхние части щек темнокрасные. Наше мнение об этой красноте таково, что этот человек помногу стоял у огня, так как лица подобных людей большей частью отличаются темнокрасным цветом верхней половины щек. И неудивительно: эта часть лица, будучи лишена волос, больше подвергается влиянию тепла, которое, раздражая кожу, вызывает обильный приток крови. Кровь, непрерывно и больше обычного поступая в капилляры, расширяет их; этому расширению способствует и теплота; таким образом, сосуды, увеличивая свою поверхность, окрашивают эту часть лица. Этому человеку было около 55 лет.

— Здравствуй, здравствуй, г-н Мантухянц! Какой ветер занес тебя к нам, мы только что говорили о тебе. Г-н Маркос просил меня зайти вместе с ним к тебе, но я, зная о твоей занятости, отказался, так как мы, несомненно, помешали бы тебе. Прошу, садись, очень рад.

— Здравствуйте! — ответил Мантухянц, повернулся к г-ну Маркосу, пододвинул стул и присел к столу.— По правде говоря, сегодня я утомился...

— Ну, чем кончилось дело, удачно или нет?

Г-н Мантухянц не ответил на этот вопрос, а лишь подмигнул. Его самодовольство выражалось на лице, выдающем почти лихорадочное состояние. Он не мог словами выразить свою радость от удачи, так как присутствовало третье лицо, от которого, как он полагал, это дело держалось в секрете.

— Сегодня я очень утомился,— повторил г-н Мантухянц,— стоило бы выпить стаканчик водки; говорят, это серьезная опора после долгого труда.

— Пожалуйста, пей на здоровье! — с этими словами г-н Шакарянц наполнил стакан водкой и подал Мантухянцу.

Г-н Мантухянц залпом осушил его...

— Не хочешь ли закурить? — спросил г-н Шакарянц.

— Чего спрашивает? Чтобы с неба сыпалось, а я не подхватил!

Курящих стало трое. Комната наполнилась дымом, курящие едва различали друг друга — комната г-на Шакарянца превратилась в курительную. Спустя несколько минут трое приятелей начали со всей обстоятельностью отбирать людей, которых собирались пригласить для участия в затеваемой пирушке.

V

— Кого вы намерены пригласить? — спросил Мантухянц.

— Вот список,— ответил г-н Шакарянц.

Мантухянц взял список и, мельком взглянув на него, сказал:

— А не думаете ли вы пригласить и того субъекта, который только что приехал и всюду бывает. Как бишь его зовут...

— Какого субъекта? — спросили приятели в один голос.

— Чертовски запамятовал... Ага!.. Да, да, граф Эммануэл...[1]

— Тот, у кого красивая сестра?—спросил г-н Маркос.

При словах о красивой сестре Шакарянц выпучил глаза.

— Это не сестра,— продолжал Мантухянц,— если вы имеете в виду ту девицу, которая постоянно бывает в его доме. Но надо сказать, что у него бывает очень много девиц и большинство артистки.

Г-н Маркос, незадолго перед этим обещавший г-ну Шакарянцу принять все меры и приложить все усилия, чтобы подыскать ему невесту, с большим удовольствием выслушал сообщение о частом посещении графа Эммануэла артистками. Он, считавший себя тонким дипломатом, задумал во что бы то ни стало познакомиться с графом, чтобы через него познакомиться и с артистками.

— Если он достоин, пригласим и его,— заметил г-н Шакарянц,— не будучи знаком с ним, я не включил его в список.

— Пригласишь, вот и будешь знаком,— тотчас же ответил г-н Маркос.

— Что вы говорите! Я очень рад, что в списке его нет, и если бы вы имели намерение пригласить его, я, несомненно, посоветовал бы вам отказаться от этой мысли,— сказал Мантухянц.

— Почему же, если все его приглашают! — сказал Шакарянц.

— Потому...— ответил Мантухянц,— потому что... словом, потому что он несносный человек.

— Чем? — спросили приятели.

— Всем... Он сумасшедший... ей богу, сумасшедший! Поверьте мне, нет человека, который понравился бы этому господину. В его глазах все глупцы, все обскуранты, все иезуиты... Что и говорить, бог только графа Эммануэла создал умным. Ладно, хотя это и не так, но предположим, что он немного умен, однако, живя с глупцами и невеждами, разве не обязан был бы и он, хотя бы из приличия, стать невеждой и поглупеть? Поговорка гласит, что если в каком-либо городе жители одноглазые, то и ты, вступив в этот город, обязан выколоть себе глаз, чтобы уравняться с остальными. Но человек, именуемый графом Эммануэлом, не таков: он объявляет войну обычаям и понятиям всего города, всего народа; не щадит никого, всех бьет в лоб; скажите на милость, это ли дело умного человека? Умный человек уважает других, и если какой-либо высокопоставленный или богатый человек, уважаемый обществом, скажет, что сегодня сорок пятое число месяца, он должен согласиться. Кто же не знает, что сорок пятого числа быть не может, но ведь на то и вежливость; по нашему мнению, так должен поступать умный человек. Граф Эммануэл не только не поступает так, но своей странной дерзостью в отношении недостатков нации или в отношении людей, уважаемых нацией, хотя бы и давно умерших, настолько возмутил народ, что никто не хочет и слушать его. Нет, брат, он нам не товарищ, подальше от таких, которые смысл своей жизни и бытия видят в опорочивании людей.

Эти слова произвели сильнейшее впечатление на г-на Маркоса и, оскорбив его самолюбие, поскольку и он не понравился бы графу Эммануэлу, вызвали в нем враждебное к графу отношение.

Удивительное дело: случается весьма часто, что каждый из нас наживает себе совершенно незнакомых и невидимых врагов. Скажем, я не причинил никакого вреда

Маркосу, но Киракос, вынуждаемый бездельем, превращает мою личность в предмет своего пустословия или, лучше сказать, в пищу для своей сплетни или змеи зависти, давно засевшей в нем, и хулит меня. Маркос, который не знает меня, не знает моих дел, моего сердца, моей души и мыслей, которому я не принес ни на волос вреда, с которым не имею никаких общих дел, становится моим врагом, клевещет на меня и злословит. Возможно ли это — ведь и Маркос и Киракос христиане. И как христиане они свято соблюдают пятницу, среду и недельные посты, а также великий пост, утром и вечером ходят в церковь, несколько раз в год служат обедню, приносят жертву, а при случае, ссылаясь на то, что я, мол, григорианин, а он евангелист, готовы разбить головы друг другу. Маркос с Киракосом не совестятся совершить моральное убийство, и это делается под маской христианства и благочестия. Злоупотребление христианством всегда было причиной варварских поступков. Христианство — небесное и священное — в руках недостойных и негодных людей всегда было орудием предательства и кровопролития. Многие низкие люди прикрывали свои преступления покровом христианства.

Г-н Шакарянц, услышав мнение Мантухянца о графе Эммануэле, как человек легкомысленный сейчас же согласился с ним, сказав:

— Друг мой, если граф Эммануэл такой человек, да будет проклято его рожденье! Зачем приглашать такого зверя в наше патриотическое и братолюбивое общество?

— А я скажу, если он человек с таким именно характером, тем более следует пригласить его,— горячо возразил г-н Маркос.

— Это с какой же целью? — спросили приятели.

— Где же можно лучше опозорить такого человека, как не на пирушке, особенно, если все приглашенные наши люди? — сказал г-н Маркос.

— Какой же это позор? Самый факт приглашения уже честь, которую мы оказали бы ему,— заметили приятели.

— Ошибаетесь! Мы его напоим, а затем осмеем. Такие люди, обладающие в трезвом состоянии столь ядовитым языком, будучи *плохого здоровья*, опьянев, становятся мокрыми курицами, и тогда он целиком будет

в наших руках, и мы сможем учинить над ним всякую гнусность,— разъяснил свою мысль г-н Маркос.

— А ты уверен, что он опьянеет, а ты останешься трезвым, чтобы выполнить свое намерение? Он человек крепкий, может и больше тебя выпить,— заметил Мантухянц.

— Братец, ты меня огорчаешь. Что он за человек, чтобы выпил больше меня? До сих пор я думал, что ты более или менее знаешь меня, более или менее уважаешь меня, но теперь понял, что ты ни на волос не почитаешь меня. Шутка ли — пить со мной? Я его приведу в такое состояние, что он отца родного не узнает,— ответил г-н Маркос, несколько обиженный сомнением Мантухянца относительно его способности пить. Если вы возьметесь пригласить графа, я берусь опозорить его; хотите, пари на ведро водки?

— Вы просили совета,— сказал Мантухянц,— я и высказал то, что продиктовало мне сердце, как искренний друг, что следует быть дальше от людей, подобных графу Эммануэлу. Если же вы задумали пригласить его, приглашайте, мне от этого особого вреда не будет: самое большее — на следующий день напишет какое-нибудь стихотворение или принесет в жертву своему Дневнику[1] мою честь, мое самолюбие, как он делает обычно, но пусть делает что хочет, черт с ним...

— Пусть убирается... такой нам не нужен, не нужны его свечи и ладан, лишь бы не ходил в нашу церковь. Я видеть не хочу такого самодовольного человека, издевающегося над всем,— ответил Шакарянц.

— И как еще издевается, публично... Окаянный, язык свой превратил в змеиное жало. С ведром грязи ходит везде и всюду, обливая ею всякого попавшегося под руку,— добавил Мантухянц.

— Как вам угодно,— спокойно проговорил г-н Маркос,— у меня были особые намерения...

При этих словах он так многозначительно взглянул на г-на Шакарянца, что тот сразу понял, что г-н Маркос предполагает через графа Эммануэла познакомиться с красивыми девицами.

— Я хотел на нашей пирушке опозорить его,— продолжал г-н Маркос,— я задал бы ему такие вопросы, что он разинул бы рот; например, я бы спросил: «Что на горе преображенный показал бы твою мощь?» — что это

значит? — пусть растолкует. Не найдя ответа, он, безусловно, опозорился бы.

— Как же! он тебе ответит... Нет, братец, он не из тех... и вообще не человек. Ты думаешь, он будет говорить с тобой? Отвернется и уйдет, особенно, если задашь ему подобный вопрос. Пусть этот вопрос будет разумен и логичен, все равно он назовет его сумасбродством и глупостью. Говорю все это на основании личного опыта. Однажды я задал ему вопрос из области естественных наук, хотя отлично знал, что он этого не знает и не мог знать, так как этому не обучают ни в одной школе, но, вместо того чтобы признаться в своем невежестве, он публично осмеял меня. Он сказал, что мой предмет лишь в средние века увлекал некоторых легкомысленных людей в Европе и только теперь, волею злого рока, спустя семь-восемь веков, дошел до армян!

— Волею злого рока? Значит, этот человек не хочет, чтобы наша нация получила европейское просвещение? — спросил г-н Маркос.

— Черт знает, чего он хочет! Кто знает, какие змеи гнездятся в нем. Он говорит, что надо следовать нынешнему европейскому просвещению, а не тому мраку, именуемому просвещением, каким была охвачена Европа в средние века. Он не понимает, что все старое хорошо, не понимает, что какая-либо ржавая монета лучше, чем новая и блестящая, как со всем здравомыслием подтвердила газета «Мегу Айастани» («Пчела Армении»)[1], издаваемая в Тифлисе нашим ученым, просвещенным и высокоталантливым европейцем — отцом Степаносом Мандиняицем. Он не хочет слышать и понять, что ныне нет того, что было в древности. Какие замечательные философы были у греков, какие ораторы — у римлян! Он говорит, что в наше время эти философы с их наукой могут быть лишь учениками европейских школ,— ответил Мантухянц.

— А каково его мнение о предсказателях и их сверхъестественных делах? — спросил г-н Маркос.

— Специально говорил с ним об этом. Он говорит, что эти мудрецы были не кто иные, как образованные люди, по своим взглядам стоявшие высоко над невежественной толпой. Хорошо изучив по тогдашним воззрениям современное состояние народов, они предсказывали на этом основании их будущее. Восточные народы, будучи

более подвержены воображению, фантазиям, скорее воспринимали какую-либо истину, если действие, вызываемое естественными причинами, или событие, которое должно было совершиться естественным путем, толковалось им посредством сверхъестественного или ставилось в фантастическое обрамление. Он говорит, что предсказания теперешних знаменитых историков и политиков исполняются с большей точностью, но ни один из этих просвещенных людей не претендует на почетное звание предсказателя. О чудесах он говорит, что только *темный, заблуждающийся, дикий народ апеллирует к знаку,* ибо, не будучи в состоянии понять какую-либо истину, а также лишенный веры и сознания, он требует, чтобы возглашающий истину проявил сверхъестественную силу с тем, чтобы, видя его могущество, придать вес его словам или принять их. Вообще человек, родившийся в рабстве и выросший в атмосфере рабства, не видев в своей жизни ничего, кроме ярма на своей шее и палки надсмотрщика, встретившись с каким-нибудь человеком, никогда не думает, что этот человек такое же существо, как и он сам, а сейчас же создает какую-то символическую пропорцию между собой и этим человеком и готов итти к нему в рабство, если тот проявит хоть какую-нибудь силу ...он лишен чувства собственного достоинства, ибо рабство возникает на почве смерти личной чести и самолюбия.

Он спросил меня, мало ли есть такого, проистекающего из законов природы, что бы невежественная и темная толпа не готова была со всей наивностью принять за нечто сверхъестественное? Что скажут сейчас дикари Африки или Америки, если увидят, что паровоз без помощи какой-либо скотины или человека, которые до сих пор признавались единственным средством передвижения, мчится с невероятной быстротой, делая сотни миль в день? Или же увидят, что одна страна связывается с другой в две минуты по электромагнитному телеграфу? Если какой-либо мошенник пожелал бы воспользоваться этой слепотой народов, разве он не мог бы убедить их принять за сверхъестественное все то, что совершается по законам природы?

— Какой негодяй, какой ядовитый язык! Упаси боже! — воскликнул Шакарянц.

— Мерзавец и сумасброд! Если его послушать, то десять раз в году будешь справлять пасху. По-моему,

следует держаться от него как можно дальше, но это лишь мое мнение, вы вольны распоряжаться, как хотите,— ответил Мантухянц.

Г-н Шакарянц как хозяин дома взял на себя роль председателя этого дружеского совещания, он решил вопрос в отрицательном смысле: граф Эммануэл, этот возмутитель общественного спокойствия, не будет приглашен, и их пирушка должна ограничиться лицами, намеченными в списке.

Г-н Маркос попросил назначить день пирушки. Г-н Шакарянц ответил, что пирушка состоится 20 мая.

Г-н Маркос, попрощавшись, вышел из дома Шакарянца, оставив там обоих приятелей.

VI

Как только г-н Маркос вышел от Шакарянца, Мантухянц, с огромным усилием сдерживавший дотоле обуревавшие его чувства, вскочил с места и, обеими руками обхватив Шакарянца за шею, чуть было не задушил его своей азиатской нежностью.

Получилась нелепая сцена. Шакарянц не имел ни малейшего представления о причинах странной радости, столь варварски выражаемой Мантухянцем, и потому весьма холодно принимал грубые излияния Мантухянца. Мантухянц же, наоборот, достигнув, наконец, лелеемого долгими годами желания, терял рассудок от радости. Оба приятеля довольно долго пребывали в молчании. В это время передатчиком мыслей между ними были не божественные слова и разум, а какие-то яростно-судорожные движения. Посторонний человек, наблюдая издали эту сцену, несомненно, подумал бы, что это не люди, а дикие медведи, барахтающиеся на софе, хотя один из них мнил себя замечательным чародеем, а другой — замечательным алхимиком.

Когда от чрезмерного напряжения оба обессилели, Мантухянц со слезами радости на глазах и прерывающимся от волнения голосом воскликнул:

— Золото — в кармане!..

Звон золота сладостно зазвучал в ушах Шакарянца, и он, еще раз облобызав Мантухянца, поздравил его с успехом, который в силу обстоятельств должен был сильно повлиять и на жизнь Шакарянца.

Несколько успокоившись, оба приятеля снова уселись на свои места; Шакарянц наполнил стаканы водкой. Любезно чокнувшись, они выпили. Но Мантухянц, не допив последний глоток, приступил к рассказу о том, как удалось ему, наконец, получить из таинственной смеси чистейшее золото.

— Оставался последний опыт,— начал Мантухянц, откусив кусочек хлеба,— и, признаться, я чуть было не согрешил перед этой святой наукой. Семьдесят шесть тщетных опытов потрясли прочность моей надежды и веры, и если бы этот последний опыт также оказался напрасным, я был бы ввергнут в пучину отчаяния. Но бог смилостивился надо мной. Я развел огонь, поставил в печь глиняную посуду с разными металлами и с помощью мехов стал раздувать пламя, тем самым повышая температуру. Это было крайне необходимо, чтобы расплавить тугоплавкие металлы. Но недостаточно было только расплавить их: надо было, чтобы они вскипели. Поэтому я оставил смесь на раскаленном огне и вышел из мастерской, чтобы принести немного мышьяка для смешения с металлами. Но когда я вернулся в мастерскую, не можешь себе представить, какое бешенство охватило меня. Из глиняных горшков некоторые треснули, а остальные совсем раскрошились, так что в них ничего не осталось. Помешав кочергой, я понял, что металлы расплавились в печи, под которой я предусмотрительно засыпал тонко просеянной золой. Я удалил уголь. Расплавленные металлы, слившись, образовали небольшое озерцо, поверхность которого подобно сливкам покрыта была синеватой коркой. Это привлекло мое внимание. Над ним поднимались зеленые, синие, бледнокрасные пары. Я был подавлен, ибо считал, что зря пропали мои труды, поскольку недоставало мышьяка. Наконец, смесь остыла, и можно было исследовать... О, счастье! Опыт удался на славу, большего и желать нельзя было...

С этими словами Мантухянц вынул из бокового кармана грязного и изношенного сюртука кусочек черно-желтого металла и положил его на стол. Но сердце и душа его были так согреты этим металлом, что он тотчас же снова схватил его со стола и, держа в руке, рассматривал, забыв Шакарянца.

— Да ладно, ладно, дай и мне взглянуть,— сказал Шакарянц,— ты уже видел и увидишь еще не один раз.

Кроме того, для тебя тут нет ничего удивительного — не ты ли сам творец его? Завтра же можешь пудами получать. Дай-ка, хорошенько рассмотрю.

— Именно потому, что это плод моих трудов, мне сладостнее глядеть на него, нежели кому-либо другому. Разве не знаешь, что родителю дороже его дитя, нежели чужому? Знаешь ли ты, сколько пота я пролил, пока добыл его?

С этими словами Мантухянц протянул металл Шакарянцу, однако не сводил с него глаз, словно взглядом пожирал этот кусок металла.

Шакарянц, исследуя опытным глазом металл, также признал, что это действительно золото.

— Только одно меня поражает, — сказал он, — как оно получилось без мышьяка? Ведь ты и до этого неоднократно производил опыты с этими же материалами, почему же тогда не удавалось, а теперь...

— Ну, так что же! Если тогда опыт не удавался, разве эти материалы были обречены на постоянную неудачу? Вместо того чтобы радоваться, ты загрустил. — заметил недовольно Мантухянц.

— Я не загрустил,— воскликнул Шакарянц,— только...

— Может, ты сомневаешься, что этот металл действительно золото? Если хочешь, снеси к ювелирам — они удостоверят, что это чистейшее золото.

— Золото-то оно золото, слов нет...

— Так что же? Словом, дело конченное — теперь возрадуемся и возликуем. Пусть хвалится Англия своим богатством, пусть и снежные Уральские горы пыжатся, что в их лоне родится золото. Да здравствует наука, да здравствует труд! Повторяю, дело это конченное — теперь подумаем о пирушке.

— А что думать о пирушке? Можно закатить такой пир, что мир удивится. Шампанское морем разольется. Развяжу свою мошну — пусть только Саркис успевает раскупоривать бутылки. Но дело не в этом: нам надо подумать о другом.

— Чудак ты! От дум головы наши трещат, мозг мой чуть не протух. Дай-ка немного отдохнем, побалагурим.

— Но послушай, я говорю о думах увеселительных, которые, мне кажется, и тебе не чужды. Несомненно, нужно и твое согласие, тут я бессилен.

— О чем ты говоришь? — спросил Мантухянц.

— Первый раз ты добыл мало золота, во второй раз добудешь много, не так ли?

— Без сомненья! Это был лишь опыт, и я, не будучи уверен в успехе, всегда экономно расходовал материалы; хотя они и дешевы, но для человека, каким я был до настоящей минуты, и они были дороги. Ты отлично знаешь, что я неоднократно прибегал к твоей помощи из-за жалких грошей на уголь. Теперь, когда всемогущий господь дал мне удачу, я подготовлю материал сначала на один пуд; в дальнейшем увеличу, а пока нельзя, поскольку посуда небольшая, нужно выписать посуду и инструменты из чужих стран.

— Отлично! Если и по одному пуду будешь добывать, можно в короткий срок накопить большое богатство.

— На этот счет нет у меня сомнений.

— Я хочу сказать: владея таким богатством, что же мы сделаем для нации?

— Значит, предлагаемое тобою обсуждение относилось к нации?

— Да.

— Это другое дело. Об этом, дорогой Шакарянц, я готов говорить по целым дням. Откровенно изложить свою точку зрения есть обязанность каждого армянина в отношении своей нации.

— Ты — ученый человек и, возможно, начнешь сейчас глубокие философствования — моя голова таких вещей не варит. Ты мне объясни простыми словами, изложи свои намерения. Мое мнение таково: изготовив много золота, продадим его и образуем большой капитал, который вложим на выгодных условиях в банк, с тем чтобы на проценты открыть великолепную школу и обучать в ней бедных, несчастных детей народа, о которых столько кричат газеты и журналы.

— Ради бога, откажись от этой мысли! Если хочешь стать причиной гибели нации, тогда открывай эту школу.

— Что ты говоришь?

— А что же мне говорить! Какого образованного ты видел, который любил бы свою нацию и защищал ее интересы? Всякий, кто мало-мальски получил образование, забывает свою нацию, свою веру и закон, не знает ни поста, ни жертвоприношения, ни исповеди, ни прича-

стия. Если слегка попрекнешь такого за ошибки, увидишь, что он наложит на чело твое клеймо глупого фанатика. Мы должны стараться, чтобы крепко и нерушимо хранилась вера, полученная нашим народом от Просветителя (да святится имя его!); мы должны умножать не врагов веры, а ее защитников и заступников. Правда, школа обучает человека разным языкам, различным *внешним* наукам, но, если трезво рассудить, все это не может быть причиной спасения души, а скорее гибели. Что мы имеем, дорогой, в этом мире, что мы унесем отсюда? Одну лишь душу имеем мы и должны стараться, чтобы наша бедная душа не стала уделом ада. Кто учится, тоже умрет, не так ли? Жизнь ученого длится столько же, сколько и невежды, так или нет? Следовательно, какова практическая польза для души от учения? Какие святые были учеными? Разве не были пророки пастухами, апостолы рыбаками? Разве не тот, кто не учился говорить «господи, помилуй меня», а вместо того говорил «господи, помилую тебя», пешком побежал по морю к лодке, в которой ехал учитель, учивший молитве «господи, помилуй меня»? И разве не этот учитель, увидев святость простого человека, который ходил по морю, как по суше, сказал ему: тебе больше ничего не нужно, ибо молитва твоя так же достоугодна, как моя? Наш главный долг — строить церкви, покрыть серебром иконы в церквах, не прерывать сорокоуста, святить могилы покойников, приносить жертвы и соблюдать посты. Если пожелаем большего — угодных и приятных богу дел еще много: рыть колодцы, выдавать замуж засидевшихся девушек, раздавать беднякам одежду на рождество и на пасху. Несомненно, мы с тобой все это сделаем. Кроме того, следует нам послать врата в Иерусалим, в монастырь святого Карапета в Муше и в другие места паломничества, чтобы получить благословенные грамоты. Ах, как прекрасно написаны эти грамоты! «От святых и богоприимных врат... благословенье божие пришед да покоится, распрострится на Вас и всех Ваших»... и такие благословенные грамоты очень часто можно получить за полтинник. Может ли быть для человека счастье выше этого? «Да будет ведомо вашему боголюбию, — продолжается благословенная грамота,— что посланные вами через (такое-то лицо) четыре лиры[1] получили с большим благословением и имена ваши и всех ваших покойников

вписали перед святым алтарем, на коем служится святая обедня», и т. д. Пока эти монастыри существуют, пока служат в этих местах бессмертную литургию, имена жертвователя и всех его покойников будут поминаться. Благо нам, Шакарянц, тысячекратно благо! Пусть другие ломают голову над образованием, мы с тобой будем готовить свои души. Из богатства, которое мы добудем, следует выделить долю монастырям святого креста — Варагского, Ванкского, Ахтамарского, Гегардского, Отяц и других, указанных в имеющихся у меня рукописях. Это необходимо для того, чтобы доброжелательство этих святых знамений всегда было над нами, — святые знамения — немые заступники за верующих; кроме того, мы уповаем на древо, на коем распят был господь Иисус,— говорится в стихе о святом кресте.

— По-моему, нация — это церковь, духовенство; мы — частные люди, мы не имеем иных обязанностей, помимо заботы о спасении нашей души, а о делах нации, о делах церкви пусть заботятся они. Слава богу, есть у нас католикос, преемник Просветителя, патриархи, викарии; монастыри полны архимандритов — пусть они заботятся об этом, да они и заботились и заботятся. Ты думаешь, не будь их, разве наша светлая вера сохранилась бы по сей день? Дай бог жизни нашим духовным лицам, да будет вечна их тень над нами!

Такова была проповедь Мантухянца, прочитанная им Шакарянцу. Последний, считавший Мантухянца ученым человеком, тотчас же с ним согласился, тем более что, занимаясь чернокнижием, он несколько побаивался божьего гнева, почему и принял охотно все те предложения, смысл и цель которых сводились к тому, чтобы быть ближе к церкви и духовенству, при посредничестве которого бог мог бы отпустить ему грех чародейства.

— Другой раз мы поговорим обо всем этом более подробно, — сказал Мантухянц, протягивая руку к бутылке с водкой.

Шакарянц предупредил его, быстро наполнив стаканы. С этой минуты отношения между Мантухянцем и Шакарянцем стали уже совсем не те, какие были несколько дней назад.

До получения золота Мантухянц приходил к Шакарянцу, как к человеку, выше его стоящему, поскольку, как было выше сказано, Шакарянц владел небольшим

состоянием. Когда же Мантухянц открыл тайну добывания золота, он сразу возвысился в глазах Шакарянца. И как человек невежественный, Мантухянц тотчас же воспользовался этим положением, изменил тон разговора с Шакарянцем и с пассивного положения перешел на активное. По правде говоря, Шакарянц в свое время не так относился к Мантухянцу. Так или иначе, пока мы их оставим в покое и перенесемся мысленно в другое общество.

VII

Граф Эммануэл не так давно поселился в том городе, где произошли события, описанные в предыдущих главах. Физические недуги принудили его в целях перемены климата покинуть свое мрачное жилище, где много лет провел он в печальном и меланхолическом одиночестве.

Литературная этика запрещает нам публиковать в печати жизнеописание здравствующего человека без его согласия. Поэтому мы не осмеливаемся публично говорить с нашими читателями о личности графа Эммануэла, довольствуясь тем, что имеем от него разрешение сказать столько, сколько сказали или впредь скажем.

Помимо этого, граф Эммануэл — человек не новый для нашего народа: он более или менее известен читающей публике своими Дневниками или стихотворениями, печатающимися в журнале «Юсисапайл». Поэтому читатели не могут сказать, что мы говорим о совершенно незнакомом им человеке. Это — между прочим.

Так вот, приехав в этот город, граф Эммануэл обошел почти все улицы, видел все церкви и магазины; ведь в городах, населенных армянами, нет ничего другого, что могло бы привлечь внимание приезжего или любознательного человека. Это, конечно, очень печальное явление, но непосредственный результат азиатского характера жизни армян. Там, где нет образования и воспитания, не может быть общественной жизни, а где нет общественной жизни, там господствуют разделяющие и отдаляющие друг друга эгоистические начала, на фундаменте которых не только не строится ничего нового, но и разрушается ранее построенное. Любое дело, призванное служить всему народу, должно вершиться руками общества, его единодушным сотрудничеством, но там, где царствует

эгоизм, изгоняется божественный дух единства. Духом эгоизма ничего не создается, потому что он сосредоточен в самом себе, он мертв для окружающего, хотя и находится в оболочке, имеющей образ живого. Учение подобного человека о самопожертвовании (без чего нет никакой добродетели) таково, что достойно и приемлемо лишь такое самопожертвование, которое сейчас же материально вознаграждается. Он не желает даже понять, что добродетель — нечто абстрактное и не имеет материального облика. Ему чужды понятие и учение о том, что всякое самопожертвование, вознаграждаемое сознанием чистой совести, — лучший источник утешения. О, солнце еще много раз должно будет закатиться над мутным азиатским мировоззрением армян... Ходячие трупы еще долго будут казаться живыми людьми глазам нашего несчастного народа... Нам уж, видно, не дождаться посещения этого народа провидением, но дождутся ли его наши дети или внуки, трудно поверить. Не посеяв, надеяться на жатву — злой самообман. Если бы наши деды и отцы посеяли, мы теперь могли бы жать, и не жнем мы потому, что наши предки не посеяли. Но ведь и мы не сеем — как же могут жать наши дети и внуки? Для армян вчера и сегодня всегда одно и то же, не говорю вечно, потому что путь этого народа таков, что он едва ли выдержит и века, где уж говорить о вечности.

...К вечеру граф Эммануэл направился на окраину города, к окруженной стенами церкви, двор которой являлся одновременно кладбищем.

Двор этой церкви весь утопал в зелени; множество деревьев было посажено вдоль стен, они бросали длинные, гигантские тени, увеличивающиеся по мере того, как солнце склонялось к закату. Легкий ветерок, играя с листвой деревьев, вызывал приятный шелест; цветы и травы начинали оживать, освежаться и поднимать головки, освобождаясь от прямых палящих лучей солнца, которые теперь уже играли с позолоченным крестом на куполе церкви.

Граф Эммануэл окинул взглядом просторный, красиво расположенный двор. Никого и ничего... Тут жила только неодушевленная природа; тут только ветер, гром и в определенные часы грустно звучавшие церковные колокола могли нарушить царившую тишину. Могилы были расположены в ряд и беспорядочно на зеленой, как бы

покрытой бархатом земле. Могилы людей как бы служили для природы шахматными фигурами. В эту игру природа играет с временем. Каждая новая могила — новая пешка, которую получает природа и располагает в разных направлениях перед своим партнером — временем. А время уносит с доски эти пешки...

Когда граф Эммануэл, прогуливаясь и читая печальные и безграмотные могильные надписи (ни заказчик, ни писавший, ни камнерез не знали армянского языка), прошел к восточной стороне церкви, он увидел там живое существо, но и оно оказалось служителем царства смерти...

Лет шестидесяти, но еще бодрый старик, с лысиной со лба, окруженной седыми волосами, рыл могилу... По спокойным крупным чертам лица было видно, что он весьма равнодушно делает это дело, без малейшей мысли о результатах или о причинах своего действия.

Граф Эммануэл подошел к этому человеку.

— Здравствуй, старик, — сказал он.

— Доброго здоровья, — ответил тот.

— Снова могилу?..

— Чудак! В нынешнем году только десятую рою, да разве это много? Если бы и этого не было, что же — с голоду помирать? Что я получаю от церкви — тридцать рублей в год. Скажи, ради бога, можно ли жить на эти деньги, содержать дом и семью? Говорят, что мы имеем доход от прихожан. Откуда наш доход? От крестин, венчанья и покойников, но крестины и венчанье почти не являются источником дохода: двадцать копеек, иногда тридцать и редко полтинник. Целым рублем раз в десять лет разживешься. Остается покойник: за рытье могилы получаю два рубля, за обмывание, если это мужчина, дают что-нибудь: или рубашку покойника, или что из его платья, или постель, в которой покойник отдал богу свою душу. Новая одежда, как правило, принадлежит приходскому попу *, вот почему самым выгодным источником дохода является для нас покойник.

— Значит ты радуешься, когда кто-нибудь умирает?

— Что греха таить, радуюсь: бедность заставляет радоваться. Бедность, нищета, забота о том, как прожить

* С болью вспоминаются мне тут некоторые священники, которые затевали с прихожанами спор по поводу этого права на одежду покойника, утверждая, что та или иная одежда также должна быть дана им. Омерзительное право!

самому и как содержать семью. Люди очень часто не разбираются в средствах, которыми можно было бы заработать деньги на необходимые жизненные потребности. Да и то надо сказать, что люди-то умирают не от того, что я радуюсь. Во время холеры у меня, право, было больше оснований печалиться, а не радоваться, поскольку меня не покидал страх, что и я или, быть может, кто-либо из моей семьи тоже умрет; но, с другой стороны, какой доход был в том году!..

— Но ведь выражать радость по поводу какого-либо совершенного дела означает, что имелась выгода, чтобы такие действия совершались более часто.

— По правде говоря, я не жалел бы, если бы каждый день приходилось рыть могилу для таких людей, как тот, для кого рою эту могилу.

— Значит есть люди, смерть которых была бы тебе не так уж приятна, несмотря на то, что это сулило бы тебе доход?

— А как же! Ну, скажем, молодые люди, только что обзаведшиеся семьей, только вкусившие сладость жизни, двери которых всегда открыты для таких бедняков, как я; на рождество, на пасху они дают что-нибудь; если у них в доме совершаются крестины или какая-либо другая духовная служба, они тоже не забывают звонаря. Мало ли, много ли, но от таких людей получаешь в год хотя бы рубль. Правда, если такой человек умрет, получишь рубля четыре, а то и пять, но дело в том, что этими четырьмя или пятью рублями окончатся все счеты с покойником. Вот, когда такие люди умирают, я жалею. Но есть и другие, от которых не имеем никакой пользы, порога которых никогда не переступали, которые взвешивают хлеб и до еды и после еды, чтобы знать, нет ли недостачи, — эти люди подобны негодной кляче, единственной пользой от которой для хозяина могла быть только ее шкура, проданная после того, как она подохла, почему и жизнь ее не стоила ее шкуры.

— Человек, для которого ты роешь эту могилу, тоже принадлежал к этой последней категории?

— Хуже. Это — бывший ктитор[1] нашей церкви: пятнадцать лет исполнял он эту должность, но спроси, как! Раз в год приходили несколько священников производить ревизию, но какая там ревизия, какой отчет! Покойный хорошо знал свое дело. Прежде чем приступить

к ревизии, он подготовлял, вон под теми деревьями, обильное угощенье: шашлыки, вино и водку. Сначала, разумеется, отдавали дань этим благам, чтобы набраться сил для такого большого и длительного дела, как проверка подробной отчетности за целый год. Наш ктитор был очень умен: он начинал с водочки «по одной» и доводил дело до того, что отцы-ревизоры не оставляли не спетой ни одной песни, ни одного шаракана[1]... Обычно начиналась эта трапеза с десяти часов утра и продолжалась до двух или трех пополудни, когда ктитор заявлял: «Ну, приступим к отчету, а то часа через два раздастся звон к вечерне, и народ, возможно, потянется в церковь и помешает нашему делу». Вообще наши священники очень сердобольны — этого нельзя отрицать; не отстают они от народа и в смысле благодарности, поэтому они отвечали ктитору: «Чудак, можно сказать состарился у дверей храма, теперь что ли тебе мошенничать в церковной отчетности? Да разве мы не верим тебе? Таков закон — вот мы и пришли, чтобы выполнить приказ архиерея о строжайшей ревизии церковных отчетов, словно церковь находится в руках воров и разбойников». На это гениальный ктитор отвечал: «Нет, почтенные отцы, я прошу вас заняться церковными отчетами: даже церковная копеечка да станет огнем для меня, если я присвоил ее». — «Ради бога, брось ты эту затею, мы хорошо знаем тебя; дай бог, чтобы все ктиторы обладали такой душой и верой, как у тебя. Неси книги», — продолжали отцы-ревизоры. Ктитор приносил книги, и вот под годовым балансом церкви красивым почерком выводилось: «Духовное правление, ознакомившись и проверив приход и расход церкви, нашло все в должном порядке, в соответствии с велениями законов, что удостоверяется подписями членов правления и приложением печати».

После этого, в течение года, кто приходил в церковь, кто спрашивал отчета? В конце года те же отцы-ревизоры, те же шашлыки, тот же почет, те же песнопения и шараканы, следовательно — то же свидетельство «с подписями членов правления и приложением печати».

Вот таким-то образом пятнадцать лет покойный и справлял должность ктитора. Но пять лет тому назад, когда он по болезни вынужден был оставить свое *ремесло*, церковь, кроме нескольких пудов свеч, огарков да ладана, ничего не имела...

— А народ? — поинтересовался граф Эммануэл.

— Гм, что народ! Что народу до церковных дел? На то есть духовная власть, правительство и архиерей,— ответил звонарь, вытирая пот со лба.

— Отлично, но ведь церковь принадлежит не духовному правлению и архиерею, церковь принадлежит народу, и даже в силу закона народ должен проверять годовую отчетность церкви. Что такое ктитор, чей он ктитор, разве не служитель народа в церкви, не слуга народа? Народ ведь назначает человека, чтобы он вел церковное хозяйство, церковные доходы и расходы, а также заботился о нуждах церкви.

— Наш народ этого не знает. Его давно уже уверили в том, что народ, нация не имеет права вмешиваться в духовные дела, так как все это поручено духовным властям.

— Приход и расход церкви — не духовное дело, не священное таинство, чтобы рядовой человек не имел права касаться их. Дело духовных властей заботиться о религиозной части, а не о хозяйстве церкви, не имеющем ничего общего с религией. Церковь строит и содержит народ, на него ложится тяжесть. Если церковь разрушится, народ ее строит, следовательно, и доход церковный принадлежит народу.

— Отдавая хозяину свою шерсть и свое молоко, вправе ли овца требовать, чтобы хозяин отчитывался перед ней в том, сколько дохода получил он от ее шерсти и молока или на что израсходовал этот доход?

— Овца — неразумное животное, а народ состоит из разумных людей. Разве допустит народ, чтобы с ним обращались как с неразумным животным. Я очень удивляюсь вашему народу.

— Если ты удивляешься этому, значит, не имеешь никакого понятия о нашем народе. Всякий народ ведь состоит из отдельных различных людей, не так ли?

— Несомненно!

— Следовательно, для того чтобы заговорил народ, надо, чтобы эти разрозненные люди как-то сошлись вместе, сговорились и, слив свои частные голоса, сделали их единым голосом общества, не так ли?

— Именно так!

— А видел ли ты когда-нибудь в своей жизни, чтобы двое армян с чистой совестью и открытой душой подошли

друг к другу по какому-либо национальному делу, не имеющему непосредственного отношения к их личной корысти? Виданное ли дело у армян моральное единомыслие? Есть ли для армян что-либо святое, во имя чего они, отбросив всякие второстепенные разногласия, дружески протянули бы друг другу руки? Ах, сударь, видно, что ты еще молод и неопытен, кровь твоя горяча, внушает всякие мысли, не взвесив предварительно тех обстоятельств, от которых зависит осуществление этих прекрасных идей. Мои волосы побелели не у мельничных дверей, а среди народа, и я входил во все слои народа, начиная от последнего бедняка до важного барина. Ежегодно мне приходится бывать в различных сборищах. На всяких похоронах, поминках и прочих подобных случаях собираются по большей части тридцать, сорок, а иногда даже пятьдесят или шестьдесят человек. На таких сборищах бывает много разговоров, и вот тут-то и можно узнать подлинный характер народа. Тут он свободен; тут он собрался не с официальной целью, чтобы мысль его была более или менее взвинчена или предвзята; он не заучил заранее того, что скажет, как это бывает на официальных собраниях. Кроме того, слова и разговоры, произнесенные в таких местах, он считает недействительными и поэтому обнаруживает содержимое своей души со всей откровенностью, так что при желании умный или наблюдательный человек может вынести очень многое из таких сборищ. Мое звание и моя должность таковы, что никто не считает достойным говорить со мной; кухарки или слуги с отвращением подают мне стакан водки или ставят передо мной еду; не раз я видел, как стакан или тарелку, использованные мною, тут же разбивали как нечто оскверненное. Будучи в таком положении в народе, сам ни с кем не говоря, я вынужден прислушиваться к разговорам других. Однажды в одном доме собралось около девяноста человек; справляли поминки по покойнику. Там шла беседа об общественных и частных делах, затянувшаяся на добрых три часа. Но не думайте, что говорили все девяносто человек, хотя дело касалось всех. Там было около тридцати человек из простонародья, то есть бедняков, у которых нет ни языка, ни уст, которые немы, как рыбы. Этот класс скромен и, сознавая свою бедность, поскольку право говорить или вмешиваться в дела принадлежит лишь более или менее

состоятельному человеку, ничего не говорит, впрочем, и говорить-то он не умеет, как и многие другие... Да и о чем там говорили, он не ведает. Эти вещи недоступны его уму. В городе он весь охвачен заботами о своей нищете; думает, что богачи позаботятся о всех нуждах города. Итак, из девяноста человек тридцать выбыли, осталось шестьдесят. Но и эти шестьдесят не все разговорчивы, не все принимают участие в обсуждении. Среди этих шестидесяти имеется человек сорок пять или пятьдесят со средним достатком: они стесняются говорить или высказывать свое мнение в присутствии богачей, ибо они раз навсегда уверились, что право высказываться принадлежит только господам, то есть тем, у которых много денег. Если люди среднего класса соберутся в таком месте, где нет богатых людей, там они говорят, обсуждают и очень часто рассуждают более здраво, нежели какой-либо восьмидесятилетний многоопытный, видавший виды старец. Таким образом, остались человек десять или пятнадцать богачей, которым и принадлежит слово. Но надо сказать, что и эти люди делятся на различные категории. Старик или наследник издавна богатого рода в бóльшем почете, нежели какой-либо молодой человек или вновь разбогатевший, — мнение или слово такого старика имеют больший вес. Однако дело в том, что эти старики, прожив, как и я, свое время, смотрят на все теми же глазами, какими смотрели их отцы, или мерят все старым мерилом. Молодые в наше время совершенно иначе смотрят на вещи и не согласны с мнением стариков. Старики требуют, чтобы все делалось потихоньку, терпеливо, не затрагивая самолюбия кого-либо, молодые же требуют, чтобы любое дело делалось решительно, чтобы было покончено с медлительностью, а также не щадилось самолюбие человека, если своим самолюбием этот человек тормозит прогресс народа или города. В таких случаях голоса говорящих повышаются, дело доходит до затрагивания чести друг друга. Старик внушает молодому: ты еще дитя, кто ты, чтобы вмешиваться, твоего ли ума дело рассуждать на такие темы? Молодой еще больше возмущается и отвечает: время принадлежит нам, и мы знаем его гораздо лучше, нежели вы; ваше время миновало. Достаточно и того, что неразумные мнения подобных вам людей тридцать-сорок лет почитались во вред городу или народу. Среди остальных богачей

тоже нет единства. Из них один или двое стоят на стороне молодежи, другие защищают мнение стариков — вавилонское столпотворение! Но это еще не все, среди них двое-трое единодушно осуждают обе стороны, а также делают вид, что они не поддерживают ни одну из сторон, но, если они наедине встретятся с молодыми, восхваляют их мнение и соглашаются с ними; если же судьба столкнет их со стариками — они и от них не отрекаются и с ними соглашаются. Они согласны даже подписью подтвердить слова стариков. Подобного рода нейтральные люди[1] думают, что из-за общественных дел не стоит приобретать личных врагов: если что-нибудь попадет в общественную кассу, будет ли польза для их личной корысти? Так для чего же спорить и ссориться с каждым? До сих пор город управлялся, будет и впредь управляться. Большую часть своей жизни мы уже прожили, пусть наши сыновья делают, что хотят.

Вот тебе, сударь, не блестящая, но верная картина нашего общества. Поскольку это так, то к чему ваши слова и требования?

Все это произвело очень тяжелое впечатление на графа Эммануэла: он, отлично знавший все это, вновь слышит это из уст звонаря...

Солнце убрало свои последние лучи, и звонарь, опершись обеими руками о края могилы, выбрался из нее.

— Этого хватит, — сказал он про себя, но так, чтобы расслышал граф Эммануэл.

— То есть, как это хватит, ведь вырыл-то ты едва полтора фута, разве такие могилы бывают? — заметил граф Эммануэл.

— Что ж, думаешь, покойник убежит? Этого никогда не бывало. После того как священник, провозгласив *будь неподвижен*, крестом накладывает печать, покойник все равно останется, если глубина могилы будет даже меньше фута.

— Я знаю, что покойнику не выбраться из могилы, но, если захоронить труп неглубоко, он будет при своем разложении заражать воздух, что вызывает различные болезни. По этой причине закон и велит рыть могилы глубиной в три фута, этого требуют и санитарные правила.

Однако звонарь не обратил внимания на эти слова; в жизни своей он не рыл могилы глубже.

X

В городе, где произошли вышеописанные события, с давних пор проживал некий г-н Овнатанянц. Это имя впервые встречается нашим читателям, почему и считаем своим долгом сообщить некоторые сведения о нем, прежде чем введем наших читателей в его дом.

В качестве агента одного более или менее богатого — на взгляд армян — коммерсанта г-н Овнатанянц еще в молодые годы был послан в этот город.

Ведя здесь довольно долгое время дела своего патрона, — разумеется, не без выгоды для себя — он стал, наконец, его компаньоном. В природе существует закон: если в организме человека или иного животного поврежден или нарушен какой-либо из органов чувств, тотчас же другой орган чувств, получив большую силу и остроту, выполняет, хотя бы наполовину, функцию нарушенного органа. У слепых людей чувствительность пальцев рук и вообще осязательных нервов настолько усиливается и обостряется, что слепой наощупь определяет достоинство какой-либо стертой монеты. У глухих людей зрение обостряется и усиливается до такой степени, что глухие, не слыша звука, лишь по движению губ собеседника, по его мимике и жестам могут понять все, что он говорит. Этот закон в естественных и медицинских науках известен под именем антагонизма (Antagonismus).

Вероятно, на основании этого или другого подобного этому закона, или по иной какой-либо естественной причине г-н Овнатанянц, будучи лишен всякого образования и воспитания, весьма ловко и успешно начал свою коммерческую деятельность. Он предпринимал дела с той же уверенностью, с какой опытный и ловкий охотник направляет свое ружье на зверя, будучи уверен, что жертва сейчас же упадет к его ногам. К счастью для г-на Овнатанянца, время благоприятствовало ему, обстоятельства также складывались удачно... Спустя некоторое время он стал браться за крупные обязательства по государственным поставкам.

Где застряли его бывший патрон или компаньоны! Он стал смотреть на них сверху вниз — так, как человек смотрит с высокой башни вниз, на людей, несколько времени назад стоявших на одном уровне с ним. Злые языки говорили... что же они говорили?.. говорили, что... да

чего только не говорят злые языки!.. Вообще надо знать, что в таких делах человек, если он следует принципу, что цель оправдывает средства, может в короткое время очень легко нажить миллионы, поскольку — что ни шаг, то прибыль. И, по правде говоря, почему не воспользоваться случаем? Прибыль — не воровство, не грабеж, она проистекает из правильного и разумного ведения дела. Предположим, я взялся поставить государству какой-то предмет для армии, скажем сапоги. Итак, мне поручено заготовить двести тысяч пар сапог; предположим, за каждую пару сапог я должен получить полтора рубля. Но те сапоги, которые были показаны мне в качестве образца, по которому я должен был выполнить поставку государству, обошлись бы мне в рубль с четвертью; таким образом, с каждой пары сапог я получил бы четвертак, то есть двадцать пять копеек. Не будет ли с моей стороны глупостью, если я не изготовлю сапоги из более дешевого материала, с тем чтобы каждая пара сапог обошлась мне в один рубль и принесла мне полтинник чистой прибыли?

Таким образом, г-н Овнатанянц, преуспевая, давно уже обзавелся семьей. Семья у него была довольно большая: жена, сыновья, дочери, которым он кроме богатства ничего не оставил, поскольку не позаботился об образовании своих детей. Г-н Овнатанянц жил довольно хорошо и к нему были вхожи не только люди его ранга, но и... разные другие. По теории г-на Овнатанянца, движущей и управляющей силой во всем мире были деньги, и он принадлежал к числу тех людей, которые и по сей день еще удивляются, каким образом бог сотворил мир, не рассчитывая ни на какую выгоду, и как это небесные светила ежедневно освещают землю, ничего не получая? У этого господина было несколько братьев, из коих младший был в более близких отношениях с описываемым нами господином, нежели другие. Его жена и дочери, владея бо́льшим богатством, чем многие из их круга, смотрели на других с предосудительной гордостью, и в их взглядах было нечто источающее яд, как бы бьющий бедняков по лицу их бедностью и богатством овнатанянцев.

Дочери, выросши и воспитавшись в подобном духе и в подобной моральной атмосфере, уже с детских лет стали видеть счастье человека во всякого рода излише-

ствах. Сыновья, совершенно погрязшие в телесных утехах, с отупевшими мозгами и как бы опьяненные богатством отца, став совершенно бесчувственными ко всему человеческому и пристойному, из-за невежественности и неспособности были изгнаны из школы, куда определил было их отец, конечно, не с целью обучить их чему-либо (г-н Овнатанянц в душе ненавидел всякое образование), а для того чтобы не давать пищи для сплетен, что он, мол, пренебрегает образованием своих детей.

Сам г-н Овнатанянц, как это обычно бывает с человеком, поднявшимся из ничтожества на некоторую высоту (хотя г-н Овнатанянц был лишен каких бы то ни было моральных устоев), усвоил некую глупую гордость и в любом обществе желал играть роль умного человека. Каждый шаг его, каждое движение были рассчитаны и продуманы так, чтобы, придав себе некоторую солидность в поведении, добиться уважения. И он не ошибался в своих расчетах. В армянском народе нетрудно добиться возвеличивающих почетных эпитетов, так как, во-первых, у самих дающих эти эпитеты нет чувства собственного достоинства, а, во-вторых, нет понимания достоинства этих эпитетов. Нечего и говорить, что полученное таким путем лишено всякого значения.

Наш герой, особенно для того чтобы пустить пыль в глаза невежественной толпе, выказывал себя патриотом в тех местах и в тех случаях, где не требовалось доказать это немедленно на деле. Велик ли труд — быть патриотом лишь на словах, болтовней о патриотизме без малейшей жертвы удостоиться чести быть занесенным в календарь?.. Ведь у нас все возможно... Г-н Овнатанянц разглагольствовал о школах и заученными фразами доказывал их пользу, не имея решительно никакого представления о том, что такое школа и какой она должна быть, чтобы выполнить свою миссию. Г-ну Овнатанянцу было около пятидесяти лет, он был среднего роста, толстопузый и лысый; на фоне красных щек, раздутых от животной беззаботности на его бессмысленном лице, особенно бросалась в глаза чернота его бровей и усов.

Если вы спросите меня, что на свете больше всего внушает мне отвращение, я отвечу: лицо, не выражающее ничего человеческого. Лицо — это подлинный образ души; малейшее душевное движение посредством необъяснимого движения нервов отражается в чертах лица.

И лицо, ничего не выражающее, свидетельствует о ничтожестве души данного организма. Я предпочитаю небытие, нежели такое бытие, когда человек существует и живет только как растительное, а не одушевленное создание. Я не безжалостен к любому существу, но я уважаю его по его достоинству: в образе человека животное?! Отбросы человечества!

Однако г-ну Овнатанянцу и не снились подобные рассуждения, когда он всю ночь храпел в своей постели. Он и во сне думал лишь о прибылях. По утрам, когда он просыпался, его полуоткрытым глазам представлялись золотые горы. Он ел, не забывая точного математического счета деньгам, затраченным в этот день на обед, высчитывая, какая доля этой суммы приходилась на последнюю крошку хлеба, каких с десяток мог бы легко потащить муравей в свою нору.

Он владел довольно обширным двухэтажным каменным домом, главным достоинством которого являлось то, что он выходил на две улицы: окна дома были обращены на восток и на запад. Пусть сколько угодно клевещут на г-на Овнатанянца, будто он не заботился о счастье своей семьи; выбор им именно такого дома уже служил основательным доказательством, как много думал и заботился он о своей семье. В каком-либо глухом доме его семья скучала бы, в доме же, выходящем окнами на две улицы, никогда нельзя было скучать, так как малолетние дочери временами могли бросать невинный взгляд на прохожего то из одного, то из другого окна. Мы уж не говорим о большой заботливости г-на Овнатанянца, выразившейся в том, что он пристроил к своему дому еще одну застекленную комнату, красивое убранство которой могло настроить сердца и души юных девиц на романтический лад...

Сообщив эти сведения о г-не Овнатанянце, спешу продолжить свой рассказ.

Однажды поздно вечером г-н Овнатанянц, сидя один в своем кабинете, смотрел на свечу, которая, не ведая экономии, безжалостно горела в ущерб своему хозяину.

Он был бледен, и крупные капли пота блестели на его лысом лбу, точно так, как в сальной тарелке выделяются капли воды. Потирать руки и ломать пальцы в минуты досады или гнева — свойство малодушных людей. Наш

герой поднялся с софы, на которой валялся, как животное, и, потирая руки, стал неровным шагом расхаживать по комнате.

«Нет,— произнес он,— надо положить этому конец. Это, несомненно, плохо кончится, и дом мой совсем опозорится в этом городе. Я очень несчастный человек,— продолжал он,— несчастен как брат, несчастен как муж, несчастен как отец. Чего только не стряслось со мной за эти несколько лет, и кто виноват во всех этих неприятностях и скандалах? Брат, невестка, дочери, зять, сыновья и, наконец, моя жена. Верно сказано, что на свете всякое добро оплачивается неблагодарностью. Брат мой — не будь меня, он был бы у кого-нибудь на услужении — главный виновник всего этого. Его жена, хотя и прослыла красавицей, стала для моей семьи источником бесконечных неприятностей. Кто сбил с пути мою дочь, если не она? Кто научил ее..? Ах, горько даже подумать!.. А сыновья мои, сыновья? Что делать, кому сказать? Я должен сам скрывать от глаз посторонних грязь моего лица...»

В то время как он ходил по комнате в этих горестных размышлениях, вошел слуга и доложил о прибытии профессора. Г-н Овнатанянц немедленно принял солидный вид и, стараясь показаться профессору деловым человеком, сдвинул брови.

Открылась дверь, и на пороге показался профессор.

После обычных приветствий г-н Овнатанянц спросил:

— Как вы ее нашли?

— Не могу обрадовать вас, — ответил профессор. — Ее болезнь запутана привходящими обстоятельствами нечистоплотного характера. Вам хорошо известно, что до замужества она не была под моим врачебным надзором: я знаю вашу дочь лишь с того дня, когда ей потребовалась гинекологическая помощь. О ее прежней болезни я знаю лишь со слов ранее лечивших ее врачей, что болезнь была вызвана неправильным кровообращением в половых органах. Я принимаю свидетельства уважаемых врачей как соответствующие действительности. Человеческий организм состоит из различных органов, находящихся в тесном взаимодействии: с нарушением работы одного органа нарушается и функционирование другого, что очень часто вызывает опасность для всего организма. Вы неоднократно жаловались мне, что ваша дочь долгое

время страдала эпилепсией и что теперь, хотя болезнь и не проявляется, однако у нее зачастую бывает чрезвычайно затрудненное дыхание. Что мне сказать? Будь вы врач или естественник, я мог бы вам объяснить, каким образом неправильное кровообращение в половых органах затрудняет дыхание. Ну, а теперь, сколько бы я вам ни объяснял, вы все равно не поймете. Да и то сказать, ведь вам не столько нужна история болезни, сколько средства к ее исцелению.

— Вы говорите совершеннейшую истину,— ответил г-н Овнатанянц,— и я с большой охотой готов слушать ваш гуманный совет.

— Хорошо сказано,— ответил профессор,— мой совет будет не только врачебным, но и нравственным: нет сомнения, что основа нравственности — гуманность.

— «Мегу» писала и «Чраках» [1] подтвердил...

— Я не знаю, что писала газета «Мегу» и что подтвердил «Чраках», но мой совет...— продолжал профессор, прервав г-на Овнатанянца...

Г-н Овнатанянц в свою очередь прервал профессора:

— Господин профессор, я был благодетелем и агентом «Мегу», и «Чраках» также не был лишен моей милости, прошу не забывать.

— Все это настолько незначительно, и тем более бесполезно для лечения вашей дочери, что я не понимаю, зачем вы говорите обо всем этом.

— Простите, простите, мне казалось, что мы с вами говорим о патриотизме.

— Значит, вы не знаете, о чем говорите, и точно так, как наемная плакальщица, только завидев дом покойника, начинает вопить, так и вы машинально говорите о таких вещах, не чувствуя...

— Я очень утомлен, поэтому часто путаюсь,— ответил г-н Овнатанянц, скрывая свое неудовольствие.— Однако готов слушать ваш совет, по поводу которого было сказано столько лишних слов.

— Мой первый и последний совет — вернуть вашего зятя... Согласитесь сами, ваша дочь в юном возрасте. Привыкши к нежности, она искусственно превращена в нервное существо; в наш век совместная жизнь с мужем — единственное средство для избавления женщины от назиданий и замечаний своих родителей. Тем более что ваша дочь ежедневно окружена соблазнами, еже-

дневно мозг ее возбужден... Говорю вам коротко: если вы не выполните моего предложения, положение вашей дочери весьма и весьма ухудшится.

— В настоящее время мне совершенно невозможно выполнить это предложение,— ответил г-н Овнатанянц.

— Но в таком случае весьма возможно, что ваша дочь заболеет нимфоманией (Nymphomania),— ответил профессор с немецким хладнокровием.

— Вы не коммерсант и ничего не понимаете в денежных операциях. Шестьдесят тысяч рублей!..

— А для вас помимо рублей ничего не существует на свете?

— А разве вы без пользы выполняете ваши врачебные обязанности?

— Я никому не обязан служить бесплатно, но для меня, для моей личности деньги всегда имеют ничтожную цену.

— Этого гибельного принципа вполне достаточно, чтобы вы никогда не разбогатели.

— Зато вы вот разбогатели, но золотая ржавчина разъела ваш мозг. Никогда не хотел бы такого богатства.

— Вы начинаете переходить всякие границы.

— Потому что вы никогда не знали границ, и такая ваша неумеренность отражается на вашей семье и на ваших детях. Прошу вас, сударь, разрешить мне как профессору медицины сделать несколько замечаний о вашей семейной жизни и дать вам несколько добрых советов.

— А я прошу вас, господин профессор, если можно, освободить меня от ваших замечаний, так как всякое назидание и всякий совет, относящиеся непосредственно к моей семейной жизни, совершенно не касаются вас. Я считаю непристойным их слушать.

— Имеет ли ваша семейная жизнь какое-либо отношение ко мне, каким образом и в чем оно выражается, об этом, если вы станете отрицать, засвидетельствует весь город... Сейчас я хотел бы фактами и накопленным в жизни опытом лишь доказать вам, что такая семья, как ваша, никогда не вкусит сладости счастья.

— За что провидение так сурово карает мою семью?

— Ошибаетесь, сударь, провидение тут ни при чем. Провидение в одинаковой мере охраняет и заботится обо всей вселенной, не считаясь с тем, что этот — человек, а

тот — жалкий червь. На лоне провидения все творения, которые образуются и сохраняются в природе,— равноценные дети.

— Час тому назад я считал себя несчастным, но теперь вижу, что вы значительно несчастнее меня. Искать в этом мире равенство — уже само по себе несчастье, ибо в этом нет ни на волос ума. Как можно, чтобы я с моими почетными титулами и медалями был равен своему брату, ничего не имеющему? Вы отрицаете человеческое достоинство, господин профессор?

— Я признаю и проповедую человеческое достоинство в человеке, а не внешние, случайные или купленные почести в нем. И вы, ставя себя выше вашего брата-человека, вправе ли были клеветать на провидение, якобы оно повинно в том, что ваша семья не вкусит сладости счастья? Там, где не признается равенство людей, где каждый человек не причастен в равной мере к свободе, там господствуют страсть, анархия. А там, где анархия, там нет душевного мира, там господствует хаос ада, и черви зависти копошатся в этом грязном сердце.

— Имеет ли все это отношение к болезни моей дочери или к средству излечения?

— Несомненно, да! В медицине действуют не только всевозможные вещества, которые очень часто с осторожностью вводятся в организм больного, но главным образом психика. Какая-либо неприятность, нарушая душевный покой, приводит в волнение весь организм. В таком состоянии нельзя не только лечить больного, но и здоровый человек может заболеть и даже умереть. Вы из-за своей необычайной скупости, не желая выполнить данного вашему зятю обещания, принудили его уйти из вашей семьи... Мало того, вы задержали у себя его жену, которая по божеским и гражданским законам обязана была быть с ним и последовать за ним. Разве не в результате этого неестественного поступка ваша дочь сегодня находится в таком состоянии? Конечно, когда ваш зять покидал этот город, вы не думали о вашей дочери, но вы забыли, что ей не будет доставать человека, с которым она была связана узами, разорвать которые не во власти человека. Вы злоупотребили вашей родительской властью, которая с замужеством дочери тотчас же кончается. Вы во зло использовали ваше богатство и, обращаясь с вашей дочерью и с вашим зятем без всякого

человеческого чувства, обменяли на золото покой их души.

Лицо г-на Овнатанянца побагровело, из его мертвых глаз струилось недовольство. Он сделал последнее усилие выказать хладнокровие, ибо невыгодно было объявлять войну профессору, во-первых, потому, что он знал все семейные тайны г-на Овнатанянца, и, во-вторых, его семья всегда нуждалась в визитах профессора.

— Что ж поделаешь, — сказал г-н Овнатанянц, несколько выпрямившись,— иногда разные обстоятельства заставляют нас действовать иначе, нежели хотелось бы.

— Человек теряет свое достоинство, если он лишен воли, если прекращаются в нем его стремления. Мы обязаны бороться с обстоятельствами и не распластываться перед ними, как бессловесное животное или кусок половика.

— Значит, ваше последнее слово — пригласить моего зятя, которого я не желаю видеть?

— Да, это мое последнее слово.

— Согласитесь, господин профессор, что ваш совет вы выразили не очень вежливо.

— Правда всегда колет глаза.

— Правда — это абстракция, чем каждый человек оправдывает свои действия.

— Да, и воры и грабители хотят уверить мир, что правда на их стороне, но в этих случаях они злоупотребляют именем правды.

С этими словами профессор вышел, кладя в портмоне десятирублевку.

Г-н Овнатанянц остался один. Было около одиннадцати часов. Он позвонил, появился слуга.

— Погос,— крикнул барин,— позови скорей Григора.

Григор был старшим приказчиком г-на Овнатанянца, и все дела велись через него.

Торопливо вошел приказчик.

— Что вы сделали на заводе? — спросил г-н Овнатанянц.

— Как вы приказали, выдал рабочим сто сорок пудов свинца...

— Приказал ли ты строго-настрого, чтобы никому ничего не говорили?

— Да, велел. Когда кончите работу, прибавил я, хозяин выдаст вам большую награду на водку,— ответил приказчик с рабским подобострастием.

— Отлично! Если никто из рабочих не проговорится, никто ничего не узнает. В таком количестве олова сто сорок пудов свинца не так уж много... Приемщик давно получил две тысячи рублей; конечно, после приемки надо будет еще что-нибудь ему подкинуть.

— Да, хозяин, вы отлично знаете эти дела. Рабочие на заводе в нашей власти, приемщик заранее подготовлен... Опасаться нечего. Извините мою смелость, вы будете иметь большую выгоду от этого дела.

— Гм, большую выгоду,— пробормотал хозяин,— а чего мне стоит эта выгода и что останется от нее лично мне! Этому замазать рот, тому сделать подарок... А сколько дрожать приходится, пока все это пройдет и утрясется. Один я знаю, чего мне это стоит, что я переношу, обивая пороги департамента.

— Ну, вас знают...

— Знать-то знают, но нынче не прежние времена, моя звезда как будто закатилась.

Мы обязаны разъяснить этот разговор и хоть сколько-нибудь ввести наших читателей в курс дела.

Г-н Овнатанянц взялся изготовить для казенных больниц — не знаю в каком количестве — оловянные кружки и тарелки. Он был озабочен тем, чтобы смешать с оловом сто сорок пудов свинца. В результате такой операции казна приняла бы это количество свинца в качестве английского олова. Думаем, что теперь нас поймут, особенно те, которые более или менее имеют представление о стоимости олова и свинца.

Во время разговора хозяина с приказчиком в передней с большой осторожностью открылась дверь. На столе перед г. Овнатанянцем горели две свечи, свет от которых не проникал в дальний угол, где открылась дверь; поэтому на пороге показался лишь некий туманный образ. Этот образ, сделав два шага к беседующим, сейчас же отпрянул на три шага назад. Г-н Овнатанянц не видел и не заметил вошедшего, но тот испугался случайно покосившегося в сторону двери взгляда Овнатанянца, словно заранее предугадывая предстоящие громы и молнии.

Сотнями ударов в минуту колотилось подавленное, жалкое сердце в вошедшем. Смятение его души и сердца перешло всякие границы, но отчаяние придало ему силы, и он на цыпочках продвинулся на три шага. Это длилось пять минут, затем вошедший сразу вздрогнул и вмиг со страшной силой метнулся к двери, по неосторожности ударившись о косяк, поднял крик, что и обратило на него внимание г-на Овнатанянца.

— Кто там? — крикнул г-н Овнатанянц грубым голосом.

После этого окрика нельзя было дольше скрываться, надо было итти вперед, и образ с понуренной головой, словно раб, подошел к столу. Это был один из служащих г-на Овнатанянца. Не получая четыре месяца следуемой платы и дойдя до последней нужды и отчаяния, он пришел просить плату за прошлую службу.

— Зачем пришел? — спросил г-н Овнатанянц.

— Барин! Вот уже четыре месяца, как я ничего не получаю. Считая по пять рублей в месяц, мне следует двадцать рублей. Но я не смею просить столько. хватит пока и десяти. Прошу вас, в ноги кланяюсь, не откажите, я бедный человек...

— Все это так, но ты сказал о каких-то пяти рублях в месяц, что это за пять рублей?

— Мое месячное жалованье.

— А кто тебе назначил пять рублей в месяц? Такой, как ты, служащий должен еще приплачивать хозяину за харчи.

— Барин, умоляю, будьте справедливы! Разве я плохо служил до сих пор? Разве я пренебрегал когда-нибудь своими обязанностями? Не вы ли похвалили меня, когда я два миллиона аршин полотна, купленного мною по двенадцати копеек, сдал принимавшему чиновнику по восемнадцати копеек?

— Убирайся, окаянный! Вон, вон, мерзавец! Погоди, я доведу тебя до того, что в куске хлеба будешь нуждаться, проклятый! Армянин ты или нет? Человек ты? Поглядите-ка на него, на его службу, на претензии!.. Убирайся, убирайся с глаз моих!..

Бедняге ничего не оставалось сказать, и он вышел, проклиная свою судьбу, свое армянство: унижаемый и поносимый всюду, ныне он терпел поношение и от барина-армянина[1].

Не возмущайтесь, уважаемые читатели! Это — обычная сценка из частной жизни г-на Овнатанянца. В обществе он остается тем же почтенным армянином и одним из тех патриотов, которые своим патриотизмом так загрязнили воздух, что порядочным людям трудно стало дышать... Он — патриот. Дай бог ему долгой жизни, храни его господь, дабы он, пылая любовью к нации, разъезжал в каретах, купался в мирских удовольствиях, пьянствовал,— для нас, армян, эта слава и гордость, — большая польза нашему народу...

Спустя несколько минут, немного успокоившись, г-н Овнатанянц велел приказчику заменить картоном разбитые стекла в окнах склада, чтобы чиновник-приемщик не мог заметить негодность сукна, из которого были сделаны подготовленные к сдаче многие тысячи шинелей. Это была весьма уместная осторожность и заботливость: и коммерция имеет своих меттернихов...

Приказчик выразил готовность в точности выполнить приказ хозяина.

— Полученный сегодня вексель засвидетельствован законным порядком? — спросил г-н Овнатанянц.

— Да,— ответил приказчик и протянул руку к карману, чтобы вынуть и показать.

— Простите,— сказал он,— вот вексель, но вчера вечером я получил письмо на ваше имя по городской почте и забыл давеча передать его вам.

С этими словами приказчик вынул из кармана небольшой конверт и протянул его г-ну Овнатанянцу.

Хозяин отпустил приказчика и вскрыл письмо. Приводим его содержание:

«Милостивый государь!

Сожалею, что судьба снова сталкивает нас; сожалею тем более, что никогда не хотел бы иметь дело с вами. Не понимаю, чего вы хотите от меня. Однажды из-за вашей неосторожности и болтливости вы удостоились попасть в стихотворение «Отечество армянина» [1], но, по-видимому, этого вам мало. Вы снова порочите мою честь мужчины грязными инсинуациями, якобы я... но нет, я отнюдь не желаю иметь какую-либо связь с человеком, которого презираю всеми фибрами души. Не забывайте хотя бы после этого осторожнее поминать мое имя: вам не разжевать и не проглотить его, оно раскрошит ваши гнилые зубы.

Думаю, что это предисловие не непонятно вам, но мы обязаны быть более откровенными с твердолобыми людьми.

Когда я вернулся в этот город, из которого надолго отлучался, некоторые друзья сообщили мне, что некий сиятельный господин получил анонимное письмо якобы из Астрахани, в котором после ряда глупостей было сказано, что вы стремитесь завладеть должностью этого господина и т. п.

Узнав об этом, вы сейчас же решаете, что автором этого глупого письма должен быть я, и, уверив в этом того господина, с которым я уже давно порвал всякую связь, разжигаете его вражду ко мне.

Каковы у вас факты и чем вы могли подтвердить свои слова, я не знаю, но утверждаю положительно, что с вашей стороны большая низость выражать такое мнение обо мне. Для меня ровно ничего не значат дружба или вражда этого господина, поскольку не в моих обычаях искать чьей бы то ни было дружбы или лобызать кому-то ноги ради выгоды, однако в вашем поведении я усматриваю подлость высшей степени.

Оставим в стороне всякие инсинуации, а примем во внимание только то, как вы пришли к заключению, что граф Эммануэл мог когда-либо допустить мысль, что вы сможете достигнуть должности того господина. Возможно, что вы с вашим ограниченным умом воображаете себя значительным человеком,— и вас уверила в этом толпа низкопоклонников, алчущих какой-либо выгоды от вашего богатства,— но в моих глазах вы ничем не отличаетесь от тех мужиков, на которых привыкло орать ваше золото. Я говорю — золото, а не вы, так как именно золото дает вам это подлое право, и без этого золота вы были бы таким же мужиком, если не хуже, ибо у многих из них сердца и души не столь загрязнены, сколь у вас.

Полагаю, что я в достаточной мере доказал вам и вашим приятелям, что не имею никаких оснований действовать скрытными путями и имею смелость всегда подкреплять своей подписью сказанное или написанное мною. Если это мое письмо не явится для вас новым доказательством вышесказанного, то в один прекрасный день, когда несколько освобожусь от текущей работы, я покажу вам вашу физиономию в зеркале моего Дневника.

Не могу закончить своего письма иначе, как сказав, что, если вы, оскорбив мою честь, не сочтете своим долгом раскаяться и искать прощения, мы иначе рассчитаемся с вами и вы раскаетесь в своем упрямстве.

Будьте здоровы, чтобы иметь возможность изменить свою личность и свое поведение и набраться несколько ума, я же остаюсь всегда готовый по мере сил быть вам полезным в этом.

Не признающий вашего правомочия
граф Эммануэл».

— Какой позор! — воскликнул г-н Овнатанянц, хлопнув руками.— Не было печали, черти накачали, как говорят русские при подобных обстоятельствах... Правда, я говорил тому сиятельному господину, что автором этого анонимного письма был граф, но это не было моим личным мнением: меня уверили в этом Магдеси Кушар и его благодарный ученик. И что же! Магдеси совершенно свободен от нападок графа, направленных только против меня! Как бы покончить со всем этим делом?.. Какие глупые мысли! Кто такой граф Эммануэл, чтобы Овнатанянц боялся его? Что он может сделать, кого он пугает? Теперь я буду еще более резко говорить о нем и при случае постараюсь вовсе опозорить имя его и личность. Ну, а если этот окаянный возьмет да и опозорит меня на весь мир, как он сделал с Бекзаде? [1] Допустим, что за мною нет таких дел, чтобы я боялся нападок графа, но как быть с моей семьей?.. Ведь она может послужить для графа обильнейшим материалом...

Эти размышления были прерваны появлением г-жи Овнатанянц в кабинете мужа.

Овнатанянц, крайне смущенный, прикрыл письмо, поскольку он привык показывать себя большим человеком, особенно перед своей семьей. Столь позорное письмо могло унизить г-на Овнатанянца в глазах его семьи.

— Утром я еду на дачу,— сказала жена,— уже пора, почти весь город уже на даче, а мы киснем здесь. Все приготовлено, мебель погружена на подводы. Завтра, покончив с делами, вы приедете к пяти часам на дачу обедать,— прибавила она.

— Как это можно? — ответил г-н Овнатанянц.— Во-первых, я еще не установил дня выезда на дачу, во-вто-

рых, я еще не покончил с делами, в-третьих, здоровье нашей дочери...

— Во-первых,— прервала его г-жа Овнатанянц и затараторила,— в семейных делах определяет мой голос и мое решение, во-вторых, вашим делам нет конца, в-третьих, на даче у нашей дочери будет гораздо больше возможности исцелиться... Я решила и кончено. Завтра еду, хочешь — приезжай, не хочешь — как знаешь.

Г-же Овнатанянц ничего не стоило отложить на пару дней переезд на дачу, но на этот день у нее было назначено на даче свидание...

Сказав последнее, решительное слово, она вышла.

Жалко было смотреть на г-на Овнатанянца: он был ни жив, ни мертв. Долгое время шагал он из угла в угол по комнате, наконец, улегся в постель, решив мысленно поехать утром к графу и как-нибудь уладить дело миром.

Ночь он провел в лихорадочном состоянии. То мелкая дрожь, то лихорадочный жар потрясали его тело, наконец, он заснул... Но и во сне перед глазами у него мелькали граф Эммануэл и Бекзаде.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДУМА

О, малодушный человек, безвольный раб страстей!
Как лист чинары ты дрожишь, чуть ветер посильней,
А лишь заблещет поутру́ луч солнца с высоты—
Обласкан свежею росой, уже сияешь ты.
Забудет небо о тебе, несчастья в дом войдут —
Ты изменяешься в лице, забыв покой, уют.
А смелому и буйство волн свирепых нипочем,—
Он держит руку на руле, в нем жизнь кипит ключом.
Немало в жизни видел он подобных гроз и бурь,
Он знает, что за бурей вслед проглянет вновь лазурь.
Ведь легкий парус много раз вздувал сердитый шквал —
Светило выйдет из-за туч и озарит причал,
Он, невредимый, доплывет и бросит якорь свой,
А трус на берегу стоит, качая головой,
Пророча гибель моряку в суровый этот час,
Забыв, что пристань находил он в бурю много раз.
Забыли трусы, что покой за бурей вслед идет,
Они привыкли век дремать на суше без забот,
У ног возлюбленной своей, полузакрыв глаза,
Они не знают, как нужна, живительна гроза.
Тот, кто лишь к радостям одним привык,— не человек.
Беда, коль грянет гром,— душа погаснет в нем навек,
А кто к опасности привык — тот победит ее
И в бурях жизни сохранит достоинство свое.

1851—1855 гг.

СВОБОДА

Когда свободный бог в меня
Вдохнул дыханье человека
И бренному созданью дал
Дар кратковременного века,—
Я, бессловесное дитя,
Не зная горя и невзгоды,
Ручонки слабые простер
К видению свободы.

Когда не спал я по ночам,
Спеленут, связан в колыбели,
И заливался, и кричал,
Пока не встанет мать с постели
И не развяжет детских рук
Ребенку малому в угоду,—
Наверное тогда я дал
Обет любить свободу.

Когда от первой немоты
Освободил я голос звонкий,
И радовались все кругом
Живому лепету ребенка,—
Не «мать» и не «отец» тогда
Сказал я, как велит природа,
Нет, детские мои уста
Произнесли: «Свобода!»

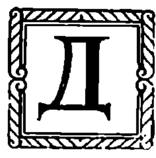
Свобода? Эхом прозвучав,
Судьба сурово вопросила,—
Свободы воином навек
Ты хочешь стать, а хватит силы?
Тернист и тяжек будет путь
Отдавшего себя народу.
Мир узок, тесен для того,
Кто полюбил свободу.

Свобода! Восклицаю я,
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

1859 г.

ДНИ ДЕТСТВА

ни детства, невозвратные, как сон,
Прошли, ушли беспечной чередой.
О легкие, о радостные дни,
Промчавшиеся вешнею водой!

Младенческую простоту сменив,
Явилось знанье, стал суровей нрав,
Я размышлением наполнил дни,
Минуты не оставив для забав.

А вслед за тем сознание пришло:
Судьбой народа грудь отягчена!
Тогда мне лиру подал Аполлон,
Чтоб исцелила эту боль она.

Увы! И лира в дрогнувших руках
Запела грустно, жалобно звеня,
О том, чем чувства полнились мои,
И звук ее не радовал меня.

И понял я тогда, что эта боль,
Дотоле в бедном сердце не пройдет,
Доколе, сир, безмолвен, угнетен,
В позорном рабстве будет жить народ.

Зачем так скоро, детство, ты прошло?
Умчалось, упорхнуло без следа.
В ту пору я таким свободным был,
Владыкой мира мнил себя тогда.

Давящих я не ощущал цепей,
Не чувствовал насилья злых когтей.
Лишь после на меня они легли,
И проклял я дни зрелости своей!

Молчи же, лира, больше не звени,
Возьми ее обратно, Аполлон,
Отдай тому, кто может жить незряч,
Любовью милой навсегда пленен.

А я пойду на площадь, на простор,
Без лиры, без нарядных, пышных слов.
Мне должно бушевать, негодовать,
К сраженью с тьмой я должен быть готов.

Не лира черная теперь нужна —
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага! —
Вот жизни смысл, вот боевая речь.

Пускай Дельфийский прорицатель лжет,
Беснуясь на треножнике своем,
Пытаясь тщетно обмануть народ
И темной мысли покорить старьем.

Пусть проповедует близ волн морских,
Пусть тешится парадом лживых фраз,
К свободе призываем мы людей,
Лишь это слово на устах у нас.

А ты, творец, в далеких небесах
Скажи: — Народ мой будет пощажен!
Не дай ему погибнуть от врага,
Оракулу не внемлет больше он!

1859 г.

АПОЛЛОНУ

Зачем ты дал мне, Аполлон,
Терзающую душу лиру?
Я недоволен, я смущен,
Я слышу горький ропот мира.

Ее ты в наказанье дал,
Иль, чтоб утйшить скорбь глухую,
Иль, чтоб сильнее я страдал
И чувства расточал впустую?

Возьми же лиру. Может быть,
Она нужней другим поэтам.
Ужели мог ты позабыть:
Однажды я просил об этом.

Моя весна прошла давно
И поздно мне за лиру браться.
Отныне, знаю, суждено
Мне по чужим краям скитаться.

...А ты, кого назвали «бог»,
Те, кто поверил слепо чуду,
Не жди, чтоб я смириться мог,
Что я тебе молиться буду.

Приму я с твердостью в душе
Все мне сужденное судьбою:
И желчь и яд в ее ковше,
Мне поднесенном злой рукою.

Но никогда у ног твоих
Не стану ползать я бесплодно,
Как те, чей разум не постиг,
Что люди на земле — свободны!

Эмс, 1859 г., май.

ПЕСНЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕВУШКИ

астоптана лихим врагом,
Глумящимся над честью,
Шлет родина сынов на бой,
Во имя гневной мести.

Бездольная! Немало лет
В оковах, как в темнице,
Но волей смелых сыновей
Она освободится.

Вот это знамя, милый брат,
Сама я вышивала,
Над ним я ночи не спала,
Слезами омывала.

На нем три цвета — посмотри —
Цвета отчизны нашей,
Чтоб сгинуть Австрии навек,
Пусть блещет знамя краше!

Чем может женщина в боях
Помочь своим любимым?
Тебе я отдаю свой труд,
Он был неутомимым.

Скорее на коня, храбрец,
Держи высоко знамя!
На помощь родине своей
Иди вперед с друзьями!

Смерть все равно нам суждена,
Изменим ли природу?..
Блажен, кто пал за свой народ,
За родины свободу.

Любовь народа верный щит,
Спеши, господь с тобою.
Везде тебе я буду, брат,
Сопутствовать душою.

Борись отважно, чтоб врагу
Твоей спины не видеть,
Чтоб итальянца словом «трус»
Никто не мог обидеть».

И протянула брату стяг
Заветный итальянка:
В три цвета вышила его
Искусная смуглянка.

И поклонился брат сестре
За доблестное слово.
Взял саблю, верное ружье
И сел на вороного.

«Спасибо,— молвил он,— прощай,
Любимая сестрица,
Верь, будет знаменем твоим
Вся армия гордиться.

А если я паду, не плачь
Над тихою могилой —
В загробный мир со мной пойдет
Враг — не один — постылый!»

Навстречу австриякам брат
Помчался в непогоду —
Ценою крови купит он
Италии свободу.

О, как болит моя душа,
Когда я вижу ныне
Такую жаркую любовь
К родной земле в кручине.

Хоть вполовину б так любил
Народ мой униженный!
Но где же, Егише, тобой
Прославленные жены?!

Рыдания теснят мне грудь,
Невмочь писать мне далее,
Раз итальянки таковы —
Ты не жалка, Италия!

Зоген (близ Франкфурта-на-Майне)
1859 г.

ОБРАЩЕНИЕ

Мечухеча из Константинополя посвящаю.

Ты, ветром окрыленный, летишь, Мечухеча́,
По морю и по суше коня тревоги мча.
Уничтожаешь время, стираешь расстоянья,
Пред быстротой твоею что молнии сверканье?!
Тавр и Масис ты видел, Босфор и Ахтамар, —
Повсюду горе, слезы — рыдают млад и стар.
Кто поспешил услышать стенания народа,
Кто был с народом вместе в года его невзгоды?
Кто слезы угнетенным отер, кто за народ
Вступался, чтобы не был хлеб отнят у сирот?
Спал амира̀, другие несли покорно бремя,
Лишь ты один на помощь к нам бросился в то время.
И полюбил всем сердцем тебя мой Айастан,
Плетет венок лавровый тебе земля армян.
Прими же благосклонно написанное мною,
Народ наш благодарный докажет остальное.

1864 г.

ПИСЬМА ИЗДАТЕЛЮ «ЮСИСАПАЙЛА»

1

Высокочтимый профессор,
господин издатель журнала «Юсисапайл»![1]

В истории человечества мы не найдем такого века и такого времени, когда светлые мысли и учения гениальных людей не встречали бы разнообразного сопротивления и противодействия, когда невежество и мрак не выступали бы против света истины. В человеческом мире как бы некоей нравственной потребностью было, чтобы истина, воюя с заблуждениями, укреплялась, добивалась победы и могла бы по-достойному оценить величие своей победы. Нравственные войны минувших веков заслуживают прощения перед судом наших просвещенных дней, памятуя незрелость и младенчество времени.

С этой точки зрения для нас отнюдь не новое явление издатель какой-то вздорной газеты, каким является издатель газеты, называемой «Мегу Айастани»[2] («Пчела Армении»). Этот человек, принадлежа умственно еще к периоду мрачных веков, не может поднять свой взор и заметить светоносный маяк нынешних дней, его дикие, бредовые рассуждения являются совершенно естественным следствием его некультурности и неутешительного азиатского воспитания. Думаю, что Вам не требуется объяснений, о чем идет речь. Нет сомнения, что Вы читали в номере 16-м упомянутой газеты «Мегу Айастани»

от 19 сего апреля то известное злословие, которым он под видом критики желает замутить сердца не совсем здравомыслящих людей и распространить плохое мнение о журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»), который своим святым и осмысленным (хотя и непонятным многим) патриотизмом, своими пророческими убедительными и сильными словами хочет не людей оскорблять, не народ поносить, а лишь пробудить от сна наш дремлющий народ, поднять его и показать ему путь, по которому нужно пойти, отказавшись, наконец, от ненавистного азиатского мрака, и вступить в предел, где сияет европейское просвещение. Мы видим с болью, что издатель упомянутой газеты — слепое орудие в руках чужих людей и рупор какого-то тайного общества заговорщиков, на чело которого следовало бы наложить клеймо: *Общество обскурантов*. Он считает преступлением, что я назвал некоторых господ схоластами, а между тем я этих господ лишь по снисходительности назвал схоластами, так как человек, называемый схоластом, кое-что знает, а те «ученые», о которых идет речь, кроме лишь крох армянского, ничего не знают. Да, они обладают грубым и бессмысленным религиозным фанатизмом, которым и могли бы ввести в заблуждение невинный народ, распространяя слухи, будто бы тот или иной армянин проповедует лютеранство и т. д. и т. п.

Издатель «Мегу» как поп, приводя в свидетельство несколько слов из священного писания, думает установить этим свое превосходство над пишущими людьми, не подумав о том, что на поприще словесности его священство или несвященство не имеет ровно никакого значения, и всякий человек, имеющий в голове мозг, читая его дерзкие и неуместные слова, приходит к заключению, что этот человек, изрыгая свои откровения, находился под ядовитым влиянием какой-то мрачной и темной души. Напрасно он выступает в качестве священника; его священство ничем не поможет ему в отношении культуры. Такого рода идеи уже исчезли с лица земли вместе с адской инквизицией; мы действуем как писатели и имеем дело друг с другом лишь как с писателями, не считаясь с нашим служебным положением в обществе.

Написанное каким-либо священником, монахом или епископом, если оно неуместно и неверно, мы будем опровергать и осуждать с тем же правом, с каким мы

опровергали бы и осуждали бы то же, вышедшее из-под пера мирянина.

Если издатель «Мегу» хочет, чтобы пишущие люди обращались с ним как со священником, то пусть он не выходит за пределы своего священства, пусть почитает только свое священство: издание светской газеты не есть выполнение священнической службы, обучать общество изготовлению ваксы и всевозможных ароматических масел не есть выполнение священнического долга, поносить и проклинать того или другого — дело не только не пристойное священнику, но и противное христианству: поговорка гласит — «Не в свои сани не садись».

Издатель «Мегу», придавая своим писаниям характер пасквиля, всецело оправдывает мнение о недоучившихся армянских ученых, высказанное мною на 72 и 73 страницах «Юсисапайла»[1], ибо эти «ученые» распространяют в народе ложное и предосудительное мнение о критике, якобы ее целью является не что иное, как поношение и порицание. Издатель этот, как я вижу, делает тонкий намек относительно моей критики, напечатанной в первом номере «Юсисапайла», якобы она написана со слов другого лица. Мне жаль, что он беспокоится, терзаемый этими сомнениями, но это понятно: являясь сам слепым орудием в руках других, он то же предполагает и в отношении остальных, подтверждая тем самым русскую поговорку: «Что у кого болит, тот о том и говорит». Мои уста всегда открыты против противников правды — не сомневаюсь, что издатель «Мегу» узнает об этом на опыте — и сердце мое всегда широко открыто для всего доброго, для того, чтобы собрать все доброе в один сосуд, а все негодное и сорное отбросить.

Да, обладая в какой-то степени нравственным мужеством, я могу без упорства признать свою ошибку, если какой-либо более умный человек мне на нее укажет, и не только признать, но и выразить благодарность такому честно мыслящему господину. Но принять человека, считаться с ним или отвечать ему, если он сам не знает, о чем говорит, я считаю совершенным позором для себя как для мужчины. Отбросив всякий человеческий стыд и совесть, он дерзает отрицать ученую привилегию[2], предоставленную государственным правом и законом, и называет человека, обладающего ею, самозванцем; больше того, он, заблуждаясь вместе с некоторыми писателями и прочими

узколобыми и близорукими папскими монахами, провозглашает армянский язык языком Адама, он не знает ничего, кроме списывания с того или иного автора и бессмысленного пустословия. Я не сомневаюсь, что и Вы не придали бы значения злословию этого издателя, тем более что он уже попал под моральный суд людей понимающих и получил заслуженное воздаяние от общественного мнения.

Вообще же я замечаю, что в Тифлисе образовалось болотное общество мракобесов и что «Мегу» [«Мегу Айастани»] является рупором и орудием этой школы мракобесов (propagande de l'obskurantisme) и все, что извергается из уст «Мегу», является зловонным извержением этой школы; я замечаю, что «Мегу» и эта школа пропаганды мракобесия хотят заслужить наше полнейшее презрение.

Следовательно, господин издатель журнала «Юсисапайл», прошу Вас, опубликовав данное мое письмо, заверить как это общество, так и его агента «Мегу», что они уже достигли того, чего они так сердечно жаждали, т. е. полнейшего презрения как с нашей стороны, так и со стороны всех друзей народа. Латинская поговорка гласит: «Volenti non fit injura»*.

Прошу принять заверения в полнейшем уважении к Вам, с чем и остаюсь,

уважаемый господин,

Ваш и нашего народа искренний благожелатель

М. Налбандянц.

20 апреля 1858.
Москва

2

Господин издатель журнала «Юсисапайл»,
уважаемый профессор
Степанос Исаевич!

Очень тяжело человеку согласиться, если, показав ему лист белой бумаги, сказать, что эта бумага черная... между тем когда он ясно видит, что бумага белая. В таком положении находятся в настоящее время все армяне: нас хотят уверить в том, что дважды два не четыре, а какое-то иное число, и почти осмеливаются требовать от нас совершенной веры в эту ересь. Казалось бы, на

* Не следует лишать права того, кто соглашается.

основании здравого человеческого смысла, что тот, кто не соглашается признавать белую бумагу черной, должен удостоиться похвалы как человек, любящий истину; но вот, поди же, ведь опять мы будем осуждены служителями лжи как злодеи. Правда наша — это наш приговор, но я не знаю, до чего дойдет таким путем наш народ. Никто не хочет думать и хоть несколько почтить истину. Недостатки, замечаемые тут и там среди других народов, в данный момент как бы собрались воедино в одном месте — в нашем народе. Истина снова измеряется мерилом дружбы и вражды, снова недостатки какого-либо высокопоставленного лица, какого-либо богача путем обмана представляются совершенством. Настанет ли когда-нибудь рассвет для здорового разума и для нашего народа или мы осуждены вместе с сердечной болью нашей лечь безутешными в глубину могилы? Право, глядя на состояние армянского народа, второе кажется более вероятным.

Человек очень часто избегает говорить о каком-либо беззаконии, ибо устает в конце концов всю жизнь изо дня в день иметь дело с желчью и горечью; но другие, злоупотребляя этим молчанием, стараются провозгласить преступление добродетелью — можно ли человеку вытерпеть это? Знаю, что из-за этого письма я снова буду оклеветан некоторыми господами, но зато от многих услышу слова сердечной поддержки — это единственное оставшееся нам утешение.

Против какого же ошибочного мнения вооружиться, какое из беззаконий осудить и мимо какого из них пройти молча? Их очень много. Совершенно умолкнуть нельзя — эти дела творятся среди нашего народа, а мы члены этого народа и не можем считать себя чужими, не можем назвать себя частным лицом, отрезанным и отделенным от целого организма. Вред и польза народа имеют в наших глазах больший вес, чем наше личное; мы знаем, что и Вы, многоуважаемый издатель, являетесь последователем этого убеждения. Памятник Вашему неподкупному правдолюбию воздвигнут вашими бессмертными трудами.

Имеешь ты власть в своих руках, богат ты — значит, ты самый почитаемый и уважаемый человек среди армян. Бей, души, гони, делай что хочешь — никто не осудит тебя, ибо, будучи богатым или имея власть, ты уже приобрел непогрешимость римского папы. Виноват и под-

лежит осуждению битый, искалеченный тобой, душимый и гонимый тобой, ты же еще унаследуешь от армян почетное звание патриота, ибо, долгое время пребывая в рабстве, ставшем для них второй натурой, они скучают, если хотя бы на минуту не повиснет над их головой дубинка какого-либо деспота.

До сих пор вследствие отсутствия в нашем народе публицистики в нем находили себе сторонников и оставались безнаказанными всякого рода низость, подлость, безобразия; все молчали, никто не подпадал под строгий суд пера. Но когда-нибудь надо же выйти из этого мрачного состояния, надо же и в нашем народе открыть дорогу публицистике. Слава богу, ныне есть у нас голос общественности — «Юсисапайл», Ваше и наше заветное. Пусть он выполняет эту миссию, пусть он осуществляет свое величественное призвание — быть служителем национального воспитания. Пусть говорит он неумолчно. Пусть громогласно провозглашает он и хорошее и дурное, пусть благодарит за хорошее, но и не забывает осудить дурное и вредное. Пусть, наконец, благородные сердца, имеющиеся среди армян, несколько утешатся, видя осуждение низости перед судом разума. Пусть и злодеи и преступники образумятся, видя, что некий неустрашимый голос следит за ними, вторгается в их самые скрытые замыслы и разоблачает публично то, что они шепчут на ухо друг другу. И опять-таки, слава богу, что среди нашего народа нашлись столь благородные люди, что пожелали иметь для народа общественную трибуну, некий публичный суд, оценивающий справедливо и друга и врага. Мы счастливее наших отцов и дедов, ибо они в свое время не в состоянии были позаботиться о таком беспристрастном и чистом голосе для своих горестей и радостей.

Многим известно, что все, о чем говорю я Вам сейчас, мы всегда говорили наедине, но почему теперь я вынужден говорить об этом публично, через «Юсисапайл», Вы сейчас узнаете, тем более что тема эта Вам хорошо знакома.

Вам хорошо известно, высокочтимый господин, что церкви Новой Нахичевани имеют судебную тяжбу по денежным отчетам с чиновником г-ном Халибянцем. Вы знаете, что это судебное дело церкви велось через бывшего епархиального начальника этой епархии, нынешнего начальника Астраханской епархии архиепископа Маттеоса.

Вы знаете, что по приказу г-на министра и по распоряжению его святейшества архиепископа было созвано особое совещание выборных представителей нахичеванского общества, которое должно было на основании книг, представленных г-ном Халибянцем в 1848 и в 1851 годах епархиальному начальнику, произвести расчет с этим господином и при содействии местного магистрата потребовать от него возвращения церковного капитала. Вам известно, что совещание в 1856 и 1857 годах установило за г-ном Халибянцем долг около ста пятидесяти тысяч (150 000) рублей и в законном порядке наложило арест на недвижимое имущество г-на Халибянца и что г-н министр, признав этот арест законным, несколько раз писал сиятельному графу Строганову, чтобы он предписал таганрогскому градоначальнику принудить г-на Халибянца уплатить свой долг церкви. Вам известно также, каким образом одно время ход этого дела был приостановлен вмешательством католикоса Нерсеса и безосновательными жалобами г-на Халибянца, всячески поощряемыми тогдашним градоначальником. Поскольку все это известно, Вам должно быть известно и то, каким образом эта тяжба как бы заканчивается и какой оборот принимает дело, о чем частично Вы должны были быть осведомлены и раньше. Но прежде чем говорить об окончании этого дела, следует поговорить к сведению всего нашего народа о начале этого дела — о том, как этот капитал попал в руки г-на Халибянца.

Мы не хотели бы вспоминать тут, в каких отношениях с г-ном Халибянцем находился католикос Нерсес в бытность свою епархиальным начальником с 1832 до 1844 года. Это очень длинная, хотя и весьма любопытная история, дошедшая до нас благодаря собственноручным письмам католикоса Нерсеса, адресованным нахичеванскому духовному правлению, городскому магистрату и г-ну Хачатуру Мкртчяну Хрмачяну. Может быть, в другое время, в совершенно иных обстоятельствах... появятся на свет божий эти письма, и наш народ более подробно ознакомится со многим, о чем до сих пор он был осведомлен несколько иначе. Да, мы обещаем это, если нам удастся когда-либо напечатать «Виденное и слышанное нами»[1], которое содержит в себе современную правдивую историю нашего народа. Здесь же надо сказать, что в 1844 году архиепископ Нерсес, уже в сане католикоса, вернув-

шись из Петербурга в Кишинев, дал г-ну Халибянцу письменное поручение собрать распыленные по церквам капиталы и к его приезду привести их в порядок. Этим письмом католикос помирился с г-ном Халибянцем, так как изменились его отношения с г-ном Хрмачяном и с протоиереем Хачатуром Сетяном...

И вот г-н Халибянц собрал эти капиталы... и когда в октябре 1845 года католикос по пути в Эчмиадзин заехал в Нахичевань, его дружба с г-ном Халибянцем укрепилась вдвойне. Распоряжение собранными церковными суммами вновь было доверено г-ну Халибянцу, он же был назначен управлять церковными делами; ктиторам было велено отныне все собираемые ежегодные доходы церквей передавать ему; ему же было поручено управление монастырем Сурп-Хач; ему же велено было получать годовую стоимость свечной монополии. Таким образом, г-н Халибянц стал чем-то вроде наместника или заместителя наместника вплоть до 1848 года. Надо сказать, что и этот год был одним из золотых для г-на Халибянца, ибо он весьма преуспел и как городской голова*.

7 апреля 1848 года прибыл в Нахичевань новоназначенный епархиальный начальник. Узнав в духовном правлении, что около 70 тысяч рублей церковных денег находятся в распоряжении г-на Халибянца, слыша многочисленные устные жалобы и получая письменные заявления народа о необходимости законного распоряжения этим капиталом, епархиальный архиепископ как полновластный хозяин епархии обязан был бы немедленно потребовать от г-на Халибянца отчета в церковных суммах и распорядиться ими так, как этого требовал закон (§§ 48, 119 высочайше утвержденного положения от 1836 года об управлении церковными делами армяно-григориан в России, — 451 ст., IX т., св. Зак., изд. 1842). Однако,

---

* Г-н Халибянц 12 лет исполнял обязанности городского головы, не подчиняясь обществу и не отчитываясь перед ним; это дело не закончено и по сей день, и г-н Халибянц до сих пор не отчитался перед обществом, а оно и тут имеет к нему большие претензии. Я уж не говорю о том, что этот господин, построив дом на общественной земле, затем присвоил ее, мотивируя тем, что прошла десятилетняя давность и никто не может требовать этих участков, да и кто мог потребовать, когда он сам был городским головой? В прошлом, 1857 году правительством был назначен специальный комитет, обязавший г-на Халибянца вернуть эти земли, но это дело все еще не закончено.

хорошо изучив самовластный и деспотический характер католикоса, он обратился к нему с письменным запросом об этом капитале. Католикос своим посланием от 20 июня 1848 г. за номером 160 обрушился на епархиального архиепископа: «Как мог ты подумать, что католикос Нерсес мог отдать капитал какому-то частному лицу». Вслед за этим успокоительным заверением он обязывает архиепископа сообщить ему, «откуда он узнал, кто ему сказал, что католикос Нерсес отдал кому-то церковные деньги».

После этих событий архиепископ потребовал от г-на Халибянца отчета и поручительное послание католикоса, имеющееся у г-на Халибянца, по его же словам. После двухмесячной оттяжки г-н Халибянц в июле 1848 года представил епархиальному начальнику свой отчет, но не предъявил ему послания католикоса и без ведома архиепископа разрушил комнаты в монастыре Сурп-Хач и разобрал стену вокруг церкви св. Теодороса, мотивируя тем, что хочет построить их заново. Архиерей опротестовал перед католикосом эти действия г-на Халибянца, но католикос вместо прямого и ясного ответа заполнил свое послание ссылками на священное писание, отрывками из церковных песнопений и притчами и упрекал архиепископа, но на сей раз уже за то, что как он, мол, осмелился потребовать отчета у г-на Халибянца в тех суммах, которые он, избранный миллионами армян вселенский патриарх, поручил своему близкому человеку...

Вот начало и корень того спора, о котором мы вынуждены говорить. Отсюда ненависть католикоса к епархиальному епископу Маттеосу, сошедшая с ним в могилу. Архиерей, не будучи в силах чем-либо помочь этой беде, распорядился и строжайше повелел ктиторам, чтобы годовые доходы церквей более не передавались г-ну Халибянцу, и с тех пор все эти церковные суммы согласно закону поступали в государственную казну. Но как дорого обошлось архиерею установление этого порядка, какие западни расставлял г-н Халибянц руками своих единомышленников, которые проповедовали среди народа, что деньги, поступившие в государственную казну, больше не возвратятся...

Однажды четыре господина обратились к архиерею с письменным ходатайством, чтобы тот не направлял церковных денег в государственное казначейство, а вместе с этими господами опечатывал их в ящике с условием,

чтобы эти господа ежегодно уплачивали за хранившиеся суммы установленные законом проценты. Дело, начатое на основании этого ходатайства, до сих пор остается в Нахичеванском магистрате незавершенным. Эти господа задались целью, заперев и опечатав деньги, выиграть время, чтобы г-н Халибянц мог добиться строжайшего приказа архиерея не сдавать денег в государственное казначейство.

Прошло несколько лет. Отношения между католикосом и архиереем становились с каждым днем все более враждебными по милости г-на Халибянца и архимандрита Саркиса Джалалянца, письменные доказательства этому мы в свое время видели...

Архиерей вынужден был смотреть сквозь пальцы на дело о церковных суммах, находящихся у г-на Халибянца, хотя иногда поднимал речь об этом в беседах с г-ном министром — графом Львом Алексеевичем Перовским.

Наконец, в 1855 году нахичеванское общество обратилось к своему архиерею с просьбой потребовать от г-на Халибянца отчета в церковных суммах, а также самые суммы, но архиерей, которому надоела борьба с католикосом на этой почве, оставил это ходатайство народа без последствий. Однако назрело время, чтобы этому делу был дан ход, и оно скоро разрешилось следующим образом. Католикос Нерсес уже давно, с 1852 года и даже еще раньше, лишил архиерея всей его власти: существование архиепископа проявлялось лишь тем, что в церкви упоминали его имя. В довершение всего католикос потребовал от архиерея церковные суммы, образовавшиеся после 1848 года и хранившиеся в государственном казначействе. Без ведома архиерея католикос приказал епархиальной консистории, чтобы консистория, не дожидаясь решения архиерея, собрала все церковные суммы и передала их г-ну Халибянцу, чтобы затем иметь возможность произвести общий расчет с последним. Смехотворная мотивировка! Чтобы произвести расчет с г-ном Халибянцем или узнать о состоянии церковных сумм, незачем было передавать г-ну Халибянцу суммы, находившиеся в казначействе. Это была какая-то новая бухгалтерская система, придуманная лишь собственно им — католикосом Нерсесом.

Епархиальная консистория, находившаяся в тот период под влиянием и управлением архимандрита Ованеса Бекназаряна, того самого архимандрита, который должен

был получить нагрудный крест от католикоса Нерсеса по протекции архимандрита Саркиса и его дьячка, как писал сам католикос, жалуя этот крест, тотчас распорядилась послать находившиеся у нее казначейские билеты и деньги г-ну Халибянцу; консистория предложила также и архиерею доставить г-ну Халибянцу находившиеся у него суммы и казначейские билеты.

Видя, что дело переходит всякие границы, архиепископ сообщил обо всем этом г-ну министру, приобщив к этому жалобу нахичеванского общества и просьбу — потребовать от г-на Халибянца как отчета о находящихся у него суммах, так и самые суммы. Он просил также у г-на министра совета и указания насчет того, как ему поступить, поскольку приказ его непосредственного начальника не согласуется с государственными законами.

Г-н министр, ознакомившись с этим делом, предложил начальнику епархии (в апреле 1856 г.) не только не отдавать г-ну Халибянцу церковных сумм, образовавшихся после 1848 года, но и потребовать от него прежнюю сумму законным путем. Об этом сам министр отдал приказ наместнику Новороссии и Бессарабии — помочь епархиальному епископу, если г-н Халибянц вздумает воспротивиться. На основании этого распоряжения министра начальник епархии предложил нахичеванскому обществу выбрать из своей среды шесть почетных лиц, которые с участием местного магистрата, рассмотрев счета г-на Халибянца, потребовали бы и получили от него церковные суммы.

Общество единодушно избрало из своей среды в качестве доверенных лиц г-д Карапета Маркаряна Айрапетяна, Даниэла Torосяна Каракаша, Григора Карапетяна Салтикянца, Петроса Даниэляна Сахавянца, Акопа Степаносяна Галлачянца и Эммануэла Поповянца. Эти-то лица при содействии Нахичеванского магистрата*, рассмотрев все счета, в законном порядке обязали г-на Халибянца уплатить церкви около 150 000 рублей серебром и в обеспечение этой претензии на основании закона нало-

* В этот период председателем магистрата был г-н Каракаш Манвел Даниэлян, благородный патриот и правовед. Смена этого господина, благородного сердцем и душой, как раз в тот период, когда магистрат рассматривал дело о церковных суммах, нанесла большой ущерб церкви, не говоря об ущербе городу вообще, ибо Нахичеванский магистрат никогда больше не увидит у себя председателем такого человека.

жили арест (секвестр) на недвижимое имущество г-на Халибянца.

Мы не будем останавливаться здесь на событиях, имевших место после этого решения до смены начальника епархии, — об этом народ прочитает в нашем труде, о котором упомянуто было выше, — скажем лишь, что г-н Халибянц, вынужденный к тому требованием магистрата, выдал последнему векселя (?) на сумму около 62 000 рублей, которые и пролежали в магистрате вплоть до смены начальника епархии.

Начальник епархии сменился... Новый управляющий делами епархии, достопочтенный архимандрит Габриэл Айвазовский приехал в Нахичевань... получил в магистрате векселя на 62 000 рублей и... объявил г-на Халибянца свободным от долга.

Векселями на 62 000 рублей откупившись от долга в сумме 200 000 рублей, г-н Халибянц выдал достопочтенному архимандриту еще 50 000 рублей, но не в уплату своего долга, а в виде пожалования и подарка на постройку училища в Феодосии; кроме того, он предназначил 20 000 рублей в пользу духовного училища, намеченного к открытию в Нахичевани. После этих действий г-н Халибянц был объявлен патриотом, восхвален, благословен, услышал себе хвалебные оды и, наконец, удостоился дифирамбов «Мегу»[1].

Мы хотели бы знать, какой разумный армянин среди нас согласился бы дать нам на хранение 200 000 рублей серебром с тем, чтобы мы вернули ему три четверти этой суммы на сооружение училищ, и чтобы возвращенное нами он считал подарком и притом прославил бы наше имя как великолепного патриота? Но, оказывается, это возможно, тем более что в наши дни это подтвердилось точным и реальным примером: должника, уплатившего лишь три четверти своего долга, его друзья прославили как щедрого дарителя, как образец добродетели, как великолепного патриота... o tempora, o mores!*

«Мегу» однажды уже объявляла об этом мнимом пожертвовании, а теперь снова, в 39-м номере, говорит об этом в связи с открытием Феодосийского училища. «Мегу» указывает на г-на Халибянца как на богача-патриота, желая этим сказать: «Что вы клевещете на наших богачей? Смотрите, вот какие дела они творят!» Понятно, что

* О времена, о нравы! (лат.).

«Мегу» по обыкновению смотрит лишь на внешнюю сторону дела, не вникая в его внутреннюю сущность, невольно ли — по невежеству или вольно и по знанию—мы этого не знаем, но истина заключается в том, что должник церковных сумм считается патриотом и дарителем; и это тот, кто, выдав векселя на 62 000 рублей и сумму в 70 000 рублей не в уплату своего долга, а как дар, все же на данный момент остается должным около 70 000 рублей.

Лживыми похвалами хотят, думается нам, стереть память об этом деле из сердца нахичеванского общества. Но это ошибочная точка зрения: это еще больше возмущает его и, несомненно, станет причиной большого и всеобщего недовольства новым католикосом, к чему, мы думаем, примкнет и бывший епархиальный начальник, ныне начальник астраханской епархии архиепископ Маттеос, так как этим актом была опорочена честь как его, так и выборных представителей нахичеванского общества.

Народ по копейкам собирал эту сумму; очень часто какая-либо крайне нуждающаяся вдова отрывала от своих сирот последнюю копейку и бросала в церковную кружку — справедливо ли, чтобы эти деньги растаяли, словно весенний снег, а виновник этого провозглашался патриотом и устно и письменно?

Пусть видит наш любимый народ, к чему приводит постоянное пребывание в положении глухонемого, постоянное предосудительное молчание; пусть видит народ, какие козни творятся за его спиной; пусть и нахичеванское общество вкусит эту горькую чашу вина из обильного урожая со своего раздираемого распрями виноградника.

Если во всем написанном нами есть хотя бы одна буква лжи, пусть выступят наши противники и возразят против сказанного. У нас имеются свидетели: желающие могут получить об этом полные сведения от членов вышеупомянутого собрания, от астраханского епархиального начальника — архиепископа и Эчмиадзинского святейшего синода. Возможно, что все сказанное нами со временем будет подтверждено также Екатеринославской гражданской палатой и 8-м департаментом правительствующего сената.

Если в газете «Мегу» народ прочитал о внешней стороне этого дела, пусть в «Юсисапайле» он увидит его внутреннюю сущность; если первая могла дважды стать материалом для газеты, пусть и последняя станет один

раз материалом журнала, чтобы народ не оставался в заблуждении относительно этого дела, а, прочитав и то и это, с чистой совестью и светлым разумом вынес свой приговор.

Многое еще имели мы написать, но поверьте, высокочтимый Издатель, что сердце не лежит к этому: не знаешь, о чем не писать, о чем не скорбеть, что не оплакивать! Да откроет всемогущий господь очи нашему народу, чтобы он смог, наконец, познать свою пользу и свой вред и не быть игрушкой в руках первого попавшегося человека.

Вероятно, провидение уготовило нам столь неутешительную участь, чтобы мы ежедневно горевали и скорбели о недостатках нашего народа, но до каких же пор, как долго, доколе так будет?.. Тяжкое раздумье...

Считаем лишним приводить тут слова и мнения издателя «Мегу», напечатанные в № 39 «Мегу», ибо слишком незначительны и низки они, значит, и недостойны вовсе стать темой для разговора.

Прошу принять мое искреннее уважение, с чем и желаю остаться,

уважаемый господин,
Ваш верный доброжелатель

М. Налбандянц.

11 окт. 1858.
Москва

3

Париж, 4 (16) сентября 1859 года.

Уважаемый г-н издатель!

Я уверен, что Вам желательно было бы знать о том, как был принят манифест об амнистии, изданный французским императором Людовиком Наполеоном III после Виллафранкского мира 16 минувшего августа, теми ссыльными или изгнанниками, которых он касался.

В самом деле, этот манифест подтверждает уверенность в себе нынешнего правительства и то влияние, какое приобрело оно своими неопровержимо большими успехами на сердца французов, а также свидетельствует о верном расчете Наполеона: славой внешних побед подавить и уничтожить стремление и жажду внутренней свободы у французского народа. Однако вместо этого отрицатель-

ное отношение, проявленное к королевскому манифесту об амнистии со стороны почти всех более или менее видных политических изгнанников, доказывает, насколько крепка и прочна их сердечная приверженность к политическим задачам или насколько глубоко вкоренилась в них ненависть к человеку, ставшему ценою предательства и насилия во главе Французской республики 2 декабря 1851 года, т. е. к Наполеону третьему. Издающийся в Париже журнал «Конституционель» уже трижды дерзнул публиковать различные отрицательные отклики французских изгнанников, не желающих и слышать о манифесте Наполеона об амнистии. Эти письма не могут помешать победе Наполеона. То, что Наполеон отнял у французской нации, он возместил ей тем, что дал. Ликование, с которым Франция встретила 15 минувшего августа императора, возвратившегося из Италии, не оставляет места никаким сомнениям на этот счет. Политический заговорщик 2 декабря вполне достоин нынешней французской нации[1]. Вам должны быть известны ответы французских писателей Луи Блана, Виктора Гюго и Эдгара Кинэ на императорский манифест об амнистии. Сейчас я хотел бы поставить Вас в известность о другом ответном письме, написанном полковником Шаррасом из Кайенны (во французской Гвиане, в Южной Америке).

Вот это обращение.

«Да будет известно Людовику-Бонапарту!

Вы издали указ об общей амнистии. Вы амнистируете тысячи граждан, которые, давно уж изгнанные вами в чужие края, брошенные в убийственный климат Африки и в чумные болота Кайенны, влачат жалкую жизнь. Эти люди защищали от Вас законодательство, возникшее из права на всеобщую свободу (per le droit de suffrage universele), законодательство, которое вы торжественной присягой обязались свято охранять, а потом вероломно нарушили. За это Вы мстили им. Теперь Вы им оказываете милость— удивительно! Виновный прощает тех, кто стал жертвой его вины! И это определяющее Ваш характер действие, Вы должны были заимствовать у цезарей вырождающегося Рима. Перед лицом общественного суда и мировой историографии не желаю ни в коем случае принять этот мошеннический обмен. Непристойно защитникам права оказывать милость человеку, упразднившему это право. Ваша амнистия желает обесчестить тех, кого она

касается. Она скрывает в себе западню, некий заговор, как и все Ваши слова, как и всякая Ваша клятва. Мне это не страшно. Но я, замещая народ, которому Вы заткнули глотку, которого Вы заточили в тюрьмы, обрекли на изгнание, я как должностное лицо, которого Вы лишили его достоинств, преследуя его даже в ссылке, — я заявляю, что не могу простить Вас. Я не прощаю Вам кровь 15 000, вырезанных в декабре, гибель французов в Ваших тюрьмах и африканских землянках в муках и страданиях ссылки. Я не прощаю Вам бесстыдного предательства, с которым Вы отреклись от законодательства, именем которого присягали, и республику, которая вернула Вам родину. Наконец, я не прощаю Вам того преступления, что Вы обманом и угрозами обесчестили право всеобщей свободы, наложили ярмо на мою отчизну и разрушили ее нравственность своевольно и сознательно. Да, вдали от семьи, вдали от родного края жизнь преподносит немало горечи, но в рабстве она должна быть горше. В тот день, когда свобода, право и справедливость — эти величественные изгнанники — возвратятся во Францию, чтобы покарать тебя наисправедливейшей карой, в тот день вернусь и я. Этот день хотя и запаздывает, но он настанет, и я умею ждать».

Уважающий Вас соотечественник

Цатур Погосянц[1].

ДНЕВНИК

ИЗ ЕЖЕДНЕВНЫХ ЗАПИСЕЙ ГРАФА ЭММАНУЭЛА

20 *апреля.* Сегодня я утомлен и довольно слаб, но недомогание не очень тяжелое, терпимое. Ныне Дневник обогатится разговором с г-ном X.., явившимся ко мне, вопреки всем правилам вежливости, в ночном халате.

После дружеских приветствий мой гость первым делом спросил о новостях, но ничего нового, достойного внимания, я не знал. Г-н X. начал беседу с вопроса:

— Читал 16-й номер газеты «Мегу Айастани»[1]?

— Нет, не читал, — ответил я, — так как не получаю ее.

— Жаль, что не читал. Ее издатель — отец Степанос Мандинянц выступил столь мужественно и так разнес Назарянца и Налбандянца, что трудно даже передать. Поверь, он поставил их в такое положение, что они оба, я думаю, раскаялись в написанном ими — особенно перед лицом столь могучего и ученого противника.

— Я глупостей не читаю, мне недосуг заниматься бредовой болтовней невежественных людей, и не думаю, чтобы Назарянц и Налбандянц раскаялись в написанном ими перед лицом, как ты говоришь, «столь могучего и ученого противника». Правда, в ваших глазах какой-нибудь неуч, набитый тысячами всевозможных предрассудков, возможно и почитается и уважается, и вы, быть может, готовы назвать такого человека ученым, но мое мнение об издателе «Мегу» весьма нелестно.

— Об отце Степаносе Мандинянце?..

— Чему ты удивляешься? Чем знаменит этот человек?

— Отец Степанос Мандинянц?!.

— Да, он. Почему так настойчиво переспрашиваешь?

— Потому что он просвещенный, умный человек, европеец, а издаваемая им «Мегу» — ученая газета, которой он надеется просветить армянскую нацию.

Тут я оказался не в состоянии сдержаться от хохота, бурно вырвавшегося из моей груди. Г-н X. с недоумением взглянул на меня и, скорчив кислую мину, с большим неудовольствием продолжил: Сударь, позволь мне заметить, что ты ничего не смыслишь в ученых делах. Отец Степанос Мандинянц несколько лет был письмоводителем у католикоса Нерсеса; не будь он просвещенным, умным человеком, европейцем, разве стал бы католикос держать его при себе? Не знаю, что и думать о тебе. Раньше я думал, что ты кое в чем осведомлен, а теперь, прости за смелость, вижу, что ты полный профан в ученых делах.

— Охотно прощаю, — ответил я, — можешь говорить все, что угодно, ибо больному и сумасшедшему все простительно: строгость закона и приличия в обоих этих случаях смягчаются; будучи и тем и другим, ты можешь говорить свободно. Но прошу понять одно: факт пребывания издателя «Мегу» в роли письмоводителя у католикоса вовсе не доказательство его учености, просвещенности и европеизма: кондак[1], который, десятки раз переписывая и разрывая, сочинял, наконец, католикос, отец Степанос Мандинянц лишь регистрировал в книге.

Не успел я закончить, как г-н X. воскликнул:

— Это злословие! Ты возводишь поклеп на католикоса! Как ты смеешь?..

— Я говорю правду, в моих словах нет лжи. Кто может преградить дорогу истине?

— Истина, истина!.. Но ты забываешь, что, провозглашая эту истину, ты разоблачаешь недостатки и позор нации. Если с выяснением той или иной истины связано разоблачение национального позора, да сгинет такая истина! В этом случае лучше ложь, прикрывающая недостатки нации. Носитесь вы с ней — истина да истина! Что пользы от истины, разрывающей сердце нации?

— Сударь! Не твоего ума дело судить об истине и понять ее цену и достоинство. Сам Христос был истиной и во имя истины принял смерть на кресте. Конечно, тебе этого не понять, но я должен сказать одно: ни тебе, ни твоим друзьям мракобесам-заговорщикам не удастся

закрыть мне рот, чтобы он не изрекал истины. Ваше сильное и несокрушимое упрямство не может привести ни к чему иному, как только принудить меня оповестить о нынешнем положении армянского народа весь мир — на армянском, русском, немецком, французском и латинском языках, призывая ученых этих народов понять наши нынешние национальные потребности или возникшие задачи просвещения и вынести беспристрастный приговор. Зачем избегать открытого обсуждения наших национальных дел? Зачем стремиться скрыть под покровом мрака наши раны, которые, столько лет оставаясь скрытыми от врачей, ныне нуждаются в величайшем хирургическом искусстве? Да, истина, проповедуемая нами, возможно, колет сердце нации, но нож — единственное средство для удаления застарелой гниющей язвы из здорового организма. Ты говоришь, что, проповедуя истину, я обнажаю недостатки нации. Если даже это и так, то ни с какой иной целью, как только с той, чтобы сердобольные члены нации, мало-помалу постигнув сущность дела, принялись за поиски лечебных средств. Я обнажаю эти недостатки не для того, чтобы, подобно какому-нибудь гнусному злопыхателю, смеяться над ними или, осудив, беспечно пройти мимо них. Нет, эти недостатки терзают мне сердце и исторгают немало слез. У меня нет намерения позорить человека или нацию, боже упаси! Но то, что я говорю, говорю как служитель правды: в моих глазах истина ценнее всех драгоценных сокровищ, всех богатств мира.

Эти слова несколько успокоили г-на Х., и он, придав разговору совсем иное направление, сказал:

— Ладно, не сердись, не сердись! Мы зашли слишком далеко. Я говорил об отце Степаносе Мандинянце, который в 16 номере своей ученой газеты «Мегу» опозорил Назарянца и Налбандянца[1], — что ты скажешь на это?

— Чем же он опозорил их? И что за богатырь этот поп, что так разгромил и сокрушил Назарянца и Налбандянца? Поверь: если бы они считали достойным заняться им, тогда «Мегу» и ее издателю пришлось бы очень туго, до того туго, что понадобилось бы приложить шпанскую мушку к груди «пчелы», чтобы, вытянув грязные соки, открыть дорогу свободному дыханию.

— Издатель «Мегу» опозорил Назарянца тем, что считает его профессорство фиктивным и его мнения ошибочными, главным образом — об армянском языке; Назарянц

утверждал, что армянский язык произошел от одной из ветвей санскритского языка, в то время как Чамчян, Агверян и Инчичян доказывают первородство армянского языка, считая его языком Адама. Налбандянца он опозорил за то, что он назвал некоторых замечательных армянских ученых схоластами. Ну, теперь понял, за что и как опозорил он их?

— Звание профессора Назарянца, братец, не такое фиктивное дело, как магистерство некоторых лиц[1], полученное от какого-то высокопоставленного частного лица. Звание профессора Назарянца утверждено государственными законами. Возможно, что издатель «Мегу Айастани» считает его недействительным по той причине, что Назарянц не получил свое ученое звание от такого же частного лица. Надо знать и то, что Назарянц и не принял бы такого почетного звания от человека, не имеющего права давать его: разве какое-либо высокопоставленное лицо является университетом, академией или еще чем-нибудь, чтобы раздавать ученые звания? Эти звания достигаются большими и учеными трудами и предоставляются университетскими и академическими учреждениями. Именно таким путем достиг Назарянц звания профессора, и никто не вправе отнять его; если же в самом деле, как ты говоришь, издатель «Мегу» осмелился посягнуть на его звание, будь уверен, что за это он будет отвечать перед судом государства. Что же касается твоих слов об армянском языке, мне стыдно отвечать на них, мне стыдно признаться, что и теперь еще имеются среди армян люди, которые, заблуждаясь, думают с совершенно ребяческим ложным бахвальством, что армянский язык — язык Адама. Налбандянц нисколько не согрешил, назвав схоластами тех малограмотных людей среди армян, которые, как и сам издатель «Мегу», выдают пасквиль за критику, аиста за павлина, как говорит Налбандянц[2]. Вообще, внимательно читай «Юсисапайл» и увидишь, что он всецело предан истинной пользе и воспитанию армянского народа.

— Я не вдумываюсь глубоко в ученые вещи, — ответил мой гость, — но что касается коммерции, и притом практической коммерции, ее я знаю лучше, чем издатель «Юсисапайла». В трех номерах «Юсисапайла» я нашел только одну статью о коммерции и хотя и не читал ее, но знаю, что она глупа, ибо не думаю, чтобы она соответствовала моей коммерческой теории.

— Как ты самолюбив! Неужели глупо все, что не согласуется с твоей теорией?

— Да, поскольку моя теория коммерции определенно полезна.

— В чем же заключается твоя столь полезная теория в области коммерции?

— Прежде всего, чтобы на товарах, производимых внутри страны, стояла изобретенная мудростью Карла Боско печать таможни... в доказательство якобы их заграничного происхождения. Во-вторых, поскольку приказчики, служащие в моем магазине, будучи чужды интересам хозяина, всегда тайком растрачивают мои средства и наносят этим большой ущерб, то при уходе их со службы, даже если кто-нибудь из них прослужил лет десять и был мне полезен, следует, по моим правилам, чтобы не оставлять их моими должниками, получить с них вексель на несколько сот рублей согласно составленной по моему мудрому расчету сумме, взятой ими сверх причитающегося им жалованья. Вот главный столп моей коммерции, главная опора, на которой зиждутся все мои магазины, и тут... и там... и всюду, и т. д. Если эти правила укоренятся среди армянского народа, они могут стать главным источником богатства нации.

— Дорогой мой, — ответил я, — из твоих правил первое — мошенничество и контрабанда, а второе — грабеж; оба предосудительны и по божеским и по государственным законам. Как можно восхвалять коммерцию, основанную на подобных антихристианских правилах? Позор тебе, что занимаешься такими делами! Кто знает, сколько бедных армянских юношей были обездолены твоим варварством, и накопив такими грязными путями свое богатство, ты осмеливаешься есть хлеб, купленный ценою чужого труда...

— Какой ты непонятливый человек! Я говорю с тобой не о философии: тут речь идет о коммерции.

— А разве коммерция такая уж безоговорочно скверная вещь, что непременно должна быть основана на дьявольских правилах? Нет, нет! Коммерция — святое дело, и нужно быть справедливым и совестливым и на этом поприще. Все, что создано, — благо, и надо быть осторожным, не грешить против справедливости и не осквернять святость какого-либо дела.

— А ты думаешь, богачи на свете праведными путями накопили свои богатства? Нет, ты ошибаешься. Очень часто это богатство куплено ценою крови, очень часто ценою величайших лишений и страданий многих. Тайны, применяемые вообще коммерсантами, непостижимы для тебя и подобных тебе людей: вы со своей нравственностью и истиной никогда не наживете приличного состояния.

— Если и не наживем, по крайней мере совесть наша чиста и душа спокойна; нет по крайней мере человека, который сказал бы, что такой-то присвоил мои деньги, обобрал меня, а сам разбогател. А что все богачи, как ты говоришь, нажили свое богатство кровью, обманом и другими преступлениями — с этим я не согласен. Есть люди и праведно зарабатывающие.

Когда я кончил, г-н X. поднялся с места и, прощаясь, попросил меня к себе в гости. Я удивился его бесчувственности: после столь резкого разговора оставалось ли место взаимным любезностям и приглашениям? Наконец, г-н X. ушел...

Весь разговор с ним я записал в Дневник. В этой беседе меня удивляет одно: как некоторые люди дают доступ в свое сердце злословию и придают значение бредням «Мегу Айастани». Но не следует забывать поговорку Лазаря Парпеци: «Свинье перед свадьбой — ванна из нечистот» — таким невеждам и упрямым детям мрака такую и газету...

---

1 мая. Думаю о том, до какой степени плачевна участь мнительных людей, — чему видел немало примеров. Эти несчастные люди не могли спокойно проглотить куска хлеба; всякая мелочь нарушала покой их маленькой души, шелест листьев на дереве чудился им громом с молниями. Кто не заметил этого, да будет впредь внимательнее, и я не сомневаюсь, что он будет скорбеть о том, что природа так обидела этих людей. Ими владеет какой-то рабский страх: страх перед чужим, перед родным, перед семьей, страх перед другом, перед врагом, перед дальним и ближним — они сами — олицетворенный страх, самый небосвод создан будто для того, чтобы обрушиться на их головы и уничтожить их. Прискорбная мысль! Имеется ли хоть какая-либо естественная причина, придающая столь рабское направление душе этих людей? И нужно ли искать

эту причину в их физической природе или лишь в моральной сфере? Были ли эти люди ограблены или сильно обмануты и потому ныне впали в это жалкое состояние или же эта мнительность явилась следствием их же злодейских, коварных и тому подобных проступков, словом, их же душевной аморальности?

Мои размышления были прерваны вошедшим почтальоном. Привожу точную копию полученного мною письма.

14 апреля, 1858. Редуткале.

Милостивый государь граф Эммануэл!

По нескольким номерам «Юсисапайла», попавшим мне в руки, я вижу, что вы сотрудничаете в этом журнале. Душевно рад, что ваше призвание и положение в свете не препятствуют вашему участию в столь добром деле,— ах, если бы и я мог как-нибудь быть полезным успеху этого общего национального дела! Да, хотелось бы мне время от времени посылать в этот почтенный журнал свои заметки, но сомневаюсь, найдет ли возможным г-н Издатель отвести место моим писаниям в своем издании.

Не будучи знаком ни с г-ном Издателем, ни с г-ном Налбандянцем, являющимся, как вижу, главным сотрудником г-на Издателя, пишу вам это письмо с надеждой, что вы окажете мне посредничество с журналом «Юсисапайл», если случится мне выслать работу для опубликования. Я читаю здесь газету «Мегу Айастани» и очень часто вижу в ней такое, что недостойно быть произнесенным, тем более напечатанным в осквернение изобретения Гуттенберга. Не знаю, получаете ли вы эту газету, если не получаете, то ничего не теряете. У ее сотрудников не видно твердых убеждений, и сама газета не имеет своей заветной установки, определенной цели, которой стремилась бы достигнуть. Это пошлая и жалкая газета, которую ждет судьба «Кавказа»[1] и «Арарата»[2]. Видеть не могу органа, который, прикрываясь национальной маской, а по существу, будучи основан из материальных побуждений, готов допустить всякого рода низость, лесть самолюбию легкомысленных и близоруких членов нации и таким путем подладиться к ним и распространять номера своей неуклюжей газеты в погоне за деньгами. Таково мое неутешительное мнение о «Мегу». И я, имея непрерывную переписку с Тифлисом, вижу,

что там люди умные и толковые придерживаются этого же взгляда. Некоторые мои приятели, узнав о моем желании подвергать ее время от времени критике, заявили, что не стоит обращать внимание на столь пустяшное дело и, вступая в спор с ее сотрудниками, унижать свою личность. Я с этим вполне согласен, и если бы это дело не имело никакого отношения к нашему народу, если бы «Мегу» не распространяла в народе глупых идей, поверьте, что, следуя совету моих друзей, я не помянул бы даже имени ее.

Ныне посылаю несколько замечаний по поводу статьи г-на Исаакянца «Призыв к патриотизму», помещенной в № 14 этой «Мегу Айастани» от 5 апреля...

Будьте здоровы!

Всегда готовый покорный слуга
Серовбе Хачатурян Шахбек».

...Замечания г-на Шахбека на статью г-на Исаакянца «Призыв к патриотизму», напечатанную в № 14 «Мегу Айастани».

В своем писании г-н Исаакянц проявляет свою сущность. Чувствуется, что он благомыслящий молодой человек, наделенный живым воображением, но в его писании не видно и следа какого-либо образования. Во многих местах страдает логика, и поэтому г-н Исаакянц и сам не знает, на какую чашу весов положить свою гирю. Причину отставания нации в области просвещения этот господин видит в том, что служит подлинным средством для ее прогресса, т. е. в разоблачении невежества, которое в последнее время, по свидетельству г-на Исаакянца, проводится некоторыми работниками пера. Г-н Исаакянц говорит, что это было бы уместно лишь в том случае, «если бы соотечественники наши, заблудившись и погрязши в «торговле голубями» и «меняльном деле», превратили храм национальной науки и прогресса в разбойничий вертеп». После этих слов, произнесенных довольно спокойным тоном, автор сразу сбрасывает маску и выступает на авансцену, вопя: «Что это за суд, который вершат наши литераторы? Что это за патриотизм, когда, взявшись за топоры и косы, заострив языки, они начинают порицать нацию, нанося ей рану за раной? Ах, доколе нашей несчастной нации стонать и мучиться под этим каторжным ярмом? Доколе будут сыпаться на нее

тяжелые камни порицаний, клеветы и сплетен, плевки и грязь? О, господа, нация не может быть воспитана таким путем; воплями и причитаниями она не вернет утраченного — детство любит ласку, любит негу, любит лелеяние...»

Непонятно, г-н Исаакянц, где это у армянского народа «храм науки и прогресса», который бы, как говорите вы, «не был превращен в разбойничий вертеп», поэтому, мол, не пристало зря винить нацию? Мы тоже, как и вы, сыны народа и причастны к его славе и позору, к его богатству и нужде, знакомы с его силой и слабостью, но, несмотря на все это, нигде не видим ничего, что принадлежало бы простому народу, не видим ни единого деревца, посаженного народом в дружном сотрудничестве,— а резкие, но правдивые обвинения братьев-соотечественников исходят именно из отсутствия всего этого. Пожалуйста, покажите нам двух армян, которые совместно подумали бы над прогрессом нации, позаботились бы об образовании и просвещении детей народа. И как же вы, пренебрегая этой очевиднейшей истиной, пытаетесь обрушиться на некоторых людей за то, что они, проповедуя правду, ставили себя под град сплетен и клеветы со стороны болезненных и близоруких людей? Вы говорите, что возводить такое обвинение на нацию было бы уместно в том случае, если бы соотечественники наши погрязли в «торговле голубями» и «меняльном деле». Дорогой мой, «торговля голубями» и «меняльное дело» осуждаются в евангелии как непристойное дело для божьего храма, и тогдашний порядок вещей не допустил бы, чтобы это происходило в церкви, но вне церкви, что же страшного в торговле птицами? Разве вам не известно, что в Англии имеются компании — и притом богатые компании,— занимающиеся птицеторговлей с Южной Америкой и Европой? И разве деятельность знаменитых европейских банков — дело малодоходное или безнравственное, что наши армяне, займись они этим делом, были бы достойны осуждения?

Неужели вы полагаете, что торговля армян нечто замечательное? Нет, дорогой, это — не торговля, и таким путем армянский народ никогда не преуспеет в коммерции. И мы не стали бы осуждать армянскую нацию, если бы она по-европейски занималась «торговлей голубями» и «меняльным делом».

В начале статьи вы говорите о нации вообще, но затем мы вдруг видим, что вы имеете в виду лишь нескольких лиц. Хотелось бы знать имена этих людей, столь возмутивших покой вашей души и заставивших вас разглагольствовать до тех пор, пока Муза с высот Масиса не оказалась вынужденной пресечь ваше красноречие...

Братец, дорогой мой, простите столь фамильярное обращение, когда и где вы видели, чтобы патриоты наносили раны нации? Вы спрашиваете: «Доколе будут сыпаться на нацию тяжелые камни порицаний, клеветы и сплетен, плевки и грязь?» Сначала скажите, кто эти люди, порочащие нацию, оплевывающие и чернящие ее? Никто не делал этого. Я вижу, что вы вместе с некоторыми другими членами нашей нации говорите в пылу фанатизма и лихорадочного бреда и потому не можете отличить печальные недостатки нации от самой нации. В ваших глазах, как явствует из ваших слов, имеют одинаковый вес и цену как нация, так и ее недостатки, и, если хотите, даже больше того: недостатки для вас предпочтительнее самой нации. Будь это иначе, вы не стали бы, отрекаясь от будущего благоденствия и просвещения нации, какие должны наступить после устранения недостатков, воскуривать фимиам идолам этих недостатков, не стали бы выдавать их за общенациональное качество нашего народа.

В действительности порочат нацию не те, на кого сетуете вы, ибо они вскрывают тщательно скрываемые язвы нации, предлагая хирургические средства лечения,— да, применяя и моральные огонь и железо! — а те лжепатриоты, которые, забравшись в телегу, впрягли в нее жалкую, несчастную пчелу («Мегу») и принуждают ее (сверх отпущенных ей природой сил) вывезти их на широкое поприще армянского просвещения. Эти лжепатриоты порочат имя нации перед каждым европейцем, ибо человек, не признающийся в своих недостатках, не обладает и чувством собственного достоинства.

Многие из армян стремятся к сокрытию и лжи. Но каждый сознательный и правдолюбивый армянин обязан карать и бичевать недостатки нации словом и пером, вскрывать и показывать их, пока народ, увидев на себе грязь, проникнется отвращением, омерзением и позаботится о том, чтобы очиститься и стать достойным участ-

вовать с открытым лицом в благах европейского человечества. Если мы как члены нации сознаем наше достоинство, следовательно, мы должны признаться и в наших недостатках, ибо только тот может говорить прямо и решительно о своих недостатках, кто сознательно признает свое достоинство. Следует без какой-либо малодушной подозрительности выявлять перед нацией ее темные стороны, чтобы доказать, что сила добра не может быть побеждена злом, а, наоборот, должна восторжествовать над ним и водрузить знамя добродетели над разгромленным замком злодеяний. Г-н Исаакянц, просим вас не беспокоиться о том, что из-под руин Армении донесется до вашего слуха справедливая неумолчная жалоба, мол, «какая польза от того, что имею тысячи ученых сынов и т. д.?». Армения знает свой путь и потому ни в коем случае не имеет права жаловаться. Армения еще не имеет ученых сынов, которых она вскормила бы своею грудью,— пусть эта воображаемая Армения заблаговременно подготовит родильный дом, где родятся ученые сыны, пусть заготовит молока и хлеба для их вскармливания, и только тогда она получит право сказать: «имею ученых сынов». Ученость сынов Армении, если и имеются такие где-либо,— не заслуга армянской нации. Каждый из нас, кочуя по германским, французским и русским университетам, перенося тысячи лишений и коротая дни и ночи на чужбине, получил на свою долю несколько лучей от общего света человечества. Если есть у Армении жалоба, пусть она обрушит ее на беззаботность и небрежность своих богатеев и духовных князей, и вы, г-н Исаакянц, подайте этот совет Армении; эту миссию мы взяли бы на себя и не стали бы обременять вас, если бы мы находились ближе к подножью Масиса и Муза его была бы нашей собеседницей. Мы сомневаемся, кстати, и насчет вашего собеседования с нею: быть может, вы в своем пылком воображении приняли за голос Музы Араратских вершин голос тифлисских наемных кликуш. Тем паче, что музы не обитают на Арарате: эти нежные существа могли бы по неосторожности подвергнуть себя опасности сильной простуды и заболевания нервной лихорадкой (febris nervosa), что причиняют зачастую холодные ветры, дующие между Араратом и Арагацом. Жилищем муз мы признаем Парнас, но мы знакомы также с нашим народным преданием о том, что у подножья Арарата имеется

некая яма, названная адом, куда частенько попадают люди...[1]

Отвергая способы воспитания, предлагаемые другими, вы, милостивый государь, обнаруживаете в высшей степени слабое знакомство с педагогикой. Вы говорите, что детство следует воспитывать ласково, нежно, лелея и т. д. Вы не знаете, что все это настолько ядовитые элементы, что, проникая в процесс воспитания, могут пресечь его ход, и человек, получивший воспитание по вашему методу, станет весьма безнравственным человеком. Мы вас просили бы взять на себя небольшой труд ознакомиться с законами педагогики, и вообще было бы неплохо для вас получить основательное образование в какой-либо добропорядочной школе, ибо вы по милости училища «Нерсесян» далеко не уйдете[2]. Впрочем, как хотите,— только это совет от чистого сердца.

«Так вот, господа,— заявляете вы, г-н Исаакянц,— если мы патриоты, если мы почитаем патриотизм гордостью, то сделаем так или этак». Делайте как хотите, дорогой мой, и мы от всей души будем рады прогрессу, если вам удастся достигнуть его. Но мы не согласны, послушавшись вас, пасть к ногам наших очерствевших богачей, фетишизировавших свое богатство, с тем чтобы именем народа выкачивать из него средства. Мы в этом имеем некоторый опыт, и терпкий вкус наших богачей несколько знаком нашим зубам. А если вы не пробовали, попробуйте, и придет время, когда вы сами признаетесь в той истине, что армянский богатей охотно выбросит последнюю монету из своей мошны на еду, наряды, вино, роскошную жизнь, на приобретение пустой и преходящей славы, но для народного дела, для какой-то добродетели, не сулящей немедленного вознаграждения, он с большим трудом развязывает свою мошну: его рука не привычна опускать серебро на такие цели в национальную кассу. Да, милостивый государь, говоря о чем-либо, не следует забывать среду, в которой происходят эти события!

Служение правде — единственная задача нравственного человека, и горе тому, кто правду другого стал бы измерять мерилом дружбы или вражды! Подлинный патриот должен говорить правду. Да, правда совершенно невыносима для таких людей, которые со дня рождения посвятили себя служению лжи, но что поделаешь,— это

вовсе не ново под луной, и мыслящие люди уже давно убедились на опыте, что правда всегда терпит гонения и является причиной гонения ее служителей. Для такого несчастного служителя правда не раз открывала дорогу к эшафоту, не раз поднимала его на костер. Вы, конечно, читали «Пророк» Лермонтова. Там говорится:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

И в самом деле: правда — нечто такое, что служит причиной отдаления людей друг от друга; сам учитель правды предсказывал, что его проповеди, его правда должны будут привести к расколу. Но скрывать и маскировать правду в угоду миру — дело дьявола, чур нас — мы в этом неповинны! Пусть будем оклеветаны за правду — не беда, лишь бы глас божий не говорил в наших сердцах, что мы согрешили перед правдой.

Свою статью вы заканчиваете тем, что хулить нацию, причитать над нею и оплакивать ее считаете бесполезным для нации. В доказательство своих слов вы ссылаетесь на плач Хоренаци над армянским народом и говорите, что этот четырехтысячелетний плач не дал никаких результатов и т. д. Следует знать, что никто из правдолюбивых авторов не был еще пасквилянтом: эта роль вместе с хвастовством выпала на долю армянских однобоких ученых, число которых вы возводите до числа бьюр[1]. В ваших глазах, быть может, десять тысяч имеет весьма небольшое значение, но мы считаем, что это — большая величина. Точно так же мы считаем недостойным бабий плач и стенания, вызываемые большей частью отчаянием, между тем мы как христиане подлежим осуждению, если, потеряв надежду, бросимся в море отчаяния. Вы говорите, что плач Хоренаци ни к чему не привел, но не Хоренаци повинен в этом. На белом свете то, что называется голосом, существует для того, кто обладает слухом: имеющий уши да слышит! А для армянского народа многое проходит как «глас вопиющего в пустыне». Вы хотите оправдать Хоренаци, говоря, что обстоятельства насильно исторгли из его уст этот плач. Во-первых, милостивый государь, Хоренаци не нуждается в защите подобных нам адвокатов, особенно потому, что

в сказанном им нет ни слова неправды. Во-вторых, этим утверждением вы показываете свое слабое знание армянской словесности. Возвратившись из Александрии, Хоренаци не нашел Армению в том состоянии, в каком, прощаясь, оставил ее. Царство Аршакидов и патриаршество из рода Просветителя пресеклись, когда он с величайшими надеждами ступил на землю Армении для распространения эллинистического просвещения, и, бессердечно принятый армянскими князьями, подвергшись грубым гонениям со стороны духовных мракобесов, этот благородный и почтенный человек, каким был Хоренаци, должен был написать обо всем правдиво и искренне. Кроме этого плача, он написал также и проклятие армянским католикосам; оно, повидимому, было уничтожено монахами, как и другой его труд, названный «Историей католикосов»![1] Прошу прочитать «Письмо» Лазаря Парпеци, написанное им владетельному князю дома Мамиконянц Ваану (опубликовано в Москве в 1853 г.). Вы узнаете из него, что армянские монахи, до самой смерти подвергая Хоренаци гонениям, и после смерти не примирились с этим почтенным старцем: своими оскверненными руками они вырыли его заветные останки из могилы и бросили в воду. Тут не лишне будет спросить, с какого времени вы начинаете летосчисление, что относите жизнь Хоренаци на четыре тысячи лет назад? Судя по обычному летосчислению, он жил около тысячи триста — тысячи четыреста лет тому назад, ибо этот светлой памяти человек жил в 370—489 гг. после Христа.

Итак, г-н Исаакянц, мы заканчиваем наши замечания, которые, возможно, покажутся вам неприятными, и даем вам братский, если соблаговолите принять, совет: когда пишете о чем-либо, не примыкать к той или иной противоборствующей группе, говорить хладнокровно и оставаться верным законам логики...

Лежит ли причина добродетельности или безнравственности человека в самом человеке или в окружающем его обществе? Мог ли человек, ныне добродетельный, быть человеком безнравственным, будучи вскормлен и взращен в низменной среде, или человек безнравственный мог ли быть добродетельным, находясь в доброде-

тельной среде? Такими размышлениями занята моя мысль в эту минуту, 30 мая, когда вношу в Дневник эти строки.

Многие опыты и примеры четко отвечают на этот вопрос: да! И мои собственные наблюдения наряду с наблюдениями многих других людей положительно утверждают, что человек при рождении не носит в себе начала или элемента добродетели или безнравственности, эти качества души являются следствием влияния хорошей или дурной среды.

Печальный факт! Человек, который мог быть добродетельным, становится безнравственным существом, злодеем, достойным осуждения и человеческим и божеским судом.

Давайте-ка несколько обсудим этот вопрос — применительно к физическому и моральному мирам — и посмотрим, имеются ли такие законы в естественной и моральной сферах, которые допустили бы подобные изменения?

Возьмем какое-либо растение, которое росло, скажем, в Армении, перенесем его на почву России и будем наблюдать, сохранит ли оно свои природные качества, какие оно имело или должно было приобрести, оставаясь на своей родной почве? Для разрешения этой задачи нужно изучить те условия, под влиянием которых должно было формироваться это растение. Каковы эти условия? Почва, климат, вода. Если несомненны отличия почвы, климата, воды Армении и России, можно ли допустить, что растение, перенесенное из Армении в Россию или из России в Армению, сохранит неизменным свое основное свойство, в то время как меняются причины, влияющие и воздействующие на него, может ли это быть, когда существование, рост и формирование этого растения зависят от почвы, климата и воды? Возьмем какое-либо растение или дерево, скажем — пшат (лох), приносящий в Армении сладкие плоды. Будучи посажено на юге России, это дерево теряет свойство плодоношения, хотя и цветет благоуханными цветами. То же дерево, будучи посажено в Центральной России, теряет и свойство цветения. Что это значит? Имело же это дерево в себе органы плодоношения? Ведь ничего не разрушилось и не исчезло в его внутренней структуре? Почему же оно подвергается столь чувствительным изменениям? А потому, что изменяются внешние условия воздействия на него,

а оно — по законам природы — могло лишь в том случае сохранить свое основное свойство, когда между ним и внешней средой была некая гармония, некое соответствие. Если таков опыт, значит человек, чтобы придать растению желательные ему свойства, должен содержать его в такой среде, результаты воздействия которой соответствуют его замыслу. Только так.

Возьмем теперь какое-либо животное, родившееся, скажем, в Южной Америке, и перевезем его в Армению. Могло ли бы случиться так, что оно, оставшись в живых, сохранило бы свои свойства — скажем, обычные размеры тела, способность к деторождению, качество шерсти, его цвет и характер? Впрочем, не надо было и ехать так далеко, возьмем пример поближе. Крупные длинношерстые кошки, перевезенные из города Вана в Эчмиадзин, спустя несколько поколений теряют это свойство своей шерсти и постепенно становятся такими же, как местные кошки, лишь слегка отличаясь от них, хотя никакой естественной связи между этими кошками двух различных мест не было. Точно так же кошки, привезенные в Россию из Сибири, теряют свойства своей шерсти. Таких примеров много, но и из немногих, приведенных нами, мы видим, что законы естественного мира допускают в индивиде революцию, хотя изменилась только его внешняя среда.

Перейдем теперь к миру нравственному. Возьмем у какого-либо добродетельного человека ребенка, у которого характер еще не сформировался, и поместим его в компанию воров и разбойников. Встретившись с ним через несколько лет, не увидим ли мы, что он стал кровожадным разбойником и вором? Или, наоборот, если бы мы взяли у разбойника ребенка, у которого характер не был еще сформирован, у которого еще не было сознания, взяли и отдали в руки добродетельного воспитателя, затем определили его в благоустроенную и добродетельную школу, а потом окружили добродетельными людьми, мог бы этот ребенок, став совершеннолетним, смотреть без отвращения на предосудительное дело своего отца или своих братьев? Ни в коем случае. А почему? Потому что он не видел, чтобы в его окружении творились как нечто обычное такие злодеяния. Напротив, в душу его были посеяны семена добродетели, которые постепенно росли и укоренялись; ему постоянно твердили, как отвратительны и омерзительны эти беззакония и злодеяния, его учили

познать себя, своего друга, свой народ и человечество. Ребенок, чей характер еще не сформировался, подобен зеркалу: в нем отражается то, что показываешь ему; в руках окружающего его внешнего мира и общества он словно глина в руках гончара: можешь придать ей любую форму.

Ребенок растет, раскрываются его душевные способности, но эти способности находятся в состоянии некоторого безразличия; эти способности, проросшие и безразличные, подобны вспаханной земле: на ней вырастет то, что посеешь. Такие дети, особенно те из них, которые наделены большей энергией, недолго остаются в состоянии безразличия. Пробудившись, их душевные способности очень часто следуют случайному направлению. Если они находятся среди добродетельных людей, то и сами становятся изо дня в день добродетельными, если же находятся среди безнравственных людей, совершенно естественно, становятся дурными. Хотя формирование добродетельности и безнравственности требует времени, но признаки их проявляются сейчас же, в небольших, конечно, дозах, и понимающий и наблюдательный человек их заметит, если поживет с таким ребенком хотя бы короткое время.

Такие опытные исследования убеждают, что добродетельность или безнравственность человека — дело обстоятельств и зависят от его воспитания и образования, от его общества и среды...

Добродетельность и безнравственность человека зависят от его воспитания: пожинается посеянное. Человек, желающий, чтобы его дитя было нравственным, пусть прежде всего сам будет примером добродетельности для своего сына, пусть не только дни и ночи проповедует добродетель своим детям — этого очень мало,— но и дела свои приводит всегда в полное соответствие со своей проповедью. В противном случае ребенок сейчас же заметит противоречие между проповедью и делами своего отца, и это станет для него камнем преткновения и источником соблазна.

Всякий разумный человек хотя и обязан постоянно и в точности соблюдать и чтить священные законы нравственности, но с особенной строгостью он должен сам соблюдать их, если живет с детьми. Малейшая неосторожность, одно неуместное слово, одно непристойное

действие, допущенное при ребенке, подобно искре, которая, попав в легко воспламеняющийся материал, вызывает большой пожар и бесчисленные разрушения...

Нет сомнения, что знания и науки, преподаваемые в школах и университетах, имеют очень большое значение для учащегося или студента, но не меньшее, если не большее значение имеет первоначальное семейное воспитание ребенка его родителями. Очень часто ребенок, получив дома низменное направление души, с раннего возраста расположив свою душу ко злу, в дальнейшем, получив образование в образцовой школе или университете, превращает просвещение в орудие зла в своих интересах и стремится с его помощью породить и оформить те злодеяния, которые давно были зачаты в его сердце, но не были рождены, поскольку в то время он не имел возможности претворить свою идею в жизнь. Домашнее или родительское воспитание ребенок получает главным образом от матери; следовательно, надо прежде всего уделить большое внимание образованию и воспитанию девочек — для подготовки знающих и добродетельных матерей. Без попечения об этом невозможно никакое совершенное и всеобщее просвещение любого народа. Ребенок должен быть обучен и воспитан матерью; вслед за молоком мать должна кормить свое дитя духовной пищей, после чего только школьное и университетское образование может вызвать в таком юноше желательные последствия.

При таком взгляде на эту сугубо важную и весьма значительную проблему, какого сурового осуждения достойны те родители, которые, располагая всеми материальными возможностями, пренебрегают воспитанием своих детей и, кормя их, одевая и, наконец, женив (или выдав замуж), считают, что целиком выполнили свой родительский долг. Долг этот — большой и священный — должен выполняться иначе; такое же выполнение его родителями, как указано выше, признается нами варварством.

Главной задачей и целью родителя должно быть не стремление оставить своим наследникам после себя побольше денег, огромное богатство, блестящий титул и т. д. и т. п. Не они суть элементы человеческой добродетели, они — нарушители добродетели, если человек, обладая всем этим, лишен истинного воспитания и образования. Главной задачей и заботой родителя должно быть преж-

де всего попечение о воспитании своих детей, ибо именно в воспитании содержатся семена будущей добродетельности, счастья или безнравственности и несчастья его ребенка.

Неправильно также такое воспитание и просвещение, когда родитель определяет своего сына в школу иной национальности. В этой чуждой среде он утратит свои подлинные качества, точно так же как растение или животное, перемещенные из своей среды, о чем было сказано выше. Каждый родитель должен отдавать сына в свою национальную школу, истинное воспитание должно осуществлять здесь. Всякое растение должно расти на своей почве, каждое животное должно жить в своем мире. Редко случается, чтобы из детей, посланных в чужие школы, нашлись такие, которые, уподобившись пчеле, пренебрегли бы ядом и, собрав лишь мед и воск, вернулись к себе домой. Это — очень тонкая проблема, поныне ускользавшая от внимания нашего народа...

Неоднократно употребляя выражение «национальная школа» и немедленно присовокупляя к нему определения «европейская», «многостороннее образование», считаем не лишним несколько остановиться на этой теме.

Говоря о национальной школе, я имею в виду не такие школы, о которых с радостью пишет «Мегу Айастани»: такие учреждения не заслуживают даже названия школы. По мнению обскурантов, уже большое дело, если монах или епископ назначает какого-либо дьячка учителем в какую-либо деревню, собирая вокруг него несколько учеников. Обскуранты готовы вознести этот поступок до небес, не подумав о том, что этот жалкий дьячок не знает ничего, кроме того, что дни и ночи, захлебываясь, твердит: «подай, господи!», «господи, помилуй!». Для нации безразлично, имеются ли такие «школы» или нет. Каждому здравомыслящему армянину ясно, что эти мракобесы хотят пустить пыль в глаза темной массе: вот, мол, какой патриот тот или иной монах или епископ, какой просвещенный человек, открывает школы; а проповеди его? Такую чудесную проповедь произнес о школе и о патриотизме, что ничего не поняли... Да славится он! Так и должно быть, конечно, давно уже наша нация нуждается в таких людях...

Нашему народу нужны люди, действительно думающие о народе, а не такие лжепатриоты, которые, прикры-

ваясь маской патриотизма, обувшись в железные сапоги, истоптали пороги городов и сел Армении, с тем чтобы злословить об одном, поносить другого и свои фальшивые достоинства приравнивать к достоинствам святых переводчиков Саака, Месропа и Хоренаци. Видели мы и таких из числа этих лжепатриотов, которые не знали даже грамматики своего языка, рожденные лишь для обмана и осмеливающиеся среди массы, отбросив всякий стыд и приличие, разглагольствовать, что ими подготовлены 400 учеников [1].

Кого они обманывают? Пусть идут в свои деревни и хвалятся перед поселянами, но каждое порядочное общество может вознаградить столь бесстыдную наглость лишь молчаливым презрением.

Школа, которая нужна нашему народу, не похожа на школу этих обскурантов; учителя последней, эти жалкие и несчастные существа на свете, недостойны переступить порог нашей школы без соответствующей подготовки. Школа, которая могла бы стать купелью просвещения для нашего народа, должна обучать своих учеников армянскому, греческому, латинскому, французскому, немецкому и русскому языкам, всеобщей истории, всеобщей географии, армянской истории, русской истории, археологии, законоведению, коммерческим наукам, истории коммерции, статистике, математике, физике, химии, общему естествознанию, сельскому хозяйству, механике, вероучению, чистописанию и рисованию.

Вот та школа, существования которой желали бы и всей душой жаждали бы мы все...

---

23 августа. Не могу отметить в Дневнике ничего нового, достойного внимания, ибо нет этих новостей. Говорю — *достойного внимания,* а отнюдь не такие ничтожные факты, какие публикуются в «Мегу Айастани» — зачастую с логикой, достойной сумасброда. Такие факты я считаю недостойным приводить в своем Дневнике, жалея время, которое было бы потеряно на них, и оберегая читателей от напрасного напряжения. До сих пор среди лжепатриотов господствовало одно направление: все, что принадлежит нации, считать похвальным и достойным внимания, и этим путем заслуживать доброжелательство нации. Мое направление — в противоположность этому —

совсем иное: *говорить правду* и стоять за нее. Нация, если она обладает разумом и понятием, познает правду, следовательно, нет сомнения и в ее дружеских чувствах ко мне; а если не поймет и, не сознавая своей пользы, будет клеветать на человека, проповедующего нации правду, и затем станет враждебной мне,— тоже не велика беда! Ибо только те слава и почет и те поношения и порицания считаются подлинными и заслуживающими внимания, которые являются следствием сознательности и здравомыслия. Для меня совершенно равноценны почет или поношение какого-либо глупца, ибо он глупец, и стыдно было бы мне ждать его суда.

Не хочу осквернять свое перо, расточая лживые похвалы и слагая дифирамбы кому попало, и предоставляю это бесславное занятие лжепатриотам, обскурантам, иезуитам и людям, зараженным духом Макиавелли. Пусть они, как делали до сих пор, продолжают и дальше стараться обмануть наш народ и, пуская ему пыль в глаза лживыми и ничтожными похвалами, представляют перед ним как добродетель его поступки и изо дня в день отдаляют народ от света правды и даже от помыслов о ней, чтобы тем легче, успешнее и более прочно сохранить адскую власть тьмы над нашим скорбным и несчастным народом. Чем вызвано такое направление этих людей? Что удерживает их столь прочно в своем упорстве? Но, ответив на эти вопросы со всей определенностью, не вызовем ли мы нового взрыва их ненависти к нам? Впрочем, не беда: мы уже говорили, что суд глупца недействителен, а что с глупостью тут сочетается в едином организме и обман, в том нет сомнений; их слово, мнение, их бредни не сто́ят в моих глазах и ржавого гроша. Итак, ответим на вопросы, которые могли быть заданы мне многими из нашего народа.

Побудительными причинами, заставляющими лжепатриотов, обскурантов прочно удерживать власть тьмы над нашим народом, являются чувство самосохранения, тщеславие и корыстолюбие.

Самосохранение. Если эти обскуранты с ребяческим или, лучше сказать, со старческим бредомыслием считают себя сто́ящими чего-либо в нашем несчастном народе и если наш народ, или хотя бы большая часть его, словно несмышленый ребенок, думает, что эти лжепатриоты, обскуранты, иезуиты и люди, проникнутые духом Макиавелли, что-то представляют собой, имеют какое-то

значение как люди в мире людей, то причина этого в некультурности нашего народа, в том, что он лишен просвещения. Пока народ остается в этом ужасном состоянии, вышеупомянутые лжепатриоты и прочие останутся в глазах нашего народа в той же роли, в которой пребывают ныне. Если же народ просветится, оглянется вокруг, обсудит свое прошлое, настоящее и предвосхитит будущее, а также позаботится об улучшении своей жизни,— в ту же минуту, словно от удара электрического тока, прекратят свое бренное существование все эти лжепатриоты и прочие мошенники, выдававшие себя за его вождей.

Дети тьмы отлично знают, что их ждет. Поэтому только во имя самосохранения они стремятся возможно более густыми тучами затянуть горизонт перед глазами народа, чтобы не потревожить его смертоподобного сна, в который он погружен тысячелетия. Напротив, напевая лживые дифирамбы, как колыбельную, над ухом спящего народа, они всячески крепят этот страшный сон.

Тщеславие. Сейчас простой народ пальцем указывает на этих господ, как на замечательных ученых, так как, будучи лишен просвещения, он не в состоянии отличить черного от белого. А если зажжется перед взором народа прометеев огонь просвещения, народ, несомненно, увидит, что люди, некогда бывшие для него предметом изумления, не что иное, как упрямые невежды, дети тьмы и служители лжи. И тогда народ не только откажет им в своем уважении, но и опозорит их и изгонит, разоблачив их мошенничество. Лжепатриоты, обскуранты, иезуиты, макиавеллисты отлично сознают это и потому стремятся,—дабы непрерывно взимать с народа дань своему тщеславию,— как можно крепче держать народ в рабской покорности, в вавилонском плену тьмы и невежества.

Корыстолюбие. Лжепатриоты и прочие друзья их, имена коих неоднократно упоминались мною, хорошо знают, что народ охотнее приобретет книгу или газету, которые хвалят его,— не беда, что эта лживая, обманчивая и ребяческая хвала — смертельный яд для народа, не беда, что народ, услышав такую хвалу, считал бы себя совершенным, без изъянов, и, следовательно, не заботился бы об устранении своих недостатков и различных пробелов. Когда же народ просветится и начнет сам соскребать с себя, как постыдное, эти пороки, которые лжепатриоты представляли народу как нечто похвальное и совершен-

ное, добродетельное,— тогда, вне всякого сомнения, лживые книги и газеты не только не будут сочувственно приняты народом, но будут осуждены им на публичное сожжение, как душегубительное орудие деспотии тьмы.

Наш народ долгое время,— вернее, с самого начала и по сей день, — воспитываясь в направлении, намечаемом лжепатриотами, руководимый ими, и в самом деле вторит, как эхо, голосу мошенников-лжепатриотов. Он привык ежедневно слушать похвалу, и потому сейчас голос правды кажется ему голосом вражды, доносящимся из чужбины. Достигая его слуха, этот голос огорчает его. Он говорит: что же это такое? До сих пор нас восхваляли, воздавали нам почести, а теперь несколько господ совсем иначе обращаются с нами. Почему вскрывают они наши недостатки? Почему демонстрируют наши язвы?.. Мы здоровы, мы ничем не больны, не нужны нам лекарства: *есть у нас Моисей и пророки*, и не нуждаемся мы в этих господах, ежеминутно ранящих нам сердца... Поэтому правда звучит для армянского народа, как глас вопиющего в пустыне, как ветер, о котором он и знать не желает — откуда и куда он дует. С другой стороны, лжепатриоты, оправдывая сетования народа, добавляют: какие вы странные люди! Зачем вы на свои деньги покупаете поношения по вашему адресу? Пожалуйте к нам!.. Вам не нужны их лекарства... Они дороги, мы вам по дешевке отпустим мышьяк — он очень полезен. И зачем вам жизнь и движение? Вы должны быть *лишь орудием* в наших руках, *мертвым телом*, нет у вас воли... и ни язык, ни разум не нужны вам, думайте нашим умом...

Таково наше нынешнее положение — та страшная язва, которая, веками подтачивая душу и тело нашего народа, ныне стремится окончательно умертвить его. И такие безобразия, как у нашего народа, всегда были и будут у некультурных народов. Во все времена новый порядок вел войну против старого порядка, свет — против тьмы, добродетель — против порока, правда — против лжи. Да, таков мирской порядок и такова воля провидения, чтобы проявились избранные.

Правдивая и верная жизни литература — зеркало, в котором отражается жизнь народа. И как ценно то зеркало, которое верно отражает образ поставленного перед ним предмета, так же ценна литература, верно отражающая жизнь и образ народа. И, наоборот, негодно кривое

зеркало, не отражающее предметов в точности, как и подобная ему литература. Такого рода литература, в которой аз выглядит ижицей, а ижица азом, — фальшива, как человек, надевший маску лжи.

Именно на такой литературе наживаются лжепатриоты армянского народа и прочие их друзья — честь и хвала им!

А литература, которая, оставаясь верной жизни народа, развивается ныне несколькими правдолюбивыми и дальнозоркими людьми, подвергается сейчас гонениям, и против работников этой литературы направлены отравленные стрелы воинов тьмы.

Следствием отчаяния является безумие, а для безумца не существует законного или пристойного, ибо нет у него ума, нет разума. В таком положении находятся ныне лжепатриоты, видя, что подлинно народная родная литература движется вперед, видя, что ее неустанные служители, презрев всякие преграды и препоны, стремятся раскрыть глаза народу и тем самым сравнять с землей имена и бесславную память лжепатриотов и прочих. Отчаяние приводит в бешенство противников правды, ибо ничто не может помешать правде размозжить голову чудовищу тьмы, которое веками высасывало кровь нашего несчастного народа, выжало из него последние силы и, превратив его в труп, в неподвижное и мертвое тело, торжествует свою победу.

Мракобесы, желая нанести вред публичным проповедникам правды, ставили перед народом западни соблазна. Они словом и пером твердили народу: подальше от проповедников правды как от хулителей народа; не принимать ни слов их, ни произведений! Но среди народа нашлись, слава богу, люди, полюбившие правду и принявшие ее; хотя и незначительно было их число, тем не менее они не навязывали свои произведения тем, кто их не просил, соблюдая христианскую заповедь: «Не мечите бисера перед свиньями, дабы не растоптали». Поэтому они были свободны от тяжелого и мало почетного труда газеты обскурантов — рассылать ее разным людям, не выписывавшим ее, а через несколько месяцев публично, на страницах той же газеты, требовать с них подписную плату. Мракобесы злословили о проповедниках правды, якобы «язык, которым они говорят или пишут, не годен и непонятен», но каждый, обладающий способностью ви

деть и слышать, понимать и мыслить, понял его; злословие не помешало, чтобы иные очистили свой язык, подчинили его определенным правилам, следуя руководству проповедников правды.

Хотя мракобесы и слепы, но на ощупь поняли, что проповедники правды не забыли слов Цезаря — age quod agis *, что они не перестанут действовать, пока не взойдет над мрачным армянским горизонтом солнце просвещения.

И теперь уже скоро. С любовью проститесь с вашей матерью-ночью, мрачнопочтенные обскуранты, скоро уже лучи солнца потревожат подслеповатые зрачки ваших глаз, которые, тщетно расширяясь, пытались в этой густой тьме увидеть что-нибудь. Знаю, что тяжело детям расставаться с родителями, но что же делать — закон природы, чтобы дети хоронили своих родителей...

Сентября 30. Вот и октябрь. Холодная ветреная и сырая погода начала омрачать сердце: небо как бы плачет над человеком. Часто выхожу в поле, но нет блаженства, какое чувствует человек в летнюю пору; деревья своим шелестом словно оплакивают листопад. Зеленые и свежие листья, которые месяца два назад служили нам зонтом от палящего солнца, ныне, увядшие и желтые, лежат на земле, под деревьями, и босые, большею частью голые дети поселян ищут в них орешки, не попавшие в руки сборщика. Осень, особенно на севере, очень печальная пора. Человек, наблюдая природу и видя, как она мало-помалу сдает свои жизненные силы и готовится погрузиться в сон, печалится, замечая в увядших листьях, как в зеркале, образ смерти или подобие человеческой жизни. Человек, находясь в условиях, где природа располагает душу и сердце к меланхолии, больше нуждается в утешении, чем тот, который живет среди вечнозеленой весны, сеющей с неба радость.

Надо знать, что моя жизнь в северной деревушке очень однообразна, и мне осталось одно утешенье — литература. Я очень радуюсь, когда меня посещает какой-нибудь значительный гость, ибо после его ухода тотчас же обогащается мой Дневник. Точно так же радуюсь,

---

* Делай, что делаешь, т. е. занимайся своим делом (латин.).

когда получаю от приятелей письма и извещения: они, занимая меня, рассеивают мою грусть.

Но и то надо сказать, что я не в одиночестве провожу свою жизнь: если увижу или услышу что-нибудь значительное, исключая скуку и печаль, к которым не хочу приобщать моих читателей и друзей, сейчас же вношу в свой Дневник, чтобы и другие, прочтя, были осведомлены.

Из писем или известий, полученных за последнее время, могу привести некоторые.

18 сентября 1858. Редуткале.

«Милостивый государь граф Эммануэл!

Твое долгое молчание могло послужить мне поводом предположить, что ты заболел, если бы не находил в нашем «Юсисапайле» постоянно печатающиеся отрывки из твоего Дневника. Как видно, ты очень занят и не имеешь времени писать — не беда, лишь бы сердца наши были близки друг другу. Я тоже выезжал на месяц в Самсун по своим торговым делам, что и послужило причиной моего молчания. Надеюсь, что теперь снова оживится наша переписка, особенно после января, когда навигация станет почти невозможной и я вынужден буду целых три месяца оставаться здесь взаперти. За этот период многое сумею сообщить тебе и, несомненно, обогащу твой Дневник, но сейчас совсем не располагаю временем: едва успеваю отвечать на письма самых близких друзей. Доказательство этому ты увидишь в нескольких моих замечаниях по поводу ответа г-на Исаакянца на мои первые замечания. Посылая их тебе, прошу доставить их издателю «Юсисапайла». Мне пришлось на неделю съездить в Анапу, и поверь, так полюбился мне этот г-н Исаакянц, что вчера утром все свое время на пароходе отдал этим замечаниям. A propos*, помнишь ли ты того толстопузого доктора-весельчака по фамилии Линдман, который выпивал 12 бутылок пива в день и которого мы видели в прошлом году в Мариенбаде? Недавно встретился я с ним в Трапезунде. Как мы обрадовались друг другу! Будто встретились сердечные друзья.

Он мне рассказал, что дочь твоего квартирного хозяина в Мариенбаде, Софья, которая так восхищала тебя прекрасным исполнением на фортепьяно увертюры к «Тру-

* Кстати (франц.).

бадуру», в январе этого года вышла замуж за какого-то англичанина-землемера и уехала в Индию. Каковы дела провидения! Где была она в прошлом году и где теперь? В Индии, на краю света, куда ее муж послан вместе с английскими войсками, как опытный топограф. Медико-физический совет минеральных вод Германии командировал Линдмана за счет государства в Турцию — в город Брусу для исследования тамошних вод. Но, как он рассказал, результаты опытов весьма неутешительны в смысле применения этих вод при лечении определенных болезней. Сейчас Линдман отдыхает в Трапезунде после долгого и утомительного путешествия по Азиатской Турции. Он думает с наступлением весны приехать в Россию, хочет побывать и в Эчмиадзине и просил меня сопровождать его в этом путешествии. Посмотрю, как сложатся мои дела, может и поеду — поцеловать испепеленные руины нашей Армении.

Пока не имею сообщить ничего другого, достойного внимания. Страшно утомлен. Будь здоров! Прошу не оставлять меня без твоих писем.

Твой брат

С. Х. Шахбек».

Некоторые замечания г-на Шахбека по поводу ответа Исаакянца (см. «Мегу Айастани» № 37, стр. 291).

Удивительное дело! Дожили до того, что даже добрый совет, преподанный нами, употребляется во зло, не достигает подлинной цели. 14 апреля сего года послал я г-ну графу Эммануэлу статью «Замечания к статье г-на Исаакянца «Призыв к патриотизму»», помещенную в № 14 «Мегу Айастани», и в конце этой статьи («Юсисапайл», май, стр. 385) обратился к г-ну Исаакянцу с братским советом: «Когда пишете о чем-либо, не примыкайте к той или иной противоборствующей группе, говорите хладнокровно, оставайтесь верным законам логики, законам истины».

Прочитав мою статью, г-н Исаакянц, вместо того чтобы признаться в полной своей беспомощности в науке и поблагодарить меня за то, что я взял на себя труд прочитать его статью в «Мегу» и со всей прямотой пытался быть ему полезным, указал на недостатки этой статьи — сотворил новое чудо в № 37 «Мегу». Но, прежде чем написать эту статью, он положительно рас-

прощался с логикой, и без того не особенно любимой обскурантами. По правде говоря, я бы не хотел обращать внимание на «Мегу Айастани», не хотел бы никогда разбирать ее номеров, поскольку она ниже всякой критики. Но г-н Исаакянц с первого же раза полюбился мне, я и теперь еще люблю его, что поделаешь — все мы люди со слабостями: порою любим кого-нибудь, не будучи в состоянии объяснить и дать себе отчет, за что же мы его любим. Из-за этой моей любви к г-ну Исаакянцу некоторые люди, не знаю на каком основании, говорили даже, что Шахбек хочет взять г-на Исаакянца крестным отцом для своего сына,— странная мысль: из Кизляра в Редуткале приглашать крестного! Однако все это — вещи второстепенные, тем паче семейные; не следует заниматься ими — рассмотрим чудо г-на Исаакянца.

Прежде всего г-н Исаакянц в введении к своей статье поощряет и поддерживает издателя «Мегу Айастани», чтобы тот постарался и, если возможно, противостоял уготовленной судьбою кончине «Мегу». Однако тщетны эти поддержки и поощрения, так как всякий человек, умеющий мало-мальски читать и писать, смотрит на «Мегу», как на нечто жалкое и недостойное в области литературы. Во-вторых, г-н Исаакянц избегает прямого ответа на мой вопрос, очевидно невыгодный для него, и, всячески запутывая его, считает себя правым. Но это не так. Я требую точного и определенного ответа на мои вопросы, а на высказанное им отвечу с большой радостью. Вот мои вопросы, опубликованные в пятом номере «Юсисапайла»:

1. Указать очаг науки и прогресса нации... Указать двух армян, которые посовещались бы вместе о пользе и прогрессе народа.

2. Назвать имена тех господ, которые, понося и бесчестя армянскую нацию, возмутили душевный покой г-на Исаакянца и заставили его говорить до тех пор, пока Муза с вершин Масиса не была вынуждена прервать его.

Я прошу его указать мне очаг науки и прогресса нации, а получаю ответ, что «тут не место писать историю прошлого и нынешнего благоденствия и просвещения нации и что об этом он напишет особо». Как вам нравится, дорогой читатель, ответ г-на Исаакянца, соответствует ли он вопросу или не соответствует? Экий ловкач, словно ножом отрезал, откинул. Одна из причин моей

любви к г-ну Исаакянцу — это его остроумие, изумительное остроумие. Дорогой читатель, если после этого случится мне сказать, что у армян имеется великолепный университет, и вы потребуете, чтоб я указал этот университет, знайте, что я повторю ответ г-на Исаакянца, что здесь, мол, не место писать об этом. Мало того, я буду еще и жаловаться на вас, что вы хотите внести новшество в жизнь нашего народа: подобно европейцам, требовать на все доказательств и фактов. Что за странная привычка: сказал и все, что вы наседаете на меня, как неверующие люди, требуя доказательств? Виданное ли дело среди армян говорить действительно осмысленно, обоснованно, с фактами в руках? Скажу, что взбредет на ум, и вы обязаны верить и принять; доказательства приведу потом; люди доверяют миллионы друг другу, а вы не хотите поверить моему какому-то сухому факту?.. «Мегу» вам гарантия... В № 14 «Мегу» г-н Исаакянц писал, что «нация в том случае была бы достойна осуждения, если бы она храм науки и прогресса превратила в логово разбойников». Это значит, что у нас имеется храм науки и прогресса, и, поскольку нация не превратила его в разбойничье логово, она не заслужила обвинения. Но я, не видя такого храма в неустроенной армянской пустыне, спросил г-на Исаакянца, где же этот храм, и получил ответ: «Теперь не время говорить об этом, потом напишу». Что же он напишет? Историю прошлого и настоящего благоденствия и просвещения народа! Его ли дело писать об этом? Он ошибается, если надеется на Музу с вершин Масиса. Да будет известно г-ну Исаакянцу, что нация обвиняется не в том, что она превратила имевшийся храм в вертеп разбойников, а в том, что до сих пор не построила этого храма.

Г-н Исаакянц разрешает мне поехать в Англию, стать членом богатых компаний, заняться птицеторговлей и получать свою долю прибыли. Видите, дорогой читатель, какое доброе сердце у господина, он вовсе не препятствует моей поездке в Англию. Веря в его добродушие, я думаю, что, вздумай я поехать также во Францию и Австрию, могу получить разрешение г-на Исаакянца. Ликуй, Шахбек! Во все стороны мира дороги открыты, можешь получить паспорт, чего же ты ждешь, чего киснешь в Редут-кале? Ради бога, скажите, как не полюбить такого человека? Право, будь железная дорога из Кизляра в Редут-

кале, обязательно пригласил бы его крестным, особенно, чтобы терзать сердца клеветников. Однако, чтобы не остаться неблагодарным перед этим великодушием г-на Исаакянца, следует дать ему добрый совет: не было ли бы более полезным г-ну Исаакянцу и армянскому народу, если бы он, оставив педагогику в Кизляре, отправился в Европу и поступил бы там в одну из школ (несомненно, в качестве ученика) и обучился хотя бы настолько, чтобы более грамотно выражать свои мысли и не обращаться с логикой, как палач? Посмотрим, какое влияние окажет этот добрый совет на приятеля муз.

Я говорил, что «в действительности порочат нацию не те, на кого сетуете вы, ибо они вскрывают тщательно скрываемые язвы нации, предлагая хирургические средства лечения,— да, применяя и моральные огонь и железо! — а те лжепатриоты, которые, забравшись в телегу, впрягли в нее жалкую, несчастную пчелу («Мегу») и принуждают ее (сверх отпущенных ей природой сил) вывезти их на широкое поприще армянского просвещения. Эти лжепатриоты порочат имя нации перед каждым европейцем, ибо человек, не признающийся в своих недостатках, не обладает и чувством собственного достоинства» и т. д.

Г-н Исаакянц пишет: «Сударь, умный и ученый человек судит свою нацию, но не осуждает, видит ее язвы, чтобы повязать их, а не для того, чтобы выставить на солнце, а тот, кто порочит нацию за ее недостатки, пусть поищет себе другого незапятнанного мира» и т. д., и т. п.

Я говорил, что язвы предлагают лечить хирургическими средствами, да, применяя и моральные огонь и железо, а г-ну Исаакянцу почудилось, что язвы нации выставляются на солнце! В хирургии это не предусмотрено; или г-н Исаакянц спутал хирургию с гастрономией? В последней, действительно, многое выставляется на солнце с целью сушки и копченья, но гастрономия имеет дело со здоровыми животными — больные же и пораженные язвами не нужны и гастрономии, тем более что санитарный надзор строго преследует и карает за это. Я говорил, что в глазах г-на Исаакянца в одной цене и в одинаковой чести как нация, так и ее недостатки. Он снова подтверждает это, говоря, что «порочат нацию за ее недостатки» и т. д. Тысячи раз тверди такому господину, что не нацию порочат, а осуждают недостатки нации; нация сама — не недостаток; одно дело нация, другое — недостатки нации.

Пороча недостатки нации, не только не порочишь нацию, не только не становишься ее врагом, а, напротив, — подлинным другом, поскольку хочешь видеть ее свободной от всех недостатков. И эти недостатки заслуживают осуждения, эти пороки требуют устранения.

Но что можно сказать человеку, который не хочет понять, что в настоящее время слово «Армения» — понятие абстрактное[1], и выходит на арену с бабьими обвинениями, что, мол, хотя Армения и не дала нам образования и воспитания, тем не менее она вправе требовать от нас заботы и попечения о себе.

Армения не вправе ничего требовать от нас, говорю я и подчеркиваю: пусть она прежде посеет, а потом выйдет на жатву. Но мы сами, как люди, обязаны быть полезными человечеству, и так как в общее человечество входим и мы с нашим армянским этносом и так как армянский этнос более близок нам, то мы считаем своим долгом не быть равнодушными к прогрессу и просвещению армянского народа. Но, как люди и как христиане, мы сами считаем себя обязанными, и никто другой не вправе навязывать обязанность нашей свободной личности. Главное в том, что мы сами, по свободной воле, понимая задачи человека и человечества, не подвергаясь насилию, принудительным требованиям, стараемся быть полезными армянскому народу по мере наших сил и возможностей.

Я никогда не бесчестил Армению, сказав, что она не имеет того, что на самом деле имеет, и в мыслях не имел огорчить сердца соотечественников, а, напротив, выдвигая этот вопрос, хотел дать почувствовать нашему народу его вопиющую нужду и отсталость в деле просвещения.

Г-н Исаакянц, напоминая мне о V веке, говорит: «Подобные Хоренаци умные и гениальные юноши с ненасытной жаждой устремились в Афины, Александрию, Византию, в греческие школы, и они не говорили, что не обязаны Армении, а спешили вернуться в Армению, чтобы просветить ее», и т. д. Хотелось бы услышать от г-на Исаакянца: эти люди, достойные доброй и блаженной памяти, сами ли устремились, или были посланы усилиями и заботами других, и эту заботу, проявленную в то время Арменией, пославшей усилиями Саака и Месропа около 60 учеников в Европу и Александрию, могли ли забыть эти ученики и сказать, что не Армения наняла им няньку?

Как могли они, ссылаясь на отсутствие университета в Армении, отвергать право Армении в отношении их, когда именно отсутствие такой школы заставило святых переводчиков послать учеников в греческие школы с тем, чтобы они, овладев *славным языком и усовершенствовавшись в подлинной академии,* вернулись в Армению и воздвигли купель просвещения всему народу. Но в какой мере удалось им осуществить свою идею, при каких обстоятельствах вступили они на землю Армении, как были встречены и как выполнили свою миссию, я не в силах подробно описать. Вижу, что г-н Исаакянц совсем незнаком с историей нашей литературы. Мы советуем ему как следует прочитать и понять Хоренаци, и если подлинник непонятен ему, вскоре, слава богу, выйдет русский перевод, выполненный трудами г-на Эмина. Этот перевод поможет г-ну Исаакянцу и другим понять историю Армении Хоренаци. Поскольку в настоящее время просвещение армян пребывает в таком печальном состоянии, то народ поймет Хоренаци скорее на русском языке, чем на армянском. Советуем также прочитать письмо Лазаря Парпеци владетельному князю дома Мамиконянц Ваану, из которого многое станет ясным.

Если бы в V веке блаженные переводчики Саак и Месроп не проявили должной заботы и их ученики сами бы отправились в Европу и Александрию учиться, тогда и они могли бы сказать то, что говорим сейчас мы, не выпив попечением нации не только млека науки, но и стакана простой воды.

Г-н Исаакянц говорит, что я, «походя уязвив сердца наших богатеев и духовных князей, вслед за тем говорю, что сомневаюсь и относительно результатов разговора с ним». Удивительно, как г-н Исаакянц запутывает и не поясняет разговора кого с кем касается мое сомнение и какое это имеет отношение к уязвлению богатеев и духовных князей? Я говорил и сейчас повторяю, что очень сомневаюсь относительно разговора муз с г-ном Исаакянцем. Он же, не рассеяв моих сомнений, впутывает уязвление богатеев и духовных князей совсем не к месту. К очень старой, потертой и истасканной уловке прибегает г-н Исаакянц, желая угодить богатеям и прочим и выставить меня дурным человеком. Но зря беспокоится: мне безразличны дружба или вражда отвергших нацию богатеев, не имею никакого отношения к ним, и если сам

г-н Исаакянц как педагог вынужден — по старому азиатскому обычаю — подлаживаться к каждому, величая его «ага» (барин), чтобы обеспечить свое существование,— в добрый час! Не жаждем столь незавидной доли.

Желая показать свое остроумие, г-н Исаакянц говорит, что участь мнительного человека я могу видеть в точном описании моего милостивого господина графа Эммануэла и что он, к сожалению, видит и меня в числе этих мнительных людей, будучи уверен, что, если бы г-н граф Эммануэл знал, что этим описанием будет осмеяно мое сомнительное положение, не стал бы вовсе писать об этом. Будь я мнительным и трусливым человеком, описанным г-ном графом Эммануэлом, я не мог бы публично говорить с г-ном Исаакянцом по тому или иному вопросу, а если человек с твердым характером, не поверив во что-либо безосновательное, усомнится, он не может попасть в категорию людей с мнительным характером. Одно дело сомневаться в чем-либо, не заслуживающем доверия, другое — *быть олицетворенным страхом,* как говорил г-н граф Эммануэл. И откуда г-ну Исаакянцу знать мнение г-на графа Эммануэла о предметах, которых и в мыслях у него не было? Откуда ему знать, что он не стал бы описывать мнительного человека, если бы знал, что тем самым буду осмеян я? Или и это подсказано г-ну Исаакянцу Музой?

Я уверен, что, если г-н граф Эммануэл увидит во мне какой-либо недостаток, будет столь благороден, что сам первым скажет о нем, желая видеть меня совершенным в своем достоинстве. Да и я беспощадно изобличу недостатки г-на графа Эммануэла, если увижу таковые, и убежден, что заслужу его благодарность.

Г-н Исаакянц говорит, что он не знает такого народного предания, в котором говорилось бы о яме у подножья Арарата, именовавшейся в древности *адом*. Не моя вина, что он не учится и уподобляется, как говорит Хоренаци, «богословам, прежде изучения теории»[1]. Г-н Исаакянц говорит: «Если и имеется такая яма, значит, она уготовлена Арменией для своих блудных сынов, отрекшихся от ее величия и славы». К этому я прибавлю: а также для сынов-лжехвастунов, нищих гордецов, невежд и упрямцев, которые, не думая о своей духовной нищете, выдают себя за людей, вполне довольных всем, с ребяческим высокомерием не сознавая своего банкротства. Эта яма с царящим в ней мраком может служить отличным

дворцом для обокурантов; думаю, что и для г-на Исаакянца, как соратника обскурантов, найдется темный уголок в этой преисподней.

Удивительно, как не побоялся г-н Исаакянц попасть в число описанных г-ном графом Эммануэлом мнительных людей, выражая сомнение относительно вышеупомянутой ямы! Г-н Исаакянц говорит, что он не называл Масис жилищем муз. А как же еще можно было сказать это? Разве не признавался он, что Муза с вершины Масиса своим возгласом прекратила поток его красноречия? Значит, имеются музы на вершине Масиса. А той мысли, что «Армения имеет на своем лоне нежных муз, бессмертные памятники которых непрерывно плачут и стенают над участью людей, отрекающихся от величия и славы нации», я и вовсе не пойму: не пойму, что он хочет сказать, ибо, следуя правилам грамматики, та же мысль иными словами выглядит так: «Бессмертные памятники муз, имеющиеся на лоне Армении, непрерывно плачут и стенают над участью людей, отрекающихся от славы и величия нации». Значит, оплакивают не музы Армении, а их бессмертные памятники. Так нельзя говорить, ибо это полная бессмыслица, но вот поди же — я и многие подобные мне люди, не говоря уж об отважном и нелицеприятном «Юсисапайле», не нуждаясь в помощи абстрактных понятий, не нуждаясь в содействии нежных муз, непрерывно оплакиваем жалкую участь обскурантов, и очень возможно, что несколько капель наших слез упали и на голову г-на Исаакянца.

Что же касается крайней слабости г-на Исаакянца в педагогике, об этом не стоит и говорить, ибо этот господин, выучив в какой-то жалкой азиатской школе одну лишь азбуку, может и мог бы обучать азбуке, но педагогика слишком крепкая штука для его хрупких зубов.

Говоря: «О, если бы мне улыбнулось счастье получить основательное образование в этих университетах!», г-н Исаакянц соглашается с моим данным от чистого сердца советом — получить основательное образование в какой-либо добропорядочной школе, но, повздыхав на этот счет, он тут же, покрывая грех своей необразованности, с азиатским упрямством продолжает: «Но не так уж велика моя потеря». Сначала тяжкий вздох сожаления, а потом — «не велика потеря», чему же верить? Бедняга! Он считает меня монахом, ибо, приведя не к месту слова

апостола: «Ежли язык мой звучит по-человечески и по-ангельски, но нет во мне любви, буду я словно медь звенящая и кимвал бряцающий», и т. д. и «Не соблазняйтесь чуждыми и разными учениями», хочет заставить меня умолчать о его необразованности. Кто говорил ему, что, получив образование, следует обязательно утратить любовь? Разве следствием образования является бессердечие? Каждый человек может сохранить в себе эту божескую искру, если имел ее: образование и просвещение еще больше укрепляют и формируют любовь. Но, видя, что г-н Исаакянц способен вместе со многими... людьми употребить во зло священную книгу, я решительно отказываюсь от мысли пригласить его в крестные моего сына, ибо человек, именуемый крестным, должен хорошо знать и добросовестно проповедовать священную книгу, ибо во время крещения он говорит и дает обет от имени бессловесного ребенка; обеты же, не проистекающие из сознания и из здравого понимания священной книги и слова божьего, не приемлемы во время крещенья, так как ни одно из церковных таинств не совершается только механически.

Еще одну удивительную вещь говорит г-н Исаакянц, что якобы моя проповедь и цель совершенно не согласуются с моими словами. Следовательно, моя проповедь и цель — это одно, а слова мои — другое. Отлично! Откуда же г-н Исаакянц узнал о моей проповеди и моей цели, если не из моих слов, и разве не из этих моих слов состояли моя проповедь и моя цель? Иначе и быть не может, ибо какие же слова мог употребить человек, которые по своему значению были бы вне слов, толкующих его мысль, и которые не разъясняли бы цели этого человека? Может быть, г-н Исаакянц, подобно графу Фениксу г-на Дюма, пророчит обо всем при помощи искусства Месмера?[1]. Каюсь, каюсь, г-н Исаакянц говорит с нежными музами Масиса, о которых рассказывают, что они очень часто, скатываясь со снежных вершин и склонов Масиса, служат льдом для жаждущих людей, ибо говорят, что эти нежные создания, бросаясь в какие-либо воды, сильно охлаждают их. Очевидно, г-н Исаакянц получает сведения по почте от муз со склонов Масиса, от них узнает обо всем...

Г-н Исаакянц не понимает, какие же школы хотел бы я видеть в Армении, если маленькая национальная школа

«Нерсисян» почему-то не по душе мне и т. д. Что касается моего желания и профиля школ, об этом г-н Исаакянц может прочитать в Дневнике[1] г-на графа Эммануэла в № 8 «Юсисапайла», так как школы, желательные этому господину, желательны и мне, как и каждому настоящему патриоту. А духовное училище в Тифлисе, известное под именем «Нерсисян» (плод слез католикоса Ефрема в Ахпате), ни в коем случае не может вызвать радость во мне, пока не приобретет права носить с достоинством название школы. В наше время, не говоря уж о других многочисленных недостатках, одно то, что все предметы преподаются на чужом языке, способно отвратить сердце каждого армянина от этого училища, способно сделать его неким пугалом. Думаю, теперь г-н Исаакянц поймет, какую школу хотел бы я для моего народа.

Г-н Исаакянц оскорблен моими словами о богатеях, что они очерствели и фетишизировали свое богатство, и обвиняет меня в том, что я из очень многих хороших указал только на очерствевших. Причина та, что среди наших богатеев неочерствевших так мало и незначительно, что они незаметны, всех же остальных мы признаем вообще очерствевшими, так как не видим с их стороны никакого попечения о душе. И восхваленные г-ном Исаакянцем неведомые дела этих богатеев только тогда будут признаны нами, когда г-н Исаакянц подтвердит их подлинными свидетельствами, поскольку ребяческое пустословие не имеет цены перед судом разума. Г-н Исаакянц говорит: «Как можно непосредственно (анмиджапес) и равнодушно порицать и т. д.». Не знаю, что понимает г-н Исаакянц под словом «анмиджапес». Я, как и другие, понимаю под этим словом понятие, выражаемое латинским словом immediate или русским словом непосредственно. Выходит, что о богатеях надо было говорить не непосредственно, а через г-на Исаакянца, что ли? — Не понимаю. Было бы совсем неплохо, если бы г-н Исаакянц перед тем, как говорить, научился бы несколько думать, ибо, не имея никакого представления о логике, нельзя поучать и тем более дать понять что-либо.

Г-н Исаакянц спрашивает: «Дорогой мой, что это за правда, которую вы сделали игрушкой для себя, пороча ее святое имя?». Не удивительно, что правда незнакома ему, ибо испокон веков и по сей день ложь не общается

с правдой, тьма со светом, но я считаю не лишним заявить, что правда, под знаменем которой служу и я, грешный, есть правда, свободная от самомалейшей лжи, обмана, лицемерия и прочих подобных пороков... та правда, которую ненавидят лжепатриоты и обскуранты, среди которых волею злого рока вижу я ныне и г-на Исаакянца. Правда — та скала, о которую упавший разобьется вдребезги и которая, сама упав на что-либо, размозжит это последнее. Думаю, что довольно ясно описал свойства и характер интересующей его правды.

Да будет также известно г-ну Исаакянцу и то, что я не подвергался от людей, именуемых им *подлинными армяноведами,* ни законным, ни беззаконным порицаниям. Быть может, и об этом поведали г-ну Исаакянцу музы Масиса, не знаю, но если рекламируемые им «подлинные армяноведы» — по-нашему *фанатичные поклонники идола тьмы* — попытаются сделать это, тогда они услышат эхо на свой голос если не с вершин Масиса, то из Редуткале — с берегов Понта, как испытывает на себе и еще будет испытывать сам г-н Исаакянц, если забудет меру.

Я не уподоблял себя лермонтовскому пророку, а, приведя отрывок из этого стихотворения, хотел лишь показать г-ну Исаакянцу, что правда терпит гонения от лжи, но печально то, что и этого примера оказалось недостаточно для г-на Исаакянца.

Г-н Исаакянц говорит, что несколько таких, как он, а быть может, и более ученых людей сумели вскрыть мои ошибки и мудро отсечь ветви ложных мнений и ошибок относительно нации. Опять-таки удивляюсь. В печати я впервые выступил по поводу статьи г-на Исаакянца. До этого я ни строчки не писал и не публиковал, чтобы умники вроде г-на Исаакянца могли вскрыть мои ошибки. Поэтому не знаю, как и понять это утверждение. Очевидно, г-ну Исаакянцу это приснилось или сообщила Муза, пробежав с вершин Масиса до Кизляра. Какое большое значение и влияние имеет для человека окружение! Слушая слова г-на Исаакянца «мудро отсечь ветви ложных мнений и ошибок», сразу видишь, что этот господин проживает близ садов и постоянно видит стрижку ветвей. Но я должен дать один совет г-ну Исаакянцу. Я и подобные мне люди, будучи твердо уверены, что зло не уничтожается одним лишь отсечением его ветвей, стараемся вырвать его с корнем. Но г-н Исаакянц, заимствующий

свои идеи из садов, естественно, не видел там подобных действий.

Г-н Исаакянц очень великодушный человек, он оказывает мне большую милость, «оставив без замечания мой нескончаемый спор с монахами». Спросить бы, когда же Шахбек открывал спор с монахами? Не знаю, что ответит на это кизлярский педагог. Опровергая его ребяческую мысль, что «обстоятельства насильно исторгли из уст Хоренаци его плач», я прибавил, что Хоренаци должен был со всей откровенностью написать то, что увидел, возвратившись из Александрии, а увидел он все перевернутым в Армении и, чтобы доказать, что написание этого плача Хоренаци не было плодом минутного раздражения, сослался на его проклятие католикосам и на труд под названием «История католикосов», который, как видно, был уничтожен монахами. А если угодно г-ну Исаакянцу, и два листа из письма, написанного Лазарем Парпеци владетельному князю дома Мамиконянц Ваану, тоже были уничтожены этими же монахами, так как были написаны Лазарем о них, но не в пользу их, как это видно из предыдущих и последующих листов. Я рассказал г-ну Исаакянцу о нехристианском обращении монахов с останками почтенного Мовсеса Хоренаци, а теперь, чтобы ощутительно показать, что такие поступки были очень свойственны монахам, расскажу о том, как два года тому назад в Азиатской Турции один армянский епископ вырыл из могилы труп некоего армянина-христианина и бросил его псам, мотивируя тем, что покойник был евангелистом. Этот поступок произвел настолько скверное впечатление даже на турок, что местный паша, испросив разрешения Блистательной Порты, отвел армянам-евангелистам особое кладбище, не подчиненное власти армянского викария. Об этом в то время было много разговоров, толков в европейских и русских газетах и журналах, я уж не говорю о большом соблазне среди местного армянского населения, чему, по злой воле судьбы, я лично был свидетелем [1]. Г-н Исаакянц называет подобных монахов благочестивыми, блаженными и святотворцами, а дела их — памятниками подлинного патриотизма. В моих же глазах люди, занимающиеся подобными делами, не только не христиане, не только не священнослужители или епископы, но даже не люди. Вечный позор и осуждение им! Если для г-на Исаакянца эти дела,

осужденные государственными и церковными законами как ужасное святотатство, являются памятниками подлинного патриотизма, если их исполнители блаженны, благочестивы и святотворцы, да будет их благословение неиссякаемым над головой господина Исаакянца — чур нас, упаси боже, анафема!

Свою вину за перенесение жизни Хоренаци на четыре тысячи лет назад г-н Исаакянц сваливает на наборщика. Бедный наборщик! Грехи скольких авторов и писателей берешь ты на себя и замаливаешь: что ж делать, очевидно, такая участь предопределена тебе судьбой. Желая показать свою зоркость и хоть частично оправдать свою маленькую и незначительную ошибку в 2 600 лет, г-н Исаакянц в конце своей статьи предлагает мне прочитать 338 страницу № 4 «Юсисапайла», где, по его словам, г-н граф Эммануэл в Москве прочитал 20 апреля номер «Мегу» от 19 апреля. Я раскрыл вышеупомянутую страницу «Юсисапайла» и убедился, что граф Эммануэл не только не читал «Мегу», но даже не имеет никакого желания читать ее; отвечая г-ну Х., он говорит, что глупостей не читает, несмотря на то, что г-н Х. восхвалял «Мегу» и издающего ее замечательного ученого. А где вычитал г-н Исаакянц и откуда он знает, что г-н граф Эммануэл живет в Москве,— поистине достойно изумления. Неужели и об этом поведала г-ну Исаакянцу Муза с вершин Масиса? Право, счастливый человек г-н Исаакянц, что ведет такую дружбу с музами вершин Масиса; но не был ли бы он более счастлив, если бы другом его была логика, а не некое абстрактное существо?

Счастливо оставаться, г-н Исаакянц, но только до нового свидания, ибо не могу я расстаться с вами, однажды полюбив вас. У меня дурная привычка: если уж полюблю кого,— не в силах расстаться с ним; знаю, это плохая привычка, но я всецело подвластен ей, ничего не поделаешь.

Печально, что г-н Исаакянц принадлежит к числу планет, совершающих свой оборот в пять месяцев, и не появляется чаще. Если же я ошибся и комету принял за планету и она, скатившись на этот раз с горизонта, больше не появится, то горе тебе, Шахбек: ко многим твоим ранам еще прибавится одна большая.

С. Х. Шахбек».

Год прошел [1]... Прошел, и мы с тобой, уважаемый читатель, состарились еще на год... Только забрезжило утро нового года, и вот уже новогодние визитеры, сломя голову, измеряют улицы... Будучи человеком со слабым здоровьем, не могу быть участником этих бесцельных визитов и потому предпочитаю, сидя дома, немного подумать вместе с тобой, уважаемый читатель, — поразмыслить о новом годе. Ты скажешь, о чем же тут размышлять: новый год, как новый год, это — день, радующий всем сердца. Но это не так: под этой внешней радостью, кто знает, сколько скрывается печали и скорби!

Сам по себе новый год не радость и не мог бы доставлять нам радость, не будь у нас оснований для радости — наших добрых дел. Вообще праздники приносят с собой некую условную радость: в эти дни многие скорбящие люди вынуждены из приличия набросить покров радости на свои горькие или кислые лица. В эти дни притворяется веселым и богач, готовый лопнуть от внутренней злости по поводу упущенного им выгодного дела. В эти дни веселится и бедняк, выкладывая на стол жене и детям последний целковый, не думая о том, что на завтра нет и гроша на хлеб. Но радость, о сущности и причинах которой мы не можем дать себе отчета, которая, подобно, фосфору, ярко вспыхнув на мгновенье, в следующее сгорает, оставив отвратительный смрад — печаль и скорбь, такая радость ребячлива и неразумна. Мы не имеем никакого права радоваться без законных на то оснований, а основания эти — наши дела. Пока не совершено нами дел, достойных радости, ложная и ребяческая радость, которой предались бы мы, может оказаться очень вредной, ибо стремления наши слабеют от радости, так как радость — следствие самодовольства, а самодовольство — смерть для силы и стремления. И, наоборот, наша деятельность, наши стремления, наши силы и мощь тем больше множатся, тем больше крепнут, чем больше множатся и усиливаются наши нужды и потребности. Из сказанного ясно, что на новый год, как и в другие подобные торжественные дни, радоваться вправе тот, у кого имеются действительно радостные дела. Следовательно, дорогой читатель, мы с тобой по-братски поведаем друг другу, каковы были наши дела в минувшем году. Таковы ли, чтобы мы могли со спокойной совестью и с открытым челом сказать, положа руку на сердце, что по мере своих

сил и возможностей сделали все, что добро по нашему разумению, участвуя в добрых делах, где требовалось наше участие? Или, напротив, наш внутренний судья в эту торжественную минуту скажет нам несколько слов осужденья? Сознавали ли мы в минувшем году себя как человека, а следовательно, обязанного жить для человечества, отказавшись от эгоистического себялюбия?

Вне этих соображений новый год точно такой же день, как и великопостный понедельник: никто поныне не видел ни зеленого, ни красного дня. Если спросите меня, скажу вам, что моя жизнь, начиная с того дня, как помню себя, и по настоящую минуту пребывает в одном и том же грустном состоянии. Ничто не могло и не может радовать меня, кроме того, что совершалось или совершается во благо нашего обездоленного народа. От своего личного и материального я отрекся с того самого дня, когда, раскрыв глаза, взглянул я на человечество с нравственной точки зрения. Поэтому как моя частная, одного лишь меня касающаяся скорбь не может нарушить радость, охватывающую меня в связи с каким-либо радостным национальным делом, так и личная радость не может рассеять густую и мрачную тучу национальной печали, очень часто тяжело оседающей на моем сердце.

Ох, вот уже пережито мною тридцать «новых» годов! Из них примерно до двадцати радовали меня так же, как радуют и сейчас многих людей. Но каких только дел не были свидетелями вместе со мною эти последние десять «новых» годов, очевидцами каких только печальных и скорбных дел, совершившихся в жизни нашего бедного народа?! Сколько людей, знакомых и незнакомых нам, завершили свой жизненный путь на земле, сколько друзей завещали нам слезы и скорбь! Сколько раз случалось нам с болью видеть людей, являвшихся позором для человечества, желавших достигнуть геростратовой славы и памяти, думавших подняться до вершин бессмертной славы по шаткой лестнице позора! Печальное зрелище! Тут лицемер, изливая усыпляющий яд угодничества, думает сделать карьеру, добиться славы. Там вор и разбойник, привлекая к себе того и другого обедами и ужинами, создает себе компанию, чтобы не остаться вне человеческого общества, чтобы эта его изолированность не стала вывеской его преступности в глазах каждого зрячего человека. В одном месте люди, давно заложившие душу

черту, умирая, завещают свое имя звездам — напрасный труд! В другом — обезумевшие обскуранты бегут от правды с такой упорной и самозабвенной поспешностью, как бежал бы разбойник из своей темной и сырой тюрьмы. В третьем — враги просвещения и свободной человеческой мысли открывают новые кузницы, чтобы ковать нестерпимо тяжелые цепи и, если возможно, вовсе задушить свободное и истинное теченье дел человеческого разума. Местами, но в очень малом числе, видны и другие люди, одухотворенные дыханьем божьим; распустив свои белоснежные крылья, они летят к храму бессмертья... летят и свысока, сверху смотрят на все то, что по причине своей материальной тяжести, по закону Ньютона, приковано к центру земного шара и лежит под ногами...

Такие вещи случаются с начала года до самого конца его. Очень часто вокруг слышатся вопли и стоны эксплуатируемых людей, но в то же время оглашают воздух и торжествующие возгласы деспотов-эксплуататоров. Наследники вечного позора те, кто выжимает хотя бы несколько капель слез из глаз немощного!

В этом новом году я как будто более весел, нежели в прошлые новогодние дни, так как минувший год не прошел бесцельно для нашего дорогого народа, и *новое* сулит нам добрые-добрые надежды. В прошлом году впервые блеснул для армян своими яркими лучами «Юсисапайл» («Северное сияние»). В прошлом году получило широкое поприще живое народное слово — орудие нравственной жизни и души нации. В прошлом году появился в нашем народе некий суд разума — честь и слава его служителям! В прошлом году оформились некоторые мысли, подающие большие надежды на прогресс армян.

Те густые и мрачные тучи, которые, собираясь и громоздясь веками, заволокли горизонт нравственности армян, ныне, под лучами «Юсисапайла», мы видим рассеянными. Прошли ночные бури, и философский барометр предвещает прекрасное утро. Все это зажигает в моем сердце небольшой светоч радости, который останется неугасимым и будет освещать даже ту мрачную каморку, в которой волей провидения суждено нам оставаться в ожидании громогласной трубы архангела.

Уважаемый читатель, я не явился к тебе с новогодним поздравлением, предавшись этим размышлениям; и вот, внеся их в мой Дневник, я тебе даю повод подумать — это

более полезно тебе, чем моя трехкопеечная визитная карточка, которую, не застав тебя дома, разумеется, оставил бы я в твоей передней.

Этим кратким предисловием открываю новый годовой круг моего Дневника, который из-за моей болезни несколько месяцев оставался втуне...

Первое имя, какое встретится вам в этом году в моем Дневнике, это — Бекзаде[1]. Вы можете сказать, что этот Бекзаде свалился на беду нам на голову, но ничего не поделаешь: к таким Бекзаде мы обязаны проявлять всяческое человеческое сочувствие без всякого омерзения и стеснения. Недавно он прислал мне следующее письмецо:

«Господин граф Эммануэл!

Поздравляю тебя с несчастьем, чему я весьма обрадовался. Дай бог долгой жизни тому, кто является его причиной. Слава богу, избавился от тебя, избавился от твоего Дневника. Прощай навеки, бог тебе судья.

Бекзаде».

Вы, уважаемый читатель, конечно, ничего не можете понять из этого, так как и сам я ничего не понял. Со мной не случилось никакого несчастья, которое, огорчив меня, могло бы обрадовать это *позорище рода человеческого* (такова подлинная сущность Бекзаде). Но — немножечко терпения: вы все поймете, прочитав последующие строки моего Дневника, ибо я тоже понял.

Несколько дней назад ко мне пришел один из моих знакомых; вы его не знаете — и поэтому для вас будет безразлично, если я назову этого моего знакомца Гюлли-Шамама. Так вот, придя ко мне, этот самый Гюлли-Шамама рассказал, что г-н Бекзаде безмерно обрадовался тому, что якобы мой дядя[2] велел мне не упоминать в моем Дневнике имени г-на Бекзаде или же его деяний Вот это-то обстоятельство и счел г-н Бекзаде большим несчастьем для меня и безграничным счастьем для себя.

Надо, однако, знать, что дядя мне ничего не говорил, так как я никогда не действовал против его воли. Но г-н Бекзаде, узнав, что моя личность стала объектом для сплетен некоторых людей, заключил, что теперь, мол, дядя графа Эммануэла наложит на него узду. Ну, так, мол, ему и надо! — Вот именно: для этого нехватало только твоего желания...

Погоди, г-н Бекзаде, доберусь я как-нибудь до тебя и прежде всего постелю у порога ковер и посыплю его обильно персидским порошком, чтобы зловредные насекомые в живых не остались...

Но Гюлли-Шамама приходил ко мне не для лести, не для того, чтобы рассказать о благоглупостях г-на Бекзаде. Он парень добрый и сердечный, он приходил спросить у меня, что за опера «Трубадур», о которой он читал в газете, почему ее непрерывно ставят на сцене. Из письма г-на Шахбека ко мне вам известно, что я очень люблю эту оперу, почему с радостью ответил Гюлли-Шамаме, что эта опера — лучшее из всех творений композитора Верди.

— Но в чем ее смысл? — спросил Гюлли-Шамама.

— Некий граф,— ответил я, — когда-то предал сожжению на костре цыганку, обвиненную в колдовстве и воровстве. У цыганки была дочь по имени Азучена. Умирая на костре, цыганка заклинает Азучену отомстить за свою смерть. Последними словами несчастной женщины были: месть, месть!.. Всепожирающее пламя оборвало ее вопли...

Стремясь выполнить завет матери, Азучена однажды проникает в дом графа и крадет из колыбели его младенца-сына с тем, чтобы бросить его в огонь и тем самым отомстить за мать. На руках у Азучены был в это время и ее собственный сын, и так, с обоими младенцами на руках, она подходит к костру, чтобы бросить в огонь графского сына, но, взглянув на невинного младенца, проникается жалостью к нему: милосердие побеждает чувство мести. И тут ее глазам представляется мать: извиваясь в огне, окруженная со всех сторон всепожирающим пламенем, умирает она, и вот — с последним вздохом жизни, в смертельных муках агонии жалобно взывает к дочери, заклинает ее отомстить... Снова доносятся до слуха Азучены последние слова матери: *месть, месть!..* Почти обезумев, Азучена торопится сжечь графского сына. Младенец мгновенно исчезает в бушующем море пламени... О, ужас! Какое отчаянье охватывает Азучену, когда, придя в себя, она видит возле себя графского сына живым и невредимым! В порыве безумия она сожгла собственного сына. Что оставалось ей делать? Несчастная Азучена вскармливает графского сына, как свое дитя, называет его Манрико и никому не открывает своей тайны.

Выросши и став молодым человеком, Манрико влюбляется в некую девушку по имени Леонора, в которую был влюблен и другой сын графа. Однажды соперники встречаются в присутствии Леоноры, и сын графа грозится убить Манрико, дерзнувшего влюбиться в девушку, на которой намерен жениться он, молодой граф. Ссора приводит к дуэли, и храбрый и ловкий Манрико поднимает меч, чтобы убить противника, но в этот момент раздается возглас: «Пощади, пощади!».

С этой минуты сын графа и Манрико становятся врагами. Сын графа пускает ложный слух о смерти Манрико с тем, чтобы Леонора была вынуждена выйти замуж за него. Но девушка предпочитает уйти в монастырь, о чем один из приятелей Манрико сообщает ему. Эта весть доходит до Манрико в тот момент, когда мать решилась рассказать ему обо всем, что произошло с ними. Манрико спешит в монастырь и застает там молодого графа беседующим с Леонорой. С помощью своих друзей он рассеивает отряд графа и увозит Леонору. Граф собирает новый отряд, намереваясь окружить жилище Манрико и, отняв Леонору, убить Манрико.

В это время Азучена попадает в руки графских воинов и, подвергшись допросу как подозрительная цыганка, заковывается в цепи. Граф весьма обрадован, узнав, что Азучена — мать его противника. Когда Азучену в цепях ведут в тюрьму мимо жилища Манрико, сын видит ее и выбегает, чтобы спасти, но и сам попадает в руки врага и заточается в тюрьму вместе с матерью. Граф решает сына обезглавить, а мать сжечь на костре.

Узнав об этом, Леонора направляется в тюрьму и оплакивает горькую участь возлюбленного. Манрико с тюремной башни посылает своей возлюбленной прощальный привет. Внезапно к тюрьме подъезжает граф. Леонора молит о милосердии, но граф отказывается пощадить как Манрико, так и его мать. Но Леонора не отступает в своих мольбах, и тогда граф заявляет, что только ценой своей любви она может спасти их жизнь. Леонора колеблется... но, подумав, что из-за нее должны умереть несчастные, соглашается.

Она спешит в тюрьму и сообщает Манрико об их освобождении. Узнав об условии этого освобождения, Манрико отвергает как это предложение, так и Леонору, предпочитая умереть, нежели видеть свою возлюбленную в

объятиях молодого графа. Леонора молит не презирать ее. Граф слышит все это, будучи в соседней камере, и, войдя в камеру заключенных матери и сына, приказывает палачу обезглавить Манрико.

Азучена, разбитая и обессиленная от мучительных волнений и переживаний, в это время спала. Манрико ведут на плаху... Азучена просыпается и, не видя сына, кричит в ужасе... Ей говорят, что сына повели на плаху. Она заклинает графа приостановить казнь, но тот заявляет, что все уже кончено...

Тогда Азучена восклицает: «Так знай же, граф, то был твой брат... Моя мать отомщена»...

Пока я рассказывал все это, Гюлли-Шамама смотрел на меня, выпучив глаза и время от времени издавая односложные восклицания. Когда я закончил свой рассказ, он произнес: «Поразительно, как смогла Азучена вырастить чужого ребенка нежно и заботливо, как своего сына. А, впрочем, бывают на свете подобные вещи...»

— Как это бывают? Это весьма редкое женское сердце, сумевшее с такой нежностью опекать сына своего врага,— возразил я.

— А я утверждаю, что есть такие примеры и недалеко ходить за ними: и у нас имеется нечто подобное.

— Как так?

— Ты знаешь родословную г-на Бекзаде?

— Откуда мне знать ее?

— Так слушай же. Во время беременности матери Бекзаде его отец оставляет жену на восьмом месяце беременности и уезжает в чужие края, строго-настрого велев жене беречь здоровье, чтобы благополучно родить ребенка. Но поскольку на свете все совершается наперекор нашему желанию и чем больше охранять что-либо, тем больше оно будет подвергаться опасностям, то на основании этого закона и г-жа Бекзаде, родив сына, через два дня душит его, по неосторожности легши на него во сне. Крики, вопли, плач... но все это не могло воскресить младенца. Послав за акушеркой и пригласив ее к себе, она рассказывает о случившемся несчастье и умоляет изыскать какое-либо средство, чтобы спасти ее от упреков мужа. Акушерка обещает найти средство и, завернув в кусок полотна тельце умершего младенца, отправляется прямехонько в дом одной бедной турчанки, родившей в тот же день, что и г-жа Бекзаде. Акушерка отдает тур-

чанке умершего ребенка и солидную сумму денег и, взяв ее живого ребенка, несет и вручает его г-же Бекзаде, получив от нее большое вознаграждение за свою изобретательность. Никто не был посвящен в эту тайну, и г-жа Бекзаде вырастила сына турка как своего, назвав его Бекзаде.

Выслушав этот рассказ, я сказал Гюлли-Шамаме: «Как хорошо, что ты пришел сегодня ко мне: Бекзаде написал мне письмо, а я узнал его родословную...»

После многих других разговоров, которые приводить в Дневнике считаю пока неуместным, Гюлли-Шамама ушел.

А теперь приведу несколько писем, полученных мною из разных мест и от разных лиц.

«Господин граф Эммануэл!

С большой сердечной радостью сообщаю вам наилучшую из московских новостей. Студенты университета — армяне впервые в Москве на особой театральной сцене осуществили постановку одной трагедии и одной комедии. Это произошло 27 января в доме уважаемого г-на Микаэла Арутюновича Степанянца. На спектакле присутствовало около двухсот человек из московских и приезжих армян, мужчин и женщин, из коих некоторые пришли случайно, некоторые — лишь из любопытства, некоторые — заранее предубежденными... и некоторые — побуждаемые фанатическим, неосмысленным патриотизмом, думая, пожалуй, что оказывают большую милость, большое благодеяние нации своим присутствием на этом торжестве... Был там и ваш приятель г-н Бекзаде, с кислой физиономией сидевший рядом с другими. В конце зала была сооружена маленькая, но весьма удобная сцена. Перед началом спектакля восемь или десять музыкантов усладили наш слух прекрасной увертюрой к опере «Немая из Портичи или Фенелла» замечательного композитора Обера, и, по правде говоря, лучше бы мне уйти после этой увертюры, ибо то, что последовало за нею, не только не продлило благородного воздействия на мою душу, но совершенно переворошило ее...

Историческая трагедия в четырех действиях «Аристакес»[1] изображает, как Нерсес Великий (Партев), отправившись в Константинополь к греческому императору Феодосию, просит его смилостивиться над Арменией и поставить царем сына Аршака — Папа. Феодосий возлагает

корону на Папа и во главе своих войск отправляет в Армению. Происходит война с Персией, последняя терпит поражение, в Армении устанавливается мир, и греческие войска возвращаются домой. Весь в отца, Пап начинает бесчинствовать. Святой Нерсес укоряет его.

Разгневанный Пап, притворившись другом, приглашает Нерсеса к себе на обед и отравляет его. Таково содержание трагедии.

Вообще вещь очень слабая, лишенная всякой художественной ценности, словно написана автором по принуждению. Повсюду и ежеминутно автор силится патриотическими тирадами прикрыть недостаток и убожество драматического действия. Надо сказать и то, что трагедия была поставлена не в том виде, как она написана автором: как было указано в афише, она обработана г-ном Пугинянцем; поэтому мы не можем сказать определенно, кому приписать эти несовершенства — автору или тому, кто переработал трагедию? Язык спектакля не был так благороден и обработан, как следовало бы, чтобы иметь воспитательное влияние на народ.

Ни одной женщины не было на сцене. Говорю это не в укор автору трагедии или тому, кто переработал, а хочу обратить внимание на жизнь нации, особенно в азиатском мире, где женщина, будучи лишена всяких прав в социальной жизни, не могла, конечно, появиться и на подмостках театра в качестве активного участника. Несправедливо было бы требовать от армян того, для чего не было в Азии соответствующей почвы, т. е. поприща для свободной человеческой деятельности. Этот вопрос требует долгого и тщательного обсуждения, но мы оставим его на другое время и продолжим наш рассказ.

Если бы актеры были более опытны, возможно, что своей игрой они несколько оживили бы эту трагедию, но у них есть оправдание: они играли впервые, у них не было опыта... Проявляя должную снисходительность и особенно учитывая меру и степень понимания большей части собравшейся публики, можно сказать, что было не совсем плохо.

По ходу трагедии армянское войско, возвращаясь с войны с персами, спело песню ученого Теодороса Исаевича Хатамянца «Ликуй же ныне, Армения!», которую когда-то пели в Новой Нахичевани, когда г-н Хатамянц и г-н Тигранянц дали возможность несколько раз услышать

ее армянам со сцены в городском училище в числе других произведений на родном языке. Но в Москве эту песню спели не так, как она поется, а на мотив песни г-на Верстовского «Ах, подруженьки, как грустно!». Нельзя не отметить еще одного момента: студент-грузин г-н Чикваидзе, участвуя в спектакле при исполнении песни на армянском языке, привлек наше особое внимание.

Комедия «Плакали мои пятьдесят золотых!» представляет несколько картин из жизни наших тифлисцев, написана г-ном Аладатянцем, довольно живо рисует армянские характеры. Спасибо автору! Пьеска, правда, не имеет определенной или хоть какой-либо идеи, поэтому мы считаем, что было бы вернее назвать это картинами, а не комедией. Исполнители очень хорошо провели свои роли, особенно сам автор — как бы прирожденный Карапет. Остальные тоже были очень хороши, но в роли петербургского чиновника г-н Хатисянц слишком шаржировал. Будь он несколько умереннее, впечатление было бы более благоприятным.

А в общем — спасибо этим студентам за их похвальное желание воспитывать народ с театральных подмостков. Вот было бы хорошо, если бы и тифлисские армяне проявили желание видеть в настоящем театре спектакли на своем родном языке, тем более что ни одна местность так не подходит для армянского театра, как Тифлис.

Один из присутствовавших».

Я очень обрадовался, прочитав это письмо. Не беда, что на первый раз дело пошло не совсем гладко; в другой раз, возможно, будет лучше, и господа студенты приобретут навык и натренируются на этом поприще.

Итак, дорогие армяне, вперед, всегда вперед! И малая песчинка имеет значение в огромной массе горы, из всякой искры может возгореться пламя[1], если окажутся благоприятные обстоятельства. Было бы прекрасно, если бы наши соотечественники в таком центре, как Москва, пожелали несколько раз в году видеть и слышать какую-либо театральную постановку. Это было бы для них новым толчком, стимулом к прогрессу.

И еще получил я письмо от г-на Гамар-Катипа из С.-Петербурга, который обвиняет меня в том, что одно стихотворение, посланное им, не попало в «Юсисапайл»

и что я не сообщил ему письменно, почему оно не напечатано.

Следует знать, что я не издатель «Юсисапайла» и не главный сотрудник его, я ответственен лишь за то, что попадает в мой Дневник, а включать в Дневник все, что попало, я тоже не могу, поскольку, как я давно уже заявил вам, уважаемые читатели, есть у меня дядя, который постоянно проверяет даже мои частные писания.

Посланные на мое имя, но предназначаемые к печати непосредственно в «Юсисапайле» произведения я пересылаю г-ну Издателю, в том числе и некоторые новые стихотворения г-на Гамар-Катипа, присланные мне в упомянутом письме,— больше ничего я не в состоянии сделать, от меня ничего не зависит. Что же касается Дневника, да, это другое дело, тут я непосредственный хозяин; только прошу всех, чтобы его щадили и старались посылать такое, что не привело бы ни корреспондентов, ни меня, ни уважаемых читателей к напрасной потере времени.

Север. — Газета «Аревмутк» [1]

Север... Холодная и суровая страна[2]. Природа там лишена прелести, которой блещут края, расположенные в умеренных поясах. Все живое, которому суждено было появиться на земле, будучи рожденным в условиях этого холодного мира, носит на себе его печать. Северный Ледовитый океан простирает свое суровое дыхание на весьма отдаленные места, и все живое, подвергаясь его влиянию, по законам природы сосредоточивается в самом себе и представляет весьма жалкое состояние. Что значит сосредоточиться в самом себе? Это значит порвать все связи и всякое общение с окружающим. Почему это происходит? Потому, что если не порвешь этих связей, то впоследствии станешь игрушкой северной стихии. Но, с другой стороны, сосредоточиться в себе — значит уйти из жизни, подвергнуть себя как бы вечному тюремному заключению.

Может быть, лучше остаться живым в тюрьме, чем умереть вне тюрьмы?

Ложь! Лучше умереть на воле, чем жить в тюрьме.

Почему?

Потому, что если человек лишен общества, если разрывается звено цепи, которой связан человек с предметами, существующими вне его организма, с людьми и даже с природой, он перестает быть человеком.

Север — печальный край. Даже само солнце, видя неприветливый характер этого края, видя его густые и мрачные тучи, чреватые бурями, убирает свои живительные лучи с этого мира, лишь изредка, ради любопытства, взглядывая на него. Но... увы... что это за мертвенная бледность, покрывшая лик солнца! Почему оно грустно, оно, которое в других краях выходит словно жених из морских глубин, сверкая своими золотистыми лучами над синими волнами?

На севере поля покрыты вечными снегами, моря заключены в тиски льдов. На севере, за полярным кругом, живет суровый и жестокий Борей с его ледяным дыханием, срывающим крыши с домов бедных поселян, силе которого не могут зачастую противостоять и вековые дубы. На севере, если в июне и июле почва, облегчившись от своего тяжелого холодного покрова, и вырастит какой-нибудь простенький цветок, то уже на следующий день смертоносный Борей полярным холодом обрывает нить жизни этого жалкого растения.

Какой это печальный и скорбный край! Ужели провидение навеки осудило его?

Нет, и климаты меняются и сам земной шар подвергается изменениям, с которыми, несомненно, связаны и происходящие на нем революции. В удивительное время мы живем! Словно эти перемены уже начались, словно нам суждено быть свидетелями их начала, словно солнце сжалилось над этим миром, и не так страшны атаки разрушительных бурь[1].

Как известно нашим читателям, мне суждено было установить свое жительство на севере. И вот нахожусь я в одной северной деревне, в течение восьми зимних месяцев обреченный на одиночество, безутешный в жалком своем жилище среди печальных руин моего графства. Тот дом, в котором живу я сейчас и который некогда был жилищем моих предков, видел много леденящих бурь, но в настоящее время его фасад подвергается сырым и хаотическим налетам западных ветров.

Вот уже несколько лет, как зима в этих краях изменила свой характер: вместо сухого холода здесь господ-

ствует сырая погода, располагающая организм человека к нестерпимому ревматизму. По правде говоря, для нас, поскольку мы привычны, западная сырость намного хуже северных бореев. Нестерпимо было бы сейчас наше положение, если бы мы не утешались надеждой, что это было для природы переходным средством от грубой суровости к сладостной мягкости.

Но это утешение основано на пустой надежде. Оно не может рассеять мрачное и грустное впечатление, какое могла вызвать негодная погода в душе, преданной меланхолии.

Какая отвратительная гармония: сырая погода, физическое недомогание, негодность жилища, меланхолия, прибавьте к этому тоскливое одиночество — и вот вам все, в чем или как я живу!

Проводя дни в таком состоянии, с каждым днем еще на шаг приближаясь к могиле, сижу, вперив взор в дверь в ожидании, кто же пожалует ко мне или кто из друзей поспешит утешить меня своим письмом.

Друзей у меня много, постоянно готовых писать мне, если и я буду писать им. Но беда в том, что их много, а я один, да и времени мало, кому же из них писать? Опять-таки, дай бог здоровья г-ну Шахбеку, что не забывает меня. Три месяца не имел от него никаких известий, а вчера получил письмо, содержание которого достойно любознательности, почему и переписываю его слово в слово [1].

18 (30) июня 1859, Гамбург.

Новая столица Гессен-Гамбургского графства.

Сколько времени прошло с того дня, как была написана последняя строка второй части моего Дневника («Юсисапайл», февраль, 1859), и за это время сколько страниц Дневника остались незаполненными!

О, Дневник, ты — мое первое и последнее утешение, любимец справедливых и добродетельных людей, смертельно ненавистный людям с нездоровой мыслью и злыми делами, к тебе обращаюсь и прошу твоего великодушного прощенья, чтобы ты и меня самого не включил в себя и, не будучи знаком с моим положением, не наложил печати лености на мое чело. Для тебя я никогда не ленился: разве ты забыл, как один твой отрывок (напечатанный в «Юсисапайле», июль, 1858) я написал на да-

че, куда ездил с несколькими друзьями подышать воздухом? Разве я поехал с ними погулять и насладиться красивыми видами природы, и не я ли в тот жаркий день, сидя под деревом на деревянной скамейке, заполнял твои страницы? Да и недалеко ходить: последний твой отрывок разве не написал я в поезде?.. Если думаешь, что граф Эммануэл мог когда-нибудь охладеть к тебе, жестоко ошибаешься.

— За что ты так любишь меня? — спрашивает Дневник.

— За то, что ты заключаешь в себе все, что близко душе и сердцу каждого армянина,— вопросы, имеющие отношение к жизни нашего народа и волнующие его.

— Обо мне говорят, что многое в моих писаниях носит басенный характер и что человек, не имеющий предварительных сведений о моем содержании, очень часто затруднится понять их смысл. Верно ли это? Правду ли говорят, что у меня имеется красильня и что животное, попавшее туда, появляется затем перед публикой с выкрашенной и трудно узнаваемой шерстью?

— Да, в этом есть доля правды, но чтобы двигаться вперед вместе с народом, благоразумие требует, чтобы ты двигался именно так. Таким путем правда легче воспринимается невоспитанными и азиатскими народами: в этом нет вреда, только ты шагай вперед. Настанет день, взойдет и для тебя заря, когда твои читатели сумеют смотреть в лицо египетской богине, не закрывая его покрывалом.

— Когда это будет?

— Мне не дано знать дня и часа. Мне дано лишь предвещать...

— Ты разве пророк, чтобы предвидеть?

— Нет, я не пророк, и мои пророчества грядущего основаны на событиях и обстоятельствах прошлого и настоящего.

Вот как долго я молчал, что даже Дневник зароптал.

Но удивительно, что и Бекзаде соскучился по Дневнику.

Долгое путешествие по Европе, скитания месяцами по минеральным водам, бешеная вспышка болезни и причиняемая этим неописуемая физическая слабость почти лишили меня возможности взять в руки перо. С другой стороны, тысячи все новых и новых впечатлений вели

войну в моем мозгу, и каждое из них старалось занять первое место в моем Дневнике. Но я оставляю их, пока они несколько остынут, чтобы рассмотреть их холодным взором, тем более что все это не имеет почти никакого отношения к моим заветным национальным делам. Какая польза мне от исполинского облика Лондона, какая польза от роскошного и распутного лика Парижа, от философского и мыслящего образа Берлина и Германии, когда наряду с ними перед моими глазами возникает разрушенная Армения, рассеянный народ, невоспитанные и пропитанные духом меркантилизма и делячества сыны нации, больные бессмысленным ребяческим тщеславием, ограниченные господа, именуемые учеными, которые, словно мотыльки, кружатся над свечой, когда она появляется в сырой землянке, покрытой густой армянской тьмой?..

Каждая веселая сценка, каждый просвещенный и благовоспитанный народ вызывали во мне печальную мысль, которая чужда армянам, ибо самоанализ — вещь тяжелая, неприятная... Размышления, вновь размышления, бесконечные размышления!..

Письма, получаемые отовсюду, разбросаны кругом, многие из них по сей день остаются без ответа, ибо не было силы писать.

С другой стороны, душила скука. Не было человека, близкого моему сердцу, разделяющего мои национальные идеи. Я встретил много прекрасных и благородных душой людей, ставших моими хорошими друзьями, но они были заняты или своими национальными делами, или делами общечеловеческими. Быстротечно сменялись дни и недели, и ни слова о том, жажда говорить о чем душила меня, не было сказано ни слова, которое было бы близко моей душе и моему сердцу, что давно уже стало моей жизнью, моей душой, моей кровью и мозгом.

Наконец, нравственная сила превозмогла физическую слабость, укрепила мои нервы, и вот пальцы моей руки уже в силах сжимать перо.

Пресекся фонтан красной горячей жидкости, так обильно бивший из моих легких, я начал свободно дышать...

Приехав в какой-либо новый для меня город, я считаю не только недостойным, но и постыдным мерить

улицы ради праздного любопытства и любви к новинкам. И, не глядя на них, верю, что дворцы императоров, королей и герцогов наиболее великолепны из жилищ всех смертных. Да, я посетил берлинский музей, лондонский зоологический сад, знаменитый Британский музей, Лондонскую всемирную выставку, но во всех этих случаях я руководствовался целью чему-либо научиться.

Шекспир — слава и гордость английского театра и великий волшебник поэзии — давно внушил мне желание увидеть Тауэр и Виндзор, а увидев их, нельзя было не побывать в Версале, где веками ковалась судьба Франции. Версаль... Ныне легко и просто произносимое слово, а во времена Людовика XIV Версаль был предметом зависти всех европейских королей. Роскошь Версаля, его фантастическое расточительство, его этикет долгое время влияли на все европейские дворы.

Я видел эти дворцы, эти дома, где жила Франция. Да, Франция, ибо Версаль — предмет гордости этого деятельного, но легкомысленного народа. Француз с какой-то беззаветной гордостью показывает иностранцам Версаль, как бы желая сказать: вот оно, то выпуклое зеркало, в центре которого собраны лучи французской славы, гордости и могущества, хотя этот самый предмет гордости с течением времени превратился в позорящее французов свидетельство гибельного для нации расточительства королей, и, как известно, из Собрания, созванного для упорядочения финансовых дел Франции, полыхнуло пламя революции.

Для того чтобы полностью оценить стоимость украшений и всей роскоши дворца, следует перенестись воображением за сотни лет назад, когда науки и искусства не были в таком расцвете, как сейчас. При таком подходе особенно проявится величие Версаля, хотя, рассматривая его и в свете нынешнего европейского положения, всякий человек признает его изумительным. Версальский парк украшен сотнями прекрасных мраморных статуй: тут изваяния всех людей и богов, относящихся к греческой и римской древности. Время и непогода затемнили и попортили поверхность этих великолепных статуй, так что теперь, утеряв свой блеск и разрушаясь, они вызывают у зрителя чувство сожаления. Мрамор не выдерживает натиска времени... Время царствует над вселенной, оно и преходяще и вечно, его зубы перемелят нас всех... Един-

ственное, что устоит против течения времени, на что время не может иметь такого же влияния, как на другие предметы, это единственное... — истина.

В числе этих статуй, подвергшихся влиянию времени, стояла и статуя нашего Тиграна Аршакида[1], выполненная с большим мастерством. Холодный мрамор одухотворился под рукой искусного скульптора, и из каждой черточки статуи виден был подлинно армянский тип. Неподалеку от него стояла статуя Митридата.

Я вошел в те здания Версаля, где некогда кипела жизнь, отравленная тысячами соблазнов... Версаль поистине резко отличается от Виндзора. Последний оставил о себе страшную память творившимися в нем ужасными делами, каждое из которых получило бессмертие под творческим пером Шекспира. С Версалем же связана память о величайшей расточительности, распущенности и пороках; расточительство материальных ценностей, расточительство души, любви. Воздух Версаля был заражен ядом сладострастия, обитатели и посетители Версаля всегда были ранены в сердце стрелами сына Венеры...

Опустевшие дворцы, в которых ныне остались только портреты и мебель былых обитателей, женские будуары и таинственные кабинеты... бурным потоком напоминают о Людовиках, о любовницах Дью Барри, Ментенон и Помпадур.

Каждая зала, каждый памятник пробуждали в моей памяти бурную историю Франции, начиная с Людовика XIV и кончая великим политическим разбойником[2]. После шести часов хождения наступил вечер, но я решил переночевать там, чтобы посмотреть на Версаль в глубокой и таинственной тишине ночи.

Минула полночь. Когда затихли последние шаги, когда все, ослабев от дневного зноя, улеглись в постели, чтобы сном восстановить силы, я вступил в Версальский парк. Ночь была светлая. Свежий ветерок ласкал листву деревьев, спаленную солнцем, и она шелестела весело и радостно. Луна во всем великолепии плыла по синему небу. Могильная тишина... Опустевший от жильцов дворец печально глядел с холма на распростертые у его ног озера и ныне безводные бассейны. В эти часы светящийся некогда тысячами люстр дворец сейчас был погружен во мрак...

Тысячи воспоминаний и бесчисленные думы словно воевали в моем мозгу. Я топтал землю под теми деревьями, где придворные дамы принимали любовные признания коленопреклоненных кавалеров. Я занял положение, с которого были видны главный дворец и большой и малый Трианоны. И если бы в ту минуту время отступило на несколько столетий назад, если бы ожили на самом деле люди, воскрешенные в моих мыслях и памяти, я увидел бы, несомненно, как несчастная полька Мария Лещинская выходит из большого Трианона, чтобы в уединении леса и ночи оплакать свою горестную судьбу, открыть свое сердце ночи, деревьям и ветру. Увидел бы, несомненно, как рукою королевской любовницы ставится на окно малого Трианона таинственная свеча и как слабый и безвольный, порабощенный кардиналом, Людовик XV выходит из дворца, воодушевленный только светом этой таинственной свечи...

— У-у-у! — нарушила тишину наследница руин. Я пошел на голос, чтобы увидеть посвященную Афине. Она сидела на какой-то великолепной статуе, стоявшей под скалой, на округлой площадке. Я осмотрелся вокруг, желая понять, что это за местность, и вспоминал рассказ служителя, сопровождавшего меня днем. Тут некогда происходили концерты, устраиваемые наинесчастнейшей из французских королев — Марией Антуанеттой... Вспомнив это имя, я вздрогнул словно от удара волшебным жезлом. Глазам сейчас же представились французские публицисты, Марат в своем белом парике, обещавший спасти жизнь королевы. Немного спустя я, казалось, видел беспорядочную толпу разъяренных людей, слышал крики, шум, мятеж, видел эшафот, палача и две отрубленные, залитые кровью бледные головы. Я узнал Людовика XVI и Марию Антуанетту... их очень похожие головы из воска я видел в Лондоне — у мадам Дьюссо.

Не надо забывать, что блеск Версаля начал тускнеть с того времени, когда сердце французского народа остыло к Людовику XIV. Этот холодок возрастал по мере того, как возрастало влияние о. Ляшеза, исповедника короля, на Людовика. Народ будто чувствовал последствия этого, и в самом деле — Людовик умер иезуитом...

На днях в Париже достопочтенный архимандрит Хорен выпустил в переводе на древнеармянский язык сборник стихов французского поэта Ламартина «Les Harmo-

nies». Армянские филологи до сих пор не дали понять нашим авторам, что древний и мертвый язык, утративший свое право в жизни общества, не может служить посредником для передачи идей в живом народе. Нет сомнения, переводить на древний язык легче, особенно стихи, но разве перевод является самоцелью, какой в нем смысл, если он бесполезен народу? Действительно, большой труд выполнен почтенным архимандритом — перевод стихов стихами же, и мы сожалеем, что труд, стоивший немалых усилий, остается для народа мертвым капиталом.

Но мы сожалеем более о трудах уважаемого архимандрита, нежели о том, что они останутся непонятными нашему народу: отцу Хорену не удалось выбрать материал для перевода. Считаем не лишним сказать об этом несколько слов и более ясно выразить наше мнение.

Никто не сомневается, что г-н Ламартин — один из достойных поэтов и что его произведения заслужили симпатию просвещенного мира, но произведения Ламартина не являются тем, что в первую очередь нужно народу, литературная нищета которого поднимается до армянского Кокисона [1]. Всякий невоспитанный народ пребывает в склонности к мистицизму: так и армянский народ, поскольку удалось нам исследовать психологическую сторону его жизни, весьма склонен к мистицизму, который всегда служит препятствием истинному просвещению; он отрывает и уносит мысль от того мира, где требуются деятельность и движение, уводит ее в область таинственной абстракции, где прекращена всякая жизнь и движение, где неподвижность и бесчувственность.

Из каждой строчки стихов Ламартина «Les Harmonies» веет мистицизмом, который не только не полезен, но и чрезвычайно вреден, если здраво и разумно взглянем на положение нашего народа. Нам нужны жизнь и движение, вера в себя и в товарища, нужно, не отчаиваясь и не вверяя заботу о себе каким-то абстрактным силам, пахать свою землю. Мистицизм — достояние людей отчаявшихся. Очень часто замечательные люди, потерпев неудачу в каком-либо значительном деле, стихийно, не давая себе отчета, меняют направление своих мироощущений и бросаются в поисках панацеи от своих недугов в область воображаемого. Это — моральный недуг души, заразившись которым люди теряют надежду

и веру в себя и представляют собой жалкую картину умственной мертвечины, способную вызвать слезы у чувствительных людей... Жизнь Ламартина протекала и протекает так, что трудно было ему не впасть в мистицизм. Он был жестоко обманут в жизни: обманщик проживал в дворцах Тюильри, Лувра и Сен-Клу, а для Ламартина должны были собирать милостыню, чтобы он мог жить. Разве не тяжело было ему принять от неблагодарного деспота 14 000 франков как милостыню? Вскоре мы предложим нашим читателям перевод жалобы Ламартина, его протеста...[1]

Произведения такого автора всегда бывают мистичны, но нашему народу следует держаться от них подальше. В данном случае европеец нам не пример: его мораль и просвещение покоятся на пьедестале из драгоценных камней, и мистицизм не найдет места в сердце общества. А наш народ, беспомощно барахтаясь на глиняных ногах в бездне злейших злоключений, уже забил себе голову подобными идеями: лить масло на огонь — это похоже на сумасбродный принцип гомеопатов — Similia similibus curantur. Подобное излечивается подобным.

Армянский перевод стихов Ламартина украшен небольшой фронтисписью. Виден Арарат, небо опоясано радугой и голубь летит к ковчегу. По бокам два ангела: у одного над головой звезда и в руке лира, что символизирует дух поэзии, у другого — над головой огненный язык, а в правой руке факел, которым освещается Арарат. Под всем этим — лавровый венок и на нем начертаны буквы: С. Г. А. Х. Все это (рисунок и буквы) означает, что архимандриты Саркис, Габриэл, Амбросиос и Хорен, концентрируя в себе просвещение, языкознание и поэзию, освещают Армению, погруженную во мрак. Нет для нас ничего труднее, не знаем мы ничего более тяжелого, чем удержаться от смеха при виде столь ребяческого и тщеславного дела. Хотелось бы знать, что же сделано ими, чтобы выставлять себя попечителями четырехмиллионного народа* и требовать от нас апофеоза. Мы протестуем.

---

* См. «Приложение к истории возвращения», стр. 86, изд. в Париже, 1858. «Хотя и скромные, но на сегодняшний день признаны попечителями четырехмиллионного народа в столице Франции». Решительно, совместно с «Аревмутком», протестуем против этого самозванного попечительства.

Граф Эммануэл.

Архимандриты Амбросиос и Хорен заняты сейчас составлением обширных французско-армянского и армяно-французского словарей. Они перевели на народный язык Телемака Фенелона, половина которого уже напечатана роскошно и с иллюстрациями в типографии г-на Арама, но издание приостановлено и будет напечатано заново в другой типографии. Подлинной причины этого странного действия нам не удалось узнать. Почтенные переводчики сказали, что дешевле обойдется заново напечатать в другой типографии, нежели продолжить уже начатое в типографии г-на Арама. Когда мне пришлось спросить г-на Арама о причинах такой дороговизны, он ответил, что отказ от продолжения начатого печатания вызван совсем другими причинами: почтенные переводчики заявили владельцу типографии, что они получили письмо из Индии, в котором говорится, что стыдно достопочтенным переводчикам печатать свой труд в типографии, где печатается «Аревмутк»[1] («Запад»). Вот вам еще одно доказательство махрового азиатского недомыслия армян: до какой степени может дойти уродство мысли и идеи? Не знаем, что и подумать. Нам остается только удивляться, как это носители столь уродливых и бесчеловечных идей или последователи их назиданий живут под тем же солнцем, что и мы, обитают на той же планете. Предосудительная страсть!

Говоря об училище «Мурадян», мы отметили, что достопочтенный архимандрит Гевонд Алишанянц пребывает в Париже в качестве директора училища «Мурадян». Эта высокопочтенная личность знакома армянскому народу особенно под именем Наапет... Его поэмы «Большой и Малый Арарат», «Армянский мирок», «Соловей Аварайра» согрели немало сердец, крепко связав их с именем Наапета. Свои поэмы и стихи, уже изданные под его именем или под псевдонимом Наапет и еще не печатавшиеся, отец Гевонд Алишанянц выпустил отдельной книгой «Песни»—под названием «Айруни» (патриот). В произведениях, написанных им на древнем языке, мы видим много усилий и старания быть как можно менее понятным читателям, а в стихах, написанных хотя и на новом языке (ашхарабаре), но весьма отягощенных влиянием древнего языка и малоупотребительными местными словами и оборотами, быть ближе к языку Великой Армении. Отец Гевонд Алишанянц обладает поэтическим та-

лантом, который мог бы проявиться более ясно и ярко, если бы этому не препятствовала черная монашеская ряса. Точно так же сожалеем мы и об архимандрите Хорене, отлично понимая его положение и зачастую, возможно, невольную ограниченность его взглядов. Очень и очень обязаны мы благодарностью старику Наапету и обещаем, что луна Армении прольет свой свет на его могильную плиту, если свои песни отныне он будет слагать на языке, более понятном простому народу...

Мы рады, что теперь повсюду среди армян более или менее заметно движение: как будто нация и национальность понемногу становятся темой разговора в обществе. Но мы хотели бы, чтобы по этому вопросу не довольствовались бесплодным многословием.

Число армян, живущих в Париже, очень мало, но в этом малом национальность проявляется больше, нежели в других городах с многочисленным армянским населением, куда не раз бросала нас судьба. В Париже находится наш талантливый ученый соотечественник г-н С. Восканян, который некоторое время тому назад издавал газету «Аревелк» («Восток») (закрытую по проискам некоего армянского иезуита[1] — стыд и позор этому негодяю с черной душой!), а теперь издает двухнедельный журнал «Аревмутк» («Запад»).

Уважаемые и почтенные соотечественники наши г-н Тюсюзян, г-н Кятибян и другие, взяв на себя все заботы о печатании, пригласили г-на Восканяна редактировать и писать. Благородный армянин, жертвуя своим временем, охотно принял это приглашение, и вот перед армянами появился «Аревмутк». Нам хорошо знакома судьба свободомыслящего автора в некультурном народе. Такой автор должен будет не только надрывать грудь и портить глаза, чтобы открыть народу новые идеи, но и сносить черные сплетни, какие, несомненно, не замедлят пустить всякие мракобесы. Азиат не может видеть истину неприкрытой: Изида всегда должна быть прикрыта покрывалом от взора египтянина. Поэтому-то мы и видим интриги и враждебные нападки на «Аревмутк»; их цель свести к нулю все усилия и труды как его основателей, так и

его редактора. Не знаем, до каких пор наш народ будет оставаться под влиянием армян-иезуитов... Тема, оплакиваемая днями, месяцами и годами.

В отдельной статье[1] мы специально поговорим об «Аревмутке» и кое-что из него приведем, чтобы дать читателям некоторое о нем представление. Теперь же ограничимся сообщением, что журнал этот в один печатный лист выходит два раза в месяц, подписная цена для Парижа пять рублей в год, для Москвы — шесть рублей, а для других городов России — семь рублей пятьдесят копеек. Желающие подписаться на этот журнал могут обращаться с приложением подписной платы к г-ну Назарянцу или г-ну Налбандянцу. «Юсисапайл» принял на себя представительство «Аревмутка» в России...

Человек, занимающийся национальными вопросами и интересующийся состоянием нации, не может не видеть, что у армян появляется с каждым днем все больше и больше журналов, газет и других литературных и научных изданий. Армянские газеты и журналы в Турции почти каждый месяц публикуют объявления о тех или иных изданиях, готовящихся к выходу в свет. Да, с болью признаемся, что очень часто такие издания, едва появившись на горизонте, едва увидев свет, тут же гаснут, как падающие звезды, оставив нам печальную память в виде нескольких номеров. Такую нестойкость изданий не следует ставить в вину издателям: в нашем народе, как мы указывали выше, настоящему литератору или издателю журнала приходится воевать не только с веками накопившимися и окостеневшими предрассудками народа, но и с мракобесами, и не только с этим, но — честь и слава армянам! — также и с армянскими иезуитами, политике коих враждебна всякая правда, не сулящая никакой пользы иезуитам.

В Турции печать до сих пор была свободна, но теперь, как мы слышим, от каждой национальности назначены цензоры, и, как рассказывают, господин, назначенный из нашей нации, относится к авторам более сурово, чем того требует дряхлое и расшатанное турецкое правительство. Тут проявляется фанатическое усердие... Мы протестуем против подобных цензоров и просим, будучи внимательными к судьбе нашего обездоленного народа, не давать воли личным страстям и порокам при исполнении своих служебных обязанностей.

Где нет свободы мысли и разума, там рабство духа, а где рабство, там нет жизни. Армянский народ в настоящее время и без того политически мертв. Если можно надеяться на какое-нибудь обновление, на некоторое моральное возрождение, то это должно свершиться лишь путем истинного и подлинного просвещения. Лишь просвещение — единственное средство, чтобы связать неразрывными узами разрозненные и очень часто—игрою страстей и пороков — враждебные друг другу части нации и выявить цельность национального организма. Просвещение — тот божественный дух, что связывает воедино узами братства и сердечности то, что было разъединено со времен столпотворения. Оно — тот божественный огонь, что согревает любое холодное сердце и делает плодоносной любую пустую и бесплодную душу.

Но по-настоящему просвещение — ежели хорошенько подумать о смысле этого многозначительного слова — без права каждого человека свободно исповедовать свидетельство своего сердца—невозможно. Разговор о просвещении без свободы мы признаем губительным, софистикой и порождением иезуитского духа. *Да здравствует свобода!*[1]

Введение.— Семь чудес Бекзаде.— Разные вести.— Фанатизм одного монаха

Пусть говорят, что угодно, но Бекзаде перешел все границы. Мой Дневник обязан поведать о его чудотворствах. Если такие дела, какие творятся средь бела дня руками Бекзаде, не станут материалом для публицистики, если такие нехристи и безнравственные люди не будут разоблачены печатью, разум и справедливость осудят нас — писателей.

Мы приглашаем всех армянских коммерсантов внимательно прочесть эти строки и вынести приговор со всей справедливостью. Если в этом приговоре будет столько добросовестности, столько справедливости, сколько есть их в том, что мы собираемся рассказать, тогда Дневник мой достигнет своей цели и мой долг будет выполнен.

Пусть не сердятся ребячески люди, которым тяжело смотреть открытыми глазами на какой-либо недостаток членов нашей нации. Здравый смысл требует выявлять

эти недостатки, разоблачать и осуждать их, чтобы со дня на день устранялись и исчезали эти варварские действия.

Пусть также люди, подобные Бекзаде, не радуются, что они, избежав разоблачения, могут забавляться при виде того, как треплют Бекзаде, а пусть лучше очистят свою совесть и призадумаются, хороши ли дела, за которые осуждается Бекзаде, нет ли и за ними подобных дел, не запятнаны ли и они такой же или еще худшей грязью?..

Глаза моего Дневника открыты и уши навострены... Лучше очиститься самому от грязи, нежели гневаться на человека, который, видя грязь на тебе, говорит открыто, что ты грязен.

Нет сомнения, что болезнь нашей нации — вековая. Грязь, которой она осквернила имя армянства, требует больших и решительных мер, чтобы быть смытой, но мы обязаны в меру наших сил служить этому святому делу. Для нас национальность и идея совершенства всей нации имеют настолько большой вес, что мы готовы на любую жертву, какая только доступна писателю, для того чтобы сохранить их и помочь им. В таком деле для нас ничто честолюбие и эгоизм нескольких армян-язычников, и потому с чистой совестью и положа руку на сердце не только жертвуем ими, но и побиваем их камнями как порождение халдейского семени.

Мы отлично знаем, что поэтому ненавистны им, и именно поэтому «Юсисапайл» — терний в глазах многих, но мы всегда помним о том, что ответственны перед богом, ответственны перед нашей совестью и перед здравым смыслом.

Если бы целью нашей были личная польза и выгода, если бы нашим желанием было считать хорошим любое средство, чтобы сделаться любезным нации и сгладить дорогу «Юсисапайлу», тогда, конечно, мы пользу нации принесли бы в жертву нашим интересам, сделали бы лицемерие своим победоносным оружием. Но дальше от нас эти адские средства! Они — достояние обскурантов и иезуитов, с которыми мы не имеем ничего общего. Больше того, мы и не хотим, чтобы эти люди с дьявольскими замыслами хвалили нас, наше дело, наше направление, поскольку тогда мы сами были бы подозрительны в собственных глазах.

На ниве нации нет и пяти злаков, а терний и плевел — тысячи. Молим всемогущего послать сердобольных работников, которые тщательно вырвали бы тернии, чтобы благородные злаки имели возможность расти и крепнуть. Армянам пора выйти из детского возраста и несколько возмужать, научиться судить и отличать черное от белого: до сих пор они судили лишь о достоинствах вина и сыра. Пора научиться немного мыслить, ибо доныне они пребывали в том же состоянии, в каком был Навуходоносор, когда, проснувшись, сказал пророку: «Разум покинул меня».

Нам стыдно, когда какой-либо чужой человек, рассказав нам о бессердечии, меркантильности и ребяческих суждениях нашего народа, спрашивает, из какого источника проистекают они и возможно ли до такой степени унижать свою личность. Нас очень часто заставляют краснеть и стыдиться, но наши, всей душой любимые, армяне не желают слушать, когда мы, по-братски говоря с ними, убеждаем устранить уродства, за которые нам приходится краснеть перед чужими.

Язвы и недуги нашей нации хорошо знакомы нам, но сама нация не желает признаться в своих болезнях; она избегает врача, она думает, что, скрывая от товарища свои гноящиеся раны, может скрыть свое жалкое положение. Эти раны заражают ее душу.

До нашего слуха доходят сумасбродные мнения и идеи некоторых легкомысленных журналов и газет, но они не больше, чем звон разбитого колокола. Мы смеемся над ними, но смех этот для нас горше слез, поскольку это происходит в нашем народе.

Эти по-детски мыслящие журналы и газеты дали обет сплетничать на наш счет и утверждать противное тому, что сказано нами, причем доходят до такой степени, что, если в «Юсисапайле» будет сказано, что бог есть, они готовы отрицать и это. Против нас направлены также громы и молнии проклятий некоторых духовных лиц, но они быстро гаснут и давно уже утратили свой таинственный смысл в человеческом мире.

Наше сердце обливается кровью. Мы служим не порокам нашим, как обругали нас некоторые мракобесы, а печемся о пользе народа. Возможно, вина наша в том, что мы через столетие воочию видим грядущие дни нашего народа...

Приглашаем лицемеров напрячь свои органы соображения и оправдать деяния Бекзаде, которые мы опишем и которые, не найдя более подходящего имени, мы назвали «семью чудесами Бекзаде».

Первое. Бекзаде, имея торговое дело в одном большом городе, принял к себе на службу одного молодого человека, назначив ему годовое жалованье и передав ему по описи весь товар в магазине. Молодой человек, как видно из вышесказанного, не был компаньоном, следовательно, не делил с Бекзаде ни прибыли, ни убытка: он был обязан сдать Бекзаде выручку за проданный товар и остаток товара по той же описи, по которой получил.

Молодой человек прослужил несколько лет; количество товара в магазине уменьшалось изо дня в день; из-за ограниченности ассортимента торговля стала падать. Рачительный молодой человек, замечая это и желая предупредить убыток, обращается к Бекзаде с просьбой прислать новую партию товара. Бекзаде откладывает дело со дня на день, а затем и вовсе умолкает. Молодой человек в течение нескольких лет пишет, возмущается, негодует, требует или доставки ему новой партии товара, или присылки уполномоченного, или приезда самого Бекзаде, чтобы по отчету сдать им остаток товара и закончить дело, но все тщетно.

Бекзаде, не отзываясь на мольбы молодого человека, доводит его до последней грани отчаянья. Однажды, когда Бекзаде овладела страстная жажда обездолить человека (эта страсть просыпается в нем 365 раз в году), он вдруг, проделав путь в 1 118 верст, появляется в городе, где находится его магазин и донимавший его жалобами молодой приказчик. Последний тотчас же приступает к отчету. Скажем, к примеру, что Бекзаде сдал ему товара на 30 000 рублей, и приказчик разновременно перевел ему 25 000 рублей. В наличии оказывается товара на 10 000 рублей, считая по ценам, по которым Бекзаде сдал его молодому человеку. Однако товар, сданный приказчику по рублю, Бекзаде не принимает по рублю же, а считает по 75 копеек, мотивируя тем, что он износился. Молодой человек отвечает на это:

— Сударь, товар твой, стар он или нов, вот он налицо: я его не проел, не расточил, а сколько продал — стоимость его доставил тебе полностью, дав на 20 000 его стоимости 5 000 прибыли, поэтому и оставшийся товар ты

должен принять у меня по той цене, по которой сдал его мне. Если то, что стоило рубль, сдать по 75 копеек, откуда же взять недостающие 25 копеек?

— Из твоего жалованья, — тотчас же отвечает Бекзаде.

— Моего жалованья не хватит на покрытие недостачи, — замечает молодой человек с горькой иронией.

— А на остальную сумму выдашь вексель,— парирует Бекзаде.

— Прослужить столько лет, дать столько прибыли и не только не получить никакого вознаграждения, но и остаться твоим должником? В какой стране это видано или какой религией дозволено подобное дело? — спрашивает молодой человек.

— Я не философ, — отвечает Бекзаде, вынимая папиросу и постукивая по крышке табакерки. — Товар залежался и теперь не стоит рубля.

Таким образом заканчивает Бекзаде свои счеты, остаток товара принимает по сниженной цене, не платит молодому человеку жалованья и берет с него вексель на недостающую сумму. Молодой человек не желает обратиться в суд, отлично зная натуру Бекзаде: чтобы лишить служащего его сторублевого жалованья и осуществить свое бессовестное желанье, он готов бросить тысячу рублей на взятки и выиграть судебное дело.

После этого происшествия несколько человек видят, как Бекзаде средь бела дня в ночном халате прохаживается перед своим магазином, на одной из главных улиц города, с одним евреем, стараясь обмануть его и повыгоднее купить у него шубу.

Второе. Бекзаде имел обыкновение посылать товар в один большой город, когда там происходила ярмарка. Другой коммерсант, торгующий тем же товаром, обратился к Бекзаде с предложением: если Бекзаде согласится не посылать на этот раз товар и человека на ярмарку, то он — этот коммерсант — готов купить у Бекзаде товара на сумму до 15 000 рублей сроком на несколько месяцев с прибылью в 10 процентов. Бекзаде соглашается, отпускает товар и получает от коммерсанта оформленный вексель. Когда покупатель вместе с товаром отправляется на ярмарку, Бекзаде на другой же день отправляется на биржу и заводит следующий разговор:

— Если кто назовет меня дураком, он будет прав.

— Это почему же? — спрашивают купцы.

— Да вот поверил такому-то (имя рек) на столько-то рублей товара. А что ему поверить, что выбросить в море — одно и то же. Кто теперь даст хоть грош за его векселя?

— Почему так порочите этого человека? Он ничьих денег не присваивал, никакого мошенничества не совершал, — говорят люди.

— Речь не о том, — отвечает Бекзаде, — совершал или не совершал, но я знаю, что деньги мои пропали.

Бекзаде задался целью опорочить имя этого человека на бирже, чтобы тот, потеряв доверие, не мог продолжать свою коммерцию и чтобы арена деятельности осталась за одним Бекзаде.

Спустя некоторое время коммерсант-должник возвращается с ярмарки и, узнав о бесчестных действиях Бекзаде, сейчас же, раньше срока, выплачивает ему свой долг, полагая, что этим благородным поступком он отомстит ему и разоблачит его лживость и безнравственность.

Но можно ли чем-либо устыдить Бекзаде? В созданном богом мире материальных и духовных вещей нет ничего, что могло бы устыдить его. Лицо Бекзаде уже давно превратилось в лапти мужика.

Третье. У Бекзаде был любимый приказчик, которого он за последнее время сделал своим компаньоном-пайщиком. (Об отношениях между Бекзаде и этим приказчиком, завязавшихся с очень давних пор, злые языки рассказывали много грязных историй...) Так или иначе, Бекзаде обручает своего приказчика с некоей девицей. Люди, видя, что Бекзаде уделяет большое внимание невесте своего приказчика и проявляет много заботы о ней, удивляются этому. Но это удивление уступает место ужасу, когда однажды какой-то уважаемый человек, увидев девицу-невесту катающейся в экипаже Бекзаде, обратился к нему с удивлением:

— Какую честь оказываешь ты невесте своего приказчика! И экипаж к ее услугам и все такое...

— Гм, и ты не понял с какой целью я это делаю? — ответил Бекзаде.

— Откуда мне знать?

— Ты же знаешь материальные возможности моего приказчика,— продолжает Бекзаде.— Ты хорошо знаешь, что он не в состоянии содержать выезд для своей жены.

Для того-то я и приучаю его невесту к экипажам и прочей роскоши, чтобы после брака она потребовала того же от своего мужа. Нет сомнения, что муж не сможет предоставить ей всего этого, и потому между ними вспыхнет пламя несогласия и раздора... а цель моя именно в этом... Не будучи в состоянии ублажать жену, муж потеряет, конечно, всякое уважение с ее стороны... А мне этого и нужно, я... еще посмеюсь над ними обоими...

Четвертое. Свой залежалый и гнилой товар, на котором, если пустить его в продажу, он потерял бы не меньше 40 копеек на рубль, Бекзаде в образе благодетеля передает вышеупомянутому любимому своему приказчику, объявив его самостоятельным купцом. Таким образом, сдав 60-копеечный товар за рублевый, он берет у несчастного вексель на 33 000 рублей, в силу которого тот обязуется возместить эту сумму.

Находятся люди, которые спрашивают Бекзаде, как он решился доверить такую сумму приказчику и перевести магазин на его имя. На это Бекзаде отвечает, смеясь:

— Вы не имеете представления о коммерции! Если бы я не перевел магазин на его имя, он никогда не смог бы уплатить мне обусловленную сумму.

— То есть, как это? — спрашивают собеседники.

— Очень просто, — отвечает Бекзаде. — Появившись в мире коммерсантов в качестве самостоятельного купца и владельца такого количества товара, он может добиться доверия. Это позволит ему вступить в торговлю с иностранцами, постепенно расширяя торговые операции, и получить возможность выплатить мне мои 33 000 рублей, оставшись должным иностранцам, скажем, 55 000 рублей.

— Ну, а иностранцы? Как же они получат свои деньги с приказчика, выведенного тобою в люди?

— В тюрьме много камер...

— Но это же бессердечно с твоей стороны! После стольких лет службы...

— Черт бы их побрал! Они меня разорили.— С этими словами он набивает ноздри нюхательным табаком и, надвинув шляпу на лоб, уходит от собеседников, замышляя новую аферу.

Пятое. Однажды Бекзаде приглашает некоего человека вступить в общество, организованное им и его единомышленниками. Приглашенный спрашивает, что это за

общество, будет ли оно заниматься национальными делами или...

— Нет! — обрывает его Бекзаде.— Наше общество — общество сплетни. Мы собираемся для того, чтобы одного оклеветать, другого обругать, третьему расставить сети; этого разорить и по миру пустить, того с ног сбить...

— Избави бог от такого дьявольского общества! — с такими словами благочестивый армянин поспешно удаляется.

Шестое. Бекзаде приказывает одному из своих приказчиков, также много лет служившему у него, выписать своего племянника для службы в магазине Бекзаде. Приказчик пишет, и вот подросток появляется на Нижегородской ярмарке. Вскоре мальчик заболевает, и Бекзаде начинает на него коситься.

Брань, плевки, неистовые поношения сыпятся из уст Бекзаде на бедного мальчика. Дело доходит до того, что Бекзаде гонит его из магазина. Мальчик требует, поскольку его служба неугодна, отправить его домой. Это требование выводит Бекзаде из себя. В это время мать мальчика посылает сыну 30 рублей с тем, чтобы тот купил себе пальто. Однако деньги, посланные на имя Бекзаде, последний присваивает, а юноше решительно заявляет, что не желает больше его видеть и вместе с тем отказывается отправить его домой. Оставшись совершенно беспомощным, юноша решил обратиться к полицмейстеру (Бекзаде живет как раз против дома полицмейстера). Услышав эту угрозу, Бекзаде в бешенстве бросается на мальчика и избивает его, изрыгая дикую брань. Полицмейстер в окно видит эту картину. Мальчик подает жалобу. Полицмейстер вызывает Бекзаде и предлагает ему или взять мальчика к себе, или отправить его домой. Бекзаде отвечает, что не может взять к себе на службу вора и разбойника и что вся семья и весь род мальчика — воры. С этими словами он достает из кармана письмо якобы от матери мальчика, которая, посылая упомянутые 30 рублей, пишет, что эти деньги краденые.

Мальчик решительно опровергает эту клевету, и следствие устанавливает, что это письмо фиктивное, подделанное рукой Бекзаде. Полицмейстер предупреждает Бекзаде, чтобы впредь не поступал так со своим служащим и что его мошенничества могут привести к большим неприятностям и бесчестью. Он убеждает Бекзаде или оставить

мальчика у себя, или дать ему денег на дорогу домой — на Кавказ. Бекзаде обещает оставить его у себя.

Вскоре мальчик попадает в больницу и остается без средств. Через несколько дней Бекзаде заходит к нему, дает 5 рублей и заявляет, что он уже распорядился о нем. Когда мальчик несколько успокаивается, Бекзаде начинает действовать.

Он вызвал приказчика, т. е. дядю мальчика, и запретил ему принимать племянника в свой магазин или отправлять его домой. Если же он, проявив сострадание, позаботится о нем, то он, Бекзаде, не отдаст приготовленные для него и принадлежащие ему 2 000 рублей. Затем он вызвал возчиков, нанятых для перевозки товара, и им строго-настрого запретил помочь мальчику добраться до города М... Если же они осмелятся пожалеть несчастного мальчика, то не получат от Бекзаде ни копейки за доставку товара.

Отдав эти распоряжения, Бекзаде уезжает.

Мальчик остается в полной уверенности, что вскоре поедет вслед за хозяином.

Дня через два после отъезда Бекзаде к мальчику приходит его дядя (то есть приказчик Бекзаде) и, сообщив, что через два дня они вместе поедут в М., спрашивает, нет ли у него рубля на два мелочи. Мальчик отвечает, что у него есть только одна пятирублевая кредитка, полученная от хозяина.

— Не беда, — говорит приказчик, — все равно завтра отдам. Мне сейчас нужна эта мелочь, из-за которой не хочется итти домой в такую даль.

Мальчик отдает ему все свое состояние. Приказчик, взяв деньги, отправляется к себе на квартиру, садится в готовый экипаж, и... мчится во весь опор.

Через два дня несчастный мальчик узнает, что обманут дядей. Он горько рыдает, возмущается, но что толку? На это зверское бессердечие остается воссылать лишь жалобу к небу.

Некоторые добрые армяне, пожалев беспомощного мальчика, собрали несколько рублей и отправили его в город, где находился Бекзаде.

Седьмое. Спустя несколько дней к Бекзаде в город М. приезжает угодливый приказчик и просит отдать ему 2 000 рублей. Бекзаде, незадолго перед тем сообщивший, что у него находятся 2 000 рублей, принадлежащие

приказчику, начинает копаться в своих исписанных чертовым хвостом гроссбухах, то почесывая затылок, то набивая табак в ноздри, после чего объявляет, что приказчик уже получил не только 2 000, а 2 076 рублей, так что он остается должным Бекзаде 76 рублей. Приказчик протестует против такого беззакония, но никто не слышит его воплей. Это — обычное правило Бекзаде. После долгих препирательств приказчик, видя, что бесполезно спорить с Бекзаде, соглашается уплатить 76 рублей и просит вернуть его паспорт. Бекзаде отвечает: пока не принесешь 76 рублей, паспорта не получишь.

Не будем испытывать терпенье читателей. Приказчик, заложив шубу и еще кое-какие вещи, добывает 76 рублей, вручает их Бекзаде и получает свой паспорт. Так вознаграждается не только долголетняя служба приказчика, но и его звериная безжалостность в отношении своего племянника.

Если, как мы надеемся, некоторые газеты и журналы станут оправдывать семь чудес Бекзаде, тогда мы сочтем своим священным долгом представить им полную и подробную биографию Бекзаде, рассказав о сотворенных им сорока чудесах, каждое из коих в свое время было записано в моем Дневнике. Опубликованное мною — лишь отрывок из тех подробных и разнообразных записей, которые я ежедневно произвожу под соответствующим числом и номером обо всем виденном и слышанном мною.

Но хватит! Отвернемся от столь мрачного образа и будем молить всемогущего бога очистить армянскую ниву от сорняков.

Но без усилий и забот с нашей стороны, без жертв и без неусыпного труда возьмется ли господь сделать это?

Перед лицом господа осуждены лень и беззаботность. Мы сами обязаны приступить к делу, а потом уже просить у бога успеха.

Первое дело — открытие школ, это — первый и последний путь спасения для нас...

Опорой нации и ее рычагом является простой народ[1]. Как бы ни была богата нация замечательными людьми, тем не менее движущей силой ее остается простой народ — именно он и есть стан, ось и рычаг этой машины.

Благоденствие богачей и власть имущих не может считаться национальным счастьем, если их лишен простой народ. Счастье простого народа должно выражаться в его семейном и экономическом благополучии, в свободе его совести и разума. Очень часто отдельные люди не только не лишались своего благоденствия, когда их нация подвергалась сокрушительному бедствию, а извлекали пользу из этого и даже еще больше обеспечивали свое благополучие.

Когда бы ни говорили мы о нации, всегда имеем в виду простой армянский народ. Под нацией мы понимаем не нескольких лиц, которые по серебряной лестнице поднялись над нацией, а бедный и достойный сочувствия народ, на который обрушились последствия национального несчастья. Безутешная печаль ложится всегда на мое сердце при мысли, что во всех нациях, существующих в мире, на простой народ падает главным образом вся тяжесть лишений и страданий при сокрушении его национальной машины, чего избегают богачи и предатели!.. Несравненно меньшим счастьем пользуется простой народ и тогда, когда действует национальная машина, нежели отдельные люди, вышедшие из среды общества и поднявшиеся над его горизонтом.

Разобрать причины этого несоответствия и изложить их в нашем Дневнике мы не имеем возможности. Мы вынуждены ограничиться указанием, что состояние старого нравственного мира и старых понятий не могло привести к иным последствиям.

Национальное здание, естественно, должно строиться снизу — с фундамента, а фундамент этот — простой народ. Человек, любящий свой народ, посвятивший свою жизнь защите нравственных устоев, обязан служить не идолам нации, а пользе простого народа. Машину нации составляет простой народ. Просвещенные люди могут и обязаны только давать этой машине толчок, темп и направление.

Наша национальная машина разбита.

Было бы нелепостью, если бы мы вздумали дать толчок машине, когда она сокрушена, когда отдельные части ее разбросаны и покрыты ржавчиной, когда она лишена той цельности и того устройства, без которых не может двигаться и работать. Восстановление национальной машины — обновление жизни простого народа возможно

лишь внедрением в него сознания. Сознание же проистекает из просвещения.

Просвещение! Вот та большая и величественная задача, которую обязаны решить способные и ученые люди нации. Нет на свете ничего страшнее тьмы: она — ужасающая завеса, за которой люди вправе предполагать и смерть. Идея просвещения нации может осуществиться только тогда, когда основаны и сохранены подлинно национальные школы, в которых слышится армянская речь, где дети нации на армянском языке усваивают различные светлые идеи. Мы не признаем национальной ту школу, где приказывают говорить по-русски, по-французски и *лишь изредка по-армянски*[1]...

Национальный облик школы определяется не тем, что учащиеся и учителя — армяне: только язык может оправдать название — национальная школа. Лишена всякого основания и совершенно неприемлема мотивировка, что, мол, заставляя детей народа говорить на чужих языках, тем самым обучают их этим языкам. Обучение детей народа чужому языку — не дело первой необходимости; напротив, прежде всего они должны укрепиться в знании своего языка. Армяне еще не умеют говорить по-армянски; так пусть же армянское дитя научится прежде собственному языку, а уж потом чужому.

Национальное предшествует общечеловеческому, и каждый человек через свою национальность входит в человечество. Ложно, иллюзорно просвещение, внедряемое на чужом языке: человечество богато горьким опытом, свидетельствующим об этом. Душа и сердце народа могут сохранить в чистоте свои свойства и качества, лишь формируясь под влиянием национального языка. Отвергающий эту истину отвергает и национальность.

Польза школы вытекает из ее направления. Без свободы совести и мысли нет просвещения.

Национальная школа — тот орган, то чрево, что рождает грядущие поколения нации. Как в естественном мире рожденный сохраняет тип и природные качества родившего его, так и учащийся носит на себе печать школы. Директора и воспитатели школ, которые не соблюдают пользу народа, злоупотребляют своим служебным положением, виновны перед народом, и сущность этой вины в состоянии раскрыть лишь страшное слово —

народоубийство. Если смысл и цель школы не согласуются с существенной пользой народа, если школа служит орудием для прививки армянским детям чуждого, уж лучше остаться детям неучами-армянами, нежели стать недоучками-неармянами.

Но положение нашего народа таково, что он не в состоянии при нынешней разрухе создать такие школы, которые могли бы дать всеобъемлющее образование детям народа: последние вынуждены учиться в чужих школах. Да, это так, но национальные школы обязаны пробуждать мысль детей, прочно внедрять в них семена нации, зажечь в их сердцах огонь армянства, словом — выполнять долг семейного воспитания, что должны были бы делать родители на благо своего народа, но что забыто из-за отсутствия у нас семейного воспитания.

Семя будущего нации — в семейном или материнском воспитании. Но матери нашего народа дают нации детей, у которых лишь оболочка армянская.

Женщины-армянки, не таковы были ваши матери: их сердца бились для народа; вместе со своими мужьями они отважно участвовали в отражении ударов, наносимых нации. Они не отвергли пользу народа, они проявили мужество, они никогда не хотели, чтобы на них смотрели, как на игрушку или на разряженную и разукрашенную куклу. В V веке, когда избранные сыны Армении пали жертвой персидского чудовища [1], их матери, жены, сестры и дочери не отставали от храбрецов, павших на поле битвы во имя родины. Они забыли о женской слабости, отказались от изнеженной жизни, покинули роскошные жилища и под открытым небом, на голой земле разделяли муки и лишения отважных воинов. Они отказались от слуг: некому было полить воду им на руки или сварить простую пищу. Они жили трудом своих рук, отдавая храбрым мужам все, что получали от государства для поддержания своей жизни. Запылились и закоптились светлицы и ложа новобрачных, и паутиной затянулась былая роскошь. Много зим миновало, много весен пролетело, а с ними и весенних ласточек, но воины не вернулись; свое вдовство женщины не сочли укором, напротив, они гордились им, став добродетельными и беспорочными невестами жениха небесного. Таковы были в древности наши матери и сестры, таковы были жены, но что же они теперь?..

Женщины-армянки, к вам мое слово сегодня! Возрождение и спасение нации — пустая мечта, если сгнила в ней семейная жизнь. Государство состоит из семей, и качество последних не только отражается на правлении, но и в величайшей мере служит причиной его сохранности или гибели.

Наша семейная жизнь, что жизнь в гостиницах. В наших семьях разговаривают о еде, одежде, гулянье и прочих удовольствиях, и очень часто этих ребяческих вещей оказывается достаточно для разрушения даже этого кажущегося семейного счастья. Где та семья или, вернее, та мать, которая говорила бы со своими детьми как мать? Я доныне не встречал таких, а не встречал оттого, что наши женщины утратили свое призвание. Мать должна учить своих детей родному языку, мать должна взращивать в детских сердцах семя национального чувства с заботливостью и попечением, чтобы холодные северные бури или палящий южный зной не могли иссушить его ростки. Мать детей — мать семьи, а матери семей — мать нации. Но каковы матери нашей нации сейчас? Думают ли они хоть час, хоть минуту в своей жизни о своих детях в смысле нравственном? Мы отвечаем — нет!

Новорожденного они большей частью поручают инонациональной мамке. Армянское дитя растет не на священном молоке матери, а на чужом, вместе с которым в него входит чуждый язык и чуждая душа. Барыня-армянка считает позорным кормить грудью своего ребенка: как же можно из-за ребенка лишиться развлечений, балов и маскарадов? Пусть ребенок растет на попечении другого: не будет армянином — будет просто человеком, не познает армянскую веру — познает чужую. Наши губы горят, повторяя эти слова, и мы, пораженные гневом и стыдом перед своей совестью, думаем: до какой же степени разложения и моральной распущенности способны дойти наши женщины?

Было бы лишним говорить об армянках, живущих в столицах: они давно погибли для нас, погибли и их дети. Их армянство проявляется разве в том, что несколько раз в году они ходят в армянскую церковь, но даже исповедуются на чужом языке. Наши счеты с ними покончены: оставим их плыть в своих кринолинах по бурному морю светских заблуждений, лавируя между камнями и утесами. Но мы не считаем себя вправе отвернуться от всех

женщин армянской нации, на которых мы еще надеемся и для которых так сильно бьется наше сердце.

Женщины-армянки, прошли времена, когда на женщину смотрели, как на рабыню. Прошли времена, когда женщина считалась товаром, вещью, предметом обстановки, объектом купли-продажи. Прошли и уже не вернутся те времена, когда законодатели смотрели на женщину, как на некую родильную фабрику, производящую солдат для отечества. Прошли времена, когда женщина считалась то нечистой силой, то ангелом. Теперь, в наш гуманный век, просвещенный мир смотрит на женщину как на человека. Он признал то великое и глубокомысленное призвание, коим наделил бог женщину.

Женщины-армянки, вы хоть и дети нашего века, тем не менее вы дочери и внучки тех блаженной памяти великодушных и отважных армянок, о которых шла речь выше. Большой и неотложный долг лежит на вас: уподобиться им и понять свое призвание. Вы созданы не для того лишь, чтобы одеваться, есть, пить и спать, но вы обязаны быть матерями и проявить свое армянство в своих детях. Мы бессмертны в наших детях, как наши предки живы в нас. Помните о вашей национальности, о грядущем ваших детей, помните о страданиях ваших матерей и воспитывайте истинных армян, каких давали ваши матери в древности. От вашего желания и усердия зависит расцвет и торжество того, что кровью тысяч и слезами десятков тысяч сохранилось до наших дней. Точно так же ваша лень, беззаботность и неармянство делают бесплодными жертвы и страдания наших отцов и матерей, ведут к бесследному нашему исчезновению, как капли в море.

Женщины-армянки, наша нация сейчас разрушена, ее надо восстановить. Она спит глубоким сном, ее надо разбудить. Но и в том и в другом случае все наши труды и усилия будут тщетны, если вы не скините с себя предосудительный покров беспечности, если вы не оденетесь в армянство, не как в кринолин, а как в свое кровное, чего никто и ничто не могло бы соскрести, снять с вас.

Любые знания и науки, преподаваемые в школах, будут недоступны или с трудом будут воздействовать на ваших детей, если они не получат у вас подготовительного воспитания.

Мы не требуем от вас такого семейного воспитания, какое потребовали бы от европейских женщин. До поры до времени и этого будет довольно, мы будем благодарны, если вы вместе с чистым армянским молоком передадите детям, во-первых, наш язык, во-вторых, армянскую душу и сердце и, в-третьих, самоотверженную любовь к национальному, к нашей свободной религии.

Мир движется вперед, вновь расцветают увядшие было нации, и нам не к лицу оставаться беспечными в отношении к славе, что предназначена армянству в человечестве. Армяне обязаны просветиться и быть в руках провидения орудием распространения просвещения среди азиатских народов.

Женщины-армянки, ваше попечение о дочерях до сих пор состояло лишь в том, чтобы кормить и растить их, украшать яркими и пышными нарядами, с богатым запасом корсетов и кринолинов и пораньше выдать замуж за более богатого человека. При этом бывало часто, что вы не обращали внимания на возраст, нравственность, образование и разум жениха, не говоря уже о том, что зачастую ваша дочь не только не любила своего жениха, но и видеть не желала этого богатого, но немилого ей претендента. Не в этом, однако, ваша материнская обязанность, ваш материнский долг. Из дочерей вы должны подготовить новых матерей для грядущего поколения. Вы обязаны воспитывать в дочерях чувство национального самосознания и, памятуя о священных родительских правах, обязать дочерей передавать его, еще более окрепшим, младшему поколению.

Не лучше было ваше попечение о сыновьях. Не слыша от вас даже имени народа и нации, они стали служить материальному, корысти. Вы обязаны готовить из них новых отцов и передать им национальность, язык и веру как священное и нерушимое наследство, завещав им, чтобы, десятикратно приумножив, они передали это заветное наследство своим детям.

Женщины-армянки, наш народ жил доселе в жалкой нищете. Он ел пепел вместо хлеба, и питье его было солоно от слез. Молот деспотизма нанес ему такой страшный удар, что он и поныне не в силах очнуться, притти в себя, разобраться в себе, в своем прошлом и настоящем и позаботиться о будущем. В этом главная причина, что любое несчастье, любое бедствие наш бедный и разорен-

ный народ сносил терпеливо: за долгие века привыкнув к горькой чаше, он забыл самую мысль о поисках лучшего. В настоящее время по мере просвещения с каждым днем слабеет сила ударов по порабощенным народам; гуманный дух нашего века исцеляет их раны и, взяв за руку желающего, выводит его из грязи и нечистот наверх к счастливой жизни.

Наш народ давно забыл желать. Да, он обладал и обладает этим чувством, но лишь в отношении золота и серебра — идеи о нравственной славе, идеи о каком-либо общенародном деле и в мыслях у него не бывало. Нам следует заложить в народе стремление к этой божественной идее, подготовить себе преемников и заклясть их непоколебимо и страстно осуществлять ее, как некогда Моисей в стремлении вывести богоизбранный народ в страну обетованную.

Женщины-армянки, вы, как и все создания, смертны. Ваша память, ваша слава не в сверкании ваших бриллиантов и не в раздутых кринолинах: ваша слава и память о вас — ваши дети. Их делами и их достоинствами прославятся и обессмертятся ваши имена. И, напротив, их недостойность убьет и уничтожит вас.

О, если бы голос мой был услышан вами! О, если бы хоть несколько жертв спасли мои слова, сопровождаемые слезами! Какое было бы утешение: солнце моей надежды поднялось бы несколько выше над горизонтом национального спасения.

Но в настоящее время, повторяю, когда у нас еще нет семейного или материнского воспитания, национальные школы обязаны заботливо выполнять эту роль.

Нашему народу нужно общее просвещение, чтобы пробудилось сознание. В настоящий момент те или иные специальные науки не имеют того значения, какое придают им некоторые люди. Многие из армян не умеют читать и писать, многие даже не сохранили язык. Поэтому первейшей заботой должно стать прежде всего оживление родного языка в душе, сердце и в устах детей народа, изъятие из нашей среды турецкого, молдавского, грузинского и других языков, занявших место национального языка. Во всех селах и городах Армении надо открыть начальные школы, задача которых — обучить детей народа языку и грамоте. В тех деревнях, где бедность народа препятствует осуществлению этой идеи...[1]

В таком могущественном и просвещенном государстве, как Англия, сельский священник лишается своего прихода, если среди его паствы обнаружится вдруг мальчик или девочка, не умеющие читать и писать. У священника имеется список его прихожан, он знает, в какой семье сколько детей, и если родители не пожелают во-время послать своих детей к священнику, последний вправе затребовать их через суд.

Несомненно, обучение только армянскому языку не такое уж большое дело, этим народ еще не просветишь, если даже и достигнем цели, но это — первая ступень лестницы просвещения, не переступив которой нельзя ступить на следующую. Наш народ не имеет ничего, все надо начинать сызнова, но пусть не отчаиваются малодушные люди, полагая, что если ничего не было, то армяне, мол, уже погибли. Нет, они не погибли, но находятся на опасном пути, ведущем к гибели.

Человечество в настоящее время находится в состоянии брожения, у него проявляется большая деятельность, большой сдвиг. И народ, не пожелавший самостоятельно двигаться и действовать, будет поглощен другим, более деятельным и умным, народом. Мы свое сказали: имеющий уши да слышит!

Требуя от священников обучать грамоте детей народа, необходимо также учреждать образцовые народные школы. Но в данный момент, как могут быть учреждены такие школы, когда нет ни средств, ни учителей? Это грандиозная задача, но если ее решение многим представляется очень трудным и даже невозможным, то нам оно кажется очень легким. Тут нужна воля народа. Если она не умерла и не перестала действовать, и средства найдутся и учителя появятся. Нет сомнения, что в таких случаях требуются решительные меры. Половинчатые меры не только не достигают цели, но чрезвычайно вредны и в материальном и в нравственном отношении...

• •
•

...Среди писем, полученных мною за последние дни, заслуживает внимания письмо за подписью г-на Месропа Тиратуряна [1]. Это уважаемое лицо вовсе незнакомо нам, а возможно, что подпись и вымышлена, поскольку в письме не обозначены ни дата, ни место. На конверте можно разобрать: 17 февраля, 1860, Тифлис.

Мы очень рады таким корреспондентам: они, если пожелают, могут оставаться инкогнито для публики, появляясь в любом наряде, но просим только, чтобы доставляемый ими материал для печати отвечал существенным интересам нации. Вот дословная копия упомянутого письма:

Уважаемый господин граф Эммануэл!

Нет сомнения, что никогда в истории человечества так явственно и определенно не выступал национальный вопрос, как в настоящее время. Национальность стала как бы насущным хлебом, без которого не проживешь: требования национальности распространяются подобно электричеству с молниеносной быстротой по всем народам. Закваска этого брожения попадает и в нашу нацию — и у нас слышатся голоса, и у нас начинает живее биться сердце.

В самом деле, после многовековых материальных и моральных потрясений армянский народ не мог сразу осознать идею национальности и сделать ее плодотворной, это наше общественное несчастье, но отказываться от деятельности значило бы, по-нашему, покончить самоубийством.

Побуждаемый именно этими причинами, я и выхожу на поприще армянской литературы, хочу и я заложить пару кирпичей на том месте, где когда-нибудь поднимется, быть может, величественное сооружение армянской нации.

Вступая на это поприще, я, быть может, вызываю у вас любопытство, последователем какой школы и какой философии являюсь я? Канта и Гегеля принимаю не без критики, прежде всего потому, что мысли мои и свободу мышления не желаю ни в коем случае рабски подчинять власти этих философов, считая утрату свободы делом, противным разумной философии; во-вторых, философию как нечто живое, движущееся и всецело принадлежащее всему человечеству, я изучаю ныне на современной истории народов и явлениях жизни. Сказанного о моих взглядах и принципах считаю достаточным; продолжаю о том, что одним из величайших и сильнейших средств для укрепления нашей национальности и популяризации идеи патриотизма является также изучение национальной истории.

До сих пор наш народ не имеет такого труда по истории, который бы выдержал испытание огнем европейской критики. Я не стану останавливаться здесь на недостатках и незрелости тех книг, которые находятся в обращении у нас под именем истории, а также на разъяснении той пользы, какую принесло бы появление серьезной книги по истории Армении; последнее столь очевидно, что объяснение было бы напрасной тратой времени. Но хочу сказать пару слов о том, что требуется народу прежде всего, чтобы ученые нации могли приступить к созданию такого труда.

1. Необходимо издать сочинения нашей национальной литературы, которая в пергаментах, тысячелетиями изъедаемая молью, гниет в темных углах монастырей и в различных книгохранилищах, и таким образом сделать ее достоянием народа.

2. С должной заботливостью произвести розыски тех произведений, которые дошли до нас лишь в названиях, сами же либо погибли при различных обстоятельствах, либо погребены под руинами и пепелищами. Если из десяти найдутся пять, и то будет сделано большое дело.

3. Собрать и напечатать все отрывочные хроникальные памятные записи, которые делались обычно монахами или другими лицами в конце переписанных ими книг и рукописей. Мы думаем, что книги книгохранилищ — Эчмиадзинского, Ахтамарского и Сисского[1] католикосатов богаты подобными памятными записями. Их значение для истории состоит в том, что часто они могут быть свидетелями какого-либо замечательного события в жизни народа, дата которого была забыта или ошибочно указана в хронологии.

Пока не проделана такая работа, история, написанная армянским ученым, будет такая же, какой она была до сих пор, или такой, какой написана или могла быть написана тем или иным европейским ученым, поскольку не было новых и ясных источников.

Мы не можем умолчать и еще об одной необходимости. Нашим ученым известно, что литература и памятники нашего языка берут начало с IV века, т. е. с Просветителя, чья книга «Ачахапатум»[2] положила начало армянской христианской литературе.

Но армянское государство было основано Гайком за 2107 лет до Христа, следовательно, за 2428 лет до Просве-

тителя. Затем с воцарением патриарха Паруйра за 749 лет до Христа, т. е. за 1070 лет до Просветителя, оно вошло в ряды законных государств. За 149 лет до Христа, т. е. за 470 лет до Просветителя, армянское государство было восстановлено[1], Армения начала процветать и благоустраиваться. Правда, до Вагаршака не было памятных записей и летописей — если бы они были, он не нуждался бы в Архиве Ниневии. Но с основанием архива Вагаршаком и по его примеру надо полагать, что в наш народ проникло кое-что с персидскими, сирийскими или греческими письменами.

Все, что было в дворцовых и храмовых рукописях или в книгах, относящихся к языческому периоду жизни армянского народа, было обречено на гибель руками Просветителя, на сожжение без всякой пощады; были разрушены и погибли и те прекрасные памятники, которые могли бы сегодня дать нам представление о положении и значении архитектурного искусства армянского народа. Таким образом, христианство воздвигло некую стену неведения между нашей христианской и прошлой языческой жизнью.

Вот по этой причине многое остается нам неизвестным. Мы не знаем даже, каковы были до христианства форма и стиль нашего армянского языка, так как армянское слово христианского периода было рабски подчинено эллинскому не только по духу, но и буквально, если можно так выразиться, и это станет совершенно ясно, если мы по-настоящему подвергнем анализу наш перевод библии.

Бессмертный и блаженной памяти достопочтенный Хоренаци оставил несколько памятных записей. Этот блаженный старец дает нам возможность услышать несколько строк из слов певцов Гохтана; он в той или иной мере указывает нам те места, где, надо полагать, были сосредоточены наши письменность и религия, я хочу сказать — те капища, которые находились в Аштишате, Арташате, Тароне и других местах.

Многие народы в период своего язычества имели обычай вместе с покойниками хоронить всевозможные письменные памятники, монеты, золотые и серебряные украшения и прочие предметы, которые в дальнейшем могли пролить свет на их историю. Не вправе ли мы полагать, что и у армян существовал такой обычай? Возможно, что

он был и у армян, но нелюбознательность последних, на что жалуется сам Хоренаци, предшествовала всем прочим обычаям. Через сотни лет после Просветителя были основаны царства Багратидов и Рубенидов, я уж не говорю о царстве Аршакидов после Просветителя, но и эти светлые дни армян прошли, не оказав никакой услуги народу в разборе и изучении языческой древности или ее оставшихся или погибших памятников.

Правда, археология ныне в большем расцвете и делает гораздо больше, нежели 500 лет тому назад, и, возможно, что серебро, золото или иные неистлевающие вещи, если они имелись на наших покойниках, остаются и по сей день, но беда в том, что мы в настоящее время бессильны раскопать их и изучить, несмотря на ту весьма огромную потребность, какую испытывает наша история, многие страницы которой чисты, если смотреть на эту историю через европейские очки.

Цель моего письма в том, чтобы вы в своем Дневнике поставили вопрос о создании из армян «Общества армянской истории и древности». Армянин, желающий быть членом этого Общества, вносил бы три рубля в год, пока касса Общества окрепнет и сможет самостоятельно действовать, не обременяя своих почтенных членов. Я думаю, что и среди армян Турции найдутся тысячи людей, которые с радостью пожелают стать участниками такого Общества. Я думаю, что и армяне России не отстанут от этого дела, поскольку многие уже чувствуют отсутствие национальной истории.

Не такая уж это крупная сумма, чтобы быть непосильной для членов армянского народа: три рубля в год по нынешнему курсу в Турции составит 54 куруша; разве мало людей, которые с радостью сделают этот взнос? У меня нет сомнения на этот счет, если только Общество будет основано на здоровых началах.

Задачей Общества было бы — со всей заботливостью и попечением собирать на образовавшиеся средства все, что необходимо для истории в качестве источников или материалов; например:

1. Заботилось бы о напечатании древних рукописей, поручив, разумеется, специалистам и ученым людям изучить эти рукописи, сравнить их с другими вариантами и т. д. и т. п.

2. Разыскивало бы повсюду как через своих членов, так и через специально для этого выделенных людей труды, которые известны нам лишь по дошедшим до нас названиям.

3. Собирало бы в разных местах письменные памятники, относящиеся к нашей национальной истории или хронологии, и издавало бы их в свет в печатном виде.

4. Производило бы раскопки и поиски в тех местах, где можно предположить наличие останков язычников-армян.

5. Издавало бы к сведению всего народа найденные древности в научно-исследованном виде.

6. Приготовив все или возможное количество материалов, выбрало бы людей для написания труда по национальной и церковной истории.

7. Вновь таким образом воспроизведенную армянскую историю, заслужившую одобрение ученых и выдержавшую их критику, напечатало бы на двух главных диалектах армянского языка — на диалекте армян России и Турции.

8. Эту историю, напечатанную с надлежащей заботой в тысячах экземпляров, роздало бы бесплатно бедным и неимущим людям народа, взимая лишь с богатых стоимость книги, чтобы не ослабить мощь Общества и для других национальных дел.

Необходимы будут и другие мероприятия, о которых я не пишу, но которые понятны сами по себе здравому рассудку. Ясное дело, если Общество будет организовано, оно будет иметь свой устав, которым станет руководствоваться в своей деятельности.

Граф, прошу опубликовать это письмо в вашем Дневнике, чтобы сделать его достоянием членов нашей нации, поскольку каждому в отдельности написать не могу, тем более что знаком с немногими, так как дух общественности у нас давно уже испарился.

Будет новой божеской милостью для нас, если хотя бы отныне мировое просвещение оказало бы некоторое влияние на нас, объединив армян вокруг важнейшего полезного для народа дела.

С уверениями в искренней дружбе к Вам

остаюсь и т. д. *Месроп Тиратурян.*

1860 г., июнь.

---

§ 1. Нам пишут, почему мы промолчали, прочитав в «Мегу»[1] о. Мандинянца брань г-на Черкезянца (номер 13), в изобилии сыпавшуюся как на издателя «Юсисапайла», так и на его сотрудников?

§ 2. Нам пишут, почему мы до сих пор не обмолвились хотя бы парой слов о труде г-на Худабашева «Обозрение Армении», между тем как в нем было немало материала для Дневника?

§ 3. Нам пишут, по какой причине мы не опровергли слухов, которые, будучи порождены «Чракахом» (17 октября), несколько раз были повторены Скайорди в «Мегу» отца Мандинянца о том, что якобы «Юсисапайл» закрывается, что мы, отказавшись якобы от сотрудничества с издателем, прекратили свою работу, и почему мы до сих пор не объяснили причины столь длительного молчания?

§ 4. Нам пишут, почему мой Дневник или «Юсисапайл» уделяют внимание не столько подлинно национальным задачам, сколько[2] вопросам, относящимся к общему просвещению или очень и очень вскользь затрагивающим национальные задачи?

Эти четыре вопроса заданы нам в многочисленных письмах. Мы были бы сердечно рады ублаготворить наших уважаемых корреспондентов, но физическая невозможность написать каждому в отдельности принуждает нас обратиться к помощи печати. Поэтому мы решили прибегнуть к посредничеству нашего Дневника, где и постараемся чистосердечно изложить наши мотивы и сформулировать наши взгляды на все выдвинутые вопросы.

§ 1. Мы оказали бы честь г-ну Черкезянцу, ответив на его писанину. Но мы не могли ее оказать человеку, пишущему пасквиль вместо критики и вместо разбора какого-либо труда безудержно бранящему его автора. Если бы он написал нечто достойное литературы цивилизованного народа, несомненно, мы вынуждены были бы ответить. Но в писании г-на Черкезянца мы не нашли ничего, кроме бесстыдной брани, почему и пришлось обойти его молчанием, дабы не попасть и нам в компанию автора этой недостойной писанины.

И какая нужда была отвечать на писание, автор которого был осужден общественным мнением? По правде говоря, мы безмерно обрадовались, увидев статью, достой-

ную как своего автора, так и издателя. Этот господин всегда выдавал себя среди различной публики, особенно в темных углах ресторанов, за чрезвычайно просвещенного и безупречного мудреца. Способом, которым г-н Черкезянц сумел втереть очки некоторым некультурным и невежественным господам, было его ненасытное злословие по адресу того или иного человека, объявление их невеждами, заслуживающими быть растоптанными ногами его высочайшей учености.

Этому в значительной мере помогла также та софистическая критика на русском языке на «Грамматику армянского языка», которая была опубликована г-ном Черкезянцем, чтобы продемонстрировать свою ученость в армянском языке. Несколько многоликих или, вернее говоря, безличных людей чуть было не включили в ряды полубогов автора этой критики*. В их числе находился и один из наших приятелей, который начиная с 1853 года неоднократно расхваливал нам этого несравненного ученого, уговаривал нас сблизиться с ним. Но мы, давно уже поняв сущность восхваляемого нашим приятелем человека, категорически отказались от этого предложения, не будучи в силах скрыть нашу сердечную боль по поводу наивности и неопытности нашего дорогого друга.

Так или иначе, г-н Черкезянц, воздвигнув такими средствами столп своей славы на плечах вышеупомянутых людей, свыше двадцати лет не переставал бить баклуши. Всю свою жизнь г-н Черкезянц оставался за занаве-

---

* «Грамматика» г-на Эмина, на которую была написана вышеуказанная критика, не такой труд, для выявления недостатков которого следовало бы писать критику.

Сам г-н Эмин никогда не считал свой труд свободным от ошибок. Главное, что заслуживает внимания, так это то (если, конечно, верить злым языкам), что автором этой критики был вовсе не г-н Черкезянц, а епископ Микаэл Саллантян, который из личной вражды к г-ну Эмину сочинил эту критику и дал г-ну Черкезянцу для перевода на русский язык, предоставив ему право подписаться под статьей «Астраханский армянин» как вознаграждение за труд.

На наш взгляд, кто бы ни был ее автором, в этой критике мы видим лишь односторонний педантизм, лишенный всякого критического достоинства. Мы оставляем без внимания ту непристойность, что об армянской работе написали на русском языке. Так или иначе, с нашей стороны нет препятствий к тому, чтобы считать этот «труд» собственностью г-на Черкезянца, поскольку он весьма близок к этому направлению, о чем мы дали понять выше. Э, стоит ли ворошить прошлое...

сом, он не выносил доказательств своей гигантской учености на свет божий, дабы общество не могло что-либо понять и уже впредь не могло верить злым языкам, утверждавшим, что «от пустой бочки больше шума».

До сих пор этим господином не было написано и двух слов: он терпел...

Наконец, «иссякло его терпение»: надо было выбраниться печатно. Если за такое крайнее любомудрие и не заплатят денег... то хотя бы на несколько лет еще будет обеспечена за ним слава его учености, уже начавшая тускнеть.— Что же такого!

— Однако, достиг ли автор таким способом цели, сумел ли исцелить раны нескольких сердец?

— Ремесленник, выполняя принятый им заказ, не обязан входить в обсуждение того, насколько пригодна эта работа заказчику. С него требуют сапоги, он шьет, особенно если и сам заказчик со своей стороны никогда не задумывался над достоинством вещей, изготовить которые взялся ремесленник.

— Значит, плата той же монетой?

— Несомненно!

— Достойная плата.

Прерываем нить этого частного разговора двух лиц, происходившего в одном переулке, и обратимся к общественности, для которой якобы была напечатана статья Черкезянца, чтобы подвести итоги этой публикации в отношении автора.

Общественность единодушно отвергла его брань, а также сорвала с головы автора видимость того волшебного ореола, в котором представлялся этот господин глазам некоторых людей. Общественность восстановила тех, которые были когда-либо оклеветаны г-ном Черкезянцем, общественность в точности узнала его по его стряпне. Занавес раздвинулся, и герой оказался на авансцене: кто осмелится раскрыть уста! Исповедую и верую.

Мы не можем отрицать, что его бумагомарание понравилось некоей легкомысленной старушке, которая некогда устами лицемеров была приравнена к Гомеру и Мильтону (какое кощунство!), но разве не верна поговорка «подобный любит подобного»? Опять-таки должны сказать, во славу истине, что эта старушка получила воздаяние за свою нелепую болтовню от одного мужественного литератора в многолюдном обществе, между тем как названная

Гомером с радостью предпочла девятимесячное молчание Захария.

Не отрицаем также, что «труд» г-на Черкезянца был весьма приятен и некоему другому земноводному господину, который хотя и ненавидел автора «труда», но, одержимый несравненно большей ненавистью к сотрудникам «Юсисапайла», от радости воодушевился... Но мы удивляемся, каким образом бессмертный певец «Коровы со сломанной ногой» не посвятил свою песню исполинскому подвигу г-на Черкезянца!

После выхода 13-го номера «Мегу Айастани» мы довольно долго следили за впечатлением, какое произвела на общественность эта, с позволения сказать, «статья», и, видя, что народ с омерзением отверг и осудил ее, мы сочли себя достигшими своей цели.

Наше сердце и душа свидетельствуют о справедливости нашего дела. Это свидетельство для нас достаточное утешение и неиссякаемый источник для деятельности до самой смерти.

Мы никогда не обращали внимания на препятствия, не будем и впредь обращать, пролагая себе путь через армянские камни и тернии.

Мы сочли бы для себя порицанием похвалу «Мегу Айастани» и ее единомышленников, если бы они по ошибке когда-либо воздали ее нам, считаем порицанием ныне и будем считать впредь, поскольку не можем, не унизив себя, допустить принятие такой похвалы. Большая радость, что такие люди бранят нас, и в настоящее время очень многие ясно видят разницу направлений «Юсисапайла» и «Мегу Айастани».

Не без удовольствия видим мы полки черных клеветников, атакующих нас. Брань, изрыгаемую и появляющуюся в армянской печати, мы сравниваем с зловонным гноем, который веками накапливался в больном армянском организме. Гуманный хирург не имеет оснований сердиться, если при удалении какой-либо смертельной язвы или опухоли в лицо ему бьют кровь и гной. Задача хирурга — удалить из организма больного все эти нечистоты.

Вступая на поприще армянской литературы, мы знали, что вековое невежество объявит войну науке, и мы, будучи лишь служителями ее, благословили и приняли эту войну.

Невозможно, чтобы то, что происходило у других народов, не произошло бы и в нашем. В данную минуту неизмерима наша радость, поскольку армянский народ уже сделал один шаг вперед.

Враждебность не обладает силой, чтобы ввести нас в заблуждение, столкнуть нас с нашего заветного пути. Наша звезда ведет нас по заветному пути, и мы следуем этому тяготению, предопределенному судьбой.

Благо бы нам иметь умных противников, но, как армяне, мы лишены ныне этой чести.

Мы не хотим больше говорить по поводу писания г-на Черкезянца, иначе употребим во зло терпение читающей публики, наскучив ей долгой остановкой на бессмысленном суесловии, какое из щедрот своего сердца уделил этот господин читателям «Мегу Айастани».

Пожелав Черкезянцу успеха в написании книги, поводом чему явился г-н Назарянц, обращаемся ко второму адресованному нам вопросу.

§ 2. Когда впервые появилась книга г-на Худабашева, мы были вынуждены вопреки желанию прочитать ее, заранее зная как меру его армяноведения, так и познания других предметов. И чтение убедило нас, что если бы это было делом добровольным, то можно было бы вовсе не читать такое произведение. Несколько ниже это будет ясно и для читателя.

Наше убеждение относительно обеспечения целостности армянского народа таково, что народ мог сохранять свое существование при посредстве церкви. В мировых потрясениях самостоятельность церкви служила залогом обеспечения нашей нации. Мы всегда с радостью вспоминали, что армянский народ в лице своих незабвенных католикосов Бабкена, Абраама и других отвергал правомочия какой-либо другой церкви над собой, нравственное влияние которой могло нанести вред нации. Нынешнее поколение армянской нации (за исключением нескольких порочных лиц) воздает должное этим людям, которые, сохранив независимость своей церкви, сохранили существование нации, и память их для нас священна. В меру этого чувства признательности, оказываемой нашим чтимым благодетелям, армянский народ презирает людей, которые во имя личной пользы, из страха или по какой-либо иной причине нарушили завет блаженных предков, вероломно поступаясь самостоятельной деятельностью на-

шей нации и ее церкви. Начальную букву имени Ези с древнейших времен народ пишет вниз головой в ознаменование геростратовской славы вероотступника, эту традицию мы должны завещать и нашим детям.

Дух произведения г-на Худабашева принуждает нас обойти его полным молчанием, предоставив самому времени сгустить над ним покров вечного осуждения. Излишне было бы также вооружаться против самого «труда», в котором автор, для подтверждения своих ничтожных соображений или надерганных отовсюду (из газет и журналов) сведений и взглядов, извращает исторические события и клевещет на таких людей, на священных для народной памяти патриархов, которым он недостоин был бы развязать и ремни на ногах. Цена подобному «труду» — холодное презрение, и эту цену он сполна получил от народа.

Со своей стороны мы просим лишь почтенного автора книги пощадить свой восьмидесятилетний возраст, не тревожить себя и избавить от попечения армянскую церковь, которая никогда не просила и впредь не намерена просить его защиты.

Мы не предполагаем, чтобы г-ном Худабашевым руководило желанье попасть в ряды армянских писателей. Будь это так, его труды были бы написаны по-армянски и носили бы иной характер. Не говорим уж о том, что в настоящее время армянскому писателю требуется нечто большее, нежели то, что имеется в распоряжении г-на Худабашева.

Мы надеемся, что г-н Худабашев спокойно выслушает наше слово, поскольку это «не внешняя вражда, а внутреннее убеждение», как гласит старая поговорка армян в Турции. Надеемся, что литературные Дон-Кихоты в один прекрасный день прекратят свои рыцарские подвиги, как прекратил их герой Сервантеса, и эта наша надежда проистекает, несомненно, и из физических и из нравственных причин...

Нет сомнения, что читатели войдут в наше положение и поймут, почему мы до сих пор молчали и не выступали против бесподобного сборника г-на Худабашева. Что стали бы мы говорить о нем? Предположим, скука принудила Худабашева заняться подобным делом или, вернее говоря, он взвалил на других этот египетский труд, но как мы могли подвергнуть критике эту работу, которая

от предисловия и до самого конца представляет собой полнейший сумбур, страшнейший хаос, какой вряд ли был до сотворения вселенной?

Мы слышали, что г-н Худабашев ныне приступил к писанию истории Грузии. В час добрый! Если угодно, по завершении этого труда пусть займется описанием семейной жизни Бухы... лишь бы со своим писательским талантом оставался подальше от армянского народа.

Народ не нуждается в нем и никогда не просил его защиты. Сей господин, вообразив себя богословом в своей квартире, вмешивается в религиозные вопросы, выставляет на посмешище вместе со своим недостойным трудом и армянский народ.

Нам больше нечего сказать. Очень сожалеем, что пришлось в качестве летописца показать г-ну Худабашеву правду несколько оголенной, возможно, даже потрясши его собственное мнение о полезности его труда.

Перейдем к третьему вопросу.

§ 3. Мы считали излишним опровергать слухи, распространяемые Скайорди, так как лживость публикуемых им сообщений казалась нам очевидной. «Юсисапайл» не собирался прекращать своей деятельности, так же как и мы своего сотрудничества в этом издании. Читающая публика, видя «Юсисапайл» и наши статьи, может засвидетельствовать правду сказанного.

Вражда и бешеная зависть принуждали Скайорди желать как прекращения «Юсисапайла», так и нашего отказа от сотрудничества в этом журнале. Страсть часто приводит человека в нервное, почти бредовое состояние, когда все, чего он жаждет, представляется минутами уже осуществленным.

Мы знали, что именно в таком плачевном состоянии писал Скайорди свои замечательные письма в «Мегу Айастани», почему и считали возможным несколько продлить его иллюзии, не развеивая их эгоистически. Пусть по своему желанию и впредь публикует подобные слухи: мы не воспрепятствуем... И в самом деле, чем же ему еще заниматься?

Виноват, согрешил: он ведь теперь подвизается в роли критика, разбирая «Басни Эзопа» Гамар-Катипа. И тут нельзя не отметить его скромность: свой труд на новом поприще он начинает с книжки в мизинец и считает осо-

бенно достойным своего критического ока прежде всего выявление опечаток.

Мы желаем ему всяческих успехов на этом новом поприще и верим, что его усилия увенчаются усовершенствованием если не трудов армянских авторов, то хотя бы набора армянских печатных изданий.

О нашем длительном молчании мы считаем нужным сказать, что оно не было произвольным.

Мы всегда были с «Юсисапайлом» и останемся с ним. Убеждения «Юсисапайла» являются убеждениями и нашего сердца. И если случится нам из-за путешествия ли, или, как знать, по иным прочим, не зависящим от нас обстоятельствам долго пребывать в молчании, тем не менее мы нераздельны с «Юсисапайлом», и Дневник будет появляться в нем. В периоды отсутствия мы будем стараться, чтобы и в шуме и пыли дорог наш голос был слышен читающей публике, насколько это будет возможно для человека в подобном положении.

Попытаемся ответить и на следующий вопрос.

§ 4. «Юсисапайл» или наш Дневник по мере возможности занимаются национальными делами и всегда будут заниматься ими в той мере, в какой может проявиться деятельность такого небольшого общества. Мы просим людей, недооценивающих сложность такого дела, как периодическое издание, самим включиться в работу и тем самым не только заполнить оставляемые нами пробелы, но испытать и самый труд. Требовать очень легко, но всякое требование должно быть разумно обосновано.

Считаем лишним говорить о том, что никто не вправе совершать насилие над совестью другого. Направление «Юсисапайла» уже известно, он до конца останется верен своему направлению, не считая себя обязанным прислушиваться к краснобаям, резонерствующим по углам.

Существенной пользе нации мы приносили и будем приносить в жертву все, не отвечая на ропоты, поднимающиеся время от времени из-за столь ничтожных жертв. Напротив, будем благодарны, если какой-либо литератор укажет на вред, наносимый нами общности нации и ее будущему.

Степень просвещения и осведомленности нации, а также среда, в которой мы находимся, давно принудили нас придать нашей литературе то направление, которое

некогда было известно во Франции под именем Literature allusionelle *.

Не так давно мы говорили, что семенем национальности, источником самостоятельной деятельности является сознание, а сознание проистекает из просвещения. Если журналы, с одной стороны, обязаны соблюдать узкую рамку своей национальности, то, с другой стороны, им не следует выпускать из поля зрения широкое поприще общего просвещения. По нашему мнению, первое без второго никогда не достигнет успеха, и плодотворные начала цивилизации мы должны искать во втором.

Верно и то, что многое не зависит от издателя журнала или его сотрудников: земля очень часто родит зеленые ростки, но и очень часто их губят северные заморозки до восхода солнца... [1]

Глядя на наше нынешнее состояние, мы должны искать утешения в непрерывной деятельности: движение, в какой бы форме ни проявлялось в человечестве, благословенно, ибо в нем есть душа, ибо оно — жизнь...

---

* [Намекающая литература, литература намеков.]

[ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «МЕГУ»]

Уважаемый соотечественник
г-н Свачян!

«Мегу» сделала еще один шаг на поприще национального прогресса, публично заявив о своем решении относительно некоего Погоса, который, к позору армянского народа и церкви, быть может, носил бы и поныне еще имя армянского монаха, если бы не вмешательство «Мегу», которая опровергла традиции[1].

Впервые в армянском народе газета публично апеллировала к мнению разумного общества. Мы невыразимо рады этому: мы видим в этом спасительный принцип, а именно — внимать голосу народа, следовательно, вызывать к жизни умы, признавать права общественности и таким образом учить тому, что каждое явление, каждое событие, совершающееся в народе, имеет отношение к народу и что члены нации, т. е. все без различия лица, из коих образуется она, по всем человеческим правам вольны принять или отвергнуть, оправдать или осудить эти явления и события.

Да здравствует публичность!

Мне, как армянину, больно видеть какой-либо порок или какую-либо грязь на ком-либо из членов нашего народа, особенно на таком, который, посвятив себя церковному служению, обязан тем самым быть особенно беспорочным. Но рана, образовавшаяся в сердце от такой боли, излечивается тотчас же, когда видишь, что народ осуждает виновника вреда; когда народ, признав недостойность такого человека, отсекает, обрывает всякую связь с ним; когда народ, питая отвращение к делам такого

человека и осуждая его, получает право на то, чтобы просвещенный мир уважал его, ибо он не пожелал оставить в своей среде возбудителя соблазна.

Только признание за собой недостатка, если таковой есть, является свидетельством подлинного достоинства. Признать или осудить недостаток народа не только не преступление, но подлинная добродетель. В какой мере каждый член нации обязан любить свой народ, в той же мере он обязан клеймить и решительно устранять его недостатки, с тем чтобы народ в более чистом окружении предстал перед всем человечеством. Если человек боится или не желает смыть с себя грязь, как же он может осуществить идею чистоты? Те люди, которые, подобно невинным младенцам, возмущаются и негодуют, видя разоблачение национального позора под воздействием смелого пера, эти люди в действительности доказывают, что они еще не понимают разницы между народностью или идеей народности и преступлением и беззаконием.

Всякое право и любое законодательство осуждают вину и преступление, осуждают преступника, совершившего преступление, его соучастников или укрывающего их от правосудия, но ни в коем случае не весь народ, один из членов которого совершил это преступление; ни в коем случае не весь народ, который, осудив виновного, тем самым доказывает миру, что он не может смотреть хладнокровно на подобные преступления; ни в коем случае не весь народ, который не мог своим молчанием, притворившись не видящим, поощрять виновного.

Естественное право, это величественное право, превосходящее все человеческие законы, давно уже дало понять миру, что люди вышли из рук творца равноправными. Человеческие законы были созданы, хотя зачастую и во многих случаях уклоняясь от естественного права, но тем не менее для сохранения святости социальной или семейной жизни. С этого самого дня подпал под осуждение тот, кто осмелился посягнуть на права другого или нарушить заветные социальные или семейные условия.

Жизнь народа может прогрессировать лишь в условиях правосудия, лишь на основании справедливого закона. Мы изучаем историю народов, но очень часто остается непонятным для нас какое-либо явление в истории того или иного народа, если мы не изучили законодательства этого народа, ибо вокруг оси законодательства совершает

свой оборот нравственная жизнь человека. Каков закон, такова и жизнь, какова жизнь, такова и история. Если в каком-либо народе нет законов, нет правосудия, мы смело провозглашаем жизнь этого народа варварской.

Пусть трепещут такого рода тугодумы, которые посвятили себя, свое слово и свое перо сокрытию недостатков того или иного человека.

Народ никогда не будет преуспевать, следуя состоянию старых умов. Никогда не будет прогрессировать народ, следуя философии такого рода людей, которые хотя и чувствуют бесплодность прошлого и старого, но из-за недостатка отваги в душе и сердце боятся раз навсегда оторвать, отрезать себя от печального прошлого и решительно переступить границу к новому, стать на почву нового, где с юношеской бодростью развевается знамя сторонников прогресса. Нельзя одновременно итти двумя путями в противоположном друг другу направлении, а застревание посредине между ними нам представляется невыразимым заблуждением.

Да, история свидетельствует, что решительные мероприятия приносят временные неприятности, но на другой странице той же истории мы видим, что лишь ценою этих временных неприятностей покупается будущее. Половинчатые средства всегда вредили человечеству: удаляясь от старого, но и не достигая нового, они создавали жалкое состояние трусливости — неопровержимое доказательство того, что люди, применяющие эти средства, еще не были свободны от влияния прошлого.

Во всех естественных и человеческих законах мы находим только да или нет, третьего не дано. Пусть не забывают этого те патриоты, которые свою любовь к народу проявляют сокрытием его недостатков, чем косвенным образом грешат перед народом, следовательно, заслуживают быть наказанными вместе с защищаемым ими виновником.

Нельзя проповедовать правосудие и защищать беззаконие.

Нельзя проповедовать прогресс и, подобно паралитику, оставаться пригвожденным к одной точке.

Нельзя проповедовать просвещение и ревностно блуждать во тьме.

Нельзя проповедовать чистоту и плавать в море нечистот.

Нельзя начинать стройку нового и вербовать помощников из богадельни прошлого.

Нельзя проповедовать свободу и насиловать совесть.

Таких «нельзя» тысячи. Мы просим немного подумать об этом.

Если мы действительно хотим прогресса нации, следовательно, должны тщательно расследовать и разобрать моральные элементы нации: пригодное для стройки нового взять, а сгнившее, которое и до сих пор препятствовало движению нации, отвергнуть и осудить.

Закон карает виновного. Азиат видит в этом только отмщение, мы же в этом справедливом возмездии видим охрану прав общества. Никто не может совершить проступка, не поправ права другого, никто не может защищать виновного, не подавив прав потерпевшего. Естественное право требует охраны равенства путем применения человеческого закона охраны социальных или семейных условий и свобод. И тот, кто хвалится тем, что он человек, должен отстаивать правосудие, ибо без него сам этот человек не может появиться и жить в каком-либо обществе.

Опубликованный «Мегу» перечень проступков бывшего духовного лица Погоса, вызвавших у нас сильнейшее отвращение к личности преступного злодея, достаточен, чтобы молнии правосудия сверкнули над его головой: недостаточно временно лишить его права священства, как сделал это церковный собор, недостаточно вовсе лишить его священства, чего не сделал упомянутый собор и сделала «Мегу»,— все это лишь моральные меры,— но его следует и политически подвергнуть наказаниям, какие установлены для уголовных преступников.

Люди, взявшие под защиту злодея, не довольны, когда грязнится их одежда или когда грязь проникает в их дом. Так с какой же совестью стараются они сохранить этакую грязь в церкви, в этой заветной святыне, где серафимы служат грозному богу, и перед ним дерзает служить христову обедню в осуждение свое и присутствующего народа тот, кто несет клеймо страшных преступлений!

Ужасное святотатство!

Если до сих пор духовные лица не считали себя ответственными перед народом, пусть ныне убедятся в том, что ответственны. Пусть привыкнут к мысли, что духовенство

для народа, а не народ для духовенства. Народ не достался по наследству Погосу или Никогосу, чтобы они играли им по своему желанию.

Духовные лица, заслуживающие осуждения, множество раз оставались безнаказанными, ибо дело о них велось руками им подобных. Этот совершенно извращенный порядок противоречит условию посвящения-рукоположения.

Да, посвящение в сан производит епископ, но как? В этом деле епископ только эконом, снабжающий благодатью, которая не может быть дана иначе, как только по просьбе церкви и по ее свидетельству о достоинстве посвящаемого. А что такое церковь, как не вся без исключения масса верующих? «Божественная и небесная благодать, всегда помнящая нужды святой службы апостольской церкви, призывает дьякона (имя рек) от дьяконства к священству, на службу святой церкви *по свидетельству его личности и всего народа*»,— провозглашает трижды хартавилак (поручитель), и народ повторяет трижды: «Достоин!». Мало того, и сам епископ прежде, чем рукоположить, повторяет: «Божественная и нёбесная благодать» и, приводя в свидетели личность посвящаемого и свидетельство всего народа, кладет руку на голову посвящаемого.

И как же, разве не участник рукоположения в церкви народ? Разве не он молится? Послушаем епископа: «Я кладу руку на голову сего, и *вы все творите* молитву, чтобы достоин был он сохранить беспорочным сан священника» и т. д.

Таковы условия, в которых посвящаемый получает священнический сан, и если это лицо становится священником «по свидетельству его личности и всего народа»,— разве тот же священник, вопрошаем мы, не сохранив свой сан беспорочным, по свидетельству своих предосудительных дел и по свидетельству народа, потерпевшего от этих его дел, не лишается священства? Если это не так, значит, требование при рукоположении свидетельства народа является обманом. Пусть хотя бы этот вопрос разрешит церковный собор, если он не решил вопроса о священстве Погоса.

Если народ, осудив священника, считает его лишенным священства, если народ с полным правом отказывается принимать закон из рук беззаконника, из чего же будет видно его священство? Из подписи или клобука?

Но это — только внешность, и церковный собор никогда не осмелится насиловать или осудить совесть свободных душ, чья свобода куплена кровью Христа. Если он умеет осуждать, пусть осудит виновного и очистит церковь, устранит соблазн от неповинного народа и умиротворит совесть.

Христос велит: если брат твой согрешил перед тобой, поучи его с глазу на глаз; если не послушается, повтори в присутствии двух свидетелей; если снова не послушается, «скажи церкви, а если и церкви не послушается, да будет он для тебя словно язычник».

Бывший духовный ослушался церкви! Судилище собралось, но он, не желая слушать, исчез из Константинополя. Если церковный собор будет отныне признавать его священником, тем самым будет противоречить велению Христа.

«Мегу» запрашивала мнение членов нации о своем решении, чтобы узнать, насколько нация продвинулась вперед. Я со своей стороны, как член армянской нации и церкви, не только согласен с решением «Мегу», но и больше того: «Мегу» объявила его только лишенным священства, я же говорю, что, пока некогда священнослужитель, а ныне просто частное лицо Погос не искупит свои грехи покаянием, я не могу иметь с ним духовного общения даже как просто с братом и христианином. Где уж говорить о его священстве!

Духовные вроде Погоса, если они имеются, пусть с нынешнего дня позаботятся о своей участи: или исправят себя, свое поведение, свои нравы, или уходят из нашей церкви.

Куда уйти им? Стать католиками или протестантами?

Это нас не касается, об этом пусть думают руководители римско-католической и протестантской церквей; если они могут, не позоря своей церкви, принять такого человека и общаться с ним по-церковному, пусть принимают — это их дело.

Прошу принять заверения в искреннем уважении, с чем остаюсь

Ваш покорный слуга *М. Налбандянц.*

19 дек. 1860.

Пера — Константинополь.

ДВЕ СТРОКИ

Истина — религия,
стремитесь только к ней,
от нее же не требуйте ничего.

Robert Owen

Свобода! Восклицаю я,
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: Свобода!

Граф Эммануэл

На поприще армянской словесности нам несколько раз приходилось встречаться лицом к лицу с бесстыдной низостью. Но никогда нападки не огорчали и не оскорбляли нас, они вызывали лишь глубокое сожаление о нападавших, ибо овладевший ими смертельный нравственный недуг породил эти бредовые и несознательные действия.

Еще задолго до того, как взять в руки перо, мы знали, что для зрения людей, заключенных во мраке, весьма болезнен солнечный свет; знали, что старые умы никогда не согласятся мирно уступить место новым идеям; знали, что новое только в борьбе водрузит свое знамя на развалинах старого.

Следствием этих познаний было то, что весьма частые нападки не на идеи, а на нашу личность никогда не могли ни на волосок сбить нас с нашего заветного пути.

Сегодня вновь поднимается перед нами мрачное невежество во всем своем софистическом великолепии. Ныне оно, украшенное именем философа и теолога, появляется в образе г-на Чамурчяна*... Если подлость не имеет, как ящик фокусника, двойного дна, значит г-н Чамурчян достиг самого ее дна.

---

* См. *«Еревак»*[1] № 87, 1860, 1 августа старого стиля, издателем и автором коего является г-н Ованнес Тер-Карапетян Тероенц-Чамурчян из Брусы.

Лицо, приславшее нам вышеупомянутый выпуск «Еревака», пишет, что в Константинополе это произведение было всеми встречено холодно. На нас же оно не произвело даже и такого впечатления, и если мы ныне снизошли написать об этом пару строк, то вовсе не для того, чтобы ответить г-ну Чамурчяну, а из уважения к читающей публике. Нелепые извращения этого господина ниже всякой критики, и мы, выражая нашу признательность «Мегу»[1] и г-ну Айватяну, не можем в то же время не выразить нашего сердечного сожаления о времени, потерянном ими на ответ г-ну Чамурчяну.

Прочитав от начала до конца произведение самозванного философа, мы обнаружили два побудительных мотива, поведших его к этой пропасти.

Первый. Когда наша малость ступила на землю Константинополя, национальные газеты поместили несколько строк о нас, побуждаемые скорее восточным и вполне патриархальным гостеприимством *, нежели признанием нашего достоинства, отнюдь не дерзающего на какие-либо претензии.

На подавляющее большинство народа эти публикации не произвели, несомненно, никакого впечатления, но они, как видно, точно стрелой пронзили самолюбие непризнанного философа.

Мы от глубины сердца сожалеем, что наше имя, хотя и помимо нашей воли и без нашего ведома, причинило такую скорбь г-ну Чамурчяну. Но, с другой стороны, наша сердечная боль умеряется при виде того, как г-н Чамурчян развеял, или по крайней мере силился развеять, свою скорбь грубой и базарной бранью.

Что касается нас, то в отношении этой брани мы не имеем сказать ничего другого, кроме слов, написанных знаменитым Фоксом некоему английскому лорду в ответ на его письмо, полное ругательств.

---

* Мы не находим слов для выражения нашей искренней, сердечной благодарности за симпатии, выраженные нам константинопольскими соотечественниками. Мы умолкаем, предоставив сердцу сказать о чувствах на своем языке: в таких случаях его слово, хотя и неслышное другим, само по себе более величественно, чем человеческая речь. Мы более счастливы оказанным нам гостеприимством, нежели тот *авантюрист-церковник*[2], который, отплывая на пароходе, ловил посылаемые с балкона одного из домов на берегу Босфора прощальные улыбки и воздушные поцелуи Арменуи и, укрепившись сладостными любовными воспоминаниями, направлялся к Тавриде...

ՄԻՔԱՅԷԼԻ ՆԱԼԲԱՆԴԵԱՆՑ

ԵՐԿՈՒ ՏՈՂ

Ճշմարտութիւնն ուժ է,
Նորան միայն խնդրեցէք,
Խօսք նորանից ուժին։

ROBERT OWEN.

ՓԱՐԻԶ
ՏՊԱԳՐՈՒԹԻՒՆ ԱՐԱՄԵԱՆ

1861

Обложка первого издания брошюры «Две строки» (Париж 1861)

«Sir, Ваше письмо от такого-то числа получил. Оно лежит сейчас передо мной, а через четверть часа будет у меня в ... о чем имею честь сообщить Вам.

Преданный *Ч. Фокс*».

Второй и более тупоумный мотив — защитить злодея Погоса и стремление сохранить на его опозоренном челе имя церковника. Сколько бы г. Чамурчян ни применял в начале статьи свои заветные слова *абстрактное и обобщенное*, желая, несомненно, замаскировать мотивы своего писания, тем не менее сегодня ясно, как солнце, что статья его не критическая, она проникнута духом бешеной вражды и, во-вторых, что цель статьи — защита Погоса.

То, что сказано нами в нашем оклевстанном Чамурчяном письме[1], мы повторяем сегодня и категорически заявляем, что не намерены сделать и шага назад не только ради пустословия г-на Чамурчяна и выявленной им весьма ощутительной нищеты его «глубокой» философии, но если даже созванный по его просьбе церковный комитет прибегнет к проклятью — к этому мрачному остатку мрачных веков, сломанной камышинке, зачастую принимаемой жалкими людьми за дубинку.

На расточаемые по нашему адресу — за наши принципы — эпитеты: социалист, красный республиканец, последователь Ж. Ж. Руссо и т. д. и т. п., мы отвечаем неизменно улыбкой и спешим заявить, что не признаем никаких авторитетов и что в нашем оклеветанном письме нет ни единого слова из Ж. Ж. Руссо. Но, если дважды два—четыре как для Ж. Ж. Руссо, так и для нас, в этом случае мы еще не становимся последователями Ж. Ж. Руссо, а лишь последователями истины; истина же не является собственностью одного человека, хотя относительно этого г-н Чамурчян может предъявить свои ребяческие, безрассудные претензии.

Издавна научившись уважать и почитать гений и разум, мы не страшимся имен ни Руссо, ни Вольтера. Да, мы даже обязаны величать и уважать гений и разум, те божественные горны, из которых впервые вылетели искры свободы.

Да, мы умеем уважать не только Оуэна, Прудона, Фурье и Фохта, но и Шиллера, Гете, Фихте, Канта и Гегеля — этих бессмертных друзей угнетенного человечества, в глазах же г-на Чамурчяна, несомненно, еретиков и сектантов. И мы сочли бы для себя счастьем и славой

остаться с ними и вместе с ними прослыть неверующими и еретиками, нежели с открытыми глазами, отрекшись от нашей человечности, от нашей человеческой свободы и права, быть охваченными вместе с г-ном Чамурчяном моральной лихорадкой и раскачиваться, как маятник, от одной нелепости к другому софизму, от одной схоластики к другой монашеской мысли.

Мы более счастливы, когда подвергаемся клевете и брани за провозглашение человеческой свободы, равенства в правах, узурпированных деспотами или потопленных в пестрой смеси вековых традиций (таким образом, законы, установленные человеком, отклонились от природных, не от моисеевых скрижалей, а от тропы, проложенной человеческим разумом), нежели, признав злодея Погоса церковником и став сторонником угнетения, удостоились бы благословения церковного собрания и благодарности г-на Чамурчяна.

Чур нас, никогда! Признав преступника священником, мы пренебрежем священством — не хотим мы этого! Предав злодея в руки гражданских властей, мы лишь защищаем права общества.

Если г-н Чамурчян, долгие годы будучи в общении с иезуитами и множество раз служа орудием в их руках, видит во всяком гражданском правосудии инквизицию, не мы повинны в этом, а его невежество, не позволившее ему до сих пор изучить более или менее свободное законодательство европейцев.

Английский парламент — не собрание невежественных доминиканцев [1]. Английским законодательством всемерно охраняется личность человека — больше, чем где-либо в Европе,— но есть преступления, которые караются смертью в этой свободной стране.

Но мы не говорили, что Погос подлежит смерти, и только низость заставила г-на Чамурчяна, извратив наши слова, заговорить об инквизиции.

Пусть читающая публика снова прочтет в «Мегу» о злодеяниях Погоса и прочтет не просто как хронику происшествий, не имеющих отношения к нему, читателю, а как человек и с человеческим чувством.

Лишить девушку невинности, затем обвенчать ее со своим юным служкой, а потом, принужденный протестами обесчещенной женщины, расторгнуть этот брак и сызнова обвенчать ее с другим!

За пятьсот курушей[1] расторгнуть брак другой женщины и обвенчать ее с другим человеком!

Беременную женщину связать и бить ее до тех пор, пока она выкинет плод, и т. д., и т. д. и т. п.

Мы с ужасом пишем эти строки, ибо свято чтим свободу и право человека, а г-н Чамурчян, слегка скользнув по этим преступлениям, считает инквизицией предание Погоса суду, полагая, что этим неуместным и глупым восклицанием ему удастся совершить насилие над свободой. Жалкий человек!

Нашим оклеветанным письмом об этих злодеяниях мы высказали свое мнение о Погосе исчерпывающе, и мы не могли бы сказать больше, если бы эта изнасилованная девушка была нашей сестрой, если бы эта избитая женщина была нашей женой. Но мы думаем, что г-н Чамурчян заговорил бы не так, как он говорит сейчас, если бы жертвами злодеяний Погоса были его сестра или жена. Откуда это различие? Чем же больше прав у почтенных дочери или жены г-на Чамурчяна, нежели у забитой и обесчещенной невинной девушки из Вана, нежели у мученицы-женщины, нежели у ребенка, который, еще не увидев божьего света, предается смерти руками архимандрита г-на Чамурчяна и из чрева матери переселяется в могилу?

И разве отказ признать церковником или христианином злодея, совершившего столь невыразимые и неслыханные преступления, является проступком или беззаконием, как хочет уверить нас г-н Чамурчян своей «всеобъемлющей» философией?

И кто же тот человек, который заткнул бы нам рот от протеста против подобных беззаконий? Кто дерзнет насиловать нашу свободную совесть и принудит нас признать церковником гнусное существо, потерявшее право называться даже просто человеком? Г-н Чамурчян со своим гнилым и продажным пером или церковное собрание со своим вымышленным правомочием?

Что может возразить церковное собрание, если мы скажем, что его дело и обязанность — разбирать и судить только такие дела духовных лиц, которые имеют прямое отношение к вопросам догмата?

Где это видано, чтобы церковник за гражданские или уголовные преступления судился церковным судом?

Мы протестуем против этого безобразия, до сих пор

имеющего место среди армян. Нам нет дела до того, что это по ошибке попало и в Конституцию *[1]. Напротив, мы обращаем внимание народа на это обстоятельство и просим исправить, если в самом деле сказано, без всякого объяснения, что суд над церковниками подлежит компетенции церковного собрания. Гражданские и уголовные дела о церковниках должны рассматриваться гражданскими и уголовными судами в присутствии лишь представителя от церковного собрания, который в случае необходимости защитит права обвиняемого, если гражданский или уголовный суд допустит несправедливость.

Неужели за воровство, за разврат, за убийство церковник должен предстать перед религиозным судом? Неужели этот религиозный суд будет считать воровство, распутство и убийство религиозными вопросами, подлежащими, следовательно, суду церковного собрания? Разве церковник, совершивший эти преступления, не должен нести то же наказание, что и мирянин? В противном случае не становится ли церковность неким убежищем, где безнаказанно могут совершаться всякие беззакония? И если это, к несчастью, так и случится, то впредь не эти же ли церковники сядут судьями над совестью других, не они ли осмелятся раскрыть рот и будут читать людям наставления, ссылаясь на полномочия? Жалок человек, который признал бы такую церковность!

Перед лицом закона и права для нас нет ни церковника с неограниченными правами, ни бессловесного раба, лишенного всяких прав и привилегий. В обоих случаях мы видим только человека со всеми человеческими совершенствами и недостатками. Поэтому мистические права и честь первого вместе с ложным фактом рабства второго принося в дар г-ну Чамурчяну, спешим сказать, что перед лицом закона и права разбирается и судится сначала дело, а потом лицо, совершившее его. Оценив дело, можно вознаградить добродетель и в то же время наказать и покарать злодеяние. Но злодей — церковник? Не наша забота: мы осудим его перед историей, а г-н Чамурчян, если пожелает, может воскурить перед ним ладан и мирру — вольному воля!

---

* Когда писались эти строки, под рукой у нас не было Конституции, а память отказалась помочь нам, поскольку в Константинополе — в пути — мы только бегло прочитали это спасительное установление.

Защищая или осуждая какое-либо дело или какого-нибудь человека, мы основываемся лишь на непоколебимых основах, диктуемых свободным правом и здравым разумом; следовательно, никакое предубежденное мнение, никакая освященная веками традиция не могут быть преградой для нас.

Случайные звания и почетные чины перед лицом закона и права не могут быть средостением между виной и возмездием, ибо это возмездие — мы вновь повторяем — не просто месть, а защита общественного права.

Перед лицом закона и правосудия духовенство не имеет того мистического значения, какое усматривает в нем, как мы видим, г-н Чамурчян.

Духовные лица прежде всего — граждане, а потом уже духовные; следовательно, как носители гражданских прав они ответственны перед общественными законами.

История человечества учит нас, что всякое состояние кастовости и замкнутости, начиная с египетских жрецов и вплоть до духовных родичей г-на Чамурчяна, восстановленных усилиями Пия VII, приносили человечеству вред. Эти касты, оторванные, отделенные от тела общества, воодушевленные адским эгоизмом, насиловали других и, ограбив их свободу, усиливали свои злоупотребления присвоенной свободой.

Затем люди попали в нравственный плен, а именно — в плен мысли и разума, где человек не смеет самостоятельно мыслить, а осужден действовать под диктовку своих палачей. Он вынужден итти по пути, выгодному только этим кастам.

Да, много веков шли люди по этому пути, но, наконец, очутившись лицом к лицу перед непроходимой стеной, крестообразно преграждавшей им дорогу, и больно ударившись об эту стену, они остановились и задумались. Насколько теперь изменился этот мрачный путь или сколько людей все еще, блуждая, бредут по нему, очень часто руководствуясь тусклым светом фонаря г-на Чамурчяна,— об этом не место здесь говорить.

Но дело в том, в каких же видах г-н Чамурчян, провозглашая сословие церковников неприкосновенным для мирян, возводит их до касты жрецов и иезуитов?

Мы никак не можем принять этого положения, поскольку наши церковники по выбору и с одобрения народа становятся церковниками, поскольку управление

нашей церковью конституционно, поскольку нашим церковникам не хватает еще очень многого, чтобы быть египетскими жрецами или иезуитами.

Отвергая это положение, мы снова повторяем, что церковь — это народ, а духовенство — служители этой церкви. Одного из этих духовных народ имеет все права почитать и любить за его хорошие качества, а другого осудить и наказать за его дурные дела.

Не наша забота, если г-н Чамурчян, с ног до головы напичканный мистицизмом, смотрит на духовных лиц, как на людей неприступных. Не наша забота, если, с другой стороны, церковное собрание считает в своей компетенции судить духовных лиц. Мы повторяем, что духовные лица, как люди и как члены церкви, не свободны от неотъемлемого правомочия общества, и голос общества, протест общества против беззаконий какого-либо духовного лица имеет полную силу, чтобы изгнать с церковного амвона убийцу, вора, распутника, прелюбодея, угнетателя, насильника, ненавистника нации и т. д. и т. д.

Пусть не боится г-н Чамурчян: с этим осуждением не связаны ни в какой мере театральные действа с одеванием и раздеванием священнического облачения виновным.

В этом осуждении, как в приведении приговора в исполнение, властны только совесть и правосудие.

После всего сказанного мы предоставляем г-ну Чамурчяну полное право, сколько ему угодно, выдергивать цитаты из молитвенника или священного писания.

С другой стороны, церковное собрание — если таковое на самом деле существует, а не является хртвилаком * (пугалом) — создано не для того, чтобы, укрывая недостойных духовных, сеять соблазн для народа; оно создано не для того, чтобы, защищая негодяев, заставить угнетенный народ испить до дна горькую чашу бедствий, а для того, чтобы вылавливать лисиц, грязнящих сады, и уничтожать волков, опустошающих стадо.

Народ не для духовенства, а следовательно, и не для церковного собрания — пусть раз навсегда выкинут они эту мысль из головы! — а духовенство и церковное собра-

* Мы обращаем особое внимание г-на Чамурчяна на это слово и спешим заверить, что не хотели сказать *хартавилак*[1], точно так же как и в первый раз не думали сказать *хртвилак*, хотя г-н Чамурчян и обыграл всемерно эту типографскую опечатку.

ние были и есть для народа, ибо опять-таки народ их создает, содержит и печется о них.

Прошли те времена, когда люди воодушевлялись отвлеченными и мистическими вещами: безжалостный реальный мир с железным посохом в руке требует справедливой дани. Человечество связано с земным шаром: опыт научил его только на земле находить источники своего счастья и своих бедствий.

Прошли и безвозвратно минули те мрачные дни, когда люди были счастливы, целуя рясу какого-либо монаха или — очень часто — прикладываясь к руке, оскверненной корыстью или блудом.

О, какая страшная пропасть между теми минувшими днями и нынешним днем! Ныне эти люди, отлично зная, что не могут завоевать симпатию народа своим достоинством, пытаются взять насилием, с помощью грубой силы, или освещая свою мрачную атмосферу зарницами проклятий.

Благо тому человеку, который посвятит себя и свое перо делу сохранения той неестественной власти над народом, кто постарается вовсе растоптать права угнетенного народа!

Горе нам: ведь мы никогда не удостоимся этой благодати!

Слава и низкий поклон г-ну Чамурчяну из Скутари!..[1]

Из написанного г-ном Чамурчяном и нами ясно, что наши пути совершенно различны — эти пути таковы, что никогда не сойдутся.

Наш заветный долг — служить, насколько хватит сил, человечеству, поскольку вместе живем на земле. Признаемся в нашей слабости: мы не можем оторваться от земли.

Г-н Чамурчян, находясь на земле, живет очень далеко от ее поверхности: земля слишком мала, чтобы вместить его величие. Шекспир устами Гамлета называет землю тюрьмой[2] и все же остается на земле, а г-н Чамурчян взлетает даже выше Ориона...

Знаем, снова запляшет Иродиада[3], снова постарается г-н Чамурчян пустить в ход свои старушечьи слова *еретик* и *безбожник* по нашему адресу: это — его единственное разящее оружие, присвоенное им по общему признанию.

Это оружие крошится, не достигнув нас, и потому может вызвать в нас одну лишь ироническую улыбку. С другой стороны, нелишним будет заявить, что да, мы,

действительно, не верим в слепоту и деспотизм, веруя, что бог — свобода и первый свет, а потому и всякая вера в него — дело свободной совести и сознательной свободы.

Уверяем, что заплатанные монашеские речи не имеют в наших глазах цены и ржавого гроша.

И вот стоим мы ныне на открытой арене и, надеясь остаться неуязвимыми для вражеского оружия, не укрываемся за барьером разных ложных принципов и софистических идей, в которые не верим, которых не признаем и которые решительно отвергаем. Мы говорим просто, так, что можем, не краснея, отчитаться перед нашим разумом во всем, сказанном нами. И все же мы ни в коем случае не препятствуем г-ну Чамурчяну совершить семь путешествий от теологии Билварда до философии Тезавра и от последней снова к первой.

Мы добровольно посвятили себя защите прав простого народа. Себя и свое перо мы не посвятили богачам: под грудами своего золота они всегда неуязвимы, особенно при власти деспотов.

Но тот злосчастный армянин, тот жалкий, нищий, голый и голодный армянин, угнетаемый не только чужими варварами, но и своими богачами, своим духовенством и полуграмотными, так называемыми учеными или философами,— этот армянин по всей справедливости привлекает наше внимание, и ему именно, не колеблясь ни секунды, посвятили мы все наши силы.

Защищать нещадно попираемые права этого армянина — вот подлинный смысл и цель нашей жизни. И чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой и будем служить ей не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять в руки оружие и освятить своей кровью провозглашаемую нами доселе свободу.

Вот наше кредо, в котором мы видим спасение нашего народа.

Что мы видим, перелистывая летопись бедствий нашего обездоленного народа?

Где тот соблазн, виновником которого не был бы церковник? Где угнетение, героем которого не выступал бы церковник? Где смута, которая не была бы вызвана церковником?

Да, настала пора, и потому мы публично заявляем: государственный шпион — церковник; изменник и преда-

тель народа — церковник; во имя славы и орденов, не говоря уж о материальной мзде... отравитель католикосов — церковник; грабитель церквей — церковник; избегающий кары за беспробудное пьянство, отрекающийся от своей церкви и обращающийся к папизму — церковник; отрекающийся от своей веры из-за неизбрания в католикосы — церковник; избегающий суда за публичную блудливость, бросающий клобук на землю, отрекающийся от духовного сана и до конца своей скотской жизни сожительствующий с потаскухой — церковник; расхититель школьных средств — церковник; и, наконец, везде и во всем церковник, ибо скучно перечислять все.

Не прав ли был «Юсисапайл» требовать коренной — с ног до головы — *реформы* армянской церкви?

Да, некоторого сорта люди, думая, что требуемая «Юсисапайлом» реформа относится к догматике, закусили удила, вопят: ох, ох, «Юсисапайл» требует протестантства!

«Юсисапайл» — не религиозный журнал и не имеет никакого отношения к догматическим вопросам. Для него достаточно, и он сочтет полностью выполненным свой долг, если сможет проповедовать лишь земное: выше звезд нет «Юсисапайла». «Юсисапайл» уже неоднократно заявлял, что эта реформа должна быть проведена самостоятельно, вне какой-либо связи с папистской и протестантской церквами.

Религиозные верования, будучи отвлеченной вещью и оставаясь в пределах совести, должны с полной свободой обновляться или стареть в душе и сердце каждого. Никто не вправе насиловать совесть другого, свободное признание его сердца, и «Юсисапайл», осмелимся ныне сказать, будучи не последним из журналов в смысле свободомыслия, никогда не позволял и никогда не позволит себе насилие над свободой другого или хотя бы ее ограничение.

Реформа, требуемая «Юсисапайлом», относится к церковному управлению, реформа, которой были бы обузданы не только Погос и Никогос, против которых время от времени протестовал «Юсисапайл», но и многие... в том числе и Иерусалимская братия *[1].

---

* До нас дошли сведения, что Иерусалимская братия выпустила брошюру против константинопольских газет «Мегу» и «Мюнати»[2]. Возможно, что отныне уважаемым издателям этих журналов трудно

По заплатанной теологии г-на Чамурчяна дела церковников предоставляется разбирать церковному собранию, т. е. самим же церковникам, народ же не вправе вмешиваться в эти дела, ибо... народ образует церковь, ибо церковь принадлежит народу. Чудесная логика!

Никогда, ни в коем случае!

Категорически протестуя против имеющегося поныне негодного духовного управления и не отказываясь от реформы, требуемой «Юсисапайлом», мы ныне повторяем те же требования.

Да, мы требуем реформы тех принципов, от которых зависит получение какой-либо должности духовными лицами.

Мы требуем реформы в управлении хозяйством церкви с тем, чтобы отныне не расхищались церковные средства, не подвергались ограблению и воровству церковное золото и серебро, не расплавлялись бы они в горнах еврейских ювелиров...

Мы требуем реформы в отношениях князей церкви и вообще церковников с народом. Они обязаны изменить свое направление: до сих пор они были наемными дармоедами, а не пастырями, опекающими стадо; к ним до сих пор относится протест пророка: «О пастыри, что себя пасете, а не овец!».

Мы требуем реформы в образовании и воспитании церковников. Есть у нас попы, не умеющие читать; есть у нас попы, не умеющие говорить по-армянски.

Мы требуем реформы в условиях посвящения в духовный сан. До сих пор «у нас человек, негодный для какого-либо дела, считается пригодным для духовного звания» *, до сих пор не последнее место занимает в этом деле симония... [4]

Мы требуем вообще реформы в церковном управлении: хаотическое и беспорядочное, оно больше всего было причиной вековых бедствий нации.

будет защищать в своих журналах свидетельство своего сердца, опасаясь нападок церковного собрания. В случае подобного несчастья страницы «Юсисапайла» будут для них открыты, не говоря о том, что и в Лондоне уже поставлен станок для свободной армянской печати. Мы слышали, что газета «Париж»[1] даст подробные сведения об этой типографии, что является еще одним залогом прогресса нации, хотя бы и руками англичан[2].

* Из нашего письма к святейшему католикосу[3] всех армян от 11-го февраля 1860 года из г. С.-Петербурга.

Против этого последнего утверждения особенно разгорятся страсти, вновь станут повторять, что уже давно слышим мы от разных духовных лиц, что, мол, их заслуга в том, что армянский народ до сих пор живет на белом свете.

Если есть люди, принимающие на веру эту пустую похвальбу церковников о деле, не только не выполненном ими, но и не снившемся им, не наша забота. Мы же со всей силой души отвергаем эту вымышленную заслугу церковников и требуем показать нам дела.

Чем сохранили они нацию? Школами? Литературой? Проповедями? Обществами? Так где же все это? Следовательно,— чем же?.. И еще раз — чем?

Мы стоим с фактами в руках, чтобы доказать совершенно противоположное всему этому, и отныне долг армянина — быть беспощадным в отношении духовенства, ибо бесславные знамена регресса и реакции развеваются в первую очередь над их головами.

Наше знамя уже известно...

Если армянский народ, сохранив свою религию, остался жить на белом свете, за это спасибо магометанству: исключительно оно сохранило религию армян. Как бы ни был народ погружен в беспросветное невежество, тем не менее одна часть его сознательно, а другая — и притом большая — по фанатизму, отгораживаясь от магометанства, сохранили свою религию, следовательно — и национальность.

Пусть бы армянский народ со дня крушения своего царства попал в рабство к какому-либо христианскому государству, тогда мы увидели бы... впрочем, как могли бы мы увидеть? Ведь и сами мы не родились бы армянами!

После разрушения города Ани армяне огромными массами эмигрировали в Польшу [1]. Если часть их спаслась и ныне носит на челе имя армян, спасибо за это крымским татарам. Другая же часть — и притом большая, осевшая в Польше,— где же она со своими епископами и священниками? Во время нашей поездки в Польшу (1859 г.) много раз случалось видеть нам великолепные, но ныне опустевшие, армянские церкви, но армянина — ни одного. Что случилось с ними, куда они делись?

Духовенство со своими ребяческими требованиями, став орудием в руках иезуитов, искромсало народ, безвозвратно потеряло его, следовательно, по всей справедливости, и само затерялось и исчезло в Польше.

Если духовенство было способно сохранить нацию, почему же оно не сохранило ее эмигрантов в Европе, где было больше возможностей для просвещения? Кто затевал и разжигал гибельные для нации распри? «Мегу»? «Мюнати»? Налбандянц? Или половинчатые, или, вернее сказать, двуличные дела и поведение католикосов Мовсеса, Мелкисета и Егиазара, а также предательство других духовных, среди которых меружановскими лаврами сверкает Никол — епископ-губитель,— все они вместе — одни вольно и сознательно, другие невольно и по невежеству — содействовали сталкиванию злосчастной эмиграции в бездну гибели.

Кто ради своих корыстных целей и ненасытного честолюбия, бросая армянский народ в эмиграцию из одной страны в другую, половину его обрек на смерть от непривычного климата и условий жизни, а другую половину довел до последней грани нищеты и рабства?..

И после всех этих исторических фактов духовенство будет хвалиться, что оно сохранило нацию?

Эти слова против духовенства не относятся к нашим блаженным переводчикам и к весьма малой части духовенства, следующей их примеру.

И сами они, эти святые переводчики, до самой смерти подвергались ссылкам и гонениям со стороны духовенства.

Блаженного Хоренаци, этого ангелоподобного старца, подвергали жестоким преследованиям и в конце концов, преподнеся ему Багревандское епископство как смертельную отраву, умертвили его. В предсмертный час он написал страшное проклятие армянскому католикосу.

Но и смерть не примирила армянских церковников с этим почтенным старцем: они вырыли его останки из могилы и бросили в реку.

Лазаря Парпеци они босым изгнали из монастыря, который он по поручению владетельного князя Ваана Мамиконяна благоустроил, вложив в него и свои все средства, распродав все, что имел. Изгнав его, они расхитили все имущество монастыря, в том числе и греческие книги, хотя никто из них не умел читать по-гречески.

Еще до въезда Хосровика в Армению, только узнав, что он едет, церковники воспылали к нему завистью и разожгли против него ненасытное пламя гонений; молодой ученый, снедаемый тоской по родине за годы учения в разных странах, стремился домой, чтобы просветить

народ, но, услышав свист смертоносных стрел, взмолился богу и покончил с жизнью, так что и останки его удостоились принять не мы, а чужие.

Книги Хоренаци, направленные против невежества, они объявили *патихинес* (растлителями), а Лазаря Парпеци — *сектантом*.

Парпеци, подробно рассказав обо всем этом *, прекрасно описывает армянских церковников V века, когда речь касалась превращения:

«В злобной зависти, угнездившейся в них, сидят они с закутанными и прикрытыми лицами, словно у смрадного трупа, молча, как немой демон».

После всех этих печальных историй мы обращаемся к церковному собранию и как член нации и церкви предлагаем, во-первых, понять и признать, что духовное звание не является своего рода ремеслом для добывания материальных средств к существованию, и если оно хочет иметь смысл, то должно служить прогрессу нации.

Во-вторых, надо довести это до церковников, находящихся в его подчинении, с тем чтобы их поведение соответствовало этой цели.

В-третьих, строжайше повелеть всем церковникам, без различия сана и должности, не сметь поднимать руку или посох с целью избиения и терзания сынов армянского народа (см. «Мегу» № 127) [1],— это уже не духовенство, а *гнусное палачество* **.

---

* *Послание* Лазаря Парпеци к владетельному князю Ваану Мамиконяну, изд. в Москве, 1863, под ред. и крит. анализом г-на Эмина. Сожалеем, что нет под рукой этой книги, чтобы привести здесь пару страниц в духовную утеху г-ну Чамурчяну и церковникам.

** Свидетелем этой гнусной привычки духовенства были мы и в Эчмиадзине в октябре 1860 г. Как-то утром страшный шум и крики под окном у меня заставили меня выйти во двор, чтобы узнать, в чем дело. С болью увидел я, что по приказу двух монахов-экономов избивали нескольких работников-армян за то, что они не хотели работать, не получая харчей. После нанесения изрядного числа палочных ударов по спинам этих жалких и беззащитных людей страсти этих армянских инквизиторов, очевидно, еще не улеглись, так как один из них, по имени Карапет, совершенно взбешенный и потеряв всякий стыд, стал сам орудовать кулаками и ногами, обрушившись на несчастного юношу из числа уже избитых и истерзанных работников. С окровавленным лицом, еле вырвавшись из рук палача, несчастный юноша побежал с жалобой на это беззаконие к члену синода, преосвященному епископу Егиазару. Епископ, узрев воочию окровавленный образ несчастного, взяв с собой этого кровью крещенного (а крестителем был сам Карапет!), отправился к его святей-

Внеся это предложение, мы будем ждать специального циркулярного приказа церковного собрания о том, чтобы церковники ни в коем случае не смели применять телесное наказание к членам нации.

Если такой циркуляр не будет издан, тогда мы (заранее заявляем об этом публично) выпустим свой циркуляр, но с совершенно противоположным содержанием. И вину за последствия, имеющие возникнуть из-за их упущения, мы с нынешнего же дня возлагаем на церковное собрание.

Мы говорим это со всей серьезностью и ответственностью. Церковное собрание да не сочтет это пустой угрозой или порождением минутной, преходящей страсти — нет и нет! Ныне и до самой могилы мы ревностно и мстительно стоим на страже прав простого народа и для этой цели способны на все.

Церковное собрание прочтет наш циркуляр, если будет иметь несчастье пренебречь своим долгом. В свое время мы пошлем ему один экземпляр в отдельном конверте.

О, какие скорбные дела, какие печальные предметы служат нынче темой для нашего слова!

Это ли наше дело?

Кровью обливается сердце при виде опустошенной и бесплодной жизни нашего народа. Горестно сжимается сердце при виде того, как бездеятельны в своем безграничном несчастье и в крайнем рабстве армяне, осужденные подвергаться не только палке чужих, но и гнету своих церковников.

Но какой степени достигает это горестное чувство, когда сами же армяне выступают с тем, чтобы восхвалять вымышленные права церковников и увековечить рабское состояние народа! Какой степени!.. мы отказываемся определить.

Свобода, эта величественная изгнанница, снова и снова кровью омытая, огненными буквами пишется на светлых челах, армянин же и ныне не может полностью высвободить свое чело из-под черного покрывала, где веками сидят, как в логове, парки[1], чтобы срезать молодые побеги свободы.

шеству католикосу засвидетельствовать это беззаконие. К несчастью, его святейшество, болея, не мог его принять, и епископ как член синода принужден был обратиться с официальным отношением к прокурору и просить его распоряжения о том, чтобы монахи не смели прибегать к таким мерам. Каковы были последствия этого обращения, мы еще не имеем сведений.

До сих пор мы жили отвлеченностью, иначе говоря, погибали... Разве не следует немного подумать и о жизни?..

Годы бегут с быстротой молнии, дни летят, как секунды. Мы боимся — и мы вправе бояться,— что, возможно, пока армянин проснется, выспавшись от своего смертоподобного сна, луна погрузится в бездну за горизонтом...[1]

Многие народы попадали в беду, но это не означало для них потерю самостоятельности. На веки вечные их ссылали, вешали, обезглавливали и сжигали, но душа их оставалась жива на руинах их опустошенного отечества.

Воздух отчизны, ее горы и леса в глубокой ночной тишине веками оглашались эхом предсмертных протестов этих мучеников.

Горе вам, горы Армении, долы Армении и заветные леса Армении! От Арарата до Тавра вы оглашаетесь эхом рыданий и стонов осиротевших под палками угнетателей и церковников сынов Армении.

И у других народов угнетателей до поры до времени преследовали лишь призраки замученных ими людей, но когда чаша народных испытаний переполнилась, тогда из-под траурных одеяний потомков этих мучеников сверкнули мечи.

Они жили и трудились для общей пользы, хорошо осознав, что ложно благоденствие одного без всеобщего счастья.

Они не продались чужим... Они не изменили своему народу, они не продали своего пера... Они пренебрегли чужим почетом и стремились вместо позорных орденов носить имя своей национальности и рубцы от ран, полученных мученически,— во имя свободы народа.

Что осталось нам от нашего прошлого? В каком состоянии мы в настоящее время? Каким путем идем мы и куда он приведет нас?

Вот вопросы, которые каждый разумный армянин обязан *ярко осветить* перед всем народом.

Молчание... За то, что написано нами доныне, достопочтенный Айвазовский готовится снова окрестить нас именем еретика.

Но так как нас не страшат имена, мы принимаем также угрозу г-на Айвазовского: подвергнуть разбору в «Масяц Ахавни» все номера «Юсисапайла» — от первого до последнего * — и выявить его еретический характер.

* В воображении г-на Айвазовского «Юсисапайл» уже закрыт, однако он продолжает выходить и ныне.

Приглашаем его выйти на арену *, но если дело коснется нетвердости в религии и в свидетельстве сердца, думаем, что его ответственность будет тяжелее, особенно если найдутся люди, которые возьмутся опубликовать историю жизни и деятельности г-на Айвазовского с того момента, на котором заканчивается второй том «Истории училища Мурадян»[3] отца Саркиса, который, возможно, выйдет из печати до конца этого года. О, ну и история!..

Легче было бы г-ну Айвазовскому напасть на какую-либо другую сторону «Юсисапайла», нежели осуждать его за вероотступничество.

И кто осуждает! Тот, кто уже дважды менял религию, кто печатно заявлял: «Католиком родился и католиком умру»; кто написал доклад для Погос-бея Дадяна с целью слияния армянской церкви с римско-католической и представил его парижскому архиепископу; кто, вынужденный обстоятельствами и влекомый выгодами, прибежал в никогда не закрывавшееся лоно армянской церкви и, более того, кто после назначения архиереем армян-григориан издал «Учение христианской веры»[4], направленное против армянской церкви**.

---

* Мы шлем это приглашение г-ну Айвазовскому, между тем как он уже в предыдущие годы не раз клеветал на нас перед министром внутренних дел России, выставляя нас безбожником, безнравственным человеком, мятежником и возмутителем народа. Г-н Айвазовский предлагал сиятельному министру закрыть *вредный* журнал «Юсисапайл» и подвергнуть нас суровой каре по всей строгости закона. Возможно, г-н Айвазовский с отеческой заботливостью (с чисто оздоровительной целью) подготовил для нас место жительства в Нерчинске или Красноярске, чтобы несколько умерить нашу горячность сибирскими морозами... Г-н Айвазовский не может опровергнуть эти факты, поскольку им сопутствовали долгое следствие и переписка между министрами и цензурным комитетом, а также последовали запросы...[1]

Несмотря на это печальное прошлое, несмотря на то, что г-н Айвазовский в своем «Масяц Ахавни» волен писать обо всем, в том числе и клеветать... а также браниться, поскольку его писания не рассматриваются в цензурном комитете[2], в то время как все, написанное нами, рассматривается, и притом особенно строго, если касается г-на Айвазовского (доказательств у нас достаточно), несмотря, повторяем, на все это, мы приглашаем г-на Айвазовского взять публично слово.

** Это «Учение», как свидетельствует г-н Айвазовский, было напечатано по приказу бывшего константинопольского патриарха — святейшего архиепископа Акопа и церковного собрания. Если это верно, значит церковное собрание не способно решать и догматические вопросы, что выше мы отнесли за счет его компетенции. Но одно обстоятельство наводит нас на сомнения. В своем циркуляре

Об этом «Учении» была написана г-ном Эмином критика на русском языке, о чем упоминает г-н Айвазовский в «Масяц Ахавни», говоря, что по рукам ходит некая рукопись на русском языке, направленная против него.

Это «Учение» и было осуждено министром внутренних дел России. Г-н Айвазовский не может отрицать этого, поскольку он, по приказу министра, собственноручным письмом предложил епархиальной консистории разослать циркулярные распоряжения о том, чтобы все проданные экземпляры книги были отобраны и доставлены ему, ибо таков был приказ сиятельного министра.

Это то самое «Учение», подробную критику на которое, написанную нами, его святейшество католикос всех армян принял и пожаловал нас своим кондаком с благословением, в котором он называет «Учение» г-на Айвазовского «враждебной книгой, ересью и вечным соблазном для простодушных» *.

Это самое «Учение», не упоминая о его осуждении сиятельным министром, г-н Айвазовский с голубиным простодушием послал его святейшеству католикосу, прося разрешения на его переиздание. Свою просьбу он мотивировал тем, что все экземпляры проданы и имеется потребность в переиздании. Он надеялся, очевидно, что его

г-н Айвазовский заявил, что все места, направленные против армянской церкви, являются типографскими опечатками. Это значит, что г-н Джаник Арамян сам сочинил все это, ибо типографской опечаткой может явиться буква или, самое большее, слово, а наборщик, как бы он неопытен ни был, не может от себя сочинить целые страницы, набрать их и напечатать. Если это голая клевета, пусть г-н Джаник Арамян протестует, не наша это забота, но ради истины мы должны сказать, что если ошибочность книги признана лишь после ее осуждения, то где же он был, когда получал из Парижа напечатанные экземпляры и давал их учащимся? Не читал он их, не видел? И после этого он объявляет вероотступниками и изменниками армянской церкви сотрудников «Юсисапайла»?

Поистине, апогей шутовства!

* В нашу бытность в октябре 1860 г. по национальным делам в Эчмиадзине святейший патриарх, вновь удостоив нас своим благословением, сообщил, что г-н Айвазовский в своем переводе книги под названием «Жизнь Иисуса» говорит противное учению армянской церкви и что поэтому его святейшество сам рассматривает и назначает расследование этой книги.

Об отношениях г-на Айвазовского к армянской церкви святейший католикос с официальными документами обратился к русскому правительству. Если нам удастся получить возражения Айвазовского на готовящуюся критику, тогда мы будем иметь повод опубликовать эти документы и другие кондаки.

святейшество, не прочитав, даст разрешение, и тогда он, располагая подписью католикоса, сможет переиздать осужденное как реабилитированное.

Но дело кончилось иначе. Его святейшество католикос прочитал, критически разобрал и, найдя его ошибочным и противоречащим учению армянской церкви, запретил. Об этом рассказал нам сам его святейшество — католикос всех армян.

Вот он — наш будущий следователь, вот он — г-н Айвазовский... И разве этот беспорочный человек (на нравственности и на поведении которого поныне никто не осмелится обнаружить пятнышка) не вправе своим *непогрешимым* следствием осудить своих противников, особенно если взгляды последних невыгодны для него? Об этом пусть свидетельствуют его письма Настоятелю об о. Саркисе...

Не будучи пророком, мы тем не менее предсказываем читателям, что скажет г-н Айвазовский об этих письмах. Он в то время не знал, дескать, о. Саркиса, а потом, узнав, реабилитировал его в «Заявлении о событиях в училище Мурадян».

Итак:

— В «Истории османов» г-н Айвазовский обзывает армян сектантами.

— Тут он не повинен: помимо его воли эти страницы добавлены в монастыре *.

— Почему же г-н Айвазовский принял их?

— А кто об этом спрашивает?

Г-н Айвазовский отвечает: — Некий еретик.

— В «Учении христианской веры» г-н Айвазовский противоречит подлинному учению армянской церкви.

— Это — типографские опечатки: все эти места сочинил наборщик **.

— Нет, милостивый государь! Авторская рукопись, имеющаяся в типографии, свидетельствует о том, что наборщик не изменил ни единой буквы; следовательно, обвинение типографии — клевета.

— А кто это разведал?

Г-н Айвазовский отвечает: — Некий безбожник.

— Чтобы сбросить с поста о. Саркиса, г-н Айвазовский пишет о. Настоятелю шпионские доносы.

---

* «История возвращения трех архимандритов».

** Из циркуляра г-на Айвазовского.

— Когда он писал эти письма, ему не были известны достоинства о. Саркиса *.

— А как он узнал его недостатки?

— А кто этот следователь?

Г-н Айвазовский отвечает: — Некий безнравственный человек.

— В правилах своей школы г-н Айвазовский пишет (§ 34): «Если кто подлежит наказанию, он должен сначала подвергнуться ему, а затем уж, если имеет, что сказать, обратиться к ректору».

— Какой смысл оправдываться после того, как понес наказание?

— Это правило написано не для исполнения, а потому не применяется **.

— Для чего же печатать неприменяемое правило?

— Кто этот юрист?

Г-н Айвазовский отвечает: — Некий мятежник.

— После этого можно ли верить делам или писаниям г-на Айвазовского?

— Несомненно!

— То-есть, как это «несомненно»? От того, что сказано им в январе, в феврале он отказывается; от того, что написал год назад, сейчас открещивается.

— Бедняга! До сих пор ты не знаешь, что истина, как календарь, меняется ежегодно, а в случае надобности и ежемесячно.

— Понял! А, может, и несколько раз в день?

— Да, чем чаще, тем лучше. Они содействуют моральному росту человека, его разумения.

Незримый дьявол: «Да здравствует духовная гимнастика [1], да здравствует Лойола!».

Пока мы не располагаем временем продолжать, пока довольствуемся *двумя строками*. Но мы публично даем обещание не уносить с собой в могилу виденное и слышанное нами. Читающая публика может верить нашему обещанию, особенно, если вспомнит, что до сих пор мы никогда не пренебрегали возможными публикациями.

Пусть г-н Чамурчян проповедует, что нет спасения вне духовенства, пусть г-н Айвазовский осуществит свою угрозу и начнет следствие (о, какой ужас для нас!) — «Юсисапайл» даст им достойный отпор (Sic!).

---

* Таков наиболее вероятный ответ г-на Айвазовского.

** Из письма одного из друзей г-на Айвазовского; автор письма приводит подлинные слова г-на Айвазовского.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ АРМЯНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР

Без лишних слов начнем мы эту статью, посвященную национальному театру; об этом новом явлении национальной жизни мы считаем неудобным говорить старым языком.

Армянский народ в изгнании, скитаясь по разным странам, испытывает бедствия, бесчисленные горести и страдания, он давно уже тоскует по национальному театру, но никогда не было недостатка в затруднениях и препятствиях к созданию этого замечательного дела.

Старческому консервативному сознанию не хватает жизни, чтобы понять и оценить национальные потребности; парализованное своей азиатской медлительностью, оно не поддается влиянию века и пребывает в растительном благополучии; для его слуха имя народа, моральное воспитание народа звучат гласом вопиющего в пустыне; оставаясь верным старине, оно не может и не оно должно стать причиной и создателем такого дела.

Но пылкая молодежь, на которую обращены все надежды мыслящих людей, эти верные дети своего века, ставши через образование и самообразование в иные отношения, нежели их бесплодные предки, к народу, осознали великое значение национального театра, они поработали, приложили много сил и вечером 14 декабря, в присутствии многочисленных соотечественников, впервые открыли перед народом занавес публичного аполлонова зеркала.

Да здравствует молодежь!

Летописец армянского прогресса передаст грядущим поколениям имена основоположников национального театра, написанные золотыми буквами.

Создатели армянского театра, вынося множество других трудностей, должны были воевать против еще одного устарелого предрассудка — нелепого и ошибочного мнения общества об актерах и актрисах.

Только человек, полагающий, что люди ходят в театр исключительно для развлечения, может смотреть на театральных работников с предубеждением. Но это ли подлинное и основное значение театра?

Театральная сцена не ниже научной кафедры. Театральная сцена — тот стул, на который садится философия и, воплощая слово в живых, действенных идеях и примерах, избавляет общество от труда воспринимать их только воображением. Театральная сцена — тот грозный моральный суд, где добродетель и преступление получают беспристрастное и заслуженное воздаяние.

Человеческий разум предоставил только театральной сцене ту великую волшебную силу, которая в одно мгновение вызывает в сердцах всех зрителей радость, печаль, удивление, восхищение, боль и сострадание. Словом, сцена властвует над всеми душевными способностями человека.

Нет человека, который не извлек бы пользы из тех примеров, которые как результат опыта человеческой жизни он видит на театральной сцене. Театр — новая своеобразная школа, в которой обучаются люди всех возрастов. Он учит красивой армянской речи, шлифует язык, незаметно внедряет в народ возвышенный стиль и изысканные обороты. Театр не только облагораживает идеи общества, но и показывает величие добродетели, низость порока, поощряя первую и предостерегая от второго. Он рассматривает тончайшие стороны семейной жизни и обнажает фальшь, ставит ее перед судом общества.

В эти моменты обществу остается только принять одно и отвергнуть другое, ибо оно уже убеждено, ибо жребий уже брошен. Сердце и чувства публики, задетые глубокой болью, реагируют на пороки и страсти, показанные актерами.

Публика осознает, чувствует, так как она — человек. И в театре она забывает о своих предрассудках относительно актеров и актрис. Она часто готова увенчать лав-

рами жрецов и жриц этого заветного храма, да и венчает их и не щадит голоса, возглашая «браво», не щадит рук и перчаток, часто за один вечер приходящих в негодность от бурных аплодисментов. Чем это объяснить?

В театре публика искренна. У входа в театр она снимает с себя маску, которую надели на нее ложные условия света. Она входит в театр, как в новый мир, чтобы стать свидетелем только одного события, действия, от которого не будет никакого вреда ее личным интересам.

Но публика, выходя из театра, когда она снова должна попасть в свою атмосферу, не забывает захватить и свою маску, снова надевает очки, искажающие ее зрение,— и вот уже актер и актриса уменьшились, унизились в ее глазах.

Низок тот, кто другого считает ничтожным и низким, кто ставит себя выше других.

Поскольку таковы нравы общества, никто, конечно, не желает выступать на сцене, так как, ступив на нее, он уже почти опорочен в глазах общества. И разве малая отвага требуется для того, чтобы, пренебрегая предрассудками общества, служить реальной пользе того же общества? Разве величина успеха не измеряется размерами препятствий и преград на пути к нему? Многие ли мужчины найдут в себе моральную силу, чтобы пренебречь ложным общественным мнением, чтобы мы были вправе ждать такого же мужества от прекрасного пола?.. Ох, много времени потребуется, чтобы прояснились взгляды людей!.. Христианское учение учит довольствоваться малым, когда человек хочет большего. Основатель его омывал ноги своим ученикам, отрицал и до основания разрушал всякий принцип господства и услужения. Его философия, вытекающая из повседневных и существенных потребностей людей, безвозвратно разрушает всякое предпочтение личности — все это человек еще не сумел переварить. Человек хочет только своей личной добродетелью стать значительным в обществе, он ежедневно грешит против священного закона равенства и желает показаться достойным, насилуя и отвергая право другого, равного себе.

И до какой же степени, до каких пределов?.. Доходить до того, чтобы стыдиться протянуть руку другому, считать самопожертвованием говорить или быть в обществе другого.

Скорбя обо всем этом, мы все же не можем сдержать радости, видя армянских актеров, и не только актеров. Честь и слава пионерам передового движения молодежи — актрисам!

История армянского театра не забудет имен уважаемых девиц Арусяк и Ахавни Папазян, первыми отважившихся ступить на театральную сцену. Они противодействовали общественным предрассудкам и, преодолев их, вышли на сцену. Да здравствуют актрисы!

В поставленных спектаклях они имели большой успех. Мы не только хвалим их, но благоговеем перед ними, забывая о недостатках, почти неизбежных для каждого человека при вступлении на новое поприще.

Мы надеемся, что, встретив со стороны общества восторженный прием, они не только приложат все усилия к дальнейшему сценическому совершенствованию, но и своей строгой нравственностью, присущей всем армянским женщинам и девушкам, любящим свою родину, окажут честь своему призванию и, став, с одной стороны, добрым примером для своих преемниц, с другой стороны, докажут обществу, что театральная сцена не делает человека безнравственным, если он нравственен по натуре.

Мы надеемся также и хотим, чтобы поощрительный прием со стороны публики не столкнул их в пропасть гордыни, где бесследно погибло уже много европейских актрис.

Для актрисы, как и для актера, нет большего врага, чем гордыня. Со дня ее появления в актере замирает стремление итти вперед, он останавливается на той точке, которой достиг, между тем как актер и актриса до конца своей деятельности должны итти вперед, должны постоянно совершенствоваться.

Приятно надеяться, что уважаемые актеры почерпнут пользу от теплого приема публики и постараются сохранить непорочным свое звание. Мы единодушно выражаем удовлетворение и благодарность всей группе, в которой видим таланты, внушающие большие надежды.

Мы надеемся, что дирекция театра обратит особое внимание на чистоту, точность и единство языка представляемых пьес и на выбор и перевод пьес, намечаемых к постановке.

Не всякая пьеса, которая может быть поставлена в европейских городах, пригодна для армянской сцены, не

всякое европейское выражение, будучи наскоро переведено, может быть арменизировано.

Семейная жизнь армянского народа как народа азиатского бедна, но бедность превратится в бедствие, если разврат и разложение семейных нравов в европейских семьях как результат «цивилизации» будут прививаться армянской семье.

В высшей степени тонким делом является выбор театральных пьес, он требует большой осторожности, особенно при прохождении мимо тех скал, о которые вдребезги разбилась французская семейная жизнь.

Мы надеемся также, что основоположники национального театра обратят особое внимание и постараются устранить все то, что могло бы послужить поводом для каких-либо беспорядков или страшного утомления зрителей, как то имело место при представлении «Двух забывчивых», когда из-за недопустимой медлительности актеров еще до окончания спектакля значительная часть публики разошлась, ибо было уже за полночь. Такие явления могут нанести большой вред новому театру.

Особенно не надо давать повода недомыслящим людям: вместо того чтобы направлять свое недовольство против хотя бы кажущегося беспорядка, вместо того чтобы протестовать против того, кто их огорчил (если был таковой), они обрушиваются на весь театр, порицают людей, которым недостойны развязать ремни на ногах, нагло бранят зрителей, предательски клевещут на всю нацию и, как разъяренные чудовища, бегая с улицы на улицу, из дома в дом, добираются до самой полиции!..

В противовес этому усилия актеров и актрис, опираясь на прием публики, могут открыть перед театром большие перспективы.

Мы надеемся, что народ не поскупится на содействие, изо дня в день посещая театр, и это не только для поддержания материальной жизни театра, но и для оказания морального поощрения.

Человек, не помогающий доброму делу, молчаливо свидетельствует о том, что он недостоин этого доброго дела.

И как мы будем утешены, если через некоторое время услышим, что армянский народ в Константинополе организовал общество для постройки великолепного театра, роскошь, удобства и другие благоприятствующие качества

которого содействовали бы его прогрессу. И этот театр будет для нынешнего поколения величавым памятником, на который с гордостью будут смотреть армяне и который принесет им честь — еще одно доказательство нравственной мощи народа.

Не меньшую радость доставил нам армянский театр, основанный в Смирне самоотверженным Васпураканским обществом. Тут мы считаем уместным адресовать и им нашу сердечную благодарность и пожелать успеха в их прекрасном начинании.

Да здравствуют армянские театры!

Да здравствуют актеры!

Да здравствуют актрисы, скромные и усердные!

Пера[1], декабрь 1861.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ КАК ВЕРНЫЙ ПУТЬ

ИССЛЕДОВАНИЕ СИМЕОНА МАНИКЯНА[1]

Армянской молодежи с горячей любовью посвящает

АВТОР

Мои дорогие братья!

тот маленький труд о жизненном вопросе я хотел увенчать именами живых и с этой целью посвятил его вам.

Прошлое нашего народа печально, исторические памятники слезоточат. Настоящее нашего народа тяжко, рабство и нищета вопиющи, и если мы надеемся на будущее, то предвестниками его являетесь вы, от вас зависит будущее народа, и на вас единственная надежда. В какой мере вы оправдаете эту надежду, порукой и мерилом этого должны быть ваши дела.

Не забудьте, что будущее свершит свой суд над вами, так же как вы сегодня вершите суд над своими предками. Но чем дальше вперед, тем строже будет этот суд,— постарайтесь завещать своим преемникам светлую память.

С вами вступят в бой предрассудки, чтобы не сказать большего, и это естественно. Но даже из этого возможно извлечь пользу: нельзя почувствовать силу, если нет сопротивления, по степени трудности — и награда.

Предоставьте мертвым хоронить своих мертвецов, солнце их закатилось, а вы живы, и заря будущего восходит над вами! Пусть ваша малочисленность перед лицом огромных потребностей не обескураживает вас: всякий, кто чувствует в себе жизнь, должен примкнуть к вам, ибо жизнь течет только в одном направлении — вперед! Вперед... только там мы можем достигнуть обновляющего и бурного возрождения нашего народа...

Будьте здоровы.

Всегда ваш *Симеон Маникян.*

26 мая 1862 г.

«Идеи моего труда вытекают из предпосылок, каковыми являются не отвлеченные мысли, а объективные, живые или исторические факты» [1]

Фейербах

Северная Америка, желая уничтожить рабство на юге Америки, следовательно, во имя свободы, объявила войну югу, так как последний не соглашается уничтожить у себя позорящую человечество работорговлю. Какое сердце не сочувствует героическому самопожертвованию северян, какая совесть может примириться с позицией, поныне занимаемой южной Америкой?

Но, несмотря на все это, Англия чуть было не объявила войну Северной Америке, и если не объявила, то — помимо своей воли, ибо победы северян над южанами очень и очень затрудняют положение Англии.

Англия радовалась, когда несколько месяцев тому назад северяне терпели поражение за поражением.

Что за вавилонское столпотворение! — может подумать иной. Как можно, чтобы Англия, эта свободная страна, где даже венценосный глава не может не признать личной свободы и прав простого смертного, возможно ли, чтобы она сочувствовала южанам, радовалась их победам и печалилась поражениям стороны, проповедующей рабство, использующей человека в качестве скота?

Да, да, именно эта свободная Англия. Но это не прихоть ее правительства,— оно «вынуждено...»

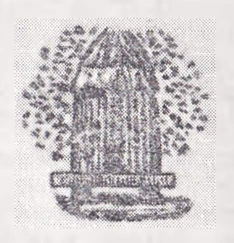
В Америке идет гражданская война, она не в состоянии давать Англии хлопок. В Англии закрываются фабрики хлопчатобумажных изделий, владельцы терпят

ԵՐԿՐԱԳՈՐԾՈՒԹԻՒՆԸ

ՈՐՊԷՍ ՈՒՂԻՂ ՃԱՆԱՊԱՐՀ

ԱՇԽԱՏԱՍԻՐԵՑ

ՍԻՄԷՕՆ ՄԱՆԻԿԵԱՆ

1862

Обложка первого издания работы «Земледелие как верный путь» (Париж 1862).

банкротство, и огромные массы рабочих остаются без работы, лишенные куска насущного хлеба, в крайнем отчаянии. Столько убытков причинено лишь из-за войны, из-за временного отсутствия хлопка. Но какова же будет участь английских фабрик и рабочих, если на юге Америки будет уничтожено рабство, прекратится возделывание хлопка и других культур? Верно ли это? В самом ли деле с уничтожением рабства прекратится возделывание этих культур, как хотят уверить нас южане? Вопрос для нас не в этом. Нынешние последствия данной войны мы принимаем как свершившийся факт.

Мы имеем перед глазами десятки тысяч безработных, которые страдают от голода и прилагают последние усилия, борясь с крайней нищетой.

Представьте себе тысячи семей, которые влачили существование благодаря работе одного из членов своей семьи, работавшего на какой-либо фабрике и получавшего несколько шиллингов в неделю. Теперь этот рабочий, сидя без работы в бедном своем жилище, не может добыть и этих нескольких шиллингов, чтобы прокормить семью.

В Англии с крахом или остановкой какого-либо предприятия связаны бедствия множества людей. Какая-нибудь лента, бывшая раньше в употреблении, вышла из моды, народ перестал покупать ее, что может быть проще этого? Но взгляните на последствия этого простого факта. Тысячи магазинов, сотни фабрик закрылись, и огромное количество трудящихся осталось вновь без работы, без хлеба, без крова и без всяких средств к существованию.

Протест за протестом, но против кого? Кто может что-либо сделать? На собраниях принимали решение, чтобы каждая почтенная дама добровольно приобрела по несколько аршин этой совершенно ненужной для нее ленты, для того чтобы оказать помощь несчастным рабочим. Была открыта подписка, собирали большие суммы, но в сравнении с потребностями нуждающихся и голодающих эти суммы совершенно ничтожны. Даже если бы и возможно было выдать каждому из них не по несколько шиллингов, но десятки стерлингов, тем не менее это не спасло бы их.

Дереву с высохшими корнями не поможешь, если поливать водой его листву; листья получат лишь минутную прохладу и — только.

Так же и этим бедным рабочим милостыней в несколько шиллингов не поможешь, хлеб и пропитание нужны постоянно.

Во Франции, в городе Лионе, также закрылось несколько фабрик; рабочих там постигла почти та же участь, что и в Лондоне; всюду проводилась подписка за подпиской для оказания помощи этим беднякам, даже Гарибальди предложил в Италии устроить сбор пожертвований.

Для верхоглядов, для тех, кто смотрит на вещи поверхностно и исследует лишь их внешнюю сторону, такая нищета в другой стране, быть может, и не удивительна, по отношению же к Англии и Франции поразительна. Но для того, кто привык разбираться в вопросе, докапываясь до всех породивших его причин, ясно, что именно только в Англии, да отчасти во Франции и возможна такая нищета.

«Англия богата, ни одно государство не имеет столько золота и серебра, сколько она; она кредитует всех, не нуждается сама ни в чем и т. д. и т. д.» Тысячи восхвалений, множество восклицаний. «Счастливая страна!» — слышали мы сотни раз по ее адресу. Приблизительно то же самое происходит в отношении Франции. Но надо знать, что государство — не народ и интересы государств ничего общего не имеют с интересами народов до тех пор, пока их структура такова, как сегодня.

О том, что такое государство,— поговорим в другой раз, пока же скажем, что английская нация беднее всех других наций и подвержена превратностям более, чем какая-либо другая.

Как? — спросят нас читатели. Очень просто — ответим мы. Под словом «нация» надо понимать простой народ, а не нескольких богачей, выплывших на поверхность пеною пота и крови народа. В Британии, Ирландии и Шотландии проживает 29 307 199 душ населения, среди них число родовитых, так называемых англо-саксонских, семей не достигает и ста пятидесяти, число купеческих семейств исчисляется также не миллионами, значит, эти миллионы составляет простой народ, следовательно, он и есть показатель как нравственных, так и материальных богатств нации. Если говорят «Англия богата» и понимают под Англией правительство и дворянство, то в этом случае приписываемое Англии богатство принадлежит не

английской нации, а ее правительству и дворянству, которые не составляют Англии. Мы только тогда можем с достоверностью сказать, что Англия богата, если убедимся, что миллионное ее население обладает хоть каким-нибудь материальным богатством. Из каких источников может простой народ черпать себе средства к жизни (не говорим богатство) и средства верные, постоянные, а не случайные? Единственным, для простого народа прямым, а для остальных — косвенным, но тем не менее необходимым, как вода для рыбы, источником жизни и богатства является *земледелие*. Когда подавляющая часть людей, составляющих нацию, будет заниматься земледелием и вообще сельским хозяйством, тогда она в целом богата и обеспечена, так как основа ее естественна и покоится на природе. Вследствие этого меньшинство нации, не занимающееся земледелием, может быть уверенным, что оно едва справится с переработкой, возделыванием и сбытом того, что добывает из земли большинство нации. Большинство нации обеспечено земледелием, и невозможно, чтобы оно встретило в жизни затруднения. Меньшинство, которое состоит из купцов-предпринимателей, не может остаться без работы, поскольку блага, полученные большинством, ждут своей обработки или сбыта; в случае какого-либо несчастья лишь самая ничтожная часть из этого меньшинства может подвергнуться случайным и временным затруднениям, поскольку основа нации покоится на земле, а не висит в воздухе. Нет человека, даже в Англии, который не признал бы эту истину; но дело в том, что земледельцу для обработки нужна земля, то, чего простой народ в Англии не имеет.

Английские земли составляют частную собственность дворян; простой народ там лишен даже клочка земли. Земля Лондона, этой гигантской столицы Англии, составляет собственность семи дворянских семейств, среди которых первое место занимает королевский дом. Простой народ ничего, кроме своих рук, не имеет; он живет на земле дворян и платит аренду владельцам земли. Простой народ, не имея земли, не может заниматься земледелием. Миллионы людей, проживающие в Англии, являются поденщиками, работающими по найму, служащими и рабочими. Те из этих миллионов, которые имеют деньги, арендуют землю у какого-либо дворянина, нанимают тысячи рабочих и обрабатывают землю,— это так называемые

фермеры. Наемные сельскохозяйственные рабочие всецело зависят от своих фермеров, так как, если последние не обеспечат их работу, они будут обречены на голодную смерть. Куда податься, что им делать? Фермеры в свою очередь зависят от тех дворян, чьи земли они арендуют. Дворянин, если он этого захочет, может хоть сегодня сказать фермеру: «Ты столько времени арендовал и обрабатывал мою землю, уплатил мне столько-то аренды, за это благодарю тебя; отныне я уже не могу отдавать тебе мою землю, она нужна мне самому, ищи себе землю в другом месте». Ни фермер, ни тысячи его рабочих, которые столько лет кормились этой землей, ничего не могут сказать высокочтимому дворянину; у них нет никакого выбора, они вынуждены покориться судьбе. Поэтому за каждым дворянином, имеющим много земель, числится много фермеров, а следовательно, и много народа. Кто не знает, какую большую роль играет земля даже при выборе депутатов? Допустим, предстоят выборы депутатов. На земле такого-то дворянина проживает столько-то людей; если при выборах массы, обрабатывающие земли этого дворянина, не назовут его имени, завтра же они лишатся земли, т. е. лишатся хлеба.

В Англии царит экономическое рабство, особенно ужасное в сравнении со свободным законодательством в других областях жизни.

Когда государство в беде, когда оно ведет войну, зачастую возникшую по его прихоти или из-за личных отношений министров, войну, от которой простому народу — нации — ни тепло, ни холодно, государство обращается к нации, дворянин апеллирует к живущим на его земле, произносит речи, горячо увещевает: «Народ, дай солдат[1], народ, дай денег, народ, отдай жизнь свою для защиты отечества и восстановления его чести, для вящего бóльшего прославления отечества». И бедный народ вносит тяжелые налоги, жертвует своими здоровыми сыновьями для того, чтобы отогнать врага; он воодушевляется победами, слагает песни и, завершив дела, полный радости возвращается к себе домой, думая и веря, что он сделал большое дело, спас отечество, спас страну и отстоял ее честь. Большего и более грубого издевательства нельзя и представить себе. Простой народ возвращается к себе домой, но он должен попрежнему платить налог дворянину за ту землю, которую он обрабатывает сам и для

защиты которой он пролил кровь, был искалечен, был побит и пожертвовал своим сыном, братом или отцом. Дворянин владеет огромными массивами земли, простой же народ не имеет и пяди ее. Разве возможно, чтобы в этих условиях земледелие стало основой английской жизни?

Наличие в Англии столь огромных размеров торговли, мануфактур, машин, ставших ныне почти отличительной чертой ее, совершенно не случайно, а возникает оттого, что простой народ лишен земли. Так как отсутствует естественное, то приходится искусственно заполнять недостающее. Ужасающие размеры эмиграции англичан в Америку, Австралию, Индию, на различные острова естественны и вызваны главным образом опять-таки безземелием простого народа Британии.

Но в настоящее время, когда бедствие безработицы поразило несметное число рабочих, потребность в эмиграции еще более усилилась; и тот, кто не хочет умереть от голода сам и довести до этого свою семью, должен эмигрировать.

Пусть сегодня какой-либо деятельный человек, даже из порабощенных наций, обратится к безработным и впавшим в отчаяние рабочим Англии и скажет: «Братья, на такой-то точке земного шара я когда-то имел землю и был свободным, но потом разбойники ограбили меня; давайте отправимся туда на следующих условиях: каждый из вас обязан иметь в руках оружие и в случае необходимости, воевать наравне со мной, чтобы отнять землю из рук разбойников. Этого я требую от вас, а за это обещаю вам от имени своего народа, что каждый, кто с оружием в руках пойдет на это дело, получит столько же земли, сколько придется на мою долю или на долю каждого члена моего народа. Обещаю вам, что вы навеки веков будете возделывать и обрабатывать вашу долю земли, но без права продавать или закладывать ее, ибо и я, и мои соотечественники также не будем иметь подобных прав». Такой деятельный человек, с таким предложением может найти в Англии тысячи добровольцев-солдат, и каких еще солдат! Солдат, которые прекрасно сведущи в земледелии, в сельском хозяйстве и во всяких ремеслах, какие только до сих пор созданы человеческим разумом в Европе. Это не пустые слова, а нечто достойное внимания и того, чтобы быть принятым.

Отсутствие права продавать или закладывать землю нисколько не может опечалить их и заставить отступить от дела, если разъяснить им смысл этого условия.

Итак, предположим, что мы разговариваем с одним из этих несчастных работников или с безземельным крестьянином.

— Пойду,— говорит он,— с оружием в руках вместе с тобой и буду сражаться с твоим врагом...

«И будешь иметь равные со мной права и преимущества на той земле, которую мы с тобой освободим»,— прерываю я его речь.

— Но ты поставил условие, что мы не будем иметь права продавать и закладывать землю.

«Да, наши интересы требуют этого».

— Почему?

«Слушай. Если желаешь жить в деревне, то ты наравне с другими сельчанами получишь землю под жилье и скотный двор. Получишь приусадебный участок, словом, столько, сколько потребуется на всякие твои нужды. И на этой земле выстроишь себе жилище со всеми вышеупомянутыми службами. А если желаешь поселиться в городе, наравне со всеми другими горожанами, получишь землю под жилье и другие стройки. В обоих случаях, то есть как в деревне, так и в городе, ты свободен распоряжаться этой землей. Возвел ли ты на ней постройку или не возвел,— можешь, по своему желанию, закладывать, продавать, дарить, в общем ты бесспорный хозяин ее, иначе и быть не может. Что же касается пахотной земли, на которой будет развиваться земледелие, то следует знать, что каждый житель деревни и города будет иметь безусловно одинаковое право на одинаковое количество земли для обработки. И это право должно сохраняться за ним до тех пор, пока он или его потомство живут на этой земле. Каждый город, каждое село должны иметь свои особые земли, которые останутся собственностью городского или сельского общества. Жители города или деревни в одинаковой мере свободны возделывать свою долю земли, пока они находятся в том селе или в том городе. И если ты, будучи горожанином, занятый торговлей или другими делами, не захочешь или не в состоянии будешь обрабатывать свою часть земли, сам или же при помощи найма, в таком случае можешь сдать ее в аренду и таким образом извлечь выгоду из своей земли.

Допустить же принцип продажи земли — значит признавать принцип нищеты и бедствий.

Ведь может случиться, что одни будут обладать богатством по наследству или разбогатеют своим трудом, другие же вследствие лени или несчастья впадут в нищету. Тогда, продавая свои земли богатым, этот бедняк останется без земли и лишит также свое потомство права на землю. И если таким образом земли в какой-либо деревне в течение ста лет будут продаваться обедневшими крестьянами разбогатевшими, то все количество земли, являвшееся собственностью сельской общины, перейдет в руки, скажем, двадцати богатеев. Следовательно, все крестьяне должны будут платить аренду этим богатеям, чтобы получить право обрабатывать эти земли; поскольку сами продавали, сами должны и покупать. Если же в течение двухсот лет эта двадцатка богатеев превратится в двух или в одного, то не создастся ли такое же бедственное положение, какое имеет сейчас место в Англии? Не получится ли та же монополия, следствием чего будет чрезмерное обогащение владельца земли и непомерное обнищание безземельного крестьянина? Да. Опыт учит, что будет так; да, наконец, и жизненные потребности вынуждают быть более разумными. Земля принадлежит обществу, каждый член которого имеет равное право на равное количество земли на вечные времена. И поскольку член общества, с одной стороны, не имеет права на продажу земли, а с другой стороны, пользуется неотъемлемым правом на беспрепятственную обработку и эксплуатацию земли,— члены такого общества и их потомство утвердят свою жизнь на прочной, надежной основе, и невозможно, чтобы они впали в нищету или в большую нужду».

Мы утверждаем, что они примут это условие коленопреклоненно, ибо оно *свято*, ибо оно человечно, ибо оно справедливо!

Теперь мы спросим: богат ли английский народ, если с закрытием нескольких фабрик или выходом из употребления какой-либо ленты голодная смерть угрожает множеству людей и множеству семей, которые, борясь с горькой нищетой, могут умереть с голоду? Богат ли французский народ, если с закрытием нескольких фабрик в каком-либо городе огромные массы рабочих обрекаются на попрошайничество... Нет, заявляем мы решительно,— не богат! Любой член нации, считающейся бедной,

если имеет клочок земли, он обеспечивает свою жизнь, между тем как английский работник, живущий сегодня, не уверен, будет ли он жить завтра, ибо не знает, будет ли действовать фабрика, чтобы, работая, он мог получать несколько шиллингов и обеспечить свою семью.

К чему нам несметное богатство дворянства, к чему нам гигантские английские банки, что нам от того, что английское правительство не нуждается в деньгах или что оно ссужает других*, в то время как жизнь миллионов людей зависит от хлопка и ленты. Согласитесь, что и они — дворянство и правительство — не в состоянии обеспечить эти миллионы семей и удовлетворить их потребности. И когда их постигает разорение, естественно, поднимаются вопли, крик, начинаются муки, голод и смерть. Торговля и ремесла необходимы и являются главным условием богатства, благоденствия и счастья народа, но в том случае, если ими занимается меньшинство нации, большинство же крепко сидит на земле и обрабатывает ее.

Пусть народ, лишенный земли, никогда не надеется, что разбогатеет; это противоестественно, и надеяться на это безрассудно. Пусть он отнюдь не надеется, что может сначала разбогатеть, а затем приобрести землю; этого не будет. Во-первых, богатство, если оно находится в частных руках, а торговля ведется ради торговли,.. непрочно, и как нечто случайное, подвержено воздействиям случайностей. Во-вторых, цель и смысл насильственного захвата власти над землей и над страной не в славе и чести — все это ребяческие бредни,— а в необходимости получить средство для облегчения своей жизни, своего существования. И поверьте, как бы ни процветали торговля и ремесла — хотя без земледелия нет и торговли**,— сколько бы частные люди ни накопляли миллионов, тем не менее их судьба связана с хлопком, с лентой. Достаточно какой-нибудь бури, потрясения, и... торговец пошел опечаленный трясти пустым кошельком, некогда полным золота и серебра!

---

* Долг правительства европейской Англии по ассигнациям, выпущенным им до 1 марта 1860 г., составляет 802 190 295 ф. ст. Долг Индии Англии по таким же ассигнациям составляет 80 453 765 ф. ст.

** «И без свободной земли нет земледелия» (шепчет невидимый дьявол на ухо автора).

Решение экономического вопроса является единственным средством для обеспечения жизни и существования человека, но как ни велико значение этого вопроса, как крепко и неразрывно ни связан человек с ним, тем не менее судьба этого вопроса остается печальной. Он стал для человека камнем преткновения.

Последним словом человека было: «Да здравствует свобода! Да здравствует равенство! Да здравствует братство!»

— Да здравствует, да здравствует! — раздались отовсюду многомиллионные возгласы. Возвели баррикады, разворотили мостовые, подняли мятеж.

«Что вы делаете?»

— Не видишь? Свобода, равенство, братство. Да здравствует!

«Да здравствует, да здравствует!»

— Пусть живут, пусть потрясают воздух,— сказал кто-то из более дальновидных людей.

«Как ты осмеливаешься, несчастный!.. миг... и ты погибнешь, как собака, от моих рук, если не будешь восклицать «да здравствует!»».

— Да здравствует, да здравствует!

«Да, так, грубиян, невежда... До сих пор еще ты не понял, что мир просветился и не может более выносить насилия...»

— Не сердись, прошу тебя, только один вопрос...

«Сейчас ничего, кроме «да здравствует», нельзя произносить.— Да здравствует!»

— Да здравствует! — сказал бедняга и покинул площадь.

Год имеет четыре времени, а жизнь человеческая — много таких четверок. Те дни были днями, лейтмотивом которых было «да здравствует», и всякий, кто говорил о другом, обрекался на смерть.

Спустя несколько дней, когда уже воцарились на своем троне свобода, равенство и братство, когда все улицы и дома, даже эти бессловесные создания, своей красной краской и крупными надписями безмолвно прокричали свои многочисленные «да здравствует», на углу одной улицы встретились два человека.

«Привет».

— Привет.

«Давно я не видел тебя, хотя до встречи ли было, когда мы были заняты спасением оставленного на произвол судьбы народа и освобождением его от рабства. Но,— продолжал он самодовольно,— надо отдать нам справедливость: мы действовали, как храбрецы, и, наконец, достигли своих вековых чаяний».

— Что же мы сделали?

«Чего же тебе больше?» — и в досаде он повторил роковые три слова.

— И все?

Собеседник удивился его тупоумию и почти с ненавистью посмотрел ему прямо в глаза.

Почему мой простой вопрос так смущает и волнует твой покой и ты хочешь деспотически заткнуть мне глотку, а между тем говоришь, что одним из наших достижений является свобода? В таком случае дай мне возможность хоть на словах воспользоваться этим преимуществом.

Собеседник на одно мгновение смутился и, надо сказать правду, даже почувствовал угрызение совести, что, забыв о воцарившейся свободе, хотел попрежнему подавить мнение говорившего.

— Говори, *брат*, говори, почему нет? Я готов тебя слушать.

«Значит — свобода, равенство, братство, не так ли? Подлинные нравственные и естественные принципы».

— Так точно, как дважды два — четыре.

«Прекрасно. Но скажи, пожалуйста, свободен ли я, называясь свободным только по закону, политически; свободен ли я, если материальная нужда заставляет меня волей-неволей стать рабом другого, служить ему и этой *службой* добывать хлеб для моей семьи? Свободен ли я, когда у меня есть *хозяин,* открыто заявив которому о своей свободе я перестану быть подневольным, но лишу средств и себя и свою семью... После всего этого, где моя свобода? В воображении или она на небе?»

— К чему такие слова? Как мир может управляться без взаимных услуг материальных средств и труда?

«А я думаю, что может, да еще с успехом, особенно если труд будет носить не подневольный, а добровольный характер, если труд — потребность, а не обязанность, если люди без исключения будут иметь равные права и ни один из них не будет иметь преимущества перед другим».

— Милостивый государь, а равенство забыл?

«Я не забыл, но его нет».

— Как это нет?

«Очень просто. Мы с тобой равноправны, как равны сыны отечества. Не так ли?»

— Да, именно так.

«Значит, нет справедливости. И ты должен согласиться, что нет либо равенства, либо справедливости; нет действительного равенства; оно только на словах, ибо действительное неравенство превратило меня в свободного раба».

— Не понимаю.

«Поймешь, и сию же минуту. Сколько у тебя земли?»

— Сто тысяч квадратных аршин.

«А у меня сколько?»

— Не знаешь разве, что у тебя нет земли?

«Гм... Ты сын отечества?»

— Конечно!

«А я?»

— Тоже.

«Блага и тяготы отечества принадлежат нам в равной мере?»

— Да!

«Какое же это равенство? Ты владеешь огромным количеством земли, а я ничем; ты пользуешься благами отечества, а я, имея равные права с тобой, несу только тяготы. Дай мне мою долю из твоей земли, ведь мы сыны одного отечества, мы *братья!* Мне также нужно жить, как и тебе, я так же, как и ты, несу бремя отечества. Дай мне мою долю из твоей земли, тогда я не буду работать принудительно, я почувствую себя *свободным*, наши права будут равными и наступит настоящее *братство»*.

— Земля — моя собственность...[1]

Слова замерли на его устах. Какой-то удалец с железной логикой обрушился на него:

«Собственность — кража!» — сказал он мужественно и твердо; сказал, как отрезал.

Не может быть собственностью то, что дает нам природа без затраты нашего труда; если один имеет ее тысячекратно больше другого, а этот другой — ничего, то она — кража, разбой и грабеж. Иначе обстоит дело с тем, что добыто трудом, что природа не хранит в своих недрах, не доставляет нам непосредственно в готовом виде, что человек создал сам, путем применения искус-

ства, ремесла,— словом, что обладает меновой стоимостью, ценой, например деньги, заработанные человеком. Но землю он не заработал, он ее не создал, земля — дар природы.

— Милостивый государь, знай же меру! Я не вор, я не похитил землю, я получил ее не даром, ее за деньги купил мой отец, мой дед.

«А мне какое дело? Насилие, которое то же, что и разбой, дало тебе собственность всего народа, но ни оно не имело права дать тебе ее, ни ты — взять. Оно — воровство, а ты — его соучастник, воровство, так как земной шар не есть чья-либо собственность, на нем живут и должны жить все его сыны без какого бы то ни было различия».

— Но если я поделюсь с тобой своей землей, я разорюсь! Я ведь до сих пор живу ею, что же будет тогда с моими наследниками и моим потомством, если убудет количество моей земли?

«Ты думаешь о себе, заботишься о будущем своих наследников и своего потомства, а мне, который ничего не имеет,— мне разве не нужно жить? Не должны разве жить мои наследники, мое потомство, которым после меня ничего не достанется? Ты разоришься, т. е. твой излишек станет умеренным, но за счет этого перейдет ко мне то, чего недостает мне. Не забывай, что твой род до сих пор пользовался землей, мой же род всегда был лишен ее. Сегодня ты разоришься, но завтра наши наследники уравняются, сегодня твое состояние станет умеренным, но зато весь мой род уже не будет находиться между жизнью и смертью, не имея ни пяди земли».

Казалось, что человек, осознав это, ощутив уже свой предмет... сразу же и возьмет то, что ему нужно... Но нет, достигнуть этого не так-то легко, ибо человек все еще не созрел для этого: он споткнулся о камень, и история пошла по ложному пути.

Свобода, равенство и братство оставили память по себе на нескольких монетах; красным надписям на стенах суждено было покрыться штукатуркой.

— Да здравствует смерть!

Таков был эпилог. И бедняк, безземельный скиталец вынужден вновь зарабатывать себе насущный хлеб, идя в рабство.

Деспотизм, если его носителем является какая-либо личность, пусть это Нерон, Калигула или их ученик — какой-нибудь политический разбойник, вовсе не страшен, ибо он вместе с этой личностью сойдет в могилу. Насилие не страшно и тогда, когда оно исходит от какого-либо собрания, какого-либо совета старейшин, еврейского синедриона. Распустил собрание, разрушил его храм — и все пойдет как по маслу. Насилие неописуемо, неимоверно бешено, упрямо и держится долго, если оно вытекает из принципов жизни простого народа. Длительное существование деспотического государства у какого-либо народа есть не что иное, как проявление его духа. Очень часто народ сам чувствует всю тяжесть насилия и, не исследуя корней его, которые находятся в нем самом, выступает против его носителя, обезглавливает, ссылает и, наконец, уничтожает его.

Народ ликует, думая, что избавился от насилия, не ведая, что он сам является носителем этого деспотизма, что в нем самом коренится начало насилия и беззакония. Он думает, что если у кормила государства вместо одного человека сядут двадцать, все изменится, забывая при этом, что до тех пор, пока его разумение осталось таким же, каким оно было раньше, когда во главе государства стоял один, который был наказан, эти двадцать пойдут тем же путем, каким шел тот. В человеческой жизни достойно особого внимания и такое явление: когда внешняя сила перестает угнетать какое-либо общество, то оно само начинает совершать насилие над собой, и его деспотические стремления ничуть не уступают внешнему насилию. Конкретный пример этого мы видим в Англии.

Всякий знает, что печать там свободна и никакие нападки со стороны правительства и ограничения со стороны закона невозможны. Но, несмотря на это, Стюарт Милль был вынужден издать свою книгу «On liberty». В этой книге Стюарт Милль, исходя из естественных причин, старается убедить, что печать должна быть свободна от всяких нападок. Нападки? Против печати? В стране, где все печатается без запрета? С чьей стороны нападки? Ведь правительство и закон в этом бессильны. Стюарт Милль говорит с обществом, он протестует против него и перед его лицом вновь защищает и провозглашает безусловную свободу печати. Общество с его предрассудками, с его преданиями, веками засевшими в его мозгу,

укоренившимися в нем, зачастую не может мириться со свободной публицистикой. Оно преследует ее вовсе не в силу закона или какой-либо правительственной меры, запрета, нет! Оно хорошо знает, что все это невозможно в Англии. Оно преследует свободу мелкими хитростями и грязными средствами, среди которых не последнее место занимают личные выпады, злословие, навлечение подозрения на того или иного писателя, смущение умов простаков и возбуждение в них ненависти к нему. С ужасом видел все это Стюарт Милль и воскликнул: «Мы погибаем!» [1].

Так, произведение докторов Кембриджского университета, излагающее простую естественно-научную и геологическую теорию, вызвало в обществе страх и ужас. Общество увидело, что это произведение переворачивает вверх дном такие понятия, такие принципы, которые для него уже стали священными, сделались его душой, идеей fix, и, увидев это, оно объявило крестовый поход против мудрых ученых. Ему мало было словесных измышлений, опровержений, споров и, наконец, непотребной брани; его огорченное разумение диктовало ему месть; единственное его желание было, чтобы ученые были лишены своих кафедр.

Горе тому дереву, тому растению, корни которого не способны воспринимать и вырабатывать из собственной почвы соки, жизненную силу и мощь, поддерживающие его свежесть. Горе дереву и растению, возлагающим свои надежды лишь на ночную и утреннюю росу. Едва роса покрыла его листья, едва она начала утолять его жажду, вызывать к жизни его увядающую зелень, и вот... взошло солнце, капли росы, постепенно испаряясь, исчезли, листья же остались под воздействием палящих лучей солнца. Так и свобода, данная человеку сверху: она не больше этой росы, если человек, во-первых, не обладает внутренней свободой и, во-вторых, если он совершает насилие над своими соседями. И пока экономический вопрос — этот гордиев узел — не разрешен, общество не может быть свободным ни в социальных, ни в семейных отношениях. Пусть, если угодно, хоть сорок раз меняют форму правления, но, пока одна часть общества владеет землей, другая же остается нищей, — там будет царить насилие. Сегодня перед этим, экономическим, вопросом стоят русское правительство и дворянство. Этот вопрос является

вопросом жизни и смерти: «to be or not to be»[1]. Двадцать три миллиона * рабов, закрепощенных поныне на отечественной земле и платящих подати своим господам, давным-давно были бы освобождены от рабства, если бы возможно было, чтобы правительство или дворянство сказали своим рабам: «Люди, отныне вы совершенно свободны, окончилось ваше рабство, идите, куда хотите, и живите, как хотите».

Но правительство и дворянство ясно видели невозможность такого освобождения. Куда податься 23-миллионному безземельному и бесприютному народу, чем заняться ему, чем жить? Ту землю, на которой он жил, которую он обрабатывал, теперь, по освобождении, он должен арендовать у своего господина, но что это за свобода? Не то же ли самое он делал раньше, лишь с той разницей, что раньше выплачиваемые им деньги помещику или личный труд взамен денег считались *оброком*, а теперь то же самое будет называться [*арендной*] *платой*. Но какое же утешение может принести крестьянину эта перемена названия, если суть остается та же? Скажут, что при таком освобождении крестьянин в экономическом отношении хотя и теряет больше, чем выгадывает, но по крайней мере он освобождается от рабства, из-под власти и ярма господина. Но и в этом не было бы ничего утешительного для крестьянина. Да, он избавится от господина, но взамен этого попадет в руки правительственных чиновников, то есть из огня да в полымя.

Правительство увидело, что давать такое освобождение нельзя, оно почуяло грядущую бурю. Дворянство также убедилось, что давать такую свободу — это значит подписать смертный приговор самому себе. Поэтому и правительство и дворянство, боясь приподнять эту роковую завесу, за которой стоит внушающая им ужас великая будущность России, замолкли и без сговора, хорошо понимая мысли и чаяния друг друга, решили как можно дольше тянуть это дело.

Грянула восточная война[2]. Правительство впало в долги, народ все тяготы нес на своих плечах, и в довершение, когда Севастополь пал под натиском армии союзников, умер Николай. Вместе с ним умерли и установленные им

---

* По статистическим данным за 1858—1859 гг., число крепостных в России доходило до 23 069 631 человека, из них 11 244 913 мужчин, 11 824 718 женщин.

порядки. Что ни говори, а время берет свое. Новое правительство, видя все это, поняло, что продолжать попрежнему нельзя, что струны слишком натянуты, и поэтому несколько ослабило вожжи. Пока суд да дело, с невиданной силой всплыл экономический вопрос. На этот раз необходимо было его разрешить.

И вот пошли собрания за собраниями, совещания за совещаниями о том, как разрешить экономический вопрос, чтобы дворянство не лишилось земли, а крестьянство не получило ее? Не давать им земли, то есть обречь на голод 23 миллиона населения,— это значит на следующий же день после освобождения вступить в войну с этими 23 миллионами, которые от ужаса и отчаяния будут драться со страшной силой. А дать им землю — значит восстановить все дворянство против правительства. Но не давать было нельзя. В конце концов было решено дать крепостным умеренное количество земли, т. е. сообразно числу членов каждой сельской общины, с тем чтобы они в течение определенного срока ежегодно выплачивали своим господам стоимость этой земли, пока не выплатят все.

Но когда вышел манифест 19 февраля 1861 года, в котором царь говорил, что крепостные свободны и получат свои земли через два года со дня обнародования манифеста, а до наступления этого срока они остаются в прежних отношениях к своим господам, то крепостные не захотели и слушать этого.

— Объявил нас свободными вместе с нашей землей, и делу конец! Мы не хотим впредь оставаться в тех отношениях, при которых вы сгноили наших предков и гноите нас. Вековыми рубцами покрыты наши спины, безудержное варварство неумолимо душит нас. Юные наши дочери пали жертвой насилия наших безжалостных господ, а о женах и говорить нечего! Детей наших они обменивали на собак. Нет, впредь немыслимо оставаться в прежних отношениях!

В разных губерниях имели место сопротивления и, выражаясь *высоким стилем*, восстания, если можно назвать восстанием требование своих прав. Против крестьян правительство применило оружие, но кровь убитых, обильно оросив поля, приумножила силу их сопротивления. И сейчас с каждой минутой все больше углубляется пропасть между народом и правительством. Среди

дворянства появились две противостоящие друг другу партии — *прогрессивная и реакционная*. Прогрессивная партия выражает жизненные интересы нации, т. е. крепостного крестьянства[1]. Она действует и против правительства и против реакционной партии. И это — открыто, печатно и среди бела дня. Конечно, за это многие из этой партии расплатились Сибирью, многие гниют в тюрьмах и крепостях. В то время, когда я пишу эти строки, получено официальное известие о том, что из прогрессистов Твери 13 человек преданы в руки пятого отделения сената, т. е. в руки уголовного суда, за то, что они обратились в уездное присутствие с обращением за собственными подписями, в котором указывали, что они не могут и не будут проводить в жизнь манифест 19 февраля 1861 года, ибо он противоречит существенным интересам нации. Они не удовлетворились этим и подали царю недвусмысленное прошение*.

---

* Здесь приводим подлинную копию этого прошения[2] и несколько выдержек и сведений, присланных в адресованном нам письме, сохранив его слог и правописание:

Всемилостивейший государь!

Собравшись в первый раз после обнародования законоположений 19 февраля 1861 г., тверское дворянство приветствует русского царя, который приступил к освобождению крестьян и к искоренению всякой неправды на земле русской. Тверское дворянство объявляет торжественно, что оно искренно сочувствует добрым зачинаниям в. и. в. и готово следовать за вами путем, ведущим к благоденствию русского народа. В доказательство нашей готовности и полного доверия к лицу в. и. в. мы решаемся представить на ваше благоусмотрение откровенное изложение наших мыслей без всякой лжи и утайки.

Манифест 19 февраля, объявивший волю народу, улучшил... несколько материальное благосостояние крестьян, но не освободил их от крепостной зависимости и не уничтожил всех беззаконий, порожденных крепостным правом. Здравый смысл народа не может согласить объявленной в. в. воли с существующими обязательными отношениями к помещикам и с искусственным разделением сословий.

Народ видит, что он со временем может освободиться только от обязательного труда, но должен оставаться вечным оброчником, преданным во власть тех же помещиков, названных мировыми посредниками.

Государь! мы признаемся откровенно, что сами не понимаем этого положения. Такое громадное недоразумение ставит все общество в безвыходное положение, грозящее гибелью государству.

Что же мешает устранить его?

В обязательном предоставлении земли в собственность крестьян мы не только не видим нарушения наших прав, но считаем это единственным средством обеспечить спокойствие страны и наши собственные имущественные интересы.

Реакционная партия оказалась между народом и правительством, недовольная и тем и другим, враждебная и той и другой стороне. Желая воздействовать на нацию, она действует против прогрессивной партии и предательски объединяется с отсталой частью правительства.

Русский народ, на глазах у которого разыгрывается эта драма, является сторонником крепостных и благородной прогрессивной партии. В нем зреют новые веяния,

---

Мы просим привести эту меру в исполнение общими силами государства, не полагая всей тяжести ее на одних крестьян, которые менее других виновны в существовании этого права.

Дворяне в силу сословных преимуществ избавлялись до сих пор от исполнения важнейших общественных повинностей. Государь! Мы считаем кровным грехом жить и пользоваться благами общественного порядка на счет других сословий. Неправеден тот порядок вещей, при котором бедный платит рубль, а богатый не платит и копейки. Это могло быть терпимо при крепостном праве, но теперь ставит нас в положение тунеядцев, совершенно бесполезных своей родине.

Мы не желаем пользоваться таким позорным преимуществом и дальнейшее существование его не принимаем на свою ответственность.

Мы всеподданнейше просим в. в. разрешить нам принять на себя часть государственных податей и повинностей соответственно состоянию каждого.

Кроме имущественных привилегий мы пользуемся исключительным правом поставлять людей для управления народом. В настоящее время мы считаем беззаконием исключительность этого права и просим распространить его на все сословия.

Всемилостивейший государь! мы твердо уверены, что вы искренно желаете блага России, и потому считаем священным долгом высказать откровенно, что между нами и правительством в. в. существует страшное недоразумение, которое препятствует осуществлению ваших благих намерений. Вместо действительного осуществления обещанной воли сановники изобрели временно-обязанное положение, невыносимое как для крестьян, так и для помещиков. Вместо одновременного обязательного обращения крестьян в свободных поземельных собственников, они изобрели систему добровольных соглашений, которая грозит довести до крайнего разорения и крестьян и помещиков; ныне они находят необходимым сохранение дворянских привилегий, тогда как мы сами, более всех заинтересованные в этом деле, желаем их отменения.

Этот всеобщий разлад служит лучшим доказательством, что преобразования, требующиеся ныне крайнею необходимостью, не могут быть совершены бюрократическим порядком. Мы сами не беремся говорить за весь народ, несмотря на то, что мы стоим к нему ближе и твердо уверены, что недостаточно одной благонамеренности не только для удовлетворения, но даже и для указания народных потребностей.

Мы уверены, что все преобразования остаются безуспешными потому, что предпринимаются без спроса воли народа. Созвание

и сегодня два-три противостоящих друг другу течения направляются по одной и той же дороге. Правительство же запуталось и не знает, что делать. Однако такое лихорадочное и напряженное положение не может длиться долго. Если заблаговременно не проявить благоразумие и не объявить крепостного совершенно свободным вместе с землей и таким образом не распутать гордиев узел,

---

выборных всей земли русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных положением 19 февраля.

Представляя на благоусмотрение в. в. всеподданнейшее прошение о созвании земского собрания, мы надеемся, что искренное желание общего блага, одушевляющее тверское дворянство, не подвергнется превратному толкованию.

С чувством глубочайшего благоговения имеем счастие именоваться

в. и. в. верноподданные
(следует 112 подписей)

Февраля 2 дня 1862.

«...По получении этого благородного обращения дворян,—продолжает автор письма, — ген. Анненков с несколькими полковниками и группой жандармов был направлен в Тверь. До сего времени правительство полагало, что с половинчатым освобождением крепостных все будет закончено. А между тем дворянство, отказываясь от своих привилегий, требует равенства, требует созыва выборных из народа, другими словами, требует конституции. И не только дворянство Твери. Во многих уездах дворяне стали на этот путь и публично отказываются выполнять закон 19 февраля. Подобное же обращение подали императору тамбовские дворяне, с той лишь разницей, что там его наряду с дворянами подписали и все купцы и крепостные.

За неимением под рукою не смог послать тебе экземпляра обращения.

В ужасе от того, что произошло в Твери, правительство прибегло к хитрости и распустило среди простого народа слух, якобы дворянство в своем обращении к императору выступило против освобождения крепостных. Этим правительство восстанавливало крестьянство против дворян, чего само так боялось.

Узнав о таком вероломстве, дворяне во всех городах и селах принялись выступать и разъяснять свое обращение среди простого народа. Этим не только прояснилось сознание простого народа, не только выступала ложь правительства, но народ понял этих дворян и произнес слово «конституция».

Тринадцать молодых дворян, кои, взяв на себя, как апостолы свободы, святую и высокую миссию, проповедовали народу истину и выставляли напоказ вводящее его в заблуждение вероломство правительства, были арестованы агентами правительства и брошены в тюрьму.

Из них трое, как главари, братья Николай и Алексей Бакунины (братья известного М. А. Бакунина, который как руководитель германской революции был арестован в Дрездене и после 8-летнего

то крепостной сам разрешит дело, разрубив этот узел топором.

Это время очень близко, ближе, чем думают многие...

Свобода сама по себе — лишь слово, и действительное ее осуществление невозможно без разрешения экономического вопроса. Ни одно свободное правительство, ни одно свободное законодательство не в состоянии спасти человека от рабства, пока остаются непризнанными его права на землю. Пока этого нет, всеобщая нищета будет усиливаться и достигнет гигантских размеров.

В финансовых вопросах почти никакого значения не имеет огромное количество золота и серебра, не говоря о меди, которым располагают различные государства, ежегодно и непрерывно пополняющие свою казну из золотых и серебряных приисков. Напротив, простой народ тем больше нуждается в деньгах, тем острее чувствует недостаток в них, чем больше золота и серебра добывается из недр. Несомненно, с каждым годом все больше становится количество металлических денег; но в чем же причина, что народ не видит этих денег, и где эти золотые? Неужели у правительств? Перед нами книга доходов и расходов всех правительств. Вот бюджет Англии, считающейся наиболее богатой страной, за 1860 год:

Доходы	70 283 674	ф. ст.
Расходы	72 842 059	
Дефицит	2 540 385	

Где же, следовательно, надо искать золото и серебро?

пребывания в тюрьме и 4-летней ссылки в Сибирь, спасшись чудом, через Японию и Америку добрался до Лондона) и русский дворянин по фамилии Лазарев подверглись заключению в Петропавловскую крепость. Но поздно... эти дворяне и народ уже связаны друг с другом...

Северный столп заколебался... И как для возведения большого строения необходимо много материала, так и после развала его получится много материала для отдельных строений.

Зарождающуюся в России свободу смело можно назвать свободой для человечества, ибо она имеет под собой почву, так как русские не только для себя добиваются свободы, они проповедуют независимость от Великороссии для Польши и Финляндии, Малороссии (15 млн. населения), Кавказа, Грузии и Армении, для того чтобы 43 млн. собственно русского народа обрело подлинное освобождение, отвергло начало всякого рабства и насилия и, собрав свои моральные и материальные силы, вкусило счастье после тысячелетнего рабства и преуспело в цивилизации. Освобождение России имеет огромное значение для освобождения всего человечества...» и т. д.

Во-первых, у нескольких известных монополистов — банкиров, которые душат весь мир своими ссудами, и, во-вторых, у землевладельцев. Золото и серебро не остаются ни у правительства, ни у народа и не могут оставаться у него, поскольку расходы правительства, повышаясь, всей своей тяжестью ложатся на народ и поскольку народ не имеет земли, а где имеет,— не желает обрабатывать. Он бросает ее и уходит в город, значит, день ото дня уменьшается число землевладельцев, следовательно, падают цены денег.

Допустим, тысяча крестьян обрабатывает землю. Продавая продукты, полученные от земледелия, они могут за это получить некоторое количество золота и серебра. Ныне эта тысяча человек, вольно или невольно оставляя занятие земледелием, переселяется в город и не только снижает количество земледельцев, т. е. лиц из простого народа, получающих золото и серебро, но и увеличивает количество нуждающихся в продуктах земледелия. И вместо того чтобы получать деньги, отныне они сами должны платить их. Конечно, человек, который оставил земледелие и ушел в город, также трудится, но между земледелием и городским трудом есть большая разница. Земледелец имеет опору, он имеет землю, в его руках находятся материальные средства, равные по своему значению, силе и мощи деньгам, но когда он оставил землю и ушел в город, он лишился и земли и этих материальных средств, он унес с собой только способность трудиться, т. е. только свои собственные руки. Труд, который совершается без собственных материальных средств, не имеет своей основы, по своему общественному значению он не имеет той силы и мощи, какую имеет труд, основанный на собственных материальных средствах. Прибавьте к этому еще и городские расходы, которые съедают и выкачивают все, что человек собственными руками заработал. В своем бюджете он едва сводит концы с концами. Он наемный рабочий, а результатом труда наемного рабочего владеет не сам он, а его хозяин. Кто его хозяин? Купец или фабрикант. Следовательно, прибыль идет купцу или фабриканту. Часть купцов непосредственно состоит на службе у фабрикантов, а другая часть вместе с фабрикантами зависит от вышеназванных монополистов, в руках которых сосредоточена денежная сила. А где реальная сила, там и реальная прибыль. Все, что само не имея

силы, приводится в движение чужой силой, служит этой последней. Жизнь рабочих принесена в жертву прибыли.

— Погоди, — прерывает один из тех, кто не любит соглашаться с чужим и, особенно, новым мнением, — и ты думаешь, что убедил меня своими доводами?..

«А в чем дело?»

— Ты сказал, что недостаток в деньгах является следствием упадка земледелия. Из этого ты делаешь вывод об обесценении денег и их централизации (Centralisation). Это положение ошибочно, ибо недостаток в деньгах — кажущийся, так как теперь каждый имеет больше денег, чем десять лет тому назад. Не денег стало меньше, а они потеряли свою силу, ибо дороговизна чем дальше, тем больше растет. Человек, который десять лет тому назад мог спокойно прожить год, имея сто золотых, теперь, имея двести золотых, живет с трудом, ибо нынешние двести золотых не имеют той силы, что прежде сто, так как жизнь вздорожала.

«А в чем причина этой дороговизны? И что такое дороговизна?»

— Если до сих пор ты не знаешь, что такое дороговизна, то зачем же ты взялся за перо? Ты спрашиваешь о причине дороговизны? Товар ведь мой; вчера я продавал его за десять золотых, сегодня не отдам дешевле двадцати, можешь ли ты отнять его у меня силой? За дом, в котором живу, десять лет я платил пятьдесят золотых, ныне домовладелец не хочет отдавать его за пятьдесят и требует сто, что можно сказать на это? «Если ты не согласен на сто, говорит он, есть другой наниматель». И если я не соглашусь заплатить ему сто, то и в другом месте не найду за меньшую плату, поэтому я вынужден платить сто. Да что говорить о квартире! Где же обстоит иначе? Всю свою жизнь за пару ботинок я платил ползолотой, сегодня этот проклятый сапожник говорит, что больше не может шить мне обувь дешевле чем за золотой. Что будешь делать? Ведь если не уплатишь золотого, останешься без обуви. Не заставишь же его силой шить на себя обувь? Но можно ли всех перечислить! — Портной поет ту же самую песню, водовоз, и тот удвоил плату за ведро воды!

«Все это верно, но что заставило всех сговориться и удвоить цены?»

— Извини меня, милостивый государь, ты туп, если до сих пор не понял этого. Разве не им принадлежит товар?..

«Довольно, послушай: из всего, что ты сказал, правильно одно: это — обесценение денег, а твое мнение, что причина вздорожания заключается в произволе или махинациях домохозяина, сапожника, портного и водовоза, совершенно необосновано и есть ребячество. Цена денег носит условный характер, ее повышение или понижение зависит от количества выносимых на рынок товаров. Повышение или понижение цен, можно сказать смело, объясняется недостатком входящих в оборот предметов. В данном случае не имеет никакого значения чье-либо желание или произвол. Когда падает земледелие, когда падает производство предметов, предназначенных к обмену, когда уменьшается количество этих предметов, тогда, во-первых, падает цена денег, во-вторых, происходит централизация денег, ибо простой народ не имеет того, что он мог бы обменять на деньги, а значит, и повернуть оборот денег в свою пользу. В подобных случаях положение простого народа еще более ухудшается, ибо деньги централизованы и народ должен их выкачать, но как? Только своим трудом, но полученные за этот механический труд деньги ничтожны, обесценены. А если земледелие будет процветать, тогда увеличатся предметы, подлежащие обмену, и деньги уже не смогут централизоваться у единиц, ибо простой народ при помощи произведенных им продуктов сможет не только направить оборот денег в свою пользу, но и поднять цены денег в соответствии с обилием продуктов.

В странах, где простой народ не имеет земли, где он не может жить земледелием, он сосредоточивается в городах. В связи с этим растет дороговизна, значит — и бедность. В Англии, в Лондоне и в провинциальных городах население увеличивается ежегодно почти на пятнадцать процентов. Не говоря о других городах, в одном только Лондоне в течение десятилетия население прибавилось почти на пятьсот тысяч человек. В 1851 г. в Лондоне было 2 362 236 жителей, а в 1861 г. — 2 803 034. Нет сомнения, что в связи с войной в Америке население Лондона достигло трех миллионов жителей. В условиях, когда миллионы людей должны жить на заработки от индустриального труда, который к тому же

не всегда можно найти,— в таких условиях возможно ли богатство, можно ли жить? * И если таково положение простого народа в такой стране, которая снабжает весь мир своими изделиями, которая нуждается в миллионах рабочих рук, какова же должна быть судьба тех стран, где нет и тысячной доли английских ремесел и фабрик, а простой народ вынужден оставлять свои земли и отправляться в столицу или в провинциальные города? Особо объяснять это не требуется, ибо легко сделать заключение из того, что было сказано выше.

Но мы еще не коснулись нашего основного вопроса. До сих пор мы постарались лишь уяснить его. Так в чем же наш вопрос? Он не сводится ни к американской войне, ни к английским законам о собственности, ни к *воображаемой свободе*, ни к выяснению настоящего положения России. Не в этом наша задача. Так в чем же она? Задача наша — обратить внимание каждого на бедственное положение нашего несчастного народа, с которым мы связаны неразрывными узами. Начиная с этих строк, мы обращаем внимание наших читателей к Турции, в составе которой находится большая часть Армении и армянского народа. Но и там *на этот раз* мы не выйдем за пределы экономического вопроса.

Всякий подтвердит, что в 1860 г. финансовое положение Турции было лучше, чем в 1861—1862 гг., конечно, речь идет о положении народа, ибо само правительство до сих пор жило за счет внешних и внутренних займов. Вот бюджет Турции за этот, сравнительно благоприятный год:

Приход	286 100 615	франков
Расход	335 225 300	
Дефицит	49 124 685	

Вот вам и сумма внутренних и внешних займов Турции. Она составляет 32 849 220 ф[унтов] ст[ерлингов], или 828 810 344 франка, или, еще более ясно, по ее собственному щедрому расчету, 4 106 152 500 пиастров, считая, конечно, каждый турецкий золотой по сто пиастров. Таких размеров достигли долги Турции, считая и константинопольские долги, к 1861 г. Теперь она пытается улучшить свое финансовое положение. Но как? С одной

* По последним статистическим данным, число людей в Лондоне, живущих чужой помощью, т. е. милостыней, доходит до 800 000 человек.

стороны, новым внешним займом (если, конечно, дадут), а с другой — переложением константинопольских долгов на провинции путем развертывания позорного своего знамени банкротства в провинциальных городах и селах, т. е. путем выпуска и распространения нового бесславного внутреннего займа (если, конечно, они это допустят), с тем, чтобы имеющееся там мизерное количество золота и серебра перекачать в Константинополь. Это единственное средство, которым оно хочет предотвратить финансовую агонию государства. То обстоятельство, что турецкое правительство прибегает к этому средству, свидетельствует, что оно забыло слова своего друга — конечно, лишь в своих собственных интересах,— английского министра, который утверждал, что «жить в долг, это то же, что лить воду в бездонную бочку» *. Оно забывает, что провинция — это не мифическая сокровищница Креза. Напрасно оно ищет серебро и золото в своих провинциях. Какою мощью располагают эти провинции, чтобы быть средоточием денег, денежного оборота? Полученные из провинции металлические деньги не смогут покрыть даже годичных процентов займов и дефицит ежегодных расходов Турции. Итак, каковы же могут быть непосредственные результаты этих мер турецкого правительства? А те, что долг удвоится, провинции придут в такое же состояние, что и Константинополь; те, что в одно прекрасное утро как в Константинополе, так и в провинциях, люди не смогут достать себе хлеба, нищета и голод заставят их заниматься грабежом и хищениями, одним словом, наступит вавилонское столпотворение. Но не должно забывать, что в случае такого несчастья грабежам подвергнутся и умрут от голода прежде всего христиане, а затем уже турки. Сила правительственной власти скажется хотя бы в том, что она проживет несколькими днями больше своих несчастных рабов, и то — за счет убитых. Слабым намеком о таком будущем, отдаленно напоминающим его, можно считать события, имевшие место в Константинополе в конце 1861 г.[2]. Но наступит день, когда это воплотится в жизнь, и тогда никакой рыцарь Булвер не сможет раздачей пятисот хлебов предотвратить грозящую катастрофу.

* Мы не можем поверить, чтобы благородный лорд, давая этот совет, имел какое-либо другое мнение о финансах Турции, нежели как о дырявой бочке Данаид[1] мифического мира.

Но турецкое правительство не приходит в ужас от своих долгов. Оно утешается, видя, что у других государств их еще больше. Оно удивляется лишь тому, как эти государства, обремененные еще большими долгами, смеются над турецкими пиастрами и вдвое-втрое повышают курс своей валюты. Ответственность за это пусть несет Магомет, не объяснивший в Коране причину этого явления. Долги других государств обеспечены, ибо сумма эта не промотана, ибо у них наряду с долгами всюду кипит работа, результаты которой часто вдвое превышают сумму долгов. В подобных случаях долг не равносилен банкротству. Эти государства имеют железные дороги, огромный флот, арсенал, войско, армию и тысячу других гражданских или военных предприятий. Турция же не имеет ничего в противовес своим долгам. Три с половиной судна, годных на все, кроме мореплавания, несколько тысяч голодных и раздетых солдат, которые годами не получают жалования, мизерная пошлина на ввозимые товары и огромные, невыносимые налоги на товары, производимые у себя. В Турции нет ни земледелия, ни дорог, ни средств сообщения, ни наук, ни ремесел. А правители государства, заботясь лишь о своих личных интересах, опустошая государственную казну, поедают все, что создано кровью и потом простого народа. Здесь долг не может быть выплачен, здесь вопиющее банкротство. Золото как благородный металл, конечно, не может оставаться в стране, где нет никакого порядка,— оно улетучивается. Остается презренная бумага, ей все нипочем. Будучи годной для всякого употребления, она уверена в том, что если люди и перестанут ее использовать в качестве денег, то вовсе от нее не откажутся. Счастливого ей пути!

Если со стороны правительства не предпринимается никаких разумных, коренных мер для решения вопросов экономической политики, если оно не стремится восстановить равновесия между вывозом и ввозом товаров или денег, и это в то время, когда общественный барометр с очевидностью предвещает смертоносную бурю, тогда само общество обязано принять все доступные ему меры, как обычные, так и чрезвычайные[1], чтобы избежать ужасного бедствия, с которым оно, несомненно, встретится лицом к лицу, если не сегодня, то завтра или послезавтра.

Какие меры может принять общество для избавления от этой опасности? Ведь оно само бедно, не имеет ничего, что же оно может предпринять?

Дело как раз в том, что общество бедно и обеднеет еще больше, если будет стараться продолжать ныне взятую линию. Оно бедно, но только эта бедность и может напрячь его нервы, вызвать его активность, бедность может вырвать его из спячки, заставить понять неверность избранного им пути, изменить его, раньше чем наступит гибельный конец. Будь общество богато, не было бы необходимости думать о новых мерах, о перемене пути. Бедственное его состояние может послужить и его спасению.

Нам непонятно стремление жить в Константинополе, его окрестностях или в других городах и подвергать себя состоянию поджариваемой на сковороде рыбы.

Заниматься торговлей в стране, где цены денег в течение дня меняются настолько, что ни покупатель, ни продавец не знают, какая будет она через минуту, заниматься торговлей там, где нет ничего устойчивого, где очень часто ты вынужден вместо взятых сегодня в долг тысячи пиастров завтра отдать две тысячи или больше, заниматься торговлей в стране, где с самого начала предпринятого дела видно приближение банкротства, — такая торговля для нас останется всегда непонятной. Армяне, проживающие в Константинополе или провинциальных городах, если не считать ремесленников и грузчиков, — все являются купцами, но что это за купцы! Их надо назвать своим именем — это приказчики. Большая их часть едва сводит концы с концами, значительная часть стала жертвой финансовых беспорядков, и лишь совершенно незначительная часть кое-как влачит свое существование, но не более чем кое-как, потому что в турецких условиях иначе и быть не может. Ремесленники и грузчики, не имеющие и этого скромного достатка купцов, все свои надежды возложили на свои рабочие руки.

Но несмотря на все это, народ изо дня в день покидает свою землю и сосредоточивается в городах. Покинуть дом, семью, жену, детей и итти в Константинополь или в другой город заставляет его нищета. Но и там и повсюду встречает его та же нищета. Быть может, в городе она несколько завуалирована, но и только. Допустим, в деревне он получал в день пять пиастров, а в городе

восемь или десять, но какая польза от этих трех — пяти лишних пиастров, когда они не задерживаются у него. В городе жизнь по сравнению с деревней процентов на сорок, если не на больше, дороже. Если человек был беден, зарабатывая в деревне пять пиастров, то он будет беден и в Константинополе и в других городах, зарабатывая восемь — десять пиастров. При адском труде в городе, в результате которого он получает несколько лишних пиастров, он обречен здесь на бродячую и неопрятную жизнь в разных пристанищах. Усталый и обессиленный, часто с поврежденными членами возвращается он вечером, а с рассветом его ждет тот же египетский труд. Он лишен здесь утешения, которое дает семья, лишен дружеского, ласкового и невинного взгляда жены и ребенка, которые без слов могут облегчить горечь судьбы. И весь этот образ жизни складывается бессмысленно, непродуманно, без желания найти коренное средство против своей нищеты. Как вьючное животное, как машина, проработав десять — двадцать горестных лет на чужбине, он или умирает, оставляя семью в крайней нищете, или возвращается к себе домой. Возвращается домой... но не бодрым и здоровым, каким он оставил дом, а в летах, обессиленный и измотанный. Он возвращается домой, потеряв трудоспособность, следовательно, лишь для того, чтобы увеличить своим присутствием число едоков и без того нуждающейся семьи. Но что теперь будет с его домом и семьей?

И вот его восемнадцатилетний или двадцатилетний сын, который вырос и расцвел, подобно цветку, на своей собственной земле, берет в руки посох странника-отца и уходит.

— Куда?

«В Константинополь, Трапезунд и т. д. и т. д.»

— Зачем?

«Работать и помогать семье».

— Работать и помогать семье, — повторяет собеседник с невыразимой печалью.

Проходит несколько лет. И вдруг он получает весть, что скончался его старик-отец, больна мать. Спустя короткое время умирает и мать.

— Плачь, скиталец! Естественно, ты не можешь не плакать. Но никто не виноват, кроме твоего отца, кроме тебя самого, кроме той ошибочной и вредной традиции, которая ввергла тебя в это состояние.

Такие же, как и он, бездомные приходят его утешить.

Несколько стаканов вина... священник, поминальная молитва, и сердце успокаивается. Но скиталец остывает к стране, где он родился... зачем ему возвращаться? Там уже нет родителей; там найдет он две могилы и опустевшее жилище, если оно уже не перешло в чужие руки. Он решает остаться на чужбине и тем самым соглашается выпить чашу бедствий до дна. Да, он остается жить, но погас его очаг. Общество потеряло еще одну семью. И кто знает, сколько так гибнет семей?

Не лучше судьба мелких торговцев, которые также, покидая свою страну, принимаются за торговлю, скитаясь по чужим странам. Их жизненная стезя также не усыпана розами, на каждом шагу шипы и тернии. Там, где человек воюет с нуждой, не знает, что он будет есть завтра, чем прокормит свою семью,— может ли там быть стремление к возвышенному и нравственному совершенствованию?

Он совершенно механически прядет нить своей жизни, его не лелеет никакая увлекательная надежда, на горизонте будущего не светит звезда радости, его настоящее и будущее мрачны. Он несет тяжелый крест своей жизни до той поры, пока не будет водружен на его могиле настоящий, вещественный крест.

— А его семья?

Но если живые не хотят позаботиться и коренным образом улучшить свою жизнь, будущее своих семейств, куда уж семьям мертвых?

Его семью ждет такое же несчастье. Его сын, подросток или юноша двенадцати — пятнадцати лет, вынужден покинуть школу и пойти на заработки, чтобы через некоторое время помогать своей матери или своим сестрам.

— У него есть и сестры?

Да, две или три.

Мы отказываемся описать картину всех этих бедствий. Огромные их размеры наводят на нас ужас. Имеющий сердце и живое человеческое чувство поймет остальное сам, а те, у кого очерствели и окаменели сердца, для них голос разума—глас вопиющего в пустыне. Так погас и этот очаг. И он выпал из общественного строя.

Какова судьба сооружения, если составные части его одна за другой гниют и отпадают? В таком виде представляется нам состояние нашего несчастного народа!

Где путь избавления от этих горестей, в чем возможность спасения народа от гибели? Задача заключается в том, чтобы при окончательном крахе финансовой системы Турции произошло освобождение и возрождение народа.

Нация, хорошо ли, плохо ли, испробовала занятие торговлей, испытала она наемный и всякий иной труд. Это привело ее к разорению, тяготеющему над ней и поныне.

Коренным и разумным средством спасения нации, народа может быть не что иное, как возвращение ее к земле и земледелию.

— Так, значит, всей нации надо заняться земледелием? Это невозможное и несбыточное желание.

Мы не говорим — вся нация, но подавляющая ее часть должна заниматься земледелием, меньшая же — перерабатывать и сбывать результаты ее труда, чтобы сохранить соответствие между различными отраслями хозяйственной деятельности и изжить нищету.

— Но вы забываете, что Турция — не Европа. Она не имеет ни дорог, ни средств сообщения, необходимых для перевозки продуктов земледелия и купеческих товаров.

Да, мы согласны с этим, но все же положение ее не безвыходное. Мы не говорим, что армянин должен заниматься земледелием у границ Вавилона. Немало мест в Великой и Малой Армении, которые лежат поблизости Черного и Средиземного морей, на расстоянии четырех-пяти дней пути от побережья.

Народ, который не покинул свою отчизну, пусть и не двигается с места, мы против переселения и не проповедуем эмиграции; а ту часть населения, которая находится за пределами своей страны, т. е. находится в качестве переселенцев на чужбине, приглашаем вернуться, особенно в Малую Азию, которая более привлекательна своим приморским расположением.

Достаточно уже, если земледелием начнут заниматься в нескольких важнейших и удобных пунктах, тогда и в других местах, более далеко находящихся от моря, начнут делать то же.

Тут торговля сыграет свою роль.

Кто может препятствовать армянскому народу поселиться в вышеназванных местах? И каких местах! — Здесь плодородная земля родит и без удобрений, да здесь еще и следа нет агрономических знаний.

Разве мало можно сделать на земле, где размножается всякий домашний скот, продуктивный и рабочий, где произрастает хлопок, пшеница, рис, рожь, ячмень, марена, кунжут, сахарный тростник, корнеплоды, свекла и тысяча других растений и где может процветать шелководство?

Достаточно одного-двух из перечисленных нами видов занятий, чтобы обогатить массу, самоотверженно занимающуюся этим заветным делом. Где это видано, чтобы залежались и принесли убыток земледельцу хлопок, шелк, сахар, пшеница и др.? Мы не можем допустить, чтобы армянский народ не знал этого. Но ему, привыкшему однажды итти по пути, по которому он идет и поныне, трудно свернуть на новый путь. Сердце наше омрачает печаль, когда мы думаем, что, в то время как англичанин направляется в Канаду, Австралию, Индию, француз покидает свой вечно беззаботный, веселый, радостный Париж и направляется в невыносимо жаркие зоны Африки, чтобы приобрести клочок земли и обеспечить свое будущее ее обработкой, дорогой наш армянин не желает совершенно думать о своем будущем, он оставляет свои земли и сосредоточивается в городах. Быть может, мелкая торговля, посредничество, труд грузчика в его глазах более ценны? Горько нам делать такое заключение, но скрыть то, что мы чувствуем, считаем не только лицемерием, но и низостью.

В последние годы наши высокомерные купцы постоянно твердят о том, будто путь обогащения нации лежит через торговлю. Ах, если бы было так, говорим мы, но на самом деле в подобной торговле нельзя видеть основу обогащения нации. И неужели почтенные наши купцы думают, что торговлю, которую они ведут с Манчестером, Марселем или другими европейскими городами, можно назвать национальной торговлей по той лишь причине, что они — армяне? Их торговля не национальна и не имеет никакого отношения к общим интересам нации. Торговля только тогда может быть названа национальной, когда она будет сбывать предметы и изделия, произведенные главным образом армянами, только тогда нация извлечет пользу от деятельности купцов, когда они будут являться посредниками между всем армянским обществом и Европой, словом, торговля тогда национальна, когда она зиждется на национальной основе.

Пока этого не будет, пусть армянский купец хотя тысячи лет вывозит товар из Европы и продает или, что то же, отправляет чужие товары в Европу, — от этого нации не тепло и не холодно, ибо это не национальная торговля. Сам купец, быть может, и получит прибыль, нация все же от этого ничего не будет иметь. Разве его частное богатство пособит всеобщей нужде миллионов бедных! Поставь какие угодно новые столбы, но если фундамент не крепок, то как может здание устоять?

Надо обновить фундамент, укрепить его, чтобы он выдержал строение, которое на нем будет воздвигнуто.

Чем мы обновим этот фундамент? — Распространением просвещения? — Допустим. Но где же у нас средства, чтобы осуществить эту цель?

Допустим, что пять — десять патриотов, к тому же состоятельных, захотят пожертвовать свое имущество на просвещение нации, но что это даст? Можно ли этим уничтожить нужду миллионов? Может ли помощь, оказанная сверху, служить делу просвещения и воспитания массы народа, если народ не стремится к просвещению? Вообще могут ли народные массы думать о свете или мраке, когда они с утра озабочены одним вопросом — как бы прокормиться и прокормить свою семью?

Мы не верим в это. В рабстве, в нищете, нет и не может быть просвещения!

Оставим это, умозрительная философия в наши дни значения не имеет. Философия, которая не вытекает непосредственно из человеческой жизни и не обращается вновь к ней, не делает своим предметом человеческую жизнь,— такую философию мы объявляем софистикой и обманом; иначе и нельзя, ибо человек живет и дышит. Человек является и творцом и предметом философии. Прошли те времена, когда люди в длиннополых облачениях, овладев человеческим рассудком при помощи хитростей, преподносили ему пророчества в виде египетских загадок; прошли те времена, когда наивные люди думали, что философия пребывает в недосягаемой высоте. Ложь! Философия — на земле, она зиждется на жизни человека, вытекает из нее. Человек изучает философию и сам же является предметом изучения.

Но человек, прежде чем явиться на свет, прежде чем жить, прежде чем изучить и осмыслить свою собственную личность, свою жизнь, свое прошлое, настоящее

и будущее,— прежде всего этого нуждается в материи. Прошли те времена, когда окутанное туманом человеческое воображение из ничего создавало вселенную. «Ex nihilo nihil fit», — повторяет ныне за нами каждый младенец.

«Душа бесплотна», — говорит богочеловек, а человек телесен. И эту телесную реальность он приводит в свидетельство. Без телесного нет реальной жизни, а тело есть материя, жизнь же тела и жизнь человека есть непрестанный обмен веществ. Говоря так, мы не отрицаем моральную сторону человеческой жизни, хотя признаваемая нами мораль вытекает из человеческой солидарности и не имеет никакого отношения к Синаю; мы хотим сказать, что человек — прежде всего физическое существо, а затем уже моральное. Для новорожденного — да зачем нам брать в пример новорожденного младенца, — для юноши — пока он не созрел еще — нет моральных вопросов; но и до достижения этой ступени человек нуждается в материи. Проблема материального существует всегда. С первым же своим дыханием человек воспринимает кислород; и когда с последним дыханием он выдыхает из легких углекислый газ, не вдыхая вновь кислорода, он перестает быть живым существом.

Повторяем снова, экономический вопрос — есть вопрос жизни и смерти. И невозможно обновить основы армянской нации, придать ей силу и мощь, пока нация, простой народ, нуждается в насущном хлебе, пока для него не решен экономический вопрос.

Армянский простой народ беден и, не имея никакого состояния, сеет и жнет едва лишь столько, что может кое-как обеспечить свою жизнь в течение года. И тщетны были бы его усилия посеять больше, ибо он живет среди парализованного, каким являются турки, народа, у которого всякая деловитость подавлена. Здесь продукты у него залежались бы из-за отсутствия спроса; здесь нет никого, кто бы заранее поручился за сбыт продукта земледельца, кто покупал бы готовые продукты наличным серебром. Но если в руки армянина-земледельца попадет немного денег, если у него будет надежда, что труд его будет оценен, если он увидит плоды своих трудов, разве он не засеет и не соберет вдвое больше, разве он не обработает свои поля и не улучшит свою жизнь?

Но кто даст земледельцу эти деньги, необходимые для того, чтобы влить в его ослабевшие мускулы силу и мощь? — вот в чем вопрос.

Купец, более или менее состоятельный человек — таков наш ответ. Разве купец не платит денег для приобретения продаваемых им товаров? Разве он не имеет некоторого количества денег, оборотом которых живут он и его семья?

Разве не доверяет состоятельный человек свои деньги банкиру или не отдает частным лицам под проценты? Купец, вместо того чтобы покупать европейские изделия и делаться игрушкой в руках случайностей, может уверенно приобретать у армянина-земледельца сырье, заказывать ему товары, снабжать его предварительно небольшой суммой денег и взамен этого получать товар после сбора урожая. Этим же путем состоятельный человек сможет увеличить свой капитал; если же он не захочет держать у себя товары, то купцы готовы в любую минуту купить их у него.

Только этим путем денежный оборот войдет в нацию, только этим путем она сможет улучшить свое экономическое положение и в ее руки перейдет материальная сила. Нация сделается сильной, и с каждым днем станут богатеть и земледелец, и купец, и состоятельный человек. Параллельно с этим расширится сфера их деятельности. С ее расширением увеличится прибыль и богатство, а чем больше будет прибыли, тем оживленнее будет деятельность — тем шире будет ее сфера.

Иногда армяне организовывали весьма непрочные крупные и мелкие торговые общества, некоторые из них обанкротились, не вынеся ударов событий; некоторые еще влачат жалкое существование, но ни разу не было среди них общества, которое бы вкладывало свои деньги в земледелие и в обработку продуктов земледелия. Потому ли, что торговля казалась им легким делом, или по привычке, что более вероятно, но армяне-купцы превратились в слуг европейцев.

Для торговцев фабричными изделиями невыгодно, если увеличивается число купцов, торгующих фабричными же товарами. В отношении торговли земледельческими продуктами этой опасности не существует, запасай их сколько хочешь. Большинство фабричных изделий — не жизненно необходимы, а мелкий торговец фабричными

изделиями должен продавать их простому народу. Зачастую народ в этом отношении кое-что себе позволяет, но большая часть его бывает вынуждена заботиться только о предметах первой необходимости, экономя в пределах возможного в отношении фабричных изделий.

Помимо этого, для армянских купцов есть огромная разница, торговать ли фабричными изделиями или продуктами земледелия. Пока не будем касаться того, что торговля фабричными изделиями не создает условий для развития национальной торговли, укажем лишь, что продавец фабричных изделий должен платить полноценными деньгами за товары, полученные из Европы, сам же должен продавать их в Турции неизвестно каким образом и на какие деньги.

Наоборот, продавец сырья, продуктов земледелия должен покупать свой товар в Турции и сбывать его европейцам, т. е., вместо того чтобы платить, он сам будет получать полноценными деньгами.

Продавец фабричных изделий не может привозить из Европы товаров больше обычного (если бы он и располагал большими денежными возможностями), так как и то, что он обычно привозит, подвержено случайностям и часто залеживается либо из-за прекращения спроса, либо по какой-нибудь другой причине, между тем для реализации земледельческого сырья этих обстоятельств не существует. Европа в нынешнем положении, исходя из условий, в которых находится ее земледелие, из уровня фабричного производства, наличия миллионов безземельных наемных рабочих, постоянно нуждается как в предметах насущного потребления, так и в сырье и в полуфабрикатах, подлежащих переработке, ибо на переработке этих продуктов и зиждется ее мануфактура, заводы и фабрики.

Выше мы отметили, что наши купцы сделали своим обыкновением продажу европейских фабричных изделий. Да, это — привычка, но она настолько упорная, что ныне стала почти национальной традицией. Если проанализировать эту привычку, то перед нами откроется страшная пропасть, глубину которой невозможно измерить. Покупка товаров в Европе сделалась почти национальной привычкой, в то время как мы сами могли бы продать ей вдвое больше. Вывозить в Европу деньги из страны, где золото и серебро стали почти диковинкой, где прави-

тельство само не знает, каким путем получить его из Европы, — примириться с этим — свыше наших сил!

Купец, плывя по течению жизни, в шуме и суматохе, будучи занят только своим делом, не имея времени или не желая анализировать свою работу, направление своей деятельности, не видит этой пропасти. Но если бы купцы хладнокровно разобрались во взятом ими курсе и довели бы этот разбор до ясного понимания, тогда поднялась бы завеса, и перед ними предстала бы эта пропасть. Правда, опасность чувствует лишь тот, кто видит пропасть. Но если купец, поддавшись самообману, закрывает глаза на пропасть, разве этим он может спастись от грозящей опасности? Перейдем от сравнения двух крупных отраслей торговли, торговли земледельческими и торговли фабричными изделиями, к вопросу о том, что происходит с продавцом фабричных изделий.

Мелкий продавец фабричных изделий не имеет никакой силы. Он является игрушкой в руках крупного купца или фабриканта, или посредника, дающих ему изделия. Сила — у них, так как в их руках находится книга долгов или вексель мелкого продавца. С другой стороны, он зависит от тысячи других обстоятельств. Товар, сбываемый им, как мы уже сказали, не имеет такого значения, не настолько необходим, чтобы человек не мог обойтись без него. Поэтому он часто остается или непроданным или же проданным в долг, и за него невозможно выручить от покупателя деньги. Но тут неумолимо наступает проклятый срок платежа. Продавец растерялся, подобно ему растерялись и многие другие. Остается продать товар без барыша, чтобы уплатить долг. Если он не поступит таким образом, то неизбежно вынужден будет взять деньги под проценты, так как не уплатить в срок он не может, не прекратив свою деятельность. Но уплата процентов уничтожает барыш от продаваемого им товара. Хотя вначале он не решился продать товар без барыша для уплаты во-время долга, но теперь, чтобы сбыть его, он вынужден снизить цену на несколько десятков процентов. Как может другой продавец в таких обстоятельствах сохранить прежние цены? Поэтому и он вынужден снизить цены. Проходит еще несколько дней. Продавец ни жив, ни мертв. Но срок платежа приближается. Выхода нет, что же делать? «На этот раз, —

решает он, про себя, — придется продать с убытком, а потом я подниму цену и возмещу дефицит».

Возмещу... но в свою очередь и те, кто ему должны, тоже не могут платить, ибо торговля захирела, вдвое повысилась цена золота. Так подстерегают его второй, третий и следующие платежи. Каковы же последствия? Оказывается, что мелкий торговец работал все время на владельца товаров; и потерял даже тот капитал, который имел, начиная торговлю. Уплатив в счет долга имеющимися товарами, он остался еще в долгу и без каких-либо средств к существованию.

Куда теперь этому купцу итти? Что делать? Доверия нет, никто не дает ему ни товаров, ни денег, а если бы и дали, то в девяносто девяти случаях из ста это бесполезно, ибо с ним неизбежно повторится то, что однажды уже случилось, так как остались в силе прежние обстоятельства и дело не имеет прочного основания. Что же делать этому торговцу? Ему остается работа по найму. Но это не легко, он же человек, у него есть чувства! Пока у него было свое, хотя бы и маленькое дело, он чувствовал себя свободным, по крайней мере от непосредственных приказаний хозяина, хотя не был совершенно независим, да и никогда не думал об этом, так как знал, что он зависит от тех, кому он должен, знал, что они могут раздавить его при первой же неудаче. Но, несмотря на все это, зависимость не всегда чувствовалась, в особенности когда дела складывались более или менее удачно; теперь же, потерпев крушение, он вынужден подчиниться грубому отношению хозяина к своему слуге, переносить упреки, презрительные и косые взгляды, которыми щедро награждает его неотесанный и бесчеловечный хозяин.

Эта катастрофа может случиться с молодым торговцем. Стиснув зубы, подчиняясь злому року, примет он этот крест; но человеку, которому пятьдесят — шестьдесят лет, который обременен семьей и детьми, ни один хозяин не может платить столько, чтобы он обеспечил свою семью; не говоря об этом обстоятельстве, каково ему в таком возрасте итти в услужение!

Однако выбора у него нет, избежать этого невозможно, ибо налицо нищета, нужда, ибо вопрос о насущном хлебе ежеминутно стучится к нему в дверь. Такому злосчастному человеку нелегко и хозяина найти, который

согласился бы принять его к себе. Для господ не может быть привлекательной перспектива иметь у себя в услужении пятидесяти-шестидесятилетнего человека!

Нам могут сказать, что мы расписываем лишь мрачные и непривлекательные стороны бытия людей.

Потому, отвечаем мы, что его светлые и утешительные стороны, которые так привлекают и постепенно увлекают почти всю армянскую нацию, которые стали для нее образцом, совершенством — idéal, являются не только исключением, но обманом зрения — illusion optique! Исключение же не может быть рассматриваемо как закон, следовательно, и не может служить общим примером.

Ныне каждый старается сделаться купцом, каждый верит, что занятие торговлей спасет его, но никто не желает подумать о том, имеются ли условия, при наличии которых только и возможна торговля. То, что они называют торговлей, есть — да будет разрешено нам заявить об этом — *лишь посредничество, служение другому, более выгодное другому, нежели ему самому.* Во всякой торговле, какое бы направление она ни имела, какой бы оборот она ни совершала, прибыль и выгода в конце концов по существу сосредоточиваются там, откуда происходит товар или капитал. Сила и мощь там, *повторяем,* где капитал или товар; скупщик слабее, нежели владелец товаров, скупщик нуждается, ибо он ничего не имеет. Он надеется только на то, что вот-вот получит товар, продаст его и заплатит свой долг владельцу, а на прибыли проживет сам, возможно, еще и накопит. Быть может, если бы армянин при такой торговле был *посредником или приказчиком* двух равносильных государств, он, возможно, и жил бы обеспеченно, хотя бы только для себя, т. е. без пользы для всей нации. Но нельзя и мечтать о подобной обеспеченности, будучи посредником между Европой и Турцией, ибо Турция относится к Европе так, как *отрицательная величина к положительной.* Для подтверждения сказанного мы не нуждаемся в других доказательствах. Для этого нам достаточно настоящего положения нашей нации, которое мы берем как действительность и выдвигаем действительность в свидетели перед нацией. Много лет держится нация этого направления, и в последнее время — особенно горячо, но купцы в своей совокупности в среднем

едва сводят концы с концами, а черный покров нищеты с каждым днем все более обволакивает нацию. Ужас охватывает нас, когда мы представляем себе миллионы людей (незачем представлять, ибо это факт), живущих под открытым небом. Они приходят и уходят, как вихрь, и «не знаешь, откуда приходят и куда уходят». Нет, это дело неестественное, здесь кроется источник паралича нации. Пока нация не свернет с этого пути, пока она не совершит экономического переворота в принятом до сих пор направлении и пока она не обратится к земле, прогресс невозможен. Пусть тысячами насчитывается число богатых людей, пусть насчитывается сотнями число людей, получивших образование в европейских школах, несмотря на все это нация в своей массе останется неподвижной и парализованной. Мы должны исчислять возрождение нации с того дня, когда она обратится к земледелию, которое не только спасет ее от нищеты, но и даст большой стимул к прогрессу.

Земледелие не таит в себе таких опасностей, которые есть в механической торговле: здесь жизнь человека гарантирована законами природы. Твердо стоит на ногах тот, кто имеет дело с природой, кто получает непосредственно от земли плоды природы, которые составляют его материальную силу и мощь, не он зависит от других, наоборот, другие зависят от него. Мелкий торговец в своей деятельности зависит от крупного купца, от различных посреднических организаций, фабрик и, наконец, от капиталистов. С того же дня, как он покинет их и вложит свои деньги в земледелие, обратится к радушным объятиям природы, с этого дня отношения изменятся — от него будут зависеть и посредник, и крупный купец, и фабрикант, и все прочие. Как бы мала ни была величина доходов, преимущество теперь на его стороне, его сила реальна, ибо за свои товары он получит чистым серебром.

— Неужели это не торговля, неужели на этом пути нельзя потерпеть убытка? — сотни таких «неужели» раздаются со всех сторон.

«Убыток убытку рознь. В непрочной торговле убыток вероятен в девяноста случаях из ста, а в естественной — столько же вероятностей избежать его. Одно дело лезть в воду, зная наверняка, что утонешь, и другое

дело — полезть в воду, не допуская возможность того, что утонешь».

До тех пор пока армянская нация не имеет собственного земледелия со всеми его отраслями, ее торговля обслуживала и будет обслуживать европейцев. С того же дня, когда народ начнет обрабатывать землю, когда люди вернутся в свое отечество, к своим плодородным землям, которые сегодня являются почти пустынной целиной, с того дня оживет и армянская торговля.

И с того дня купец не только освободится от роли приказчика европейцев, от роли, которую он выполнял со страхом и тысячей трудностей, он не только станет на собственные ноги, но и повернет поток европейского золота́ и серебра внутрь страны; тогда и сам он получит вдесятеро больше выгоды и еще больше пользы принесет массе простого народа, которая составляет основу нации, ее рычаг, двигатель. Масса будет обеспечена, ибо сила будет на ее стороне, ибо теперь Европа будет зависеть от нее, поскольку масса, вывозя продукты земли, обратит приток денег в свою пользу.

Армянское купечество может заниматься не только торговлей сырьем. Обработка сырья — вот широкое, естественное поприще для тех трудолюбивых и деятельных людей, которые хотят действительно заниматься торговлей. Фабрики, заводы, машины, которые в неблагоприятных условиях применяются в Европе, могут также применяться и в Азии, где условия жизни, ее простота и другие природные обстоятельства могут еще больше облегчить деятельность подобных предприятий.

Многие машины, которые в Европе работают силой пара, в Азии могут работать силой бешено бегущей с гор воды, на которую не нужно будет расходовать тех денег, которые расходуют европейцы на уголь или дрова. И тогда в Азии можно будет производить товар, который до того шел из Азии в Европу как сырье и возвращался сюда в переработанном виде, пройдя через несколько рук. Это будет тот же товар, того же качества и более дешевый.

Не географические условия являются причиной того, что Европа стала Европой, а Азия — отсталой Азией. Конечно, климат имеет большое значение, но климатические условия Европы и Малой Азии почти не отличаются

друг от друга; климат Азии, если не удобнее, не полезнее и не приятнее, все же ничем и не хуже климата европейского.

Волшебная сила Европы заключается вовсе не в ее географическом названии и не в ее климате. Ее предприимчивость — вот что обусловливает господствующее положение Европы на всем земном шаре. Применяя искусственные средства, она с большим трудом получает с ледников Швеции то, что без всякого труда сама природа может дать нам в Азии, было бы только желание. Почва в Европе, беспрестанно используемая, уже истощена и нуждается в искусственных мерах для повышения урожайности и плодородия, почва же Азии еще и поныне девственна и не тронута. Мы уже не говорим о тех продуктах земли, которых в Европе не могут дать ни наука, ни искусство и которыми природа так щедро наградила Азию.

Геологи и экономисты Англии, подсчитав наличие угольных запасов, добычу угля и ежегодную потребность Англии в нем, нашли, что через сто тридцать лет Англия уже не будет иметь своего угля, и вот уже два года, как они читают над собой иеремиаду. Азия же постоянно забывает о завтрашнем дне; сегодня — вот ее божество, ее кумир, которому она поклоняется, а завтра — будь что будет. Что нечего, что ли им делать, что думают о завтрашнем дне? Нам кажется, что в этом скорее всего и заключается разница между Европой и Азией. Деятельность, предприимчивость, конечно, есть результат [социального] движения, и без движения нет деятельности. Где нет деятельности, там нет и движения, а где нет движения, нет и жизни, там царствует смерть. При таких обстоятельствах географические условия не при чем [1]. В Европе каждая пядь земли на учете. В Азии же, думаю, найдутся места, куда человек ступает только раз в десятилетие, и то случайно.

Европа родилась поздно, но старится очень быстро. В течение нескольких веков она пережила много исторических фаз (phase), переменила и все еще меняет формы правления, но до сих пор не достигла своей цели, ибо она все время старалась расширить свой путь, выправить его, выровнять, забывая, что ее трудности не столько от пути, сколько от обуви, которая жмет и мешает ее продвижению. Если обувь тесна, то как бы широка, при

таком несчастии, ни была дорога, ничему она не поможет. Да, Европа стоит перед трудно разрешимым вопросом, это — экономический вопрос, вопрос *о человеке и хлебе*. И вопрос этот будет разрешен рано или поздно, хотя бы ужасными бурями. Никакое насилие, никакая консервативная система, никакое сопротивление, с какой бы стороны оно ни исходило, помешать этому не может, не может помешать и то, что сегодня пророки и апостолы этого будущего подвергаются преследованиям и ссылкам.

И как в средние века из глухих уголков Азии хлынули толпы варваров и наводнили Европу, так и европеец после разрешения вопроса *о человеке и хлебе* придет в Азию. Настанет день, когда старая Азия возродится; с того момента народы Азии начнут свою подлинную историю, если, конечно, они способны будут сохранить свою самостоятельность, жить как нация; если же нет, то исчезнут, как капля в безбрежном море. Туземцы Америки, Австралии и других стран и островов — живые свидетели наших слов. Будущность Азии более величественна и грандиозна в экономическом отношении, нежели будущность Европы. Воспользоваться своим положением заблаговременно — такова задача армян.

Нам могут вновь возразить, что, если, с нашей точки зрения, существует лишь одна проблема, о человеке и хлебе, если мы проповедуем равноправие на клочке земли, значит — национальный вопрос не заслуживает никакого внимания; живет человек под именем армянина или под каким-либо другим, — он тот же самый человек и т. д.

Да, если равноправие сегодня будет признано на всем земном шаре, если исчезнут существующие теперь государственные системы, то на завтра уже не только не будет национального вопроса, но и надобности в нем не будет. Но дело в том, что на это требуется время, пока же «рай господен в руках насильников и захватчиков», до тех пор «границы героев — их меч»[1], — говорит наш мудрый старец.

Мы не рады, что это так. Мы не рады тому, что одна нация угнетает, эксплуатирует другую и силой своего оружия завладевает ее землями. Но так как наша скорбь — ничто в сравнении с порядками, существующими доныне, то мы свои силы посвящаем защите своей

нации. Наш общий долг — оставаться под знаменем своей собственной нации до тех пор, пока другой несет свое собственное национальное знамя.

Но, утверждая это, мы вовсе не хотим защиту нации превратить в фанатическое дело.

Нации и так фанатичны, у них достаточно эгоистических черт. Довольно и того, говорим мы, что одна нация с целью полакомиться куском жареного мяса закалывает целого быка другой нации.

— Что за противоречия, — подумает нетерпеливый читатель. Двумя строчками выше он призывает к защите нации, а затем обнаруживает в ней эгоизм и ослабляет первое впечатление.

Наш долг, следовательно, заключается в том, чтобы, несколько отклонившись от прямой нашей задачи, наперед выразить свою точку зрения на этот трудный и важный вопрос. Поэтому мы ставим вопрос, что такое нация?

Как исторический факт, как одно из достоверных явлений общечеловеческой жизни нацию отрицать нельзя, хотя разум и не может оправдать ее существование. Человек еще не достиг той ступени, чтобы жить без вторичного, официального имени, со своим естественным названием *человек*. В мире до сих пор существуют нации, но не *человек вообще*.

— Странное дело, — продолжает думать наш нетерпеливый читатель,— не из людей ли складываются нации? И как же вообще можно признавать производное, отвергая, не принимая его составных частей? Когда человек, приезжая в ту или иную страну, рекомендуется англичанином, немцем и т. д. и т. д., а не человеком вообще, и, попирая интересы всего человечества, зорко печется лишь об интересах своей нации, когда люди доходят до того, что не только не признают в человеке *человека*, но очень часто даже отрицают существование миллионных масс, несмотря на их действительное существование,— нам остается признать это явление фактом, точно так же как мы признаем, что кислород и водород, соединившись, потеряли свои прежние свойства и превратились в воду, свойства которой отличают ее и от кислорода и от водорода.

Признавая данную массу людей за нацию, часто отрицают существование их потомства. Ныне не суще-

ствует финикиян или другого какого-нибудь в древности существовавшего народа. Но означает ли это, что вымерли или вырезаны все люди, входившие в состав этих народов, что они не оставили вовсе никакого потомства, которое, существуя, не дало бы возможности причислить миллионные массы живых сегодня людей к разряду мертвых? Лишь об амелекитянах свидетельствует священное писание, что Иегова приказал предать смерти всех их до последнего. О других же народах ничего не сказано ни в священных, ни в несвященных книгах. Допустим, что древние народы вымерли и не оставили потомства, но как же тогда быть с новыми народами, новыми нациями, которых не было прежде, что же они только что родились, созданы или выросли из-под земли? Если мы не можем сомневаться в существовании человека, если мы видим его и очень часто знаем даже его происхождение, то как же мы можем отрицать его существование?

— Мы не отрицаем существование нации: существует-де человек, но нации нет. Но когда возникает нация, разве она не из этих же людей формируется? Что это за вавилонское столпотворение!

Да нет же! Ошибка не в этом. Ошибка не носит эмпирического характера. Она в принципе. Когда ошибочно теоретическое понимание, будут ошибочны и его последствия, отсюда и вавилонское столпотворение. Если бы финикияне не носили особого имени — финикиян, а жили бы под именем *человека,* они не перестали бы существовать, ибо человек еще продолжает существовать. Но так как они были финикиянами, то они и перестали существовать как финикияне. «Род приходит, и род уходит»,— говорит поэт-царь[1]; а человек остается, добавляем мы.

Исчезнувший народ живет в своих потомках, образовавшаяся же новая нация давно уже жила в своих предках. Смерть нации не то же, что смерть отдельной личности, нация не умирает физически, не вымирают составляющие ее люди, они не исчезают, не уничтожаются, и число людей не уменьшается, если даже перестает существовать какая-нибудь огромная нация. Следовательно, что же уничтожается, что умирает? Что это за сила, которая, исчезнув, заставляет среди бела дня признать исчезнувшими миллионы живых людей, а когда она

возникает, то издавна существующая человеческая масса начинает новую эпоху в своей жизни?

На это можно ответить, что этой силой является *национальность.*

Национальность — это облик, личность целого народа. Во имя интересов этой собирательной личности миллионы людей теряют свою индивидуальную особенность. Каждый человек уже существует не как человек, а как часть той или иной собирательной личности. И эта личность в нравственном смысле живет самостоятельной, особой жизнью. Она имеет свой язык, свои привычки, свои традиции...

Все, что принадлежит ей, священно, и горе тому, кто поднимет руку на принадлежащие ей святыни. И как в обычной жизни частное лицо норовит для обеспечения своего личного благополучия побольше взять себе, часто во вред другому, точно так же и собирательная личность людей — нация преследует и защищает свои собственные интересы и попирает интересы подобных ей наций. Нация, т. е. огромная масса живых людей, признается живущей, если живет и не умерла ее собирательная личность, ее национальность; и, наоборот, считается умершей, обреченной и лишенной прав, если больше нет ее национальности.

Выше мы сказали, что смерть нации не есть то же, что смерть отдельного человека, сказали, что нация умирает не физически. Как же происходит смерть нации? Смерть непонятна, если мы не знаем, что такое жизнь. Следовательно, в первую очередь — о жизни!

Что такое жизнь?

Жизнь есть непрерывное изменение, непрерывный обмен веществ и самосохранение. Внешние силы (грубо говоря) действуют в отношении наследственности, самосохранения организма разрушительно. Организм находится в непрерывном изменении — усваивает и выделяет вещество и развивается. Пока он может совершать эти действия, имеет в себе силу и мощь противостоять этому действию внешних разрушительных сил и противостоит этим силам, он сохраняет *свою особь* — живет. Но когда нарушается равновесие между внутренними силами и разрушительными внешними силами, когда организм не может сопротивляться действию внешних сил, он уже не

в состоянии сохранить свою особь и тотчас же погибает. Внешние силы побеждают и разрушают его.

Нация продолжает жить, пока в ней есть мощь, равная внешним разрушающим силам. Что же такое ее мощь? Об этом мы поговорим после. Пока же достаточно сказать, что если в ней нет этой мощи, то внешние силы, подавляя национальность, разрушат ее организм. И как естественные организмы, теряя свою силу, подавляются внешними силами и погибают, а имевшиеся в их организме вещества, разлагаясь и отделяясь от организма, продолжают свою жизнь, образуя другой организм или вещество, годное для другого организма, так и после смерти нации, составляющие ее люди в иных условиях принимают иной моральный облик, образуя новую национальность, или же вливаются в состав других национальностей. В природе ничто не пропадает.

Жизнь отдельных людей проявляется в жизни их национальности. Я жив-здоров и беседую с человеком, находящимся рядом со мной, но он не признает мое существование. Он говорит: «Так как нет такой национальности, к которой, по твоим словам, ты принадлежишь, то и ты, как армянин, не существуешь».

— Как же, братец, я не существую, когда я говорю с тобой, ведь покойники давно уже утратили привычку разговаривать!

«А мне-то что, ты не существуешь,— отвечает он хладнокровно. — Ты не живешь».

Но этого мало. Не признавая мое существование, он вместе с тем отрицает за мной право иметь все то, что необходимо для сохранения моего существования, отвергает способ и средства их приобретения.

Ты и здесь усматриваешь экономический вопрос?

И не желая придавать этому отрицанию характер насилия, он говорит со мной именем права: — *Что ты сделал для того,* чтобы я проявил *симпатию к тебе, чтобы я признал твое бытие?*

Это — грубейшее издевательство, тягчайшее звено в цепи рабства. Ему недостаточно мое существование. Он не хочет признать мое существование за реальную действительность; он согласится с этим, лишь когда я докажу ему свое право на существование. Мало того, он признает реальность моего существования лишь тогда,

когда убедится, что я в силах отстоять право на свое существование.

Когда мы писали эти строки, «Таймс» предъявила Польше почти слово в слово то требование, какое выше выделено нами курсивом. Не много также времени прошло с того дня, когда ревностный жрец австрийской * тирании [1] объявил, что «Италия — это лишь географическое название».

Наивные люди могут верить тому или иному правительству... Могут поверить, что если бы в самом деле Польша была достойна сочувствия Англии**, то все было бы как надо.

— Не сегодня, так завтра! — говорим мы.

To morrow morning — говорит иронизирующий англичанин.

---

* И это Австрия, которая сама-то не более, как политический призрак, не более, чем миф, ворона в павлиньих перьях. На тех землях, где нечестивыми руками водружено австрийское бесславное знамя, по сведениям на 1 октября 1857 г., живет 35 019 056 человек, из них (включая и армию) австрийцев только 7 889 925 человек, остальные — чужие народы: славян — 14 927 925 человек, румын — 5 632 089, мадьяр — 4 917 134, армян — 13 250 человек и т. д.

Выходит, что около 8 миллионов человек, совершив насилие над 27 миллионами чужого населения, живет, высасывая их кровь, жизненную силу и мощь. Поневоле вспоминаешь слова знаменитого Фохта: «Autriche la damnation éternelle» [Австрия — это вечное проклятие]. Но Австрии и этого мало: «Италия — лишь географическое название». С вашего позволения, итальянский народ, Венеция, даже и Рим — эта вечная колыбель рабства — тоже так думают? Как бы не так. Да пребудет вечно за домом Габсбургов заступничество святого Мадзини и святого Гарибальди!..

Повторяет ли в чистилище Меттерних графу Кавуру свои слова? На это сможет ответить лишь Пий IX.

** Что значит сочувствие? Другие имеют право жить на земном шаре, а поляк — нет? Почему он как милость должен получить от других то, что другой имеет как равноправный со всеми людьми? И неужели только англичанин может жить, а другие пусть умирают? Что же еще должна была сделать Польша, чтобы стать достойной английского сочувствия, спрашиваем мы. Разве факт существования 12-миллионного народа — не достаточное право и не достаточное достоинство? Разве тридцатилетнего протеста и мученичества 12-миллионного народа недостаточно для того, чтобы вызвать симпатию очевидца, имеющего сердце? Но... сердце... О чем мы говорим! В Англии можно найти только машины-автоматы, там, вероятно, можно найти все, но человеческое сердце... вряд ли. Призываем в свидетели тень лорда Байрона! Когда по предложению Фридриха Великого Польша была растерзана и расчленена между Россией, Пруссией и Австрией, Англия приняла это молча. Сегодня, чтобы оправдать свое молчание, она спрашивает права и достоинства у окровавленного мученика.

До тех пор пока признание моего существования не связано с интересами Англии, она меня не признает. Да что говорить о защите прав угнетенной нации, когда одна нация сознательно убивает другую из собственных интересов.

Мы с крайним негодованием услышали слова лорда Джона Росселя, сказанные им в английском парламенте по американскому вопросу.

«Нельзя силой уничтожить рабство на юге Америки (т. е. что требование северян и их война якобы тщетны) [1]. Ненависть южан к северянам неописуемо глубока и сильна. Там не воцарится мир до тех пор, пока обе стороны не образуют отдельные государства. *И только тогда Англия достигнет своей вековой цели — в чем и заключаются ее коренные интересы».*

Так обстоял национальный вопрос [в истории] человечества. До сих пор та нация, которая достаточно сильна, которая, живя сама, не желает думать о жизни другой нации, ничем не отличается от какого-нибудь эгоиста, которому нет дела до того, что на его глазах с голоду умирает его товарищ.

Но достойно особого внимания вот что. Сама эта могущественная нация не имеет никакой пользы от приписываемых ей выгод. Эта нация находится почти в таких же взаимоотношениях со своим государством, в каких находятся с ним непризнанные нации. По существу тут разницы нет. Экономический вопрос не разрешен и для нее. Ее свобода номинальна, ибо она ничего материального не получает. Государство же пускает ей пыль в глаза славой своих знамен, победой своего оружия, непрерывным расширением своих границ.

Допустим, что люди порабощенной нации официально не считаются существующими. Да, действительно, они рабы других наций, но ведь и те люди, нации которых приводят в трепет весь земной шар от полюса до полюса, тоже являются рабами своих государств. Государство, используя их рабское состояние, а также их предрассудки, гнилые принципы, их слабость и вообще превратные понятия, господствует над ними и коварно действует от их имени в целях только собственного самосохранения.

Над человеком тяготеют чары государств. Он несет тяжкое бремя нищеты, не давая себе отчета — во имя чего эти лишения! Что ему от славы знамени, если эта

слава не дает ему радости и покоя, если каждая из этих химерических слав достается ему ценой тяжких налогов, страшных государственных долгов, которые по существу всегда ложатся на народ. Государству нужны деньги для осуществления своих замыслов, оно объявляет внутренний заем, и население, не задумываясь, вкладывает в него свои деньги как в надежное дело. И чего бояться, если ручается правительство.

— Государство!.. Разве государство — это не народ?

— Нет, государство есть государство. Одно дело народ, нация, другое — государство.

«Значит, говоря о государстве, надо понимать чиновничество какой-либо страны или его главу?»

«Конечно!»

— А чем обеспечивает государство займы, получаемые от народа?

«Как чем? Государственной землей, казной и т. д.».

— А разве земля, казна и др. являются собственностью государства, что оно их закладывает?

«Как же, конечно, оно принадлежит государству».

— А народ?

«Причем тут народ. Какое он имеет отношение к земле государства или его казне? Народ сам по себе, государство — само по себе.

Одно дело народ, другое — государство».

— А слава знамени?

Она принадлежит народу.

«Ликуй, народ! Разинув рот, любуйся клочком материи, прикрепленным к древку!»

— Но он меня не кормит, говорит народ.

«А на что тебе пища, если ты живешь славой?»

Несмотря на все это, народы пока еще поддерживают свои государства в деле захвата чужих стран, в убийстве других наций и в попытке приобщить их к славе своего знамени.

До сих пор насильственные захваты чужих стран прикрывались таким ложным аргументом, который ныне нельзя ничем оправдать и который не может выдержать критики разума. Что это за аргумент? Он заключается в том, что якобы сильные государства захватывают чужие страны, закабаляют чужие нации лишь с одной целью — с целью их цивилизации. Нет, не корыстные интересы!

Боже сохрани! Любовь к человечеству — вот что заставляет их превратить многочисленные народы в своих рабов, ибо эти народы в своем развитии отстали и нецивилизованны. Вот оно как!

— Англия закупает у населения Индии меру опиума за 25 фунтов стерлингов, сама же продает ее за 250 фунтов стерлингов. При этом, так как покупать опиум у крестьян не имеет права никто, кроме английского правительства, то и крестьяне имеют право продавать его только английскому правительству. — «В целях распространения цивилизации».

— Англия, ежемесячно насильственно направляя в Китай груженные опиумом пароходы, отравляет народ и взамен вывозит столько же серебра — это же безнравственно!

— «Нет, она распространяет цивилизацию».

— Ирландия по географическому положению, естественным границам, по религии, обычаям и традициям ничего общего не имеет с Англией, а талантливыми людьми богаче Англии, но Англия вопреки воле Ирландии держит ее в своих руках; и не так давно «Таймс» объявила, что всякий, поддерживающий борьбу за независимость Ирландии, будет присужден к каторжным работам как бунтарь. — «В интересах распространения цивилизации».

— Папа, провозглашая себя наместником того, кто объявлял: *«царствие мое не от мира сего»,* вопреки повелению своего учителя, осуществляет насилие на земле, относящейся к сему миру и принадлежащей Италии. И когда это насилие вызывает протест и папа получает предложение за предложением оставить *царствие мира сего,* он не соглашается и, притворяясь больным, ложится в постель... — «Ради распространения цивилизации».

— Австрия с ее 8 миллионами хладнокровных, как рыбы, австрийцев разоряет Ломбардию и не выпускает из рук Венецию. — «Распространяет цивилизацию».

— Она обезглавила Венгрию, задушила Галицию, Далмацию, Богемию и другие провинции и народы.— «Распространяет цивилизацию».

— Пруссия, первая виновница смерти Польши, захватила у нее Познанское герцогство и душит его...— «Распространяет цивилизацию».

— Русские тюрьмы полны поляками. Кажется, скоро в Сибири поляков будет больше, чем в Польше. На площадях Варшавы по колено кровь, солдаты, нападая на безоружное население, не щадят ни возраста, ни пола; немецко-татарское правительство России, как вампир, сосет кровь Польши, закрывает ее церкви, школы и не хочет ничего слушать.—«Распространяет цивилизацию».

Малороссию с ее 15-миллионным народом, которая по своему языку, историческим традициям, образу своей жизни и привычкам совершенно самостоятельна, крайне враждебна самодержавию и требует своей независимости, самодержавие сковывает цепями [1], а пророков ее свободы встречает тюрьмами, кнутом и ссылкой. — «Распространяет цивилизацию».

— Ограбило и поработило Финляндию. — «В интересах цивилизации».

— Обманом захватило Грузию и часть Армении и душит их [2] своей тяжестью.— «Распространяет цивилизацию».

Европейские государства постоянно поддерживают Турцию, которая должна устоять и не развалиться в интересах якобы покоренных ею армян, греков и славян, которые рискуют лишиться цивилизованного опекуна.

— Зачем нужно с помощью корана цивилизовать христиан?

«Эта цивилизация более надежна, так как мусульманская религия менее всякой другой способна натолкнуть на свободолюбивые мысли».

Все эти наставники цивилизации действуют вопреки воле ученика, которого никто и не спрашивает, хочет он учиться или нет? Однако не надо забывать разницы между их цивилизацией и цивилизацией по нашим понятиям. Их школами являются тюрьмы, воспитателями — полицейские и жандармы, книгами жизни — цепи, высшей школой морального усовершенствования — ссылка, «вратами, ведущими к вечной жизни», — позорный столб, виселица и эшафот.

Да здравствует кошка, ловящая мышь во имя своего брюха!

Когда правительства увидели, что ничтожество их аргумента обнаружено, они выдвинули новый: *европейское равновесие.* И ныне каждое государство подходит к

этому равенству со своей меркой. Но для всех них человечество не более чем баран, предназначенный для ножа и весов мясника.

До сих пор любое нападение и любая «оборона» происходили во имя этого *равновесия*.

— Но, кто же является судьей в этом деле?

«А тебе-то что?»

И с того дня, когда правительства для оправдания своего поведения и утайки от массы взятого им направления хитро начертали на своих знаменах *равновесие и право*, с той минуты, утверждаем мы, требование национальной самостоятельности стало жупелом, преследующим эти правительства. Но если существуют принципы равновесия и права между государствами, значит, они должны существовать и для тех наций, которые превращены в рабов. Ты хочешь сохранить равновесие во имя права, но почему же меня, совершенно чуждого тебе и не имеющего никакого отношения к тебе, вопреки моей воле ты хватаешь и насильно кладешь на свою чашу весов? С другими государствами ты говоришь именем права, почему же в отношении меня ты попираешь это право и чинишь жестокую несправедливость?

Ныне единственным знаменем угнетенных людей может быть национальное знамя, которое должно быть поднято против деспотизма. *Национальность — единственное средство также против просвещенного деспотизма, если только деспотизм может быть просвещенным, или, просветившись, может оставаться деспотизмом,* повторяем вместе с одним из замечательных мыслителей нашего века.

Теперь поясним наш взгляд на нацию, чтобы не показаться противоречивым нашему нетерпеливому собеседнику.

Вредна и подла та нация, которая требует себе в жертву интересы всех прочих наций, она — воплощение слепого национального фанатизма, который не имеет оправдания и проявляется в человеке как страсть. Такая нация, как бы она ни свирепствовала и ни неистовствовала, рано или поздно потерпит неудачу, ибо страсти порождают страсти. Самостоятельность нации необходима и полезна тогда, когда нация не воспламеняется мгновенно, как искра, как нечто случайное и вызванное случайными обстоятельствами, а проявляется как результат

зрелой сознательности, мужественно и твердо требующей равного себе права, наряду со всеми другими нациями и ничего кроме этого. Нация полезна и необходима, когда воспринимается не как нравственная роскошь, а как потребность, как право, как протест во имя получения клочка земли, для того чтобы обеспечить существование членов нации и избавить их от подневольного состояния. Принцип национальности безупречен и заслуживает всяческого поощрения, если он предполагает признание всех национальностей без различия, признает за ними равные права. Принцип национальности не только не подлежит порицанию, но достоин даже всякого почета, если он ведет к распределению приобретенных именем собирательной личности прав и льгот между членами данной нации, служит успешному осуществлению общечеловеческого дела.

Если нация не ставит своей органической, существенной задачей разрешение экономического вопроса, такая нация не может быть жизнедеятельной, она — фикция, она погибнет. Экономика — вот сила, которую мы выше обещали назвать, развитие которой может обеспечить равноправие нации перед лицом внешних сил, сила, которой и живет нация. Хоть тысячу лет тверди отвлеченно о нации, все равно ее не понять. Очень часто можно слышать призывы: «сохраним нашу национальность, наш язык, наши традиции» и т. д. и т. д., прекрасно, отвечаю я, но скажите пожалуйста — во имя чего? В чем польза ее сохранения, в чем вред ее утери? Проповедь отвлеченной национальности, которая так или иначе проводилась доныне среди армян, не может ответить на этот вопрос. И в этом как раз причина того, что эта проповедь остается без последствия. Беспредметная проповедь национальности, без разъяснения побудительных причин, есть не что иное, как фанатизм, национализм, и такая проповедь никогда не может пустить корни в народе, который поминутно сталкивается не с абстрактной, а с реальной нуждой. Если же мне скажут, сохрани свою национальность, будь постоянен в любви к своей родине, люби своих соотечественников, храни свой язык, который является знаменем твоей нации, и все это даст тебе право приобрести кусок земли, который избавит тебя от рабства и нищеты, — тогда я пойму и, видя в общей выгоде свою собственную, положу все свои силы для ее защиты. Тогда я последую этому зову, ибо он возвещает мне спасение именем нации.

Но, если люди, пережившие политическое кораблекрушение, представляют нацию только как целое, некогда существовавшее, памятники которого, покрытые вековой пылью, заставляют биться их сердца, если их понимание нации имеет своим источником путаные предания прошлого и не основано непосредственно на условиях ныне живущего поколения, если они не выходят за рамки устаревших преданий,— тогда эта идея национальности, не уступающая китаизму, навсегда останется бесплодной затеей.

Время не повторяется, и тот, кто не идет с ним в ногу, отстает. Мы можем уловить лишь мгновение, которое есть, когда же оно миновало, то уже бесполезно, тогда оно может нам послужить лишь примером, назиданием. Настоящее живет не прошлым, ибо прошлое уже не существует.

Если ныне имеется народ, пребывающий в рабстве и не имеющий земли, и если ему удастся ее завоевать, то он должен строить свою жизнь так, как этого требует человеческое право и время, сообразно сегодняшнему дню, согласно разуму, а не так, как организовали его жизнь оставшиеся еще от старых времен, существующие доныне, традиционные государства, где земля присвоена государством и дворянством, а простой народ лишен на нее прав. Борьба за землю ради такой национальной организации государства не принесет народу свободы, она только сменит одно ярмо на другое. Мы положительно являемся врагом такой нации, врагом деспотизма, где бы и в какой бы форме он ни проявлялся. Мы знаем, есть люди, и даже среди любимых наших друзей, которые скажут: лишь бы заполучить землю, пусть вначале будет какая угодно форма правления и организации жизни, в дальнейшем все выправится, обновится и т. д. и т. д.

Нет, это ребячество, такое исправление и обновление — не легкое дело и, смело можно сказать, что более трудное, чем приобретение земли заново. Из опыта других народов, стоившего им моря крови, опыта, совершенно безвозмездно предоставленного нам историей как пример, мы должны извлечь уроки и не устремляться на ложный путь, с которого ступивший на него хочет свернуть, но оступается. И какой смысл, увидев совершенство, следовать за несовершенным. Разве по той лишь причине, что оно имеет за собой давность!

Но давность не обладает ни основательностью, ни последовательностью. По этому примеру человек, пожелавший заняться каким-либо ремеслом, должен был бы начать работу не с того уровня, которого достигло на сегодня данное ремесло, а с того, на котором находилось оно много веков назад. Стало быть, начинающий обучаться письму не смеет писать на бумаге, пока не научится писать на листе или коре дерева, затем на коже, затем — не знаю еще на чем, пока наступит черед бумаге, ибо он только что начал и необходимо, чтобы он прежде всего овладел навыком писать на несовершенном материале.

Мы заранее благодарим нашего нетерпеливого читателя, если из всего, что мы до сих пор сказали, он понял нашу точку зрения на национальный вопрос, если он убедился или удовлетворился этим. А если, наоборот, он потерял всякое терпение, то мы все же не отчаиваемся. В другой раз мы с ним вновь поговорим об этих вопросах и употребим все усилия, чтобы лучше разработать и лучшим образом развить нашу мысль.

Теперь возвратимся к тому пункту, от которого мы отклонились, и вновь пригласим к нему внимание наших читателей.

Как ни очевидна и ни понятна истинность экономической проблемы, которую мы попытались представить в этих тесных рамках, тем не менее не исключена возможность, что найдутся люди, которые скажут по нашему адресу: «Что это за Моисей, который указывает народу новый путь!»

— Мы — не Моисей, и не даем армянскому народу моисеевых обещаний. Моисей обещал израильскому народу землю, где текут мед и млеко. Наша проповедь более скромна. Мы указываем страну, в которой произрастают: хлопок, шелк, сахарный тростник, зерно, рис, кунжут, марена и другие растения. Мы указываем страну, где живет, развивается и размножается всякий скот, следовательно, подлежит обработке и то, что он дает, — шерсть, кожа, мясо, молоко и т. д. Мы указываем страну, рудники которой в большинстве своем ждут разработки и которые для человечества остаются до сих пор «как родник, к которому никому нет доступа».

Скитающийся Израиль, Израиль, мысленно возвращающийся в Египет, мог следовать за Моисеем в страну

меда и млека, лишь обуянный слепой верой, ибо ему была незнакома эта обетованная земля. От наших читателей и вообще от армянского народа такой слепой веры мы не требуем. Страна, ее плоды, о которых мы говорим, хорошо знакомы им, для незнакомых же ярким свидетельством наших слов является факт их существования.

Цель нашей проповеди и задача нашего труда заключается единственно в том, чтобы народ подумал о своем будущем и спасся от ужасных трудностей и нищеты, которые, если не сегодня, то завтра, воцарятся во всей Турции, несмотря на заем, совершаемый ею в Англии. Эти деньги очень быстро испарятся, останутся лишь векселя, затем наступит агония и османская лира обесценится.

Вопрос, поставленный нами, — не отвлеченная, не метафизическая философская проблема, чтобы нации трудно было ее понять. На свете нет человека, который не чувствовал бы жизненной необходимости материального, не понял бы проблему *хлеба*; и мы говорим пока лишь об этой проблеме, ибо только ее разрешение даст человеку возможность поддерживать свое действительное существование.

Но человек, уже имеющий достаточные материальные возможности, проложивший себе путь в жизни, пользующийся ею, такой человек, естественно, крепко держится за свое. Он делает полукислую мину, чувствуя недовольство от мрачной картины, которую мы рисуем. Он думает иначе, чем мы.

Каково направление его мыслей? Это — вопрос праздный. Он думает так: торговлей, организацией меняльных пунктов, посредничеством или каким-либо иным делом я заработал такую-то сумму; после своей смерти своим наследникам я оставляю не только эту сумму, но вдобавок несколько домов и т. д. и т. д., значит, мои наследники так же будут обеспечены, как был обеспечен я сам.

Его мысли не идут дальше его собственных детей. Но поговорим теперь с этим богатым человеком.— Отлично, ты имеешь достаточно денег, дома и т. д. и думаешь, что твои наследники обеспечены, мы же утверждаем, что это — воображаемая обеспеченность, что она не имеет под собой основания.

— Почему? — спрашивает он.

«Сегодня хозяином всего своего имущества и главой своей семьи являешься ты, поэтому твоего состояния

тебе достаточно; но завтра твое имущество будет разделено между твоими детьми, каждый из которых получит *половину, четверть* или еще того *меньшую часть*, если у тебя много детей. И вот твое состояние уже в первом поколении уменьшится вдвое, вчетверо или и того больше; но не забывай, что каждый из твоих наследников порознь составит в свою очередь семью. Полученное ими от тебя наследство, в свою очередь, будет разделено между их детьми, т. е. твоим внукам достанется едва 5—6% твоего состояния. Дети же твоих внуков попадут в такое же бедственное положение, с которого начал ты и от которого, как ты думаешь, будут свободны твои потомки якобы вследствие того, что ты волен распорядиться своим имуществом. Но не может остаться на имущественном уровне предков поколение человека, случайно поднявшегося богатством или чем-либо другим над уровнем своего общества. Рано или поздно оно вернется к тому состоянию, из которого вышли его предки. Морская вода, испаряясь, поднимается до облаков, но оставаться там долго не может — небольшой холод, небольшое изменение давления воздуха, и летучие пары, оставившие море, с неимоверной силой, в виде дождя или града, устремляются с гордых и величавых своих высот вновь в море. Это—закон природы, закон, который ни на волос не нарушается.

Человек с некоторым достатком отвечает нам следующим образом: «Я ничего не получил от своего отца, и сам, не имея ничего, заработал столько благодаря лишь собственному своему труду. Мои дети начнут свой жизненный путь в лучших условиях, чем я, ибо я ничего не имел, а каждый из моих детей получит половину, четверть или какую-то часть моего состояния. Пусть они поработают на этой основе, и каждый из них будет иметь столько, сколько имел я, то же будет с их детьми» и т. д. и т. д.

Если бы обстоятельства нам подчинялись, если бы мы могли устраивать все так, как хотим, если бы теоретические расчеты всегда соответствовали практике жизни, тогда, возможно, ты был бы и прав, что твои дети или их потомство будут обеспечены. Но там, где нет производства на сбыт, который привлекал бы извне богатства, там член общества не может разбогатеть иначе, как за счет других членов общества. Но это же не богатство, а лишь случайное перевешивание чаши весов то в одну, то в дру-

гую сторону. Сегодня богат ты, завтра буду богат я, и тогда твое богатство обязательно рухнет.

— Как! — восклицает он.

Чтобы быть более понятным, объясним тебе большое и общее на примере малого и частного. Допустим, нас 20 человек, мы живем как одно общество и занимаемся между собой торговлей. Каждый из нас действует порознь, каждый — в своих интересах, каждый из нас имеет разное состояние, один — больше, другой — меньше и т. д., допустим, сложив все наше состояние, получим капитал в тысячу золотых. Теперь мы спрашиваем, когда у нас всего тысяча золотых и нет в наших руках силы, которая могла бы вернуть нам деньги, ушедшие от нас, может ли хоть один из нас разбогатеть, не задевая интересов тех двадцати? Если один из нас получит на сто золотых больше того, что у него имеется, то другой из нас должен потерять эти же сто? Да и эти сто золотых являются кажущимся выигрышем, ибо целое не имеет иных богатств и тот, кто получил эту прибыль, получил ее за счет общества, ибо полученная им сумма не возвращается обществу, а лишь переходит от одного к другому, сегодня мне, завтра тебе, послезавтра ему.

Если бы дело обстояло не так, если бы наследники человека, имеющего некоторый достаток, также разбогатели, как их отец, тогда велико было бы число богатых; мало того — не существовало бы на свете вообще нищеты. Но, увы, богатство не только не остается в руках наследников, но иногда тот, кто сам подчас ворочает сотнями тысяч, кончает жизнь в горькой нищете. Что уж говорить об его наследниках!

— Но, взамен их богатеют и наследники бедных.

Точно так же, как некогда разорившийся богач, и на тех же условиях, следовательно, тем же путем и этот вновь спустится до уровня всего общества. Когда взамен разорившегося богача богатеет бедняк, то это не есть прогресс, ибо соединение положительного с отрицательным дает нуль. Да, законы природы осуществляются с математической точностью, и человек как часть природы и человеческая жизнь как явление природы подчиняются и развиваются по таким же законам, как природа.

Могу сказать, что если человека и его жизнь сделать объектом математических расчетов, то человек превратится в машину, а его жизнь станет сплошной скукой,

потеряет поэтический оттенок, без которого жизнь человека подобна пустыне.

Неужели наше мнение противоречит этому? Только в чистоте природы и может блеснуть поэтическое в человеке, и точный математический расчет, ведя человеческое общество к гармонии, может избавить человека от превращения его в машину. Человек подлинно является машиной лишь в том случае, когда нет расчета, то есть нет сознания, нет надежды. Надежда же не что иное, как следствие точного расчета. До тех пор, пока надежда не опирается на точный расчет, это не надежда, а самообман. Не посеешь — не пожнешь. Без посева урожая не бывает.

— А может быть бывает? Очень даже может быть, да, наконец, мы хотим, чтобы был!

— Это и есть надежда?

Но, анализируя все это, человек невольно должен почувствовать горечь, досаду, ему все это не по душе, он не исследует свою жизнь, а живет сегодняшним днем, завтра же — будь что будет! То, что будет завтра, ему кажется более легким делом, нежели анализ того, что есть сегодня, ибо будущее покрыто завесой, на которой человек крупными буквами начертал *надежда.* Но будущее закрыто лишь для близоруких. Будущее есть порождение настоящего, и если бы человек исследовал настоящее, то перед ним раскрылась бы и завеса будущего.

— Нет, человек, имеющий некоторый достаток, нет, милостивый государь, согласитесь, что ни на чем не основана ваша надежда, будто ваши дети будут владеть тем состоянием, которое вам удалось составить. Обратите свои взоры к тем дням, когда вы были еще ребенком, оживите в своей памяти ту обстановку, в которой вы жили. Ну, как? Существуют ли те богачи, которых вы знали тогда? Ведь из десяти—двадцати бывших богатых семейств сегодня остались только два, не так ли обстоит дело? Поверьте, что сегодняшний ребенок, достигнув в свою очередь вашего возраста и обернувшись на пройденный путь, увидит такие же развалины, такие же обломки кораблекрушения, какие видите сегодня вы. До тех пор, пока целое не обеспечено, счастье частного — мимолетное видение. Сегодня оно есть, но завтра рассеется, ибо оно обман зрения, повторяем вновь.

Из всего вышесказанного явствует, что первейшим вопросом для человека мы считаем экономический вопрос и называем его *вопросом жизни и смерти*. Этого достаточно, чтобы последователи принципа *дуализма* (dualisme), по своей простоте или оставаясь верными принципам своего дуализма, объявили нашу проповедь материализмом или, кто их знает, каким еще «измом»!

Мы не можем отвечать каждому из них — не потому, что нам нечего им возразить, а потому, что многим это слово режет слух, раздражает, да к тому же правду не скроешь![1] И излишне возражать там, где говорят именем авторитета, чего мы не признаем. Мы указываем на действительность, а тот, кто говорит именем авторитета, указывает на приказ. Указывая на действительность, мы вынуждены апеллировать к убеждению, он же, указывая на приказ, должен требовать покорности.

Покорности... в коей коварно и целиком заложено семя рабства. Отрекись, говорит он, от своих суждений, разума, от твоего рассудка и покорись мне. Ты машина, я сила, движущая тобой.

В нашем же лексиконе нет слова покорность, так как нет свободы там, где существует отношение господства и подчинения. Мы признаем убеждение, а не слепую покорность, но насилие приказа над сознанием, а сознательное исследование фактов и причин.

Да, человек является нашим *идеалом*, и мы не касаемся ничего другого, кроме его существенных и действительных жизненных потребностей, условий его существования.

Из этих существенных и действительных потребностей, по-нашему, и складывается жизнь. Из этих условий мы выделяем экономическую проблему и человеческую солидарность — в них и заключается источник правдивой и рассудительной нравственности, перед которой только и преклоняем наши колена.

Человек не крадет. Но если он не крадет только потому, что закон запрещает красть,— он вор и разбойник. Если человек не убивает лишь по той причине, что это запрещено, если он не совершает преступлений, как раб, покоряясь какому-то верховному авторитету, он — убийца и безнравственный человек.

Человек морален, когда[2] не из страха перед авторитетами, а вследствие высокой сознательности и солидарности в нем не может даже зародиться желание совершать

преступление. После же того, как мысль о преступлении зародилась, совершит его человек или не совершит,— он для нас безнравственный человек, ибо, если бы не закон, запрещающий его, он совершил бы преступление. Он не совершает преступление не из сознания, что причинит лишение, горе или смерть ему подобному, а потому что это — грех, потому что преступление наказуемо. Иначе говоря, такой человек причинил бы вред другим, если бы это не угрожало тем же ему самому. Здесь нет нравственности, это — официальная нравственность. Если так подходить к вопросу о нравственности, то и тигр, запертый в клетку, нравственен, ибо он не в состоянии растерзать человека. И какая разница между ними, один (тигр) вынужден не совершать преступления из-за железной клетки, другой же (человек) — из страха перед авторитетом.

«Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем»,— говорил Христос. Это понятно.

И наоборот. Человек подает милостыню, то есть помогает нуждающимся. Если он делает это, надеясь на вознаграждение... мы не признаем его нравственным, так как, зная, что вознагражден не будет, он бы помощи не оказал. Человек дает себе зарок, если получу то-то, если достигну того-то, то совершу такую-то благотворительность; здесь нравственностью даже не пахнет, это торговля: он отдаст или сделает добро в том случае, если сам что-либо получит за это. Все это отголосок языческих и еврейских жертвоприношений. Однако человеческая солидарность не знает жертвоприношений. Здесь каждый индивид руководствуется *долгом*. Счастье наше, что неодушевленная природа — не человек. Иначе, чем бы вы могли вознаградить солнце за то, что оно светит нам.

Принцип жертвенности позорит достоинство человека. Здесь господствует дух насилия, здесь вновь в грубой форме проявляется сила одного и слабость другого. Похоже на то, как если бы человеку. умирающему с голоду, сказать: смотри, ты умираешь, сейчас твоя жизнь зависит от меня, то есть от того, дам я тебе хлеба или не дам, но я жертвую тебе этот кусок хлеба, чтобы продлить твою жизнь. Взамен ты должен чувствовать, что я являюсь твоим спасителем...

Несчастный... Прежде чем спасти его жизнь, ты попрал его право и человеческое достоинство. Ты перестал быть

человеком, ибо сделал в виде жертвы то, что являлось твоим прямым человеческим долгом, оскорбил самые святые и сокровенные чувства твоего товарища, ибо объявил свою особу властелином над его жизнью.

Если бы ты таким образом спас и тысячу жизней, в наших глазах ты останешься нечестивцем, пусть *официальные моралисты* воскуривают тебе фимиам!

И как не вернуться снова к экономическому вопросу? Если бы этот вопрос был разрешен, то этот несчастный избежал бы необходимости получать жизнь в виде милости от насильника-благодетеля.

Мистики не желают видеть этого. Они живут в области пустых абстракций. Они так высоко парят, что человек перед ними — прах*.

Деспоты требуют собственности, они, кроме своих интересов, не видят ничего; свое существование проповедуют другим как догму, а на существование других плюют бесстыдно.

— Что же остается тем, кто не является ни мистиком, ни деспотом? Что же остается нам?

Проповедовать *экономическую проблему*, возвеличивать *человека*, разъяснять *национальный вопрос*, провозглашать мистикам погибель, деспотам — обуздание, *а простому народу — спасение.*

---

* Не из праха ли они сами?

ГЕГЕЛЬ И ЕГО ВРЕМЯ

(Выписки и размышления)

«Всякая философия есть не что иное, как ее время, переведенное в мысли, и безумно думать, что какая-нибудь философия выходит за пределы современного ей мира» (Гегель, Предисловие к «Философии права») [1].

Из этого положения ясно видно, что философия, спустившись со своего чисто умозрительного пьедестала, ступает на реальную почву своего времени. Известно при этом, что само это время есть не что иное, как *совокупность понятий* и *убеждений* данного общества в данных условиях.

Труд Бокля[2] и его метод — связать частные явления и, рассматривая их как нечто целое, считать последующие явления результатом — по своей форме очень близок к вышеприведенному положению Гегеля. И действительно, нельзя по-настоящему понять дух истории, пока ее частные явления не сведены к одному общему источнику, из которого они произошли. Ясно, что это положение до основания колеблет абсолютную свободу воли, ибо воля тоже подвергается влиянию окружающего мира и своего времени и согласуется с ними.

Грановский признает это [положение], но не безоговорочно. Он говорит, что хотя закон истории и носит неизбежный, необходимый характер, но так как время его осуществления не предопределено, то качества главного действующего лица могут повлиять на сроки осуществления этого закона, и выражает сожаление, что, за исключением Макинтоша, остальные историки на психологиче-

ский элемент в истории обращают очень мало внимания. Здесь он еще раз повторяет, что действующее лицо выступает не как голое орудие, а, обладая определенной волей, является либо поборником, либо противником исторического закона и т. д. (Собр. соч. Грановского, т. 2, стр. 319—320. В статье о книге Одена «Histoire de Henri VIII et du Schisme d'Angleterre, par M. Audin». Paris 1847. 2 vols)[1].

Неуклонно следуя своему положению, в другом месте (в предисловии к «Истории философии»[2], стр. 9) Гегель утверждает: «Исторические опыты проходят бесплодно, не оставляя поучительного следа в памяти человеческой». Мне кажется, что это бесплодие естественно, ибо человек будущего, подвергаясь влиянию своего времени, должен подчиняться духу этого времени и действовать в согласии с ним; в данном случае урок прошлого вряд ли может иметь значение. Грановский признает и это. Но допускает также влияние исторических традиций, выросших из оставшихся преданий прошлого (см. речь Грановского, произнесенную на торжественном собрании Московского университета, 1852 г. Грановский, т. 1, стр. 27).

«Историческое понимание закона, — говорит Гегель в одном из своих сочинений,— старающееся указать его (т. е. закона) основание в забытых обычаях и уже погасшей жизни, тем самым ясно свидетельствует, что такому закону, в живой настоящей эпохе недостает смысла и значения»[3]. Это положение Гегеля еще более ясно дает понять и оправдывает его тезис о философии (приведенный в начале этой страницы).

Радостно, что положение, которое полвека тому назад было доступно и понятно только знаменитому философу, ныне не нуждается в доказательстве даже для человека с весьма посредственными знаниями. Однако не надо забывать, что положение Гегеля применимо и к его философии, которая, принадлежа к прошлому, может рассматриваться как результат прошлой жизни, как памятник исторического развития германского духа и не более того. Времена философских систем прошли, теперь время критики. Разрушение систем уже стало большой и величественной системой, хотя оно подобно разрушенным системам и не имеет глав, параграфов и категорий[4]. Улучшать человеческую жизнь — вот в чем философия; развивайся она каким хочет путем, лишь бы это составляло

ее смысл и цель. Ясно, конечно, что предпочтительным является более короткий, естественный и разумный путь, чем те извилистые и туманные пути, которые содержатся в тех или иных философских системах...

12 августа 1863 г.

Если философская система того или иного мыслителя имеет непосредственным своим источником жизнь и историю того народа, к которому он принадлежит, то в этом случае философ стоит на собственной почве. Но когда его система кроме жизни своего народа носит в себе также и дух жизни другого народа, который принимается им как первоидея, как это неизменно делает Гегель, имея в виду греческий идеал, тогда его философская система, имея в себе чуждые элементы, теряет свою целостность. И в этом случае, какой бы реалистической ни казалась его система, все же она будет носить умозрительный характер, ибо частично основывается на чистой идее, которая не живет живой жизнью, а созерцается и воспринимается лишь мысленно [1].

Как жестоко ошибаются люди, стремящиеся стать «философами» для своего народа, когда они перебегают от одной философской системы к другой; какая смута, какое столпотворение! Один следует Канту, другой Фихте, третий Гегелю и т. д. и т. п. Жалкие люди! Ведь их философия является немецкой и, не имея источников в жизни вашего народа, неприменима к ней, если применение, конечно, мы понимаем всерьез, и вправе понимать всерьез, потому что почитатели этих систем принимают их за исходную точку, за альфу и омегу.

Помимо этого, философия Канта выросла из современной ему жизни, точно так же как и философия других мыслителей из жизни их времени. Философия данного народа даже для того же самого народа не может быть истиной на все времена, ибо время идет вперед, изменяется сумма знаний. Эй, ты, кто вовсе и не немец, ты, кто живешь спустя сто лет после Канта, как тебе могут помочь Кант или Гегель, если целью твоих исканий является применение их системы к жизни твоего народа!

Мы не говорим уже о том, что истину нельзя исследовать и понять из нее самой [2], хотя бы потому, что исследования человека подвергаются влиянию того или иного авторитета, и прав был Декарт, когда писал: «Когда я при-

ступил к исканию истины, я нашел, что лучший путь к этому заключается в том, чтобы отвергнуть все, до сих пор приобретенное мною»[1]. Это очень глубокая, почти бессмертная мысль, ибо, если то, что было отвергнуто, было абсолютной истиной, исследователь в своем исследовании сам обнаружит эту истину и невозможно, чтобы не обнаружил; а если она была относительной истиной, то ясно, что, отбросив ее, он больше выиграет, нежели если бы принял относительную истину за абсолютную.

Что касается меня, я не признаю ни одной из философских систем, а те, кто рабски следует всяким системам, пусть не ждут от меня ничего, кроме насмешки. Философия должна отражать жизнь народа, а эта жизнь на каждом шагу, на каждой своей фазе должна порождать новую точку зрения. Созданные в прошлом системы застряли на одном месте, они уже изжили себя в тот момент, когда их последняя мысль была положена на бумагу. Жизнь идет вперед, вперед идет и ее философия. Для тех же, кто видит философию лишь в книгах с философским названием, какое значение может иметь философия в жизни какого-нибудь простого народа. Слепцы! Его философия вытекает из его же жизни. Какова жизнь, такова и ее философия. Прививать же твои изумительные философские системы к его жизни — это все равно, что надстройку признавать за фундамент, а фундамент — за надстройку. Хочешь стать философом для своего народа (ибо нет и не может быть философа, учение которого имело бы всеобщее значение, поскольку существуют разные народы, поскольку природа в разных странах различна и по-разному влияет на людей), так изучай его жизнь, источники его понятий, его потребности. Улучшение этой жизни и есть самая величайшая и самая истинная философия.

Конечно, есть истины, которые относительно абсолютны, их надо исследовать, знать и, если они полезны, подходящи для жизни и нужд твоего народа, постарайся, чтобы они вошли в сумму его знаний. Стремись к действительному улучшению жизни своего народа, пусть все твои знания будут служить его жизни. Если философия для тебя сводится к заучиванию всяких софистических, абстрактных, туманных, запутанных учений, то прощай! Человек свою жизнь развивает не по заранее определенному пути. Жизнь — текучее явление и, сталкиваясь

с тысячью различных обстоятельств и противоречий, если учесть при этом еще и личные стремления (конечно, взятые суммарно), она то теряет свое первоначальное направление, то получает новое направление, то переживает застой, то развивается с невообразимой быстротой. Бывали периоды, когда человек, прожив столетие, не проходил и однодневного пути, но бывало и так, что он в течение дня перешагивал через столетие. А вы, милостивые государи, крепко держитесь за свои книги, посмотрим, чего добьетесь со своими философскими категориями. Философия, если она метод и систему своего учения рассматривает как абсолютно непререкаемые и неизменные, такая философия, если даже она проповедует свободу, уже становится врагом свободы, выносит сама себе смертный приговор.

Милостивые государи, в этом бурном потоке человеческой жизни чего вы можете достигнуть со своими утонченными, неизменными категориями, видами и бог весть еще какой чепухой? Человек лишен приюта, человек не имеет хлеба, человек раздет и разут, природа требует своего. Найти простой и естественный путь, изыскать истинные человеческие, разумные средства, чтобы человек обрел себе приют, имел хлеб, прикрыл свою наготу, удовлетворил природные потребности,—в этом суть философии. Все те философские учения, которые так или иначе оторваны от природы и не применимы к ней, вы можете либо держать у себя, либо проповедовать с университетских кафедр: быть может, там ваши коллеги придут в восторг от вашего глубокомыслия, но среди сынов природы вам места нет. Сумели ли мы вразумить?

P. S. Точно человек глина, а философия — гончар: какую форму захочет, такую и придает глине. Ликуй!

Философия сама по себе делится примерно на три раздела: логика, натурфилософия и учение о нравственности. Духовное также имеет основание в человеке, поэтому, если учение о духовном выходит за пределы натурфилософии, оно теряет свою прочность и превращается в благовиднотонкую болтовню.

Если все это в произведении того или иного автора излагается как особая наука, как особая система, а другие, найдя все готовым, без приложения самостоятельного труда, принимают это как последнее слово науки, то такие люди волей-неволей становятся полнейшими рабами этого

автора. Потерянная свобода представляется им найденной свободой — вот до чего доводит подчинение авторитетам, вот до какой степени запутываются понятия людей. Но если мы отбросим философию, то есть ту или иную готовую систему, то как может человек научиться правильно мыслить, понимать, видеть и оценивать все в своем естественном свете?

А откуда же взял свои положения этот господин философ? Известно, что есть источники, имеются материалы, исследования которых являлись основанием его системы. А если его философия не имеет такого основания, значит она является результатом насилования мысли, тогда она тем более должна быть отвергнута и недостойна признания. Между тем известно, что подлинным источником и прочной основой философии являются всеобщая история и естествознание. Изучай историю, изучай природу, изучай человека, исследуй общество, его законы, явления человеческой жизни, познай ее потребности, средства удовлетворения этих потребностей — и ты станешь философом без признания чьей-либо готовой системы.

Науки развиваются, и в своем развитии они удивительным образом сплетены между собой. В оптике вошел в обиход новый прибор, химия открыла новый элемент, и вот все науки в едином порыве устремляются вперед. При таких обстоятельствах ясно, что философия Аристотеля, поскольку он уподобляет мозг губке, выглядит весьма жалкой. Но за это не только нельзя винить его или порицать, а, напротив, надо признать, что он — человек, достойный удивления, ибо до него никто не осмелился сравнить мозг даже с камнем. Унаследовать готовые знания и освещенные их светом дела прошлого, а потом осуждать эти знания мы не только не вправе, но это даже безнравственно. Речь наша о том, что поскольку наука, жизнь человека, время, сумма знаний являются текучими, то нельзя философию изложить как некий неизменный свод законов.

Изучай эти философские системы, чтобы познать историю философии, чтобы мог провести параллель между прошлым и настоящим, выявить и исследовать то, как постепенно расширяется круг человеческих знаний. Отдельные их положения, которые близки к идее абсолютной истины, достойны того, чтобы человек освоил и выяснил их для себя,— они оттачивают и пробуждают его позна-

вательные способности. В них есть положения, которые, являясь отражением самой природы, обладают во много раз большей прочностью и основательностью, нежели все эти искусственные системы, которые либо парят высоко в воздухе, либо, что еще хуже, ибо воздух все же доступен органам чувств, превращаются в ничто.

Но господин философ, который, заучив готовые теории и затем задрав нос до высоты армянского Кокисона[1], объявляет, что он изучил философию Канта, Фихте, Декарта, Бэкона, Гегеля и им подобных философов, и требует, чтобы все встречные преклоняли перед ним колени, ясно показывает, что он сам только и занят тем, что становится на колени перед той или иной теорией. Чувство человеческого достоинства, сознательность, критическое исследование как прошлой, так и настоящей жизни человека, а также явлений природы и даже самой природы — вот источники философии, которые открыты перед человеком, лишь бы он не поленился воспользоваться ими. И если человек не способен, соединив в своей голове все нити этих областей знания, обобщить их, ему одинаково бесполезны и готовые системы.

Существенное достоинство человека заключается в безграничной свободе его мысли; если и она будет подвергаться насилию того или иного авторитета или системы, тогда собственно в чем же прелесть человеческого достоинства? Пусть будут тысячи таких философских систем — грош им цена!

Могут сказать: усилия и цель всех философов сводились именно к тому, что проповедуешь ты, но иными словами. Что тут долго рассуждать!

Но дело как раз в том, что *иными словами*, а если слова имеют значение и смысл, значит они различаются друг от друга и не могут подменяться. Господа философы так и *выдают* свои философские системы за некую веру, за догму. Мы бросаем перчатку не философии, не познанию вообще, а той его форме, осуждаем то учение, которое выступает как догма. Нельзя забывать, что прогресс, до сих пор достигнутый человеком, хотя он и кажется сплошным нововведением, по существу является не чем иным, как разрушением старых построений. Настолько много этих построений и настолько густо опутывают они путь человека, что ему нельзя двигаться вперед, иначе как только разрушая их. И человек, делая успехи в позна-

нии, понемногу разрушает эти построения и тем очищает свой путь.

Если какой-нибудь раб освобождается от рабства, это не значит, что он обрел нечто новое, а лишь то, что он обрел утраченное; новое пока еще в будущем. Но что представляет собой это новое и каким оно будет, мы сможем сказать только тогда, когда доживем до того времени[1], изучим потребности этого времени и овладеем суммой знаний окружающего нас мира. Раньше этого ответа от меня не ждите, я *не философ*.

Пока же я знаю лишь то, что утраченное надо отыскивать, и, когда все утраченное будет отвоевано, тогда человек пусть сам позаботится и создаст то, что ему нужно. Как я могу рассуждать об этом времени, если я не знаю, какими будут человеческие знания спустя сто лет?

Когда наши предки чего-либо лишались, разве это всегда воспринималось ими как утрата? Ничуть! Многое из того, что по нашему представлению является утратой, для них было лишь отречением от чего-то вредного. И разве они знали, что спустя сто лет их предки ценою пота и крови будут восстанавливать то, что они по доброй воле, по слабости или разобщенности отбросили и уничтожили?

Итог?

Итог таков: образумься и в погоне за пустыми идеями не разрушай свой дом своими же руками.

13 августа.

В своей рецензии на произведение Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit im ersten Jahrhundert der Kaiserherrschaft und des Christenthums von Ad. Schmidt. Berlin 1847. (Собр. соч. Грановского, т. 2, стр. 276) Грановский пишет: «Такова обыкновенная и большею частью заслуженная участь немецких книг (т. е. то, что они не читаются и забываются). Несмотря на постоянное изучение древних образцов (т. е. древних авторов), немецкие ученые не умели перенять у них тайны изящного и живого изложения. От этого им часто случается говорить о вечных красотах греческого искусства языком (т. е. формой), который может заставить усомниться во влиянии этого искусства на вкус его поклонников. Забавно то, что многие приписывают это решительное неуменье управиться с формою врожденной германскому племени основательности (Gründlichkeit)».

Сенека признает святость каждой человеческой личности: «homo res sacra» «...Каждый человек благороден, потому что происходит от бога: если в твоей родословной есть темная ступень, перешагни ее, стань выше. Подымись к источнику благородства, к тому, от кого мы все произошли: мы все сыны бога». В этих выражениях звучит предчувствие христианства. Кровавые зрелища римского цирка возбуждают в нем то же чувство, которое удалило от них первых христиан. Он обращается к зрителям с горькими словами: «Без гнева, без страха, ради забавы вы предаете смерти человека и любуетесь его предсмертною тоскою. Вы скажете мне, что это преступники, что они заслужили смерть. Согласен; но какое преступление совершили вы сами, за что приговорены быть зрителями казни»? (Грановский, т. 2, стр. 284).

Может статься, что правы те, которые думают, что Гегель со своей философией претендовал стать Макиавелли Германии, но это лишь постольку, поскольку его учение изменялось сообразно обстоятельствам времени. Но нам кажется, что флорентийский публицист глубже проникся стоящей перед ним идеей, более смело, уверенно и всесторонне взялся за свою задачу, чем Гегель.

Гегель, начав свою политическую карьеру иеремиадой: «Германия уже не является государством», окончил ее безосновательной болтовней, направленной против английского государства. В этом отношении удивительно сходство Гегеля с англичанином Берком. В старости Берк, особенно удрученный смертью своего сына, не мог принять французскую революцию, Берк, который до того всю свою жизнь и силы отдавал делу защиты свободы, не боясь форм ее проявления, Берк, который со всей готовностью жертвовал интересами своей родины ради независимости Америки, Берк, в лице которого идея свободы имела в палате общин своего могущественного защитника; тот, кто со всей решительностью посвятил последние силы своей души развязке французской революции, — этот самый Берк на старости лет объявил крестовый поход против французской нации. В то время он был душевно болен; потеря сына глубоко потрясла его; перед его глазами были лишь окровавленные головы Людовика XVI и Марии-Антуанетты, они стали его манией (idea fix). Он уже забыл насилия Людовика XVI, который в течение 50 лет не только непрерывно высасывал кровь и иссушал душу Франции,

не только прикрывал мишурой беспутную и гнилую жизнь, но и не давал покоя всей Европе. Он забыл, как этот сребролюбивый Бурбон, зараженный духом варварства, всячески вредил Англии, когда Карл II и Иаков II Стюарты, превратившись в подкупленных им вассалов, в особенности последний, строили козни и заговоры против свободы Англии. Он забыл дела и действия Бурбонов (Людовиков XIV и XV) против Вильгельма Оранского в защиту сначала экс-короля Иакова II, а потом его сына, который в течение 70 лет, добиваясь трона, скитался и попрошайничал. Берк уже не помнил, что начатое Людовиком XIV было продолжено Людовиком XV, который своим распутством и расточительностью еще больше усилил эксплуатацию французской нации; он забыл о том, что Людовик XVI не только не отстал от своих предшественников, а, напротив, многократно безмерно превзошел их и что терпение французов, будь оно гранитным, и то не выдержало бы и лопнуло.

Он уже не помнил, чего натерпелась Англия от Карла I, не помнил «долгого парламента», гражданской войны и мерзостей так называемого «хвоста» (остатков «долгого парламента»).

Во времена Берка англичане уже были свободны, свобода нации давно уже была высечена на скалах Альбиона.

На устах у него было только одно слово: смерть французским безбожникам, смерть убийцам королей, смерть бунтовщикам!

Германская нация не является великой нацией; ничтожество и неспособность на великое вполне реально, ясно и четко видны из ее политической жизни. Нетерпимые правители Германии, разбитой на тридцать с лишним частей, принявшие мало-мальски человеческий облик благодаря великой французской революции, омрачили радугу, воздвигнутую над горизонтом Германии Гете, Шиллером и Лютером. Эти ничтожные правители, замкнувшиеся в своих с ладонь величиною владениях, накладывают печать на своих подданных, которые — не говоря о религиозной и социальной вражде — в мелочных и гнусных дрязгах всегда были и будут растоптаны германизмом.

Находясь в таком действительно жалком положении, германский дух старался найти выход в бесплодных идеалах; и поныне еще там нет недостатка в философах-ротозеях, которые, распустив язык, проповедуют, не

будучи в состоянии когда-нибудь претворить свои прекрасные идеи в жизнь. Прав знаменитый Бокль, когда он осуждает это, по существу нетерпимое, но в немецком понимании широкое и величественное направление. И не только Бокль осуждал это ложное направление, каждый разумный человек, мозг которого не отупел под влиянием пивных паров, т. е. кто, лицом к лицу сталкиваясь с реальным миром, видит и чувствует его, осуждал и должен осудить это направление. Но, несмотря на проповеди немецких философов, несмотря на полный курс лекций по умозрительной философии, прочитанный Гегелем в различных городах и королевствах Германии, несмотря на его лекции в 1830—1831 гг., в последний раз прочитанные в Берлине по философии истории, вновь взорвалась бомба французской революции.

Взрыв потрясающей силы французской вулканической натуры в одну ночь разрушил трон Бурбонов, реставрированный после великой революции благодаря политике и помощи союзников. Он нагнал страх всюду, и Гегель сник под тяжестью этой вести, как Берк под тяжестью смерти сына.

Гайм прекрасно выразился по поводу слабости Гегеля. «Может быть,—писал Гайм,—его мучило предчувствие, что это новое мировое движение, распространяясь все далее и далее, может вырвать из колеи не только государство, но и систему — систему идеализма»[1].

И действительно, страх, что вновь нарушится мировое спокойствие, не дает покоя Гегелю. Дух революции проник даже в Англию[2], которая до сих пор сохраняла непоколебленными свои государственные устои и которой не нанес ущерба даже ураган первой французской революции, вызвавший столько событий на континенте.

Проведите реформы, чтобы возможно было удержаться, — говорят друзья Росселя. У дверей парламента лихорадочно волнуется народ, чтобы получить, быть может с применением силы, согласие упрямых тори на реформу системы народного представительства в парламенте. Являясь очевидцем всех этих событий, Гегель вновь становится публицистом. Он публикует в правительственной газете Пруссии свою последнюю статью под названием: «Критика английского билля реформы» (Bill of reform) [3].

14 августа.

Именно в этой статье Гегель больше всего похож на впавшего в галлюцинацию Берка. Гайм об этой статье пишет следующее: «Мотивом этой статье послужило опасение, что реставрационное состояние государства может быть нарушено; в самом же тоне изложения крайнее умничанье теоретика смешивается с мечтаниями прусского чиновника. Гегель не порицает стремления и содержания *билля о реформе,* но порицает самую наклонность к реформе, потому что видит в этом опасность. Английское государство находится — если верить словам германского философа — в таком положении, что оно более всякого другого требует улучшений, но в то же время менее всякого другого терпит улучшения. С достойным глубокого уважения знанием подробностей Гегель указывает на действительные недостатки английских учреждений. Безусловно должно согласиться с критиком (с Гегелем) во всем, что́ он говорит, например, о плохом *майоратном* управлении, о бесчинствах духовных приходов и другого рода привилегиях, о положении английской церкви, о дурном управлении Ирландией и ее экономических и социальных отношениях. Подобно Гегелю никто не станет защищать, предоставляя это по праву мелким любителям старины, ржавчину веков, безобразящую английские учреждения. Можно даже согласиться и с тем, что английские учреждения представляют «несвязное собрание положительных определений», в противоположность которому более ясные формы и основанное на известных принципах внутреннее развитие новых государственных учреждений может, по крайней мере в теоретическом отношении, считаться за успех» [1].

Эти слова г-на Гайма глубоко ошибочны, и причиной этой ошибки опять-таки является немецкая философия. Каковы результаты применения признаваемых им прогрессивными «ясных форм», которые были основаны на внутреннем развитии государственных учреждений? Правда, и сам Гайм чувствует практическую их бесплодность, почему и диапазон прогрессивности ограничивает словами «по крайней мере в теоретическом отношении». Удивительно, как не хотят понять, что форма, не свободная от некоторых недостатков, но практически применимая, предпочтительнее идеально совершенной, но практически абсолютно не применимой формы. Допустим, что идея хороша, но, если не можешь ее осуществить,

не можешь практически применить ее, какая от нее польза? Однако нельзя забывать, что это та точка, на которой покоится немецкая философия, находящаяся в плену голой идеи.

Я употребляю невкусную пищу, философу она не нравится, ибо он в своем уме имеет идею более вкусной пищи и говорит, что «по крайней мере в теоретическом отношении» он прав в том, что ему мой обед не нравится. Ну и подыхайте с голоду!

Сегодня Англия в отношении осуществления свободы в своих формах правления, за что ее посрамляют, все же занимает первое место в Европе, и англичанин по праву может гордиться, между тем как другие, в особенности эти жалкие и несчастные немцы, до горла погрязшие в болоте, лопаются от зависти. Да ты добейся хотя бы такой свободы, как у англичан, а потом уж болтай! Ну, как не сказать, как карабахцы, «ты на рожу его посмотри».

Однако мы вскоре узнаем, что за желчь отравляет настроение немцу. «Элементы республиканизма» в конституции — вот чего он нигде и никогда не допускает, вот чего он боится, как ворона пугала, причем без того, чтобы вникнуть, что республиканизм совершенно безвреден, если применяется в противовес узкому абсолютизму.

«Но, — говорит Гайм, как бы придя в себя, и последующим положением до основания разрушает предыдущие свои рассуждения, — нельзя себе представить суждения более одностороннего, чем то, которое исключительно основано на этих темных сторонах английской государственной жизни и из-за них не хочет видеть богатства вращающихся в ней свободных сил. Здесь еще раз подтверждаются наши слова, что живой процесс свободы не имеет для нашего философа собственно никакой цены и что, напротив, он находит все достоинство свободы только в систематике понятия и в объективно организованной, приведенной в известный порядок, хотя бы и несвободной, бюрократической, полицейски-устроенной свободе»[1].

Как показывают вышеприведенные длинные рассуждения, мнение Гегеля о свободе является полнейшим ее отрицанием. Что же касается Гайма, он каждый раз, когда упоминает о подобных философских уродствах, как будто чувствует озноб, который, распространяясь по

всему телу, заставляет его тут же опровергнуть их, стараясь ослабить неприятное впечатление, производимое этими покрытыми ржавчиной идеями как на него, так и на его слушателей.

«Понятно, — продолжает Гайм, — какой смысл надобно привязывать к Гегелеву построению конституционализма и к его случайному уважению самоуправления. Нигде принцип самоуправления не достигал до такого объема, такого величия и вместе с тем до такой меры, нигде его благословенные последствия не выказались с такой силой, как в английском парламентаризме.

По мнению Гегеля, этот парламентаризм есть вместилище политической порчи и неразумности. Шум и блеск формальной свободы,— говорит блестящий философ,— не допускают ни созревания действительной свободы, ни даже воспоминания о ней. Под видом свободы образовалась корыстная и жадная олигархия, содействовавшая самому отвратительному демократизму» [1].

15 августа.

«Положительные привилегии, вкорененный временем эгоизм и, более всего, непонимание со стороны массы народа, равно как и страсти черни — вот из каких стихий сложилась жизнь английских учреждений. В суждении Гегеля об английском парламенте можно заметить в полной мере ту же ограниченность с ее предрассудками и то же страстное душевное волнение, которое характеризует суждения политических партий о враждебных им партиях. Прусский бюрократизм в союзе с германским идеализмом образует партию против английского государственного устройства и практически-эмпирического смысла соотечественников Бэкона. Как курмаркский юнкер рассуждает о «всякой всячине», так Гегель рассуждает об основных началах английской свободы. Не довольствуясь изображением в самых резких чертах волнения и беспорядков, пробужденных выборами и подкупами, он считает даже прения и парламентские речи плохим заменом мудрости, сидящей за зеленым сукном и высказывающейся в фабрикации огромной кучи актов. Большая часть времени в этом собрании проходит в объяснении членов насчет их личного положения, и они излагают свои мнения не как деловые люди, но как привилегированные существа и ораторы. Красноречие этих

ораторов есть «богатая самопрославлением болтовня»; одни только дельные донесения такого человека, как герцог Веллингтон, находят пощаду у Гегеля»[1].

Для нас понятно, почему Гегель относится с уважением к донесениям герцога Веллингтона. Веллингтон как полководец и стратег действительно имеет большие достоинства. Но вне поля боя, в отношении человеческой, общественной жизни, его теоретические понятия и взгляды настолько мелки и ничтожны, что даже самый последний политик и самый отсталый публицист не смогли бы без стыда произнести того, что было написано герцогом Веллингтоном в его донесениях. Он является решительным противником всякой реформы, и, повидимому, абсолютная дисциплина войны, глубоко врезавшись в памяти великого полководца, превратилась для него в sine qua non. Он полагал, что, подобно тому как удачный исход войны во многом зависит от беспрекословной покорности полка, также и успешное развитие человеческой жизни будет зависеть от преобразованной применительно к общественной жизни и благу философии войны, которая должна лечь в основу структуры государственных конституций. Конечно, как и многие другие, герцог Веллингтон, пожав обильные плоды своих принципов на поле боя, хочет перенести их на общественную жизнь, забывая при этом, что война в жизни человечества не является естественным, обычным явлением, а есть нечто патологическое и случайное, законы которой ни в коем случае не могут быть применены к обычной общественной жизни человечества без того, чтобы не нанести вреда естественному, нормальному развитию этой жизни и привить ей патологические страсти. На войне один час, одна минута достаточны для уничтожения вековых надежд, для нарушения равновесия во всем мире, и очень возможно, что достижение этого одного часа или одной минуты действительно связано с напряжением нервной системы и зависит от абсолютной покорности. Но солдат оторван от общественной и политической жизни, он в ней не участвует. Он в этот момент поставлен в узкие и строгие рамки, и у него определенная цель — уничтожить либо быть уничтоженным.

Но не столь узки, регламентированы и ограничены условия нормальной человеческой жизни. Солдат на войне только сражается с врагом. У него не может быть

других дел, других отношений и других состояний. А нормальная человеческая жизнь на своем широком пути каждую секунду сталкивается с бесконечными обстоятельствами, бесчисленными отношениями и состояниями. Ясно, что эти два момента — война как патологическое, а мирная жизнь как подлинно нормальное состояние — не могут измеряться одной меркой, не могут рассматриваться как явления, развивающиеся по одному пути, без того чтобы такие сравнения не были пустыми или вредоносными. Но что сделаешь, когда люди, подобные Гегелю, видят выход в цепях, выкованных руками насильников Фридрихов, а не в конституции, которую только англичанам удалось осуществить и которая в иной форме была продолжена их переселившимися братьями — в Северо-Американских Соединенных Штатах.

Кому не ясно, что английская конституция пока не достигла совершенства. Но вопрос вот в чем: разве это так называемое совершенство есть неподвижная цель, к которой приближает каждый удачный шаг, каждый отрезок времени? Ведь по мере развития человеческих знаний развивается также идея совершенства. Ясно, что выход находится в этом непрерывном стремлении к совершенному, ибо в этом стремлении именно и заключается нормальная жизнь. Для того чтобы идея совершенства осталась неподвижной, человек должен либо спуститься с той ступени цивилизации, которой он достиг, либо морально умереть, либо, наконец, навсегда приостановить свое познание во всех областях. Но предположим, что идея совершенства остается неподвижной и человеку, чтобы достичь, осуществить ее, требуется лишь время и сила, но ведь соответственно затратам сил и времени неизбежно должна измениться и идея совершенства, следовательно, она уже не будет неподвижной. Из этого вытекает, что человек, переставая действовать в своем стремлении к совершенству, не мог бы оставаться даже в том состоянии, которого он уже достиг. Да он и не может переставать стремиться к ней, так как пружина стремления вперед всегда находится в напряженном состоянии. Он должен пойти на попятную с того момента, как только остановится на своем пути. Ясно, конечно, что все это относится лишь к тому человеческому обществу, которое развивается само по себе, самостоятельно, а те общества, рост которых измеряется мерой, основанной на произволе опекуна, в которых

вершителями судеб являются Фридрихи, низводятся до уровня несовершеннолетних сирот. И то сказать: как же можно, подвергая критике английскую конституцию, отмечать только ее недостатки и совершенно отбрасывать те основополагающие и спасительные положения, на основе которых растет та свобода, которой по праву гордятся англичане? Оставим и это, но пусть подвергает ее критике человек, подчиняющийся более свободной и более величественной конституции. Дело ведь доходит до комизма, когда против английской конституции ополчается политически обанкротившийся, оторванный от действительной жизни и являющийся рабом блуждающих идей немец, против конституции, один акт Habeas corpus[1] которой, не говоря уже о других вещах, стóит всей Германии! А ведь в то время, когда английская конституция, начиная со средних веков, складывалась, развиваясь естественным путем, тогда весь континент был еще по горло погружен в рабство. Дух его составлял деспотизм, разложение нравов, опустошенность и забвение человеческих достоинств. Где была Германия, когда английская государственность, взяв под свою защиту человеческие достоинства, оставила своему королю только корону? Известно, что Германия стала в ряд государств благодаря французской философии XVIII века, последним словом которой были 1789 и 1793 гг. Но откуда вдруг взялся этот поток философской мысли XVIII века, затопивший Европу, где порой и злоупотребляли ею? Чем была занята сама Франция, справедливо считавшаяся светочем Германии и всего континента, когда англичане во имя свободы вели войну со своим королем-изменником — Карлом I, когда они как бы клещами вырывали уступку за уступкой из прерогатив короны, когда они вынуждены были во имя свободы, хотя и опрометчиво, принести в жертву короля-клятвопреступника?

Верно, на цивилизацию повлиял Генрих VI, блеснувший подобно молнии и тут же угасший; его преемник Ришелье, не упоминая лишь номинального короля Людовика XIII, имел спасительное влияние на все стороны цивилизации в течение своего 18-летнего правления; Мазарини, его ученик, управляя страной в период детства и отрочества Людовика XIV, тоже смотрел вперед. Ну, а те пятьдесят железных лет, прошедших под правлением Людовика XIV? А этот версализм, расточительность, лесть,

забвение не только личных, но также и общественных достоинств, чести и радости человека? Вот что положило начало, организовало, приготовило и пустило в ход тот страшный деспотизм, злой демон которого вызвал столь грандиозные и страшные потрясения во времена событий 1789 и 1793 гг., носивших органический характер. В целях совершенного отрицания влияния школы на характеры, в особенности, когда хотят защищать оклеветанную школу, издавна установилась привычка говорить, что Александр Македонский был учеником Аристотеля, Нерон — Сенеки, а Вольтер — иезуитов. Конечно, человек, который не выяснил себе, кто такой и что представляет собой Вольтер, а только слыхал его имя и считает его плодом школы иезуитов, такой человек должен считать, что философия XVIII века имеет своим источником иезуитство. Но, кто близко знает философов XVIII века, видит, что все они заимствовали свою философию у англичан, ибо три четверти из них годами жили в Англии, на месте знакомились со свободой, и ее сравнение с рабским положением на своей родине зародило в них искру того большого пожара, пламя которого должно было сжечь и поглотить все — и плохое и хорошее — на своем пути.

Французская революция является результатом английской философии; иезуиты и жители континента не были способны создать ее. Правда, Франция до своей великой революции оглядывалась на Англию, но после революции роли этих двух стран переменились: французская революция в свою очередь содействовала прогрессу Англии. Если свобода является самым величественным заветом, то этот завет от натиска тори защитил именно Англию.

Завет этот не надолго перешел в руки Франции, но она не смогла сохранить свободу в надлежащем виде. Трон ее был вновь разрушен, и на развалинах свободы Бонапарт обнажил свой меч. И вновь свобода нашла пристанище на острове, отделенном от Франции узким проливом. С тех пор и до сегодняшнего дня, континент выбивается из сил, то завоевывая, то вновь теряя свободу, Англия с помощью своей конституции, считавшейся несовершенной и действительно обладающей рядом недостатков, еще больше укрепила корни дерева свободы, и все это путем совершенно естественным, путем мирного и спокойного роста, по которому вряд ли настроен итти

кто-нибудь из тех, кто не родился на Британских островах. Ряд недостатков конституции, вредные ее статьи, как и майоратная система, с нашей точки зрения являются весьма постыдными; но спросим англичан и уясним, чем держится в течение стольких веков эта система, мертвой ли буквой конституции или давлением короны? Ни первое, ни второе: она обусловлена самой английской жизнью, для которой является естественным состоянием. Что могут сделать тут виги или тори, парламент или корона? Ясно, пока этот закон о майоратной системе вытекает из духа и убеждения нации, каждое направленное против него нововведение должно ложиться на народ тяжким игом, эксплуатацией и насилием. Да и сумеет ли кто-либо прибегнуть к нововведению?! То, что в глазах англичан является естественным и существует в порядке вещей, может ли быть изменено? Из этого опять-таки явствует, что английская конституция вытекает из духа нации и, не будучи навязана извне, может в пределах определенных понятий действовать нерушимо и последовательно и обеспечить мыслимое и возможное человеческое благополучие.

Нет сомнения, что наступит день, когда майоратная система уничтожится и земля освободится от оков, но разве этим будет достигнут самый совершенный порядок? Франция, земли которой разделены на мельчайшие участки, разве не чувствует тяжести в другой форме этой системы? Единственно благотворным началом является общинное начало, которое существует в России. Но кто знает, когда пробудятся английские и французские Гракхи!

А до того ясно, что майоратная система всей своей тяжестью ложится только на простой народ и не касается среднего класса.

Средний класс, занимающийся мануфактурой и торговлей, не имеет непосредственного отношения к земле, его выгоды и невыгоды, его надежды и страхи связаны с биржей. Покуда же английское правительство во внутренних и внешних делах действует согласно существующим принципам — обеспечить промышленность и торговлю, средний класс народа всегда будет защитником этих принципов. Отсюда ясно, что майоратная система задевает только аристократию и низшие классы. Первая не может дробить свою недвижимую собственность, а обя-

зана оставить ее старшему наследнику, вторые же никогда не увидят земли, так как земля не дробится даже в порядке наследственности и всегда остается в прямом наследовании аристократических родов. В этом и заключается источник той страшной нищеты, которая существует только в Англии.

Следовательно, надо уточнить наше утверждение о том, что майоратная система вытекает из духа английской нации, ибо невозможно допустить мысль, что низший класс когда-либо станет доволен этой системой.

Говоря о нации, мы здесь разумели и разумеем ту часть английского общества, которая так или иначе участвует в управлении государством, политические права которой признаются английской конституцией, ибо английская конституция не является республиканской, как конституция Соединенных Штатов Америки, которая всем членам нации предоставляет политические права. В Англии государственная машина приводится в действие лишь силой первого и среднего классов. Интересам обоих этих классов противоречит любое изменение конституции, которое в той или иной мере может поколебать или по меньшей мере на время приостановить обычное течение вещей. Абсолютно вся полнота власти находится в руках этих двух классов; ни закон, ни конституция, ни даже прерогативы короны не могут быть направлены против этих классов. Они сами меняют законы, корректируют конституцию, меняют порядок престолонаследования, как это было, например, во времена Генриха XIII и Вильгельма III Оранского, меняют религию, словом, сам «управляющий и управляемый» парламент находится в их власти; парламент и устанавливает закон и подчиняется этому закону. Он и отменяет закон и принимает закон; новый закон при этом имеет такую же силу, какую имел старый, отмененный. Одним словом, конституция и законы, будучи живыми, подвижными, дают им неограниченную и полную власть.

Гегель, видя это, приходит в ужас, его малодушие, его бюрократический желудок не в состоянии переварить этого. Вот почему он не ограничивается указанием на существующие недостатки английской конституции, не довольствуется их порицанием, а как бы для того, чтобы еще больше усугубить свою вину перед историей, по мере того как разносит английскую конституцию, воздает хвалу

и поет гимны германскому и прусскому государству,— и это в 1830—1831 годах! Гегель, поистине, по тюркской пословице, скоморошествует не за деньги.

Вот что говорит Гайм словами Гегеля, послушайте, да не внемлют ваши уши зла. «Здесь,— говорит Гегель,— (т. е. в Пруссии) уже совершен труд, который Англии еще предстоит совершить: глубокий ум и любовь к истине прусских государей, равно как и многовековой труд наукообразного просвещения уже осуществили то, чего не могли дать английскому народу его представители. Зависть могуществу королевской власти составляет «самое несокрушимое предубеждение англичан». Даже предполагаемая реформа поведет, как можно заранее предположить, только к гибельным последствиям. Поэтому, если бы даже посчастливилось биллю, о котором теперь идет спор, открыть путь в парламент людям, противоположным господствующей системе, борьба сделалась бы только еще более опасной, потому что между интересами привилегий и требованиями более существенной свободы не было бы никакой средней высшей власти, которая могла бы их сдерживать и примирять. *Только правительственной властью могут быть успешно осуществлены разумные основные начала права и свободы.* В Англии власть находится в руках привилегированного класса. Вследствие этого представители более правильных основных начал должны представлять собой только оппозицию видам правительства и существующему порядку вещей. Самые эти начала не могут выказать своего полного значения во всей своей конкретной практической истине и приложении, как в Германии; но выказывают его только в опасном образе французской отвлеченности, мечты. Осуществление реформ противоречит английскому государственному началу; поэтому едва ли они могут быть осуществлены без сильных потрясений союза государства с обществом.

Считаем лишним опровергать,— говорит Гайм, — эти разглагольствования самодовольного и боязливого бюрократизма. Вскоре после того сама история доказала, как неосновательны были эти темные предсказания насчет Англии, равно и идеализирующее понимание реставративного положения отечества. Но Гегелю не суждено было пережить ни того, ни другого»[1]: Гегель умер от холеры 14 ноября 1831 г.

К этому мы здесь должны добавить несколько слов в порядке объяснений, в особенности потому, что мы за подобные рассуждения Гегеля уподобили его Берку. Но повторяем вновь: Берк был болен и душевно потрясен, между тем как следы последних филиппик Гегеля чувствуются во всей его системе. Что же касается Берка, то в его прошлой жизни, до заболевания, нет таких темных пятен, которые могли бы набросить тень на его безусловное и бескорыстное свободолюбие.

Гайм заканчивает свои лекции следующими словами: «Он умер в средине своей деятельности, на высоте своей славы, в полном наслаждении глубоким уважением многочисленной толпы последователей. После него осталась не только могущественная система, но и могущественная, обширная *школа* (направление). И эта школа в сущности была его созданием и даже частью его философии. Подобная система немыслима без формальной, надежной, организованной дружины. Энциклопедическая по своему содержанию, она, естественно, была пропагандистской по своему внешнему проявлению. Она не знала других пределов, кроме пределов науки; она могла осуществить свое стремление ко всеобщему пониманию только чрез разделение труда. Она могла двигаться и расширяться до бесконечности, с помощью ее диалектики и ее двусмысленности; с ней могли сдружиться люди самых противоположных понятий, и за ее формулами скрываться столько же искренние, сколько и неискренние ее поклонники. По своему принципу она была монархической, замкнутой и исключительной: сама собой она замыкала своих последователей в один кружок с постоянным средоточием и за чувство зависимости вознаграждала гордым сознанием безусловности. К этим свойствам системы присоединилось еще настроение и положение ее творца. Удивляясь в Ришелье и Наполеоне их искусству подавлять отличительные особенности в людях, он в то же время и сам был врагом всякого рода особенностей в мнениях и философствовании. Он стремился подчинить мышление тому же строгому порядку и тому же повиновению, какому была подчинена воля людей»[1].

Продолжая свое изложение и выставляя Гегеля более бюрократичным, чем прусское государство того времени, рассказывая об издании им газеты, о его стремлениях и т. д. и т. п., Гайм высказывает здравые, разумные

мысли. «Но, — говорит он, — сила живой истории и вращающегося в ней духа сильнее всяких ученых партий и крепче всех оков систем. В системе Гегеля именно то, что из нее делает систему и дает ей возможность образовать школу, принадлежит прожитой уже форме образования; что хотело *продолжать жизнь,* должно было *жить долее»*[1].

16 августа, полночь.

«Мы — не последователи Гегеля, а тем менее последователи Шеллинга, но справедливость требует признать, что обе эти системы оказали большие услуги науке раскрытием общих форм, по которым движется процесс развития. Основной результат этих открытий выражается следующей аксиомой: «По форме высшая ступень развития сходна с началом, от которого оно отправляется». Эта мысль заключает в себе коренную сущность шеллинговой системы; еще точнее и подробнее раскрыта она Гегелем, у которого вся система состоит в проведении этого основного принципа, чрез все явления мировой жизни от ее самых общих состояний до мельчайших подробностей каждой отдельной сферы бытия»[2]. «Гегель положительно говорит, что средние логические моменты чаще всего не достигают объективного бытия, оставаясь только логическими моментами. Довольно того, что известный средний момент достиг бытия где-нибудь и когда-нибудь, этим избавляется процесс развития во всех других временах и местах от необходимости доводить его до действительного осуществления»[3].

«Кто был искушен, может и не искушенным помочь», и действительно, если бы средние моменты в каждом случае непременно достигали предметной сущности, то развитие не то что замедлилось бы, но и не было бы возможно. Правда, в природе нет скачков, а имеет место непрерывная сцепленность, но, если в какой-то раз средний момент не осуществляется, эта цепь не обрывается, так как однажды уже средний момент достиг своей предметной сущности, и этого достаточно.

Пока дерево, сломанное бурей или вырванное с корнем, не попало в море и человек не обнаружил, что оно в воде не тонет,— он не мог бы соорудить плота; не соорудив же плота, он не мог бы построить лодку; не построй лодку, он не мог бы построить корабля, а не построив

корабля, не мог бы построить парохода. Где и когда совершались эти опыты, т. е. где и когда эти промежуточные моменты достигали своей предметной сущности — начиная от падения дерева в воду и кончая пароходом,— это неважно, достаточно, что этот процесс однажды уже совершился; и сегодня какой-нибудь дикарь в ходе своей цивилизации не нуждается в том, чтобы начинать от поломанного дерева для постройки парохода, а может начинать прямо с парохода.

Человек, впервые увидевший воспламененное молнией дерево, потом уже сам получал огонь путем трения двух деревянных кусков. Спустя долгое время он изобрел ружье, затем фосфорные спички и т. д. Это последнее изобретение может непосредственно доставаться тому дикарю, который еще добывает огонь трением двух кусков дерева.

Первое положение. Высшая ступень развития по форме совпадает с его началом.

Если какой-нибудь народ достиг высшей ступени развития, то другой народ, находящийся в более жалком состоянии, может достичь высокой ступени без того, чтобы приложить столько же времени и сил, сколько приложил первый народ, и совершенно не встречаясь со средними моментами, через которые прошел первый народ[1].

КРИТИКА „СОС и ВАРДИТЕР“

НАРОДНЫЙ РОМАН г. ПЕРЧА ПРОШЯНА ТИФЛИС 1860 г.

(Памяти любимого друга Х. П. От-на посвящаю)

Он слег, не встать ему
более?.. [1]

Псалом *Давида X. 9.*

1

Оригинальная армянская национальная литература, произведения, верно отражающие жизнь нации, опираются по существу на народное творчество, являются продуктом армянского духа. Произведения, отражающие знания общечеловеческого характера, если даже их создателями являются передовые нации, хотя и делают большую честь нации, богатой таковыми творениями, все же являются собственностью не одной нации, а всего человечества. В оригинальной национальной литературе, то есть в ее художественных произведениях, отражаются дух, быт и нравы народа и столько тонких и глубоких явлений, что история для изображения их немощна и нуждается в помощи поэзии.

О том, какой была поэзия нашей нации в древние времена, мы не знаем ничего положительно, но все же в свете всеобщей истории и истории литературы это понять нетрудно. Так как классическая литература является следствием внутренне связанной исторически сложившейся жизни, а жизнь наших армян никогда, не только в мифические времена, но и гораздо позже, не развивалась в нормальных условиях, то мы должны признать (если не хотим заниматься самообманом и, закрыв глаза, воображать о славе, которая никогда не существовала, даже в те исторические времена, когда Армения была более или менее самостоятельной)[2], что никогда не имели подлинной в европейском смысле поэзии. В те легендарные

времена наша поэзия должна была быть очень примитивной и бедной. Оставя господам, которым охота заниматься нашей какой ни на есть, а то и вовсе не существовавшей поэзией древности, мы считаем своей обязанностью заявить, что «Раны Армении» г-на Абовяна и «Сос и Вардитер» [Прошяна] положили начало нашей современной национальной литературе*. Да, справедливость обязывает нас также заявить во всеуслышание о романе г-на Габриела Тер-Ованисяна под названием «Тер-Саркис», который в 1861 г. печатался в «Юсисапайле» и издание которого, к великому нашему сожалению, по не зависящим ни от автора, ни от «Юсисапайла» обстоятельствам было прекращено. По нашему мнению, эту вещь лучше было бы назвать «Язвы Армении», нежели именем чернориза, которое, повидимому, и послужило причиной ее неудачи. Если когда-либо эта прерванная работа будет продолжена в том же духе и с прежним мастерством, она займет в нашей новой литературе такое же место, какое в русской литературе «Мертвые души». Пусть примет заранее нашу благодарность армянский Гоголь [1], которому мы желаем блестящего будущего.

Нам известно и другое произведение, взятое из армянской жизни, живое и очень трогательное, но, к сожалению, написанное по-турецки, хотя и армянскими буквами. Мы говорим о романе «Агапи» [2]. Наших познаний турецкого языка недостаточно для перевода этой книги, в ней много также непонятных нам арабских и персидских слов, но тем не менее восхищение наше все возрастало, когда мы читали историю этого волнующего и печального происшествия, где благородная девушка Агапи делается жертвой дикого религиозного фанатизма и измены жестоких людей, которым мог бы позавидовать сам Лойола, где благородный ее возлюбленный Акоп-ага, потрясенный трагической смертью Агапи, тяжело заболевает нервной горячкой.

В этом произведении слиты воедино естественность и художественность. «Раны Армении» написаны не с таким

---

* Мы не забыли о великолепных творениях достойного поэта о. Гевонда Алишаняна за подписью Нагапет, его «Аварайрский соловей», «Страна армянская» и другие стихотворения, написанные на новолитературном языке: мы не упоминаем здесь о них, потому что сейчас у нас речь идет о художественной прозе. Что же касается творений поэзии, то достойный ученый не имеет себе соперников. Если умолчим мы, то заговорит его «Аварайрский соловей»... «Пой, соловей, пой вдохновенно — помнит ли Вардан святую клятву смерти?..»

мастерством, «Сос и Вардитер» и того меньше, хотя обеим этим вещам присуща реалистичность. С художественной точки зрения «Агапи» может выдержать самую строгую критику. По своей реалистичности и психологической правдивости роман этот значительно выше новейших европейских романов. Мы жалеем и не можем не бросить упрека вашим константинопольским собратьям в том, что они до сих пор не перевели эту вещь *. Почему автор написал ее на турецком языке? Кто этот благородный автор? Мы не знаем: книга напечатана без указания его имени. Мы были бы счастливы, если бы нам удалось когда-нибудь прочесть на армянском языке это великолепное и благородное произведение!

Излишне добавлять, что перевод этой книги — дело первоклассного литератора, турецкого армянина, российские армяне пусть и не пробуют браться за это.

Но мы отошли от нашей темы. Задача нашей работы — разбор «Сос и Вардитер». Много, много раз и внимательно прочитали мы эту вещь [1]. Теперь обнародуем о ней наше беспристрастное мнение. И в самом деле, нет нужды в лицеприятном подходе. В «Сос и Вардитер» так много подлинных и неоспоримых достоинств, что даже при самом строгом анализе некоторых недочетов, которые кое-где остались в романе из-за невнимательности автора или отчасти по вине окружающей обстановки, тем не менее нельзя не заметить, что его цельность и существенные достоинства остаются неприкосновенными. Так как в этом отношении не может быть никаких опасений и так как наша беспристрастная критика ни в коем случае не сможет умалить достоинств и блеска таланта, мы твердо решили, признавая все его достоинства, отметить проявляющиеся в нем шероховатости. Твердо уверены и надеемся, что наша искренняя и справедливая, хотя и строгая, критика никогда не принесет любимому нашему автору вреда, если не принесет ему пользы.

Можем смело сказать, что уважаемый автор является верным зеркалом описываемой им жизни, в котором отражаются лучи природы. Мы, взглянув в это зеркало, увидели то, что оно отражает, и, зная отражаемую им природу, свидетельствуем о достоинствах этого зеркала. Г-н Прошян исполнил свой долг. Теперь наша очередь стать

---

* Они перевели «Готическую часовню» Александра Дюма. Поистине — нет пророка в собственном отечестве! Что скажешь?

зеркалом и отразить автору его собственное произведение, выполнить своего рода «двойное преломление лучей». Надеемся, что у нашего зеркала ровная поверхность и одинаковая толщина. Надеемся, что ничто не изменит истине. Наша работа так же не прикрашена, как и предмет нашего разбора — «Сос и Вардитер».

Не требуется длительного изучения «Сос и Вардитер», чтобы понять, с каким автором имеешь дело. В каждой строчке романа сверкает кристальная чистота его души. В этом произведении все естественно, своей простотой оно напоминает те чудесные природные источники, воды которых без помощи человеческих рук, без мраморных фонтанов, без римского водопровода бегут по склонам горы и, встречая на своем пути каждую травку, каждый лист, венчают их бриллиантовыми каплями; не замыкаясь ни в какие границы, они текут туда, куда тянет их закон природы, для того, чтобы разлить повсюду свежесть, прохладу и плодородие.

В «Сос и Вардитер» мы имеем прежде всего художественное произведение, роман. Но ни продуманность формы, ни развитие событий не могут даже частично сравниться с его простыми, искренними и совершенно естественными описаниями. Нет слов, это — художественное произведение, но поэт там, где он говорит языком природы, где является лишь переводчиком ее, где описывает то, что видно каждому человеку и что каждый может проверить, там он великолепен, там же, где уважаемый автор, оставя природу, хотя бы на минуту прибегает к помощи воображения и изобретает неестественные вещи, там достоинство произведения снижается и несравненно умаляется.

Вообще изображаемые автором характеры обладают поразительной реалистичностью, но иногда, желая усилить образы главных (считающихся главными) действующих лиц и носясь без устали с ними, он не только мимоходом и слегка говорит о второстепенных лицах, таких, как Ануш, Аршам, он же Гегам, мать Гарегина и др., но и ставит главных действующих лиц в чрезвычайно ложное положение; таковы, например, охота Соса за змеей Шахмар, его молитвы на вершине горы и т. д. Известно, что если автор при данных условиях, обрисовав с исчерпывающей естественностью главных действующих лиц, не обратится к изображению второстепенных характеров и не почерпнет в этом новую силу и мощь для главного героя,

то от этого, помимо того что окажутся безликими второстепенные действующие лица, пострадает, получится бледным и главный герой. Хотя автор и намерен показать быт и нравы целого народа, но, когда он сгущает для этого изображение того или другого главного лица, он обязан не выводить его из границ естественного.

Изображение таких явлений и событий жизни, в которых участвует народ, как, например, храмовые праздники Вардавара и Могни, гаданье, катание яиц, свадьба, прекрасны и величественны, хотя здесь, в описании единоборства Соса с тюрком, Сос снова выходит из своего естественного окружения и природа превращается в миф. Там же, где действуют отдельные образы, где читатель вынужден обратить свое внимание больше на то, что скажет автор, нежели на действие этих образов,— в таких местах природное тускнеет, и автору не помогают ни его воображение, ни его изобретательность.

Одним из больших достоинств г-на Тер-Ованисяна в произведении «Тер-Саркис» является то, что он, за исключением нескольких неизбежных исторических разъяснений и внешних описаний психологического и морального состояния своих действующих лиц, никогда не говорит сам. Действующие лица собственными словами или делами показывают нам, что́ они и кто. Большая разница между тем, что видишь и что слышишь. Автор, который не сам говорит, а заставляет героев действовать и говорить, показывает их нам образно, после чего автора слушать нет необходимости. Писатель же, который не все показывает через действующих лиц, а от своего лица рассказывает о них, заставляет слушать, и впечатление от этого гораздо слабее, чем когда видишь и осязаешь.

«Сос и Вардитер» должно рассматриваться как изображение целого общества, целого села. Такова и была цель уважаемого автора, как говорит он в своем предисловии. И если внимательно присмотреться к этому произведению, то мы увидим, что здесь те, кои называются героями и героинями, играют не бо́льшую роль, чем остальные, если не считать того, что буря разражается именно над ними. В «Сос и Вардитер» представлена жизнь общества, скорее группы, а не составляющие их отдельные лица. Обычаи и обряды как показатели уровня понимания масс играют бо́льшую роль, чем то или иное лицо, которое соблюдает их. При чтении «Сос и Вардитер»

мысль читателя останавливается не только на Сосе или Вардитер, а на многих характерах и происшествиях, в которых Сосу или Вардитер иногда отводится едва заметная роль. Действие в этом произведении развертывается независимо от Соса или Вардитер; здесь действующим опять-таки является общество.

Если произведение г-на Прошяна сравнить с живописью, то мы должны были бы назвать его пейзажем. Главная идея автора — не Сос и Вардитер, а жизнь народа, его обряды, обычаи, предания и понятия. Фигуры же Соса и Вардитер взяты как вспомогательные.

Мы не можем считать «Сос и Вардитер» любовным романом.

Однако это не умаляет достоинств «Сос и Вардитер», а лишь показывает, и это мы отмечаем с радостью, что талант г-на Прошяна более силен и могуч в изображении жизни общества и всего того, что реально; между тем многие писатели стараются, не всегда, правда, с успехом, недостаток в изображении реального прикрывать фантазией. Г-н Прошян, если он останется верен своему дарованию, не нуждается в этом. Его описания настолько правдивы, живы и подлинны, что, если не считать некоторых мелких погрешностей, «Сос и Вардитер» можно считать исключительно верным образом природы, где естественно и непринужденно выступает жизнь общества, его духовные силы, его нравственные и общественные понятия.

Несомненно, на этом произведении не могли не отразиться неопытность писателя, его молодость, но, к счастью, как мы уже сказали, по сравнению с большими достоинствами произведения его недочеты и шероховатости совершенно незначительны. К числу таких недостатков мы относим, например, следующие.

Вардитер страстно влюблена уже два года, уже два года ее сердцем и душой владеет любовь, а между тем у нее недавно только выпали молочные зубы, ей пошел только одиннадцатый год. Если не считать этих двух лет, то окажется, что Вардитер на девятом году жизни почувствовала огонь любви. Все действия Вардитер, душевные переживания, страсть и любовь, сознательное самопожертвование, разумные суждения, а порой и женское лукавство — все это находится в поразительном противоречии с ее возрастом. Мы знаем, есть страны, где девочка в де-

сять лет — уже мать, но страны эти простираются лишь между тропиками Рака и Козерога. Араратская область, славившаяся в старину своими холодами, не обладает свойством указанных стран — там одиннадцатилетняя девочка еще ребенок, что уж говорить о восьми-девятилетней девочке. В этом возрасте ни физическое развитие ее организма, ни умственные и чувственные переживания не могли соответствовать той роли, какая отведена Вардитер в романе. Помимо этого, еще и потому следовало бы, чтобы Вардитер была старше, чем она дана автором, что отец ее Етум — уже беззубый старик; стара также и мать Вардитер. И как будто недостаточно того, что эти старики имеют одиннадцатилетнюю дочь, после нее у них еще родится сын Папак, который учится у Гарегина. Странно, что г-н Прошян впал, как нам кажется, без всякой нужды в подобные противоречия. Если предположить, что он задался целью осудить раннее замужество, то и это неудачно, ибо если восьми-девятилетняя девочка уже влюбляется и в десять-одиннадцать лет готова пожертвовать собой ради любимого, то естественно и раннее замужество, так как оно основывается на душевных и чувственных потребностях. Но у Прошяна мы не видим и признаков осуждения раннего замужества и считаем, что автор допустил невольную ошибку, если не ошибаемся мы сами. Знаю, автор или многие другие могут указать мне на действительность, а именно, что в Араратской стране наблюдается много случаев выдачи замуж одиннадцати-двенадцатилетних девочек, следовательно, мол, возраст Вардитер не представляет собой ничего неестественного. Выдать ее замуж? Почему же нет? Можно. Мы слышали от старушек, что 60—70 лет тому назад и в Новой Нахичевани были такие уродливые случаи преждевременного насилия над природой; но в таком случае Вардитер не могла бы иметь тех физических и душевных качеств, которые ей приписываются и которые необходимо нужно было приписать ей, чтобы в вопросе любви сохранить у молодых людей соответствие чувств. Такой неудачный выбор возраста производит на читателя неприятное впечатление. Точно армянские девушки — дочери старых или новых Вавилонов *, точно они — внучки сладострастной Шамирам.

* Говоря о новых Вавилонах, мы имеем в виду большие европейские города.

Отвращение вызывает сцена, когда одиннадцатилетняя девочка, бросаясь в объятия своего возлюбленного и целуя его, «чувствует себя на седьмом небе» от блаженства. Не следует также забывать, что растление несовершеннолетних девушек* в европейских столичных городах вовсе не является естественным следствием их страсти или любви**, а есть главным образом следствие плачевной нищеты.

Многие бедные или лишенные насущного хлеба родители продают своих дочерей, если не говорить о тех, которые делают это, побуждаемые варварскими целями*** получения денег, расточительства или суетного щегольства, если не говорить о жертвах обмана старух с душою ведьм. О, эти старухи, ведь они ежедневно посещают церковь и так горячо молятся!

---

* Ужасающие примеры этого растления можно найти в произведении Леона Фоше «Очерки Англии», где приведены омерзительные примеры. Из этой книги мы узнаем, что есть города, где из 100 проституток, зараженных венерическими болезнями, шестеро несовершеннолетних, в возрасте до десяти лет. В этой книге приведено следующее свидетельство: «В одной из наших больниц я видел пять несовершеннолетних девочек, больных постыдной болезнью. Первой из них было 13 лет, второй — 12 лет, третьей — 11 лет, четвертой — 9 лет и пятой — 8 лет. Трое из этих девушек потеряли невинность, еще живя под родительским кровом. Они сделались жертвой *совершеннолетних людей*».

Блаженный Нарекаци, увидев царящий в Европе разврат, позабыл бы притчу Иезекииля о двух сестрах в Египте, ибо то, что творится в Европе, — не басня, а действительность, происходящая среди бела дня. Тьфу!

** Мы имеем в виду общее положение. Исключения есть, в особенности там, где на фабриках, в жаре, совместно работают дети обоего пола, с 5—6-летнего, а иногда и более раннего возраста. С одной стороны, на них непрерывно, в течение ряда лет, действует жара, с другой стороны, они видят на фабриках гнусные примеры, слышат от разложившихся взрослых возбуждающие и непристойные слова.

Все это преждевременно будит в них чувственные желания, готовя тем самым гибельный удар для организма. В Англии относящиеся к этой категории подростки обоего пола в возрасте 11—12 лет уже давно лишены невинности.

*** Во Франции одна мать продала свою 12-летнюю дочь, и когда девочка, которой, естественно, гнусно было это беззаконие, оказывала сопротивление, бессовестная мать ударом выбила ей два зуба. Таких примеров в Англии масса. Здесь детей арестовывают за то, что они по воскресеньям играют на улицах. Здесь есть города, где по воскресеньям нельзя безнаказанно свистеть (Леон Фоше). Это — блестящие и неопровержимые примеры того, что религия никогда не в силах внедрить в народе нравственность.

Да, ужасное преступление совершают родители, продавая своих детей в целях разврата, но разве не тяжким является то, что родители, как дикари, варят и съедают собственных детей? Известно, что случается и это во время голода или осады. В исторических летописях нашей нации мы также находим ужасающие примеры этого: «руки несчастных женщин варили детей своих, и это было их пищей»,—говорит историк (Иоанн Католикос, История Армении, Москва, стр. 43). Безысходная нищета не лучше голода и осады [1]. Плакать надо, а не сердиться на этих несчастных родителей и на еще более несчастных их дочерей.

Сказанного о возрасте считаем достаточным, потому что читателю могло бы показаться скучным, если бы мы стали здесь анализировать вопрос о развитии индивидуума женского пола с точки зрения анатомии, физиологии, психологии, проследили бы закон этого развития шаг за шагом до того периода, когда организм получает естественную способность к продолжению своего рода.

Как недостаток можно было бы отметить и характер Аршавира, особенно же его роль. Развязка произведения, говоря по правде, основана на вероломстве Аршавира (если бы Аршавир не нарушил обещания, то он мог бы опорочить происки Тирана). И этот человек, с такой любовью принявший раньше предложение Соса, искренне клявшийся, что выдаст за него свою сестру, неожиданно превращается в смертельного врага Соса. Что Аршавир не обманывал Соса, а хотел выдать за него свою сестру, это видно из разговора Етума и его жены Амаспюр (стр. 203), в котором Амаспюр обвиняет Аршавира в том, что он раньше весьма поощрял выдачу Вардитер замуж за Соса, а теперь отступил от своего слова. Отказ Аршавира и его вероломство играют большую роль в произведении — нити злополучного конца натягиваются и направляются им или под его влиянием. Но, несмотря на все это, нам ничего не известно о причинах вероломства или коварства Аршавира. Эта измена не вытекает из содержания романа и никак не связана с событиями, развивающимися в романе. Заявление Папака — вот и все, что имеется об этой измене (стр. 125). «Знаешь что, — говорит он Гарегину, — все изменилось. Если можешь, прими меры. Не знаю, искренен был Аршавир с вами или нет, но теперь ясно; со вчерашнего дня раз

сто начинал ссору, возьму кинжал, покончу с собой, говорит, а за Соса девушку не выдам. Я должен выдать ее за эчмиадзинца — крестного отца Зайрмайра». Мы согласны, что в грубой, примитивной и некультурной жизни и мгновенное пустяковое недовольство может стать причиной несчастья. Аршавир способен из-за пустяка возненавидеть или отомстить Сосу, но дело в том, что читатель не видит в произведении и признаков для подобного недовольства. Совершенно неожиданно заявление Папака, оно похоже скорее на французское «le roi le veut» [1], нежели на причину естественного явления в жизни или в ее описании.

Мы не можем считать недостатком неразумные колебания матери Вардитер. По пути на богомолье в Парби Амаспюр громогласно объявляет о своем недовольстве домоганиями Соса. «В самое сердце меня поразили», — говорит она своим спутницам (стр. 92) и грозится, что она не выдаст за Соса свою дочь.

В день Преображения, на богомолье, она сама приглашает Соса и, заставляя его в церкви (Хана-ванк) поцеловать Вардитер, обручает его с дочерью. Осенью же в Могнинский храмовый праздник она рассказывает пришедшим к ним в гости женщинам о том, что произошло с Сосом, и при этом добавляет: «Уже не выдаем дочку». Хотя причины этих перемен и указаны в содержании, но они слишком слабы для того, чтобы иметь такое решительное и определенное последствие: либо причины должны быть более сильные, либо последствия несколько слабее. Но мы сказали, что не можем отнести это к недостаткам произведения, ибо все это можно приписать некультурности Амаспюр, от которой можно всего ожидать. Это более правдоподобно, чем то, что Амаспюр по дороге на богомолье публично оскорбляет дочь, заявляя, что поведение парней, гарцовавших на конях, поющих и не отстававших от группы Вардитер, — дело самой Вардитер. «Вы не знаете, — обращается она к богомолкам,— все это дело рук этой нашей негодницы». За несколько минут до этого там же она изливает на Вардитер всю свою желчь: «Дрянная ты девчонка, что мне с тобой делать, почему не померк тот день, когда ты появилась на свет... почему в ту ночь отец твой не пошел на мельницу. Опозорила ты нас на весь свет» (стр. 92). Зная быт аштаракского населения (так же как и быт армянского

народа и то, как хранит армянская женщина свое семейное достоинство), мы не можем допустить, чтобы мать могла так публично позорить свою дочь, тем более что у них гораздо менее значительные вещи почитаются за позор. За кого должна считать мать свою дочь после такого ее публичного оскорбления? Следовало бы об этом несколько подумать. К тому же так поступает Амаспюр, которая выведена в произведении женщиной хитрой. «Это сам черт»,— говорит о ней автор (стр. 116).

Чтобы как-нибудь, хотя бы частично, постоять за честь армян, мы не можем признать верным описание вероломства сестры или зятя Соса, Тирана. Допустим, что Тиран, как подлый человек, мог быть способен на такую жестокость, но как могла сестра по наущению мужа сыграть такую роль в жизни брата, сестра, которая никакой вражды к нему не питала? Более вероятно было бы, если бы сестра, узнав о предательском замысле мужа, тайком предупредила брата. С одной стороны, сильные родственные связи брата и сестры, с другой — каких-то несчастных пятнадцать рублей взятки, а грязи, предательства и позора — с египетскую пирамиду. Не знаем, что и думать! Неужели поверить этому? Кроме того, какой смысл запирать Соса в своем доме и прятать ключ, особенно если иметь в виду, что Тиран, услышав крики Соса: «Откройте двери», со страха не знает, в какой угол прятаться. Остается еще матери Соса некстати выступить в этом деле. Удивительно, что мать Вардитер в истории с кольцом Гарегина играет почти такую же роль в руках Аршавира, какую мать Соса — в руках Тирана. Обе они делаются невольными соучастницами предательства: одна предает сына, другая — зятя. Скажем, автор мог бы частично оправдаться, ссылаясь на простоту нравов, но все это — больше чем наивность.

Если иметь в виду все обстоятельства, то обмен кольцами, о котором мы упомянули, одно из очень неудачных изобретений автора; это совершенно неуместное и бессмысленное происшествие. Что за ребячество: «скажи так или этак», словно выдать девушку замуж зависит от одного Гарегина.

Мы говорили выше, что автор, уделяя все свое внимание главным действующим лицам, лишает нас многих интересных сведений. Очень многое происходит в семье у Гарегина, о которой мы почти ничего не знаем. В двух-

трех местах, как нечто безмолвное, появляется мать Гарегина, что же касается его брата, то мы узнаем лишь его имя, имени же жены мы и вовсе не знаем. Едва два-три раза встречаемся с Ануш, слышим ее разговор с Вардитер в церкви в день вербного воскресенья и во время сбора листьев для шелкопряда и с Сосом из-за фиалок и гаты [1]. К сожалению, больше ничего о ней читатель не знает. То же и со старшим братом Соса — Паретом. Он появляется всего раза два, а жены его мы вовсе не видим. Младший же брат, Аршам или Гегам, после нескольких раз бесцельного появления заканчивает отведенную ему роль в саду в тот вечер, когда гонят водку. Об этом мы особенно сожалеем, потому что в лице Аршама автор изображает скептическое направление молодого поколения [2]. Мы очень хотели бы знать, насколько это небесное и спасительное направление распространено в тамошнем армянском обществе. Как и раньше было сказано, мы не считаем недостатком незначительную невнимательность автора, из-за которой брат Соса назван то Гегамом (стр. 48), то Аршамом (стр. 35, 165). Также и Етум, говоря о Сосе, то говорит, что их три брата (стр. 98), то — что их четыре (стр. 172). Эти противоречия мы не считаем недостатком, ибо они не портят хода действия, хотя было бы лучше, если бы их не было. От того, назывался ли брат Соса Гегамом или Аршамом, было их трое или четверо, ничего не меняется. Но нас огорчает скупость автора, когда дело доходит до ознакомления читателя со второстепенными персонажами. Братья Вардитер, за исключением Аршавира и Папака, остаются совершенно в тени. А что касается их жен, то ведь известно, они не имели права разговаривать: они «немые» [3].

Желательно, чтобы отсутствовали и другие недостатки, например: а) рисунок Гарегина на яйце. Мы бы ничего не сказали, если бы, черт с ним, он написал на яйце только одно слово, или одну картину, или, самое большее, нарисовал бы один момент какого-нибудь происшествия, но какой ужас! Содержание рисунков сливается в такое множество различных по характеру подвижных и динамических образов, что там имеется материал по крайней мере для десяти картин. Одно лишь их описание занимает более страницы! Не говоря о том, что не дело какого-то жалкого дьячка толковать эти картины; б) пу-

стые сны. Мы их считаем не только излишним привнесением в содержание, но и очень неудачным способом замены естественных событий. Автору точно не хватает творческого воображения и он прибегает к искусственному приему, чтобы заполнить бумагу. Не следовало бы также приводить рассказ Соса брату своему Парету о том, как он влюбился в Вардитер во сне, о неуместном и таинственном вмешательстве старика и т. д. Это напоминает то место в «Ранах Армении», когда Муса во сне влюбился в Рипсиме, которую он не видел и никогда не знал[1]. Не знаем, что и думать о подобных вещах, но, так или иначе, относим это к определенным недостаткам и бедности воображения. Кроме того, вряд ли можно допустить такую наивность слушателя (быть может, мы и ошибаемся в этом), который принял бы за чистую монету эту начавшуюся во сне и реализовавшуюся в жизни любовь. Однако как бы там ни было, «да простятся вам грехи ваши».

Совсем неоправданно превознесение Гарегина. Судя по его делам, он этого недостоин. Автор склонен сильно приукрашать его образ, но Гарегин своим поведением во многих местах подводит автора, и мы видим, что это не более чем жалкий дьячок.

Выше в двух словах мы отметили неудачное описание молитвы Соса на вершине скалы. Считаем этого достаточным, чтобы не упоминать больше о неприступности скалы, о чтении нарека Ефрема-Хорина, псалтыря, о стертых от коленопреклонений Соса камнях, о сердечных излияниях Гарегина, свечах югабер[2] и др. Но мы вынуждены все же сказать, что Сос, насколько мы его уже знаем, вообще слишком далек от подобных вещей. И мы удивляемся, для чего понадобилось искусственно наделять Соса, этого веселого, трудолюбивого, любящего человека, несвойственными ему ложными качествами.

В «Сос и Вардитер» есть места, где широкий простор отводится фатализму. Одинаковый жребий выходит Сосу и Вардитер, которым не было суждено исполнение их желаний. Конечно, можно сказать, что это случайность; мы согласились бы с этим, если бы автор этим жребием не предуказал готовящуюся разразиться над их головами бурю. Но это еще не все: «...бедный парень, зря изводишь себя, думай о чем хочешь, но только не об этом, бог создал ее не для тебя... свершится то, чему суждено, предопределение ничем не стереть; даже сто лет тому назад

умерший может ожить, все может превратиться в развалины, но книга судеб останется неизменной, делай, что хочешь. Увидим» (стр. 25). И далее: «...ходи, пока не исходишь всю кожу на подошвах, ходи, сколько душе угодно» (стр. 66). «...так рассудили они про себя, но господь знает свое дело...» (стр. 204).

Эти слова в романе приписаны не действующим лицам, что было бы им простительно, ибо автор не виноват и не ответственен, если в народе живут еще такие представления: он взялся изобразить то, что есть в народе. Но беда в том, что автор говорит это от своего имени. Как художник автор не имеет права преждевременно, и от своего имени, приподымать завесу в будущее. Как образованный человек, тем более как писатель, он не имеет права лить воду на тернии и шипы темных времен, выросшие на почве невежества.

Мы верим, что не только аштаракцы, но и многие тысячи других армян, прочитав слова П. Прошяна, не только не усомнятся в этой философии, но, как это принято у араратских жителей, скажут, что эти слова достойны евангелия.

Как понять данный Тираном талисман и исполнение того, что было в нем написано? Точно какой-то хозяин повелевает, а слуга покорно и дословно выполняет веление своего господина. Мы знаем, что наш народ, как и всякий другой, не считая его просвещенной части, верит в колдовство. Мы не оспариваем этого. Но вредные и ложные предрассудки и вздор нужно ли сохранять или, наоборот, объяснять чудесное законами природы, рассеивать средневековый туман, открывать народу глаза, внушать ему больше веры в себя, в свое человеческое достоинство, в свою жизнедеятельность — вот в чем вопрос? По существу не талисман Тирана, а его предательство разрушает все. Коварство Аршавира пришлось ему на руку. Но как простому народу, и без того расположенному к вере в колдовство и злых духов, не приписать такую развязку романа силе талисмана, когда после смерти Вардитер находят у нее на груди этот талисман и когда пророчество полностью совпадает с настоящим происшествием, оказавшись предвидением? Как было сказано раньше, мы не имели бы ничего против почтенного автора, если бы он изобразил то или иное действующее лицо верящим колдовству, это естественно не только для нас армян, но и

для европейцев, и до такой степени естественно, что не только инквизиция, но и европейские правительства даже в протестантских странах, твердо веря в общение колдунов со злыми духами, до того боялись так называемых колдунов, обманщиков или часто оклеветанных в колдовстве несчастных людей, что безжалостно присуждали их к смертной казни*. Но П. Прошян о таких вещах говорит

---

* В 1783 г. в Германии в последний раз была присуждена к смерти колдунья, но в 1893 г. на границе Польши и южной Пруссии вновь появились две колдуньи. А сколько их было предано сожжению раньше — об этом могут свидетельствовать следующие факты. В Брауншвейге в 1590—1600 гг. сжигали столько колдуний (иногда по 10—12 в день), что площадь казни походила на охваченный пожаром лес. В Рейсском княжестве за 12 лет, 1640—1652 гг., тысяча женщин была приговорена к смерти: среди них были и дети от годовалого до шестилетнего возраста!! В Оснабрюке в 1640 г. до 80 женщин были сожжены на кострах. В Верденфельском графстве только за неделю были преданы огню сто тридцать три колдуньи. В 1832 г. в Данциге толпа безжалостно утопила в море несчастную женщину, о которой шла молва, что она колдунья. В 1854 г. в одном из сел Шлезвига отказались сопровождать на кладбище покойницу-старуху, которую считали колдуньей (профессор и доктор медицины Бок, см. русский перевод его произведения — «Будьте здоровы», 80, 1862, СПБ, 13 и 14 стр. Приходится сожалеть, что ученый немец не указывает, откуда почерпнул он эти интересные сведения). Свидетельством того, что в старое время даже великие люди верили колдовству или были вынуждены притворяться, что верят, является тот факт, что в 1584 г. поспешивший в Тюринген для спасения своей матери от костра великий и бессмертный астроном Кеплер сумел это сделать только лишь благодаря тому, что доказал, что его мать никогда не знала искусства колдовства и что дух колдовства ей никогда не покорялся. Кеплер вовсе не старался отрицать существование колдовства; защищая свою мать как совершенно невежественную в колдовском искусстве, тем самым он молчаливо признал существование этого чудесного искусства. Нам тяжело принять, что такой человек, как Кеплер, мог поверить подобному делу, но истина — что если бы он стал отрицать существование колдовства, его мать была бы сожжена. Тетка его матери еще за несколько лет до этого случая была сожжена на костре как колдунья (это сведение берем у Либиха и Араго).

В Англии в последний раз сожжение на костре по суду произошло в 1712 г., когда в г. Нордемидь было повешено пять женщин, обвиненных в колдовстве (см. Paris Works, Vol. IV, p. 182).

В Испании в последний раз в 1781 г. по приговору суда была сожжена одна колдунья (см. Tiknor's Hist. of. sp. lit, Vol. III, p. 238). (Эти два свидетельства заимствуем из бессмертной работы знаменитого Buklés — His. of Civilisation in England.)

Из этого свидетельства мы узнали лишь о последнем случае смертной казни по *судебному решению* в Испании, но из этого не надо делать вывода, что после 1781 г. колдуньи остались вовсе безнаказанными. Испания была не такая страна, чтобы дать скоро место

от своего имени и так описывает упомянутое нами происшествие, точно весь смысл романа не представляет ничего иного, как показ сущности колдовства и его действия. Нам кажется, что мы вправе осудить это направление, особенно, если вспомнить, как вредны такие вещи

гуманному просвещению: слишком глубоко вкоренилась инквизиция в ее правопорядок и слишком долго не прекращалось ее вредное влияние. Если верить некоторым историкам, то испанцы даже во времена самой лютой инквизиции скучали (досадовали), если несколько запаздывали аутодафе христианского священного судилища. Их легкие привыкли вдыхать дым от человеческого тела. У них глаза не слезились от густого дыма, поднимающегося от костра, на котором сжигались несчастные мученики. Вот почему так медленно отступало религиозное варварство. И действительно, колдуньи ничуть не остались безнаказанными и после 1781 г., их присуждали попрежнему, верно, не к сожжению, а к публичному поруганию. Выдающийся Франсуа Араго, незабываемый и знаменитый член Парижской академии наук, ее незаменимый секретарь, со свойственным ему красноречием пишет в своем жизнеописании (гл. XV): «В 1807 г. в Валенсии еще существовал и время от времени функционировал инквизиционный суд.

Правда, уважаемые отцы не сжигали людей, но выносили гнусные и издевательские решения. В мое пребывание в этом городе священный суд занимался делом одной колдуньи. Посадив женщину на осла, лицом к хвосту, возили ее по всему городу. Женщина была оголена до пояса. Из приличия смазав тело ее каким-то клейким веществом, как говорят, медом, они покрыли его (тело) легкими и мелкими перьями. Бедная женщина походила на курицу с человеческой головой. Торжественное шествие в сопровождении многочисленной толпы остановилось на некоторое время на площади перед собором, где была моя квартира. Мне передали, что женщину избили, ударяя ее лопатой в спину; но не могу подтвердить все это, ибо во время хода гнусной процессии меня дома не было. Такими вот зрелищами в начале XIX века услаждали жителей в одном из главных городов Испании[1], где имеется знаменитый университет», и т. д.

Известный германский химик Юстос Либих в своих письмах о химии (4 изд., 1856 г., Мюнхен) пишет так: «Нетрудно понять, что таким путем (мучениями) многих вынуждали признать, что они колдуны. Ныне нет костров для колдунов. Но не потому, что не верят в их существование, а по той причине, что мы, будучи лучше знакомы с природой, знаем, что все то, в чем эти несчастные признавались преступными, надо приписывать не сатане, а естественным причинам. Тысячи подобных несчастных были обезглавлены на эшафотах руками таких людей, которые защищали учение о существовании колдовства.

Когда же впоследствии начали исследовать и с точностью проверили причины и факты, на которых основывались судьи, то нашли, что мнения, подтверждавшие существование колдовства, были основаны *на ложных разъяснениях, ложных толкованиях и ложных свидетельствах*» (см. письмо 248)[2]. Поздравляем г-на Чамурчяна.

Во всех странах, где воцарилось христианство, обманщики, названные колдунами или оклеветанные в колдовстве, несчастные люди,

для простого, наивного народа. Писатель обязан прояснять сознание народа, развивать его, рассеивать туман предрассудков и суеверий.

до конца XVIII века преследовались безжалостно и поголовно, гнили в подвалах, были повешены, обезглавливались, сжигались на кострах. Воистину, содрогаешься, когда вспоминаешь, сколько невинных жертв дало человечество идолам невежества и тьмы! Содрогаешься, когда вспоминаешь, что многие сделали все это не из невежества, а из фарисейского фанатизма и именем христианства, того учения, основу которого составляет любовь и взаимное прощение, учения, основоположник которого умер во имя того, чтобы люди жили. Мог ли предвидеть божественный учитель, что придет день, когда осквернители его учения осквернят кровью миллионов людей и подножие его креста? Относилась ли и к этим палачам его мольба: «Прости их, господи, ибо не ведают, что творят?». Это ужасно! Но другое, новое и странное чувство приходит на смену ужасу, когда думаешь, что именно с того дня, как женщина легкого поведения, стоя «в костюме Евы» на алтаре Нотрдам, приняла поклонение толпы, а на другом алтаре мадам Лавуазье сожгла целую систему флогистона, пока под сводами церкви звучали мирные звуки органа, да, именно, с этого дня погасли костры, были оставлены в покое бедные колдуны, и само колдовство, потеряв навсегда право на существование в умах людей, стало нуждаться лишь в защите жалких софистов.

Все же, г-н Чамурчян, поройтесь в заржавелом арсенале грязного и законченного фанатизма! И вы, ученики г-на Чамурчяна, помогите ему... он стар. Нам понятно ваше горе. И как вам не горевать, как вам не страдать — «завеса сброшена», ваш век проходит, дни ваших принципов сочтены и в нашей нации. Знаем, ваше поведение — это ваши предсмертные судороги. «Даже медведи, когда над ними нависает опасность смерти, оказывают ей яростное сопротивление»[1],— говорит *наш* святой Егише вардапет. Но пока что знайте наперед, если вы думаете заполнить страницы ваших опозорившихся, жалких газет эпитетами вроде: неверующий, атеист, протестант, еретик и всякое другое — для нас это не имеет никакого значения. Если имеете сказать нечто более достойное, говорите; эпитеты же эти *не подействуют,* на них теперь спроса нет. *Понятно вам?*

Подите, преклоните колена перед «Домом еретиков»[2]. Не бойтесь, приложитесь к порогу его. Он свят, его не осквернила человеческая кровь, как порог проповедуемой вами *инквизиции.* Войдите, там нет костра, следовательно, ничто не угрожает вам. Быть может, Мечухеча́ из вежливости еще и угостит вас кофе, и вы придете в себя. Но... прости, господи, — именно потому, что дом редакции Мечухеча не осквернен кровью, именно потому, что там не сжигают на кострах, именно потому, что там почитаются настоящие человеческие, христианские, а не звериные принципы или страсти, г-н Чамурчян называет его «Домом еретиков» и проходит мимо.

Слово «наш» по отношению к Егише вардапету я написал курсивом для того, чтобы отличить его от облаченных в рясу друзей Чамурчяна — Ванци Погоса, Тер Папа и подобных, чьи имена нам неприятно вспоминать и с которыми мы не имеем ничего общего. «Дом еретиков» их не знает; они правоверные и, следовательно, они то, что нужно г-ну Чамурчяну,— «твоя тебе да воздастся».

И попранное право просвещения, точно в отместку автору, ввергает его в логическое противоречие. Во время поста св. Креста Сосу становится ясным предательство своего зятя и своей сестры. Трудно допустить, чтобы после этого Сос продолжал доверять Тирану, и до такой степени, чтобы принять от него талисман и послать его Вардитер тайком от Гарегина.

Выше было сказано, что слабыми местами «Сос и Вардитер» являются те, где автор, выйдя за пределы естественного, прибегает к помощи сверхъестественного. Мы привели несколько примеров этого, но они взяты из наиболее бросающихся в глаза ситуаций.

Теперь перейдем к развязке. Момент развязки в ходе событий по всей справедливости требует от автора большого умения и мастерства; именно здесь должны быть сведены концы всех нитей романа, с большой естественностью соединены, собраны и сосредоточены, как лучи солнца, проходящие через увеличительное стекло, чтобы сразу все засветилось. Между тем развязка по сравнению с достоинствами всего произведения дана очень слабо, более того, она неправдоподобна. Правда, основной замысел автора — не история Сос и Вардитер, как об этом сказано, а описание жизни Аштарака. Но тем не менее, раз он взял, хотя бы как вспомогательную линию, страстную любовь Сос и Вардитер, то надо было бы дать более реальное описание печальной развязки этой трагедии.

Неправдоподобно, когда одиннадцатилетнюю Вардитер в результате душевного потрясения разбивает паралич. Неестественно, когда у находящегося при смерти, разбитого параличом человека нормально функционируют мозг и нервы. Если его мозг и нервы в таком состоянии, что он может спокойно разговаривать, рассуждать, не терять памяти, видеть, слышать,— отчего же он умирает? Что у него парализовано, ноги или руки? При таких обстоятельствах он может прожить много лет. У него парализованы легкие или сердце? Тогда он должен был бы тотчас же умереть, а не жить недели. Паралич же других внутренних органов должен был если не убить его тотчас же, то послужить причиной расстройства функций мозга и нервов.

Что касается Соса, то он находится в весьма ложном положении. Холодной зимой по глубокому снегу бродит он по склонам Арагаца[1] босой, с непокрытой головой. Он

спускается в долину, купается, борется с лисицами и волками. И несмотря на то, что он ищет смерти, его не покидает забота о сохранении жизни — апараницы встречают его «отыскивающим корни трав и жующим их». Вот уже неделя, как его разыскивают аштаракские парни, видят его, но не решаются подойти. Наконец, спустя две недели с ним встречается Гарегин, и Сос подходит к нему. Гарегин вразумляет его, убеждает вернуться домой, и Сос возвращается. Пробыв две недели на холоде и в снегу, купаясь в холодной воде, отдыхающий среди льдов, голодный, он все-таки не потерял цвета лица, здоровье его от всего этого не пострадало. Когда же он, сидя дома, узнает о смерти Вардитер, то вздыхает глубоко, падает и, склонив голову на грудь Гарегина, просит похоронить их (его и Вардитер) рядом; просит утешить мать, передать братьям его последнее «прости» и самому не печалиться(!). Затем, подняв глаза к небу и сотворив молитву, он испускает дыхание. О том, чтобы их похоронили рядом, просила и Вардитер тогда, когда Сос еще был жив. Наш почтенный писатель здесь наделяет свою Вардитер достоинствами дочери Фанвела.

У нас нет желания поставить под нож критики все эти неестественные и слабо описанные происшествия — это заняло бы много места, статья наша и без того затянулась. Пожалуй, было бы излишне останавливаться на этих очевидных слабостях, тем более, что сам почтенный автор и читатель при внимательном чтении описанных происшествий, точно воспроизведенных нами из подлинника (стр. 218—222), сами увидят замеченные нами неестественности и противоречия. Мы ограничиваемся лишь заявлением, что такая неестественность развязки — удар по построению романа.

И разве недостаточно прекрасной, короткой и выразительной эпитафии:

Здесь спит любовь меж диких роз,
Злой человек ей смерть принес.
Пускай же тот, кто здесь пройдет,
Помянет Вардитер и Сос,

что автор дает еще никчемный плач Гарегина.

Во всем произведении нет более неудачного и бездушного стихотворения, чем этот плач Гарегина. И это очень естественно, ибо для автора произведение уже закончено, оно уже не вдохновляет его. Но, когда совершают насилие

над собой, чтобы еще написать что-либо, ясно, получается то, что получилось с плачем Гарегина.

Конечно, национальные предания следует, насколько возможно, извлекать из-под спуда и вековой пыли, но только такие, которые, имея историческое значение, могли бы на почве национальной жизни развиваться, цвести и давать плоды. К таким преданиям относится предание о кузнецах [1], бьющих молотами по наковальне, чтобы помешать Артавазду выйти из темницы и разрушить мир (стр. 42). Большую радость приносит сознание того, что до сих пор почитается это античное предание, хотя оно тоже приобрело религиозную окраску: так, обряд совершается только вечером, в святую пятницу. Но как бы то ни было, это предание живо, оно носит исторический характер, при воспоминании о нем встает перед глазами вся армянская страна, над которой пронеслось уже много веков.

Признаться, предание Аканатеса [2] не имеет подобной ценности. Несомненно, автор его не сам сочинил, он взял его у народа, но еще раз повторяем сказанное несколько раз выше, что задача науки и просвещения вовсе не в том, чтобы проповедовать тьму прошлого как нечто светлое, не разбираясь, преклоняться перед всем, что лежит под тяжестью веков, задача заключается в том, чтобы разогнать эту тьму. Нам кажется, что в подобных целях требуется осторожность, и автор, изображая подобную вещь, обязан так ее дать, чтобы в XIX веке не раздалось эхо наиболее темного VIII века. В средние века вода могла по мановению волшебного жезла течь в любом направлении, хотя бы и в гору, но с того дня, как Галилей сбросил свои мячи с Пизанской башни, с того дня, как тяжесть была признана общим свойством всякого тела, с того дня, как был открыт закон о том, что давление жидких и газообразных тел во все стороны одинаково, с того дня, как была измерена степень давления воздуха и было опровергнуто положение о том, что «природа боится пустоты»*, с того дня, как Ньютон нашел закон центробежных сил, с того дня вода уже не покоряется волшебным жезлам или Аканатесам. Поэтому-то воды Далмы близ Еревана, которые должны были по прорытому каналу течь в направлении к Эчмиадзину, сегодня не могут таким чудесным образом перевалить через высоту Юч-Тепелира и бежать в

* „Natura horor vacui".

Эчмиадзин, чтобы избавить бедных монахов от грязной воды Сар-Канкана, кишащей змеями, лягушками и бог знает еще чем.

Сейчас, если наука еще и не проникла в народ, то все же уже слышится глухой гул в наполовину парализованных легких, которые чувствуют потребность в свежем воздухе. Мы живем в знаменательные времена. На нас лежит великая обязанность оживить деятельность этих легких, вдохнув в них здоровый воздух. Хватит, сколько расслабляющего яда проникло в них, нам надо теперь пустить в дело противоядие.

Мы—народ не средневековый. В средние века мы пали. В средние века мы потеряли свое богатство. Не может быть ничего, относящегося к средневековью, что имело бы для нас полезное и спасительное значение. Мы не обязаны сохранять осевшую на нас в средние века ржавчину. Есть народы, начавшие свою жизнь в средние века. Они крепко связаны со средними веками, и если на них проглядывает ржавчина тех времен, они могут еще оправдаться, ссылаясь на историю: они открыли глаза, находясь в покрытой ржавчиной колыбели. Наше отношение к средним векам не таково. Мы — народ античный. Если мы как христиане и не античны,— ибо христианство в первые три века в Армении не имело права гражданства,— то во всяком случае мы принадлежим к народам, которые сложились в конце античных и в начале средних веков. Что могут нам напомнить средние века? Разрушение, порабощение, резню, кровь, пожарища, голод, мрак и смерть. Вот что принесли нам средние века. Под этой тяжестью и сегодня гнутся армяне. Скинуть с себя этот груз — вот наша задача! Отречение от духа средних веков не принесет нашему народу, нашей религии никакого вреда; наоборот, это есть единственное условие для продвижения вперед *. Смелый Ламбронаци по другому поводу восклицает: «родившихся от халдейского семени детей —

* Вообще враги опытных или естественных наук основывают свое невежество или узость взглядов на ложном учении, будто эти науки приносят вред религии. Это непростительная ошибка, так как апостол говорит: «ибо невидимое его, вечная сила его... через рассматривание творений видимы». Так почему же боятся исследования этого творения? Естественные науки доходят до начала вещей. «Если мы захотим пойти еще дальше, то увидим единственную причину причин — бога творца». Катрфаж — «Превращение в мире животных», см. последние строки этой превосходной работы[1].

разобьем о камни». Мы несколько переиначиваем слова блаженного нашего вардапета и восклицаем: «родившихся от семени средних веков детей — разобьем о камни». Предоставим новым западным народам предаваться сладостным воспоминаниям о средних веках, об остатках своих древних рыцарских замков, зубчатых стенах и готических храмах, если только они могут сделать это, потому что и они, хоть и свободны от Рима, тем не менее не всегда шли по пути, устланному розами. А мы, ставшие жертвой средневекового мрака, при виде развалин наших крепостей, городов и храмов не можем иметь сладостных воспоминаний о средневековье.

Знаем, что века проходят не даром, т. е. оказывают свое влияние на народы,— мы этого не отрицаем. Но в чем же наша роль? Что такое цивилизация, status quo? Возводить в святыню все эти влияния, оставившие и до сегодня свои следы в народе, всю эту, как говорил Даниил, «скверну разрушения», преклонять без разбора колени, курить им фимиам из-за того, что одному из них насчитывается тысяча лет, а другому — пятьсот, или уничтожить их так, чтобы даже следов от них не осталось,— вот в чем вопрос. И если мы должны связать себя с этим темным прошлым, если, признавая нашу болезнь, мы тем не менее должны привить себе средневековый гной как профилактическое (от чего?) средство, если даже причину нашего несчастья мы должны считать средством лечения, то что же нам разговаривать о культуре и просвещении, склонять слова прогресс и цивилизация?

Прекрасно говорит в своих письмах замечательный Либих: «Фантазия в сотне тысяч случаев создает сто тысяч заблуждений, и нет ничего столь вредного для прогресса науки, ничего более затемняющего понятия, как старое заблуждение, так как чрезвычайно трудно опровергнуть ложное учение, потому что оно основано на том убеждении, что *ложное — справедливо*»[1]. Все системы средневековья основаны на этой, подчеркнутой нами мудрости.

Мы знаем из опыта и десятки раз проверили это в различных работах, что наш простой народ часто более свободен от ярма средневековья, нежели наши почтенные образованные люди. От средних веков до сегодняшнего дня прошло несколько столетий; и если века проходят не даром, то и время, протекшее после средних веков, естественно, так или иначе ослабило влияние, оставленное

ими на нашем народе. Да, многое было вовсе позабыто. Но наши господа, непрестанно барахтаясь в дегтярной бочке средневековья, во имя нации и просвещения бредят средними веками, стараются возобновить и закрепить за нацией власть этого мрака. В чем смысл этого? Чего они думают достигнуть этим?

Смысла нет, а надежды их — это результат легкомыслия. Подобные господа пусть хорошо изучат всеобщую историю и в связи с ней историю нашего народа, но не по книгам мхитаристов, а по первоисточникам и критически. Пусть перероют историю всеобщей литературы, историю цивилизации новых и просвещенных наций, законы этой цивилизации и условия, сопровождавшие ее развитие, тогда они сами увидят бесплодие средневекового направления и чрезмерное его убожество. Но это изучение может удаться только новому или будущему поколению, наши же мудрецы не имеют общего ни с настоящим, ни с будущим, и не о них идет у нас речь. Мы и не хотим нарушить их сон; «спите и отдыхайте»,— говорим мы им.

Бесполезное средневековое направление своим бесплодием пожирает силы живой нации, не давая никаких результатов. Оно напоминает каменное яйцо, оставляемое в гнезде, как подкладень; если бедная наседка, лишившись по жадности хозяев всех снесенных ею яиц, сядет на прежнее место (не будь каменного яйца, она все равно сядет), то, как вы думаете, из камня вылупится цыпленок? Ведь, бедная, она зря расходует свое тепло и даже может погибнуть. Нечего и говорить о том, что не только все эти рассуждения, но даже незначительная их доля вовсе не касается нашего автора, потому что он не посвятил себя наподобие другим софистике и донкихотству (мы рады этому, и слава богу), потому что есть люди, достойные нашего справедливого обвинения, перед которыми мы до сего дня пребываем в долгу.

Здесь мы хотим сказать несколько слов о народных преданиях. Хотя мы и не знаем, откуда и отголоском какого обряда является предание о Нурин[1], рассказывающее о борьбе с засухой, но во всяком случае думается, что оно древнего происхождения. Нас очень заинтересовало это предание, тем более что оно весьма глубоко укоренилось в народном сознании и пользуется у него большой популярностью. «Эти наши негодные дети,— жалуясь на засуху, говорят между собой аштаракцы (стр. 66),— даже

Нурин (Лазаре)* перестали носить по улицам, чтобы бог смилостивился и помог нам». Отсюда мы делаем вывод, что это — обряд примирения, который должен совершаться только руками детей, олицетворяющих невинность(?).

«Дети,— рассказывает автор (стр. 69),— изготовили Нурин и начали водить ее. Двое держали ее за руки, один брал мешок, другой — глиняный горшочек. Они обходили дома и, остановившись перед дверью, говорили:

Вот Нурин, Нурин пришла,
Вот красавица пришла,
Словно маков цвет, ала,—
Стан свой шалью обвила,
Тело маслом умастим,
Лоб водою окропим.
И Нурин мы угостим
И попьем и попляшем.

«Женщины,— продолжает автор,— обливали голову Нурин водой и давали детям рису, масла, яиц, чтобы они повеселились».

Выше мы сказали, что этот обычай, очевидно, древнего происхождения. Безусловно, это лишь предположение, но мы высказываем его, ибо следы этого предания имеются и в Новой Нахичевани. По крайней мере много лет назад я это слышал от старух. Насколько помню, там стихотворение несколько изменено. Там его произносят, совершенно не связывая с каким-либо обрядом. Помню лишь следующие четыре строки:

Нурин, Нурин, Назарет,
Эй, гляди, Нурин пришла,
Нарядилась в красный цвет,
Стан свой шалью обвила**.

Что еще делала Нурин, я не помню, но знаю, что было еще несколько строк. В Нахичевани нет никакого предания об этой Нурин. Помню, в детстве я много раз надоедал старушкам, прося рассказать мне, кто эта Нурин, или Назарет, но не получал никакого ответа, ибо они и сами ничего не знали. Надо удивляться, что здесь хоть в таком виде сохранилось это стихотворение, особенно, если

---

* Что обозначает — Лазаре, нам непонятно, как непонятно и Нурин.

** Есть ли связь между этим Назаретом и Лазареем — или это простое сходство?

вспомним, что нахичеванцы — анийцы и переселились из Армении в четырнадцатом веке. Ясно, что предания и другие произведения народного творчества, не связанные с религией, должны были исчезнуть, но все же в Нахичевани можно найти разные, хотя и мелкие, остатки обрядовых песен и стихов о богородице и других святых. Крестьяне, которые прежде отличались бо́льшим пристрастием к преданиям, чем теперь, сохранили различные песни, особенно свадебные, известные под названием «танец».

Сохранил ли Аштарак вместе с обрядом Нурин также и какое-либо предание или представление о личности Нурин или об этом странном обряде, и если сохранил, то каково его содержание? Кто или что такое Нурин, по мнению аштаракцев? К сожалению, автор об этом ничего не говорит. Если предание исчезло, то автор, несомненно, не ответствен за это, но и в таком случае было бы нелишне дать какое-либо пояснение, хотя бы и отрицательного порядка. Надеемся, что уважаемый Прошян в другой раз даст больше таких сведений и продолжит дело, начатое им с большим мастерством. Мы прекрасно знаем, что романом «Сос и Вардитер» не исчерпываются материалы автора, тем более что есть еще много такого, чего перо писателя пока еще не коснулось.

Нас особенно заинтерссовала чудесная лампада на Арагаце, и о ней мы хотим сказать несколько слов.

Признаемся, до сих пор мы не встречали ничего об этой лампаде ни в классической литературе, ни даже в каком-либо литературном памятнике. Все, что мы знаем об этом,— это дошедшее до нас устное предание. Весьма распространенные среди армян рисунки Эчмиадзина донесли до нас также созданные воображением образы Масиса и Арагаца. Говорим — воображаемые, ибо ни Масис, ни Арагац[1] не похожи на эти рисунки. Масиса всегда изображают обязательно с каким-то нелепым строением на его вершине, без этого и невозможно — это Ноев ковчег, а Арагац — с лампадой, висящей над ним в воздухе. Когда однажды еще семи-восьмилетним ребенком я спросил у своего «варпета»—учителя о том, что это означает, он самодовольно и уверенно ответил мне: «когда святой Григорий Просветитель поднимался на эту гору для чтения Нарека в ночном уединении, то по его повелению в воздухе тотчас же появлялась лампада, которая

ему и светила, пока он читал». Не знаю, в чем я провинился, но когда я спросил: «Халфа (учитель), кому же он повелевал» — то в ответ получил розги; так что, страдая от ударов, про себя я проклял и своего учителя и рассказ о лампаде. Быть может, в других местах это предание сохранилось в несколько ином виде, не спорим, тем более что мы не читали о нем ни в одном письменном памятнике. Я передал со всей чистосердечностью лишь то, что слышал от своего учителя.

Нет на свете предания, у какого бы народа это ни было, чтобы оно появилось без всякой причины. Конечно, чем дальше отходят эти предания от времени своего возникновения, тем больше под влиянием времени и понятий они видоизменяются. Иногда они видоизменяются до неузнаваемости. Но тем не менее невозможно, чтобы они не были основаны на действительно имевшем место факте (хотя бы он и произошел по-иному) или идее, аллегоричность которой последнее поколение воспринимает как образ, не будучи в силах постигнуть кроющуюся за ней истину или философию. Имеется очень много примеров этому, особенно в Азии, где иносказательная форма речи господствовала и была привычной, в особенности в древние времена; но азиатская аллегория — ничто перед греческой мифологией. «И что за страсть у тебя к нелепой и чудовищной басне о Бюраспе Аждахаке; и зачем это ты заставляешь нас повторять нескладные, бессвязные (скажу более), бессмысленные сказания персов... Какая тебе охота до этих лживых сказаний?.. Или это — изящная, вылощенная басня греков со смыслом, в которой под иносказанием скрывается истина?» — так писал несравненный отец армянской словесности [1] Сааку Багратуни.

В легендах особенно подвергается изменениям и искажениям время. Часто, оставаясь нетронутым по существу, предание подвергается передвижению во времени; например, происшествие, имевшее место при Торосе, считается имевшим место при Минасе, который жил значительно раньше Тороса, или при Никогосе, который родился спустя много веков после Тороса. Такое отнесение события вперед или назад зависит от значения, достоинства и свойств, какие в народе приписываются Торосу, Минасу и Никогосу. Известно, что ни одна война, ни одно геройство, ни одна победа не приписывались какому-либо святому, так же как и ни одно чудо — какому-либо знаменитому полко-

водцу. Если народ пережил какое-то важное событие при Торосе, но мало считается с ним, то следующие поколения обязательно снимут с этого происшествия имя Тороса и припишут его человеку, жившему до Тороса или после него, который, с точки зрения политической или религиозной, в зависимости от характера события, пользуется у народа большим уважением. Предания, лишаясь таким образом хронологической верности, зачастую так нагромождаются вокруг одного человека, что он с течением веков превращается в склад чудесных событий и дел, все же остальные в угоду этому лишаются и того, чем они в действительности обладали. «Ибо всякому имеющему дается и приумножается; а у неимеющего отнимается и то, что имеет»,— именно так происходит в подобных случаях.

Если бы армянский народ не видел на Арагаце огня или света, он не выдумал бы лампады на горе и Просветителя, читающего Нарек. Наличие на Арагаце огня или света мы принимаем как факт. Но теперь трудно судить, видел ли народ этот огонь или свет до Просветителя или после него. Встречая имя Просветителя, переплетенное с этим преданием, нельзя достоверно утверждать, что этот огонь показался точно в IV веке. Да, он мог показаться и тогда, не об этом мы говорим, а о том, что одно лишь имя не может служить в предании доказательством времени.

Признание наличия света или огня, естественно, выдвигает вопрос — что бы это мог быть за свет или огонь? Ясно, что не наше дело объяснять естественное явление басней, наоборот, для нас истинным является естественное явление, ставшее легендой, освободить его от волшебных покровов и «во имя благоденствия народа» объяснить законами природы.

Человек подвержен влиянию природы не только физически, но и нравственно. Биение сердца природы непосредственно отдается в сердце человека. Свои идеи человек черпает у природы. Истинность его идей и понятий определяется в зависимости от того, насколько он познал и изучил природу. Вот закон, не знающий исключения. Все тончайшие — даже тоньше паутины — идеи метафизических систем имеют свои основания в природе. Природа — это книга, которую надо прочитать и правильно понять, ошибочное понимание приносит большой вред. Явления природы своим величием зачастую приводят человека в ужас; он чувствует себя ничтожным, когда перед его

глазами выступает такая сила, такая мощь, такое зрелище, перед которым бледнеет сила не только одного человека, но и всего человечества. И не только приводящие в трепет явления, как бешеное извержение вулканов, смерч или буря на океане или в пустыне Сахаре; даже и не ошеломляющие человека явления, как Амазонка, Миссисипи или Ориноко, или американские девственные леса; или губительные и смертельные, как удар молнии, самум, потоп или ураган, с корнем вырывающий столетние деревья или срывающий крыши, нет — не такие, а явления спокойные, не причиняющие ни страха, ни вреда, ни смерти, ни гибели, а только вызывающие удивление и восхищение; явления, которые, по мнению человека, не носят враждебного характера, как упомянутые выше, если эти явления не понятны народу и не объяснены, то и они могут сделаться причиной жесточайших заблуждений. И хотя бы эти заблуждения, как отвлеченная идея, оставались в голове человека, а то нет, они часто воплощаются в нелепые образы Шивы, Дурги и Вишну [1] и после этого делаются бичом человечества.

Все, какие есть в мире, заблуждения возникли либо от недостаточного понимания природы, либо от совершенного ее непонимания. И эти заблуждения могут быть рассеяны, опровергнуты не чем иным, как правильным пониманием природы. Вот почему каждый разумный человек должен стараться не только сам изучать законы природы, но и помочь другому, если он более опытен, чем тот, который хотел раскрыть книгу природы.

Желая дать об этом народу кое-какие сведения, мы должны были вспомнить случаи наличия в природе огня или света (за исключением небесных светил), исследовать их, сравнить с преданием о лампаде и обстоятельствах, его сопровождающих, откинуть те из них, которые противоречили здравому смыслу, а более вероятные принять как естественную причину появления предания о лампаде. Для себя мы этот анализ уже проделали и нашли излишним повторять его перед читателем, так как не стоит понапрасну ставить вопросы — ставить для того, чтобы отвечать на них отрицательно. Например, горит и обладает светом так называемый Druммондов огонь (гремучий газ), но он сам по себе в природе не встречается и притом в те времена совершенно не был известен. Также не был известен и гальванический свет, который открыт почти в наши

дни, и другие тому подобные. В природе возникают многие огни и световые явления, например, болотный газ или могильный блуждающий огонь, шарообразная или клубообразная * молния, вулканический огонь и т. д. и т. п., которые по своей идее исключают идею лампады. Также и свет, исходящий от светящихся насекомых, или же, наконец, идея огня, зажженного человеческой рукой, также не соответствует преданию о лампаде на Арагаце.

* Желающие подробно знать об этом, как и вообще о молнии, громе, одним словом, об электрических явлениях в воздухе, пусть обратятся к научному труду француза Араго о молнии. Хотя бы эту работу, так же как и его популярную астрономию, перевели на армянский язык! Но не всякий, хорошо знающий французский язык, должен и может переводить такие научные книги, нужно, чтобы переводчик хорошо знал предмет переводимой им книги, в противном случае перевод превратится в окрошку, будет совершенно бесполезен, будет примером ошибочного понимания, невежества, да часто и глупости, хотя бы в оригинале это были и мудрые вещи.

Оставляя до другого, более удобного времени вопрос о вулканичности Арагаца, обращаем внимание армян-естествоиспытателей на следующий вопрос. Всем известно, что на Арагаце есть сера. Об этом знаем не только мы, армяне, об этом говорится также в нескольких русских книгах по химии; там сказано, что до сих пор это ископаемое еще не исследовано и надо думать, что серы там мало. Но не в этом дело. Многие достойные доверия коренные аштаракские жители, с которыми я прожил целые годы, жители самого Аштарака, Ошакана, Вагаршапата и др., единогласно говорили мне, что на Арагаце (не знаю точно, в каком месте) сера свисала с камней, как сосульки, которые зимою свисают с крыш. Смельчаки сбивали ее выстрелом из ружья и обращали на свои домашние нужды. Это обстоятельство стало для меня камнем преткновения и давно интересует меня. Как на зло, будучи в 1860 г. в Эчмиадзине, из-за занятости национальными делами я не нашел времени, чтобы лично проверить, что собой представляет это явление. Из всего сказанного читатель понял, конечно, что прельщает меня не присутствие серы, а то, что она свисает с камней. Естествоиспытатели знают, что она плавится при +80°Р или, точнее, при +101°С (сантиград), для того же чтобы сделаться как лед и повиснуть, она должна предварительно расплавиться. Если предположить, что сера находится близ этих камней, то, очевидно, нужна была соответствующая температура, чтобы она растворилась. Откуда же на Арагаце такая температура? Это раз. Второе. Если сера находится не у поверхности камней, а вдали от них, т. е. в глубине горы, и просачивается через трещины, это еще более осложняет дело, потому что сера должна в таком случае в виде пара подниматься из глубины и доходить до камней. Для того чтобы превратиться в пар, сера требует 320°Р (+400 сантиград). Откуда такая температура? Не надо забывать, что такая температура требуется также и для поддержания ее в таком состоянии, иначе с падением температуры пар перейдет в другое состояние и осядет как твердое тело в сравнительно более холодном месте. Но так как ни жидкость, ни твердое тело не могут подниматься снизу вверх и это может

Что же получилось? Ничего. Ни то и ни это. Не осталось никаких предположений!

Нет, осталось, и, по нашему мнению, наиболее вероятное, согласно которому свет мог показаться и сегодня он может показаться как на вершине Арагаца, так и в других местах. Все наши изыскания убеждают нас в том, что эта чудесная лампада есть не что иное, как *огни св. Эльма*, что в другом случае называется огнями *Кастора и Поллукса*. То обстоятельство, что с этими огнями связано имя святого, особенно обязывает нас дать небольшую справку, чтобы читатели не приняли их за нечто сверхъестественное и не говорили — уж если эти огни должны быть объяснены святым, то стоит ли, оставив Просветителя, итти за св. Эльмом, которого наша церковь вовсе не

совершиться лишь при помощи пара, то, следовательно, надо предположить, что от местонахождения серы в Арагаце до того места, где видны эти сосульки, есть проход, имеющий указанную выше температуру. Сера из парообразного состояния, сжимаясь, превращается в твердое тело, в порошок, известный в химии под названием flor sulphuris, который не может свисать и нуждается, как сказано выше, в температуре +101° для того, чтобы, расплавившись, перейти в жидкое состояние, а затем уж при течении своем остыть. Однако есть и другие подробности, упоминание о которых мы считаем излишним, так как надеемся, что читатель поймет, что, заинтересовавшись, мы были правы. В самом деле, я все еще не понимаю этого дела. Здесь — либо обман наподобие «растущего из-под земли вроде чудесной спаржи золота и серебра», либо какое-то недоразумение, которое так затемняет вопрос. Если бы хоть сказали, что «они древнего происхождения, но с течением времени исчезают», это еще можно было бы понять, но ведь говорят в настоящем времени. Ничего не остается больше, как произвести точное исследование, ибо если действительно внутри Арагаца происходит это парообразование из серы или эти сосульки находятся ниже месторождения (я этого не знаю), а следовательно, и места плавления, то значит в Арагаце и до сих пор высокая температура. О, если бы кто-либо из наших собратьев-естествоиспытателей как-нибудь порадовал нас научным обзором состояния Арагаца по геологии, минералогии, вулканичности, геогностике! А если таковой исследователь не поленится и использует при этом еще и термометр, и барометр, и магнитную стрелку, и микроскоп да отнесется со вниманием к растительности Арагаца, к проживающим там животным, то нам остается не только благодарить его, но и гордиться им перед Европой—мол, и «мы не остаемся в долгу, возвращаем тебе проценты таланта, которым ты нас одарила, считая, быть может, нас затерявшимися где-то в Азии». Подъем на Арагац — это не подъем на Чимборасо, не говоря уж о том, что с легкой руки знаменитого Гумбольдта уже два раза поднимались на Чимборасо (и даже на несколько футов выше Гумбольдта, который не достиг ее вершины) любознательные сыны Альбиона. Это были обыкновенные люди науки, путешественники, а не чиновники, уполномоченные или поощряемые правительством.

знает? Слово — святой Эльм, как думают, произошло от развалин Элены, так как эти огни были замечены еще в дохристианские времена (как тогда, так и во времена христианства огни эти, повторяем, в других случаях назывались огнями Кастора и Поллукса). Что представляют собой эти огни? Ответ на этот вопрос и есть основная цель нашего рассуждения.

Мы предполагаем, что читатель наш имеет некоторое представление об электричестве. Если бы мы этого не предполагали, то нам пришлось бы изложить весь курс электричества, что является делом физики или специальной статьи по физике, но этим здесь мы не можем заняться. Таким образом, предполагаем наличие небольших знаний у нашего читателя, предполагаем, что он имеет понятие об электричестве.

На земном шаре и в облаках возникают электрические заряды, которые изолируются друг от друга воздухом, находящимся между облаками и земным шаром, ибо воздух — плохой проводник электричества. Электричества, возникающие на земном шаре и в облаках,— различны. Одно из них называется положительным, другое отрицательным. И так как они разнородные, то по естественному закону стремятся друг к другу, чтобы соединиться. Если электричество облаков внезапно соединяется с электричеством земного шара, это соединение мы чувствуем в виде молнии. Упомянутые выше разнородные электричества возникают часто и в различных облаках; когда они в воздушной высоте соединяются, то мы видим свет от этого соединения — зарницы — и слышим шум от него — гром. Последний сейчас нас не интересует. Нас интересует соединение электричества облаков с электричеством земного шара, но не в виде всеразрушающей молнии. Когда, как мы сказали уже, на земле и в облаках возникают разнородные электричества и когда каждое из них, будучи изолировано посредством воздуха, находится в напряженном состоянии, тогда (об этом мы тоже говорили) оба вида электричества стремятся нейтрализоваться, если можно так выразиться, т. е. соединиться. Оба разнородных электричества могут показать свое присутствие каждое в отдельности, тогда они ощутимы, *явны*. Когда же они соединились, то они *исчезают* и уже неощутимы. Об их внезапном соединении мы уже говорили. Было сказано, что это соединение ощущается как молния или зарница и гром.

Наоборот, постепенное соединение этих электричеств часто остается совершенно незаметным для нас, иногда при этом мы видим свет, который известен в науке под названием огней св. Эльма.

У Юлия Цезаря, Тита Ливия, Плутарха, Прокопия, Сенеки и Плиния часто упоминается о свете, который появлялся на острие копья у отдельных солдат и целых легионов; говорится также о светящихся мачтах кораблей. На основании этих частых упоминаний предполагают, что в древние времена это явление имело место гораздо чаще, нежели в новые времена. Есть также предположение, что в древности колдуны и авгуры, пользуясь каждым выходящим из ряда вон случаем, строя на них свои предсказания и обманывая народ, заботились о том, чтобы письменные сведения о таких явлениях во что бы то ни стало дошли до наших времен.

Но и теперь наблюдательный человек перед молнией или вскоре после молнии, если обратит внимание на острие высокой башни или громоотвода, всегда увидит огни св. Эльма. Эти огни могут появляться также и на высоких горах — то вроде большого снопа лучей, то в виде круга, то в виде языка вверх острием, как пламя светильника или лампады, длиною в фут. Это часто имеет место на мачтах кораблей, причем, когда появляется свет с одним острием, то суеверные моряки недовольны, полагая, что за ним должна последовать буря, если же показываются два острия, то это называется у них огнями Кастора и Поллукса; в этом случае моряки рады, так как Кастор и Поллукс — герои античного греческого предания — приносят благополучие в путешествии. Часто таким электрическим светом светятся кресты на куполах церквей. Часто вороны, пролетая мимо облаков, электричество которых постепенно соединялось с электричеством земного шара, появлялись перед изумленной толпой со светящимися клювами. Это естественное явление наблюдалось также в низких местах; часто светились ветки деревьев, часто люди думали, что они горят, и приходили в ужас, видя себя в «огненном одеянии».

«Во время грозы 8 января 1839 г.,— говорит знаменитый Араго в своем научном исследовании о молнии (Notice Scientifique sur le tonnerre ***[1]),— когда молния ударила в башню Хассельтской церкви, крестьяне, находившиеся между Цволле и Хассельтом в Голландии (первая — это

крепость, ныне почти развалина; вторая — город), заметили странное явление. За несколько мгновений, ранее упомянутого громового удара, они увидели, что вся их одежда в огне. Тщетно стараясь погасить этот огонь, они с ужасом приметили, что деревья и мачты блистали тем же пламенем. Как только раздался громовый удар, пламя тотчас исчезло».

Сколько подобных случаев приводит Араго в этой замечательной работе! Сколько их приведено в физике[1] немца Циммермана! Мы не хотим здесь приводить все. Мы упомянули об этом лишь для того, чтобы показать и убедить, что эти наблюдаемые огни не находятся выше облаков и не появляются без действия земли. Это должен признать всякий, изучающий ее. Только природа способна показать нам величие создателя и его славу: «Небеса проповедуют славу божию, и о делах рук его вещает твердь». Создатель, сотворив однажды природу, дал ей непререкаемые и святые законы, которые ни на волос не нарушаются. «Начертана граница, и ее не перейдешь»*. Этими законами управляется все то, что мы видим или вовсе не видим в необозримом пространстве вселенной, «Снегом, как шерстью, покрыл и мглой, как пылью, окутал. Кто устоит против его холода». Какое величественное описание! Но все это происходит по однажды написанному закону, точно так, как живет и размножается человек, несмотря на то, что только первый человек вышел из рук истинного бога. Всякое чудо, кем бы оно ни было придумано, слишком слабо, слишком бледно и слишком ничтожно перед тем чудом, которое посредством природы являет нам создатель ежедневно, ежеминутно, ежесекундно. Еретик не тот, кто, исследуя и изучая природу, вынужден каждое мгновение говорить зодчему природы из глубины сердца: «как велики дела твои, о господи!»,— а тот, кто не только сам не хочет изучить природу, «небо и землю — дело рук его, луну и звезды, которые он утвердил», нет, недостаточно этого, он запрещает это и другим, заставляя их, следуя его добровольной слепоте, не видеть и не изучать: «сами не вошли и входящим воспрепятствовали». Тот, который, имея целью скрыть этот свой

---

* «И все существа молча выполняют законы, никогда не преступают за отведенные им границы» (Егише вардапет — «О Вардане и армянской войне», Москва 1861, стр. 66 — отрывок из письма, отправленного святым собором в Аштишате Азкерту).

грех, сочиняет из своей несчастной головы теории и системы вопреки положенным богом границам, треплет законы природы, которые вовсе не подчиняются воле человека, да, такой человек похищает у земли привилегию бога.

Ты, показывающий мне в Неаполе бутылку с несколькими каплями крови, говорящий, что кровь эта имеет свойство в любой момент закипать, хочешь этим убедить меня в могуществе бога, велением которого мгновенно, как «кипящий котел» Иеремии, закипает океан; ведь я же не сошел с ума, чтобы, оставив величественное чудо океана, глядеть на твои две капли засохшей крови, и это в то время, когда миллиарды таких капель, но живой крови ежесекундно обращаются в моих жилах.

Неужели великий зодчий, создавший тебя без твоей просьбы и не нуждавшийся в твоем совете, сегодня нуждается в твоей лжи?

«Может ли свет уподобиться тьме?» «Прирожденная ложь — от дьявола...» «Вытащите ее на свет божий».

Каких успехов достигли ныне естественные науки, какие жреческие тайны они разрушают, как они смело шагают,— всему этому мы имеем сотни доказательств. Даже упомянутая нами физика Циммермана является немалым доказательством этого: в разделе электричества, ссылаясь на научные исследования Бен Давида, Михаэлиса и Лихтенберга (об этом частично упоминается и в труде Араго о молнии), она с удивительной ясностью вскрывает тайну ковчега и скинию откровения.

Мы от души желаем, чтобы наши собратья-естествоиспытатели перевели эту физику. Эта работа написана для простого народа, и мы можем засвидетельствовать, что она (при внимательном чтении) будет доступна всем, если перевод будет сделан добросовестно. Все отрасли естествознания связаны с физикой, так что трудно приняться за разработку любых его отраслей или за перевод книг по естествознанию для нашего народа, если не предположить, что физика ему более или менее знакома.

Но, повторяем, нужно, чтобы такие книги переводились хорошими естествоиспытателями, иначе переводы будут неудовлетворительными, если даже переводчик хорошо знает язык. Наука никогда не останавливается на одной точке, она всегда идет вперед. Каждый день приносит с собой все новые и новые открытия и разъяснения темных и часто непонятных мест в науке. Переводя такую

книгу, переводчик обязан сравнить все положения переводимой книги с состоянием науки в данный период. Текст упомянутой нами физики нуждается в изменениях и примечаниях. Русский переводчик довольно обработал эту книгу, но еще остаются некоторые места, требующие большего разъяснения и примечаний. Чтобы не быть голословным, обратим внимание наших собратьев-естествоиспытателей на месмеризм [1], который и сегодня еще имеет хождение у немецких натурфилософов, который, однако, наукой ни в каком случае не может быть признан. По вопросу «самовозгорания», происходящего будто бы от употребления алкоголя, в книге Циммермана приведены в правдоподобном виде неправдоподобные мнения Мюлке и Коффа, причем с достаточным количеством химических подробностей, а опровержение этих мнений приводится без всяких доказательств; упомянуты одни лишь имена авторов — Лавуазье, Дэви и Либиха, без объяснения, повторяем, хотя бы в частности того, каким путем эти авторы пришли к своим отрицательным выводам. Там упоминается лишь исследование Либиха, произведенное им в 1844 г., между тем в четвертом издании своих писем Либих не только выступает подробно и основательно против чудесного самовозгорания на основании своих исследований после 1850 г., но и приводит в приложении интересную корреспонденцию. Да, Циммерман не признает и отнюдь не защищает месмеризм, или «самовозгорание», но ученый немец в своей книге прошел мимо ряда имеющихся против него опровержений, а некоторые положения привел и некстати.

Подобные явления могут встречаться в самых передовых книгах по всем отраслям науки, как это и случилось с упомянутой физикой. Если бы авторы этих книг писали об этих вещах сегодня, то, несомненно, написали бы иначе. Поэтому переводчик подобных книг должен хорошо знать свой предмет, состояние науки в данный момент, чтобы не преподносить изучающему вместо последнего слова науки устаревшие и отвергнутые положения.

Нам кажется, что уважаемый г-н Хатисянц, заведующий тбилисской магнитной обсерваторией, сослужил бы большую службу народу, если бы взял на себя труд перевести на армянский язык упомянутую нами физику. Безусловно, если перевод физики предназначался для

систематического преподавания в школах или для изучения, мы остановились бы на прекрасных книгах по физике французских естествоиспытателей Яге и Жаме. Но здесь мы имеем в виду интересы простого народа, хотя физика Циммермана ничуть не бесполезна и для студентов.

Я склонен думать, что наши просвещенные люди, прочитав написанное мною, скажут: «Все это известно, все это мы знаем». Я знаю хорошо, что дверь, через которую я вхожу, открыта для всякого, я утверждаю, что есть люди, которые знают лучше меня, но тем хуже для них. «Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но поскольку вы говорите, что видите, то грех остается на вас».

Свет и тьма до такой степени противны друг другу, что не могут пребывать вместе. И если наши образованные люди хотят рассеять тьму, что нам приятно предположить, и днем раньше видеть избавление своего народа от нее, то они должны сеять просвещение. Тьма не рассеется ни сама собой, ни тьмой и легендами.

Нельзя обвинять народ *, если он устремляется к сверхъестественному, ибо свет на Арагаце — факт, а истинная причина его появления ему неизвестна. Ужасный вред и разрушения несут с собой эти вытекающие из невежества закоренелые мысли.

Разве не была приписана гибель от естественной причины, землетрясения **, города Ани проклятию одного

---

* «В том вина не народа, что он сбился с дороги, что люди забыли друг друга. Да таких ученых людей, как мы, надо за ноги к дереву привязывать и голодом их морить. Кому много дано, с того много и спросится. Как придет день судный, какой ответ должны держать вот такие люди, как я, кое-что в грамоте понимающие. А мы что? — нам бы только вкусно есть да пить, ездить на резвых конях, блестящими рублевками в кармане позвякивать, их рукой подкидывать, забавы ради гулять, кутить да развлекаться — ни о чем другом мы и не думаем!

Мы тянем наливку, упиваемся всласть кахетинским, торжественно, важно разъезжаем в карете или на дрожках, носим парчу да шелк, прислуга подает нам умыться, освежить лицо, лежим, валяемся под теплым одеялом на мягком тюфяке, разряживаемся с ног до головы, — все это, пожалуй, в ад нас не сведет, но и рая нам не доставит,— во всяком случае» (*Абовян,* Раны Армении, стр. 86).

** Несколько выше мы сказали, что последовавшие за средневековьем века не прошли даром. Думаем, некоторым доказательством этому может послужить тот факт, что в начале XVIII века армянский монах, говоря о землетрясении, уверенно приписывает его есте-

монаха и разве это предание не живет до сих пор в народе? Разве не это проклятие явилось причиной того, что массы людей покинули Армению, причиной их скитальческой жизни по Западной Европе, всех их лишений, причиной опустения Ширакской области и того, что Ани превратился в развалины? «Город Ани проклят. Всякий, поселившийся в нем, будет также проклят»,— разве не так до сих пор думает большинство народа. Вот вам результаты средневековых взглядов; а сколько еще таких фактов! Мы знаем образованных людей (они сами говорят, что они образованные), которые просвещение народа считают делом еретическим и дерзостью. Мы желали бы знать истинные причины, почему знающие люди поддерживают народное невежество, его скитания из одной страны в другую, способствуют немилосердным ударам судьбы? Пусть впишет г-н Вельзевул наше имя в главную книгу ада, только бы не стать нам причиной страданий и смерти миллионных масс народа. «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, т. е. израильтян» (Послание апостола Павла к римлянам, IX, 3, 4).

Пусть не почитают за невежество наше удивление этой нетерпимостью и преследованием. Упаси бог, мы не удивляемся! Вся Европа прошла через этот мост, ясно, когда-нибудь должен был наступить и наш черед, и мы рады, что он настал, ибо это показывает, что наш народ стал на путь прогресса. Особенно возмутительным является то, что произошло с бессмертным Галилеем, который за свои астрономические и естественно-научные открытия, получившие вечную славу, а также за защиту системы вселенной Коперника в семьдесят лет подвергся преследованиям бесчеловечной инквизиции и был замучен в ее мрачных тюрьмах. Там его вынудили коленопреклоненно, с обнаженной головой произнести формулу отрече-

---

ственным причинам. В конце книги Зеноба Глака, напечатанной впервые в Константинополе в 1718 году, в исторических записях ее издателя Ованеса вардапета дается такое толкование большого землетрясения, происшедшего в Тароне: «От встретившихся внутри земли, дувших с противоположных сторон ветров внезапно были потрясены основы земли. Началось это с провинции Екегеац и дошло до нас». Понятно, мы не сторонники этого мнения, но мы приводим его для доказательства нашей мысли о том, что, если понимание от проклятия дошло до подземных ветров,— это уже прогресс.

ния, вполне достойную тех, кто ее сочинил *, и отказаться от того, о чем свидетельствовало ему сердце и что для него было очевидно. Но мы имеем его письмо к Madama Christina grandushessa madre, написанное еще до суда над ним, из которого приводим следующую выдержку:

«Мы своими открытиями не хотим спутывать природу и умы и не хотим разрушать науки, но хотим просветить их и дать им действительную основу. Наши противники

---

* 20 июля 1627 года при римском папе Урбане VIII папской буллой был осужден Галилей. Вот копия формулы его отречения:

«Я, Галилео Галилей, сын покойного Винчето Галилео, флорентиец, 70 лет от роду, находясь лично пред судилищем и стоя на коленях перед вами, преосвященнейшие кардиналы всемирной христианской республики, генеральные инквизиторы противу еретической злобы, и имея пред глазами Святое Евангелие, которого касаюсь собственными руками, клянусь, что всегда верил, ныне верю, и, с божиею помощию, буду всегда верить всему тому, что держит, проповедует и учит святая римско-католическая апостольская церковь. Но так как святое судилище приговором своим повелело мне совершенно оставить ложное мнение, утверждающее, что Солнце находится неподвижно в средоточии мира, а Земля находится не в этом средоточии и движется, и так как я не должен был этого мнения ни поддерживать, ни защищать, ни преподавать каким бы то ни было образом, словесно или письменно; и после того как мне было объявлено, что это мнение противно Св. Писанию, я написал и напечатал книгу, в которой рассматривается упомянутое осужденное учение, с приведением весьма убедительных доводов в его защиту, без всякого притом окончательного заключения, почему и был сильно подозреваем в еретическом мнении, что Солнце стоит неподвижно в центре мира, а не Земля, которая движется. Поэтому, желая изгладить из мысли ваших преосвященств и всякого католика такое сильное, но справедливое против меня подозрение, с чистым сердцем и искреннею верою, я отрицаю, проклинаю и ненавижу вышеупомянутые ереси и заблуждения и вообще всякое другое заблуждение, противное учению св. римско-католической церкви; я клянусь, что впредь не скажу и не буду утверждать ни словесно, ни письменно ничего могущего возбудить противу меня вновь подобные подозрения, и если узнаю о каком-либо еретике или подозреваемом в ереси, то донесу на него сему святому судилищу инквизиции или инквизитору того места, в котором буду находиться. Сверх того я клянусь и обещаю, что совершенно выполню и буду соблюдать все эпитимии и покаяния, которые на меня теперь наложены или будут впредь наложены св. инквизициею; и если я поступлю противу которого-либо из произнесенных мною теперь слов, уверений, обещаний и клятв, от чего боже упаси, то подвергаюсь всем наказаниям, казням и мукам, положенным против подобных преступлений святыми канонами и другими вселенскими и поместными постановлениями. Так да поможет мне бог и его Св. Евангелие, которого касаюсь собственными руками...»

В 1737 году, около столетия после омерзительного приговора, произнесенного над Галилеем и легшего неизгладимым пятном на инквизиционное судилище и на судей, подписавшихся под пригово-

называют ложным и безбожным то, чего они не могут опровергнуть. Они обороняются притворною ревностью к религии, а унижают священное писание, делая его средством к достижению личных своих интересов. Но, не выслушав, не следует осуждать писателя, касающегося не церковных постановлений, но законов природы и объясняющего их правилами астрономии и геометрии. Кто держится всегда буквального смысла, должен и в Библии находить противоречия и даже богохульство, когда в ней говорится о глазе, персте или гневе божием. Если это возможно при малом развитии народа, то тем более следовало бы брать в соображение это развитие в суждениях о предметах, далеко не подлежащих наблюдению толпы и не касающихся благоденствия души, как естественные науки. Поэтому, рассуждая о них, нельзя начинать выводы свои из библейских изречений, но из наблюдений и нужных доводов, потому что Природа и Библия одинаково осуществлены божественным словом» (Юстус Либих, письмо 4-е, см. приложение к нему)[2].

ром, в церкви Санта-Кроче, воздвигнули великолепный мраморный памятник величайшему из тосканских гениев. Папа Бенедикт XIV уничтожил декрет инквизиции, осуждавший творение Галилея. Теория движения Земли, основной закон астрономии, принята везде и всеми за несомненную истину и преподается даже в римском коллегиуме (*Франсуа Араго*). Астрономия, III книга, 20-я, гл. 5).

Что скажет на это г-н Чамурчян? По его правоверному мнению, Урбан VIII и Бенедикт XIV равные друг другу святые и равно непогрешимы, но они вынесли противоречащие одно другому решения. Какое из этих имен запишет он в книгах рядом с «Домом еретиков». Если «Еревак» замешкается, пусть ответит его дитя «Жаманак» («Время»)[1].

Копию формулы отречения Араго взял из истории астрономии Даламбера; мы этой книги не видели и не знаем поэтому, откуда знаменитый геометр (математик) взял ее. Мы говорим так потому, что формулу отречения, клятву в несколько измененном (в несущественных чертах) виде, мы встречаем у Лапласа в «Системе вселенной», кроме того, если нам память не изменяет, мы видим ее также и в физике Фон Крюгера.

Быть может, некоторым покажется лишним, что мы привели формулу отречения, когда могли ограничиться ссылкой на нее; отвечаем на это — мы сделали это для того, чтобы быть орудием исторической справедливости. Пусть еще на одном языке разойдется свидетельство позора любителей преследования и непреоборимая победа науки. Этого требует справедливость: «И добродетельные, слыша о деянии других, набравшись еще больше добродетели, оставляют по себе славу, ленивые же и дурные, глядя на себя и слыша, как обвиняют других, набравшись доброй зависти, постараются сделаться лучше» (*Лазарь Парбский,* История Армении, Венеция 1793, стр. 14).

Горькая жалоба, но что ни строка, то истина. Да будет благословенна навеки и бессмертна завидная память мучеников науки.

Арагац — не единственная гора, отдавшая дань средневековью. Наш величественный Масис также внес свою лепту этому темному времени. Кто не слыхал о так называемом «ветре Просветителя», который летом ежедневно после заката солнца поднимается со стороны Масиса и освежает выжженную долину Арарата? Поистине, по сравнению с дневной жарой этот ветер можно принять за небесную благодать. Я сам, будучи в начале сентября в Эчмиадзине, ждал, как издыхающая рыба, когда сядет солнце, чтобы дошло до меня живительное дыхание моего седого Масиса. Несомненно, если народ не знает причины этого явления, от этого не может быть для него ни опасности, ни заблуждения, но тем не менее, почитая за лучшее, чтоб он знал, мы пишем несколько строк, извиняясь перед читателем за то, что на этот раз статья наша слишком затянулась. (Да это и понятно, ибо долго вынуждены были молчать.)

Араратская долина, окруженная со всех сторон скалами и голыми горами, не говорю уже о бесчисленных разбросанных в долине камнях, оставшихся от развалин или оторвавшихся от гор, хотя и это имеет немаловажное значение, потому что долина полна камней и огромное каменное туловище Арагаца под влиянием солнца подвергается сильному нагреванию. Эти горы, долины и камни, сильно нагреваясь под лучами солнца, по естественному закону теплоты расширяются; расширяется и воздух Араратской долины и делается менее плотным. Молекулы этого воздуха, непосредственно касаясь нагретых тел, расширяются, занимают большее, чем сжатый воздух, место и постепенно подымаются вверх, вот почему в жару воздух становится менее плотным и производит на организм изнуряющее и утомляющее действие. Поэтому-то и снежный пояс Арарата, несмотря на его географическое положение, т. е. северную широту, выше снежного пояса других гор, находящихся под той же широтой. Высота снежного пояса Арарата над уровнем моря доходит до 13 300 футов. По тем же законам и причинам снежный пояс Гималаев выше, чем он мог бы и должен был бы быть, если бы вокруг них не было просторных и знойных равнин. Снежный пояс гор Ана-

гуака (Мексика), расположенных на 20° южнее (Арарат находится приблизительно на 40° северной широты, а Анагуак — приблизительно на 20°), только на 700 футов выше Арарата и имеет 14 000 футов высоты. Тела от теплоты расширяются, а от холода сжимаются. Воздух, окружающий вечные снега и ледники Арарата, всегда находится в сжатом состоянии. Иначе говоря, когда воздух Араратской долины, расширяясь, делается менее плотным и поднимается вверх, тогда, наоборот, воздух вершин Масиса, от холода сжимаясь, становится более уплотненным; следовательно, равновесие воздуха здесь нарушено, потому что по естественным законам жидкие и газообразные тела, имея одинаковое давление, должны иметь и одинаковый уровень. Каковы же последствия этих явлений? Их следствием является то, что сжатый воздух Масиса должен стремиться пополнить недостаток воздуха Араратской равнины. Но так как воздух, теряя плотность, делается вместе с тем менее упругим и распространяется во все стороны и так как жара стоит недолго, то уравновешивание воздуха происходит не днем, а в то время, когда солнечные лучи уже не так нагревают равнину, когда ее воздух, теряя свою упругость, начинает сжиматься, тогда воздух Масиса, уже не встречая сопротивления, устремляется к равнине и приносит тот самый приятный ветер, который известен под названием «ветра Просветителя». Сила этого ветра всегда соразмерна степени теплоты. Чем сильнее жара днем, тем сильнее ветер вечером. Многим приморским городам свойственен вечерний ветер, дующий с моря. В этом случае море играет ту же роль, что и Масис, так как вода является еще худшим проводником теплоты, и воздух над ней более плотен, чем воздух пристани или города, соприкасающийся с хорошими проводниками тепла. Я останавливался два раза на пристани индийского Мадраса и прожил несколько дней в городе Галле на острове Цейлоне (point de Galle) и после изнуряющей адской дневной жары также наслаждался этим бодрящим даром природы. Нужно ли прибавить, что пассаты в тропических странах происходят в основном по этим же причинам. Не хочется растягивать. Мы имели цель дать лишь краткие сведения о «ветре Просветителя». Цель наша достигнута.

Пойдем дальше.

Пояснения г. Прошяна вообще неудачны. Говоря об охоте и об единоборстве во время свадебного пира, уважаемый писатель дает следующее пояснение (стр. 198): «обычай охоты и единоборства, думаю, остался со времен наших древних царей, которые вообще время от времени, развлечения ради, занимались этим».

Что это за объяснение? Прежде всего единоборство и охота свойственны не одной лишь короне, чтобы указывать на их королевское происхождение. Во-вторых, если исторические источники кое-где упоминают об охоте царей, часто к тому же осуждая их любовь к увеселениям и пренебрежение к государственным делам, то о том, что они *время от времени для развлечения вступали в единоборство* — это мы слышим впервые от г-на Прошяна. Признаем наше невежество: мы не знали, что армянские цари, подобно Нерону, для развлечения публично занимались единоборством. Нам неизвестно из истории, чтобы во дворцах наших царей или в городах существовал обычай, как в римском цирке,— гладиаторство, бывшее прежде делом рабов, затем, в период общего упадка римских нравов, ставшее любимым делом юношей благородного происхождения, патрициев, сенаторов и даже Нерона.

Допустим, цари ездили на охоту, допустим, они ради развлечения подчас вступали в единоборство, как уверяет нас автор, но какая связь между символическими обрядами во время свадьбы и любовью царей к увеселениям?

И опоясывание жениха мечом, и охота, и единоборство — все это по своему символическому значению наводит нас на мысль, что эти обряды или их остатки, дошедшие до нас, существовали в очень давние, еще доцарские, времена. Молодой человек, женясь на девушке, берет на себя перед обществом моральную обязанность защищать свою семью, кормить ее и вообще противодействовать всякой грубой силе, если бы она захотела смутить тем или иным образом его семейный покой. И нам кажется, что как меч, так и охота и единоборство являются символическим отражением того, что жених, публично проявляя мужество и свое достоинство, по праву получает себе жену.

Считаем излишним говорить о том, что означает меч *, об охоте же достаточно сказать, что всякий народ занимался ею в период своего младенчества, и даже теперь дикари живут охотой. Наш народ, несомненно, также пережил эту ступень развития, и для нас некогда признаком всякого богатства являлись шкуры различных животных и их кости (для выделки оружия).

В истории цивилизации переход диких, занимающихся охотой народов к земледелию является уже большим прогрессом. Но этот переход совершается не сразу. На это требуются целые века, ибо народ уже заражен многими предрассудками, неправильными понятиями о естественных явлениях и многими другими, от которых он должен освобождаться стараниями более просвещенных времен. История умалчивает о том, до какого времени занимались армяне охотой или, лучше, с каких пор внедрилось среди них занятие земледелием, с каких пор оно сделалось у них всеобщим достоянием. Известно лишь, что Армения никогда не переживала длительного мира, и так как она была ареной непрестанных войн, нападений и обороны, то нельзя думать, чтобы земледелие, особенно в древние времена, являлось средством к существованию для всего народа. Всякий, способный держать в руках соху и плуг, вынужден был защищать знамя своего отечества. Высказывая это в качестве предположения, добавляем, что нам со слов Хоренаци** известно о распространении земледелия в Армении во времена Арташеса II, который утверждал, что при нем в Армении совершенно не было невозделанных земель. Но отсюда нельзя делать вывод, что с этого времени охота совершенно исчезла. Наш блаженный Лазарь Парбский передает рассказы из времен Аршака III, жившего два века спустя, в которых охота занимает не последнее место***. Мы не задаемся целью специально

* Здесь приходит на память то место из Шаракана, где сказано: «царское оружие, являющееся орудием уничтожения жизни, преподносится царю как орудие сохранения жизни». Мы вспомнили эти строки, прочитав примечание г-на Прошяна (стр. 189) о противодьявольской силе меча. Сравни все это с великолепными словами несравненного Абовяна («Раны Армении», стр. 118—121), где это чудесное учение расширено и преображено и где истрадавшийся автор не устоял, чтобы не дать в веских словах свое примечание[1].

** «Во время Арташеса не было невозделанной земли в Армении, ни на горах, ни на полях»[2].

*** *Лазарь Парбский,* История Армении, Венеция 1793 г., стр. 21.

исследовать вопрос о том, когда в Армении начали заниматься земледелием. Мы упомянули лишь о том, что нам давно было известно. Подробное исследование по национальной истории оставляем более сведущим и в большей мере располагающим свободным временем людям.

Высказанное нами об этих обрядах — не более чем наше личное мнение, основанное только на аналогии. Г-н Прошян говорит, что жених не может сесть за стол, пока не отправится на охоту и не вернется с добычей,— это еще более укрепляет нас в нашем предположении; этим самым, как сказали мы выше, жених доказывает, что он способен заботиться о своей семье. Нам кажется, что неправильно каждый раз при виде остатков древних преданий, не имея веских доказательств, приписывать их царям. Народ еще в доцарский период создает свои предания, обряды и обычаи, которые, не спорим, передаваясь от поколения к поколению, затем подвергаются воздействию времени как при царях, так и после них. Нечего и говорить о том, что время, стирающее все, обеспечивает, а порой и уносит то или другое из этих преданий, обрядов и обычаев. Постоянно применяемые в быту, они отдают дань времени — теряют свой внутренний смысл и превращаются в формальность, как это теперь имеет место со всеми обрядами, о которых у нас шла речь. Причина? Изменились условия жизни общества.

Мы не виним автора за его объяснения, подтверждающие предания о бешеной собаке; не виним, ибо он пишет, веря этому так же, как верит и вся область. Но пусть справедливые наши упреки дойдут до наших собратьев-врачей, которые десятками сегодня пребывают в Араратской стране и, слыша ежедневно об этом чудесном исцелении, до сих пор не подвергли его научному исследованию, чтобы установить, во-первых, в самом ли деле направляющиеся в Парби богомольцы были укушены бешеной собакой и страдали водобоязнью (hidrofobia), или были укушены здоровой собакой, или страдали водобоязнью, как Сос, который, чтобы оправдать перед Гарегином свое богомолье в Парби, выдумывает всякие небылицы; и, во-вторых, если они, будучи действительно искусаны бешеной собакой и страдая водобоязнью, в Парби излечивались, то, следовательно, надо найти есте-

ственную причину этого, а таковая должна быть, если водобоязнь вообще излечима *.

Что касается нас, то, признаемся, хотя мы и много слышали об этом чудесном излечении, но сильно сомневаемся в том, что богомольцы страдали водобоязнью и думаем, что они ею страдали так же, как страдал Сос.

В Италии есть предание, что если тарантул (tarantula lycosa), паукообразное насекомое, ужалит человека, особенно девушку, то единственное средство против него тарантелла (tarantella — название танца), танец массовый, групповой, не медленный, как у нас «курбрнук» («курбрнук» существует и у молдаван) или русский «хоровод», а очень быстрый, до упаду быстрый. Во время сельских работ, если девушка не хотела работать или хотела повидаться со своим возлюбленным, то достаточно было ей поднять крик, что ее ужалил тарантул, тотчас же все работающие, юноши и девушки, оставляли работу. Надо было спасти человека — кто мог их обвинить. В мгновение ока затягивалась тарантелла. Ленивые гуляли, а влюбленные встречались, назначали вновь свидание, танцовали. И, после того как все были удовлетворены, ужаленная девушка выздоравливала, к этому времени солнце склонялось уже к закату, и все, веселые, радостные, расходились по домам. Кто мог сказать, что тарантелла — нехорошее средство или она не действует при укусе, когда весь мир собственными глазами видел, как еще вчера мучительно ужаленная девушка на следующий день в полном здравии продолжает свое дело?

О молчаливом шествии больных (в Парби) или о надевании на них конской узды (а как, узда осла, неужели она не обладает никакой силой?) — несмотря на объяснения нашего автора — мы не можем сказать ничего положительного, ибо не видим в природе ничего, соответствующего причинам этих обоих обрядов. Мы склонны думать, что это выдумка богомольцев. Житель

* Мне могут возразить — раз наука не допускает подобного чудесного исцеления, то и они отвергают это, не исследуя вновь. Совершенно согласен, так пусть же рассеивают туман, пусть всенародно разъясняют истину. Но для того, чтобы довести истину науки до народа, нужны факты, а не одни только слова. А факты должны быть тут же на месте обнародованы, следовательно, не должно ограничиваться ссылками на факты далекого прошлого. Одной проповедью ничего не сделаешь.

Азии, воображение которого всегда воспламенено (имеем в виду умеренные и жаркие страны Азии), запутывает различными таинственными и символическими знаками и условиями самые простые обряды, которые по существу не имеют никакого смысла или силы, но все-таки, видя их, изумленный народ предполагает в них смысл. Известно, что их изобретатель или проповедник прославляется как глубокий философ, так как он один знает секрет всего этого и в его руках ключи таинственных и сверхъестественных знаний. Неужели бонзы Будды и брамины Брамы более виновны? [1]

В «Сос и Вардитер» можно было бы найти сведения и о других пустых преданиях, но, говоря по правде, нам наскучили эти глупости. Говорим в последний раз, что такие вещи действуют на бедный и наивный народ, как гашиш на организм; поэтому мы обязаны всячески искоренять и расчищать от них армянскую жизнь. Таково наше последнее слово.

Г-н Прошян не объясняет подлинного значения оборота и форм речи, употребляемых в переносном значении, оставляя это «ученым исследователям», как говорит он в конце своего предисловия. Эта идея ложна, таким путем осуществить ее невозможно. В чем повинен исследователь-филолог? Почему он должен кропотливо составлять словарь оборотов речи? Допустим, он будет иметь несчастье издать подсобный «словарь» для книги «Сос и Вардитер», читатели которой, не являясь исследователями-филологами, а простыми смертными, никогда к нему не обратятся, чтобы разъяснить себе непонятные формы и обороты, которые во многих местах приходятся так кстати, придавая произведению особую прелесть. Разве не лучше было бы, чтобы автор сам разъяснил эти места, чем перекладывать это на исследователей-филологов?

По правде сказать, часть нашего исследования, посвященная недостаткам «Сос и Вардитер» как романа, закончена.

Мы не хотим критиковать язык автора и его очень неудачное предисловие; было бы лучше, чтобы его вовсе не было.

Говоря о языке автора, мы имеем в виду не аштаракский диалект, на котором написано само произведение; в этот диалект автор вовсе не внес чуждых оборотов,

чуждых форм, а если и внес, то очень незначительное количество. Мы имеем в виду язык автора, язык его предисловия. Автор, пожелавший написать свое произведение на диалекте для того, чтобы читатель мог ознакомиться не только с бытом и нравами Аштарака, но и его языком, не только не заслуживает обвинения, не только не несет ответственности за этот язык, но достоин большой благодарности. Каждый из нас вправе изучать диалекты любой области, отмечать их достоинства и недостатки. Но и только. Мы можем сказать какому-нибудь писателю, почему он употребляет эту форму, а не иную. Но мы не можем говорить так тысячам и миллионам читателей. Писатель часто волен употребить или не употребить ту или иную форму, но какой-либо житель провинции (мы говорим о настоящем простом народе) не имеет такой возможности. Он может говорить только так, как говорит общество, членом которого состоит и он сам. Диалект же этого общества оформлялся под влиянием географических, природных условий, исторические события происходили, оставляя на нем свой глубокий след — диалект является естественным продуктом пройденной обществом жизни. Известно, что никто не ответственен за то, почему имело место то или другое историческое событие, почему общественная жизнь, продуктом которой, естественно, явился тот или иной диалект, шла по тому, а не иному направлению. И так как человек не ответственен за влияние природы и истории, следовательно, он не ответственен и не подлежит осуждению или осмеянию, если его язык подвергся ужасному разрушению. Слово *разрушение* мы употребили здесь в обычном смысле; в смысле же философском, в истинном смысле этого слова для языка, выполняющего свою функцию в соответствии с требованием времени, нет ни положительного совершенства, ни положительного разрушения. Было бы узостью видеть и признавать совершенство исключительно в древнем языке и считать новый язык полнейшим искажением. Спрашивается, в чем превосходство формы: *«տուր ինձ զհաց»* — «дай мне хлеба» над формой *«հաց տուր ինձ»* — «хлеба дай мне», *«երթալ ի տուն»* — «итти домой» над *«տուն երթալ»* — «домой итти» и т. д. и т. д. Смысл языка не в форме, а в его существе. Если, говоря *«հաց տուր ինձ»* — «хлеба дай мне», я понимаю то же, что 4 000 лет назад

понимали под *«տուր ինձ դհաց»* — «дай мне хлеба», значит язык выполняет настоящую свою функцию полностью. И нечего тут толковать о сравнительной красоте или совершенстве; и нынешний армянин имеет такое же право говорить так, как он говорит, какое имел тот армянин 4 000 лет тому назад, говоря так, как тогда говорил. Кому это не нравится, пусть отправится на кладбище, разыскивает умерших 4 000 лет тому назад и говорит с ними. Мы же, живые, признавая право времени и истории, не можем, оставив живых, разговаривать с мертвыми. Отсюда ясно, какое легкомыслие высмеивать тот или иной областной диалект и тем самым тех, кто на нем говорит, какое легкомыслие смотреть на них, как на низшие и жалкие существа, точно они совершили преступление. О, рогатая глупость!

Настоящее, полное жизни поколение — не пленник умершего, прошлого. Тому же, кто хочет добровольно отречься от сегодняшней своей жизни и надеть на себя ярмо прошлого,— нам нечего сказать.

Если желательно, а желательно от всей души, *общенациональное* единство нового языка, то, значит, надо с радостью приветствовать произведение, целиком написанное на каком-либо провинциальном диалекте, потому что основательное знание языка, его разработка и успехи, так же как и идея будущего единства армянского языка, даже невообразимы без помощи провинциальных диалектов. Для защиты наших положений мы собрали массу фактов, но рамки нашей статьи не позволяют нам привести их здесь. Мы считаем лишь необходимым сказать, что, рабски подчиняясь древнему языку, не прислушиваясь к народу, меняя только что возникшие, молодые, свежие, находящиеся на стадии становления формы языка на старые формы,— означает, что идея разработки языка для нации превращается в такое же бесплодное дело, как идея употребления древнего и умершего языка. Несомненно, это не значит, что при разработке нового языка, освобождая его из-под ярма древнего, надо подводить его под ярмо того или иного провинциального диалекта. Местный или провинциальный диалект не имеет практического значения для всей нации, и идея разработки нового языка под исключительным влиянием того или иного диалекта так же бесплодна и неосуществима, как идея древнего языка, как идея развившегося под его

влиянием нового языка. Подобная разработка уже по самому своему существу противоречит принципу разработки нового языка, состоящему в том, что *язык должен быть понятен как можно более широким массам*. Поэтому новый язык следует рассматривать и разрабатывать *самостоятельно*, совершенно не стесняя себя древним языком, не подчиняясь рабски провинциальным диалектам и иностранным языкам. Все существенные элементы областных диалектов, которые по своей форме и структуре как живые способны привиться к языку общества, должны попасть в руки искусных писателей и, химически соединившись, выйти, превратившись в нечто новое — «не обрезание, не необрезание, а новая тварь». Это тяжелый вопрос, требующий длительного времени для его разрешения, но во всяком случае таков наш путь. Мы обязаны приложить все наши силы к тому, чтобы постараться разрешить эту задачу. Нет надобности говорить, что писателям, занимающимся разработкой этой задачи, требуется всестороннее изучение языка. Только что окончивший какую-нибудь жалкую школу юноша, который, взяв в руки перо, к несчастью нации, без толку заполняет целые страницы, называя это *статьей*,— такие люди могут помочь в деле разработки языка столько же, сколько и любой человек из некультурной среды. Пусть наши слова не обескураживают их. Мы не против увеличения количества наших писателей, наоборот, вслед за Моисеем мы повторяем: «О, если бы всякий израильтянин был пророком». Но пророк должен быть похож на пророка!

Обрабатывая, шлифуя, приводя к единству наш новый язык, не надо малодушничать и огорчаться, что это невозможно сделать, как нам того хочется, за один год или за пять лет. Невозможно, чтобы то, что образовывалось тысячелетиями под влиянием различных стран и различных обстоятельств, что несет на себе печать этого влияния, куда в течение тысячелетий всякий встречный — будь то турок, татарин, персиянин, араб, русский — вносил свою лепту, как бы камень на могилу Саркиса Бухараци [1], невозможно, чтобы подобный язык был разработан и отшлифован в мгновение ока. Здесь необходимо терпение и длительная самоотверженная работа.

Несколько выше, говоря о предисловии г-на Прошяна, мы назвали его *неудачным*; но и в этом предисловии из

8 страниц есть одно здоровое место, смысл его таков: желательно, чтобы каждый образованный человек выявил у себя и сообщил нации быт, нравы, привычки, обряды, понятия и моральный уровень нашего народа. Идея эта достойна внимания и против нее ни с нашей и ни с чьей-либо стороны не может быть никаких возражений.

Заканчивая предисловие, автор говорит: «Надеемся, что нация примет «Сос и Вардитер» как ничтожное творение неопытного юноши».

О, если бы все наши юноши были таковы! Тогда давно перестали бы плакать граф Эммануэл и Мечухеча.

Ошибается г-н Прошян. Нация приняла (и не имела права не принять) это произведение как произведение молодого еще, но подающего большие надежды писателя. И «пусть она проявит отеческую снисходительность,— продолжает автор,— к имеющимся здесь многочисленным недостаткам».

Не прощения заслуживает г-н Прошян, а благодарности и уважения. Он не совершал преступления, чтобы нуждаться в прощении. Многочисленны и очевидны действительные достоинства его произведения, в то время как недостатки — ничтожны и незначительны. Да, есть люди, и некоторых из них мы знаем, которые избегают, как «черт ладана», признавать чужие достоинства. Не имея собственных достоинств, они пытаются заработать их за счет отрицания достоинств других, часто охаивая не только произведение, но и личность самого автора. Г-н Прошян не мог составить исключение и не встретить подобные суждения, когда по-разбойничьи желали отнять у писателя то, что неотъемлемо. Мы говорим это, ибо слышали от подобных самодовольных бездельников разные мнения о «Сос и Вардитер». Прощая им, мы не хотим считать их мнения за нечто предвзятое, а приписываем их невежеству и недостаточному пониманию литературы.

Ниже они вновь услышат то, что уже было сказано им устно. Быть может, повторение излечит их.

Если писатель виноват в том, что его произведение не лишено недостатков, то, спрашиваем мы, «чье произведение совершенно?» Сегодня всем известно, что не свободны от недостатков и Мильтон, и Шекспир, и Гомер, и Данте — неужели и этого еще не знают наши уважае-

мые философы? Не надо забывать, что люди, имена которых мы упомянули,— величайшие из поэтов, когда-либо родившихся под луной. Природа никогда не воплощает идею совершенства в одной личности, следовательно, и в ее произведении. Это противно основному руководящему закону природы. Идея совершенства — это нечто такое великое, для воплощения которого недостаточно одного, отдельно взятого, хотя бы и величайшего, из смертных. Обиталищем совершенного является душа всего человечества.

Г-н Прошян, если и не создал или не изобразил нам характеры так, чтобы они постепенно развивались и росли перед глазами читателя, зато общественную жизнь он изобразил в очень ярких и живых красках и дал по своей реалистичности достойное восхищения изображение тех или иных сторон живущих в этом обществе характеров. Кроме того, разве, показав в армянской жизни (вообще) типы, развивающиеся от начала до конца логически, г-н Прошян не вышел бы за пределы естественного? Разве жизнь армян в настоящее время такова, чтобы такие характеры (вообще) не считать выдуманными? Раньше всего исследованию подлежит жизнь народа, ибо она для поэта служит основанием, на котором он возводит свое здание. Понятно, не виноват и народ, что его жизнь в настоящее время не дает иных, чем в «Сос и Вардитер», характеров и явлений. Для того чтобы развились иные характеры, нужна почва, условия, возможности, которых мы сегодня лишены и отсутствие которых, быть может, частично компенсирует просвещение, если наука ступит в Армению.

Автор приложил все свои силы к тому, чтобы показать нам все, что в настоящее время есть в Аштараке, дать полностью положение, в котором пребывает эта деревня. При этом автор не только обрисовал все добросовестно, но и прекрасно понимал и сознавал стоящую перед ним задачу. Он запечатлел на бумаге такие тонкие, психологические, неуловимые для многих явления и так просто, естественно, без напыщенности и подлинно изобразил все это, что мы, несмотря на то, что давно уже преступили дозволенные пределы, не можем не показать некоторые из них. Да, мы обязаны показать их, так как до сих пор мы говорили лишь о недостатках, а о достоинствах мы говорили только вообще. Но выполнить такую

обязанность в такой небольшой работе нелегко, так как все произведение, за исключением приведенных нами незначительных недостатков, проникнуто настоящими достоинствами, и поэтому не знаешь, на чем и остановиться. Постараемся кое-что показать. Советуем каждому армянину прочесть самому эту книгу, ибо невозможно привести здесь все имеющиеся в ней достоинства.

К числу достоинств мы относим описание природы во всем произведении от начала до конца. В этих простых и в то же время великолепных описаниях нет ни одной неискренней нотки. Горы, поля, сады, времена года — все это живет под пером писателя.

К достоинствам относим образ Ануш (стр. 15), в котором удивительно удачно схвачены черты армянской девушки. В вербное воскресенье в церкви Сос просит ее передать Вардитер собранные им фиалки. Ануш от всего сердца готова исполнить просьбу своего родственника, но свойственная ей полузастенчивость заставляет ее колебаться. «Ладно, дай, посмотрю,— отвечает она Сосу,— ой, позор мне, решусь ли я сказать, что прислал Сос? Но если она рассердится и не возьмет, выпутывайся из беды сам».

В церкви, после долгой дружеской беседы с Вардитер, Ануш говорит ей о фиалках, признаваясь, что не соглашалась выполнить это поручение, боясь причинить Вардитер боль, но сделала это по принуждению своего брата Гарегина. Вардитер, хотя и очень обрадовалась этому и не знает, как получить фиалки, но тем не менее по женской хитрости она не открывается тотчас же перед Ануш. «Дай,— говорит она,— я к услугам твоего брата, из уважения к нему я со скалы брошусь, пойду в огонь и воду; ради выполнения его воли я перенесу всякий позор».

Было бы уместно тут сказать ей: «Как бы не так, будто ты ради выполнения воли Гарегина принимаешь эти фиалки».

Но спустя несколько мгновений Вардитер полностью признается Ануш и, посылая через нее Сосу гату (печение), говорит, что она постоянна в своем чувстве, просит передать, чтобы и Сос остался верен своему слову. «Надеть тебе мой платок на голову, стать тебе женщиной, а мне мужчиной, если отступишься от меня»,— передает она Сосу через Ануш.

Сладостно слышать свободное армянское слово, когда оно идет прямо от сердца народа, от его сознания, когда оно не отравлено искусственной моралью, вроде китайских церемоний, под которыми стонет сегодня даже просвещенная Европа.

Весьма удалось писателю описание вербного воскресенья. Описание народа в церкви, «слава в вышних богу», трещотки * ребят, шум громко говорящих старух, смотрины в ограде церкви — все это замечательно. Что же касается недовольства священника по поводу шума, поднятого трещотками, что касается реалистичности изображения характера священника — лучше замолчим, пусть говорит сам автор: «Дети подняли такой шум своими трещотками (стр. 19), что заглушили голос священника. Ничего нельзя было разобрать из «слава в вышних»; священник хоть и рассердился, но кому скажешь, не один, не десять их. Бедный священник, огорченный и расстроенный, вынужден был вернуться на свое место, ему осталось отплевываться: тьфу, тьфу, пропадите пропадом, что это за обычай — устроили жидовскую синагогу».

Очень трогает нас горячая религиозность аштаракских женщин: в этой их религиозности чувствуется детская наивность, кротость — отличительные свойства благочестивой и добродетельной армянки. Имею в виду то, что произошло по дороге в Парби. Когда Анаспор, рассердившись на Соса и его друзей, распевавших песни, обрушивается на Вардитер, бедные женщины упрекают ее, считают это непристойным: «Ну, чего ты каркаешь по дороге к святыне, в этот добрый час рассвета». Точно живую, вижу я армянку, произносящую эту фразу,— до такой степени естественны эти ее слова, до того они соответствуют ее понятиям, мыслям и логике.

Бесподобна картина жизни, которая вырисовывается из разговора родителей Вардитер на стр. 97, 98, 99 и 100. Настолько она прекрасна, что мы не в состоянии передать ее своими словами, но не можем передать и словами автора, так как пришлось бы переписать все эти

* Такая игра есть и в Новой Нахичевани. Там она называется «чрчр». 23 апреля — храмовый праздник в церкви св. Георгия. Он длится три дня. В эти дни в Нахичевани все женщины, девушки и молодежь находятся в ограде церкви или за оградой, где организуется праздничный базар. Именно в эти дни дети забавляются трещотками, но делают они это вне церкви. По прошествии праздника трещотки исчезают до следующего года.

страницы, ибо нельзя ничего из них выпустить. Поэтому ограничиваемся лишь указанием на эти страницы.

Читателям «Сос и Вардитер» знакомо происшествие в день преображения господня, когда мать Вардитер устраивает обручение своей дочери с Сосом и уговаривает его поцеловать Вардитер. Нам хочется привести лишь те слова старухи, в которых она, вернувшись из церкви Анаванк, не только отрицает перед мужем акт обручения, не только оправдывается, но и осуждает болтающих: «Сгинуть бы им всем,— говорит она,— пусть себе болтают, пока не подохнут; слушай, Хечан, вот беда! Что это за бесстыдники, болтают все, что не взбредет в голову. Слава богу, никто из нас не умер, встретимся когда-нибудь лицом к лицу, что они тогда станут делать, а?».

Дело в том, что все эти разговоры верны, и если дело дойдет до очной ставки, то, несомненно, будет уличена именно она, но все-таки хитрая старуха использует то впечатление, которое производит на мужа такая ее категорическая речь. Автор отлично понимает увертливость в характере подобных старух, в женском характере вообще.

Приведя все это, мы, конечно, не только не исчерпали избранные места, но и приведенное охарактеризовали недостаточно. Подобные психологические явления каждый должен понять собственным умом, почувствовать собственным сердцем. Описанное другим лицом выходит слабо, особенно, когда вырываешь из целого отдельные куски. Во всяком случае нам это дело не удается.

Описывая нравственную чистоту аштаракцев, а тем самым и миллионов других армян, автор не забывает местами вскрывать их нравственные язвы и бичует безнравственность.

Старик Етум, отец взрослых детей, владелец многих садов, стоя одной ногой в могиле, тем не менее закрывает канаву в чужой сад (стр. 86) и направляет воду в собственный. «У покойного своего отца переняд»,— говорит он, тогда как очередь на воду не его, а бедного соседа. Сосед, увидев это, протестует. Етум отвечает: «Сынок, клянусь, не знаю, в чем дело, быть может, вода прорвалась сама?». Бедный сосед знает, что он лжет, и умоляет его: «Дядя Етум, да удостоишься ты царствия небесного, не закрывай воду — все у нас повы-

сохло». Но Етум, несмотря на все просьбы, по уходе этого несчастного снова закрывает воду в его сад и направляет в свой. Надо было, чтобы подобные Етуму люди были проучены на этом; тем более автор во время беззакония, творимого Етумом, посылает к нему Папака с сообщением, что умер Аршак Вагаршакянц. Ясно, что почтенный автор хочет через религию, или по крайней мере морально, воздействовать на застывшую совесть подобных людей, напоминая им о существовании смерти на земле. О, если бы религия воздействовала на нравственность, то на земле был бы рай. Но где там!

То же и Баграт ага (стр. 139—140). От имени Соса он берет у тюрка трех баранов, а показывает Сосу одного. Это не все — он еще требует, чтобы Сос съел своего барана не один, а вместе с ним и со старостой. Благородный юноша прекрасно понимает, в чем дело, и весьма тонко обличает лживость и гнусность Баграт аги. Отказываясь от барана, он говорит: «Благодарю, ага, дарю тебе и этого, пусть никто не говорит, что Сос брал взятки».

Г-н Абовян («Раны Армении», стр. 37) заставляет одного канакерца сказать своему свойственнику Арутюну следующее: «Пускай слова об горы да об камни стукнутся, унеси их ветер на все четыре стороны... Твоя голова, что гора. Дождь, снег, град ли пойдет, молния ли ударит — тебе нипочем»[1].

Голова Баграт аги гораздо крепче головы свояка Арутюна: слова Соса не подействуют на такого. И в самом деле, посмотрите, с какой наглостью он отвечает: «Молодцом, сын мой, умно рассуждаешь, змеиную кость может переварить только аист».

Как погляжу, ты не только змеиную кость, но переваришь и мастодонта*.

Мы со своей стороны выражаем почтенному автору благодарность за то, что он вскрывает подобные моральные язвы нации, которые, если бы не были обнаружены, могли бы не только загнить, но и с присущей им способностью распространять заразу, оказаться гибельными. Это язвы общечеловеческие, свойственные не одной лишь

---

* Огромное травоядное допотопных времен, принадлежит к толстокожим и многокопытным животным. Нынешний слон, поражающий нас величиной, годится мастодонту в детеныши. Лучший из обнаруженных до сих пор скелетов этого животного хранится в Лондоне, в Британском музее. Да зазвенит в ушах у крупных животных!

нашей нации, быть может, наша нация даже свободна от многих общих язв. Пусть не подумают, что, выражаясь так, мы воскуриваем перед нашей нацией фимиам, нет, мы отмечаем лишь истину. Хотите услышать больше? Так вот: нравственность других, более просвещенных наций (говоря нации, мы имеем в виду простой народ) много ниже, чем нравственность армянской нации. Мы читаем статистику и ежегодник преступлений, совершенных в просвещенных странах. Когда я пишу эти строки, несколько таких книг лежат у меня на окне, чтобы приводить нас в ужас. Хотя мы и не имеем таких книг относительно нашей нации, но мы берем живую нацию, с которой более или менее знакомы, как неподдельную книгу, и, сравнивая со статистикой других стран, говорим, что наша нация свободна от многих язв.

Но, несмотря на это, имеющиеся язвы надо вскрыть и лечить. Хотя быть легко больным и лучше, чем быть при смерти, но полное здоровье или стремление быть вполне здоровым — еще лучше.

Очень ясный и трогательный разговор об общественном управлении и общественном хозяйстве в Аштараке мы слышим ночью, когда в саду у Соса курят водку.

Из уст Вайкуна раздается горькая жалоба: «Все хорошо у нас в деревне, жаль только, что наши почетные люди и старосты несколько корыстолюбивы. Что это за порядки! Во время сбора налогов с меня, бедного человека, они взяли вдвое больше чем следует; говорят, в деревне были расходы, надо их покрыть. Сами едят, поправляют свои дела, а бедняков разоряют. У меня один лишь жалкий сад, а меня облагают наравне с тем, кто владеет тремя садами, и не спрашивают, по силам ли слабому быку тянуть ярмо с буйволом» (стр. 169).

Грустно делается, как вспомнишь, что угнетенный земледелец или крестьянин вынужден молчать и протестовать против своих угнетателей только в ночные часы, в одиночестве, когда никто не слышит его протеста...

Мнение Соса о несносных национальных управителях мы готовы принять как злую сатиру, но с болью признаем, и очень многие того же мнения, что они,— подлинно таковы.

— Послушай, Вайкун, чего ты дергаешь этих людей? — говорит Сос. — В какой это деревне не бывает издержек? А когда приезжает какой-нибудь мовров (го-

сударственный чиновник) или есаул — разве не надо его кормить, встречать курицей, бараном, вином, водкой — разве не нужно всего этого? Сделав своему ребенку обновку, на следующий же день, когда он не слушается тебя, говоришь ему: дитя, я тебя одел, чтоб ты побыл послушен, а ты словно заложил уши. Так и он — сколько он о нас думает? Он наш ага, если навестил, то неужели не поднести ему кувшина вина, литров пять водки? Вот наступает пора винограда, разве свежего винограда, персиков — не нужно отнести ему? Не мы же одни? Во всем мире так. Ты даешь от своих благ, апаранец доставляет корм его лошадям на весь год, курд — баранов и ягнят, тюрк — масло и сыр, житель равнины — сено, пшеницу; всякий относит ему, что имеется у него в селе.

— Сос, джан,— отвечает Вайкун,— ты прав, но что бы то ни было, таких больших расходов не может быть; здесь, без сомнения, пользуются наши власти.

— Удивляюсь тебе, — вступает в разговор старший брат Соса — Парст.— Послушай, а разве власти обязаны тебе служить даром? Постоянно, когда приезжают большие люди, мовров или архимандрит, власти принимают их у себя, кормят их, лишая себя и своих детей; конечно, если бы им не было в этом выгоды, то почему бы они стали это делать? — они такие же люди, как и ты.

Но Вайкун в своем протесте идет еще дальше.

— Какие у них расходы? Сельский рассыльный доставляет им все: и масло, и хлеб, и мясо, из деревни, впятеро больше, чем нужно, собирает; набирает так много, что они по десять дней после отъезда гостя едят и все не кончается. Он предоставляет только квартиру. Если бы я имел такой дом, целовал бы ноги приезжающим, звал бы их к себе, тогда мое слово имело бы вес, одного разорил бы, укрепил бы другого; погнал бы свою лошадь, куда хочу; теперь, когда приезжает мовров, тотчас же спешат к нему наши ишханы (старейшины, богатеи села). Ишханы проводят с ним время; я же удираю в страхе: боюсь, как бы не выпорол меня рассыльный, как бы не поставил у меня в хлеву лошадь приезжего, не велел бы накормить ее, поднести моврову курицу. Мовров останавливается у ишханов, а разоряется бедняк, так ведь это? Скажем, ты зажиточнее меня, у тебя никто не останавливается, а я нищий, больше тебя несу повинностей, плачу податей, поставляю лошадь; а если мы с тобой

поскандалим, за меня постоят двое моих родственников, за тебя же постоят десять твоих односельчан, ибо они знают, что ты богаче, чем я, от тебя им будет выгода, а у меня ничего, кроме костей, им не найти. Допустим, что в той ссоре я и был бы прав, но мне не сдобровать, если пойду жаловаться моврову; если он тебя вызовет, то ты принесешь из села бумагу, в которой будет сказано, что жалобщик виноват сам (!!). Тогда мовров тебя отпустит, а меня высечет (!!!) — а затем, очевидно, ты ему в свою очередь обещаешь кувшин вина, взвалишь на лошадь и отвезешь.

— Прав дядя Вайкун, тысячу раз прав, — говорит Аршам, младший брат Соса, обращаясь к Сосу и Парету. — Чего вы лицемерите? Вот это — наш дедовский сад, а ведь если захотят — отнимут (!!!); сколько примеров того, что, пока не имеют от тебя выгоды, ничего тебе не сделают.

Устами Аршама говорит представитель нового времени. Быть может, Парет и Сос в глубине души и признают справедливость сказанного Вайкуном, но боятся открыто исповедовать истину. Аршам — представитель своего поколения: он не только признает горькую истину этих слов, но и осуждает лицемерие своих братьев. Жаль, повторяем, что в «Сос и Вардитер» мало проявляется направление, которое мы видим в Аршаме, но и имеющегося достаточно, чтобы видеть животворное влияние скептицизма[1]. Желаем удачи этому посланцу неба.

Показывая экономическое состояние и взгляды аштаракцев, г-н Прошян так мягко и незаметно разоблачает ошибочность их взглядов, что не всякий читатель поймет это. Если не из других источников, то по крайней мере из «Сос и Вардитер» многим известно, что все аштаракцы живут садоводством,— это единственный источник их существования. Посмотрите теперь образцы авторских разоблачений.

Читатели «Сос и Вардитер» помнят, вероятно, молодых богомольцев, которые по пути в Анаванк попали к своему родственнику Гарегину, пригласившего их к себе отдохнуть (стр. 107—109). Поднося гостям виноград, он извиняется, что не может угостить их чем-либо другим, так как и дома никого нет — все в саду. «У аштаракца ничего, кроме садов, нет, — говорит он. — С весной взоры всех устремляются на сад. Пока снимут урожай — из сил выбиваются. Вы, братцы, — горожане, не-

которые из вас торгуют, другие ремесленничают,* среди вас нет людей без дела; а крестьянин занят своим полем, работает, приносит домой годовой запас хлеба, держит овец, буйволов, лошадей, имеет плуг, соху. Хлеб, масло, шерсть — все приходит само собой. Мы же лишены и того и другого. Только от сада и ждем; не дай бог, если побьет град, или повредит гусеница, или будет неурожайный год — помрем с голоду. Только один сад и есть у нас — и все враги этой пищи: человек, собака, лошадь, птица, всякое насекомое — все едят. Половину урожая

---

* Ремесла в Армении находятся в плачевном состоянии. Об этом надо подумать, надо постараться развить их. По нашему мнению, рано или поздно, а не обойтись без посылки учеников в Петербург и Москву. И не в школы, а к мастерам или на фабрики для обучения тому или иному ремеслу. Если армянин, несмотря на тяжелое состояние ремесла в нашей стране, тем не менее отдает своих детей на выучку к ремесленникам, то, нам кажется, у него нет оснований не посылать детей для обучения более совершенным ремеслам в ту или иную столицу. Везде ученик работает бесплатно у мастера по 4—5 лет, так же и в столицах, значит, и в этом нет никаких препятствий к тому, чтобы армянин предпочел развить ремесло своей страны, ибо те, кто им занимается, очень бедны. Верно, надо в этих городах знать благочестивых армян, которые приняли бы в этих учениках отеческое участие, увещевали бы, поучали их, показывая пример собственным приличием, трудолюбием и умеренностью для того, чтобы ученик, пока он обучается ремеслу, не сбился с толку — как это часто бывает с ремесленниками. Конечно, трудно издалека посылать детей в Москву или Петербург в ученичество — много потребуется расходов на дорогу; но армяне непрерывно сообщаются со столицей, и мы думаем, что среди них не могут не найтись благочестивые и добропорядочные люди, которые во имя прогресса нации не согласились бы доставить юношу и не поместили бы его с отеческой заботливостью у какого-нибудь известного мастера, в зависимости от способностей ученика и от удобств. Мы думаем, что это чрезвычайно важный вопрос для нашей нации. Если желательно, а это желательно от всей души, чтобы по мере возможности посылались учащиеся в различные школы учиться тем или другим наукам или приобщаться к просвещению вообще, то не менее желательно, чтобы в той же мере посылались учащиеся обучаться ремеслам. Теоретические знания без помощи ремесла не могут применяться в нации. Если все станут философами, то некому будет восстанавливать в нации то, что разрушено. Философ не умеет делать то или другое орудие, в котором весьма нуждаются земледельческое население и трудящиеся. Философ не может позаботиться и сделать ни одну из тех вещей, отсутствие которых ныне является причиной страшной бедности нашей нации. Хоть бы наш голос нашел отклик в благочестивых сердцах, и они, привезя нескольких учеников в столицы, послужили бы для других добрым примером и поощрением. Десять лет такого попечения могут совершенно преобразовать экономическую жизнь нации и осчастливить ее. Хотя бы голос наш не остался гласом вопиющего в пустыне!

отдаем даром прохожим или нищим, это хорошо, хоть впрок идет. В городе — все за деньги. У крестьян денег нет, мы и страдаем. Держим несколько коров, чтобы была простокваша детям, да и то не можем справиться, все за деньги покупаем».

Почему Аштарак должен иметь такую участь? И не один Аштарак. Аштарак — одно из счастливых сел. Есть несравненно беднее его. Вот что рассказывает нам почтенный автор: «В деревне Могни традиция: у кого остановится богомолец, тому он обязан отдать и шкуру принесенного в жертву барана, и ляжку, и половину курдюка, голову, ноги. Во всей деревне всего восемнадцать домов (семей). В каждом из них останавливается по десять-пятнадцать семейств. Нет семьи, которая за эти три дня не запаслась бы на весь год и каурмой[1], и шерстью, да всего и не перечесть. Могнинцы не довольствуются этим. Дети их с вечера до рассвета и с утра до вечера ходят по богомольцам с посудой в руках — собирают жертвенное мясо, притворяясь нищими, а богомольцы щедрые — разве могут они отказать побирающимся по святым местам нищим? Могнинцы — бездельники. Если бы они занимались своими делами так, как они собирают это жертвенное мясо, то все они теперь жили бы по-барски, не хуже ханов; бог наградил их всем, все у них хорошее, полей у них много, а сами они — бездельники» (стр. 157).

Нам, по правде говоря, это непонятно. Автор свидетельствует, что все у них хорошее и полей много. Хотя автор и ссылается на их лень, но лень, доходящая до такой степени, также для нас непонятна. Нет ли здесь внутреннего гнойника, мешающего естественному течению экономической жизни? Так или иначе, а это очень плачевно.

Вряд ли лучше участь жителей Карби, Анаванка, если они по пять-шесть сот человек приходят во время урожая садов работать в Аштарак, если отец Вардитер, пригласив для работы десять рабочих, обещает каждому из них по маленькой корзинке винограда.

Признаемся, что мы несведущи в поземельных делах крестьян в этих краях. Поэтому сдерживаемся, чтобы, не зная, не делать выводов об этих весьма горестных делах.

Однако, как и всякому путешественнику, которому позволительно делать свои заключения о той или другой местности, не углубляясь в причины, на основании одних

впечатлений, я, побывав несколько недель в Эчмиадзине и получив некоторые впечатления, не могу не выразить того, что они подсказали мне. Очень тяжелое впечатление произвела на меня нахлынувшая в Эчмиадзин с осеннего могнинского храмового праздника масса моих сородичей. Безобразные, до последней степени изодранные одежды армян, переселившихся из Турции или Персии, муж с женой и с несколькими детьми на одном вьючном животном, жизнь под стенами эчмиадзинского храма — все это дает нам основание предполагать, что они пребывают в вопиющей бедности, от которой переселенчество их не спасло. Мы не знаем внутреннего состояния, т. е. условий общественной жизни, в которых живут они у себя в деревне, следовательно, как мы сказали об этом и раньше, не можем знать точно и причин их бедности.

Возможно, что некультурность, умственная отсталость, невежество должны были иметь отрицательные последствия, отсутствие школ, полезных советов — все это оказывало отрицательное влияние на ведение хозяйства. С раздирающей душу болью я наблюдал среди богомольцев отличительные черты рабства женщины, как в крайне варварских нациях,— девушек и женщин с продетой через ноздри, как у медведей, серьгой. Уже не говорю о египетской сурьме и персидской хне; первая из них служит для окраски ресниц, вторая пальцев. Кто разъяснил народу вредность этих привычек? Кто позаботился о здоровье и сохранности паствы?

Если бы наше святое и преподобное, витающее в небесах и царящее в воздухе духовенство заботилось хотя бы о таких вещах, то разве оставались бы до сих пор в населении эти обычаи? Но в том-то и дело, что наличие или отсутствие этих обычаев вовсе не связано с его сущностью.

«А священники наши, дай бог им здоровья, — говорит устами Гарегина наш Прошян (стр. 2), — хоть подавись — двух букв не умеют связать, только и знают, что налегают на требник, не думают о том, чтобы рассеять проповедью эти привычки»*.

---

* Бедный Прошян! он до сих пор не знает, что г-н Чамурчян может и его окрестить именем неверующего, объявить принадлежащим к «Дому еретиков». Подойти к добыче льва... безнаказанно? Злой испанский дух этого не допускает.

Но вернемся снова в Аштарак.

Скажем, Аштарак занимается садоводством. Но ведь уход за садом не связывает земледельца весь год? Естественно, большая часть трудов по садоводству и тяжелая работа должны лежать на молодых, но разве нет такой легкой работы, которая, не требуя от крестьянина больших усилий, требует только осмотрительности и заботы? Взять хотя бы разведение шелковичных червей, которым занимаются в течение почти одного только мая месяца. Если не говорить о молодежи, которая в мае тоже почти свободна, так как в это время ей не надо ни закапывать лозы, ни подрезать, ни убирать урожай, если не говорить о том, что в мае она свободна и от занятий полевыми работами, так как сев уже закончен, а уборка сена начинается только в начале июня, когда бывает уже окончена работа с шелковичными червями, если оставить все это в стороне и если бы шелководством занялись только старики, старухи и девушки, то сколько пользы получили бы от этого Аштарак и другие села.

Но из «Сос и Вардитер» мы видим, в каком плачевном состоянии находится разведение червей в Аштараке.

Встретив возвращающуюся домой с тутовыми листьями в руках Вардитер (стр. 71—72), отец спрашивает:

— Откуда эти листья — не с красной ли шелковицы с розовыми косточками?

— Нет, — отвечает дочь, — с той, которая без косточек.

— Ну, неси, неси, — продолжает Етум, — черви подыхают с голоду, дочка, пора им уже обратиться в коконы. Пусть уж наедятся скорее, и покончим с этим раз навсегда. Съели они все мои деревья, а если, даст бог, доживем до будущего года, то твой мать уже не похвастается, что заведет их снова.

Из этих слов ясно, какова любовь к шелководству. Владелец дерева жалеет лучшие листья (хотя лучшим для шелководства является белое тутовое дерево, а не красное, как он думает; науке известно, что выкормленные белыми листьями шелковичные черви дают более тонкую шелковицу, но важно здесь то, что ему жаль отдавать лучшие, по его мнению, листья), и он дает слово в следующем году не заводить червей.

Получаемый же шелк идет у них только на домашние нужды. «Плохой сварим, приготовим простой шелк,

а лучший на что-нибудь да понадобится», — говорит Вардитер Ануш.

Что касается ухода за червями, то бог знает, в каком он состоянии. Заболевание червей приписывается «злому глазу» Мариноса. Средство для излечения — единственное: надо отправиться к Амазу Петканяицу и упросить его притти и молитвой выгнать зло.

Насчет окуривания гармалой мы не хотим высказать ничего категорического, так как в европейском шелководстве этого нет и так как наука отвергла предвзятое мнение о том, что дым вообще (как табачный и др.) приносит вред. Окуривание этой горькой травой, быть может, и имеет местные причины, какое-либо естественное основание, но нам об этом ничего неизвестно, и поэтому мы не имеем права говорить ни за, ни против. О «злом глазе» Мариноса и лечении от него мы имеем много возражений, но об этом когда-нибудь в другой раз.

Известно, что если хочешь извлечь из чего-либо пользу, то должен хорошо изучить то, из чего будешь ее извлекать, иначе и самое полезное дело пропадет попусту.

Мы знаем, что в Азии долго еще не смогут получать из коконов шелк так, как это делают европейцы. Даже шелковые нитки, полученные на севере Франции, ценятся менее, чем шелковые нитки, полученные в Южной Франции или в Италии (Пьемонт). Но в таком случае можно продавать коконы. А в таком большом селе, как Аштарак, если разводить много шелкопряда, то легко можно было бы открыть на товарищеских началах маленькую шелкомотальную фабрику, где мотали бы нитки из шелкопряда всего села. Хотя шелкомотание требует большой ловкости, осторожности и особенно непрестанного внимания, чтобы не запуталась нитка, тем не менее мы уверены в ловкости армянок, убеждены, что если бы у них были приличные инструменты и кто-нибудь учил бы их обращению с ними, то они работали бы не хуже европейских женщин.

Мы говорим только о занятии шелководством, но это не единственное, из чего могли бы извлекать пользу армяне. Есть многое другое, что на сегодняшний день отсутствует. Правда, и некому обо всем этом говорить, наука не ступила в Армению, а наши просвещенные люди носятся с допотопными идеями. Ни книг, ни читателя!

Не нужно нам и школ. Да сгинет колыбель протестантства и неверия! Представляем, как приятно должно звучать это восклицание для г-на Чамурчяна.

Не с небес же перенимать простому народу! Человек должен увидеть, услышать, познать и затем уже, убедившись, последовать самому. Без этого невозможно не только ввести в нацию новое, полезное, но и извлечь пользу из того, что уже имеется.

Всем знаком большой пруд, устроенный католикосом Нерсесом у южной ограды Эчмиадзина. Изнуренная духотой братия выходит иногда после полудня погулять по широкому берегу этого пруда. Но насколько красивее был бы этот пруд, насколько приятнее была бы прогулка вокруг него, как освежился бы воздух, если бы обсадить его несколькими рядами деревьев. Но не видно ни деревьев, ни намерения их посадить. Почему? Мне ответили, что и без деревьев не знают, куда деваться от комаров, а если посадить деревья, то нельзя будет подойти к пруду. Таким образом, страх перед комарами лишает бедных монахов прекрасного леса, его прохладной тени и приятного шелеста листьев.

Но это — пустое опасение. Комар не кладет, как другие насекомые, яиц на деревьях. Он кладет яйца в воде (в болотах), которая является его колыбелью. Дерево не имеет никакого отношения к размножению комаров, даже можно предполагать, что скорее оно частично защищает нас от комаров. Нельзя допустить, чтобы садящиеся сейчас на берег пруда комары не расположились частью на деревьях, если бы здесь они были. А это уменьшило бы число комаров для гуляющих.

С нашей стороны было бы непонятной тупостью обвинить монахов в том, что они не знают жизни комаров. Что собой представляет комар, чтобы стоило изучать его жизнь? Согласны, комар — противное, жалящее и недостойное нашей любви насекомое. Но что делать, если незнакомство с этим маленьким насекомым служит причиной того, что люди лишаются прекрасной прогулки?

Природа говорит так: «Либо изучай мои законы, овладевай мной, извлекай пользу, либо я порабощу тебя и, не давая никакой пользы, буду причинять тебе еще и лишения». Нужны ли школы, есть ли необходимость в естественных науках, могут ли одни только отвлеченные науки давать счастье человеческому роду? Пусть пораз-

мыслит читатель над всем этим и вынесет здравое свое суждение.

Если в экономической жизни Аштарака есть грустные моменты, то в ней есть по крайней мере и нечто весьма утешительное. Это взаимная помощь, оказываемая крестьянами друг другу в работе в горячую ее пору. Например, Етуму надо начать работу в саду, ему идут помогать человек двадцать молодых людей и за день кончают всю работу. Сыновья Етума на следующий день идут помогать кому-либо из этих молодых людей, на третий день к третьему и т. д. Этот принцип имеет большой смысл в общественной жизни. Но наша статья вышла длиннее, чем жизнь Мафусаила. Оставляем дальнейший разговор об этом до другого, более удобного времени.

Но нам все еще остается сказать несколько слов о произведении «Сос и Вардитер».

Уважаемый автор, следуя за Абовяном, поставил себе целью использовать в романе народные поговорки, изречения. От всего сердца благодарим нашего автора за это. Кроме того, в «Сос и Вардитер» имеются очень красивые формы и обороты речи, которые почти везде употребительны среди армян, хотя некоторые склоняются к тому мнению, что часть их взята у тюрков (азербайджанцев). Не можем не высказать наше мнение по поводу этого заимствования.

На сегодняшний день тюрк (азербайджанец) и армянин живут почти в одной и той же среде. Эти нации подвержены влиянию одной и той же почвы, одной и той же пищи, природы. Почти до самого последнего времени они политически были под одним и тем же управлением. Обе — азиатские нации. Обе — восточные нации и, естественно, близки по своему мышлению и речи; потому что, как мы сказали, они живут в одних и тех же условиях. Тот, кто отличает нации по их религиям, не сумеет ответить на вопрос или объяснить естественную и психологическую причину того, что тюрк (азербайджанец) получает наслаждение от жалобных и унылых песен армянина, так же как и армянин — от песен тюрка, но оба они безразличны к симфонии Бетховена, для них обоих «Дон Жуан» Моцарта является «гласом вопиющего в пустыне». Оба в тысячу раз предпочитают спеть «Жаль тебя, бедный армянский народ» или «Крунк» и песни «Кёр-Оглы», «Кяри-

ма» и «Ашик-Кериба». Вопрос не в том, что лучше, что хуже. Вопрос в наличии подобного явления.

Но если такой человек обратит внимание на природу, одинаковое развитие обеих наций, судьбу обеих, полную угнетения и эксплуатации, тогда для него станет очевидным, что армяне и тюрки (азербайджанцы), будучи связаны одинаковыми узами, несомненно, недалеко ушли друг от друга по своей психологии. Пусть говорят, что хотят, но душа человека отражает внешнюю природу.

В настоящее время синтаксис нашего нового языка по преимуществу таков же, как и тюркского. Перенято ли это у тюрков или выработалось самостоятельно под влиянием тех же естественных и общественных условий, что и у тюрков, — пусть по этому поводу существует сколько угодно более или менее верных мнений. Но мы, беря это явление как факт, видим, что, несмотря на различие наречий нашего нового языка, их логика, их синтаксис одни и те же. Объявление крестового похода против этого синтаксиса, в защиту прав синтаксиса древнего языка, равносильно убийству нового языка и отрицанию имевшего место воздействия времени и истории. Мы можем указать многое и в древнем языке, что по синтаксису и формам похоже на новый язык или на так называемый турецкий язык.

Но мало этого, есть такие обороты и формы, которые присущи всему человечеству.

Человек, оставаясь десять лет в чужом обществе, так или иначе подпадает под влияние этого чужого языка, чужого духа. Как же можно требовать, чтобы, пребывая в течение тысячелетия под влиянием тюрков, татар и других наций, армянская нация не носила в своем сердце и в душе глубокой печати исторической действительности? Как можно, чтобы эта печать не отразилась на ее языке и способе мышления? Армянская нация — это же не гедеонова шерсть, чтобы не вымокнуть под росой, или не куст Моисея, чтобы не сгореть на огне. Ясно, что она должна была и промокнуть и сгореть. Но после всего пережитого, когда прививка (плохо ли, хорошо ли) уже подействовала, есть ли возможность все это стереть с пятимиллионного народа и дать взамен всего этого «настоящую» армянскую логику или синтаксис, непривычные сегодня для нации. Какой смысл в попирании прав жи-

вого народа во имя прав умерших несколько тысяч лет тому назад армян?

Переселенцы многих наций, вливаясь в большие нации, постепенно сливаясь с ними, исчезают. В армянскую нацию влились евреи, как, например, Багратуни, и многие другие народы. В армянскую нацию влились индийцы, поклонявшиеся своим предкам, как богам, еще во времена Просветителя в Тароне. В армянскую нацию влились китайцы, как, например, Мамиконяны. Быть может, предок их имел при себе как знатное лицо слуг или родственников, которые также влились в армянскую нацию. Уже не говорим об оставшихся не известными истории смешениях. Ведь пишущий эти строки или читатель — армянин? Хорошо, что невозможно узнать, кто из нас из какого происходит рода, а то ведь в противном случае неродственные племена, которые смешивались некогда с исконными, коренными армянами и тысячелетиями разделяли их судьбу, их горе и радости и которые сегодня сами носят имя армян, — не стали бы признаваться за настоящих армян. Чем отличается эта защита чистоты [нации] от взгляда тех, кто отрицает тысячелетнее воздействие естественно-исторического процесса на синтаксис нации и пытается заменить его древним?

Правда, литература при изложении научных вопросов не будет в такой степени нуждаться в осужденных формах, хотя всегда будет нуждаться в синтаксисе. Но когда она захочет проникнуть в жизнь нации, вот тогда уж эти осужденные формы явятся надежными ее проводниками, и без них двери национальной жизни останутся перед ней закрытыми. Известно, что каждая наука имеет свой язык и обороты, может ли повседневная и семейная жизнь нации не иметь своего языка? Можно ли при таком положении дел глубоко проникнуть в жизнь нации, не употребляя присущих этой жизни ее собственных форм и оборотов? Мы не хотим останавливаться долго на этой очевидной для нас истине.

Однако мы не говорим, чтобы язык нации еще более подчинился влиянию тюркского и был подавлен им. Мы против этого. В этом отношении очень печальное явление видим мы среди армян Турции, которые перешли всякую грань в деле подчинения турецкому языку. Прибавьте к этому и влияние синтаксиса и форм французского языка, от которого свободен народ, но который гг. литераторы

вводят в язык и портят его. Как могли мы, проповедуя самостоятельность и свободу языка, его независимость от древнего языка, его самостоятельное развитие, как могли мы, будучи в здравом уме, проповедовать, чтоб этот язык рабски подчинился турецкому или какому-нибудь дьявольскому языку? Но, видя употребление тюрками и армянами одних и тех же форм, мы не можем бояться этого и не употреблять ту или иную форму из-за того, что ее употребляет тюрк, не употреблять для того, чтобы не походить на него. Да, писатель, сидя у себя в комнате, может писать и говорить, как ему угодно, может употребить любую форму, но нация в целом не имеет такой власти, она не может отречься от настоящего, жить прошлым. Мы объявляем настоящим фанатизмом направление, которое без какого-либо смысла оказывает, или по крайней мере старается оказать, насилие над правом настоящего. В новом языке почти все предлоги древнего языка превратились в послелоги, прилагательные не склоняются и не согласуются в числе, ставятся всегда перед существительными, определение всегда впереди и т. д. — это то же, что и у тюрков, а раз это так, то современное армянское слово, хоть и в новом склонении, должно располагаться и сочетаться по-старому. Но для народа это тяжело и неестественно. А мне что за дело? Я говорю настоящим армянским языком, народ испортил свой синтаксис, его язык порабощен тюркским... и не только язык, и сам он, нация порабощена тюрками еще раньше, чем язык. Но что говорить!

Мы говорим все это не для того, чтобы уязвить или оскорбить кого-либо. Таков наш взгляд, таково наше мнение. И как мы вольны так думать, так другой волен думать иначе. Если кто найдет путь говорить настоящим армянским языком и одновременно быть понятным большинству нации, обещаем первыми стать под его знамя.

Неопровержимая истина, что в гущу простого народа проникли коренные тюркские слова, и мы будем вынуждены принять их как слова, выражающие повседневную жизнь, нужды и взгляды народа, точно так, как вынуждены в науках употреблять европейские слова. Когда-нибудь мы покажем тюркские слова, которые стали общеупотребительными для всей нации и которые нельзя выразить не только на новом языке, не только на каком-либо провинциальном диалекте, но даже и на древнем

языке. Кроме того, есть такие внедрившиеся и общеупотребительные в нашей нации тюркские слова, равнозначные которым хоть и имеются в древнем армянском языке, но они настолько вытеснены тюркскими, что и двести лет воздействия армянской литературы не в силах будут вырвать их из уст народа и дать ему взамен, хотя и собственные, но уже мертвые для нации слова. Мы можем утешаться лишь тем, что число таких слов очень ограничено. Нет на свете ни одного языка, к которому не были бы примешаны чужие слова. Современный армянский язык не может быть исключением из правила.

Пока ограничимся сказанным, но в специальном теоретическом обзоре[1] современного армянского языка будут подробно разобраны все относящиеся к этому вопросы. Мы не можем обещать почтенным читателям издать его быстро, хотя работали и работаем над ним в настоящее время с большой любовью.

Закончим нашу статью.

Стихи Прошяна выражают дух населения Араратской области и местами всей нации. Для примера приведем его «Джан гюлум» (стр. 74):

Яблоко надкусанное — дар.
В серебре оно — горит, как жар.
Брат просил, а я не отдала,
Я сказала: подарил мне яр.

Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан,
Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан.

Эй, надень-ка, парень, талисман,
Сбрей свой чуб, попался ты в капкан,
В дом войду я, — золота спрошу,
Алой шалью обовью свой стан.

Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан,
Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан.

Может ли в воскресный день быть пост?
Может ли златой сосуд быть прост?
Чтобы умер сын твой, вардапет, —
Может ли быть милый дальше звезд?

Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан,
Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан.

В Аштараке хорошо, светло,
Там вода прозрачней, чем стекло.
Милого там милой не дают,
Аштарак — проклятое село.

Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан,
Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан.

Под горой заветный камень скрыт,
Мой секрет любовный кем открыт?
Должен быть со мною светлый яр,
Должен быть чинар, где яр стоит.

Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан,
Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан.

Осчастливишь ты мою семью,
А найдешь другую — яр — убью,
Грамотей, за твой псалтырь умру!
За твой лоб, за родинку твою.

Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан,
Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан.

Что ж ты хмур, как туча, что умолк,
Берегли меня, как белый шелк.
Для любви готова, убрана,
Светлый яр, ждать дольше что за толк?

Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан,
Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан.

Небо в тучах, а снежок нейдет,
Ах, без яра сон ко мне нейдет.
Дверь закрыла колесом арбы,
Загнала во двор домашний скот.

Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан,
Джан. гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан.

Кто отнимет яра — не живи,
Клюв у куропатки весь в крови.
Набрала букет я красных роз,
Отослала яру знак любви.

Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан.
Джан, гюлум, джан, джан,
Джан, цветок, джан, джан.

Есть еще много таких же благородных, таких же прекрасных четверостиший, но мы хотим дать только «Колыбельную», где автор подлинно отразил дух и чувства старушки-армянки (стр. 101).

Спи-усни, здоровым будь,
Чтобы долог был твой путь.
А как вырастешь большой,
Старой бабки не забудь.

От грозы, беды любой
Заслоню тебя собой,
Кинь мне горсть земли на гроб,
Светик мой, кормилец мой.

Будешь первым ты в рядах.
Будет мир в твоих руках,
А народного врага
Доконай, развеяв в прах.

Пусть, завидев грозный взор,
Недруг прячется, как вор,
Говорит: сейчас убьет,
Ай, убьет меня Григор.

Тяжек пленников удел.
А народ армянский смел.
Вполовину лишь народ
От гоненья уцелел.

Вот Григор мой подрастет,
Воевать с врагом пойдет,
Вызволит народ родной,
Сыщет славу и почет.

Мы кончили нашу статью о превосходном произведении «Сос и Вардитер», которое возбудило в нас много мыслей и заставило заполнить много страниц. Публично, торжественно объявляем уважаемому автору нашу сердечную благодарность. Желаем еще большего совершенствования его блестящим способностям.

Себя же самих поздравляем словами Ханум (76): «Поздравляю, еще одно дело сделали, и это яйцо перекатили без скандала».

1 (13) февраля 1864 г.
г. Петербург

ГРАММАТИКА НОВОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

[*Из введения*]

I

На протяжении уже нескольких лет мы, как и некоторые другие публицисты, постоянно имели повод выступать в защиту прав народного армянского языка на существование. Сегодня, быть может, было бы излишне вновь возвращаться к этому вопросу, если бы наша работа[1] не была специально посвящена вопросу о языке.

Наш народный язык впервые попал на страницы печати в Турции. Но нельзя забывать, что авторы, писавшие свои произведения на этом языке, вовсе не ставили себе целью защищать права народного языка и утверждать естественность смерти древнего языка. Однако они это сделали, но невольно и не преднамеренно. Их аппеляция к народному языку была потребностью времени, ибо народ перестал понимать древний язык. Это невольное их предприятие было грозным протестом против древнего языка, труп которого, будучи священным для нескольких армяноведов, с испанским фанатизмом преподносился как мост приобщения к просвещению.

Исследовать и выяснить причины такого стремления армяноведов является задачей данного введения.

II

Нельзя развивать язык, рабски подчиняясь духу или влиянию древнего языка, ибо современные армяне живут в иных исторических и естественных условиях, нежели те

Страница из «Введения» к «Грамматике нового армянского языка»

армяне, которые некогда говорили на древнем языке. Нечего и говорить, что изменение исторических и естественных условий должно было отразиться и на языке; и после того, как эти изменения уже выполнили свое назначение, повлияли на нацию, невозможно их с нее соскоблить. Иначе говоря, структура или облик нового языка имеет такие же исторические и естественные основания, какие имеет структура и облик древнего языка. Даже и совершенный невежда не может отрицать это положение, ибо если бы не было причин, язык не подвергался бы изменениям. Известно, что язык не может формироваться или изменяться по воле и желанию отдельных личностей или групп людей. Язык принадлежит всему народу. Он формируется или изменяется самим народом, который без причины, без необходимости, без какой-либо нужды не прибавляет, не убавляет и не изменяет ни единого слова; но в то же время всякое изменение языка, в какую бы сторону оно ни произошло, является следствием действующей причины, потому что и среди видимых предметов, которые ежедневно пребывают на наших глазах, нет движения без причины.

Как античный армянин имел право пользоваться древним языком, древним стилем и древней грамматикой, так и современный армянин в свою очередь имеет право пользоваться новым языком, новым его стилем и новой грамматикой.

Отрицание этого права равносильно невежеству в вопросах требований истории и времени; насильно заставить язык развиваться под влиянием старых форм равносильно отрицанию требований истории и времени. Мертвое — мертво, прошлое — прошло, живое и современное принадлежит живому и современному народу, составляет его неотъемлемую собственность. Еще ни один покойник, хотя бы он и был очень жаден в жизни, не вставал из могилы для того, чтобы попрать право своих наследников и завладеть их наследством. А если бы покойник и вздумал выйти из могилы, то наследник стал бы его преследовать как чуждое явление, как чудовище и не то, что не вернул бы ему наследство, но не оказал бы и простого приема, ибо покойник, оставляя могилу, тем самым восстает против природы.

Древний язык ушел безвозвратно, ибо прошли древние времена, и если бы не прошли давно, то и не были бы

древними. Сохранить уцелевшее, живое, разработать его, дать расцвести — должно стать делом каждого разумного человека. Тот, кто любит умершего, должен заботиться об оставшемся его наследнике; более сильного доказательства, чтобы засвидетельствовать свою любовь к умершему, у него нет. И, наоборот, оставить без всякой заботы наследника, а то, быть может, даже бранить и преследовать его и, обнявшись крепко с трупом, читать иеремиаду — это, ясно, есть не любовь к умершему, а явная вражда к умершему, ибо ты, не будучи в состоянии своим плачем и рыданиями оживить его, обрекаешь на нравственную смерть и его дитя.

Камни развалин могут пригодиться при новом строительстве и должны быть использованы так, как этого требует современная архитектура. И если одни из этих камней искрошились, другие лишились угла, третьи получили выемку, то ты при всем своем желании уже не сможешь вновь придать им их прежнюю форму; вся твоя работа должна ограничиться тем, чтобы обтесать оставшиеся камни, сгладить их и сделать пригодными для нового строения. Сколько бы ты ни старался восстановить углы или заполнить выемки, напрасно будешь работать, ибо латка всегда останется латкой. Ветку с живого дерева можно привить только к живому дереву; если срежешь ветку с засохшего дерева и привьешь ее к живому или срежешь живое дерево и привьешь его к корню засохшего, в обоих случаях ты напрасно срезал живое дерево, ибо не оживет ветка засохшего дерева от прививки ее к живому дереву и не станет расти живое дерево от механического его внедрения в засохший и иссякший корень.

Если ты хочешь, чтобы строение служило твоим насущным потребностям, то камни развалин должны быть приспособлены, должны подойти один к другому и составить целое строение для реальных потребностей, согласно законам новой архитектуры. Если же ты захочешь из этих камней выстроить дом попрежнему без окон, с отверстием в крыше вместо окна, с земляным полом, как строили встарь наши предки, то дом твой останется пустым, и никто в него не вселится, потому что подобные дома в нынешнее время бесполезны. Ты, конечно, можешь выстроить также и строение, подобное строению предков, но лишь для образца, для того, чтобы изучить

архитектуру древних времен, точно так, как на развалинах Помпеи восстановили воспетый поэтом дом, или как вообще раскапывают дома в Помпее и Геркулануме. Но они все же навсегда останутся ненаселенными, ибо в свете современной жизни и ее потребностей более красивы, великолепны и более удобны для жилья дома в Неаполе и Портичии, нежели тот дом, в котором в 79 г. от р. х. обедал в последний раз Плиний Старший.

Авторитет древнего не в силах поглотить право современного, потребности сегодняшнего дня. Мы не имеем в виду влюбленного человека. Влюбленный не считается ни с законами, ни с правом, он лишь стремится к своей возлюбленной, — пожелаем ему счастливого пути! Мир не может отречься от всего и бежать за его возлюбленной, как это делает он, ибо масса более здорова, нежели влюбленный, который одержим страстью.

Столь отстаиваемая красота древнего языка, его бо́льшая разработанность — также не аргумент для насилия над правом живого народа, для отрицания не только влияния этнографических условий, но и значения исторических судеб нашей нации. Отрицая это, мы, несомненно, уподобились бы тому епископу не от мира сего, который доказывал при помощи своей чудесной логики, что Наполеон I никогда не существовал.

Прекрасное не есть право. В мире нет ни абсолютно прекрасного, ни абсолютной красоты, все зависит от того, как смотришь на предмет. Все зависит от мерила. Мерило — единственное, что измеряет расстояние. Расстояние само по себе не велико и не мало, пока его не сравнишь с чем-либо, что больше его или меньше, и не отметишь отношение между тем, чем измеряешь, и тем, что подвергается измерению.

Уже провозглашалось, что мерилом прекрасного является близость к природе[1], уподобление ей. Значит, и прекрасное в языке должно измеряться тем же мерилом — мерилом природы[2]. Но человеческое слово или его форма есть нечто невидимое, воспринимаемое только мыслью. Каким же образом видимая природа может служить ему мерилом? Мы говорили уже о влиянии природы и вновь повторяем, что по отношению к языку мысль есть природа, по отношению к форме языка природой является форма мысли. Причина? Мысль и ее форма образуются в человеке под влиянием природы, либо непосредственно,

либо через посредство жизни, на основании естественно сложившихся условий. Какова природа, каков окружающий человека мир, такова и жизнь человека, и какова жизнь — такова и мысль. И язык, который является не чем иным, как выразителем мысли, естественно, должен походить на мысль, его форма не может быть чем-либо иным и не должна быть чем-либо иным, как отражением формы мысли. Отсюда ясно, что слово «прекрасное» совершенно бессильно, если употребляется в целях отстаивания прав древнего языка. Несомненно, прекрасное, о котором мы говорили, т. е. относительно прекрасное, взятое вместо абсолютно прекрасного, отличается и от того прекрасного, которое не имеет ничего общего с природой, но зависит только от вкуса, привычек и понимания и, следовательно, ежедневно подвергается изменениям. То, что казалось прекрасным в прошлом году, кажется уродливым в нынешнем году, а то, что прекрасно сегодня, будет уродливым в будущем году. Приведем ясный и конкретный пример хотя бы из области одежды. Платья, которые мы носили десять лет тому назад, уже не говорю о тех, которые мы носили много веков тому назад, казались нам прекрасными, сегодня же ни один человек не одевается в такие платья, и если кто и появляется в платье того времени, то каким уродливым оно нам кажется! А ведь это то платье, которое десять лет тому назад казалось нам красивым, которое носили и мы сами. Что же случилось, что это платье вызывает в нас смех, а подчас и отвращение? Если платье осталось неизменным, таким, каким было десять лет тому назад, то, значит, причины того, что тогда оно казалось прекрасным, а ныне уродливым, мы должны искать в нас самих, потому что, раз изменилось прежнее соотношение двух вещей, значит, эти вещи подверглись изменению, и так как зрение наше и память свидетельствуют, что не платье изменилось, то, следовательно, изменились мы, т. е. наши взгляды, наша точка зрения. Взгляд — это калейдоскоп. Он показывает нам один и тот же предмет вначале красивым, рисует его в различных привлекательных красках, затем, как бы разлюбив или рассердившись на предмет, изображает его в таком отвратительном виде и такими бледными красками, что мы отказываемся от него. И это проделывает калейдоскоп над одним и тем же предметом по нескольку раз. Показав нам предмет в безобразном виде, он

своенравно вновь примиряется с ним и вновь начинает очаровывать нас.

Известно, что претензии древнего языка на свою красоту даже в таком понимании прекрасного не могут одержать победу над правом нового языка. Дело в том, что современность, жизнь не выносит того, что стало уродливым, а новый язык идет в ногу с жизнью, следовательно, новый язык не уродлив. То, что прекрасно, жизнь не отбрасывает. А она давно уже отбросила древний язык, следовательно, древний язык для нее стал уродливым.

Но на язык нельзя смотреть, как на что-то такое, что является лишь делом вкуса, удовлетворяет лишь наше стремление к прекрасному. Конечно, глядя на красивую картину или статую, мы испытываем духовное наслаждение, утоляем голодную жажду по прекрасному, но не голод материальных потребностей. Если мы будем голодны, то нас не спасет ни Мадонна Рафаэля, ни Афродита.

Если бы законодатели парижских мод, эти расточители, диктующие почти всему цивилизованному миру свои вкусы, оказались среди полярных льдов, они бы сбросили свои, признаваемые красивыми одежды и были бы вынуждены укутаться в медвежий мех. Нам кажется, что и Лукулл (имя которого сегодня — синоним обжорства) забыл бы свои изысканные яства и вкусные блюда и с аппетитом поедал бы жир моржей и морских собак, если бы попал в Новую Гренландию или к эскимосам Лабрадора, ибо ни модник не смог бы проживать в своем парижском платье в арктическом поясе, ни Лукулл со своими блюдами — в Новой Гренландии или на Лабрадоре. Ясно, следовательно, что материальные потребности первичны, ибо нет жизни, если не удовлетворены эти потребности. Оказавшемуся на холоде голому человеку не до красоты, ему необходимо одеться, чтобы не замерзнуть, как мертвая рыба; голодному не до вкусных вещей, ему лишь бы найти что-либо поесть; когда же человек обеспечил себя материально, тогда в нем просыпаются духовные запросы, многие из которых незнакомы еще миллионам. Но эти миллионы ведь тоже хотят жить, как живут многие художники, проживающие по 20—30 лет в Риме, влюбленные в античное искусство.

Отсюда видно, до какой степени неверно мнение о том, что язык должен удовлетворять только требованиям красоты. Язык служит человеку в течение всей его жизни,

удовлетворяет все без исключения его потребности, а не те или другие духовные желания.

Поэтому считаем себя вправе задать вопрос, является ли красота древнего языка (если и допустить ее) настолько значительной, важной, чтобы, став ее рабом, влюбившись в нее, оставить неразработанным новый язык, который, как бы некрасив ни был по сравнению с древним языком (допустим и это), несмотря ни на что, сегодня удовлетворяет все наши нужды, а древний язык для современности подобен одежде парижского законодателя мод в арктическом поясе или кушаньям Лукулла в Новой Гренландии или на Лабрадоре. Скажем, мать, которая была красива, умерла. У нее осталось дитя, которое некрасиво. Имеем ли мы право убить это некрасивое дитя? Скажем, наши предки ели очень изысканные кушанья, которых мы сегодня не можем переварить, — имеем ли мы право выбросить кусок черствого хлеба, к которому привык наш желудок и который мы с большим трудом припасли, чтобы сохранить жизнь нашу и наших детей. Что способно нас насытить скорее, сохранить наше здоровье: имеющийся у нас черствый, но съедобный хлеб или считавшиеся очень изысканными кушанья наших предков, которых мы не можем есть?

Не будем, приехавши в Италию, предлагать итальянцам заменить свой язык, бедный по сравнению с латинским, на превосходный древнеримский язык или принуждать флорентийца, чтобы он прочел и перевел на латинский язык «Божественную комедию» Данте. Нашей целью в этом деле является выявление таких фактов и примеров из реальной действительности, которые были бы доступны всякому грамотному нашему читателю. Поэтому мы говорим — поедемте в Италию и предложим итальянцам, собирающимся жениться на избранных ими итальянках: оставьте их, они некрасивы, у них нет благородной и классической красоты, какая была у ваших прародительниц, чьи портреты и статуи вы видите каждый день в Ватикане. Посмотрите хотя бы на работы Микельанджело — как они прекрасны, как совершенны, какая гармония, какое чувство меры, какое умение, какое мастерство! Как думаете — найдется ли хоть один итальянец, который оставит свою невесту по той только причине, что она не похожа на указанные тобою великолепные статуи? Они скажут тебе: милостивый государь, нам нужны жены в

настоящем, наши прекрасные праматери жили и умерли 2 000 лет тому назад и оставили нам то поколение, которое тебе не нравится. Если бы мы последовали за тобой, то это значило бы остаться без жен, ибо нынешние девушки таковы, каковы они есть, других нет. Природа и общественная жизнь требуют жены, существа живого, имеющего в жилах тепло и кровь. А те каменные, безжизненные, неподвижные, холодные изваяния, на которые ты нам указываешь, хоть и прекрасны, но они не могут в общественной жизни служить нашим насущным потребностям. Тем, что мы смотрим на холодную и безжизненную красоту или поражаемся гениальному искусству скульптора, не отдается должное природе, хозяйство наше остается заброшенным, сады невозделанными, пища несваренной, одежда несшитой и невыстиранной. Можно ли, повторяем, найти хотя бы одного человека, который, послушавшись нашего совета, влюбится в отвлеченную красоту и откажется от требований реальной жизни, отречется от своего человеческого призвания?

Выше мы сочли излишним предлагать итальянцу говорить на древнелатинском языке еще и потому, что такое же предложение можно сделать и армянину: можно попросить его говорить слогом и языком Хоренаци или Егише. Известно, что для армянина нового времени это невозможно, ибо он не знает тех форм и слога; то же самое и с итальянцем, ибо латинский язык как разговорный давно погребен под развалинами Форума и Капитолия.

Кто не знает достоинства великолепных скульптур Бенвенуто Челлини? Известно, что они высоко ценятся европейскими музеями и любителями античного искусства, но, несмотря на это, можешь ли ты использовать в качестве денег его медальоны? Можешь ли приобрести за них на рынке у крестьянина муку или масло для своих детей? Если в каком-либо обществе принимают и признают денежное начало и не дают тебе хлеба за чудесные произведения Челлини, то что больше послужит твоим потребностям: медальоны Бенвенуто Челлини или деньги?

Допустим, что я женат, жена моя некрасива, я это знаю, но раз моя жизнь связана с ее жизнью неразрывными узами, раз она является матерью моих детей, ведает моим домом, — как ты думаешь, выброшу я ее, если ты придешь и будешь говорить мне об ее уродстве и о

красоте «изнеженных женщин страны Армении»[1]. Допустим, я потерял рассудок и выгнал свою жену, что я выиграю от этого? Воскреснут ли от этого те изнеженные госпожи древности для того, чтобы служить моим потребностям? Ведь, по преданию, даже Семирамида была не в состоянии оживить своими талисманами и лизунами бездыханное тело только что умершего Ара[2]. Могу ли я оживить умерших 2 000 или 3 000 лет тому назад женщин в наш неумолимый век, в котором царствует не усыпляющая колыбельная, а полезный скептицизм[3], который упраздняет позор бесплодного человеческого недомыслия?

Мы далеки от мысли загружать эту работу увеличением числа подобных примеров, ибо на свете нет ничего больше, чем примеров. Примеры из реальной действительности можно приводить без конца, да кроме того, язык какого народа не пережил того, что пережил наш язык? Собрать все примеры, испещрить ими наш труд и увеличить его размеры — нам скучно, да и читателю, нам кажется, это наскучит, и он будет прав. Но несколько примеров пришлось привести, ибо мы не захотели ограничиться сухим изложением. Мы привели эти примеры вовсе не для того, чтобы признать абсолютную красоту древнего и уродливость нового языка; нет, мы допустили это лишь для того, чтобы подтвердить примерами нашу мысль и опровергнуть противное мнение конкретными фактами. Всякий человек со здравым рассудком видит, что древний язык имеет ничуть не более прав, нежели новый; древний язык не более прекрасен, нежели новый, древний язык не более силен, нежели новый, хотя этот последний не разработан и в литературе употребляется гораздо реже, чем древний язык. Действительно, новый язык имеет недостатки, он не лишен расплывчатости, этого нельзя не признать, но было бы странно, если бы он не имел недостатков, ибо этот язык до сих пор еще не употребляется в письме, не разработан и, естественно, он должен иметь недостатки. Но разве древний язык лишен недостатков? В нем есть слова, формы, которых нет в новом языке, так как многие соответствующие им понятия утрачены вместе с исчезновением потребности в них для нынешнего армянина. А новый язык имеет свои живые и подвижные формы и обороты, являющиеся выразителями новых понятий и потребностей, которых нет в древнем языке. Что должно содействовать оформлению,

шлифовке нового языка, как не обработка его, как не введение в литературный оборот? Что должно противодействовать расплывчатости, содействовать облагораживанию форм и оборотов этого языка, если не изучение его, не употребление, не развитие его изо дня в день? Прав Бэкон, говоря: «Чтение обогащает ум человека, упражнение в разговоре делает его находчивым, уменье же писать учит его точности». Верно, что живое слово более многоречиво, чем письмо, которое передает ту же самую мысль, но более коротко. Известно, что новый язык пока несколько расплывчат, так как его формы и обороты являются лишь достоянием простого народа и не вошли в литературу, не сжаты и не уточнены.

Нам могут оказать, что приведенные нами до сих пор примеры больше относятся к вопросу о том, какому языку надо отдать предпочтение — древнему или новому, нежели к вопросу о причинах, из-за которых нельзя вести разработку нового языка, рабски подчиняясь древнему языку.

Но мы возражаем против этого, говоря, что оказание предпочтения древнему языку — почитание его более красивым и более разработанным очень тесно связано со стремлением оказать бессмысленное насилие над новым языком путем порабощения его древним языком. Приводимые нами факты пригодны для обоих случаев, ибо оказание предпочтения древнему языку и попрание нового равносильно убийству ребенка по той только причине, что мать его была более красива, чем он. Третировать новый язык из-за того, что древний был красив, это значило бы насиловать право народа, значило бы положить живого в один гроб с мертвым и было бы похоже на то, как если бы кто-нибудь вздумал укоротить ножом нос живого ребенка из-за того, что он длиннее, чем нос умершей его матери, или, наоборот, тянуть клещами нос ребенка, чтобы удлинить и уравнять его с носом матери. Ясно, что такие действия над новорожденным младенцем погубят его, а если и не погубят, то надо согласиться, что скорее изуродуют облик ребенка, нежели украсят его. Нельзя безнаказанно поднимать руку на неоспоримое право природы.

Известно, что ребенок должен развиваться и крепнуть с такой внешностью, с какой он родился. Образование и воспитание должны помочь ему сделаться полезным чле-

ном общества. Неважно, что ребенок не так красив, как его мать. Он может, не будучи похожим на мать, оказаться более красивым тогда, когда организм его окрепнет и разовьется, он может, и не будучи красивым, по своим способностям и образованию быть во сто крат полезнее своей умершей матери. Так же и новый язык не должен порабощаться древним, он должен разрабатываться самостоятельно. Пусть он обладает эластичностью и другими свойствами, которые смогут удовлетворить наши жизненные потребности; нашего же знатока или любителя «прекрасного» мы попросим спрятать свое мерило, ибо новый язык, получив новые свойства и эластичность, должен измеряться новым мерилом. Мерило нашего любителя древности для нового языка не подойдет.

Тут противники повышают голос: «Новый язык развился под влиянием логики турецкого языка, и если его разработку не вести, подчиняясь влиянию древнего, тогда в нем ничего армянского не останется, он будет исключительно турецким [1] и т. д. и т. д.»

Признаем, что логика нового языка очень близка к логике турецкого языка, синтаксис нового языка во многих случаях почти тот же, что и синтаксис турецкого языка. Но что поделаешь, когда весь народ говорит по этой логике и синтаксису! Заставить его забыть это все и тащить к логике древнего языка, равносильно проповеди древнего языка, что в свою очередь равносильно отрицанию права живого на существование. Человек, который однажды основательно понял смысл языка, его роль, никогда не может отступить перед подобными ничтожными доводами. Мне нужно, чтобы мой собеседник понял меня, употребляя новый язык, я полностью достигаю этой своей цели. Но, оказывается, форма и логика этого языка близки к турецкому языку; ну и что же, а какая польза от того, что я буду говорить подлинными армянскими формами или армянской логикой, если язык при этих формах лишается своего смысла и не может выполнить своей роли, если говорящий не достигает своей цели, ибо его собеседник не понимает его мысли? Логика, или синтаксис, турецкого языка привились новому языку не по чьему-либо произволу. Природа, тысячелетие, исторические события дали ему эти формы и этот образ. Разве можно бороться против того, что совершилось, разве можно выступать против природы?..

Можешь ли ты остановить бегущий с горы поток, если вздумаешь воздвигнуть перед ним стену и таким образом спасти свой дом, не разумнее ли вырыть канавы и, направив поток по ним, избавиться таким образом от его губительной и разрушающей силы? Природа — огонь — сожрет, если обращаться с ней грубо, но в то же время природу можно обуздать, если выступить против нее планомерно, обдуманно, природными же средствами. Хоть тысячи лет возводи гигантские, подобно Масису, горы, чтобы защитить себя от молнии, — разве смог бы ты это сделать, если бы Франклин не изобрел громоотвод? Оказалось, что природа сама дает в твои руки оружие — железный шест, который отводит действие электричества, точно выливает воду на пылающий огонь, и спасает тебя и твой дом от пожара. В чем заключается причина, что такая гигантская гора, как Масис, не в силах сделать то, что в силах сделать ничтожный кусок железа? Противопоставляя молнии Масис, ты вбил себе в голову, что сможешь при помощи этого великана победить природу, между тем как природа смеется даже над такими исполинами, как Гималаи, Давалагири, не то, что над нашим Масисом, карликом по сравнению с ними. Подставляя же молнии железный шест, ты не оказываешь насилия над природой, а даешь направление молнии и ограничиваешь ее мощь через шест, который, как хороший проводник электричества, становится мостом между воздухом и земным шаром, так что электричество атмосферы при помощи этого посредника-моста, соединяясь с электричеством земного шара, направляется к его электрическому центру, который есть то же, что и его геометрический центр, ибо теплота есть также источник электричества, а центр земли находится в расплавленном состоянии изза своей неизмеримо высокой температуры.

Если армянская нация, порабощенная на протяжении веков персами, монголами, сельджуками, татарами, арабами, османами, египтянами и не знаю еще кем, подавленная горькими историческими событиями, доведенная до предела отчаяния, не смогла освободиться от влияния естественного закона, не смогла не принять того облика, который запечатлевали в ее мягком сердце в течение стольких веков огнем и величайшим угнетением, если ее жизнь подвержена неизбежному влиянию этих наций, то как же могли оказаться свободными от влияния мысль,

которая является спутником жизни, и язык, который является выразителем мысли? Если скирд сена и накиданную кучу земли залить водой, то возможно ли после этого требовать, чтобы сено осталось сухим или не размылась земля? Известно, что армянская нация не могла иметь чудесного свойства гедеоновой шерсти и моисеева куста, которых не омочила роса и не тронул огонь. Большое достоинство армянской нации в том, что она настолько сохранила свой язык, что сегодня мы, рассеянные по свету ее несчастные дети, умеем писать несколько строк на ее живом языке. Да, мы знаем много трав, которые сгнили от таких ливней, знаем много земель, которые развеялись в пух и прах так, что даже и названия их позабыты.

Хорошо ли, дурно ли это, — вопрос не в том. Всякий знает, что то были страшные несчастия, невыносимые удары, ужасные бури, которые пережил наш народ, но можно ли отрицать, что они некогда имели место, оставили свой след в жизни, в мысли, в языке народа? Можно ли соскоблить все это?

Никто не радуется, перелистывая наши летописи старины, орошенные кровью и слезами, но что за польза плакать, разве этим вернешь прошлое?

III

Недаром в эпоху расцвета александрийской школы учение о *слове* было настолько развито, что даже сделалось краеугольным камнем христианства: «В начале было слово, и слово было у бога, и слово был бог. Оно было в начале у бога. Все произошло через него, и без него ничего не было, что есть. В нем была жизнь».

«О язык, язык! Не будь языка, на что был бы похож человек!»[1] — восклицает страдалец Абовян.

И в самом деле, *слово* — творец; справедливо, что все от него было, от него есть, от него будет. Язык — это та страшная сила, против которой бессильны даже мечи миллионов варваров. После грозных сил природы, каковы электричество, теплота и др., язык — первая сила, которая, возникнув как природная сила, заключается в нравственный мир. Язык — знамя нации, язык — выразитель ее судьбы и состояния. Нет в мире нации, которая,

пребывая в варварском состоянии, имела бы возвышенный язык, точно так же как нет нации, которая, подвергшись цивилизации, имела бы варварский язык. Причина этого в том, что язык и нация связаны друг с другом и не могут двигаться вперед один без другой, один не может отстать, разрушаться без другой. Сам по себе язык — это орудие, с помощью которого человек передает свою мысль себе подобному, это тот мост, через который может свободно совершаться обмен мыслями. Плачевно положение человека, не имеющего языка. Быть лишенным языка, быть немым — самое большое наказание, которому может подвергаться человек. Для слепого язык является утешением; он является утешением и для парализованного человека, потому что, при помощи языка передавая близким о своих нуждах, он в других находит для себя глаза, руки, ноги. Верно, они ему не могут служить так, как служили бы его собственные органы, но все же какое сравнение между такими людьми и немым! Этот несчастный имеет и глаза, и руки, и ноги, имеет часто и хорошее здоровье, он видит, осязает, вкушает, обоняет, следовательно, каждое мгновение получает впечатления от внешнего мира; но эти впечатления остаются в нем без выхода и мучают жертву, так как он не имеет возможности выразить их. Таково то горе, которое он чувствует; но есть еще большее несчастие, которому он хотя и подвержен, но не осознает. Ни одна из идей, завоеванных человечеством ценою крови, для него не существует. В этом его ужасное несчастие. Он не знает даже, что́ сам он представляет, что́ дано ему выполнить в этом прекрасном мире, до каких пределов доходят возможности и стремления ему подобных (не немых). Он не знает ни своего прошлого, ни будущего. (Хотя будущее является пока еще тайной и для многих других, но, благодарение природе, день ото дня эта непроницаемая завеса делается все более проницаемой.)

Положение немого лишь немногим лучше положения животного. Но немому понятия морали не постижимы. (Если кто знает положение более жалкое, пусть скажет, мы по крайней мере не знаем!)

Понятия морали?.. Где источник их? Неужели вне человечества, разве человек, будучи немым, не причастен к ним? В том-то и дело, что немой в моральном, духовном отношении — не человек; мы и выше сказали, что

немой есть наиболее совершенное из бессловесных животных. Если бы для орангутанга и для гориллы существовали понятия морали, то существовали бы они и для немого. Нравственные понятия могут возникнуть только при свете, «но, будучи во тьме, немой не смог постичь их». Думаю, излишне говорить о том, что таким светом является язык. Естественный свет природы также является орудием, при помощи которого выполняются те или иные функции в ней, а в нравственном мире язык является тем средством, при помощи которого осуществляются функции познания. Хотя мы вообще являемся сторонниками индуктивной философии, как более положительной теории, но в познании ничуть не ошибочна и дедукция, и мы, не колеблясь, можем взамен одного немого взять целую нацию, также лишенную света, также незнакомую с плодами достижений цивилизации, также без языка, с таким пониманием, какое бывает на первой ступени просвещения. И вот оказывается, что тот ужасный вывод, который мы сделали о немом человеке, полностью применим к нации.

Мы уже видим, что те, которые догадались, о чем мы говорим, повесили носы и сделали кислую мину; но не торопитесь забрасывать камнями человека, говорящего о нации, к которой он принадлежит, так же как и его читатели, не осуждайте его, если он выносит жестокий приговор своей нации во имя объективной справедливости. Вряд ли вы сумеете доказать, что он любит свою нацию меньше, чем любите ее вы. Та самая истинная любовь, которая не стареет и не боится ничего, та истинно нерушимая цепь, которой он связан со своей нацией, вынуждает его признать эту плачевную истину. Можно было бы забросать его камнями, если бы он, почитая черное черным и белое белым, считал за порок для черного то, что оно черно, и для белого то, что оно бело. Но так как он знает, под влиянием каких естественных законов появляются эти цвета, и так как знание не позволит ему обвинять их и он признает существующую в настоящем истину, то забрасывать его камнями — значило бы пойти на службу лжи и мраку. Ошибочна его теория — докажите; но и в этом случае вы не имеете права осуждать его, ибо к такому пониманию он пришел благодаря напряжению всех своих духовных сил. Уже за то одно достоин уважения всякий человек, который, не скрываясь

и не лицемеря, ясно и определенно выражает перед всеми свои убеждения. Если бы такой человек и ошибся, он виновен в этом столько же, сколько виновен черный цвет в том, что он черен. Не только у нас, но и среди многих очень просвещенных наций искреннее и неподдельное признание сердца не нашло пока еще той оценки, какой оно достойно уж за то одно, что оно искренно и неподдельно. Как сильна власть тьмы, как далек еще человек от того, чтобы быть полностью достойным своего высокого звания! Вот вопрос, который бередит раны чувствительного сердца.

Нация состоит из семей. Семья — из индивидов. Нация есть не что иное, как группа людей, у которой имеется своя общественная жизнь, свое общественное сознание, общественная форма, стиль для выражения этого сознания, не говоря уже о тех свойствах, которые зачастую выдаются за общие и — скорее неправильно, чем правильно, — приписываются той или иной нации. Таким образом, нация — это большая семья, огромная личность. Да, нация — это обобщенная личность; когда нет этой личности, нет и нации.

Далее, в природе все подвержено изменению, разлагаются организмы, уничтожаются составляющие их элементы. Нет нужды говорить о том, что с первым смертельным ударом по организму прекращается и его моральная жизнь. Однако эта смерть не похожа на смерть материальных элементов, которые не исчезают, а, связанные по законам природы, постепенно меняют свой облик, нет! Нравственная жизнь исчезает в мгновение ока.

Удары времени давно уже нанесли нашей нации нравственную смерть; теперь мы разлагаемся и в смысле физическом.

Возможно ли, чтобы труп, валяющийся в поле, оставили в покое хищники? Как он может освободиться от действия сил окружающего его внешнего мира, если он потерял способность к сопротивлению этим силам — потерял жизнь, которая есть процесс беспрестанного обмена с этими воздействующими силами?

Что осталось у нас от того, что носит название «нация»? Религия? Но религий много. Их не перечесть: григорианская, римская, протестантская, греческая... Язык? А, поздравляю, я и сам его ищу — где он? «Как! Значит,

наша нация не имеет языка? А это разве не язык, на котором ты пишешь?»

О, если бы это был язык всей нации, пусть он был бы еще хуже, но, черт побери, был бы общий, тогда я не посмел бы ничего сказать...

«Ну и что же, хоть умри, а пиши так, чтобы тебя понимали все».

А ну, напиши сам, как советуешь мне! Видишь, иногда я, по выражению достопочтенного Тагиадяна, «ползаю на четвереньках». О, если бы ты, и не только ты, но и кто-либо другой, даже твой слуга, нашел этот философский камень, то я не только пошел бы «в ученики к нему и последовал бы за ним», но и преклонил бы перед ним колена и возвестил бы «Осанна!». Сударь, проблема языка — трудная проблема, и насколько она трудна, настолько же важна, и насколько она важна, необходима, настолько же предоставлена произволу судьбы. Кто виноват в этом? Конечно, я (признающий это состояние). А тот, кто доволен состоянием нации, кому кажется, что она прогрессирует, кто думает (если он способен на это), что нация имеет дивный язык, но недоступный всей нации лишь из-за плохих авторов, такой разве может быть виноват? Но этот господин, говорим мы откровенно и смело, не может написать и двух строк так, чтобы они были понятны обществу, сообщали бы о последних достижениях науки. Говорить на жалком, смешанном из тысячи одного диалекта языке отрывочно, несвязно, подпрыгивая и порхая, как воробей, — при всех этих дивных качествах, говорить лишь об обыденных делах, например о торговле, не смея приблизиться к науке и искусству, да простят нас, если мы не сочтем это за язык!

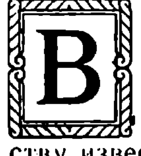
На сегодняшний день, так или иначе, функционируют два главных диалекта в армянском языке: араратский и константинопольский, которые, хорошо ли, плохо ли, делают свое дело. Но стремимся ли мы хотя бы эти два диалекта привести к единству? Говоря о единстве, мы не имеем в виду полного подчинения старому языку, насилия над неоспоримыми правами нового языка, что не имело бы оправдания, следовательно, было бы недостойно похвалы, — мы стремимся найти приемлемую форму, чтобы язык, поскольку это возможно, с каждым днем все более приближаясь к народу, стал бы ключом, который открыл бы двери в царство света.

Недостаточно разрабатывать эти диалекты каждый в отдельности. Нет, разработка должна быть более свободной, более многосторонней, более дальновидной, изо дня в день незаметно укрепляющей и утверждающей внутренние связи двух диалектов, убирая то кирпич, то камень, то столб из стены, разделяющей их. Что эти два диалекта могли бы когда-нибудь совершенно объединиться, — на этом мы не осмеливаемся настаивать, но нельзя отрицать, что они могли бы очень и очень приблизиться друг к другу. Во всяком случае бесспорно одно — без единства языка прогресс нации — пустая мечта. Повторяем, однако, что это очень деликатный и щекотливый вопрос, ибо недостаточно, чтобы писатель изо дня в день углублялся в диалект своей местности, но надо также, чтобы он приближался и объединялся со своим братом. И если есть такие писатели, то я приветствую их и принимаю робкий, бледный свет их творений за предтечу дивного солнца будущего. Если же нет этого, — слетайтесь совы, пойдемте вновь оплакивать свою судьбу в темных углах наших развалин!

Многие будут смеяться над тем, что я поднимаю вопрос об объединении этих двух диалектов, в то время как они у себя дома еще не стали достоянием всех. Таким философам мы советуем изучать эти два диалекта, которые якобы не могут никогда приблизиться друг к другу. Некоторые различия внешних форм этих диалектов не могут явиться непреодолимым препятствием для их объединения, хотя так кажется на первый взгляд; живой язык — это нечто текучее, он каждый день подвергается изменениям, мы за свою короткую жизнь сами видим, как он изменяется. Идут ли изменения до корней, влияют ли на язык простого народа? Да, влияют, хотя сразу это и не заметишь. В мире нет ничего, что совершалось бы против законов природы. То, что противоречит законам природы, — ложно. Но раз язык реальность, а не ложь, значит он подчиняется законам природы, а в природе мы видим, что ничтожная закваска под влиянием определенных условий заквашивает массу, — будь это тесто или что-либо другое. Недопустимо, чтобы язык, видоизменяясь среди передовой части нации, остался без изменения в другой ее части, невозможно, чтобы это видоизменение не повлияло на язык всей нации; в какой степени — это другой вопрос и зависит от качества закваски...

АРМЯНО-ГРЕГОРИАНСКАЯ ОБЩИНА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Вопиющие беспорядки, с давних пор тяготевшие над армянами в Турции при управлении народно-религиозными делами, были после восточной войны доведены до крайности главными их виновниками — некоторыми лишь по богатству известными лицами.

Эти люди, достигнув государственных должностей и будучи, следовательно, в тесных сношениях с влиятельными лицами турецкого правительства, присвоили себе право вмешиваться во все армянские дела, управлять оными непосредственно или через константинопольских армянских патриархов и, наконец, при самой Порте играть роль представителей армянского народа.

Нет сомнения, что при таком порядке вещей самовластие, в полном восточном смысле этого слова, имело не последнее место. Церковные и монастырские доходы, добровольные подношения, равно как и расходы на все народные учреждения, не были подвержены никакому контролю. Училища, больницы и прочие богоугодные заведения приходили в упадок, несмотря на постепенное с каждым годом увеличение расходов. Но куда шли эти деньги и на что именно употреблялись — этот вопрос был слишком деликатен; на него нельзя было отвечать прямо; это было сокровенной тайной вышесказанных лиц, и народ не смел даже думать об отчетности.

Наконец, бедственное положение народа возбудило общее внимание армян и принудило их подумать о том,

как избавиться от подобного порядка. Единственным средством к достижению этой цели было признано осуществление Положения, о котором давно уже мечтало общество. Положением этим армяне надеялись однажды и навсегда уничтожить всякое злоупотребление в народно-религиозном управлении и вместе с тем устранить всякое самовластие со стороны некоторых лиц.

По составлении этого Положения бывший константинопольский армянский патриарх от имени народа назвал его по-армянски «Сахманатрутюн» — от слова «Сахман», в русских переводах — граница, определение и «трутюн» — положение, состояние. Впоследствии по поводу возникшего армянского вопроса европейские журналы, по неведению армянского языка, назвали это Положение «Конституциею» — название это лишено всякого смысла как относительно армянского народа, так и самого Положения.

В первый день обнародования его в Армянском патриархате главнейшие из настоящих противников Положения находили название «Сахманатрутюн» соответствующим цели и одобрили его собственноручным подписанием, а о конституции не было даже и помину.

Как бы то ни было, административное это Положение, как средство, ограждающее народ от влияния известных лиц, и как результат векового бедственного для народа опыта, не могло дать административным учреждениям иной формы, как выборных депутатских собраний. Депутаты, по Положению, выбирались народом, секретным баллотированием. Общее собрание депутатов представляло народ. Общее депутатское собрание выбирало членов гражданского и прочих более или менее значительных собраний. Гражданское собрание под председательством константинопольского армянского патриарха, как центральное народное учреждение, занималось администрациею всех народных учреждений: церквей, училищ, больниц и других богоугодных заведений. Ему же принадлежал высший надзор над прочими второстепенными собраниями.

Другое, в духовных делах равносильное первому, собрание, тоже под председательством патриарха, обязывалось управлять до религии касающимися делами. Эти собрания были ответственны перед народом в лице его депутатов. Остальные советы: ученый, экономический

и пр., прямо зависели от центрального управления и ничего не могли предпринимать важного без его разрешения. Народ, который давно желал иметь такое Положение, был вполне удовлетворен, и почти двухлетнее существование Положения оправдало его надежды.

Такой порядок вещей не мог быть приятным некоторым лицам, но они не теряли надежды быть по крайней мере членами гражданского собрания, а, с другой стороны, видя свою замкнутую малочисленность, не могли ничего предпринять против общего стремления. Между тем народ, составивший это Положение исключительно с той целью, чтобы избавиться от вредной администрации, не выбрал означенных лиц в депутаты, чем они не только были лишены средства быть членами гражданского собрания, но и оскорбились, заметив явное к себе пренебрежение и даже ненависть народную.

В продолжение двух лет естественный успех этого Положения, ежедневные непохвальные внушения отстраненных оных лиц поставили, наконец, Порту в ложное отношение как к самому Положению, так и к армянскому народу. Но в Положении не было ничего, что бы могло изменить подданические отношения армян к Порте, ибо оно касалось только внутренних и религиозных дел армянского народа. Поэтому Порта не имела возможности приступить к явному разрушению этого порядка, хотя в сущности невинного даже и для нее самой, но она только выжидала какого-либо предлога, чтобы вмешаться во внутренние дела армян, уничтожить Положение и привести все армянские дела в первобытный хаотический беспорядок, в котором народ, ограбленный и угнетенный своими богачами, не имел бы средств ни к нравственному, ни к умственному развитию.

Поводом к приведению такого плана в исполнение послужил вопрос об избрании нового иерусалимского армянского патриарха на место умершего год тому назад. Армянский народ выбирал патриарха из среды всего армянского монашествующего духовенства в Турции, как вдруг иерусалимские монахи по наущениям Порты начали возмущать народ к требованию, чтобы будущий патриарх был избран исключительно из среды иерусалимских монахов.

Требование это они основывали на каком-то мнении, абсолютно вредном предании, которому насильно навязы-

вали значение. Предание это не есть церковное положение, оно не берет своего начала ни от какого собора; оно выдумано иерусалимскими монахами и будто бы одобрено эчмиадзинским верховным патриархом, Карапетом Улнийским. О началах и обстоятельствах этого предания говорится только в летописи одного иерусалимского монаха Ганне, жившего в XVIII веке. Эта летопись была издана монахами в Иерусалиме в 1779 г., и в этом издании они еще прибавили к преданию проклятие, чего даже нет в подлинной рукописи монаха Ганне. Это очевидная подделка, которую никак нельзя оправдать.

Сперва бывший константинопольский армянский патриарх Саркис, следуя общему народному желанию и приняв в уважение шаткость иерусалимского предания, вместе с двумя архиепископами и духовным собранием собственною подписью всенародно объявил, что предание это не заслуживает внимания и что можно выбирать патриарха вне Иерусалима.

Тогда сказанные некоторые лица, видя себя обезоруженными, употребили все старания, чтобы уговорить патриарха Саркиса в противном, и это им вполне удалось. Они поставили ему на вид пользу Порты и ожидание подтверждения предания со стороны верховного патриарха, к которому послали нарочного, того самого иерусалимского монаха Исаака, которого монахи хотели выбрать в патриархи. Патриарх же Саркис, перешедши на сторону противоположной партии, официально объявил предание действительным и начал проповедовать, что будущий патриарх должен быть выбран исключительно из среды иерусалимских монахов.

Порта имела явную выгоду поддерживать предание, оно было отличным средством, чтобы не допустить армян выбрать патриарха из среды находящегося в России армянского духовенства. Дабы заставить народ признать оное действительным, она с своей стороны через содействие некоторых лиц, близких к верховному патриарху Матеосу, добилась подтверждения оного. Всем известно, с каким негодованием была встречена народом патриаршая бумага. Он запретил даже чтение ее в церкви, и при ослушании духовенства, когда оно, вопреки желанию народа, хотело читать, народ произвел скандал в церкви, причем священник был схвачен, патриаршая бумага разорвана в клочки и завязалась кровавая борьба народа

с наемными пожарными и хамалами[1] вышеупомянутых лиц.

К искреннему сожалению, эчмиадзинский верховный патриарх, желая угодить виновникам своего возведения на патриарший престол, упустил из виду общую пользу армянского народа и русского правительства. Он должен был знать, что иерусалимский монастырь принадлежит всему армянскому народу, а не одним турецким армянам и, что всего хуже, каким-нибудь тридцати монахам в Иерусалиме.

При этом надо обратить особенное внимание на то обстоятельство, что сказанное предание если и существовало, то никогда не было соблюдено в точности. Есть множество примеров, что иерусалимские патриархи избирались вне иерусалимского монашества. Первым тому примером служит патриарх Агоп Нальян, избранный в этот сан 15 лет спустя после начала предания.

Вследствие происшедших беспорядков Порта поспешила предписать патриарху Саркису созвать собрание, но не по правилам Положения и не по фирману, данному 18 лет тому назад, а по собственному усмотрению патриарха и без всякого замечания приступить к избранию иерусалимского патриарха. Как только пронесся слух об этом предписании, разъяренный народ толпой бросился к патриарху, окружил его и, несмотря на противодействие войска, разогнал собрание, которое под председательством патриарха Саркиса производило выборы. Не ограничиваясь этим и считая двуличное поведение в этом деле патриарха Саркиса недостойным его сана, армянский народ требовал его отставки. Патриарх не соглашался. Тогда народ двинулся к Порте и там возобновил свое требование. Бывший верховный визирь Али Паша обещал народу удовлетворить его желание и вместе с тем употребить все средства к приведению будто бы всех армянских дел в порядок. Вследствие сего он по собственному своему усмотрению составил особую комиссию для ревизии армянского Положения. Ревизия эта, по словам Али Паши, должна была ограничиться поправками статей, которые окажутся противными общему духу турецкого правительства. Само собой разумеется, что он дал комиссии секретную инструкцию по возможности изменить Положение различными убавками и прибавками и, наконец, включением

таких вещей, против которых народ не переставал протестовать во все время последних событий.

Мнение это подтверждается и тем, что комиссия, верная предписаниям Порты, почти окончательно уничтожила Положение в его существенных частях, так что в настоящем виде оно не только отнимает права, Хатти-Хумаюном[1] дарованные, но и те, которые армяне имели до обнародования этого манифеста. Ныне комиссия кончила свои заседания, и новое Положение, составленное ею, переводится на турецкий язык для утверждения Портою.

Следующие пункты могут обличить направление комиссии.

1. С давних времен центральное гражданское собрание состояло из двадцати членов, что не только было назначено и по Положению, но и Порта всегда утверждала их — как то было в последний раз, когда члены эти были выбраны на основании Положения.Ныне, по новому Положению, собрание это должно состоять из двенадцати членов: семеро из них, как большинство, могут открыть заседание, и при единогласии четырех решаются вопросы.

2. До Положения и после оного армянский народ, независимо от Порты, выбирал константинопольского патриарха, но теперь, по новому Положению, центральное гражданское собрание обязывается препровождать в Порту список всех епископов, а Порта, указывая на некоторых из них, как на людей подозрительных в политическом отношении, прямо исключает их из списка выбираемых епископов. Сильным подозрением, лишающим права быть патриархом, считается наклонность к России. Об этом явно говорят чиновники Порты, об этом говорили и иерусалимские монахи. Под таким подозрением уже находятся архиепископы: Георг (ныне в Бруссе, бывший константинопольский патриарх) и Аристакес (в Адрианополе); между тем армянский народ в настоящее время едва ли имеет других, достойных этого сана,

и 3. Армянский народ обязывается выбирать иерусалимского патриарха исключительно из среды иерусалимских монахов. Этот образ избрания распространяется и на все армянские монастыри при избрании настоятелей, чего никогда не было.

Есть еще множество таких постановлений, которые едва ли примет народ, — по крайней мере общее мнение против них и движение умов обещает новую грозу. Во

всяком случае если армянам придется утратить свое первое Положение, то значительная часть народа перейдет в католическую и протестантскую веры, чтобы, отдалившись от грегорианского патриарха, избавиться от некоторых вышеупомянутых лиц (сильно наклонных к католицизму) и вместе с тем войти в число тех, которым покровительствуют Франция и Англия. Армяно-католический архиерей Хасунян, столь известный своим вмешательством в болгарские дела, давно уже ведет интригу в провинциях, обещая армянам сильное покровительство французского правительства; не с меньшим рвением действуют и американские миссионеры.

На днях из Кесарии было получено известие о том, что 300 семейств переходят в католическую веру. Соотечественники их, находящиеся здесь, успели остановить их до окончательного решения вопроса о Положении.

Армянский народ, лишенный всякой внешней защиты, предоставленный на произвол Порты, мало-помалу перейдет (как уже переходит) частью в католицизм, частью же в протестантизм, и вместе с тем распространяется нравственное влияние Франции и Англии в Турции. Между тем армяне во всей Турции расположены в пользу России, а если скажется им со стороны русского правительства хотя самая малейшая поддержка, тогда французское и английское правительства лишатся возможности действовать на них, а следовательно, пропаганда их веры и влияния остановится.

Касательно иерусалимского вопроса Порта не только нарушает Хатти-Хумаюн, но разделяет единое армянское духовенство. Она лишает армянских епископов, находящихся в России, права быть выбираемыми в иерусалимские патриархи и присваивает иерусалимский армянский монастырь одним турецким армянам, а из числа сих последних — одним тамошним монахам. Но иерусалимский армянский монастырь есть общее достояние всего армянского народа, где бы он ни находился, на тех же самых основаниях и правах, как и эчмиадзинский монастырь; и так как полмиллиона армян находится в России, то, следовательно, Порта своим постановлением посягает на их неопровержимое право.

В заключение всего, если неудобно требовать, чтобы русские армяне участвовали в избрании иерусалимского патриарха, как турецкие армяне участвуют в избрании

эчмиадзинского верховного патриарха, то неуместно ли теперь же принять меры для уничтожения иерусалимского патриарха? Тогда нашим епископам откроется дорога в Турцию: находясь в прямой зависимости от русского правительства и под его покровительством, они смогут служить полезным орудием для распространения нравственного влияния России в Турции и избавить народ от произвола турецких пашей.

Константинополь
22 декабря 1861 г.
(3 января 1862 г.)

НАЦИОНАЛЬНОЕ БЕДСТВИЕ

Несмотря на то, что с давних времен управление национальными и внутренними делами армян в Турции всегда находилось в руках самих армян, это управление, будучи монополией деспотических лиц[1], естественно, представляло собой невообразимый хаос. Несколько бессовестных, гнусных человек, объединившись с клиром и взяв в свои руки руль вдребезги разбитого национального плота, служа только своим личным интересам, страстям и порокам, не только не двигали вперед этот полуразбитый и истерзанный волнами плот, не только не заботились хотя бы о том, чтобы ввести его в какую-либо тихую бухту или спокойную гавань, но и выдергивали из него и уносили сегодня доску, завтра — железный болт, там — канат и своими дурными делами подбивали и других делать то же — к полной погибели нации.

Религиозный раскол, имеющийся в нашем народе, отнюдь не вызван догматическими разногласиями, а подготовлен и создан злоупотреблениями [2] в управлении внутренними и религиозными делами нации. Это не требует новых доказательств: оно известно всем, а требующие доказательств могут теперь увидеть подтверждения сказанного нами в живых и еще свежих событиях, совершающихся ежедневно у нас на глазах.

Мы ужасаемся, окидывая взглядом ту невзрачную и пустынную страну, где некогда развевалось победоносное знамя Аршакидов, где теперь наш бедный, бездомный и

беспомощный народ, доведенный до крайне бедственного состояния, угнетения и отчаяния, обливается кровавыми слезами и где группа мрачных вампиров в армянском облике не насытится, высасывая кровь невинной жертвы— несчастного народа.

Тяжел и медлителен был ход национального просвещения в Турции — шаткий и без прочной основы, ибо ясно, что иначе не могло и быть при этих несчастных обстоятельствах. Прошли века, много поколений пришло и ушло с тяжким вздохом; много прав было растоптано, много сокровищ разграблено, много домов разрушено, пока — несколько лет назад — наши соотечественники произнесли слово «Конституция».

«Конституция!» — повторил угнетенный, до смерти замученный народ. «Конституция!» — разнеслось от египетских пирамид до горы Вараг. «Конституция!» — воскликнула, ликуя, деятельная молодежь.

В то время негодность национального управления достигла кульминационной точки. Те, кто были единственными виновниками этого зловредного и предосудительного управления, не осмелились вымолвить слова против, ибо слишком погрязли в нечистых делах, и протест народа, издавна созревавший, прорвался и принял огромные размеры.

Была провозглашена Конституция, долженствовавшая положить предел беззаконию.

«Да здравствует Конституция!»

Эти слова, звучавшие гимном, неслись еще из уст тысячных масс, собравшихся на площади Унхиар-Скелеси[1], а *они*, потерявшие свое наследственное право на грабеж, на постоянный улов, на безмолвную жертву, чьей кровью были залиты их физиономии, пришли в себя, ошеломленные первым ударом, опомнились, стали выползать из своих мрачных логовищ и сбегаться на Пешикташ...[2]

«Конституция? Что значит Конституция? — вопили они (хотя сами же подписывали ее).—Создать государство в государстве? Государство ее не утвердило, мы не примем Конституции, мы не признаем Конституции, вызванной лишь двумя целями: первая — *весь народ сделать неверующим*, вторая — *восстать против государства*».

Это было васаково предательство[3], меружанов меч[4], столь часто обнажавшийся в прошлом и спустя шест-

надцать веков вновь занесенный над головой народа. Ясно, что правительство воспользовалось поводом вмешаться в наши внутренние национальные дела, а для смутьянов и предателей нации все средства были хороши. Можно было пойти на любую подлость, лишь бы погибла Конституция. Затем произошел ужасающий раскол, страшная смута, которая только в такой хаотической стране, как Турция, могла остаться незамеченной или не столь ощутимой, хотя и там она не легко улеглась и часто была предметом обсуждения на страницах европейской прессы. Появились партии — защитники Конституции и ее враги, прогрессисты и реакционеры; *адепты просвещения и мракобесы*[1].

И поскольку, естественно, «где падаль, туда и слетаются стервятники», все эти хищники объединились и еще больше навострили свои крючковатые клювы и острые когти против беззащитного, как голубиная стая, народа, который не был ни беем, ни эфенди, не ломал себе спину, преклоняя колени перед пашами[2], и потому был слаб, слаб, говорим мы, перед грубым насилием.

Единственным оружием друзей Конституции была правда, которую они освещали и провозглашали посредством армянского слова, трудясь неустанно с пером в руке. И так как правда не делится на части и не сулит награды, — не удивительно, что некоторые вернулись назад с полпути, другие стали лаодикийцами [3], а третьи показали образцы английского траммеризма[4].

Возмутился простой народ и бурным потоком устремился к патриаршим покоям, где вопреки воле народа и наперекор Конституции виновники национального бедствия снова собрались разыграть свою игру, превратив нацию в игрушку. Народ разогнал это сборище разбойников и «разгромил скамьи торговцев голубями и столы менял». Кровавым потом покрылась мужественная молодежь в этот торжественный момент. Однако последнее слово было сказано прессой армянских траммеристов, вооруженных наукой Аристотеля [5].

Правительство назначило следственную комиссию из представителей обеих сторон, поручив ей рассмотреть Конституцию, прокорректировать ее и представить правительству.

«Юсисапайл» отлично понимает: кому больше дано, с того больше спросится, а потому вовсе не намерен

осудить тех господ, которые находились там в качестве сторонников Конституции. «Юсисапайл» считает несправедливым отрицать труд г-на Сервичена. «Юсисапайл» даже склонен думать, что без этого почтенного господина Конституции грозила бы, возможно, еще большая опасность. Но «Юсисапайл» не может одобрить тех послаблений и уступок, какие сделал этот почтенный господин мракобесам. «Юсисапайл» не может радоваться, вспоминая, что г-н Сервичен, единственная надежда сторонников Конституции, не пожелал применить своего влияния в полной мере.

Этот уважаемый господин, избранный согласно Конституции, председателем общего собрания, публично принявший эту должность, не мог, естественно, не защищать Конституцию. Но защита его оказалась недостаточной, ибо она была непоследовательной. Он мог выступить против некоторых деспотических предложений, вносимых мракобесами: мог, но поплыл по течению[1]. Затем, оставив в стороне дело Конституции, эта следственная комиссия первым долгом распорядилась подавить армянское слово, совершив насилие над свободой печати. Г-н Сервичен был согласен с этим, о чем мы сердечно сожалеем, ибо знаем его как *подлинного патриота* и *действительно уважаемого человека.*

Да, «Юсисапайл» много требует от уважаемого Сервичена, но этим «Юсисапайл» доказывает, что он очень уважает его, ибо от деятельного человека требуют дела.

Так или иначе, факт тот, что после создания этой комиссии все национальное управление сосредоточилось в ней, другого правления не осталось — ни конституционного, ни неограниченного. Прошли годы, положение нации продолжает оставаться неопределенным, и национальное правление, оставшись без руля и без ветрил, главным образом, повинно в усилении беспорядков в провинции, представляющей собой горестное и плачевное зрелище для всякого зрячего человека.

Монастырь святого Акопа[2] остался в руках разбойников. Народ вновь был вынужден проливать кровь. Земля Армении снова начала удобряться кровью и трупами армян. Уполномоченные Национального управления не проявили никакой заботы. Чаша бедствий была испита до дна: резня, беженство, вынужденное вероотступничество,

разрушения, грабеж, коррупция и т. д. и т. д. со всеми неизбежными последствиями обрушились на народ...

Прошел почти год, как указом правительства Конституция была утверждена [1],— правда, в урезанном, оскопленном виде, изуродованной в той или иной части, но тем не менее это — Конституция, передающая управление нацией в руки общественности нации, освободив ее от ига нескольких деспотов.

«Юсисапайл» торжественно заявляет свою благодарность от всего сердца всем известным и неизвестным деятелям[2] в пользу Конституции («Юсисапайлу» кажется, что труд неизвестных был не менее продуктивен, чем труд известных деятелей); от имени всей нации «Юсисапайл» благодарен высокоуважаемому Сервичену.

Депутаты были избраны, Общее собрание создано, патриарх избран, Гражданский совет организован, не говоря уж о прочих *советах*, иначе организованных.

Колесо национального управления завертелось.

Но взглянуло ли управление хоть раз, чтобы увидеть, в каком состоянии находится народ в провинции? Прислушалось ли оно к жалобам и протестам народа против его внутренних гонителей и угнетателей?

— Ба! Мало было нам «Мегу», откуда взялся еще этот «Юсисапайл»?.. Погодите же, дайте нам сначала опомниться, прийти в себя...

— Ах, все еще не пришли в себя? Боимся, что никогда не придете. Рады бы ошибиться.

Не надо масок!

Национальное управление, организованное согласно Конституции, начинает национальное благоустроение с... насилия.

«Дурное искореняется дурным», — не в добрый час воскресил Мечухеча это «учение»!

Вызовите издателей газет и журналов, давите их, душите их, отберите у них подписку, чтобы ни о чем не писали, молчали, онемели, оглохли, ослепли, не слышали, не видели, словом — одеревенели и окаменели (ибо и скотина видит то, что делается у нее на глазах), — издатели газет и журналов мутят народ, сеют смуту.

Молодежь и «Мегу», всеми силами защищавшие Конституцию [3], увидят, что исполнители защищаемой ими Конституции, выполняя желание давнивших врагов Конституции, обращаются *неконституционно деспотически*

с «Мегу», говорящей чистыми устами молодежи и живого народа, истинным выразителем горестей и радостей которых она была.

Управление, созданное по Конституции, уже начало незаконными средствами и предосудительными путями мобилизовывать все свои силы против «Мегу» и до такой степени опозорило себя, что решилось обратиться с жалобой на авторитетный национальный журнал, и к кому?!

Так некогда вопрошал и святой Саак Партев; Сурмаки же думают иначе. Ныне уже нет Сааков Партевов. «На Моисеев престол сели дьячки и фарисеи». Сейчас мы богаты, сыты, сильны, движимы... чем? Несомненно, Сурмаками, Бркишонами, Айсааками[1], которые имеют влияние на конституционно организованное управление, хотя по «Конституции» не должны бы иметь его.

Нация снова пригласила глубокоуважаемого Сервичена-эфенди занять первое место в Общем собрании. Секретарем Общего собрания избран великолепный о. Григор-эфенди.

Положение в провинции обрисовала «Мегу»; невыразимые бедствия Васпуракана описала «Мегу»; маску с Игнатиоса сорвала «Мегу»; о смутах в Тавросе[2] поведала «Мегу»; достопочтенного архимандрита Мкртича Хримяна защитила «Мегу»; против тех, кто в ночной тишине стрелял в Хримяна, протестовала «Мегу»; не осталось уезда, деревни, квартала, куда не проникла бы «Мегу». Смерть «Мегу»!

Разбейте это зеркало, ежедневно показывающее мне мое звероподобное лицо! Вдребезги его!.. Пусть славятся Погосы из Вана; пусть благоденствует дьячок Арутюн; пусть досточтимый вероотступник Аршалуйса[3] Никогос, ныне пребывающий в Алеппо, ликует и пляшет; пусть «Мегу» печатает лживые письма в защиту Игнатиоса; пусть Закария в Карине, даже после утверждения Конституции указом правительства, после того как достопочтенный Хримян призывал народ любовно и единодушно претворить Конституцию в жизнь, проповедует, что не признает иной конституции, помимо евангелия, пусть учит тому же народ... пусть, наконец, народ умрет и ляжет в могилу, лишь бы... лишь бы не вмешивались в наши дела, не писали о нас, не осуждали нас, нашу

волю принимали бы, как моисееву заповедь, не говорили бы о том, что мы сделали или собираемся сделать...

А можно ли говорить о том, чего вы не сделали и не собираетесь сделать, чудесные руководители национального управления?

Это уж нам лучше знать...

Что-нибудь случилось?

«Слава богу, нация наша прогрессирует, движется вперед (знаем, движется, но к гибели); правда, имеются кое-какие недостатки, но где их нет? Мало-помалу и они будут исправлены... пока же надо довольствоваться тем, что есть, этого требует скромность; нельзя сразу сделать все: гоп и готово!.. Помаленьку, потихоньку... Народ наш прогрессирует...»

Сыны народа, преданные негодяями, закалываются в своих постелях. Игнатиос занимается прибыльной торговлей волами: его приспешник гонит последнего вола поселянина на ферму Игнатиоса. Политическому комитету, занятому преследованием «Мегу», недосуг бросить взгляд на минутку на эти кровавые зрелища. — «Народ наш прогрессирует»!

Девушки и женщины из народа *терпят муки* неслыханные и беспримерные, насилия... «Наш народ прогрессирует... Некоторые девушки терпят муки... Ну и что же? Разве мало в жизни нации утешительных явлений? Вот Шогер-ханум и тетушка Доротэ разложили перед собой карты и нарды [1], они не только сами забавляются, но и другим дают уроки...»

Члены Национального управления, конечно, не так глупы, чтобы, оставив столь забавное зрелище состязания в нарды, слушать трогательные жалобы врожденной армянской скромности и целомудрия, тем более что Игнатиос успокоил их, сообщив, что «все это преувеличения и ложь». «Народ наш прогрессирует...» Да, говорит «Мегу», стада каравана мушцев [2] плетутся вперед. Да, прогрессируем, говорит «Мегу», вдова-беженка, подгоняемая бедствиями и голодом, не может накормить своего плачущего сынишку и завидует аисту, чьи птенцы сыты:

«Мамонька, краюшку хлебца!..
— Голубчик, где же взять ее?..
Схоронить бы мать твою, голоден ты...
И зачем ты, аист, крыльями взмахнул,

Зачем Мосо моего разбудил? —
Аист, птенцы твои сыты, спокойны.
Мосо хлебца просит, — нет его, — разрывается сердце
Не плачь, Мосо, спи, мой хороший,
Еще темная ночь, спи до утра...

О, Босо, доколе оставишь нас в этой муке,
Доколе быть тебе на чужбине?
Твои дети несчастней отца своего;
О, горе горькое, в предсмертной тоске
Тебя они кличут...»

«Поговорили-поплакали, поплакали-поговорили... Встали, перекрестились, воззвали к богу, взялись за руки, зашагали по караванной дороге» («Мегу» № 226)[1].

«Народ наш прогрессирует...»

Но что толку убиваться Национальному управлению? Может ли оно накормить весь народ? «Юсисапайл» говорит не об этом, «Юсисапайл» не проповедует устранение следствий, что всегда бесполезно и лишено оснований, но «Юсисапайл» призывает предпринять меры против причины[2], ибо «с устранением причины устраняется следствие». Национальное управление не только не заботится об искоренении этих причин, но и преследует тех, кто указывает народу на его подлинных врагов. «Да будет священно насилие!» — эти слова мы с огорчением читаем на знамени Национального управления. «Народ наш прогрессирует...»

Но продолжим дальше, уважаемые вершители судеб нации! О, тяжко нам даже упоминать о предосудительных упущениях этого управления и его злоупотреблениях властью, не говоря уж о подробном их описании. Но мы их знаем, поскольку все эти факты совершались при свете дня.

Прежде, чем обратиться в Порту с жалобой на «Мегу», Политический комитет вызвал всех заведующих редакциями и потребовал от них подписки[3] в том, что они не будут публиковать то-то и о том-то.

Люди, не понимающие цены и значения ни национального управления, ни самих себя, ни требуемой с них подписки, поспешили сейчас же ее дать, будучи уверены, что это нисколько не помешает им по привычке пятнать нравственность того или иного человека. Они знали, что их вызвали *ради приличия,* цели же и намерения вызывавших были устремлены по существу на других людей.

«Мегу» не могла поступить так легкомысленно, как они. «Мегу» знала, что эта подписка станет в будущем позорным свидетельством для национального управления. «Мегу» не могла желать, чтобы и она была причастна к этому факту. «Мегу» знала, что всякий нравственный человек, если он не только в письменной форме, своей подписью, но и просто словесно обещает то или иное, справедливо ли оно или несправедливо, тем не менее он должен остаться верным своему слову и не быть в роли флюгера. «Мегу» не дала требуемой подписки и в первом же номере на основе фактов доказала, как смешно и нелепо это требование. Поскольку в Конституции ничего такого не предусмотрено, а Общее собрание депутатов не выносило такого решения, Политический комитет не имел никакого права предъявлять это незаконное требование.

Ответом Политического комитета и была, вероятно, та *жалоба большого формата*, которую «Мегу» видела в полиции и о которой упоминает в своем 226-м номере.

По правде говоря, мы краснеем за Политический комитет.

Насколько мы помним, требуемая подписка касалась следующих вопросов: 1. Не писать против религии; 2. Не писать против Конституции (а *действовать против* Конституции Политическому комитету простительно); 3. Не писать о том, что сделано или будет сделано Национальным управлением, и 4. Не затрагивать личной чести.

«Мегу» всегда выступала в защиту религии и Конституции, в том числе и в те бурные дни, когда несколько блюдолизов всячески противились второй и тайным предательством подрывали основы первой, а также в те тревожные дни, когда кое-кто из нынешних членов Национального управления, будучи избраны на основе Конституции, стали смертельными врагами Конституции. Почему же «Мегу» должна была дать подписку, что не будет писать против религии и Конституции, когда она не только никогда не шевельнула пером в этом направлении, а, напротив, как мы сказали, всегда защищала и религию и Конституцию, и до такой степени, что за защиту Конституции и неотъемлемых прав простого народа удостоилась быть вызванной, по предательству вышеупомянутых блюдолизов, в Порту и получить выговор.

Будучи с самого начала защитницей Конституции и адептом конституционного управления, «Мегу» никогда не могла пойти против подлинной Конституции и не могла подписать незаконно предложенные бумаги. Приказ не писать о том, что «сделано или будет сделано Национальным управлением», являлся актом, направленным против Конституции, и потому «Мегу» была вправе не давать подписку.

Во всем мире при конституционном правлении абсолютная сила находится в руках *большинства*. Но следует знать, что это право в руках *большинства* при конституционном правлении есть неизбежное зло, а не положительное добро. Предполагается, что большинство скорее может быть выразителем *воли* всего общества, нежели меньшинство, но не надо забывать, что большинство, проводя свою волю по праву, данному ему Конституцией, очень часто подавляет не только волю меньшинства, но иногда и право.

В национальной Конституции основное — большинство, но имеет ли право меньшинство или хотя бы и один депутат, один член того или иного комитета, высказать свое мнение против распоряжения большинства?

Вопрос не в том, на чьей стороне истина, а в том, может ли этот единственный депутат представить на суд общества свое мнение и решение большинства или нет?

Если на это ответят отрицательно, то пусть объявят, что нынешняя Конституция не что иное, как *мертвая буква*. Если же, хотя бы со стыда, признаются, что эта свобода существует, тогда мы ставим второй вопрос: пользуется ли депутат или член комитета вне собрания большим правом в отношении своего личного мнения, чем тот, кто не является депутатом или членом? Если большинство, отвергнув его мнение, проводит свою волю в каком-либо определенном вопросе, меньшинство или хотя бы один депутат, потерпевшие поражение в этом вопросе, чем лучше тех, кто не является ни депутатом, ни членом? Известно, что повсюду каждый член нации имеет равные права в национальных делах. Известно, что после решения большинством какого-либо вопроса меньшинство в отношении этого вопроса так же бессильно, как и любой нечлен управления. Если каждый член нации имеет право (и должен его иметь) говорить по этому вопросу, по ка-

кому же закону редактор журнала лишается права, предоставленного народу?

Стремясь заткнуть рот печати, Национальное управление подводит себя под подозрение перед судом общественного мнения, ибо тот, кто прибегает к насилию, боится, а тот, кто боится,— не чист: он молчаливо признается в своей нечистоте, что сильнее всякого печатного слова и и ощутительнее для народа. Нам кажется, что это обязаны бы знать те, кто берется управлять рулем национальной жизни.

Что касается требования не затрагивать личной чести, оно тем более неуместно, когда Политический комитет требует подписку. Протестовать может лишь тот, чью честь оскорбили и опорочили несправедливо, но никакой суд не вправе возбуждать дело без жалобы пострадавшего. «Мегу» ничьей чести не опорочила без основания, а если бы опорочила, прокурор в частном порядке возбудил бы дело против «Мегу». Любое правительство может установить тот или иной закон и осуждать его нарушителей, но ни одно правительство не требует, чтобы народ подпиской обязывался соблюдать тот или иной закон, ибо, потребовав этого, оно насмеялось бы над своим законом, доказав, что сила не в законе, а в подписке, и в этом случае виновный был бы осужден не как нарушитель закона, а как клятвоотступник. Кроме того, поскольку личная честь и тому подобные вещи не являются общенациональным делом и не входят в компетенцию Политического комитета, то как «Мегу», так и кто-либо другой, может оскорбить своего товарища. На это есть государственный суд и закон, несколько отличные, пожалуй, от установлений доморощенной Конституции [1]. И нам кажется, что даже турецкий суд более великодушен, чем Национальное управление, поскольку издатель «Мегу» после жалоб Политического комитета, явившись в Порту и «встретив там гуманный и любезный прием», с миром вернулся к себе домой. А что «Мегу» не запрещена, тому доказательством служит номер самой «Мегу», где изложена перед читателями история этих событий.

Мы всегда осуждали человека, который ищет защиты у чужого, но в то же время мы осуждали и будем осуждать негодных национальных деятелей, которые, делая свое иго намного тяжелее чужого ига, принуждают несчастный народ смотреть на чужое иго, как на блаженно-

сладостное бремя. Именно в этом источник всех бедствий нашего народа. Топорище всегда изготовляется из того же дерева, что срублено топором.

Управление поступило бы правильно, обратив внимание на тех, кто действительно порочит честь людей, а не на места, которые отнюдь не являются «разбойничьим логовом» и честь которых служит ныне убежищем здравомыслию управления.

Управление не слышало, когда Айсаак оглашал стены Скутари площадной бранью в адрес честного «Мюнати» [1]? «Сами, дескать, должны бы покарать,— покарало государство». Несчастный, да ты недостоин развязать ремни на ногах «Мюнати». «Мюнати» не имеет нужды вновь повторять о посвящении себя народу, не нуждается он и в посвятительных рекомендациях даже от честных людей, не говоря уж о вороне, питающейся падалью. «Мюнати» «добром вел войну, сохранил веру», а кто такой Айсаак, окрещенный блаженной памяти Тагиадянцем бычьим лбом? О, понадобится съездить в Аравию, чтобы узнать его историю. Камни Зедды заговорят... и им хорошо известна история последних минут посланца Иерусалима — архимандрита Саака... Кто прочтет, тот вспомнит...

И вот такой человек... скорблю о тебе, церковь армянская... Наше перо отказывается назвать пост, ныне им занимаемый.

Мы не призываем Управление к насилию, а лишь к тому, чтобы оно охраняло честь вверенного ему поста и наставило подчиненного ему чиновника, чтобы тот, если имеет что сказать против «Мюнати», говорил бы не на своих сатурналиях, а в печати. Для таких людей круглый год масленица, так что могут дурить вдоволь.

Однако, разобрав вопрос о «незатрагивании личной чести», мы видим, что это — наживка, насаженная на удочку управленского деспотизма, притом ребяческая и смехотворная наживка, так как «затрагивание личной чести» понималось и понимается как разоблачение каким-либо органом печати *злоупотреблений по службе того или иного должностного лица*. Если это не так, то чья же честь была задета? Никто не может опорочить честь человека: «Ни от кого не идет вред, если не от самого себя». Если же человек сам своими делами опорочил свою деятельность, свою личность, и тем не менее, скажем прямо, не только не обвинен, но удостоен уважения Управления, за-

служивает ли осуждения и наказания тот, кто разоблачит публично эти дела, назвав виновных? По какому закону, по какой справедливости?

«И да будет насилие наше законом справедливости... Будем мстительны к праведному, ибо стал он несносен нам и противится нашим делам и порицает нас за проступки против законов и клевещет... Тяжко нам и видеть его, ибо жизнь его непохожа на жизнь других, и пути его чужды нам. Противны мы ему, и он брезгает нашими путями, как оскверненными... Осудим его на позорную смерть!..» Чудесно!..

Совершив все, что описано, вернувшись с похорон «Мегу», «прошу, еще чашечку кофе!», тогда, быть может, придете вы в себя и уделите попечению о народе хотя бы четверть того зоркого и бдительного внимания, с каким опекаете «Мегу».

Но мой совет вам: будьте осторожны! Убегая от «Мегу», не попадитесь египетскому клещу, который, не давая ни меду, ни воска, как «Мегу» (пчела), может ужалить и до смерти. Не в такой мере огорчались бы мы, если бы по вине государства оставались втуне национальные дела; не так бы возмущались, если бы от правительства исходили гонения на свободу печати. Но смертельно опечалены мы, когда видим средь бела дня, что люди, избранные для исцеления недугов нации, своими пальцами выкалывают глаза нации. Горькие слезы льются из наших глаз при виде того, как эти господа, вместо того, чтобы умерить горести народа, изобретают насилия, о которых правительство и не помышляло.

«Кто голову мою погрузит в воду и глаза мои — в источник слез, чтобы оплакать мне бедствия народа моего?»

Плачу о тебе, земля армянская, оплакиваю тебя[1][...]

Некоторые реакционные органы печати, не поняв до сих пор, что мерилом истины является не дружба или вражда, что два человека могут иметь противоположные мнения, не будучи врагами, не посылая проклятий друг другу, закусили удила, чтобы еще яснее показать здравомыслящей части нации свою сущность и направление избранного ими пути.

«Аршалуйс» № 716, 14 декабря 1863 г. Смирна:

«Ввиду того, что редактор журнала «Мегу» не пожелал подчиниться *патриотическим распоряжениям* Политического комитета, этот почтенный национальный комитет особым заявлением просил Высокую Порту приказать временно приостановить издание названного журнала».

К добру бы твой сон, «Аршалуйс»!

Что это за «патриотические распоряжения» Политического комитета, которым не пожелала подчиниться «Мегу»? Когда и где? Мы думаем, что путеводителем для издателя любого органа печати должна быть чистая совесть, а не пороки и не заплесневелая злобность. Могли ли сделать честь «Аршалуйсу» его слова, лишенные основания, которые мы привели? Неужели «Аршалуйс» серьезно верит, что читатель не поймет, чем были вызваны эти слова?

А вот что опубликовано о «Мегу» в 617 номере «Масиса»[1]:

«За то, что редактор журнала «Мегу», получив несколько раз приглашение явиться в Политический комитет, не обратил внимания и не явился, Политический комитет специальным заявлением просил Высокую Порту временно приостановить издание упомянутого журнала».

«Масис», если бы с тобой стряслась беда и ты на самом деле был бы приостановлен, «Юсисапайл» ручается, что «Мегу» не стала бы трубить о постигшем тебя несчастье, не говоря об изобретении несуществовавших приглашений и целой истории.

«Мегу» в № 226 рассказала о действительном факте, и, когда окружающие вас, а также те, кто находится на этом далеком севере, сравнили подлинную историю подлинных событий с вашим сообщением, они поняли, в чем дело, и не могли одобрить вас.

Почему вы порочите печать, давая повод несведущим полагать (поскольку понимающие не нуждаются в вожатом), что дело печати — служить страстям и порокам, итти на любую низость?

КОЕ-ЧТО ОБ АЙВАЗОВСКОМ

> **«Свершатся писания, назначатся места, будет страшный суд. Будут праведники увенчаны достойно и грешники мучиться по заслугам. Будут судимы распявшие и томимы жаждой отрекшиеся. Возопиет ад, и дьявол будет посрамлен...»**
>
> *Месроп*
>
> **«Не будь бесплодным и в малом труде, словно сеющий будущее на неродящей земле».**
>
> ***«Нарек»***[1]

итающей публике известно из номеров «Мегу» о вызове архимандрита Габриэла Айвазовского в Эчмиадзин в 1863 г. и его отъезде оттуда, поэтому, оставив в стороне эту поездку, расскажем о нескольких неопровержимых фактах, имевших место после того.

В злосчастный момент, когда наш достопочтенный Айвазовский, поглощенный мечтою о епископстве, заказал даже (как свидетельствует очевидец) печать с надписью «Архиепископ Габриэл Айвазян», снова возник вопрос о нахичеванских церковных счетах[2], и на сей раз особенно бурно. Святейший католикос был вынужден, наконец, прислушаться к настойчивым протестам народа. Результатом этого было то, что епископ Андреас был послан в Нахичевань в качестве представителя католикоса с тем, чтобы подробно расследовать как старое дело, так и вообще епархиальное хозяйничание Айвазовского, на что, как известно, также изо дня в день слышались жалобы и протесты.

Хотя рамки данной статьи не позволяют нам подробно остановиться на содержании этих протестов, мы вынуждены все же дать об этом кое-какие сведения.

Из старины унаследовался в народе обычай по случаю некоторых выдающихся событий в жизни делать добровольные приношения в пользу церкви, например, когда человек венчается, или в семье кто-нибудь умирает и т. д. С момента вступления Айвазовского в должность епархи-

ального начальника это добровольное даянье превратилось в обязательный налог. Человек, собравшийся венчаться, идет в духовное правление за разрешением. Но духовное правление не дает разрешения до тех пор, пока не получит с просителя кругленькую сумму, размеры которой устанавливает по своему усмотрению и которая часто бывает для просителя непосильной. Но, поскольку ни один священник не имеет права венчать без письменного разрешения духовного правления, последнему нет расчета «продешевлять» в столь прибыльной операции: стоимость разрешения колебалась от 3 до 50 карбованцев и выше. Последний бедняк должен был уплачивать 3 карбованца. «Нет у меня денег, не в состоянии я заплатить, я перебиваюсь поденной работой»,— молит проситель, но тщетно.— «Если ты нищ, зачем женишься? — издеваются над ним.— Если сейчас не можешь заплатить 3—5 рублей, как же будешь содержать жену? Нищему жена не нужна».

Будь в нашей власти передвигать века по нашему желанию, мы сказали бы, не колеблясь, что пресловутый английский экономист Мальтус заимствовал свою теорию у этих господ[1], ибо, как утверждает архимандрит Хорен на одном из своих уроков по политической экономии, «бедняку любовь не нужна: не имеешь денег — не имеешь права любить».

В свое время человечество в Европе пережило мрачную эпоху, когда еще наново и в весьма грубой форме устанавливались феодальные отношения между господином и рабом. Если в ту мрачную и варварскую эпоху мужчины несли воинскую повинность под знаменем своего феодала, обрабатывали его земли, уплачивали ему тяжелые подати, выполняли свой долг перед ним, то женщины платили ему иную дань — по нынешним понятиям ужасную и нетерпимую, которая и поныне упоминается в истории под именем jus prima noctis (право первой ночи). В те мрачные времена эта дань уплачивалась натурой, впоследствии она была осуждена и заменена денежным налогом. Пока отец невесты не вносил этого налога, феодал не давал разрешения на брак его дочери. Говорят, что на одном из своих уроков по археологии архимандрит Хорен очень живо, ярко и ощутимо описал обстоятельства, коими сопровождалась эта натуральная дань, но поскольку это только слух, пройдем мимо.

Наш Айвазовский восстановил среди армян эту дань в форме денежного налога с той разницей, что платит жених, а не невеста, как в старину, и это казалось ему более пристойным, ибо, во-первых, «муж есть глава жены, как и Христос — глава церкви», а во-вторых, поскольку архимандрит не может иметь официальные отношения с женским полом, «ибо мир для него закрыт, и он для мира». То есть, как говорят тонкие англичане, only for gentlmen.

Как известно у армян венчанию предшествует обручение. Наш архимандрит, следуя Аристотелю и не довольствуясь признанием десяти категорий в логике, изобрел много категорий сверх того, почему и обручение подпало под одну из этих новых категорий. Никто не мог обручиться, не получив соответствующего разрешения, следовательно, не внеся налога по вышеуказанному тарифу.

Поминки по покойнику (так называемый обряд седьмого дня) также совершались с особого разрешения и не могли быть проведены, пока не вносилась соответствующая мзда. «Денег у тебя нет? Значит, твоему покойнику не нужны поминки. Бедняцкий покойник и без поминок может прекрасно лежать в своей могиле. А если имеешь, но не хочешь платить, знай, что покойник твой без поминок попадет прямехонько туда, «где червь не умирает и где огонь не гаснет». Горькими слезами обливался бедняк: «Совесть замучила,— сетует он,— как же поминок по отцу не устроить?» А там другой бедняк горюет: «Я стольким обязан дорогой матушке! Как же оставить ее лежать без поминок?!»...— «Дитя мое росло без радости,— убивается вдовая мать,— возьмите этот поясок, швырните в ненасытные рожи — пусть дадут разрешение на поминки по дитяти».

И все поминки совершаются, следовательно, все налоги вносятся.

Человеку требуется свидетельство о его рождении и крещении, которое именуется «метрическим свидетельством» и в России является весьма важным документом, так как никто не может поступить в государственную школу или получить должность, пока наряду с другими необходимыми документами не представит этого свидетельства. На это свидетельство была установлена особенно высокая цена, между тем до этого ни у нас, ни у других народов за него никогда ничего не взималось. «Сына

в казенную школу определяешь,— говорит батюшка,— значит, имеешь возможность, коли такое задумал, ибо ежегодно несколько сот карбованцев расходов будешь иметь, ясное дело. Ты не можешь сказать, что нет денег: если нет, не определяй сына в школу, но поскольку они у тебя есть и ты хочешь, чтобы сын получил правильное образование, велико ли дело заплатить один раз за это свидетельство 10, 20 или и того больше карбованцев?»

Велико ли дело, если архиерей, «сеющий духовное среди вас, пожнет материальное»? Разве никогда не читал ты в законах: «Не завязывай морду волу молотящему»?

— Батюшка, вы хорошо знаете, что я остался сиротой по смерти отца, что на моем попечении малый брат; знаете, что служу у купца за 300 карбованцев в год; из них 200 рублей в год откладываю на образование брата, на остальные 100 рублей мы как-то должны прожить с матерью. Умоляю, не берите с меня денег за это свидетельство! — так молит молодой человек Х.

— Обязательно должен заплатить 25 карбованцев!

Молодой человек, видя, что мольбы его тщетны, со слезами отдает тяжким трудом заработанные деньги, предназначенные на хлеб для несчастной матери, и получает, наконец, свидетельство.

И еще много подобных фактов, которых не станем перечислять. Прибавим только, что если и осталось что-либо свободно от налога, то — это посещение церкви. И в самом деле, только и осталось: поставить людей у входа в церковь и с каждого входящего требовать нечто вроде переходного через границу взимаемого курдскими феодалами, не платящих же гнать с церковной паперти.

Мы не советуем Айвазовскому вновь обратиться к своей, всем известной лживости, дабы опровергнуть эти строки и тем самым принудить нас окончательно разоблачить его нравственность. Все сказанное нами мы можем доказать с приведением имен, года, месяца и числа. Сказанное нами не составляет и четверти нахичеванских жалоб, а эти письменные жалобы ныне лежат на письменном столе епископа-ревизора, и вдвое больше, чем в этих жалобах, обнаружится в ходе ревизии, это мы утверждаем без малейших колебаний. Если наш архимандрит умен, пусть не раскрывает рта: раскроет — не оберемся вони...

Все распоряжения Айвазовского по Нахичевани имели силу, разумеется, и в других местностях епархии, кроме

столиц, то есть Москвы и Петербурга, где утверждаются и сам начальник епархии, и его приказы, и его нынешние или будущие распоряжения.

Суммы от вышеупомянутых налогов попадали в руки наших «бессеребренников» Козьмы и Демьяна, и не только они, но и годовые доходы всех имеющихся в епархии церквей (кроме столичных), которые Айвазовский требовал от их настоятелей. Да не подумает читатель, что эти суммы принадлежат начальнику епархии,— ни в какой мере! Церковные суммы всегда принадлежали церкви и обычно копились с той целью, чтобы по образовании более или менее значительного капитала использовать его на открытие, скажем, школы, но с тем, чтобы расходы по содержанию школы покрывались целиком процентами с капитала, не трогая основного капитала, что повело бы к его гибели. Так называемые «престольные» доброхотные приношения, будучи ранее действительно добровольными, составляли незначительную сумму и предназначались на нужды Эчмиадзина и на расходы по содержанию школ. А начальник епархии получал от государства жалованье в 2 100 карбованцев. Ему же принадлежали доходы с епархиальных садов и виноградников в Кишиневе, Аккермане и Григориополе, так что общий годовой доход начальника епархии достигал 3 000 карбованцев.

Мы не станем говорить о старых суммах. Под старыми суммами мы разумеем те деньги, что следуют с Халибяна: 64 000 карбованцев, которые Халибян вручил ему, Айвазовскому, еще до его назначения начальником епархии, 50 000 карбованцев — в другой раз, 9 000 с лишним карбованцев Халибян, еще не видев архимандрита в лицо, послал ему в 1858 г. Эта последняя сумма была, надо полагать, данью уважения к новому носителю архиерейского посоха, поскольку назначение этой суммы никому не было известно, но тем не менее этот факт отмечен в почтовом бюро... Старые суммы — это капитал, образовавшийся в нахичеванских церквах при епископе Маттеосе (предшественнике Айвазовского) в 1846—1857 гг., который с предельной точностью и полнотой был вложен им в Одесский банк на нужды церкви и на открытие духовного училища в будущем на проценты с этого капитала. А также суммы, доверенные тем же епископом частным лицам, в обеспечение которых были приняты в залог на имя церквей недвижимые имущества вдвое и втрое

большей стоимости, а документы на все эти имущества перед его отъездом из епархии были переданы им по приказу министерства Айвазовскому под личную расписку.

Не будем говорить о деньгах крымских церквей, находившихся в руках Тороса ага Девлятянца; не будем говорить о суммах бессарабских церквей, бывших в руках Карапета ага Анушяна после смерти Аставцатура ага Аветяна. Не будем говорить о доходах с обширных церковных строений, сооруженных в Кишиневе усилиями и трудами покойного католикоса Нерсеса, доходов, достигавших нескольких тысяч в год. Не будем говорить о доходах с лесных угодий Крымского монастыря или о доходах с принадлежащих тому же монастырю одахайгачских земельных угодий близ города Орбазара (Армянск) и т. д. и т. п. — всего не перечислить, да и перечень всего не у нас же! Из всего сказанного и несказанного нами видно, какие колоссальные суммы (мы говорим с учетом нынешнего состояния нашего народа) попадали в руки Айвазовского. Только ежегодный доход, не считая казенного жалованья, не считая основных капиталов, не считая доходов с вышеупомянутых садов и виноградников, не считая процентов с капиталов, превышал 10 000 карбованцев!

Те, кто по слепому ли пристрастию или по неведению (ибо, по правде говоря, затрудняемся сказать — по глупости) несколько лет назад пытались защищать Айвазовского, должны сегодня ответить: что стало с этими несколькими сотнями тысяч карбованцев, с их процентами и ежегодными доходами? Как они были проглочены и как случилось, что церкви и их наемный вождь оказались на сегодняшний день чистыми?

Человек, не сведущий во внутренних делах Айвазовского, обманутый его общеизвестным иезуитским языком, может подумать, что наш бессеребренник Козьма все это вложил в училище. Против этого мы напомним хотя бы тот факт, что сам Айвазовский заявил, что из церковных сумм 6 000 карбованцев в год он расходует на нужды своего жилья и стола — сверх своих вышеупомянутых регулярных получек (это — его личное признание), и, очевидно, именно в связи с этим и возникли неприятности у него с братом-художником[1] по семейным делам, ибо художник, ссылаясь на то, что столько времени один содержал семью, настаивал, чтобы теперь это делал архимандрит — денег мол у него теперь много — и т. д.

Мы не говорим уж о том, что такой человек, как Айвазовский, не может быть хранителем денег: об этом свидетельствует замечательный договор на аренду амбара г-на Алтунжянца... Не будем говорить и о том, что огромные суммы были израсходованы на печатание его сумасбродных, никем не покупаемых «трудов» (их можно разбить на две категории: первая — безудержное бахвальство в безудержной бесстыдной жажде популярности, и вторая — злословие и клевета на того или иного, брань по адресу мхитаристов и т. д). Скажем только, не были ли построены на песке все расчеты по возведению училища, да притом дорого стоящего, не говоря о его внутренней сущности (направлении)? Положим, что мы имеем наличный капитал в 200 000 карбованцев. Можем ли мы на проценты с этого капитала, что составит самое большое 10 000 карбованцев в год, считая из 5% годовых при надежном обеспечении, открыть училище, содержание которого составляет 18 000 карбованцев в год? А иначе училище должно быть закрыто, как писал Айвазовский около года назад в дружеском письме Халибяну? Если к этой сумме прибавим 6 000 карбованцев на личные расходы архимандрита, получим сумму в 24 000 карбованцев, между тем как наш капитал приносит лишь 10 000. Ясно, что при таком положении вещей от нашего капитала ежегодно будут отпадать 14 000 карбованцев вместе с процентами с них, и эта отпадающая сумма из года в год будет увеличиваться, поскольку убывающий капитал уже не будет приносить 10 000 в год. Мало того, предстоит еще сооружение огромного здания, что сократит первоначальную предположенную сумму в 200 000 карбованцев по меньшей мере наполовину. Следовательно, получать 5 000 карбованцев процентов в год и докладывать 19 000! Каков может быть результат этой чудесной операции? Нужно ли доказывать, что через несколько лет училище вылетит в трубу, закроется или, в лучшем случае, оно станет хлевом для ослов и коров крымских татар, а сколько тысяч карбованцев будут зря развеяны по ветру?

Те, кто заранее все это предвидели, были против беспочвенного начинания Айвазовского, поскольку было ясно, как день, что путь, избранный им, должен привести к безвыходному тупику. Не будем говорить о других причинах, в частности и о том, что решение открыть на нахичеванские

деньги училище в Феодосии только потому, что там проживает семья архимандрита, не выдерживало никакой критики, ибо в Нахичевани с пятью окрестными селами ныне 3 000 домов армян, а в Феодосии — всего лишь 120. Ясно, что нужда в училище несравненно более ощутима в Нахичевани, и там училище гораздо более необходимо, чем в Феодосии.

Мы не хотим и слова вымолвить относительно расходов на это училище: уж очень жалкая картина! Ибо получающих тысячные оклады было лишь несколько человек — и что за люди, и за что получали! тогда как учащиеся, не выдержав голода, в 1863 г. коллективно сбежали. Если об этом и писали до нас газеты, то некоторые обстоятельства все еще находятся под спудом; однако мы оставим это до следующего раза, ибо невозможно в одной статье охватить и вывести все на чистую воду.

Этот своего рода букет мы составили с той целью, чтобы читатель понял, что протест нахичеванцев и вмешательство католикоса были вызваны национальной потребностью, а следовательно, и посылка ревизора и прекращение всех этих злодеяний настоятельно необходимы.

Извинившись перед читателями за то, что коснулись некоторых старых тем, продолжим новые.

За несколько дней до прибытия епископа Андреаса в Нахичевань Айвазовский, возвратившись из Эчмиадзина и пробыв в Нахичевани три дня, приказал своим приспешникам и духовному правлению, чтобы они, в случае если епископ потребует от них сведений или отчетов, ничего ему не давали, заявив, что без приказа начальника епархии они не вправе выполнить его требований. После приезда епископа в Нахичевань так и случилось: негодные попы отказались представить епископу требуемые им сведения, ссылаясь на приказ архимандрита, хотя епископ был уполномочен католикосом всех армян и снабжен специальным кондаком. Чтобы показать, до какой степени неповиновения католикосу дошел Айвазовский, не забудем упомянуть и о том, что в течение этих трех дней духовным правлением был дан приказ, чтобы священники, получившие нагрудные кресты непосредственно от католикоса, без представления архиепископу Айвазовскому, не смели носить их. Сам же Айвазовский едва был назван начальником епархии, без чьего-либо награждения и приказа с беспримерным бесстыдством купил в магазине

крест и, повесив его на шею (чему свидетелями тысячи очевидцев), в 1859 г. имел наглость встречать католикоса на пристани в Поти. Впоследствии, при посредничестве некоторых лиц (чему свидетелями епископ Макар и архимандрит — ныне епископ — Мкртич, не говоря о самом католикосе), католикос, снизойдя к его ребяческому честолюбию, выдал ему кондак на право ношения этого креста, исправив тем самым непростительный проступок Айвазовского. А теперь этот самый Айвазовский дерзает не признавать крестов, выданных другим лицам тем же католикосом, от которого сам получил крест, хотя по закону это одна из высоких прерогатив католикоса, которая кроме него предоставлена лишь императору: кроме них ни одно должностное лицо не облечено этой прерогативой.

Натолкнувшись на сопротивление духовного правления, епископ Андреас вынужден был написать Айвазовскому, оповестив его о своем приезде и о целях, и в силу кондака католикоса потребовать, чтобы тот немедленно приказал духовному правлению повиноваться ему и ответить незамедлительно на все могущие возникнуть вопросы; словом, епископ в вежливой форме дал понять, что он — ревизор и что Айвазовский вкупе со всем его епархиальным хозяйством — объект и материал ревизии. С этого-то момента наш архимандрит и развернул публично знамя своего восстания против католикоса.

Давно известно положение, что полуобразованность вреднее полного невежества, но Айвазовский подтвердил это положение новым примером. Он немедленно ответил, что епархиальным начальником он назначен по высочайшему повелению августейшего императора и потому никто не смеет производить ревизию его дел без предварительного соизволения государя. И поскольку католикос сделал это своей властью, без повеления государя, то он, Айвазовский, считает себя свободным от выполнения требований епископа.

Какое убожество! Правда, в законах империи имеется статья, которая гласит:

«Должностное лицо, утвержденное Высочайшим повелением, не может быть подвергнуто ревизии без Высочайшего соизволения»; но в тех же законах, в другом томе и в другой связи статья эта разъясняется: «Предполагается ревизия по проступкам, совершенным вне должности», то

есть если должностное лицо, назначенное повелением государя, совершит проступок вне своей должности, он, разумеется, не несет ответственности перед своим должностным начальством (которому оно подчинено), а подлежит ответственности в общем порядке — перед судом. Но поскольку оно исполняло должность по Высочайшему повелению, о его проступке должно быть немедленно доведено до сведения государя, дабы получить соответствующее повеление. Все губернаторы назначаются высочайшими рескриптами, но министр внутренних дел может назначить ревизию, если усмотрит с их стороны какие-либо злоупотребления по должности, и для этого вовсе не требуется каждый раз беспокоить государя. Архиереи (русские) назначаются высочайшим рескриптом, однако русский св. синод может в любой момент провести ревизию их деятельности. Так и сказано в законе, что дела начальников армянских епархий, жалобы на недочеты как в церковной, так и в служебной их деятельности относятся к компетенции эчмиадзинского святейшего синода, возглавляемого патриархом-католикосом. Элементарный здравый рассудок требовал бы, казалось, понимания закона, приведенного нашим архимандритом, ибо над епархиальным начальником имеется законом установленная высшая власть, которой подчинены они силой закона. Если начальники епархий, будучи назначаемы рескриптом государя, будут ответственны за свои действия только перед государем, для чего же тогда синод, для чего католикос?

Если архимандрит Хорен на одном из своих уроков по юриспруденции и коснулся этого закона, в этом пункте, очевидно, не совсем разобрался, почему мы и сочли нужным несколько разъяснить его с тем, чтобы люди, нуждающиеся в этом законе, не ду́мали обрести в нем опору надменности и безответственности. Надо, впрочем, и то сказать, что не заблудиться в лабиринтах закона не так просто, как помахать кадилом или провозгласить «господи, помилуй»: это тебе не крест, чтобы купить на базаре и повесить на шею, это, батенька, требует ученья! К сожалению, ревизия, назначенная католикосом, касается лишь должностных дел нашего архимандрита, как, например, церковных отчетов и вопроса о церковных суммах, но не церковных таинств и христианских обрядов, которые даже во времена Юсупа и Буги были свободны от

налогов, при Айвазовском же обложены налогом, и много других такого же рода вопросов.

Пока епископ Андреас пишет католикосу о юридическом крючкотворстве Айвазовского, а мы тем временем посмотрим, на что еще решится наш архимандрит. Можно, конечно, и заранее предвидеть, на что он способен решиться, но легче и вернее оперировать уже свершившимися фактами и содеянными делами. Итак, оповестим лишь о том, что было. А было вот что.

Обширный донос министру внутренних дел на католикоса, на Айрапетянца (нахичеванский городской голова) и Налбандянца, донос, полный отборнейшей лжи и несусветной клеветы,— и все это даром, будто вовсе и не он «взиматель десятины и с мяты и с тмина».

Не довольствуясь этим доносом, пишет он на французском языке донос графу Сиверсу. Последний... является в министерстве внутренних дел начальником департамента по духовным делам иноверцев, и мы нисколько не согрешим против истины, если назовем творцом этого доноса[1] Айвазовского.

Не расспрашивайте меня об этом доносе. Мне думается, что наш архимандрит снял с него многочисленные копии и хранит их у себя наготове, чтобы по мере надобности, поставив год и число, сдавать на почту, ибо содержание их не менялось с 1858 года и посылались они не менее четырех раз ежегодно — в соответствии с временами года. Не будь они скопированы, надо полагать, что за эти 6 лет они потерпели бы некоторые изменения, не говоря уж о том, что одна из копий не попала бы в руки Мечухеча. Мечухеча обещает как-нибудь опубликовать ее перевод вместе с французским подлинником (ну и французский!). Если он сдержит слово и опубликует, читающая публика, без сомнения, получит возможность не только познакомиться с извержениями уст нашего «кроткого, как голубь», архимандрита, но и познать в некоторой мере сущность нашего святого отца, ибо только на поприще предательства и измены он выступает без маски. Нам тошно вспоминать об этом убогом однообразии, отвратительных делах, являющихся позором и укоризной для человечества. Но мы вынуждены помимо воли сказать несколько слов об этом письме.

Основное в письме, как всегда, — ложь, клевета и наглость. Читатель, я думаю, не сомневается в том, что

содержание письма касается все тех же трех лиц: католикоса — Айрапетянца — Налбандянца, Налбандянца — Айрапетянца — католикоса. Эти трое, мол, враги как его, так и государства, особенно Налбандянц, который-де *подстегивает* всех (очевидно и себя самого подстегнул), который, мол, хорошо известен правительству, содержится в крепости и т. д, и тому подобные словесные извержения; что строжайшее наказание его (Налбандянца) сулит государству величайшую пользу (мели, Габрик, безграничная подлость приводит тебя в неистовство), поскольку эта кара заставит подобных ему мятежников образумиться, послужит им уроком.

Эти слова бесчестят государство, ибо пишущий их не предполагает наличия в России законов, думая, что человек может быть наказан по доносу какого-то авантюриста. Если Налбандянц повинен перед государством, на то в государстве имеется суд, только суд вправе осудить или оправдать его, никто другой не может вмешаться в это дело, да и суд не может осудить его без законного на то основания.

На одном из своих уроков по физиологии архимандрит Хорен, следуя Аристотелю, говорил вопреки анатомии и физиологии, что человеческий мозг нечто вроде губки; однако, какими бы соблазнами ни было это чревато, сказанное Аристотелем относится к мозгу Айвазовского.

Мы прервали изложение доноса, ибо надоело. Короче говоря, наш главный маг вещает: все зло, имеющееся в мире, исходит от Айрапетянца и Налбандянца. Архимандрит жалуется не потому, что ему лично приходится страдать от козней этих носителей зла, — боже упаси, — а потому, что, к прискорбию правительства, он из-за этих препятствий не может плодотворно выполнять обещаний, данных им государству. Его терзают заботы о государстве, своим же личным страданиям он даже радуется, ибо за них «небо вознаградит его сторицей», и «как страсти мертвы для него, так и он мертв для страстей».

В чем же загадка? Никто, кроме графа Сиверса, не должен был читать этого письма-доноса, а между тем копии с него ходят ныне в Феодосии по рукам.

Наш архимандрит принес свой разум полностью в жертву бешенству своих страстей, ибо в том же доносе он пишет:

1. Пользуясь большим влиянием в народе, Айрапетянц и Налбандянц проводят все, что им угодно, и поэтому он (Айвазовский) не в чести у народа. Никто ему не противится, и все принимают его с большим почетом, кроме этих двух, с устранением коих все было бы прекрасно, тем более, что и народу они ненавистны. И затем, возвращаясь в частности к Налбандянцу, он пишет: «Некий Налбандянц, никому не ведомый...». Сам же Айвазовский имел, оказывается, большое и безусловное влияние на всех армян и особенно на турецких армян, однако Налбандянц убил его влияние...

Верно, что иезуиты никогда не могли мириться с логикой, но они не могли в такой мере и терзать ее. Допустим, что Налбандянц — олицетворенное ничто, Айвазовский же — олицетворенная сущность, чудесная личность (на которую сам Авраам желал бы взглянуть хоть одним глазком, но не мог), солнце, зажженное провидением на горизонте 19-го века. Оба эти положения примем как безусловные. О Налбандянце будем вопить: «Распни его, распни!», а указывая на Айвазовского, будем говорить: «Вот бог твой, Израиль, что вывел тебя из Египта»; если мало этого, воздвигнем почетные статуи его «в пригородах Астрарта, Камовса, Мелкома, в Тарахате, Тарматаре и прочих местах», — большей почести и быть не может! Но что же делать с логикой? Сказал тоже! Что тут говорить? Логика создана для человека, а не человек для логики, будь, что будет, что ты — приставлен к логике сторожем?

— Нет, мы ее не бросим... Хоть мы и не из прописных учеников Джона Стюарта Милля, но руководствуемся его логикой. Если она на-руку Айвазовскому, пусть читает, а нам она вполне на-руку, и мы очень довольны ею. И потому именем логики спрашиваем: каким образом ничто губит такую сущность, как Айвазовский, уничтожает бесследно его влияние, связывает ему руки? Это невозможно, и поскольку все мы подвластны законам природы, этого не может быть, в этом кроется некая ложь, которую логика непременно обнаружит и разоблачит. Чтобы нейтрализовать и обезвредить кого-либо, требуется, естественно, равная ему сила, а чтобы нанести ему поражение, — больше чем равная. Предположим, что в руках у нас весы. Обозначим их чаши буквами А и Б. Если на чашу А положим тяжесть в три фунта, чаша Б

взлетит кверху, и мы не сможем добиться равновесия, пока и на чашу Б не положим тяжесть в три фунта. Если же мы захотим, чтобы чаша А взлетела, мы должны на Б положить тяжесть большую, чем в три фунта, — об этом знают все, кроме Айвазовского. Неужели он и в евангелии не читал, если приходилось ему раскрыть его, что «никто не может войти в дом могучего и захватить его имущество, пока раньше не свяжет могучего»? Следовательно, входящий должен быть более могучим, чтобы суметь связать могучего. Но все без толку — опять не понимает Айвазовский, он снова долбит свое в очередном доносе.

Айвазовский могуч — это твердит сам Айвазовский, Налбандянц бессилен — и это твердит Айвазовский; провозгласив оба эти положения, тот же Айвазовский утверждает, что этот бессильный пришел, связал могучего и отобрал у него все его добро.

Любой человек, кроме Айвазовского, прочитав эти строки, по врожденной логике человеческого разума скажет то же самое.

ОДНО ЗАМЕЧАНИЕ

В нескольких номерах издающейся в Константинополе газеты «Мегу», а именно — в №№ 220, 221 и 222 (№ 176, а также продолжения 222-го номера газеты мы не видели), напечатан отличный труд за подписью А. П. А.[1], в котором незнакомый нам автор откровенно освещает зловредную деятельность по отношению к нашему несчастному народу американских миссионеров в Турции, о наносимых ему ударах, о превращении ими евангелия в орудие обмана. Какие постыдные факты опубликованы в этом вдохновенном труде! Однако они не составляют и сотой доли того, что известно просвещенным людям относительно охотников-миссионеров вообще, и сотая доля их дел еще не попала под перо, но «Ганнибал у ворот»[2]. Недалек день, когда армянский народ потребует у них отчета перед просвещенным миром. Мы торжественно объявляем свою сердечную благодарность уважаемому автору.

Но мы сожалеем, что уважаемый автор имеет неверное представление о деспотической системе протестантской церкви. Автор полагает, что гонения и предосудительные дела находящихся в Турции миссионеров проистекают из их личных качеств и что сама миссия, т. е. управляющее ими общество, стоит далеко от этих предосудительных дел.

В 223-м номере «Мегу» уважаемый автор спрашивает, чем же поведение миссионеров отличается от инквизиции, и отвечает: «Да, есть большая разница между

людьми этих двух категорий. Агенты Лойолы (иезуиты) выполняют подлинную волю пославшего их ордена... они же (миссионеры), не сомневаемся (!), никогда не получали от своего общества подобной инструкции (?!), а потому они заслуживают большего осуждения, чем те... Тем более, что они родились в такой славной и свободной стране, как Америка, и находились под постоянным, просвещенным (?) и христианским (прости, Господи!) влиянием; что поэтому столь гнусное поведение, полностью противоречащее совести, свободе и разуму, ни в коем случае им непростительно»[1].

Мы не только не согласны с уважаемым автором, но придерживаемся мнения прямо противоположного.

В 221-м номере «Мегу» уважаемый автор, поведав об одном деле миссионеров, достойном служителей Шейлокова ордена, в особом примечании на той же странице говорит: «Не отвращайтесь от американских миссионеров, ибо *будучи клиром, они обязаны итти по общему мировому клерикальному течению*, а именно: проповедовать другим, а не себе; своим тройственным и мистическим поведением отвращать народ от простой и чистой божественной веры (да станет она проклятьем для них!), словом, показывать миру примеры низости и безразличия и, наконец, подвергать испытанию человеческую силу тех, кто раскусил их бесчестное поведение, осуждая их как безбожников... хотя и не с амвонов, но мистически».

Если уважаемый автор имеет столь ясное понятие об этих вещах, ему нужно только напомнить, что и сама миссия, посылающая этих миссионеров, также состоит из клириков; какое же основание у этих клириков отречься в данном случае от своего долга, а именно: не возглавить шествие, «общее всему мировому клерикальному течению»?

Нам кажется, что слово «мистический» уважаемый автор употребляет вместо слова «иезуитский» и «мистицизм» — вместо «иезуитизм», что непростительно.

Уважаемый автор ошибается, если, забывая о составе членов клерикальной миссии, считает общество, посылающее миссионеров в Турцию, носителем принципов чисто евангельских, божественных и человеческих.

Не пожелает ли автор, чтобы мы указали ему на ауто-да-фе протестантской церкви, хотя не называющей его так, хотя они и слышать не хотели об инквизиции, о

папе и о Римской церкви? Просим взять на себя труд и прочесть «Историю Англии» Маколея[1]. — Просим прочесть труд несравненного автора Томаса-Генриха Бокля «История цивилизации в Англии», особенно второй том этого бессмертного труда, содержащий превосходные данные относительно протестантской церкви. Это — не дела одного-двух миссионеров, *а дела протестантской церкви.* Эта церковь, будучи построена на руинах Римской церкви, принесла народу столько же свободы, сколько и государства, возникшие в средние века на развалинах империи того же Рима. Свобода — только наживка на удочке протестантских проповедников, — горе простачку, попавшемуся на приманку! — рабство — вечный его удел. Протестантская церковь (не говоря о первых смутах и кровопролитных войнах, виновниками которых были не только протестанты, но и паписты) каких только не произвела мятежей, политических распрей, двуличия и мошенничеств в Англии со времени казни Карла Первого до королевства Вильгельма Оранского, а также и при нем, отказываясь от присяги (теперь она склонна вновь защищать права Иакова II Стюарта и его наследника)! Но не наше дело говорить подробно обо всем этом: вышеупомянутые великолепные ученые-историки уже ознакомили с этим человечество.

Кто не знает или не слышал о Роберте Оуэне и его Нью-Ленаркской школе![2] Кто не знает святой и заветной цели этого благородного человека ликвидировать ужасающую нищету народа при помощи основанных им школы и фабрики. Но кто не знает и того, какие бедствия обрушила на голову этого человека протестантская церковь? А чего только не перенес он в Америке от квакеров[3] (хотя Маколей и называет их безвредными сектантами, очевидно, потому, что мать его была в этой секте)? Могила Роберта Оуэна еще свежа, эти события произошли почти на глазах у нас. Но если бы только это!

Не думает ли автор, что американская миссия, находясь в Нью-Йорке, не поклоняется той же свободе, которая вдохновляет Соединенные Штаты? Думает ли он, что миссионеры, получив в какой-либо жалкой духовной школе Америки или Англии или какой-либо другой страны кое-какое образование, вволю пили из источника свободы? Как бы не так!

От египетских жрецов до американских квакеров имеются, конечно, преобразования, но сущность осталась та же, поскольку они представляют собою касту, изолированную от народа. Они—не хранители свободы, они — грабители свободы совести других, они похищают эту свободу и выжимают последнюю каплю моральной силы свободного разума, чтобы неограниченно угнетать свою жертву. Вот почему они всегда будут считаться молью, разъедающей несчастное человечество.

Ныне протестантская церковь превратилась в ртуть, от малейшего удара, от ничтожного колебания разбивающуюся на сотни частиц. Ужели уважаемый автор может верить словам миссионеров, будто они и есть носители свободы? Если это так, почему же протестанты, принадлежащие к разным течениям, преследуют друг друга, и как преследуют: с зароком «не есть и не пить вместе»? Да, ныне приверженцы епископальной церкви не топят в заливе Сольвей Маргариту Меклечле и Маргариту Уэльсон, приверженок иерейской церкви, не ставят во времена отлива на возвышенных и низких местах столбы, чтобы, увидев гибель первой жертвы прилива, вторая отказалась от иерейской секты и приняла небесное православие епископальной церкви (обе женщины погибли, стоически отстаивая свободу своей совести). Да, ныне в Америке или Англии нет больше виселиц или костров, но и в Барселоне потушены костры; насколько последнее можно приписать свободолюбию папистской церкви, настолько и первое — протестантам, которые, отрекшись от правомочия папы, никогда не отрекались от костра и виселицы против «раскольников», пока цивилизация, войдя в силу, не разрушила их помимо воли протестантской или католической церквей, вопреки их желанию. Проклятия и отлучения процветают не только в лоне папистской церкви, но и в протестантской, и при этом не только против живых, но и против мертвых.

Нужны доказательства? Оставив в стороне все прочие, зададим лишь один вопрос: почему не видим мы в Вестминстерском аббатстве могилы лорда Байрона? Он имел все права быть похороненным там как лорд и как гениальный поэт. Но он там не похоронен. Когда привезли из Греции его тело в Англию, протестантская церковь, ее фарисейские адепты, увидев закутанное и набальзамированное тело, ударили в ладоши, вообразив,

что это мумия и что они живут не во времена парламента, а в царствование фараонов, поэтому во мгновение ока обновили и древнее судилище над трупами. Они обвинили великого поэта в преступлении против церкви, как провинившегося перед своей женой, а между тем вина эта по сей день остается недоказанной (см. в книге Маколея статью о Байроне) [1], упомянули о распутстве поэта в Венеции и, таким образом, закрыли двери аббатства перед гробом Байрона. Они не сумели понять, что Байрон не просил славы у кладбища, а принес бы ему славу.

Мы не отрицаем, что индивидуальные качества одного агента того или иного общества не могли выявить или сделать ответственной за его деятельность все это общество, но мы просим также согласиться, что все агенты этого общества, вместе взятые, являются выразителями духа этого общества.

Уважаемый автор предполагает ученость у ремесленников этой «своеобразной» науки. Ему следовало бы лучше ознакомиться с их духовными школами, тогда он, несомненно, изменил бы свое мнение и смотрел бы на них, как на невежественных монахов, которые знают, конечно, английский язык и, возможно, несколько других языков, но и то вряд ли.

Мы надеемся, что наши братья—соотечественники из католиков или протестантов не обидятся на нас: мы не из тех, которые имели бы, не скажем дерзость, а скорее глупость судить внутреннюю веру или совесть кого-либо, мы воюем не против того или иного верования, а против насилия, какое усматриваем в церквах, желающих преподнести нам «свободу». О, эта «свобода» ничем не отличается от насилия! Что же касается внутренней веры, пусть каждый человек спросит свою совесть и ответит перед богом: мы — не инквизиторы и не миссионеры.

Но когда насилие выступает, замаскировавшись свободой, когда фанатическая тьма украшает себя фальшивыми масками, а подлинная свобода подвергается гонению, тогда долг каждого подлинного свободолюбца — выйти на арену с мечом разума и сорвать с головы лицемерных фарисеев моисеев покров. Этому долгу следуем и мы.

Будьте здоровы.

11 декабря 1863 г.

ПИСЬМА

[АРУТЮНУ ГЁКЧЯНУ]

Уважаемый друг Арутюн Гёкчян!

Вы знаете из истории, что литература любого народа начинается с песен, пословиц, стихов. Если провести параллель с миром животных, этот период является как бы младенчеством или отрочеством тех поэтически возмужалых, состарившихся или умерших и уже покрывшихся пылью тысячелетий литератур, какие были или имеются ныне на белом свете.

И армянский язык, как один из человеческих языков, не составляет вовсе исключения из этого правила. Тут мы видим отражение целого в частном и взаимно — частного в целом и узнаем, что и в армянской словесности имелись песни, предания и пословицы, некоторые из коих благодаря почтенному старцу Хоренаци или посредством иных собирателей дошли до нас, как, например, «Небеса и земля были в муках родин», «Отрывок о младенце Вардгэсе», «Храбрый царь Арташес на вороного сел» и некоторые другие, большинства которых мы ныне лишены безжалостной судьбой, но из этого немногого, что дошло до нас, мы заключаем, что у нас должно было быть неисчислимо много таких песен о наших богатырях, живших в древнейшие времена. Надо полагать, что имели мы и капищные или жертвенные песни, ибо предки наши были идолопоклонниками, солнцепоклонниками и огнепоклонниками, а мифология сама по себе уже поэзия, и разве мыслимо выполнение культа богов без жертвенных песнопений?

И в нынешний век реформы нашего языка наблюдается во всех отношениях это же явление: со всех сторон слышатся звуки песен, слагаются басни, стихи — зародыши (conceptus) будущей новой мощной армянской словесности. Из этого явствует, что язык, как и другие природные тела, подвергается общему и неизменному закону: где бы и когда бы он ни был, — всегда одинаково подвержен природным условиям. Зачатие языка, его рожденье, младенчество, детство и все последующие возрастные этапы — неотъемлемые элементы сущности и существования языка. Не пройдя через все эти этапы, язык никак не может достигнуть совершенного возраста — молодости.

Были на свете языки, состарившиеся, едва достигнув детского возраста. Мы это видим воочию, но, поскольку между детством и старостью существуют ступени, перескочить через которые невозможно, как же можно объяснить ход развития этих языков?

Возьмем, к примеру, наш древний язык. Его младенчество или детство мы видим в древних песнях, а затем вдруг возникает перед нами его старческий возраст: перевод библии, исторические и почти мертвые отрывочные летописные записи. Как проходила юность и молодость этого языка? Где их памятники? Это страшное явление мы можем объяснить опять-таки примером из жизни природы. Мы знаем, что если какое-либо растение не под воздействием природы, а путем искусственно-насильственных мер, перескочив через свое детство, достигнет цветения, то цветение это, являющееся молодостью растения, сейчас же прекратится, и, достигнув старости, растение увянет и поникнет; в этом случае перед нами долгое время будет печальное зрелище старости растения, другие же возрасты его будут унесены быстрокрылыми ветрами. Нельзя сказать, что армянский язык не имел юности или молодости, но эти возрасты были столь быстротечны, столь мимолетны, что не замечаются, а остаются лишь памятники его детства и его старости. Молодостью древнего языка я считаю сладкозвучное описание «Войны Вардана» Егише.

Если несомненно, что язык, как мы видели, подобно другим явлениям природы (имею в виду явления органические — corpora organica), подвержен общим законам природы, то мы знаем также, что бессмертие этих орга-

низмов — в их потомках, оставляемых ими или путем деления части своего тела, или посредством отражения целого в капле жидкости в твердой оболочке. Следовательно, и язык должен остаться бессмертным, опять-таки как у организмов бессмертие усматривается в его потомстве, а отнюдь не в увековечении его старческого возраста, который, подобно египетской мумии, может сохранить лишь форму, положение, лишившись живительного действия, каков ныне наш древний язык.

Природа, как бы чувствуя преходящий характер отдельных своих явлений, принуждает их оставлять потомков — так она действует и в языке. Было бы, конечно, безумием из-за большого почтения к отцу истребить, уничтожить сына, который, возможно, был бы так же хорош, как отец, или даже лучше. Пусть отец остается в почете, а сына надо пестовать, развивать, поскольку отец не сегодня, так завтра умрет, а сын должен будет занять его место. Если бы уничтожались семена, гибли бы и виды. Доказательством этого могут служить многие языки: от некоторых из них остались только названия, а от других — лишь несколько слов.

Рассматривая все это научно или философски, мы обязаны растить и пестовать новые ростки, которые, возникнув из семени старого, сулят нам сохранить его бессмертие,— значит, следует пестовать и заботиться о новом языке в его младенческом возрасте. Имея у себя несколько памятников, относящихся к этому возрасту нового армянского языка и являющихся плодом либо моей собственной мысли, либо труда других (чьи имена указаны под ними), я не хотел бы обречь их на бесследную гибель, как это было доныне вследствие моей беззаботности со многим из написанного мною: разбросанные повсюду, они пропали, и даже названия их я забываю постепенно. Поэтому, поскольку сейчас имеется под рукой эта тетрадь моя с записями, завещаю ее Вам, надеясь, что к Вам не может пробраться Сатурн и набить свою глотку моими писаниями. Хотя это и не какие-либо замечательные вещи, но они могут считаться памятниками младенческого возраста нового языка.

Будьте здоровы!

Ваш приятель

12 мая 1855 г. *М. Налбандянц.*

Москва.

[КАРАПЕТУ АЙРАПЕТЯНУ]

Высокочтимый друг, уважаемый Карапет Маркарович!

Надеюсь, что мое долгое молчание Вы приписывали моей безмерной занятости как личными, так и журнальными делами. Думаю, что еще до получения этого письма к Вам попадет № 11 «Юсисапайла». В нем Вы найдете мое письмо к издателю [1], продиктованное мне велением истины и совести. Возможно, что этим я приобрету несколько сильных врагов и противников, но я не теряю надежды, что благомыслящие члены нации в нужный момент подадут свой голос! Да будет Вам известно, что дост[опочтенный] Айвазовский, будучи известным врагом нашего журнала, пожаловался на нас Лазаревым [2], и последние прислали нам неуместное письмо с угрозами, заявляя, что мы своим журналом вводим народ в заблуждение и тому подобные вещи! Теперь они приложат все усилия к тому, чтобы мы, не находя подписчиков, попали в исключительно трудное положение. Наш народ, слава богу, и без того не отличается особой любовью к просвещению, а теперь, слыша подобные злословия от того или иного, охотно проявит готовность пренебречь любым общеполезным для нации делом. До сегодняшнего дня мы не имеем ни одной подписки, хотя и получаем сообщения из разных мест, и притом довольно утешительные.

Вы должны содействовать сохранению нашего журнала — он также и Ваш, так как он принадлежит нации; Вы должны приложить все усилия и энергично поработать, чтобы завербовать как можно больше подписчиков,

особенно теперь, когда Вы состоите в должности городского головы и, следовательно, имеете больше возможности воздействовать. Вы отлично знаете, насколько полезен «Юсисапайл» нашему народу; следовательно, как мы приносим в жертву этому делу дни и ночи наш покой и нашу жизнь, так и Вы как замечательный член нашей нации и брат нашего правдолюбивого содружества, проповедующего истину, должны взять на себя тяжесть заботы о журнале.

Что и говорить, на первых порах народ с трудом понимает [то, что дается «Юсисапайлом»], но если его деятельность продолжится два года, тогда можно надеяться, что дело пойдет лучше. В этом году мы имеем около 270 подписчиков, но мы решили завербовать еще столько же на будущий год. Мы еле-еле покрываем годовые расходы на журнал. Говорю, еле-еле, но следует знать, что мы люди, не бесплотные существа; допустим, что в течение года мы в интересах нации вынесли каторжный труд, но разве обязательно ежегодно приносить себя в жертву!

Мы вдвоем несем всю тяжесть этой огромной работы, другие же не хотят вложить в нее каких-нибудь 9 руб. с полтиной, чтобы облегчить нашу тяжесть и немного поощрить нас. Разве наша вина, что мы патриоты? Да, будь мы богатыми людьми, нам ничего не было бы нужно, но наше материальное положение отлично известно Вам. Напечатали книги [1], но до сих пор не получили денег за них и поэтому влезли в долги. Разве не следовало бы братьям-соотечественникам притти на помощь нам, они же видят, что мы всем жертвуем в пользу нации?

Таково, дорогой брат, наше положение. Нет сомненья, что перед людьми чуждыми мы не демонстрируем нашего истинного положения, но люди близкие должны знать это и, зная, стараться облегчить тяжесть нашего бремени.

Появление «Юсисапайла» имело большое влияние на нацию. О многом писал журнал, и многие стали иначе смотреть на вещи. Есть надежда, что через несколько лет воочию проявятся его плоды и результаты.

Многочисленность подписчиков имеет для нас кроме материальной поддержки и моральное значение, ибо мы можем показать с гордостью, что вот — народ приемлет

нас и т. д. и т. п., и тогда сомкнутся уста наших врагов. Если и в 1859 году в Нахичевани будет столько же подписчиков, сколько теперь, будет скверно; следовательно, Вам предстоит затратить большие усилия.

Надеюсь, что все наши друзья проявят заботу и возьмутся за работу, от равнодушия толка не будет, надо горячо взяться за дело. Знаю, что все это Вы и сами хорошо понимаете, но все же напоминаю и откровенно сообщаю о нашем положении...

Микаэл Налбандянц.

27 ноября, 1858, Москва.

[КАРАПЕТУ АЙРАПЕТЯНУ]

Высокочтимый друг Карапет Маркарович!

Вот пишу Вам третье письмо. Возможно, что со временем мне понадобится точная копия той справки, которую Вы последний раз 6 марта написали епархиальному начальнику преосвященному Маттеосу о крупной задолженности церкви г-ном Халибянцом. Да будет Вам известно, что вернувшийся архимандрит Габриэл Айвазовский жаловался министру народного просвещения, будто «Юсисапайл» восстанавливает народ против духовенства вообще и против него (Айвазовского) в частности. Мы обжаловали это в Эчмиадзинский святейший синод, указав, что он (Айвазовский) совершенно неуместно вмешивается в дела, не относящиеся к компетенции начальника епархии. Мы написали, что Айвазовский не является главой всего армянского духовенства и что центром духовенства является Эчмиадзинский синод; если мы писали что-либо против духовенства, пусть сам синод отметит и напишет нам, мы его выслушаем и распорядимся согласно его воле, но (писали мы) Айвазовский, будучи сам оскорблен журналом, не хочет выступить от своего имени и для большей важности прикрывает свою личность именем всего духовенства.

Министр народного просвещения запросил Цензурный комитет, каким образом были разрешены к печати столь потрясающие статьи. Мы сообщили в Цензурный комитет, чтобы тот в своем ответе министру, кроме своих

оправдательных фактов, написал, чтобы г-н министр соизволил сам запросить нас: мы будем очень рады этому, так как раскроется суть дела, и пусть тогда попляшут!

Г-н Назарянц получил Ваше письмо и очень благодарен Вам, но 62 человека, как сказал г-н Салтикянц, по правде говоря, мало для Нахичевани — надо бы хоть 100 подписчиков; в Тифлисе число подписчиков достигло 150. «Мегу [Айастани]» накануне смерти. Из Петербурга несколько человек, в их числе и г-н Измирянц, написали Айвазовскому, чтобы он напрасно не пытался вредить «Юсисапайлу» или ликвидировать его, ибо это может вызвать в народе большое недовольство.

Это нам весьма на руку. Только Лазаревы, как враги национального просвещения, готовы в любую минуту, если бы могли, прихлопнуть нас, но, бог милостив, все образуется. Было бы совсем неплохо, если бы и от Вас несколько человек написали вежливое письмо Айвазовскому с советом быть несколько осторожнее с «Юсисапайлом». Прошу Вас сохранять постоянную дружбу и переписку с его преосвященством архиепископом Маттеосом — это нужно.

Не знаю, какое впечатление произвело мое письмо в № 11 «Юсисапайла». Скоро выйдет из печати № 12. Жду копии бумаг об индийских суммах [1], чтобы опубликовать в первом номере, пока они не появятся в «Масяц Ахавни».

Ваш всегда искренний доброжелатель и покорный слуга

Микаэл Налбандянц.

19 декабря, 1858, Москва.

[ГРИГОРУ САЛТИКЯНУ]

23 апреля — 5 мая 1859 г. Париж.

Дорогой брат мой Григор Карпович!

Вот я и в Париже, а завтра направляюсь в Лондон, постоянно помня Вашу благородную дружбу и любовь. Прошу передать мое уважение Гаянэ Николаевне и Петросу Николаевичу. Я напишу из Лондона и сообщу свой адрес.

Не знаю, в каком положении «Юсисапайл». Айваз[овский] в этих краях опозорен, и журнал под названием «Аревмутк» [«Запад»] жестоко бичует его [1]; несколько экземпляров этого журнала я просил издателя послать г-ну Назарянцу, если цензор пропустит; значит, получите и вы в Нахичевани, т. е. Вы, г-н Айрапетянц, г-н Эммануил Попов и г-н Хлытчянц. «Масяц Ахавни» закрылся, и по милости г-на Айваз[овского] два местных архимандрита — Амбросиос и Хорен Галфаяны ныне в большом затруднении и в непосильных долгах.

Я надеюсь, что вы все, правдолюбивые и благородно мыслящие соотечественники и друзья, окажете мне помощь и поддержку возобновить «Юсисапайл» в другом месте [2], если он закроется в Москве, с тем, чтобы можно было правдиво рассказывать обо всем, что было с нами и с вами, а также с нацией и церковью. Да, я надеюсь, и надежда моя велика. Ужели в нашей нации и поныне тьма и ложь будут одолевать свет и истину?

Все понимающие обязаны вооружиться и показать грядущим поколениям, что мы не были беспечны в

отношении народа, что мы стояли грудью и челом против врагов народа, что для пользы народа мы приносили в жертву свой покой, вынуждены покинуть родину и скитаться на чужбине и т. д. и т. п.

Если захотите написать мне, посылайте через г-на Назарянца.

Привет и почтенье г-дам Айрапетянцу, Каялянцу, Хлытчянцу, Попову и другим, кого в данный момент считаете нашим другом.

Пока все, больше нечего писать, пока не получим вести из Москвы о «Юсисапайле». Только это может дать понять, как мне определить свое будущее, которое я, уповая на провидение, посвятил моему любимому народу.

Молю, брат, не забывать меня на чужбине, не забывать, что́ я переношу во имя народа от наших иезуитов-духовных, этих служителей ада, прилагающих все усилия к тому, чтобы, ослепив народ, завладеть его добром.

Дни и ночи думаю я обо всех вас и о печальной доле нашего несчастного народа. Привел бы бог мне, прежде чем сойти в могилу, увидеть наш народ благоденствующим и избавленным от варварства духовенства!

Молю бога помочь вам, помочь мне, изгнаннику...

Будьте здоровы, да будет господь с вами всегда!

Ваш искренний доброжелатель и родной брат

М. Налбандянц.

[АРУТЮНУ СВАЧЯНУ]

30 декабря 1860 — 11 января 1861. Неаполь.

Уважаемый соотечественник г-н А. Свачян!

Буря не позволила мне направиться прямо в Марсель — я принужден был ступить на землю Сицилии. Когда наш пароход приблизился к берегу, на пристани Мессины стояла огромная толпа оживленной молодежи, красные рубахи которой свидетельствовали о ее принадлежности к армии итальянского героя — Гарибальди. На лицах этой пылкой молодежи были написаны радость и спокойствие совести, они светились достоинством и гордостью.

Да здравствует Италия, да здравствует Гарибальди! — не умолкая кричит простой народ. Да здравствует Италия, да здравствует Виктор-Эммануил! — восклицают горожане, т. е. средние классы. Эти радостные восклицания хотя и исходят из различных начал, относясь к Гарибальди и к Виктору-Эммануилу, но «Италия» смягчает это большое различие, и потому упомянутые два класса сделали свое дело и нанесли поражение посрамленному дворянству, которое, довольствуясь личным благополучием при неаполитанском удушающем абсолютизме, если и не смогло противостоять настойчивой силе, прорвавшейся из народа, то во всяком случае с большим неудовольствием слушало и слушает неумолкаемые «да здравствует!».

Вот еще лишний пример в назидание человечеству, еще одно доказательство, что адская машина искусства деспотизма покоится на плечах самолюбивого и эгои-

стичного дворянства. Отныне долг каждого разумного человека — одинаково отвращаться и с омерзением отворачиваться как от самой деспотической силы, так и от ее окружения и принадлежностей.

Права и свобода людей равны, и если один добыл себе больше свободы и больше прав, чем имели его товарищи, это значит, что он украл, похитил собственность, принадлежащую другому. Излишества одного основываются на нищете других; дворянское сословие — ныне пятно бесчестья на имени человечества. Богом данные свободу и права простого народа дворянин отнимает оскверненными руками и, обрекая других на нищету, богатеет и господствует над разумом нации. Этим моральным разбойникам — моральная смерть!

Пока какой-либо народ в муках жалкой участи ведет бой за утверждение своего бытия в истории и пока он не победил и не сбросил настоящего, чтобы попасть на большую дорогу будущего, ему нелегко понять и по достоинству оценить явления, имеющие место в его истории. А когда он, пройдя достаточный путь к будущему, захочет оглянуться на пройденный путь, на его сущность, тогда он увидит все и сможет вполне понять, кто его друг и кто враг.

Мессинский замок все еще несет на своей башне позорный неаполитанский флаг. 4 500 солдат, оставшихся верными Франциску Второму, заперты в нем; ими командует майор Фергула.

Городское управление Мессины, на здании которого развевается флаг Виктора-Эммануила, несколько раз предлагало г-ну Фергуле сдаться, но тот, отклонив эти предложения, грозил обстрелять город, если его принудят к этому военному бесчестью.

Поглядите-ка, до какой степени бешенства доходит эгоизм и служение личным интересам, что спасение отечества, его свободу, объединение и грядущее счастье он считает военным бесчестьем! Ему нет дела до того, что окровавленная Италия свыше полувека корчилась в муках египетских. Дворянин показывает на деле, что, имей он возможность, несомненно, задушил бы новорожденную свободу Италии еще в колыбели.

В истории освобождения Италии имена г-на Фергулы и ему подобных займут то же место, что занимают в

нашей истории Васак, Меружан, священник Киракос и Вест Саркис.

Два военных корабля — один французский, а другой английский — стоят в Мессинском заливе, охраняя младенца-свободу.

Насколько мне удалось узнать, положение войска, запертого в замке, весьма плачевно и морально и материально. Страдают от голода и побоев. Г-н Фергула от имени войска попросил денег у городского управления. Оно ответило, что Мессина или Италия не имеют там войска, а если его имеет какой-то Бурбон, пусть г-н Фергула к нему и обратится. Такие трудности терпит этот бесславный господин, настаивая, что не следует складывать оружия, пока Франциск Второй не сдастся.

Но и этот час недалек: сегодня четвертый день идет обстрел Гайеты; Испания и Рим держат в готовности два судна близ Гайеты для спасения никому ненужной жизни несчастного короля.

Вечером по приезде в Мессину (26 декабря ст. стиля) я был в театре и в антракте зашел в кафе покурить. В обширном зале, где находилось свыше двухсот человек, царили большой шум и смятение. Решил подойти к толпе и узнать, в чем дело, но не успел я двинуться с места, как над толпою засверкали две сабли. Толпа, разъединив разгоряченные головы, дала нам понять, что обнажившие мечи — два офицера: один — сторонник Виктора-Эммануила, второй — бурбонист; последний пришел в театр из замка и тут, подвергшись оскорблению, хотел кровью смыть свое бесчестье.

Куда его увели и чем завершилось дело, я не узнал, так как антракт кончился, и я поспешил в зрительный зал, а на следующий день выехал в Неаполь.

В Неаполе почти в той же мере налицо те три отличные друг от друга понятия, как и в Мессине; видно, что так и по всей Италии: простой народ — за Гарибальди, средний класс — за Виктора-Эммануила, а дворяне — жалкие реакционеры.

На великолепных площадях города статуи, выполненные с величественным мастерством, некогда воздвигнутые во славу Бурбонов, ныне, вдребезги разбитые, валяются в пыли. Очевидно, события, имевшие здесь место около двухсот лет тому назад — в дни восстания против Аргосского герцога,— слегка повторились в Неаполе: герб

Франциска Второго, красовавшийся на фронтоне того или иного общественного или правительственного здания, ныне сорван всюду без исключения и заменяется гербом Виктора-Эммануила. Всюду, начиная от правительственных зданий вплоть до винных погребов, до парикмахерских, развевается сардинский флаг, и уста народа с радостью произносят имена своих освободителей.

Во время этих революций духовенство всемерно стремилось защитить старый порядок, видя, что прогрессивные силы наступят и на порог Ватикана. Но, с одной стороны, угроза Гарибальди обстрелять церкви, а с другой — угроза прогрессистов реформировать итальянскую церковь и освободить ее от подчинения папе принудили духовенство уступить и отступить перед революцией. Иезуиты получили приказ немедленно покинуть Неаполь: часть их, сломя голову, помчалась в Рим, а другая, отказавшись от церковных должностей, сидит еще по своим домам. Их церковь отнята и передана в руки другого ордена.

В Неаполитанском заливе также стоят французские и английские военные суда.

Сегодня Неаполь готовится к встрече князя Кариньяно, назначенного Виктором-Эммануилом генерал-губернатором Неаполя. Полк национальной гвардии собирается выступить навстречу прибывающему князю. В дула ружей всего полка воткнуты букетики роз: восхитительное и трогательное зрелище!

Завтра я направлю стопы к Вечному городу.

Рим стал проклятьем для человечества. Правительства, утвердившиеся на началах рабства и деспотизма, преображались под влиянием христианской религии. Рим же, напротив, основанный на рабстве и насилии, поныне остался прочно на своем принципе, и христианство не воздействовало на него.

Но нынешнее состояние Италии, всеобщее брожение умов свидетельствуют о том, что скоро пробьет роковой час и для Рима. В Рим! Возможно, «нога моя будет легка».

Правительственный переворот в Неаполитании освободил от цепей и печать: печать — этот вестник свободного человеческого разума — свободна от оков. Александр Дюма (отец) находится здесь и издает газету под названием «Независимость». Три дня тому назад эта га-

зета писала, что скоро будут освобождены и Рим, и Ломбардия, и Венгрия, и Польша.

Здесь очень много поляков и число их с каждым днем растет. Ходят глухие слухи, будто они хотят организовать здесь военный легион и в готовности ждать сигнала для огня...

Вот пока все, что могу сообщить об Италии. Я не завидую свободе Италии, напротив, всем сердцем рад за нее, однако при виде ее свободы и жалкого состояния моего народа тоска грызет сердце и душа горит огнем.

Какое отношение имеют к нам события в Европе? — скажут мне некоторого рода люди адского облика, и вправе сказать, так как сами они дни и ночи заняты делами своих жалких монахов, религиозными спорами и раздорами.

Да, они не имеют отношения к вам, повторяю я, поскольку вы недостойны иметь отношение к европейским народам, пройти через тот спасительный мост, через который проходят другие народы.

Этна и Везувий дымятся. Разве не осталось хоть искорки огня в древнем вулкане Арарата?.. Вот мучительный вопрос.

Будь здоров! Привет от меня тем, в чьей груди бьется подлинно армянское сердце: от армян же лишь по скорлупе — отказываюсь и отрекаюсь.

С уважением

М. Налбандян.

ПИСЬМА
ИЗ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ

[ЛАЗАРЮ НАЛБАНДЯНУ]

30 декабря 1862 г. С[анкт] Петербург.

Мой милый и любезнейший брат Лазарь Лазаревич!

Письмо твое от 29-го дек[абря] получил сегодня утром; оно меня обрадовало и вот почему. Так как назначенные начальством дни для свиданий проходили так, то я подумал, что у тебя глаза воспалились сильнее, поэтому и немало беспокоился. Теперь слава богу, что ты здоров; здоровье прежде всего. Ты мне говоришь, что другие проводили праздник, а ты в слезах и проч[ее]. Во-первых, наш праздник 6-го генваря, а не 25 дек[абря], следовательно, не к чему было тебе проводить день в слезах; во-вторых, я ума не приложу, к чему эти слезы, что же, они тебе доставляют удовольствие или мне могут быть утешением? Между тем у тебя глаза так слабы. Подумай сам, что будет с родителями, да еще главное с тобой, если, сохрани бог, такое несчастье случится с твоими глазами, как в 1856 году. Берегись, брат, эти строки я пишу весьма серьезно. Наконец, ты должен понять хоть это одно, что грустные сведения, изъявление печали, повествование о слезах никак не могут быть мне утешением; напротив, они наводят тоску на тоску, а я в ней не нуждаюсь, уединение всегда обильно ею. Если тебе без меня скучно и грустно, как бы то ни было, на свободе и хоть в весьма ограниченном обществе, то можешь из этого заключить, каково мне. Но я, несмотря на все это, не плачу и несу свой крест с терпением.

Итак, ты больше не будешь плакать и печалиться, не правда ли? Мне приятно заранее верить тебе в этом, как во всем другом безгранично.

Письмо любезнейшей нашей сестры Гаянэ меня донельзя опечалило по тому случаю, что у нее грудь болит и есть кашель. Итак, горе на горе. Ради бога, в возможной скорости пиши к ней, чтобы она не пренебрегала своим здоровьем, чтобы обратилась за советом к наилучшему доктору и исполнила бы все его предписания. Пиши тоже, чтобы не грустили по мне и не плакали; я из себя выхожу, когда то и дело со всех сторон бомбардируют слезами; положите, ради Христа, конец [в]сему этому; наконец, невыносимо. Касательно посылки от нее, искренно благодарю, но я, как тебе неоднократно говорил, еще повторяю, мне не надо ничего и не присылай. Пожалуйста, чтобы милая сестрица занялась своим здоровьем; от здоровья ее зависит счастие целого ее семейства, а это не на втором плане. Успокой тоже родителей. Внутреннее чувство говорит, что я их увижу живыми. Всем родным, родственникам и знакомым кланяйся от меня. Поздравляю их всех с наступающим Новым годом и предстоящим праздником христовым: рождеством и богоявлением. Желаю всем им всех благ от души.

Брату Иоаннесу рукожатие. Досадно, что он так занят, что на один час не может оторваться от дел для свидания со мной, впрочем, дело прежде свидания.

Милого друга, Анания Павловича Султан-Шах[а], благодарю от души за изъявление участия в моем положении; я никогда не сомневался в его любви ко мне. Это он сам знает хорошо. Но он, вероятно, едет, по своему обычаю, «на деревянном коне», как говорится у нас; потому что более двух недель, а он все едет из Москвы в Петербург, и Троянский конь доехал бы уже. Очень рад, что он держит экзамены на степень доктора, желаю ему успеха от всей души не в одних экзаменах, но в науке самой. Кстати, у меня к нему есть просьба: передай, пожалуйста, ему, чтобы он достал здесь в Вольно-экономическом обществе, или в Москве в Обществе испытателей природы, семена Sorghum Saccharatum несколько золотников. Есть много видов сорго, один из них, так называемый Sorghum Saccharatum, полученный из Китая. Не знаю, есть ли здесь, но в Москве, наверное, есть; во всяком случае, он может и здесь спросить, и

если есть, то взять 2—3 золот[ника], потом в Москве тоже 2—3 золот[ника], так чтобы всего было 4—6 золот[ников]. Взять из двух источников тем лучше, что семена эти, смотря по почве и климату, претерпевают изменения в физической форме и, более или менее, отклоняются от нормы, что, может быть (мое личное предположение), сопряжено с каким-нибудь химическим изменением в самом составе будущего организма, случается ли это, или нет, я не имею данных, не испытал, потому что в Бенгалии не остался я до следующей жатвы, чтобы сравнить результат с результатом предыдущей жатвы; но изменения в формах семян есть факт. Я из Индии взял с собой целых 5 фунтов, полученные из Китая, но, к несчастью, тот чемодан, в котором были они, потеряли в Соутгемптоне, куда я прямо отправлял весь свой багаж, и по прибытии своем не нашел одного чемодана, где, как говорил, были семена.

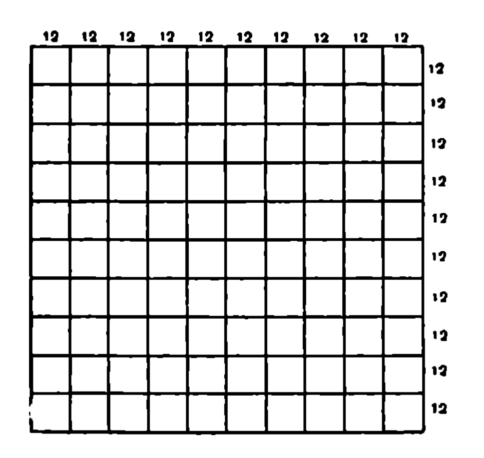
Можно опять выписать из Китая через Индию, но пройдет год, пока получится, а между тем на первом плане стоит вопрос: созреет ли до зрелости семян это растение в Нахичевани? До извлечения сока созреет, это верно, потому что там созревают виноград и кукуруза; но надо испытать все-таки на месте, de facto. По получении этих семян, чтобы он отправил их в Нахичевань с кем-нибудь из проезжающих. Надо принять меры, чтобы не заморозить их, т. е. чтобы, завернув хорошенько, положить в чемодан, а не держать на воздухе. В противном случае испортятся.

Так как у нас нет земли, то пусть он отправит на имя Карпа Макаровича, чтобы у него сеяли в саду, что на берегу Дона. Касательно присмотра за плантацией он может (Султан-Шах) написать к своему зятю Ивану Минаевичу, чтобы он принял на себя этот труд, и я убежден, что он не откажется от этого труда для меня.

Семена должны быть в Нахичевани в начале марта. Их надо сеять двумя неделями раньше того числа, после которого, по теории вероятности, не должны быть морозы. И вот как ведется эта плантация: пашут землю обыкновенно, как для всякого другого посева, потом бороною, или каким-нибудь другим садовым орудием (потому что у нас делается это в виде опыта, в малом виде), уравнивают пашенную землю, после чего каким-нибудь орудием [чертят] поперечно-параллельные линии,

отстоящие друг от друга на 12 вершков, вот в этом виде (см. рис.) и на каждой точке, где линии пересекаются, кладут *по одному зерну*.

Их прикрывают землей, и проч[ее]. Забыл сказать, что пахать надо по возможности глубже (и для полевых посевов с осени); на первое время, после прозябения сорго, промежутки между кустами разрыхляют и очищают от сорных трав, а когда оно достигает 1—1½ аршина роста, тогда у корней окучивают землю. Это необходимо, другого никакого ухода не требует эта полезнейшая плантация. Пожалуйста, брат, как только приедет Султан-Шах, ты покажи ему это письмо, пусть он спишет все то, что касается до сорго, и пусть исполнит все порученное; именем дружбы прошу его не пренебрегать этой моей просьбой. Пусть, в свою очередь, подробно напишет он Ив[ану] Минаевичу обо всем, что будет касаться до непосредственного его надзора.

Прошлое мое письмо ты, вероятно, уже получил, и если согласишься ехать домой, то кстати сам повезешь эти семена и исполнишь остальное.

Когда же увидимся? Когда же бумаги? Клянусь богом, что ничего не понимаю. До свидания, брат, будь здоров и весел.

Вечно твой *Михаил Налбандов.*

P. S. Не знаю, когда ты получишь это письмо, но я, тем не менее, еще раз поздравляю тебя с наступающим Новым годом и с предстоящим праздником христовым — твой брат.

Страница письма Налбандяна к брату из Петропавловской крепости

24 февраля 1863 г. С[анкт] Петербург.

Бесценный брат!

При всем моем желании написать к тебе большое письмо должен довольствоваться малым [из-] за решительного неурожая на бумаги большого формата. Письмо твое, полное юмора, от вчерашнего числа я получил вечером; сегодня пишу ответ, который ты, вероятно, получишь завтра. За все те сведения, которые ты мне доставил, очень и очень благодарю; несколько раз прочитал это письмо, и оно доставило мне много удовольствия. Затем, по изложенному ходу дела о нашем свидании, я предался надежде, что скоро опять обниму вас и услышу живой голос близких мне сердец. Прочитав о намерении прислать мне «Историю цивилизации», сердце мое было обмерло при этом заглавии, после того как я уже читал такую же историю Гизо, в Париже, и одного члена Бельгийской Академии, какого-то доктора философии и теологии, здесь. Ну, брат, история! Потом, продолжая чтение, увидел, что это Ист[ория] ци[вилизации] Англии Бокля. Правда, немного успокоился, но всетаки боюсь, чтобы Бокль не вывел всю цивилизацию из протестантизма или из пуританизма, как прочие выводят безусловно из католицизма, без всяких обиняков; признаться, я смотрю на эту вещь совершенно с противоположной точки зрения; по-моему, коренной толчок на пути цивилизации не находится в религии, в смысле прогресса, а скорее возрождение и преобразование религии суть неизбежные следствия цивилизации в данном ее моменте. Вековые господства буддизма или браминизма на Дальнем Востоке скорее выражают низкую ступень цивилизации и просвещения, на которой стоят народы, исповедующие эти религии. Нет сомнения, что религия, в свою очередь, имеет сильное влияние на массу в деле ее цивилизации; но я говорил о коренном толчке, т. е. о стимуле или диастазе, о рычаге, который первый сообщает силу всему механизму. Какой же сакс, или норман, или бретон дерзнул бы в средних веках поднять знамя протеста против непогрешительного наместничества римского епископа? Но они подняли это знамя в начале новой эпохи, когда настолько были цивилизованы и просвещены, чтобы со всею ясностью понять правоту своего дела.

Несмотря на все на это, пришлите Бокля; я где-то что-то читал об этом сочинении. Теперь, скрепя сердце, прочту и самое сочинение. Пока у меня есть что читать, и я их не просто читаю, а изучаю с аналитической и критической точки зрения. Не многое они (книги эти) мне приносят, но в деле науки не надо пренебрегать и весьма малым, к тому [же] я других занятий не имею. При этом возвращаю Гервинуса и Энц[иклопедический] Словарь, Маколея еще доканчиваю; потом примусь за Шлоссера и потом опять за Фоше. Маколей с вечным своим юмором доставляет мне много удовольствия. Гервинус пока серьезный писатель; не знаю, что дальше будет. Но довольно об этих вещах.

От души благодарю милого Anания за все подробности, изложенные в твоем настоящем письме; надеюсь, что и впредь не оставит он меня своим юмором. Поведение Аладжалова в деле Устимовича не только не похвально, но, мне кажется, достойно всякого порицания. Он по складу своего ума не терпит простых смертных, и мне не удиви[телен] рассказанный его поступок. У Анановых он в своей сфере, мне его (говорю серьезно) жаль. Он не злой малый, но весьма дурно направлен; чорт его знает, откуда у него стремление во что бы то ни стало разыграть роль аристократа, да какого? — нахичеванского; это не лучше лондонского плебея. Полезнее было бы во сто крат учиться уму-разуму, чем толкаться в передней какого-нибудь Ананова или своими глупыми ухватками сбить с пути бедного Гришу; мне и последнего очень жаль. Он, если б поехал с Устимовичем, я уверен, что совершенно исправился бы и, по данному Устимовичем направлению, он действительно мог бы впоследствии держать экзамен на кандидата. Какова теперь перспектива его будущности? Что же, он опять у Мар[ии] Ник[олаевны] живет или у брата, как Ананий говорит, по улице. Беда моя, если Ананий уедет в Москву прежде, чем кончится моя история; теперь, по крайней мере, я получаю сведения из круга, где я жил некогда, а то просто я было чувствовал себя вне полюса, как говорил Амиров. Хотя с моей стороны будет эгоизмом принуждать его остаться здесь до конца моего дела, но нужды нет, я бы решился на этот эгоизм, если только позволили бы его обстоятельства. И решился бы с полной уверенностью, что он не откажет мне в этом капризе, если это

каприз, а не тоска по друзьям-родственникам! Во всяком случае, я надеюсь на эту жертву с его стороны.

Милый брат, в ожидании скорого свидания, я не говорил тебе в прошлых письмах о том, что ты не отвечал мне на вопрос: получил ли деньги из дома, о которых ты писал им, или нет? Ясно, что ответ на это односложен: да или нет; а ты отделался общими местами, будто избегая прямого ответа. Чорт его знает, на меня нашло какое-то тупоумие; не скоро понимаю неясных и запутанных ответов. Надеюсь, что ты на этот раз удовлетворишь моему желанию.

Получил ли Гайрапетов мое письмо, которое я писал касательно Г. М. Алаждалова, и какое произвело оно впечатление? Если ты знаешь, то сообщи мне. Надеюсь, что ты часто пишешь домой и, следовательно, наши знают о моем и твоем здоровье, это необходимо для их успокоения.

Попроси Анания написать в твоем письме (так как ты по-русски не пишешь) еще кое-какие новости из Москвы — из среды нам общезнакомой; верно, у него есть большой запас, как у редактора (хотя бывшей) помойной ямы. Тем более что вот 8 месяцев, как я последний раз оставил Москву...

2 марта 1863 С[анкт] П[етер]Бург.

Милый брат!

Письмо от 28 февр[аля] получил сию минуту вместе с 3 т[омом] Маколея и Ист[орией] цив[илизации] Бокля. Не только Гервинуса, но и Шлоссера я уже отдал для передачи тебе, но они еще, вероятно, лежат где-нибудь. Теперь возвращаю Фоше. Итак, у меня есть то, что послали 28 февр[аля], и больше ничего. Чувствительно благодарю Анания за разительное соблюдение долга друга-брата в сообщении мне разных известий, из коих всего более бросается в глаза corrge армянских журналов. Не менее любопытны театральные новости. Рвение писателя «с пепельного цвета волосами, оловянными глазами» и след[овательно] (по теории — Анания) пробковатым сложением мозга доходит до комизма. Бедный Родиславский. Он постоянно в тени, и неблагодарная публика (?) до сих пор не умела еще оценить его гений вполне. Желая

но что бы то ни стало быть редактором какого-нибудь периодического издания, он, наконец, примирился с тем, что стал корректором Моск[овского] полиц[ейского] листка. Хотел втереться в театр, конечно, с высокою целью, чтобы подвинуть его вперед, и потом, наконец, [попал] в смотрители за сбором; все лучше Решетникова, тот был смотрителем театральной конюшни. Но Родиславский не отчаивается, он уверен, что если не настоящее поколение, то потомство воздаст ему должное, спи, пострел... баюшки-баю.

Патологическое состояние «Радуги»[1] и «Голубя Магнеа» меня удивляет, положим, другие журналы сели на мель, преимущественно по карманной чахотке, но ведь издание назван[ных] журналов Г. Айваз[овского] никак не может подойти к этой категории. Он никогда не рассчитывал на подписку и никогда ничего не получал от номинальных подписчиков, платя вдобавок за них и за пересылку. Ну, чорт с ним! В последнем письме я надеялся, что на следующий день освобожусь от катарра, не тут-то было. И я только сегодня могу сказать положительно, что более его не боюсь. Я, признаться, было струсил, что Bronchitis sinplex перейдет в copilbalis или в pneumonia, потому что трепка была порядочная, и «могу сказать, после нескольких таких переделок, просто не жить». Теперь кашель изредка возвращается залпом, с неприятным щекотанием в дыхательной трубке и в правой ее ветке, и судорожный характер сотрясений дыхательного аппарата при извержении мокроты более утихает. Теперь только принимаю Aq. laurocerasi cum acotas morphi 1$^{1}/_{2}$ gran, для того чтобы успокоить раздражение нервов и тем обезоружить подлую слизистую оболочку, которая постоянно мне причиняет неприятности. На этой неделе я ни разу не сожалел о том, что мы лишены свидания, потому что я решительно не рискнул бы жизнью выйти из комнаты для свидания. Зато теперь, [как] только очнулся и вне всякой опасности, лишение опять стало чувствительным.

Надежда ваша на скорое свидание, о котором так много было написано, заметно ослабла в последнем вашем письме; да бог с ним совсем, со свиданием, если еще долго продолжится мое заключение. Я решительно ничего не понимаю. Месяцы проходят, надежды улетучиваются, а в осадке все мое безутешное заключение. Дай

бог, чтобы сенат хоть до пасхи положил конец моему положению; я уже не гонюсь за качеством этого конца! и почти беспрестанное болезненное состояние организма то в той, то в другой его части окончательно доконает меня.

Оборачиваясь от весьма прозаической обстановки моей обыденной жизни в настоящем, перехожу к более приятным, по крайней мере, если не поэтическим.

Маколея прочту по обыкновению с удовольствием, что же, история его не вышла еще? К тому этот 3-й том так мелко напечатан, что возможности нет читать без затруднения, тем более что далеко не могу хвастаться своими глазами. Восемь месяцев день и ночь читаю, поневоле всякий глаз устанет. Между тем это единственное занятие, от чего никоим образом нельзя отказаться. Но что касается до Бокля, то, признаюсь, он меня пугает не только объемом, но и удельным весом; помилуйте, 1-й том из 70 листов! и все еще едва дошел до XVIII столетия. Теперь трудно мне читать книги, имеющие поползновение играть роль философического сочинения; последних я избегаю, как Пушкин семинаристов. Все эти философы с высоты своих кафедр предписывают теории за теорией, до сих пор еще наивно предполагая, что жизнь человека слагается по какой бы то ни было предначертанной теории, как будто человеческая природа минеральная, что все слагается извне, по различным физическим, притом неизменным законам. Много уже выстрадало человечество во имя всякого рода идеальных систем, на[д] которы[ми] оно теперь смеется, но некоторые еще в почете! Хотя они суть не что иное, как видоизменение прежних — ныне уже осмеянных, тем не менее повязка на глазах еще крепка. Пора бы теперь воздержаться немного от метафизики в пользу реальных учений, хотя бы в пользу физики. Если нет Шлоссера (с римской истор[ией]), то пришлите мне его «Историю XVIII века», она уже давно напечатана. Я советую Ананию прочесть Фоше. Книга эта хотя не представляет настоящей Англии, тем не менее весьма может быть интересной для тех, которые еще по опыту не знают Англии. Я надеюсь, что пошлете тоже продолжение Гервинуса. Кстати, передайте через кого следует десть почт[овой] бумаги с 25 конвертами, чтобы в случае написать к вам письмо мог ими располагать, не обременяя никого! Я надеюсь, что

следующее письмо уже напишу на бумаге, доставленной вами. К тому [же], если как-нибудь разрешат свидание, то я заранее вас предупреждаю, ни за что не приду к вам на место свидания, если вы придете без взятки для меня — без сигар. Крейцберг зверей не показывает даром, нешто я не стою зверя, что всякий раз хотите даром посмотреть на меня?

Я бы сам послал купить, но бог весть, каких накупят; поэтому обременяю тебя, мой милый брат...

8 апреля 1863 г. С[анкт] Петербург.

Мой милый брат!

Третьего дня получил я книги и кренделей, а вчера дошли твои письма от 4-го и от 6-го сего м-ца. Сожалею, что свидание не удалось; тем не менее не теряю надежды увидеть тебя скоро, потому что назначенное на свидание время не за горами. Благодарю его пр-во [1] за книги и за поклон; пожалуйста, передай ему мое искреннее уважение.

Вероятно, ты на днях напишешь к Ананию письмо, то не забудь передать ему мою душевную благодарность за весьма интересные сведения касательно наших общих друзей и знакомых.

Прошу передать мое неизменное уважение и поздравление (если можно так выразиться) по случаю праздника христова добрейшей *Марии Николаевне Пановой.* Я весьма часто думаю об ее настоящем положении; тем более, с тех пор, как узнал о грустной кончине нашего общего друга милого Федора Максимовича.

Итак, теперь она также одна на свободе, как я один под арестом. Весьма вероятно, что она часто повторяет теперь слова Репетилова: «все врозь: один утерян, другой заключен...».

Но надо надеяться, что ненастный день не вечно останется таким; пройдут тучи, повеет весенний ветерок, и солнышко взойдет освещать и согреть мрачные и холодные лица, утомленные под гнетом долгого терпения. Серьезная неприятность состоит в кончине милого Федорыша. Вот уже его не возвратишь. Бедный Руднев, мир ему!

Благодарю за память и неподдельные чувства; жму ей руку и желаю быть здоровой, веселой и счастливой!

Вот все, что желал бы ей передать, и более... пока ничего! Я надеюсь, что ты все равно передашь, чем премного меня обяжешь.

Я не знаю, что напечатал пастор Бартольд об армянских протестантах в Турции, но чувствую, что это должен быть пристрастный панегирик в пользу своих собратьев по профессии — американских авантюристов. Все, что бы ни напечатали миссионеры по этому делу, несправедливо и ложно, в этом вопросе им можно верить настолько, насколько можно верить иезуитам, когда они излагают историю XVI и следующих веков. Конечно, кто на месте не изучил основательно, что такое армянские протестанты и, главное, что за люди эти господа миссионеры, тот непременно поддастся обману, но меня не проведут ни какой-нибудь Бартольд, ниже сама миссия, которая работает на тех же самых началах, на которых почтенный Франсуа Ксавье работал в Индии, в Японии и на которых последующие апостолы-иезуиты работали в столице «сына неба». Жаль, что здесь нельзя достать американского журнала New York Heralde, где в пух и в прах разбили этих псевдоапостолов. Можно тоже указать на целый ряд статей в Times, за 1861—62 год, где то и дело являлись весьма уважительные и меткие протесты против этих миссионеров. Ведь они получали большое жалование под тем предлогом, что они проповедуют евангелие в Турции магометанам! Господа миссионеры пред трибуналом своей миссии весь армянский народ выдали за магометан и скудное число наличными деньгами или покровительством английского посольства купленных прозелитов преувеличили до десятков тысяч. Обман, наконец, открылся. Дуайта вытребовали в Америку, где он в прошлом году кончил свою жизнь. Столкновение поезд[ов] железной дороги прямо отправило его ad patres, совершенно избавив от ответственности и процесса.

Один из этих шарлатанов попался мне на пароходе, между Смирной и Константинополем, и вел себя так мелко и пошло, что начал проповедовать 18-летнему юноше (армянину). Бедный молодой человек, закиданный миссионером вопросами, сконфуженный наглыми издева[тельствами] над нашей церковью и проч[им], почти со слезами обратился ко мне за защитой от этого нахала; я взошел на палубу, а миссионер, не подозревая вовсе, что возле него стоит смертельный яд против прозелитиз-

ма, преспокойно продолжал свое дело на турецком языке. Я легонько сначала взял его в руки, а потом, верно, было ему не до евангелия, что до самого приезда в Константинополь не выходил из каюты.

Весь вопрос, говоря вкратце, вот в чем: армяне в Турции находятся вне всякой защиты. Английское и французское правительства употребляют это в свою пользу; они принимают под свою защиту от насилий пашей тех из христиан, которые переходят или в протестантизм или в католицизм. Вот единственный талисман, на чем зиждется успех этих вероисповеданий в Турции в сороковых годах! Теперь же нет никакого прогресса. Мало этого, многие возвратились назад в лоно нашей церкви. Всякий, кто смотрит на это дело с этой точки зрения, естественно приходит к следующему вопросу: как же турецкое правительство терпит, когда очень ясна тенденция Англии и Франции? На это ответов хотя много, но они коротки.

Во-первых, в двадцатых годах, после бесчеловечного гонения армян-католиков в Константинополе и после казней и гуртовых ссылок, доктор золотушных болезней Луи Филипп дал Порте совет, что она весьма безрассудно гонит католиков-армян, что польза Порты состоит не в гонении армян-католиков, а в поощрении католицизма и, если можно, еще какой-нибудь религии, чтобы разбить массу армян на несколько партий по вероисповеданию, ненавидящих друг друга. Конечно, скрыли тщательно от Порты другую сторону медали, где было написано хитрой рукой, что соразмерно с католицизмом возрастет и нравственное влияние Франции. Порта только поняла первое и то потому именно, что незадолго перед тем Le principe было переведено на турецкий язык.

К этому время от времени повторяли Порте, что армяне, которые исповедуют свою древнюю религию, опасны для Порты, потому что их церковь немногим отличается от греческой церкви!!

Надо еще прибавить и то, что все эти пропаганды велись всегда во имя религий, а Порта не имеет права вмешиваться в религиозные дела христиан. По этим причинам она терпела, а теперь подавно потерпит, когда намаза своего не делает без позволения западных посланников. Ну, довольно об этом, и то я много места употребил на это.

Верно, Ананий забыл передать отцу Моисею мое поздравление за прекращение литературного сборника[1] его соседа. Хорошо, что они прекратили, а то, право, плохо было бы отцу Моисею. Ха, ха, ха!

Зачем именно отказано Тиграняну? Не знает ли Ананий!

Передай всем друзьям обоего пола мое уважение и благодари Марию Афанасьевну за посылку. Я, слава богу, здоров и занимаюсь порядочно-серьезно, надеюсь, что труд не пройдет даром. Впрочем, его никто не увидит, если я не буду им доволен. Затем, до свидания, целую тебя и Иоаннеса и Сашу.

Вечно твой *Мишель.*

14 апреля 1863 г. С[анкт] Петербург.

Мой дорогой брат!

Сию минуту получил твое письмо от 13-го числа вместе с 12 бут[ылками] вина, о чем ничего не говорится в письме. Ты мне обещал сухарей, что же они превратились в вино? Я от тебя вина не просил и удивляюсь, что ты делаешь такие непростительные промахи; к чему все это! Сказать более ex post facto тоже ни к чему не поведет, а потому перехожу к известиям от милого Анания.

Мне будет весьма интересно со временем прочесть указанные статьи в Грунге; а пока по поводу мнения покойного Ахвердова относительно того, что «в Таронской провинции сохранились, более чем где, лучшие формы языка».

Я уважаю познания и талант покойного моего соотечественника, тем не менее иду по другому направлению.

Он рекомендует таронский диалект абсолютно, мы же принимаем его только относительно; потому что абсолютное раболепство пред ним приведет нас прямо к бесконечным противоречиям. Ведь народ оставил или, так сказать, пережил древний язык, древнюю форму изложения мысли и начал употреблять новую, дикую и необработанную форму, не потому, что первый был хуже или гаже нового, или наоборот, новый лучше и красивее древнего, а потому, что отжившие формы более не соответствовали конструкции его мыслей. Одна и та же исто-

рическая причина, заставившая его оставить древнюю форму, заставит не подчиниться абсолютно формам какого бы то ни было диалекта и тем более избегать его в пользу нового прогрессивного языка, чем в [более] целой сохранности находим мы в нем формы старого. Народ оставил древний обработанный и довольно гибкий язык по необходимости, потому что его более в той форме не понимает, по какой же логике мы можем обратиться к диалекту, где так изобилуют старые формы? Новый язык совсем теряет свой смысл, если не будет рассматриваем самостоятельно. Я сам прежде более или менее придерживался того же направления, которое теперь хвалится в Грунге, но во мне произошел кризис и открылись глаза. Мне нужды нет теперь, на каком диалекте говорят более изящно, т. е. близко к старым формам, я ищу другое: в каком диалекте много выработанных, живых форм нового языка. За старыми формами, которые (если, как уверяют) употребляются в таронском диалекте, мне не к чему обращаться туда, я их могу найти в любом классическом сочинении V и последующих веков, но если есть в нем новые формы, выработанные временем, сообразные с нашими настоящими потребностями, так давай их сюда!

Язык не то что какое-нибудь учение, т. е. доктрина; самую пошлую доктрину можно провести, и она, смотря по качеству, найдет там и сям последователей, более или менее. Но язык — не доктрина, его нельзя проповедовать; возьми весь народ и посади на школьную скамейку, что невозможно, и то еще ничего не поделаешь. Это слишком нежный вопрос. Язык — не трактат, он не сочиняется. Язык — не закон, он не предписывается. Самую отличную форму выражения какой бы то ни было мысли, если мы находим в какой-нибудь провинции, мы должны провести в язык, не в виде обязательном и не официально, а как контрабанду, как бы украдкой, чтобы не вызвать реакции.

Старые формы какой бы то ни было провинции настолько годны для нового языка, насколько черенок персикового дерева для хвойных; разнородные по формам не слагаются, разнородные по способу притягиваются и, наоборот, однородные по формам притягиваются, то есть сочетаются, но по способу отталкиваются и не слагаются. Каждое время — эпоха — имеет свой харак-

тер и свой отпечаток; тот же характер и тот же отпечаток должен иметь, естественно, и его язык. На старом языке у нас есть форма «пить грудное молоко», а в новом грудное молоко не пьется, а естся, тогда как в древнем языке нигде нельзя найти такой формы.

Провинциальные диалекты могут помочь общему языку отдельными самостоятельно выработанными словами и фразеологией и притом такими только, каких в других диалектах нет или если одни предпочитаются другим. Взаимное пополнение общей нужды и общего недостатка может только служить фоном для обработки нового языка, а взятый целиком какой-нибудь провинциальный диалект, как бы он ни был хорош, не может пустить корни на чужой почве, потому что [он есть] произведение и собственность какой бы то ни было данной провинции.

Всякая попытка какого бы то ни было диалекта выставить для всех остальных свое знамя с надписью: «говори так»! останется всегда гласом вопиющего в пустыне. Люди разных провинций, если желают действительно возвести новый язык в степень нравственного органа для народа, должны принести в жертву свое провинциальное самолюбие. Иначе прока никакого не будет.

Взаимное отрицание некоторых провинциальных окончаний или частиц и, наоборот, взаимное принятие таковых в пользу общего может только привести к желанному результату. Само собою разумеется, что операция эта, т. е. отложение некоторых и прививка других, должна быть производима весьма осторожно и целесообразно, чтобы осадок реакции был удобоварим, тут форма и красота второстепенны. Нет никакого сомнения, что народ не в состоянии будет говорить на языке общем; и живое слово в устах народа каждой провинции имеет свои капризы, свои прихоти (но не права). Но первая задача обработки языка состоит в том, чтобы возвести его в степень удобопонятного нравственного органа, сделать его доступным более или менее смышленому провинциалу и тем проложить наукам удобопроходимый путь, без чего всякое просвещение и всякая эмансипация немыслима. Чтобы сделать его всеобщим разговорным языком, не только у нас, но ни в каком сильнейшем народе до сих пор нет никакой возможности, несмотря на университеты, на Академии, на различные учебные заве-

дения и на целое войско журналов. Мне не так необходимо видеть, чтобы говорящий со мной человек говорил так же, как говорю я; вопрос состоит исключительно в том, чтобы он понял меня. Понятие — первый шаг; что настоящее поколение поймет, того и щипцами не вырвешь у последующего поколения.

Предлагаемые архивы вовсе не идут к делу; подобные коллекции материалов могут пролить свет на прошлое, тогда как я нуждаюсь в настоящем. Судя по историческим, известным мне, данным, в сказанном архиве могут быть только некоторые памятники армянского Джульфинского разговорного языка, или других персидских провинций, или же Астрахани, потому что армяне со времен царя Алексея Михайловича имели некоторые торговые связи с русским правительством. Но все это, еще раз повторяю, может быть интересно только для знания, только для любопытства, пожалуй, для истории армянской торговли. Наш архив — живущее поколение; если он не сохранил или не выработал какой-нибудь формы для данной мысли, тут никакой архив не поможет, это ошибочное (я вспоминаю Довритова) направление, как будто язык, как какой-нибудь бриллиант, может быть скрываем в сундуке, и если как только отопрут его, так сейчас же всякий присвоит себе, как присвоил бы какую-нибудь драгоценность. Это не что другое, как вера в волшебный жезл!

Из всего изложенного мною ясно, какого я держусь направления. Я никак не возьму на себя ответственность так отвечать на вопрос или так выполнить задачу, чтобы можно было сказать «satis est» или «ecce homo!». Я далек от такого мелкого самолюбия. Оно у меня удовлетворится, если я успею выполнить то, что только по моим силам и что только могу. Благо, если я найду хоть малейший отголосок не в пользу моего труда, в тесном смысле слова, но в пользу направления; если я могу убедить в необходимости такого направления, это мне довольно. Я, как отдельно взятый неделимый, могу в частностях впасть в большие ошибки, пусть те, которые заметят их, поправят. По настоящим средствам нельзя теперь иметь претензии на отличное исполнение каждой отдельно взятой фигуры картины, я бью на то, чтобы они были у меня поставлены каждая на своем месте и по естественным своим позициям. Касательно их изящества или выраже-

ния лиц должно стараться время, ибо «язык — не трактат, он не пишется, ибо язык — не закон, он не предписывается», как я выразился повыше.

Хотя я еще до глаголов не дошел, но могу заранее говорить, что спряжения уменьшатся, но наклонения и времена прибавятся, чего нет в старом; я так несерьезно спрягал один глагол для пробы и с радостью увидел, что времена и наклонения много точнее и вернее древнего. Но об этом довольно.

Я приготовляю и материалы введения для большого физико-филолог[ического], историко-географического [труда][1], чего еще вовсе не было. В этом я обязан Боклю! Он меня научил. Но они у меня еще разобщены, потому что я пишу отдельно на отдельные тезисы. Их я обобщать здесь не могу и невозможно, прежде чем кончится труд и прежде чем я высвобожусь. В одном из параграфов этого введения есть весьма серьезная, но до высшей степени комическая статья, где один армянин из Вены (и хлористый калий не забыт) (KCl), будучи в Париже, говорит с одним новоприбывшим армянином, переводя названия местностей Парижа на армянский язык и даже свой немецкий «Donner Wetter», а тот, натурально, ничего не понимает. Жаль, что по-русски теряется комизм, я здесь хоть для образчика поместил бы несколько строк. Но довольно, я надеюсь, что ты уже получил мое письмо от 12-го числа.

Кланяюсь всем друзьям обоего пола и жду обещанного свидания, во вторник.

Вечно твой *Мишель.*

P. S. Поступает нынче летом в университет молодой Назарянц? Он мне давно еще обещал свой портрет (визитную карточку). Кланяйся ему и отцу его, и если отдаст карту, то пришли с письмом.

1 мая 1863. С[анкт] Петербург.

Дорогой брат мой!

29-го я написал к тебе письмо, причем послал другое еще письмо для отправки к родителям, что ты, вероятно, получил уже. Того же числа получил от тебя письмецо по поводу письма от заблудшего Анания, без даты. Слава

богу, что он здоров, а то я уже было предался мрачным мыслям. И как не предаваться, когда целых три недели ни слуху, ни духу от него. Напиши ему, чтобы впредь не делал он таких вещей, а то беда ему!

Очень рад открытию зоологического сада, тем более что он имеет в основании практическую цель, которая удивительно как приближает науку к публике, и наоборот. Прикладная зоология и прикладная ботаника имеют важную будущность в грядущем. Сельское хозяйство и политическая экономия без них — мертвые буквы или же «плавание без компаса». Хотя новейшая философия во всяком случае отрицает политическую экономию как науку, но, несмотря на это, она еще нужна. Есть ли она наука, как утверждают многие, нет ли, как говорят некоторые европейские публицисты,— это совсем другой вопрос; в сущности дело состоит в том, чтобы наука способствовала улучшению быта человека, а там уже пойдет вопрос о международном праве взаимного обмена и финансовых оборотов.

Улучшить свой быт человек не может, покуда не покорит природу, т. е. покуда не будет знать ее тайн. Естественная же история прямо и положительно отвечает на этот вопрос; стало [быть], изучение природы в социальном отношении имеет большое значение. Прежде, как и все науки, естественная история была сухой формулой без всякого применения к жизни, и вследствие этого ею мало занимались, а в античном мире она считалась низкой наукой, потому что философы считали низостью и чем-то непристойным ученому человеку заниматься материей, ибо все совершали свой круговорот в абстрактном мире. Идею прикладной зоологии и прикладной ботаники, т. е. акклиматизацию животных и растений, в первый раз осуществил в Париже недавно скончавшийся известный Сент-Илер-Жофруа. Европа в этом много обязана ему. И всякий раз, когда я что-нибудь слышу по части сказанных акклиматизаций, мне становится грустно, потому что того, кто, следуя сейчас же по стопам С. И. Жофруа, — К. Рулье, положил первое основание акклиматизации без всякой почти помощи, [со] скудными средствами, издавал «Вестник естественных наук» и занимался акклиматизацией животных, потом и растений (он был приглашен общест[вом] любит[елей] садовод[ства]), уже нет. Как бы он восхищался, увидя такой громадный успех своих

неутомимых трудов! Мне кажется, что он ночевал и дневал бы в зоологическом саду.

Очень тоже рад, что Анания занимает эмбриология, это, брат, великолепная наука, правда, она еще молода, но какая будущность ожидает ее — это словами почти выразить нельзя, у благочестивых идеалистов волосы дыбом поднимутся, а в Испании пожалуй что снова запылают костры инквизиции!!.

Я бы ему (Ананию) советовал заниматься этой наукой; ему нетрудно найти руководителя! Я ничего не знаю из эмбриологии, но при первой возможности займусь ею, она важна как в естественном, так и медиц[инском] отношениях.

Жаль, что химия еще хромает во многом; она хотя наука положительная, но до сих пор эмпирическая, отчета мы не можем давать в ней во многом. На множество «почему?» и «на каком основании?» у нас или ответа нет, или он до такой степени пошл, что стыдно теперь говорить. Например, успокоительный ответ, что-де «от различных расположений атомов зависит разность видов материи одного и того же химического состава, как, например, горного масла и янтаря» и пр. Жаль, что микроскоп еще не так усовершенствован. Сделай химия и микроскоп еще несколько шагов, тогда ни за что ни про что, только от восхищения, только от торжества разума можно умереть. И что досадно, что и химия и микроскоп стоят уже на рубеже, на пороге, где уже кончается положительно граница разных ложных умствований и начинается новый истинный мир. А тут-то и они стоят как на беду.

Вероятно, мальчик XX и последующих веков будет улыбаться над наивностью Берцелиуса, Лавуазье, Либиха и Фрезениуса, как ты улыбаешься над сравнением величайшего из философов — Аристотеля — мозга с губкою и многих других.

Напиши Ананию, пожалуйста, изучи основательно и специально искусственное разведение рыб, это не бог знает что, по теории мы все знаем из физиологии, но я говорю о практическом изучении, чтобы он был в состоянии рукой исполнить, или заставить рыбу совершать те функции, которые она совершает от нас вдали и тайно. Вероятно, и стерлядей можно таким же образом разводить, стало, и всякую рыбу, это очень важно в экономическом отношении.

Ведь надо же заниматься наукой, ну что односторонняя только медицина, как какой-нибудь ремесленник своим ремеслом, это и стыдно и грешно.

Сожалею, что он не спохватился послать в Нахичевань несколько яиц кохинхинских кур, развелись бы они там, а потом можно было и далее распространять. Еще раз повторяю, акклиматизация животных и растений есть новый источник к улучшению быта человека; прежде только были в основе два источника: земля и труд, но теперь можно акклиматизацией воспользоваться как третьим источником при помощи двух первых — земли и труда.

Обращаю еще внимание Анания на изучение истории червей семейства «Coccinella», хотя, сколько нам известно, черви эти находятся только на растениях из семейства «Кактуса», тем не менее она (кошениль) находится и разводится в Армении, в долине Аракса. Первый раз их открыл лет 20 или 25 тому назад епископ-художник Сагак, за что и был удостоен русским правительством посмертной пенсией. Епископ этот умер в 50-х годах, и способ с ним сошел в могилу. Между тем если изучить хорошенько историю и быт этих чрезвычайно дорогих червей и то, как их надо разводить, то можно издать маленькую брошюру на наречии араратских армянских поселян и научить их разведению и собиранию кошениля, а это важная вещь для тамошних бедных поселян. В Эчмиадзине есть еще несколько человек, от которых можно узнать, на каких растениях находил [их] покойник, а если и того нет, то можно их отыскать; ведь они, если жили там до сказанного епископа, то, без сомнения, живут и теперь. Но первое дело, изучить хорошенько этот вопрос. Для Анания есть много путей к этому: 1) профессор зоологии, 2) общество испыт[ателей] природы, 3) общ[ество] акклимат[изации] жив[отных] и проч. Следовательно, он может узнать все это и изучить очень легко.

Благодарю Анания, что берется за Гришу, но желаю, чтобы это было не на словах только, а de facto! Еще раз обращаю на это его внимание и прошу сосредоточить все усилия к достижению цели.

Смолу, которая известна в науке под названием dorema armeniaca, можно ли употребить как благовонное средство? Прошу Анания спросить у специалиста по этой части, у Говартовского. Dorema armeniaca — это та смола,

которая у нас известна под именем «Мастика св[ятого] Карапета».

Вот как многими я завалил Анания вопросами и работой, но надо же работать, пусть «аристократы» сидят сложа руки—наше же призвание—работать. Что до меня касается, я работаю пока над грамматикой, задача неимоверно как трудная, но хотя туго, хотя по куриному шагу, а все двигаюсь вперед. Я ее не намерен окончить в заключении, что и невозможно, но она непременно кончится после моего освобождения, но как скоро, этого нельзя тоже сказать, потому что задача трудная.

Кланяйся всем друзьям обоего пола, их ты знаешь всех.

До свидания, до пятницы.

Пиши Ананию и скажи, чтобы почаще писал.

Твой *Мишель.*

13 июля 1863. С[анкт] Петербург.

Милый брат!

После того, что вчера отправил я утром мое письмо, в 1 час пополудни получил твое письмо от 10-го числа! Я тогда не знал, что у меня [остался] последний мундштук, который я сломал вчера же, и спохватился тогда, когда мое письмо давно уже было отправлено. Прошу поэтому, чтобы ты в понедельник принес мне один такой же мундштук, только, пожалуйста, без втулки. Последний опять сломал я через эту проклятую втулку. Я поэтому с самого начала письма написал о мундштуке, что и составляет самую существенную причину настоящего письма. Итак, не забудь табаку, книг и мундштука.

Теперь перехожу к содержанию твоего письма.

1) В коммерческих сведениях есть статья — «Скотоводство». Сколько я знаю, у нас нет его и во всяком случае не на 500 000 руб. с[еребром]; быть может, ты хотел этим говорить о торговле скотом, это уж другое дело. 2) О коровьем масле, которое получается у нас из Сибири некоторыми первостатейными купцами, нет ничего в списке; чему равняется сумма этого оборота? 3) Можете ли определить стоимость годового рыболовства в Нахичевани? Мне кажется, что она не бог знает что, хотя ростовский крючкотвор так жадно вперил на

него свои хищные глаза. 4) Чему равняется сумма оборота Нахич[евани] касательно заграничных продуктов — рис, прованское масло, перец и проч.? Я полагаю, что тоже незначительна.

Между тем на ваши любопытные известия отвечаю не менее любопытными выводами, а именно: из вашего списка видно, что объем всего оборота нахичеванской торговли равен сумме на 8 750 000 р[ублей] сер[ебром], из коих на долю мануфактуры и фабричного производства выпадает часть около 5 500 000 р[ублей] с[еребром]; число жителей в Нахич[евани] мужс[кого] пола поч[етных] граж[дан], купцов, мещан, цеховых, всего — 7 000 maximum. Это — первая посылка.

Вторая теперь. В европ[ейских] губ[ерниях] России, по сведениям Цент[рального] Статист[ического] Комит[ета] за 1858 год, считалось мужского пола — поч[етных] гражд[ан], купц[ов], мещ[ан] и проч[их] городских сословий — 2 089 084.

Общая же ценность фабричных и мануфактур[ных] изделий, по официальным источникам, равняется сумме 250 000 000.

Во-первых, составляя пропорцию отношения Нах[ичеванского] общ[ества] к таковым же сословиям европ[ейской] части империи, мы находим почти как 1 : 4 000!

Во-вторых, составляя пропорцию оборота мануфактурных и фабрич[ных] изд[елий] Нахич[евани], мы находим его отношение в ценности общего к империи производства, как 1 : 50! Эквивалент или разность ценности оборота одного неделимого обще[ства] Нахич[евани], взятого из сред[него] числа, [в] 80 раз больше эквивал[ента], который выпадает на долю одного, взятого из сред[него] числа 2-х с чем-то миллионов жителей, выше приведенных!!!

Ценность фабр[ичных] и мануф[актурных] изд[елий], мы сказали, равна сумме 250 000 000, стало, валовой доход всех мануфак[турных] фабрик. Нахич[евань] ежегодно приносит русской фабрикации мануфактур валового дохода 5 500 000. Но эта сумма, поддерживая рынок спроса, ежегодно вызывает равную сумму на рынке предложения. Между тем фабрикация, пред тем, чтобы быть в состоянии сделать предложение, пропорционально этой сумме спроса поддерживает рынок спроса труда!

Мне было бы весьма любопытно знать число всех рабочих на мануфак[турных] фабриках; вероятно, есть об этом что-нибудь в журналах или минист[ерстве] финанс[ов] или в[нутренних] дел. Если б я знал общее число рабочих, то, зная общую стоимость произведений этих фабрик и долю, которую берет Нахичевань, мог бы тогда составить реальную пропорцию и выставил бы весьма любопытное отношение нахичеванской торговой деятельности к фабрич[ным] рабочим, которые так же входят в состав жителей России, как г[осподин] корреспондент «Сев[ерной]Пчелы». Может быть, Ананий мне поможет в этом.

Пропорция и отношение хлебной и вообще торговли Нах[ичевани] сырыми материалами, отпускаемыми за границу, также чрезвычайно утешительны. Тем более что Нахичевань почти ничего не получает товаром из-за границы, что много значит в финансовой системе.

В понедельник принеси мне лично [1 неразб. слово], мне надо там справиться кой о чем, касательно нашего города в историч[еском] отнош[ении], если есть там что-нибудь. Г[осподин] Морозов пусть напечатает свой ответ, я не могу скоро кончить, потому что по своей проклятой болезни весьма трудно мне работать.

Весть из дома меня обрадовала, вероятно, уже приехал Карп Макарович, если да, то кланяйтесь ему до свидания, а там при свидании по крайней мере положим конец делу относительно 5% итальянских билетов.

[АНАНИЮ СУЛТАНШАХУ]

1 генваря 1864 г. С[анкт] П[етер]Б[ург].

Милый брат Ананий!

Брат Лазарь сообщил мне содержание твоего письма от 17 дек[абря]. Наконец, ты дома, я очень рад и еще более обрадуюсь, когда обниму тебя.

Меня очень интересует приезд преосв[ященного] Андреаса в Нахичевань, тем более что это касается дела о церковных капиталах, за которые, можно сказать, вот уже 15 лет мы ведем войну. Кто знает, может быть, час этого дела уже пробил. Теперь мы тем более должны обрадоваться воскресению церковных денег, что их уже считали невозвратными и что более, чем когда-либо, имеем в них нужду ввиду проекта о восстановлении и преобразовании института св[ятых] переводчиков наших Саака и Месропа.

Не зная еще о твоем приезде в Нахичевань, от 7 декабря я уже написал брату Иоаннесу, чтобы он от моего имени обратился к архиепископу Андреасу и просил бы его насчет дела выше сказанного, во имя справедливости, и справедливости строгой! Во всяком случае, а тем более при нелицеприятной справедливости, наше дело правое.

Домашний и пред законом не имеющий ни малейшей силы и смысла акт, который сделал Г[абриел] Айвазовский, даже и в таком виде не был представлен в синод без ухищрения: подписи депутатов были переписаны и переведены иначе; они подписались под этот, сам собой ничего не значащий, акт с оговоркой, между тем этой

оговорки нет в засвидетельствованных копиях этого несчастного акта.

Что же это показывает?

Я указываю на эту недобросовестную меру не потому, что без нее акт имел бы силу, нет, а как на образец, с каким духом было ведено все дело. Что же касается до сущности акта, то хотя бы представили оригинал в неискаженном и нормальном виде, то и тогда он не более имеет силы, как Aqua fontanea cum saccharii albi in ftisis pulmonum.

Я мог бы оправдать и защищать наше дело, даже признавая этот акт, потому что он не выражает собой довольство общества совершившейся уже функцией, он не говорит, что вот дело так и так было решено и кончено и мы впредь не имеем претензии, нет! а он гласит только, что подписавшие его господа соглашаются на окончание счетов без суда, т. е., другими словами, они добра желают должнику и позволяют ему заплатить свой долг, помимо судебного или административного постановления, и тем спасают его честь, которая должна была терпеть более или менее в противном случае. Но я уже сказал, что акт этот не имеет никакой силы, никакого законного смысла, поэтому я решительно не принимаю его и не принял бы, если б даже теми же господами был он совершен с большею формальностью. Почему? — Потому что никакой частный человек не может совершить каких бы то ни было актов от имени общества, если общество это законным порядком не поручило ему совершение таковых.

Теперь спрашивается, 40 лиц, подписавшихся под этот пресловутый акт, были ли уполномочены приговором общества на совершение этого акта? Нет! Ясно, что они не могли совершать законного акта, хотя бы заместо 40 подписались 400 человек.

Эти господа не имели права действовать от имени общества, и они на самом деле изъявили только собственное свое согласие. Они могли иметь такое или другое мнение, это им не возбраняется законом, но они должны высказать свое мнение в общем собрании под официальным председательством городского головы, но отнюдь не совершать актов самовольно и помимо общества от имени последнего. Г.г. Аладжалов, Хатранов и проч. и проч., пожалуй, по врожденным своим наклон-

ностям могут возыметь инициативу продавать с молотка и[мущество] наших церквей, но разве общество обязано признать их аукцион законным? Да кто такие эти господа? — скажут — честные люди!! Во-первых, это слово теперь так эластично, что помимо фактических доказательств, ничего не означает; во-вторых, все люди, которые живут и терпимы городским обществом, честны. В противном случае общество своим неумолимым приговором отстраняет от себя тех из своих членов, которых честность сомнительна и к которым общественное доверие прекратилось.

Мы армяне; у нас нет никаких гражданских каст, и мы так же математически равны друг другу, как равны углы подобных треугольников. У нас есть высочайше дарованная грамота, которая дает нам управляться *«по собственным правам и обыкновениям»*. Какие у нас права и обыкновения? Оставляя все на стороне, достаточно при настоящем случае указать только на одно обыкновение, на одно драгоценное и гуманное право, которое вне всяких диспутов, — это то, что у нас нет цензы. Все дела, относящиеся обществу, решаются всеобщим подаванием голосов par suffrage universele. Правда, при собраниях не присутствует все общество, но это зависит от доброй воли каждого горожанина и отнюдь не доказывает, что он не имеет права присутствовать. Зато, если, положим, лицо А присутствовало при собрании В и при С отсутствовало, зато, повторяю, лицо Д, которое не было при В, присутствует при С. Отсутствие или даже при присутствии молчание не есть доказательство, что отсутствующий или тот, который молчит, ниже правом, чем тот, который ночей не спит, чтобы присутствовать при собраниях, и тот, который до того раскричался, как цесарка, что выработал голосовые связки особенно ненормального тона. Часто в важнейших собраниях, наприм[ер] в парламентах, не все члены присутствуют, разве это доказывает, что общество, которое представляет отсутствующий депутат, не имеет права на народное дело. Известный французский математик Пуассон долгое время был членом французской палаты и всегда присутствовал, между тем в течение всего своего представительства один раз говорил и то швейцару, чтобы он закрыл окно, из которого дул ветер; но разве

Пуассон менее имел права, чем другие члены, без умолку говорящие.

После этого, если б даже несчастный акт гласил, что-де мы, нижеподписавшиеся, согласны и довольны сделанным уже делом и пр., можно ли было признать этот акт законным? Ясно, что это невозможно, да, кроме того, акт этот вовсе не такого смысла, и пред законом он равен ∞ 0, сказал бы о его естественном и единственном назначении, но это было бы весьма неприлично.

Г.г., подписавшие его, не имели права, и акт, ими сделанный, незаконен. Если бы он имел хотя малейшую силу, то давным давно общество наше начало бы иск судебным порядком с подписавшимися; но так как он лишен малейшего признака законности, то и общество не обратило на него внимания, коль скоро он ни в каком случае не может быть помехой правому делу общества. Я положительно убежден, что справедливое исследование этого дела принесет громадную пользу не только в материальном, но и в нравственном отношении. Наконец, быть может, поймут г.г. Аладж[аловы] и К°, что в общественном деле они ни в коем случае не имеют более важности, более голоса, чем последний водовоз и бедняк, продающий на площади овощи. Эти господа до того были ослеплены своею щепетильностью, что всегда проводили между собою и сказанными бедняками какую-то египетскую межу; но это было не более как доморощенная нивелировка, основанная на абсолютно ложных и презренных началах, которые при настоящем развитии общества должны исчезнуть навсегда, как и сами эти господа под лопатой могильщика, с тем чтобы след[ующее] поколение не знало бы даже, что за 50 лет жили такие жалкие существа.

У нас никто не входит в собрание общества во имя дворянского пергамента или диплома на чин, тем менее во имя богатства, которое никакого права не дает; но каждый входит во имя того, что он член нашего общества, что он армянин и что он всеподданейше пользуется правами высочайше дарованной грамоты.

Никто ни у кого не отнимает ни дворянства, ни чина, ниже богатства; но дело в том, что эти состояния, почетные или приятные в гражданском и социальном отношениях, вовсе не необходимы для того, чтобы иметь голос в общественных наших делах; дарованная грамота не

относится к какому бы то ни было исключительному классу или рангу людей, но ко всем армянам, которые добровольно приняли русское подданство и переселились.

Я так пространно развил эту идею потому, что левая сторона дает значение бессмысленному акту, который сам по себе ничто.

Впрочем, сторонники должника и утоляющие свои далеко не похвальные страсти общественной пользой, т. е. общест[венный] интерес заменяют собст[венным] интересом, заместо услуги принесли вред своему патрону, и в этом отношении они очень напоминают крыловского медведя, который, чтобы избавить любимого своего хозяина от докучливой мухи, разом порешил дело — убил муху и тем же самым ударом своей неуклюжей лапы сплюснул череп своего хозяина. Именно этак поступила левая сторона. Она, поддерживая неправое дело, вовлекла своего патрона в расходы, которые во всяком случае удовлетворили бы претензию общества, между тем он все-таки остается общественным должником.

Это хороший урок людям, которые проселочные дороги предпочитают большой столбовой. 4 000 лет тому назад уже была в Египте восстановлена аксиома, что ломаная линия длиннее прямой!

Во всяком случае эти господа принесли обществу невознаградимый вред. Положим, что должник будет признан должником; но это обеспечивает ли претензию общества? Во-первых, он в счет своего долга уже в 1856 году внес в наш магистрат 64 тыс[ячи] руб[лей], ясно, что он этих 64 000 р[ублей] не будет еще раз платить, а где они? Во-вторых, после семилетней проволочки есть ли у должника состояние, могущее удовлетворить претензию? Наверное, он уже все свое недвиж[имое] имущество перевел на чужое имя. Что возьмет общество? А 64 000 р.! а другие церк[овные] суммы, которые в течение 1848—1856 [гг.] были отданы на приращение в Одесский приход Обществ[енного] призрения? Эти уж последние две статьи были вне малейшей опасности; но увы! Теперь, полагаю, что и след простыл! Дай бог, чтобы хоть что-нибудь возвратить, а для этого следует, чтобы посланный преосвящ[енный] Андреас поступал безукоризненно-добросовестно; в противном случае прока никакого не будет.

От 7-го декабря я написал к брату о 5-и пунктах, о которых надо просить его святейшество, верховного нашего патриарха; об этих пунктах непременно надо пещись, чтобы означенные в них источники были присвоены проектированному институту св[ятых] переводчиков. Правда, это еще не бог знает что, но во всяком случае единица больше нуля, к тому же, с какой стати терять нам ежегодно хотя бы 2 000 руб[лей]? Это было бы более чем непростительно; тем более Нахичевань не обязана содержать в Феодосии богадельню, где какому-нибудь Хорену платится ежегодно 2 000 руб[лей]!! За что? Впрочем, это вовсе до нас не касается; наша прямая обязанность отделить наш интерес от интереса феодосийского вертепа авантюристов, а там пусть они целуются; нам какая нужда? Я не сомневаюсь в строгой честности последнего прелата; но вместе с этим молю бога, чтобы последствия еще более укрепили меня в этом мнении. Передай ему мое упование. Надеюсь, что привезешь отрадную весточку касательно изложенного здесь дела, о котором я больше думаю, чем о своем несчастном деле, и которое, как касающееся обществ[енного] интереса и залога, который поспешествовал бы делу общественной цивилизации, по всей справедливости имеет большое право на внимание всех мыслящих людей.

Теперь перехожу я опять к нашему сорго. Ты уже знаешь, что опыт прошел без последствий; но не все коту масленица, следующий раз будет и последствие; только ты, пожалуйста, растолкуй, как сеять, главное, надо глубоко пахать — $^1/_2$ арш[ина] и каждое семя положить в расстоянии $^3/_4$ арш[ина] друг от друга. Сеять в начале апреля, когда уже нет опасности от утренников. Дальнейшее я сообщу. На этот раз напишу подробно о способе анализирования этого благородного растения, что и составляет главную цель опыта, т. е. чтобы знать: 1) сколько стеблей дает каждое семя; 2) в стебле сколько сока, относительно веса стеблей; 3) сок какой плотности по Бёме и, наконец, 4) сколько процент[ов] в соке кристаллического сахара. Остальное, т.е. патока, след[овательно] и ром, можно даже не определять, потому что отношение некристаллического сахара к кристаллическому обратно пропорциональное, они увеличиваются или уменьшаются насчет друг друга. Наконец, нечего и говорить о получении прекрасной пурпуровой краски от обрабатывания шелухи семян серн[ой] кислотой или о получ[ении] бумаги от выжимок,

что не наше дело; главная моя цель сахар сеять на одну | саж[ень], чтобы можно было получить положительные данные.

Кланяйся всем друзьям обоего пола.

Твой *Мишель.*

Кстати, с Новым годом! Сходи, пожалуйста, к моим родителям и скажи, что я и брат Лазарь, слава богу, живы и здоровы. На письмо братьев Григория и Серафима, равно и племянника Аведика, ответ напишу по следующей почте. До свидания, обнимаю тебя.

Мишель.

[АНАНИЮ СУЛТАНШАХУ]

1865 г. Петропавловская крепость.

Бесценный друг!

Это мое письмо будет тебе доставлено не обычным путем. В этом сыром каземате я останусь самое меньшее еще 6—8 месяцев; варварское правительство не знает, какие средства применить для подавления свободного слова и уничтожения наших идей. Мне запрещено писать письма по-армянски. Я должен писать их по-русски и, кроме того, должен их представлять коменданту. Словом, деяния варвара не имеют ни предела, ни границы. Если это мое письмо будет доставлено тебе, тогда, быть может, напишу другое с подробными сведениями по вопросам, которые ты ставишь и которые интересны нам.

Всегда любящий тебя твой *Микаэл.*

ПИСЬМА ИЗ КАМЫШИНА

Камышин 15 декабря 1864 — 3 января 1865 г.

Х. Т...

7-го числа сего месяца прибыл в Камышин ближе к смерти, нежели к жизни. То, что я перенес на дороге, в моем состоянии, свыше человеческих сил, невыносимо, ценой напряжения последних физических и духовных сил все это я перенес еще раз.

Как только приехал сюда, нанял комнату и 4 дня подряд лежал с температурой. Это продолжалось до тех пор, пока я вынужден был обратиться к одному из местных врачей с просьбой дать хину или еще что-нибудь. Еще 2-3 дня был занят поисками домашних принадлежностей, и вот сегодня только удалось написать Вам первое письмо...

Об этом городе ничего хорошего сообщить не могу. Совершенно негодное место, а в течение зимы жизнь здесь прекращается совершенно. Говорят, что летом происходит некоторое оживление благодаря непрерывному движению пароходов и посещению города пассажирами, но и из этого я не могу извлечь пользу, ибо 15 апреля, если только буду жив, поеду за город в лесную долину, где много источников и где врач Найденов лечит больных кумысом. Там я останусь до конца сентября. Как бы там ни было, а от меня много писем не требуйте, знает бог, нет у меня ни сил, ни здоровья. Когда пишу эти строки, боль в груди и спине душит меня. Как только немного поправлюсь от нечего делать напишу столько, что вам надоест читать, но пока не могу, простите.

Камышин 1865 г.

Врач Найденов, который имел здесь частную практику по лечению кумысом, к несчастию переезжает в Саратов, поэтому для меня возникла необходимость немедленно 15-го сего месяца обратиться к губернатору, чтобы он либо похлопотал о разрешении, либо сам разрешил мне с 1 мая по 15 августа быть в 60 верстах от Самары в Самарской губернии для лечения кумысом. Хотя один бог знает, проживу ли я до 1 мая, и не только я так думаю. Об этом мне откровенно сказал лучший из здешних врачей Виноградов, и я со дня на день приближаюсь к могиле.

Поверьте, настолько ухудшилось мое состояние, что сам себя пугаюсь, когда смотрю в зеркало. Бог знает, как меня мучает температура, которая не покидает меня ни на один день. Пот, кашель, мокроты стали нескончаемыми, прибавь к этому еще и мое беспомощное одиночество.

Есть у меня кухарка, но лишь по названию, ибо умеет варить щи да кашу, которые я не переношу, и другого ничего, да ничего другого и нет. Не говорю я о моральных неприятностях, которые преследуют меня по пятам... Врач велит мне сохранять душевное спокойствие, но дают ли покоя? Какой ценой достигается хоть мало-мальский покой! Что пользы писать, не могу, от скромности, поймите и...

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМО СЕРОБЭ ТАГВОРЯНА МИКАЭЛУ НАЛБАНДЯНУ

14 (26) мая 1862. Константинополь.

Благороднейший друг мой!

Твое письмо от 9 мая из Парижа получил. Перечень старых шифров, посланный тобой не помню в каком из писем, также получил. Говорю — «не помню в каком из писем», так как твои письма сейчас не со мной. Извини, что не отвечал на твои письма аккуратно; я совсем одурел: здесь, в нашем народе, даже малейшая деятельность способна убить человека. Ты ропщешь на нашу медлительность и вполне справедливо, но, уехав из нашего города, ты совершенно забыл характер нашего народа. Верно, что, когда один из волов хромает, трудно править упряжкой, — то же и я говорю.

Ты сердишься, что я до сих пор не передал письмо господину Мартиросу[1], но умоляю — выслушай меня хладнокровно.

С тех пор как ты уехал из нашего города, я стараюсь, чтобы мы действительно получили то, о чем ты говорил господину Мартиросу как об имеющемся у нас, с тем чтобы мы могли смело передать посланное письмо его человеку. Но тщетно! Нескончаемые вопросы, волнующие нацию, и дела людей, которым мы несколько месяцев назад доверяли, а ныне не доверяем,— все эти неприятности, говорю я, неимоверно обескураживают нас. Подумай же: не имея в этом городе менялы[2], сказать, что имеем его, не только поставило бы меня в критическое положение, но и наши товарищи не простят, если я сообщу тому человеку нечто такое, что может повредить авторитету всего общества. В связи с твоим распоряжением я за себя совершенно спокоен, и, если ты, хорошенько подумав, решишь, что письмо должно быть передано по назначению, я передам без колебаний. Подумай же и дай мне знать.

Я постарался, чтобы мы имели тут ложу братьев (Готфело)[3], и получили разрешение: через некоторое время откроем ложу. Ложа именуется Гайк или Орион. Это — братство под защитой Англии, от Порты также получено разрешение, чтобы это братство имело право устраивать свои тайные собрания. Это — вроде масонского братства, но, кажется, более простое; цель его — заботиться о неимущих братьях во время болезни и помогать им материально. Если наша ложа не будет иметь достаточно средств, чтобы помогать не-

имущим и больным братьям, центральная ложа в Лондоне обязана помогать нам средствами. Вступающий в братство должен вносить ежегодно полфунта стерлингов и шесть пенсов в неделю. Надеюсь, что из этого братства мы извлечем пользу, ибо оно далеко дойдет.

То, что сделано тобой насчет паспортов, очень хорошо. Сказанное тобой об инженере запомнил. В отношении благотворительного общества имеются препятствия, но они не неодолимы, думаю, что через несколько дней наладится. Собрали порядочную сумму. Бумаги для иногородних агентов еще не готовы. Это рассердит тебя, я тоже сержусь, но надо, чтобы это было так. Тем не менее на этих днях и они будут отосланы нами.

С Кятипяном встречаемся; очень почтенный человек, но весьма медлительный. Надо бы, чтобы здесь было несколько человек твоего темперамента, чтобы мы двигались несколько быстрее, с теми же, с кем я имею дело, мне приходится переносить очень большие трудности. Из Тавра приехал сюда некий архимандрит; уже несколько дней я стараюсь вступить в торговлю с этим человеком[1]. Едва сумели созвать собрание в двадцать-тридцать человек, да и то с большим трудом. Немного денег этому человеку я дал, немного — один из моих приятелей, с тем чтобы он купил необходимые учебники и послал нам. В отношении остального обещали, что будем стараться для них. Говоришь, что апатия для меня смерть,— я тоже так думаю. Но можешь ли найти средство против нее? Наш народ мало трудится или трудится для таких дел, которые ты презираешь, или действует напоказ. Когда речь идет о патриотизме, все говорят громогласно: у одних это — лицемерие, у других — тепленькая любовь. Но для действия почти вовсе нет ни души. Говоря это, мы не должны отчаиваться. Я намерен всегда работать, хотя эта работа скоро состарит меня. Если из вышесказанного будет толк, дам тебе знать.

Остаюсь любящий *С. Т.*

ПИСЬМО ОГАРЕВА И ГЕРЦЕНА Н. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧУ

8 (20) июня 1862. Лондон. Орест Гаус.

Милостивый государь, Николай Александрович!

Давно не удавалось побеседовать с вами, дорогой друг. В минуту жизни трудную мы как-то разобщены, и коротенькие вести недостаточно дают пищи для людей, жаждущих подробностей. Но минута жизни трудная, покачаясь из стороны в сторону, пройдет к осени. Чуть ли даже не так досконально пройдет, что и вовсе заглохнет без следа. Что же останется? Останется общий фонд — не минуты, а годины трудной. Мне кажется, что уяснить необходимость земского собора становится делом обязательным. Губернские земские думы, о которых пророчат к тысячелетию[1], успокоив умы на полгода, дадут новый элемент удобства в выборах и опять приведут к необходимости земского собора. Состоится ли он? Будет ли он сам чем-то переходным или действительно организует — как знать! Но я думаю, что из всех последних событий вы убедитесь, что мое озлобление на литературную дрязгу не было слишком пусто; мое озлобление шло к тому, что я вообще в петербургской суете не вижу исхода. Тут нет живой жизни, нет построения будущего и нет места для коренного движения и преобразования. Опять прихожу к моей теме, шепчу и кричу ее вам в уши, чтоб она неотступно вас преследовала; живая жизнь в провинциях; если у вас нет корня в провинциях — ваша работа не пойдет в рост. Я даже рад, что Петербург не в силах ничего сделать, потому что все, что он ни сделает, будет иметь результат только тот же — отместку провинций. Уясните же[2] провинциям, ищите друзей в провинциях. Вы только в провинциях встретите народ, а не мещан-извозчиков, для которых всего менее понятна коренная цель — земской земли.

Мне жаль молодежь, которой не обвиняю, потому что за молодость обвинять нельзя; это — физиолого-патологическое явление, которое быстро проходит. Мне жаль и ваших мещан-извозчиков — они не виноваты.

Рознь верхушек уж слишком велика, чтобы понять друг друга, и сближение их всего меньше возможно на Невской набережной и Марсовом поле — оно возможно только при реках черноморско-каспийских.

Оставьте мертвым погребать мертвых. Работайте в провинциях.

Крепко обнимаю вас обоих. Вестей побольше — ради бога. N.— золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости[1].

Кажется, речь о нашем сбежавшем восточном приятеле. Поклонитесь ему — это преблагороднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его.

Прилагаю официальное письмо; если оно не так написано — я готов написать и другое. 10% я поставил зря — уменьшайте и увеличивайте — делайте, как знаете.

Чтоб не забыть — прибавлю еще маленькую просьбу. Если вам нельзя, любезный друг, самим приезжать с письмами, то пишите их так, чтобы можно было хоть половину разобрать. Мы мучились день целый — и то не все поняли. Вместо воскресных школ я становлюсь[2].

Да вы не сердитесь.

А какова «Соврем. летоп.»? Вот я вам вылупил хризеиды Кат. и Леонт[3].

Если скоро будет оказия, напишите. Знаете ли вы г. Перетца?[4] Он, кажется, очень хороший и образованный человек.

Дайте вашу руку. У меня сегодня очень болит голова — и потому написал один вздор. Прощайте.

Мы готовы издавать Совр.[5] здесь с Черныш[евским] или в Женеве — печатать предложение об этом?

Как вы думаете?

Г-н МИКАЕЛ НАЛБАНДЯНЦ

Уже одно лишь имя его пробудило сознание многих; этому мы верим, и вера наша истинна, так как г-н Налбандянц — с того дня, как имя его блеснуло на армянском небосводе,— привлек всеобщее внимание, и каждый приветствовал в его лице самоотверженного друга национального прогресса, неутомимого борца за этот прогресс, врага ненавистников нации, великодушного по отношению к тем, кто по ошибке повредил нации, доброжелательного и многоискусного, свободомыслящего, жаждущего свободы и борющегося за нее не только для своего народа, но и для всего человечества. Добродетель и благие дела он осуществлял не в ожидании награды на этом или на том свете и не от страха наказания; не страдал он ни недомыслием, ни слабостью духа, а выполнял это как долг перед человечеством, как примету, отличающую человека от прочих живых существ.

Все это в короткий срок проявил г-н Налбандянц, и те, кто хорошо узнали его самого, его дела и поступки, берегли его как зеницу ока и боялись за него — да, боялись и были вправе бояться, ибо было очень мало столь редкостных людей, наделенных столькими совершенствами, не только в армянском народе, но и во всем человечестве, которые не пали бы жертвой ненависти, вражды и интриг своих современников. Стало почти общим законом в этом мире, что люди, посвятившие себя благоденствию человечества, падают под противодействующей силой его пасынков, с тем чтобы, подобно пшеничному зерну, после гибели своей дать обильные плоды.

Подлинные друзья армянского народа трепетали за г-на Налбандянца, видя его энергичную деятельность в пользу народа и помня об этом общем законе, от действия которого очень трудно было уклониться ему.

Мы с болью говорим, что ныне опасения этих людей оправдались, и г-н Налбандянц ныне в тюрьме... Самоотверженно трудясь для нации, г-н Налбандянц, несмотря на болезненное состояние, преодолел и жгучий холод полярных морозов, и бешенство волн безграничных океанов, и адский зной экваториальных пустынь, он победил природу, но оказался не в силах преодолеть тайные заговоры пасынков армянского народа.

При всей своей многообразной деятельности, посвященной грядущему благу народа, г-н Налбандянц взял на себя труд по обеспечению средствами дела образования нынешнего и будущего общества Новой Нахичевани путем спасения завещания, обреченного на гибель свыше восьмидесяти лет назад, для чего пришлось совершить путешествие в далекую Индию, испытав невыносимые трудности и мучения. Достигнув своей цели, несмотря на противодействие некоторых лиц,* он вернулся в Лондон с тем, чтобы получить деньги, и, покончив с этим делом, поехал в Петербург, затем в Москву и, наконец, в Нахичевань, куда прибыл 10 июля. На следующий же день приехавшие из Екатеринослава (город недалеко от Нахичевани) два полковника и четыре жандарма около полудня нагрянули на квартиру г-на Налбандянца и, застав его дома, арестовали, собрали все имевшиеся в комнате бумаги, вплоть до карт, висевших на стене, и хотели вместе с самим г-ном Налбандянцем сейчас же отправить в Петербург.

Три года тому назад, *будучи оговорен Айвазовским перед министром внутренних дел России как безбожник, как безнравственный человек, как мятежник и возмутитель народа*, с каким величием духа и с каким бесстрашием возвещал г-н Налбандянц в «Юсисапайле»:

Свобода! Восклицаю я,
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

С тем же величием духа и безмятежностью сердца встретил он приказ полковников, воспротивился их спешке, велел принести шампанского и весело распил его с ними. Затем он встал, сказал «Пойдемте!» тем, кто пришел увести его, вышел из дому и, увидев у входа тюремную карету, не пожелал сесть в эту позорную колесницу. Те, что пришли арестовать его, были потрясены величием этого человека и держали себя так, точно тот был их командиром: подчинившись ему, они вызвали карету градоначальника, пригласили его усесться поудобнее и увезли в Екатеринослав, а оттуда — в Петербург.

---

* Г-н Налбандянц был уполномочен нахичеванским обществом добиться суммы, завещанной двумя патриотами-армянами в Индии на содержание народной школы в городе Нахичевани. Прибыв на место, он узнает, что архимандрит Габриэл Айвазовский, вопреки воле нахичеванского общества, выдал себя за уполномоченного и пытался завладеть завещанной суммой. Немало усилий пришлось приложить г-ну Налбандянцу, чтобы вырвать эти деньги из его когтей и передать подлинному их хозяину. Архимандрит Габриэл пытался тогда оправдаться несколькими слабыми доводами в «Масяц ахавни» (журнал «Голубь Масиса»), как помнят читатели. По этому поводу г-н Налбандянц писал нам, что после того, как положительно разрешится дело с этим завещанием, он осветит подлинную суть этого дела в печати, опровергнув и эти слабые доводы Айвазовского.

Наш нахичеванский корреспондент, находясь в дни ареста г-на Налбандянца в Симферополе, пишет, что там и во всем Крыму слух об этом распространился по письму г-на Халибянца Айвазовскому: первым оповестил г-н Халибянц Айвазовского, пожалуй, чтобы доставить ему сердечную радость.

Здесь же, в Константинополе, это известие распространило прежде всего письмо Айвазовского архимандриту Хорену, который с сердечной радостью и с улыбкой на лице читал это известие своим закадычным друзьям.

В Крыму в первые дни после ареста распространился слух о том, что г-н Налбандянц арестован по обвинению в том, что он являлся одним из главарей тайного общества фальшивомонетчиков в России. Наше сердце, сердца всех друзей г-на Налбандянца и даже сердца его врагов свидетельствуют о том, что этот редкий человек рожден не для того, чтобы быть участником столь низкого дела. Его руки не созданы для совершения столь позорного проступка — в этом мы готовы поклясться за него и поклялись бы публично, если бы сейчас же вслед за распространением этого слуха не распространилось бы известие о лживости его.

Но в чем же его вина? Вот этого никто не знает еще и никто не будет знать, пока правосудие не откроет следствие и не вызовет к ответу и обвиняемого и обвинителей. Пока же мы знаем только, что г-н Налбандянц в заключении в Петербурге.

Несчастная мать, несчастный отец, три или четыре брата, две сестры, многочисленные друзья, весь народ, многие из других народов с тревогой и беспокойством в сердцах ждут каждый день вести об его освобождении.

Несколько темных личностей, несколько низких душ с нетерпением и с позорной мстительностью ждут вести о неправосудном его осуждении.

Никто не знает вины г-на Налбандянца. Но мы думаем, что знаем его вину — чрезмерное и энергичное свободолюбие и правдолюбие, и потому не думаем, чтобы правосудие нашло бы его подлежащим каре. Если же г-н Налбандянц будет неправосудно судим и осужден, его невинная кровь будет звать к мести каждого настоящего патриота-армянина. И тогда, скажем открыто, с его гибелью русское правительство понесет большие потери.

Да, г-н Налбандянц виновен перед так называемыми привилегированными людьми, которые стремятся сохранить человечество навеки скованным цепями рабства, несчастья и невежества, но не перед человечеством, не перед справедливостью и правосудием. Поэтому мы думаем, что правосудие не только не должно наказать друга человечества, но и не должно требовать, чтобы это лицо каялось и отрекалось от любви к правде и к человечеству; оно не должно допустить, чтобы тот величественный дух, который предпочтет склониться перед виселицей, нежели трусливо пасть на колени перед человеконенавистническими идолами произвола и насилия, повергнул в горе всех, кто трепещет за него. Мы надеемся, что через немного дней правосудие вынесет радостное решение об его освобождении, и этой надеждой мы стараемся утишить тревогу в нашем сердце.

ПИСЬМО АНАНИЯ СУЛТАНШАХА ГРИГОРУ НАЛБАНДЯНУ

Дорогой Григор Лазаревич!

В Нахичевани, в доме Ерецпохяна, где Айваз[овский] был на обеде вместе с Халиб[ян]ом и другими богачами, ты, считая их большими людьми или доверившись мнению Аладжаловых, их уму, просил, чтобы Халиб[ян] и Айваз[овский] оказали покровительство Микаэлу; ты и Газаросу пишешь, чтобы он в Петербурге также просил Айваз[овского] об этом. Понимаешь ли ты меру и цену совершенной тобою глупости? Скажи на милость, кто просил тебя об этом, кто требовал от тебя такого добра, которое хуже всякого зла? И не стыдно было тебе топтать славное имя твоего брата перед этими дурнями, дав повод его врагам посмеяться над ним, предав своего умного брата в руки дураков? Если у тебя нехватало ума понять смысл своего поступка, посоветовался бы раньше с умным человеком, чтобы не сделать этой глупости. Или Аладжаловы отняли у тебя последние остатки ума? Ведь я их знаю, видел я их; все тотчас становятся их слугами, рабами, невольниками. Ясно, если слепым глазам Аладжаловых Айваз[овский] и Халиб[ян] представляются царями, твоим глазам они, несомненно, должны были представиться всемогущим богом, и ты не постыдился поэтому смешать с грязью честь своего брата.

Знаешь ли ты, что если бы закон грозил твоему брату даже четвертованием, он и тогда ни в коем случае не пожелал бы свободы из рук Айваз[овского] и Халиб[ян]а, не поклонился бы, не унизился бы, как ты, не склонил бы голову перед такими, как они, всему свету известными разбойниками? Лучше бы ты пошел и обратился с мольбой к фармазону или к маляру Габриэлу, нежели к Габриэлу Айваз[овском]у; их сердечные пожелания исполнились бы скорее, чем лицемерные и лживые обещания Айваза или Халиба. Тебе известно, что если бы архимандрит Габриэл мог, то он скорее освободил бы свою голову; на его слова и плюнуть никому не охота, не то что исполнить; а если для тебя или для твоих полосатолоскутных хозяев [Аладжаловых] Айваз[овский] большой человек, ты для самого себя проси его, падай ниц перед ним, лижи его плевки, но не смей играть святым и славным именем и честью нашего почитае-

мого друга, не смей бросать их под ноги первым попавшимся отпетым негодяям!

И еще скажу: если я столько раз повторяю *честь, честь,* известно ли тебе святое значение этого слова? Это — не маслины и не каперсы: на базаре не продается на фунты; цену ее знает и понимает тот, кто имеет ее.

Честь зарабатывается годами, и всякая грязь с нее смывается кровью. Обо всем этом ты и понятия не имеешь; если бы имел, не сделал бы, конечно, этой величайшей глупости и не разгневал бы так крепко своего брата и нас. Тут уместно вспомнить русскую поговорку: «Услужливый дурак опаснее врага».

Если бы Микаэл был на свободе, он еще не так отплатил бы тебе. Я, как мог, разъяснил сущность твоего поступка; если не сумел объяснить как следует, прошу прощенья. Человек, два месяца проживший у Аладжаловых или в их среде, превращается в скотину и, помимо того, что присуще животным, — есть, пить, спать, — всего человеческого — чести, ума, рассудка и т. д. — лишается.

Теперь мы считаем своим долгом дать знать и Халиб[ян]цу, чтобы он ни в коем случае не смел, внемля чьей бы то ни было просьбе, вмешиваться в дело Микаэла и бесчестить его: для него лучше десять раз погибнуть, нежели один раз получить свободу из рук Халиба или Айваза. Надеюсь, что ты, поняв сказанное, в другой раз избавишь своего брата от столь безобразного благодеяния. Желаю тебе быть здоровым и сойти с ложного пути.

Всегда желающий тебе добра *Анания Султаншах.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Сборник «Избранные философские и общественно-политические произведения» М. Л. Налбандяна издается впервые.

Большая часть текстов переведена с академического издания Полного собрания сочинений М. Л. Налбандяна (Институт литературы имени М. Х. Абегяна Академии наук Армянской ССР) 1940—1949 гг. с учетом текстологических уточнений, которые были сделаны в последующие годы. Перевод выполнен С. А. Гамаловым, за исключением некоторых произведений, переведенных составителем; стихотворения переведены В. К. Звягинцевой.

РЕЧЬ ОБ АРМЯНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Судя по обзору в «Речи» современных автору литературных источников, работа эта написана не позднее 1855 г. Преследуемый армянскими крепостниками и царизмом, Налбандян лишен был возможности ее напечатать. Впервые она была опубликована в приложении к шестой книге «Альманаха литературы и истории» в 1895 г. «Речь» написана на малодоступном древнеармянском языке — грабаре. В русском переводе печатается впервые. Текстологические разночтения «Речи» не воспроизводятся.

«Речь об армянской словесности» представляет большую ценность для понимания развития Налбандяна как мыслителя и политического деятеля.

Развитие армянского народа нуждалось в литературной трибуне и в создании армянского литературного языка. Борьба за развитие армянского языка, начатая еще в художественном творчестве Х. Абовяна, проходит через всю деятельность Налбандяна. Борясь против барской традиции пренебрежительного отношения к народному языку, против отгораживания писателей древнеармянским языком — грабаром от современности, Налбандян пропагандирует разработку современного народного языка, требует, чтобы писатели

«душой и волей» сливались с народом, реалистически изображали действительность, боролись за интересы народа.

Художественное творчество должно стать зеркалом, в котором отражаются тропы народной жизни, — таково основное требование Налбандяна к художнику. Налбандян призывает учиться высокой идейности у русской литературы, изучать Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др. Идейность, народность, оптимизм и героизм должны стать, по Налбандяну, принципом новой армянской литературы, духовным оружием развития народа.

Уже это раннее произведение показывает различие во взглядах Налбандяна и Назарянца. В связи с этим необходимо указать на необоснованное утверждение комментатора армянского академического издания Полного собрания сочинений Налбандяна (т. II, стр. 417), что якобы Налбандян лишь пытался развить и углубить идеи Назарянца относительно новой армянской литературы.

К стр. 66.

[1] Книга Назарянца «Учение религии» написана с идеалистических позиций, она удостаивается одобрения Налбандяна за просветительские идеи, за пропаганду гражданского направления в литературе и народности литературного языка.

К стр. 68.

[1] *Ксенофильская литература* — пресмыкающаяся перед иностранным и пренебрегающая родным, национальным.

К стр. 70.

[1] Несмотря на некоторую противоречивость положений, Налбандян не отрицает народного происхождения древнего армянского языка — грабара.

К стр. 75.

[1] Из этих замечаний Налбандяна было бы неверно заключить, что он отрицает значение прошлой армянской литературы. Он выступает лишь против преувеличения значения этой литературы, а также указывает, что лишь независимое положение народа является условием развития жизни, мышления и литературы.

К стр. 77.

[1] *Только теперь дана возможность следовать за ними.* — Это замечание свидетельствует, что с самого начала своей деятельности Налбандян глубоко понимал прогрессивное значение присоединения Армении к России.

[2] *«Первая духовная пища для армянских детей»* — сборник для чтения, составленный С. Назарянцем (Москва 1853), в который он включил как свои произведения, так и переводы сочинений различных авторов.

К стр. 79.

[1] *Гохтен*, или Гохтн — область древней Армении на левом берегу восточной части реки Аракса, прославлена гусанами (поэтами-певцами). По свидетельству историка V века Мовсеса Хоренаци, в его время там были распространены языческие мифы и эпические песни, которые пелись в сопровождении бамбирна (древний армянский музыкальный инструмент).

[2] *Просветителем* — Григорием (см. указатель имен).

К стр. 86.

[1] *Патахинес* (сирийское) — растленные.

К стр. 88.

[1] *Мы говорили... на странице 65.* — См. настоящее издание, стр. 86.

К стр. 95.

[1] *Айвазовский с его историческими трудами* — (Габриэл). Благосклонное отношение Налбандяна в этот период к деятельности Айвазовского объясняется тем, что последний не обнаружил еще своего политического лица крепостника и свои произведения писал на новоармянском языке.

[2] *«Европа» (1847—1863 гг.)* — орган монашеской армянской католической конгрегации мхитаристов в Вене (см. прим. к стр. 98).

К стр. 98.

[1] *Венская конгрегация* (мхитаристов) — образовалась в 1811 г.

[2] *«Азгасэр» («Патриот»)* — журнал, издавался с 1848 по 1853 г. в городе Смирне (Турция) консервативным деятелем Балтазаряном. В 60-х годах Налбандян разоблачил его как предателя армянского народа.

К стр. 99.

[1] *«Нойян ахавни» («Ноев голубь»)* — еженедельный журнал либерального направления, выходил в Константинополе (1852—1853 гг.).

[2] *«Масис»* — либерально-буржуазный журнал, выходил в Константинополе (1852—1908 гг.).

[3] *«Азгасэр» («Патриот»)* — издавался в Калькутте в 1845—1848 гг. Месропом Тагиадяном.

К стр. 100.

[1] *«Сингапур»* — журнал, выходил в городе Сингапуре в 1847 г.

К стр. 101.

[1] *«Базмавеп» («Полигистор»)* — орган венецианских монахов-мхитаристов, выходит с 1843 г. по настоящее время.

[2] *«Житница полезных знаний»* — армянский журнал, орган миссионеров-протестантов, выходил в городе Смирне (1839—1854 гг.)

К стр. 110.

[1] *Шараканы* — церковные армянские песни.

[2] Эта постановка вопроса весьма знаменательна. Налбандян не осмеливается еще отбросить религию, но, поскольку признает, что истина не может быть достигнута без наук, постольку становится на путь отставки теологии.

К стр. 111.

[1] Налбандян, выражая свое отношение к духовенству как чуждому интересам народа сословию, ищет силы для просвещения народа и прогресса. Он возлагает пока надежду на интеллигенцию, но видит недостаточность этих сил.

К стр. 112.

[1] *Основала... училище.*— Лазаревский институт восточных языков был основан в Москве в 1814 г.

К стр. 113.

[1] *Некоторыми исследователями.* — Очевидно, подразумевается Н. Эмин.

К стр. 114.

[1] Налбандян в этих и последующих рассуждениях в основном реалистически формулирует сущность искусства. Источник искусства, литературы он видит в жизни, а не в абстрактной идее прекрасного. Какова жизнь — таково и искусство. Сила искусства и литературы в их связи с жизнью, в значительности изображаемых событий и явлений. Он подвергает критике формализм, который в художественной литературе игнорирует ее связь с историей народа и обращает внимание лишь на изысканность языковых средств. Однако это далеко не материализм, ибо сама жизнь оказывается зависимой от духа народа.

К стр. 115.

[1] Оценка Налбандяном русской литературы опирается на реалистическую эстетику Белинского и носит программный характер; она указывает на задачи, стоявшие перед молодой, тогда еще только зарождавшейся, новой армянской литературой.

[ОБ АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ]

Статья напечатана в 1857 г. как предисловие к переведенному на армянский язык Налбандяном роману Эжена Сю «Агасфер». На русском языке печатается впервые.

Интерес Налбандяна к произведению Эжена Сю вызван был необходимостью разоблачить перед армянским народом католицизм — орудие агрессивной политики западноевропейских капиталистических держав, злейших врагов армянского народа. Кроме предисловия Налбандян приобщил к «Агасферу» свое обстоятельное исследование «Об иезуитах» (часть его воспроизводится в настоящем издании, стр. 157), назначение которого «сломать хребет католикам».

В статье «Об армянской литературе» Налбандян формулировал задачу литературы: изображать жизнь такой, какой она должна быть. Прогрессивная интеллигенция понимала важность этого произведения. В 1859 г. оно было опубликовано Ст. Восканяном в еженедельнике «Запад» (№ 21 и 22).

Ст. Назарянц в «Юсисапайле» в 1858 г. выступил с рецензией на предисловие Налбандяна, в которой оспаривал положения Налбандяна относительно того, что условием развития культуры является высокое материальное благосостояние народа. Сопоставление статей этих деятелей ясно показывает либеральное просветительство Назарянца и демократическое просветительство Налбандяна.

К стр. 123.

[1] *Армяне читают... собственных авторов на чужом языке.* — Налбандян имел в виду Н. Эмина, который пытался популяризовать среди армян произведения древних армянских авторов, переведя их на русский язык.

КРИТИКА

Статья посвящена критическому разбору «Сборника нового армянского языка» Степаноса Назарянца, т. I. Она была опубликована в № 1 журнала «Юсисапайл» за 1858 г. (год его основания). В настоящем издании печатается на русском языке впервые.

«Критика» — одна из лучших работ Налбандяна по вопросам эстетики и литературной критики. В ней с позиций демократической эстетики обосновывается роль литературы и литературной критики как орудия общественного прогресса.

Подлинно художественное произведение, по мнению Налбандяна, должно отражать социальную жизнь народа, тончайшие черты души народа. В этой связи он вновь ставит проблему языка. Налбандян требует от писателей развивать литературный язык на базе народного языка, обрабатывая, отесывая, шлифуя и возвышая его.

К стр. 129.

[1] *«Одному слово, другому — невесту»* — роман Налбандяна. В 1858 г. он был набран, но, повидимому, уничтожен автором.

[2] *Второй том* «Сборника нового армянского языка» Назарянца был напечатан также в 1857 г., но, очевидно, в начале 1858 г. он еще не вышел в свет.

К стр. 130.

[1] Можно предположить, что московский схоласт — это реакционер Мсер Мсерян; тифлисский схоласт не установлен.

К стр. 133.

[1] *Сколько истин выявила критика...* — Рассуждения Налбандяна относятся к критической деятельности Белинского.

Известно, что армянские реакционеры из газеты «Пчела Армении» — органа клерикалов-крепостников — после выхода статьи «Критика» стали обвинять Налбандяна в пропаганде чуждых армянским национальным традициям взглядов. Налбандян ответил на обвинение редактору «Пчелы Армении» С. Мандиняну в № 4 журнала «Юсисапайл», 1858 г. (см. настоящее издание, стр. 242).

[2] Это обещание Налбандян выполнил. В 1858 г. в «Юсисапайле» появилась его статья о мхитаристах (см. настоящее издание, стр. 162).

К стр. 138.

[1] *Поговорить о втором... томе.* — Это обещание Налбандян не выполнил.

[О ХАЧАТУРЕ АБОВЯНЕ]

Посвященный вопросам эстетики отрывок из романа «Вопрошение мертвых» (см. настоящее издание, стр. 179) печатается в настоящем издании самостоятельно. На русский язык переведен впервые. Представляет интерес для уяснения традиций в армянской литературе, продолжателем которых был Налбандян.

К стр. 140.

[1] *«Раны Армении»* — роман Х. Абовяна, написан в 1840 г., впервые издан в Тифлисе в 1858 г. Этим изданием и пользовался Налбандян. В русском переводе роман издан в 1948 г. (Ереван — Москва).

К стр. 141.

[1] *«Аревмутк» («Запад»)* — еженедельный журнал либерального направления, издавался в 1859—1865 гг. Степаносом Восканяном (литературное имя Воскан) в Париже. Будучи в 1859 г. на западе, Налбандян поддерживал некоторые связи с Восканяном, поскольку тот выступал против армянских клерикалов. Позже, в годы обострения классовой борьбы, Восканян эволюционировал к либерализму.

ЗАМЕЧАНИЯ

Впервые опубликованы в № 10 журнала «Юсисапайл» в 1858 г. В статье Налбандян разоблачает национализм и космополитизм, пропагандирует идеи просветительства, демократии и утопического социализма. Здесь уже Налбандян апеллирует к народу, выражает веру в его силу. Основной идеей «Замечаний» является идея национальной самостоятельности.

К стр. 146.

[1] *Запляшет Иродиада* — легендарный персонаж, воплощение жестокости.

К стр. 148.

[1] Не лишено интереса сравнение положений Налбандяна о нации и «общественном начале» с следующими высказываниями В. Г. Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года»: «Что *личность* в отношении к *идее* человека, то́ *народность* в отношении к *идее* человечества. Другими словами: народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения». И далее: «Но все и каждый необходимы всем и каждому. На этом и основано единство и братство человеческого рода. Человек силен и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — *национальность»*. *(В. Г. Белинский,* Избранные философские сочинения, М. 1941, стр. 355, 356.)

В статье Налбандян развивает демократические принципы Белинского о единстве личного и общественного, национального и общечеловеческого.

ИЕЗУИТЫ

Статья была приобщена к роману Э. Сю «Агасфер», который Налбандян перевел на армянский язык и издал в 1857 г. (см. также настоящее издание, статью «Об армянской литературе», стр. 119 и примечание к ней). На русском языке печатается впервые. Статья разоблачала роль католической церкви, роль иезуитов как орудия колонизаторской политики европейских государств. Печатается отрывок.

МХИТАР СЕБАСТАЦИ И МХИТАРИСТЫ

Незаконченная работа «Мхита́р Себастаци и мхитаристы» впервые опубликована в № 5, 6 и 11 журнала «Юсисапайл» в 1858 г.

В настоящем издании печатается в извлечениях; на русский язык переведена впервые. По идейной направленности она примыкает к статье «Иезуиты». В этих работах Налбандян разоблачает католическую церковь, ее роль в осуществлении колониальной политики европейских государств. Автор показывает враждеб-

ность католицизма к национальной культуре, национальной самостоятельности малых народов. В критике деятельности армянской католической конгрегации мхитаристов Налбандян проявляет страстность политического борца-демократа. Работа важна для понимания политических и философских взглядов Налбандяна.

К стр. 168.

[1] *Перерезаны в ту страшную ночь.* — Имеется в виду так называемая Варфоломеевская ночь. Массовая резня гугенотов, произведенная католиками в Париже в ночь под праздник св. Варфоломея, 24 августа 1572 г.

К стр. 169.

[1] *Конгрегация мхитаристов* — армянская монашеская католическая конгрегация, основанная в 1717 г. монахом Мхитаром из Себаста на одном из островов Адриатического моря близ Венеции, существует и в настоящее время. Несмотря на некоторую положительную роль, которую сыграла конгрегация в XVIII столетии (основала при монастыре школу и типографию, кроме книг древних армянских писателей и книг духовного содержания издавала исследования по армянской филологии и истории, переводы классических произведений мировой литературы, словари и т. д.), в дальнейшем она стала очагом католического дурмана, реакции, распрей и раскола в армянском народе.

К стр. 173.

[1] *Армида* — один из самых поэтических женских образов в «Освобожденном Иерусалиме» Тасса.

ВОПРОШЕНИЕ МЕРТВЫХ (МЕРЕЛААРЦУК)

«Вопрошение мертвых» — незаконченный публицистический роман, впервые был опубликован в журнале «Юсисапайл» в номерах за август — октябрь 1859 г. На русском языке издается впервые. Часть романа, трактующая вопросы эстетики и касающаяся творчества Х. Абовяна, выделена и напечатана самостоятельно (см. настоящее издание «О Хачатуре Абовяне», стр. 139). Печатается сокращенно, динамика основных сюжетных линий романа сохранена.

В борьбе против религиозно-клерикальной идеологии и антидемократических элементов армянского общества Налбандян использовал все виды словесного оружия. Он был замечательным публицистом, поэтом, очеркистом и романистом.

В романе «Вопрошение мертвых» разоблачается квасной, консервативно-клерикальный патриотизм крепостников и национальное безразличие армянской буржуазии. Роман является первой попыткой создать образ буржуа-хищника.

Однако Налбандян как реалист не идеализирует и народ: народ еще пассивен, он безмолвствует, не протестует. Но Налбандян верит в силу народа.

К стр. 184.

[1] *Шахбек* — псевдоним Налбандяна.

К стр. 189.

[1] *«Нарек»* — сборник духовных песен.

[2] *Армянского летосчисления.* — Армянское летосчисление установлено церковным собором в 554 г., по решению которого началом армянской эры считался 552 г. Чтобы определить, какому году новой эры соответствует, например, 200 год армянского летосчисления, надо к 200 прибавить 551, получится 751 год.

К стр. 192.

[1] *Граф Эммануэл* — псевдоним Налбандяна.

К стр. 195.

[1] *«Дневник»* — произведение Налбандяна (см. настоящее издание, стр. 259).

К стр. 196.

[1] *Газета «Мегу Айастани» («Пчела Армении»)* — выходила в Тифлисе с 1858 по 1864 г. под редакцией попа-реакционера Степаноса Мандиняна, а затем Петроса Симоняна. Газета носила ярко выраженный крепостническо-клерикальный характер. С остервенением преследовала Налбандяна (см. также примечания к стр. 261).

К стр. 202.

[1] *Лира* — денежная единица в Турции.

К стр. 207.

[1] *Ктитор* — церковный староста.

К стр. 208.

[1] *Шаракан* — см. примечание к стр. 110.

К стр. 212.

[1] Данный звонарем анализ социального расслоения армянского общества весьма реалистичен. Налбандян исключительно метко определяет стремления каждой социальной прослойки.

К стр. 218.

[1] *«Чраках» («Старина»)* — журнал, один из органов крепостников-клерикалов. Издавался в Москве в 1858—1862 гг. под редакцией монаха Мсера Мсеряна, а затем его сына Зайрмайра Мсеряна. Журнал преследовал все демократическое, особенно деятельность Налбандяна.

К стр. 223.

[1] *Он терпел поношение и от барина-армянина.* — Налбандян показывает, что армянские трудящиеся страдают не только от чужеземного ига, но и от своих национальных эксплуататоров.

К стр. 224.

[1] *«Отечество армянина»* — стихотворение Налбандяна, в котором он разоблачает так называемый патриотизм армянской буржуазии.

К стр. 226.

[1] *Бекзаде* — персонаж из «Дневника» Налбандяна. В нем обобщены типические черты купца — самодура и невежды, черты торговой буржуазии Армении. Налбандян подчеркивает преемственность образа промышленника-буржуа Овнатаняица от Бекзаде.

СТИХОТВОРЕНИЯ

В настоящем сборнике публикуются наиболее значительные по содержанию и художественной силе стихотворения Налбандяна. Стихотворения, кроме «Свобода» и «Дни детства», впервые переведены для настоящего издания.

ДУМА

Стихотворение написано в период 1851—1855 гг. Впервые опубликовано во 2-й книге «Альманаха литературы и истории», Москва 1889 г.

СВОБОДА

Стихотворение написано Налбандяном за границей, им заканчивалась одна из статей «Дневника», стихотворение следовало за словами: «Да здравствует свобода!» (см. настоящее издание, стр. 323). Опубликовано впервые в составе «Дневника» в № 9 журнала «Юсисапайл» за 1859 г. В 1860 г. Арутюн Свачян напечатал его отдельно в газете «Мегу» (№ 109); с тех пор оно выдержало многочисленные издания. В настоящем сборнике стихотворение «Свобода» печатается так же независимо от статьи «Дневника».

ДНИ ДЕТСТВА

Написано в 1859 г., впервые опубликовано в № 7 журнала «Юсисапайл» за 1860 г. за подписью «Граф Эммануэл» (псевдоним Налбандяна). В том же году напечатано было в № 107 газеты «Мегу» А. Свачяна.

АПОЛЛОНУ

Впервые опубликовано в газете А. Свачяна «Мегу» № 148, 1861 г. за подписью «Граф Эммануэл».

ПЕСНЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕВУШКИ

Впервые опубликована в журнале «Юсисапайл» № 11 за 1861 г.

Стихотворение выдержало многочисленные издания. Оно стало одним из самых любимых произведений армянского народа, который переложил его на музыку. Презренные выродки «дашнаки» объявили его своим гимном, однако это кощунственное поползновение не могло замутить ни одной капли чистого родника революционной армянской поэзии Налбандяна. Стихотворение выражает глубоко революционные, патриотические чувства народа.

ОБРАЩЕНИЕ

Стихотворение посвящено соратнику Налбандяна, редактору демократической константинопольской армянской газеты «Мегу» Арутюну Свачяну (псевдоним — Мечухеча). Впервые было опубликовано в журнале «Юсисапайл» № 3, 1864 г. за подписью Фарахот Цолакянц (псевдоним Налбандяна). Точная дата написания неизвестна.

ПИСЬМА ИЗДАТЕЛЮ «ЮСИСАПАЙЛА»

Письма Налбандяна издателю журнала «Юсисапайл» Ст. Назарянцу свидетельствуют о большом публицистическом таланте автора. Используя общедоступную литературную форму, Налбандян наносил меткие удары крепостникам, группировавшимся в Тифлисе вокруг реакционного органа «Мегу Айастани» («Пчела Армении») и его издателя попа С. Мандиняна. Обнаруживая перед народом реакционность, невежественность этой газеты, Налбандян вместе с тем дает понять, что она является рупором царизма, выполняет роль агента царской охранки.

В письме из Петропавловской крепости он прямо пишет, что «Пчела Армении» и «Голубь Масиса» всегда содержались за счет царизма и не могли бы просуществовать даже одного дня на доходы от газеты.

1

Письмо было опубликовано в № 4 журнала «Юсисапайл» за 1858 г. В нем Налбандян подвергает уничтожающей критике представителей армянской крепостнической идеологии.

Поводом для письма явилась статья С. Мандиняна «Несколько слов о работах досточтимого Назарянца Степаноса Тер-Исаевича» (№ 16, 1858 г.), где армянский мракобес нападает на Налбандяна за воззрения, якобы «не носящие оригинального характера». Нал-

бандян, хорошо понимая, что речь идет о его идейных связях с русскими демократами, открыто обвинил армянских клерикалов в том, что они проводят политику русского самодержавия и его наместничества. На русский язык переводится впервые.

К стр. 242.

[1] *«Юсисапайл»* («Северное сияние») — прогрессивный журнал, издавался в Москве (1858—1864 гг.) под редакцией Ст. Назарянца. До 1860 г. главным сотрудником журнала был М. Л. Налбандян.

[2] *«Мегу Айастани»* («Пчела Армении») — см. примечание к стр. 196.

К стр. 244.

[1] *Мнение... высказанное мною на 72 и 73 страницах «Юсисапайла».* — См. в статье Налбандяна «Критика», настоящее издание, стр. 130.

[2] *Он дерзает отрицать ученую привилегию.* — Армянские церковники оспаривали присвоенное Назарянцу звание профессора.

2

Это письмо опубликовано в № 11 журнала «Юсисапайл» за 1858 г., а также в № 11—12 еженедельника «Запад» в 1859 г. Переводится на русский язык впервые. Письмо является образцом боевой демократической публицистики. В нем Налбандян показывает, что при существующем режиме воля власть имущих и богачей выше всякого закона. Он изобличает подлые махинации бывшего городского головы города Новой Нахичевани Халибяна и патриарха армянской церкви Аштаракского. Письмо было обвинительным актом и против царской власти, которая попустительствовала этим махинациям и прикрывала грабителей общественного богатства города Новой Нахичевани.

Письмом занялись армянское патриаршество и III отделение царской канцелярии.

Против Налбандяна в газете «Пчела Армении» выступили сотрудник ряда реакционных органов С. Паласанян, Г. Айвазовский и Ст. Мандинян. По доносу Г. Айвазовского министру внутренних дел С. С. Ланскому последний 28 января 1859 г. обратился к министру просвещения с требованием принять меры в отношении журнала «Юсисапайл» и Налбандяна. Министр народного просвещения учинил дознание и установил строгий режим цензуры над «Юсисапайлом» и особенно над Налбандяном. Налбандяну грозил арест. Под предлогом необходимости лечения Налбандян уехал за границу, где старался подготовить почву для издания журнала в случае запрещения «Юсисапайла» в Москве.

К стр. 248.

[1] Судя по названию, Налбандян задумал нечто подобное «Былому и думам» Герцена. Этот замысел ему осуществить не удалось.

К стр. 253.

[1] *«Мегу».* — Здесь и всюду в письмах к издателю «Юсисапайла» имеется в виду «Мегу Айастани» (см. примечание к стр. 196).

3

Письмо характеризует отношение Налбандяна к реакционному перевороту Наполеона III и к политике последнего в Италии в период освободительного движения под руководством Дж. Гарибальди.

К стр. 256.

[1] *Политический заговорщик... — достоин нынешней французской нации.* — Налбандян клеймит трусливую французскую буржуазию.

К стр. 257.

[1] *Цатур Погосянц* — псевдоним Налбандяна.

ДНЕВНИК

«Дневник» впервые печатался в журнале «Юсисапайл» в течение 1858—1860 гг. В настоящем издании дается новый перевод избранных статей «Дневника». В «Дневнике» синтезированы различные формы публицистических произведений: небольшие заметки, очерки, рецензии, письма, политические обзоры, фельетоны, стихотворения. Налбандяну удалось охватить различные стороны жизни армянского общества, достигнуть высокой гибкости и пластичности в доведении самых глубоких идей до сознания широких масс.

В армянской действительности 50-х годов не было события, имеющего общественное значение, которое не подвергалось бы обстоятельному анализу в «Дневнике». Мемуарная литература того времени (Перча Прошяна, Казароса Агаяна и др.) свидетельствует, с каким *нетерпением* ожидали читатели появления в печати каждой новой части «Дневника».

Друг Налбандяна Микаэл Тер-Григорян справедливо замечает, что «такая популярность Налбандяна станет понятной, если мы обратим внимание на материалы его произведений, на их содержание и доступный язык». «Дневник» показывает не только идейный рост его автора, не только эволюцию его взглядов, он уясняет характер идеологической борьбы в армянском обществе накануне 60-х годов XIX века.

«Дневник» Налбандяна по содержанию был голосом народа. В активной непримиримой революционной борьбе против феодальной и либерально-примиренческой идеологии космополитизма и национализма Налбандян видел ключ к решению исторических задач, стоящих перед народом.

К стр. 261.

[1] *Газета «Мегу Айастани» («Пчела Армении»)* (см. примечание к стр. 196), как и ряд других органов — журналы «Чраках»

(«Старина») в Москве, «Масяц ахавни» («Голубь Масиса») в Феодосии, «Еревак» («Планета») и газеты «Аршалуйс Араратян», «Жаманак» в Турции, — являлись орудием феодально-клерикальных, крепостнических кругов Армении. Они преследовали даже сколько-нибудь прогрессивных деятелей; не щадили и либерального редактора журнала «Юсисапайл» Степаноса Назарянца. С первых же выступлений Налбандяна в «Юсисапайле» они стали изливать на него потоки грязи. «Приоритет» в этом гнусном деле принадлежал газете «Мегу Айастани», ее редактору Ст. Мандиняну и ряду других сотрудников.

Ст. Мандинян ставил в вину Налбандяну идейные связи его с русскими демократами, а сотрудник газеты «Мегу Айастани» Исаакян возводил на него клевету в измене нации. На страницах «Мегу Айастани» против демократических идей Налбандяна пробовали свое перо реакционные журналисты М. Черкезян, С. Паласанян, Скайорди (сын Мсера Мсеряна), А. Араратян и др.

К стр. 262.

[1] *Кондак* — церковное послание, в частности послание католикоса.

К стр. 263.

[1] *В 16 номере своей ученой газеты «Мегу» опозорил Назарянца и Налбандянца.* — См. в настоящем издании письмо 1-е к издателю «Юсисапайл» (стр. 242) и примечание к нему.

К стр. 264.

[1] *Магистерство некоторых лиц.* — Имеется в виду Мсер Мсерян, получивший звание магистра от армянского католикоса Н. Аштаракского.

[2] *Выдают пасквиль за критику... как говорит Налбандянц.* — См. в статье Налбандяна «Критика» (настоящее издание, стр. 131).

К стр. 267.

[1] *«Кавказ»* — еженедельная газета консервативного направления, издавалась в Тифлисе в 1845—1847 гг. на древнеармянском языке грабаре; в ней печатался Х. Абовян.

[2] *«Арарат»* — газета консервативного направления. Издавалась в Тифлисе в 1850—1851 гг. Габриэлом Патканяном. В 1851 г в «Арарате» появились первые стихотворения Налбандяна — «Мнения глупцов на науку» и «Опровержение мнений глупцов на науку».

К стр. 272.

[1] *Яма, названная адом, куда частенько попадают люди.* — Налбандян явно намекает на колониальный режим Турции и царизма в Армении, не способствовавший развитию культуры. Налбандян счи-

тал, что, пока сама Россия закрепощена, нечего ждать свободы для Армении.

[2] *По милости училища «Нерсесян» далеко не уйдете.* — Училище было основано в Тифлисе Нерсесом Аштаракским в 1824 г.

К стр. 273.

[1] *Бьюр* — по-армянски десять тысяч.

К стр. 274.

[1] *«Историей католикосов».* — Здесь допущена неточность: у М. Хоренаци такого произведения не было, и о нем Л. Парпеци не упоминает.

К стр. 280.

[1] *400 учеников.* — Повидимому, речь идет о нерсесянской школе в Тифлисе, о которой Налбандян всегда высказывался резко отрицательно.

К стр. 291.

[1] *Армения — понятие абстрактное.* — Налбандян часто в этот период называет Армению абстракцией, он подчеркивает этим насущную необходимость борьбы за подлинную самостоятельность и суверенитет армянского народа. В отличие от буржуазных националистов путь к самостоятельности Армении он видел в революционном союзе армянского и русского народов, в демократической революции.

К стр. 293.

[1] *Богословам, прежде изучения теории.* — См. «История Армении» М. Хоренского, 1858 г., кн. 3, гл. 68, стр. 231.

К стр. 295.

[1] *Месмеризм* — разновидность гипнотизма, название по имени врача А. Месмера (1733—1815 гг.).

К стр. 296.

[1] *Прочитать в Дневнике.* — См. о школе для народа в настоящем издании, стр. 280.

К стр. 298.

[1] *Я лично был свидетелем.* — Сообщение Налбандяна, что он два года назад был очевидцем, как местное армянское население в Турции реагировало на описываемое им событие, проливает свет на

важный факт из биографии Налбандяна. Очевидно, Налбандян был в Турции не только в свою поездку в Индию в 1860—1861 гг., а гораздо раньше. В некоторых турецко-армянских газетах и журналах после смерти Налбандяна появились сообщения о том, что Налбандян бывал в Турции еще в 1857—1858 гг. (см. газету «Заря Арарата» № 797, 1867 г.).

В нашей литературе долго не обращали на это никакого внимания.

Лишь в 1954 г. в № 6 журнала «Известия Академии Наук Армянской ССР» (Серия общественных наук) опубликована статья «Неизвестная страница из биографии М. Налбандяна», где приводятся свидетельства многих современников М. Налбандяна (Р. Патканян, А. Казизян, М. Мипасарян и др.) о поездке его в 1857 г. в Турцию и Европу (Австрию и Италию).

Поездка эта могла состояться в связи с замыслом Налбандяна и Назарянца издавать патриотический, антикрепостнический литературный орган. Из писем Налбандяна видно, что эта идея возникла задолго до 1858 г. В 1856 г. он писал: «Прошло много времени, как я и господин Назарянц задумали издавать армянскую газету на доступном простому народу языке — ашхарабаре. В течение продолжительного времени делу этому не суждено было осуществиться, ибо многие обстоятельства мешали сему патриотическому начинанию. Теперь, видя, что эти мешающие делу обстоятельства изменяются, особенно имея в виду, что даже финны получили право издавать в России свою газету, с новой силой заговорило в нас давнишнее желание, и мы вновь начали возбуждать дело, чтобы получить от правительства разрешение на издание ежемесячника для армян России» (см. Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 38). Из этого же письма видно, что Налбандян предпринимал шаги, чтобы это их обращение к царскому правительству поддерживалось с мест (см. там же, стр. 39). В целях ознакомления на месте с обстоятельствами и запросами армянского общества и для установления связей с прогрессивными кругами армянской интеллигенции он мог еще в то время, не без содействия Ст. Назарянца, предпринять поездку в турецкую Армению. Кроме того, за границей легче можно было приобрести шрифты и другие типографские принадлежности для издания журнала «Юсисапайл».

К стр. 300.

1 *Год прошел.* — Последующие страницы «Дневника» были написаны в 1859 г.

К стр. 303.

1 *Бекзаде* — персонаж из «Дневника» Налбандяна. Первый очерк о Бекзаде в настоящем издании не дается.

2 *Мой дядя.* — Подразумевается издатель «Юсисапайла» Ст. Назарянц. Очевидно, Налбандян, будучи сотрудником журнала армянского либерала, постоянно подвергался его цензуре.

К стр. 307.

1 *«Аристакес»* — трагедия Саркиса Ванандеци.

К стр. 309.

[1] *Из всякой искры может возгореться пламя.* — Перефразировка знаменитых слов в ответе декабристов на послание А. С. Пушкина.

К стр. 310.

[1] *«Аревмутк» («Запад»).* — См. примечание к стр. 141.

[2] *Север... Холодная и суровая страна.* — Налбандян, по его же словам, постоянно вынужден был прибегать к намекам, к «проклятой» эзоповщине, особенно с 1859 г. Примером может служить эта статья «Дневника», направленная против русского самодержавия, призывающая народ к борьбе за освобождение.

В 1859 г. в условиях складывающейся революционной ситуации и под ее влиянием Налбандян приходит к выводу, что только единство армянского национально-освободительного движения и русской антикрепостнической освободительной революции может принести Армении свободу и самостоятельность.

Некоторые высказывания Налбандяна дают возможность предполагать, что он, будучи в 1859 г. за границей, налаживал связь с лондонской группой Герцена и намеревался наподобие герценовского «Колокола» основать в Лондоне или в каком-либо другом европейском городе вольную армянскую прессу. В письме от 5 мая 1859 г. он писал: «Нахожусь в Париже и завтра выезжаю в Лондон... Я надеюсь, что все любящие истину и благородные, честные соотечественники и друзья помогут мне, окажут содействие, чтобы, если «Юсисапайл» закроется в Москве, возобновить его в другом месте... Я надеюсь и надежда моя велика» (см. Полное собрание сочинений, т. IV, 1949, стр. 62).

Возможно, что эту попытку Налбандян сделал не без рекомендации своих русских друзей из революционно-демократических кругов.

Герцен был сторонником национальной свободы народов, врагом национального гнета. По свидетельству поэта Р. Патканяна, Налбандян с самого начала своей деятельности был глубоко проникнут демократическими идеями Искандера (Герцена), и нет ничего случайного в том, что он, будучи в Европе, пожелал непосредственно познакомиться с этим замечательным деятелем русского освободительного движения и изложить ему свои чаяния и мысли. Налбандян пробыл в Лондоне между 28 апреля и 22 мая 1859 г., т. е. свыше трех недель. Однако в этот период Налбандяну не удается установить связи с лондонской группой. Чем это можно объяснить? Повидимому, только тем, что Герцен и Огарев тогда не знали еще характера деятельности армянского демократа и поэтому, естественно, не могли ему доверять. Посещение Лондона в 1859 г. Налбандяном имело свое значение. Возможно, что Герцен и Огарев, в дальнейшем ближе ознакомившись с деятельностью Налбандяна и убедившись в его преданности демократическому движению, в 1861 г. приняли его как близкого друга и соратника.

К стр. 311.

[1] *Нет, и климаты меняются... перемены уже начались... не так страшны атаки разрушительных бурь.* — Этот отрывок «Дневника»

не оставляет сомнения в том, что освобождение армянского народа из-под колониального ига и демократические преобразования Налбандян тесно связывал с русским освободительным движением 50-х годов XIX века.

В это время начали устанавливаться тесные связи между лондонской организацией и демократами, действующими в самой России. В 1859 г. у Герцена были в марте Н. Н. Обручев, Н. В. Шелгунов, И. М. Михайлов, в июне — Н. Г. Чернышевский, в 1860—1861 гг. — А. А. Слепцов, братья А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи и польские революционеры Подлевский, Я. Домбровский и др.

К стр. 312.

[1] *Переписываю его слово в слово.* — «Письмо», посвященное вопросу о Шамиле, опущено. Отношение Налбандяна к движению Шамиля, животрепещущему факту того времени, представляет большой интерес. Налбандян подвергает жестокой критике стремления оторвать Армению от России.

Будучи сторонником национальной самостоятельности народов, Налбандян был противником сепаратизма. Он отвергает домогательства Шамиля оторвать Кавказ и Закавказье от России. Налбандян рассматривает деспотию Шамиля как разбойничий строй, исключающий возможность созидательной деятельности, возможность развития.

По Налбандяну, Шамиль не только враг России, но и враг всех ее народов, ибо он «несет народам разбойничьи набеги, разорение, опустошение. Он нарушил мир и покой соседних народов», «установил режим... где все хаотично, беспорядочно и незаконно», где власти выполняют «роль разбойника, который, засев у дороги, хватает путника и поступает с ним так, как велит его нечестивая совесть...».

Шамиль, с точки зрения Налбандяна, — типичный восточный феодал, деспот, которому абсолютно чужды интересы народа, который ради власти топит страну в крови.

Таким образом, Налбандян показывает антинародный характер шамилевского движения, его реакционные цели. С победой Шамиля, по мнению Налбандяна, народы Кавказа и Закавказья вновь ввергнутся в условия разнузданного господства феодальной анархии и окажутся отброшенными назад на целую эпоху.

К стр. 316.

[1] *Статуя нашего Тиграна Аршакида.* — В Лувре находилась статуя армянского царя Трдата, а не Тиграна Аршакида, как пишет Налбандян.

[2] *Великим политическим разбойником.* — Налбандян имеет в виду Наполеона III.

К стр. 318.

[1] *Армянский Кокисон* — древний армянский город, расположенный в горах Тавра, к северу от Киликии.

К стр. 319.

[1] *Перевод жалобы Ламартина, его протеста.* — Перевел ли Налбандян Ламартина — неизвестно.

К стр. 320.

[1] *«Аревмутк».*— См. примечание к стр. 141.

К стр. 321.

[1] *По проискам некоего армянского иезуита.* — Налбандян имеет в виду Г. Айвазовского, по доносам которого была закрыта газета «Ареволк» («Восток»).

К стр. 322.

[1] *В отдельной статье.* — Статья эта написана не была.

К стр. 323.

[1] *Да здравствует свобода!* — В первом издании, в «Юсисапайле», за этим восклицанием следовало стихотворение «Свобода» (см. настоящее издание, стр. 232—233).

К стр. 332.

[1] Отсюда начинается раздел «Дневника», написанный в 1860 г.

К стр. 334.

[1] *Лишь изредка по-армянски.* — Налбандян имеет в виду училище Нерсесян (см. примечание второе к стр. 272).

К стр. 335.

[1] *Пали жертвой персидского чудовища.* — В битве при Аварайре в 451 г. армянские войска под водительством выдающегося полководца Вардана Мамиконяна нанесли значительный урон персидским захватчикам. По словам историка Егише, полководец Мамиконян перед боем обратился к войску со следующей речью: «Если победа будет за нами, мы уничтожим вражескую мощь, чтобы восторжествовала справедливость. Если же настало время завершить нашу жизнь в этом бою смертью праведных, примем ее с открытым сердцем. Пусть к отваге и мужеству не примешивается трусость... Страх — признак малодушия, а малодушие мы давно отвергли. Да исторгнется же страх из мыслей и стремлений наших!». Армянские войска сражались за свою родину мужественно, ибо они знали, пишет Егише, что «осознанная смерть равна бессмертию».

К стр. 339.

[1] *Где бедность народа препятствует осуществлению этой идеи...* — Здесь, повидимому, цензурный пропуск.

К стр. 340.

[1] *Месроп Тиратурян* — псевдоним Налбандяна.

К стр. 342.

[1] *Книгохранилищ Эчмиадзинского, Ахтамарского и Сисского.* — Эчмиадзинское книгохранилище, ныне армянское государственное хранилище рукописей (матенадаран) в городе Ереване. Ахтамарское—в монастыре Ахтамар на территории Турции, Сисское—на территории современной Сирии в городе Сис. Ни Ахтамарского, ни Сисского книгохранилищ ныне не существует.

[2] *«Ачахапатум» («Речи славные»).* — Сборник речей, приписывался Григорию Просветителю, однако академик Манук Абегян доказал, что «Ачахапатум» принадлежит Месропу Маштоцу (см. русский перевод «Истории древнеармянской литературы», т. I, стр. 113—114, Ереван 1948).

К стр. 343.

[1] *За 470 лет до Просветителя, армянское государство было восстановлено.*— Имеется в виду установление независимости армянского государства при династии Аршакидов.

К стр. 346.

[1] *«Мегу»* — здесь и всюду в «Дневнике» речь идет о «Мегу Айастани» (см. примечание к стр. 196).

[2] *Почему... Дневник или «Юсисапайл» уделяет внимание не столько подлинно национальным задачам, сколько...* — Упрек этот, будучи необоснован в отношении «Дневника» и вообще литературной деятельности Налбандяна, справедлив до некоторой степени в отношении Назарянца, который действительно стремился обойти насущные социально-политические вопросы жизни армянского народа, ограничиваясь общими рассуждениями о прогрессе.

К стр. 354.

[1] *Губят северные заморозки до восхода солнца.* — Налбандян говорит о свирепости царской цензуры.

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ «МЕГУ»

Открытое письмо Налбандяна редактору демократической константинопольской газеты «Мегу» (см. примечание к стр. 362) Арутюну Свачяну было опубликовано 20 декабря 1860 г. в № 119. Переводится на русский язык впервые.

Появлению этого письма предшествовала статья Налбандяна (под псевдонимом С. Шахбек) «Блестящее позорище», напечатанная 10 декабря 1860 г. в «Мегу», в которой он разоблачал реакционера Чамурчяна Этой статьей Налбандяна открылась острая борьба между представителями демократической армянской культуры, группировавшимися вокруг «Мегу», и реакционерами, объединившимися вокруг журналов «Еревак» и «Жаманак». Борьба разго-

рается вследствие разоблачения в № 118 «Мегу» дела ванского епископа Погоса, после чего Налбандян по просьбе Свачяна пишет письмо, с которым и познакомится теперь русский читатель. Однако содержание письма выходит за пределы обсуждаемого частного вопроса. В нем автор делает ряд ценных обобщений, имеющих важное значение для понимания его мировоззрения. Статья овеяна революционым пафосом; автор выдвигает тезис, что высшее право есть воля народа.

В деле защиты прав народа Налбандян отвергает половинчатые меры армянских либералов.

К стр. 355.

[1] *«Мегу» ... отвергла старые традиции.*— Налбандян имеет в виду статью «Отец Погос из Вана», напечатанную в № 118 газеты «Мегу» за 1860 г., в которой разоблачались преступления монаха Погоса.

ДВЕ СТРОКИ

Знаменитый памфлет Налбандяна, одно из лучших произведений армянской революционно-демократической литературы. Впервые отдельным изданием вышел в Париже в 1861 г. В настоящем сборнике печатается в новом переводе. В работе дана формулировка необходимости революционного, насильственного пути завоевания свободы угнетенными массами. Налбандян не только идейно, но и организационно подготавливал революционное движение. Во время пребывания в турецкой Армении в 1860 и в 1861 гг. Налбандян создал среди армянских демократов в Константинополе тайную революционную организацию «Партию молодых» (об этом неоднократно доносил злейший враг демократии Чамурчян, что отнюдь не было измышлением крепостника-мракобеса). Письмо члена созданной Налбандяном организации Серобе Тагворяна, публикуемое нами в приложении к настоящему изданию, свидетельствует, что именно под руководством Налбандяна создана эта революционная организация, которая рассматривалась Налбандяном и его соратниками как филиал общерусской революционной организации, о чем также свидетельствует упомянутое письмо С. Тагворяна. Налбандян проводил принцип руководящей, главенствующей роли русского демократического движения в развертывающейся демократической революции.

Памфлет направлен против Чамурчяна, в нем проводится связь между деятельностью Чамурчяна и Айвазовского, возглавляющих общий фронт крепостников русской и турецкой Армении.

Налбандян подвергает жестокой критике деятельность так называемого «национального собрания» в Турции, руководителями которого были армянские либералы, Серобе Вичинтян (Сервичен) и др

Противоположность либеральных и демократических тенденций в армянской общественной мысли особенно ярко выражается именно в «Двух строках». «Две строки» сразу же становятся программным произведением армянских демократов; его цитируют, им руководствуются. Оно оставляет неизгладимый след в армянской обществен-

ной мысли, на нем воспитываются поколения демократических деятелей Армении.

К стр. 361.

[1] *«Еревак»* («Планета») — журнал (1857—1866 гг.), орган турецко-армянских крепостников, существовал на субсидии английского, а затем русского посольств. Выходил в Константинополе под редакцией мистика и реакционера, агента турецкого султанизма и русского царизма, Чамурчяна.

К стр. 362.

[1] *«Мегу»* — еженедельная газета (в некоторых армянских источниках она называется журналом), издавалась в Константинополе в 1857—1865 гг. под редакцией демократа, соратника Налбандяна, Арутюна Свачяна. После закрытия в 1865 г. была возобновлена в 1872 г. и выходила под редакцией продолжателя традиций Налбандяна и Свачяна, гениального армянского сатирика Акопа Пароняна.

[2] *Авантюрист-церковник* — один из соратников реакционной группы Айвазовского — Чамурчяна — Галфаян Хорен.

К стр. 364.

[1] *В нашем оклеветанном Чамурчяном письме.* — Речь идет о статье Налбандяна «Блестящее позорище».

К стр. 365.

[1] *Невежественных доминиканцев.* — Монашеский орден доминиканцев, основан в 1215 г., был одним из центров средневековой схоластики, так называемой аристотелевской школы.

К стр. 366.

[1] *Куруш* — мелкая денежная единица в Турции.

К стр. 367.

[1] *Конституцию.* — В результате борьбы армянских демократических масс в Турции султанское правительство вынуждено было в 1847 г. разрешить организовать при армянском патриаршестве церковный и политический комитеты, которые в известной мере ограничивали бы деятельность патриарха и крепостников-амиранов, являвшихся неограниченными вершителями армянских дел в Турции. Но, как и следовало ожидать, в этих комитетах господствовали реакционеры.

В 1853 г. Высокая Порта предложила этим комитетам разработать на основе так называемого «танзимата» мероприятия о реформе в армянском обществе. Мероприятия эти были выработаны и получили название «Конституции», с борьбой за которую и связано движение 60-х годов XIX века в Турции (см. опубликованную в настоящем издании статью Налбандяна «Национальное бедствие» (стр. 581) и комментарии к ней).

К стр. 369.

[1] *Хартавилак* — поручитель при обряде посвящения в духовный сан.

К стр. 370.

[1] *Скутари* — пригород Константинополя.

[2] *Устами Гамлета называет землю тюрьмой.* — См. «Гамлет, принц Датский» Шекспира, акт II, сцена 2.

[3] *Запляшет Иродиада.* — См. примечание к стр. 146.

К стр. 372.

[1] *Иерусалимская братия.* — Монахи армянского монастыря «Святого Акопа» в Иерусалиме, основанного в XIV в. В XIX в. этот монастырь являлся одним из центров реакции. В 60-х годах братия боролась против так называемого «конституционного движения» среди армян и преследовала всякое прогрессивное явление в армянской действительности.

[2] *«Мюнати Эрчиас»* — демократическая армянская газета, выходила под редакцией члена «Партии молодых» К. Фаносяна в Константинополе в 1859—1864 гг. на турецком языке, набиралась армянским шрифтом. Была закрыта по распоряжению так называемого армянского «национального собрания».

К стр. 373.

[1] *«Париж»* — еженедельная газета, издавалась в Париже в 1860—1863 гг. под редакцией либерального деятеля Абрама Мурадяна. До 1861 г. газета «Париж» поддерживала направление «Мегу» Свачяна, иногда защищала Налбандяна, но вследствие обострения классовой борьбы в дальнейшем целиком отошла на либеральные позиции.

[2] *Руками англичан.* — Имеется в виду лондонская группа Герцена. Налбандян еще в 1859 г. намеревался основать в Лондоне вольную армянскую прессу наподобие герценовского «Колокола».

[3] В письме армянскому католикосу Налбандян, искусно используя положения догмата, подвергает уничтожающей критике Габриэла Айвазовского. Письмо сыграло немаловажную роль в снятии Айвазовского с должности епархиального начальника Бессарабии и Новой Нахичевани.

[4] *Симония* — от Симона Волхва. Продажа церковных должностей в средние века.

К стр. 374.

[1] *После разрушения... Ани армяне... эмигрировали в Польшу.* — Ани, столица древней Армении, была разрушена в 1064 г. турками-сельджуками. Преследуемые захватчиками, армяне массами переселялись в Крым и Польшу. По данным армянских историков, в Польшу эмигрировало около ста тысяч армян. Развалины Ани имеют большую историческую ценность; они не раз являлись предметом археологических исследований.

К стр. 376.

[1] *«Мегу» № 127.* — Налбандян отсылает к своему письму, адресованному А. Свачяну.

К стр. 377.

[1] *Парки* — в древнеримской мифологии три богини человеческой судьбы, одна из них обрезáла нити человеческой жизни; эту роль, считает Налбандян, выполняет духовенство.

К стр. 378.

[1] *Луна погрузится в бездну за горизонтом.* — Налбандян призывает использовать создавшуюся революционную ситуацию в России, чтобы, слившись с революционным русским народом, поддержать общее революционное движение. Все последующие страницы представляют блестящие образцы революционно-демократического патриотизма.

К стр. 379.

[1] *Последовали запросы.* — Архивные данные полностью подтверждают сообщения Налбандяна. Царское правительство систематически преследовало Налбандяна сначала по доносу Аштаракского, а затем Айвазовского и других крепостников.

[2] *Его писания не рассматриваются в цензурном комитете.* — «Масяц ахавни» был вне цензуры, ибо его редактор сам был одним из царских цензоров.

[3] *«История училища Мурадян».* — Книга С. Теодаряна, в которой он опубликовал клеветнические письма Г. Айвазовского. Будучи членом армянской католической конгрегации мхитаристов, Айвазовский в 1848 г., находясь в должности помощника начальника парижского армянского училища мхитаристов «Мурадян» и желая стать начальником, оклеветал Саркиса Теодоряна, начальника этого училища.

[4] *«Учение христианской веры»* — книга Айвазовского, которую вследствие уничтожающей критики Налбандяна царизм вынужден был запретить. Налбандян, умело используя внутригрупповые распри армянских церковников, наносил им чувствительные удары.

К стр. 382.

[1] *Духовная гимнастика* (Exercitia Spiritualia) — книга Лойолы, основателя ордена иезуитов. Налбандян указывает на иезуитскую мораль Айвазовского.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ АРМЯНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР

Эта статья напечатана впервые в Константинополе в демократическом органе «Мегу» (см. примечание к стр. 362) 20 декабря 1861 г. в № 147 и получила большой отклик в прогрессивных кругах армянского общества.

Налбандян пропагандирует передовой взгляд на театральное искусство как на оружие в борьбе против реакционных сил общества, как на своеобразную школу, «в которой обучаются люди всех возрастов». В основе сценического действия, по Налбандяну, должно лежать столкновение начал, заключающих в себе глубокие жизненные противоречия.

Статья в настоящем сборнике дается в новом переводе.

К стр. 388.

1 *Пера* — квартал в Константинополе.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ КАК ВЕРНЫЙ ПУТЬ

«Земледелие как верный путь» — главное произведение Налбандяна, было написано и впервые издано под наблюдением автора в Париже в 1862 г. под псевдонимом Симеон Маникян. В настоящем сборнике печатается в новом переводе.

В «Земледелии» наиболее полно и всесторонне отразились революционно-демократические взгляды Налбандяна, его материализм в понимании природы, его глубокое понимание общественных явлений.

«Земледелие как верный путь» сразу же стало любимейшим и самым влиятельным произведением в армянской демократической литературе, на нем воспитывались армянские прогрессивные деятели, демократы, революционеры.

В судебном процессе Налбандяну не могли предъявить обвинение в авторстве, но ему инкриминировали распространение «Земледелия», так как пачка книг при контрабандной пересылке из-за границы («Земледелие» выдавали за поваренную книгу) была адресована Налбандяну. Книга попала в руки царских жандармов при аресте Ветошникова — эмиссара лондонской группы. Следственная комиссия, занявшись изучением книги, с ужасом писала о ее антицаристском, антикрепостническом направлении. «Земледелие» было запрещено в России и Турции, но лучшие люди Армении неоднократно размножали его на гектографе и распространяли среди революционной молодежи. Книга много раз переписывалась от руки.

В России «Земледелие» было впервые напечатано в 1906 г. в Ростове-на-Дону в двухтомном издании сочинений Налбандяна; из цензурных соображений наиболее революционный текст был опущен. В 1910 г. оно было напечатано в Бостоне, но сильно искажено.

В Советской Армении «Земледелие как верный путь» сначала было издано в 1929 г. отдельной книгой, а затем в Полном собрании сочинений Налбандяна (т. III, 1940), подготовленном Институтом литературы АН Армянской ССР имени М. Абегяна. Однако и в этих изданиях имеются отступления от первого, парижского издания.

«Земледелие» неопровержимо доказывает идейное единство Налбандяна с русскими революционерами-демократами. Оно перекликается с «Антропологическим принципом в философии» Чернышевского и с работой Огарева «Что нужно народу?».

М. Лемке в свое время опубликовал сообщение А. А. Слепцова о том, что Налбандян принимал непосредственное участие в созда-

нии программного документа («Что нужно народу?») общества «Земля и Воля» и был одним из организаторов этого общества. Герцен и Огарев считали Налбандяна преданным делу демократии, последовательным революционером, отсюда их горячий отзыв о Налбандяне в письме к Н. Серно-Соловьевичу, основателю, наравне с Огаревым, общества «Земля и Воля» и его главному представителю в самой России (см. настоящее издание, стр. 675).

«Земледелие как верный путь» непосредственно зародилось у истоков общества «Земля и Воля» и явилось теоретическим обоснованием его программы в общедемократическом и национально-освободительном движении.

Из писем М. Бакунина видно, что Огарев придавал книге Налбандяна «Земледелие как верный путь», пропагандирующей антикрепостническое движение среди армян в России, большое значение и лично, наряду с М. Бакуниным и польскими демократами С. Тхоржевским и Чернецким, руководил пересылкой ее в Россию. В письме к Налбандяну М. Бакунин сообщал: «Брошюры ваши (речь идет о «Земледелии как верный путь». — *А. Х.)* я получил только на днях и дня через четыре отошлю к вам две. Костеров (Огарев.— *А. Х.)* также взялся переслать вам несколько экземпляров» *(М. Лемке,* Очерки освободительного движения 60-х годов, стр. 130). Итак, революционные демократы стремились как можно скорее довести «Земледелие как верный путь» до читателя.

Несомненно, Огарев хорошо знал содержание этой работы Налбандяна, между русскими и армянскими революционерами была полнейшая взаимная информированность. Вполне вероятно, что Налбандян обсуждал с Огаревым и другими своими лондонскими друзьями план создания «Земледелия как верный путь».

Русские революционные демократы придавали важное значение в антикрепостнической борьбе движению нерусских народов России, в том числе народов Закавказья, за право свободы которых они боролись так же преданно, как и за свободу своего народа.

В задачу Налбандяна как члена организуемого общества входило налаживание пропаганды на юге России и создание революционных организаций в Тифлисе, Константинополе и других городах.

К стр. 389.

[1] *Симеон Маникян* — псевдоним Налбандяна.

К стр. 392.

[1] В эпиграфе Налбандян цитирует из предисловия Л. Фейербаха ко второму изданию его знаменитой работы «Сущность христианства» (1843 г.). «Сущность христианства» на русском языке была издана в Лондоне в 1861 г.

К стр. 397.

[1] *Народ, дай солдат...* — Налбандян почти дословно излагает программный документ общества «Земля и Воля» «Что нужно народу?» (см. *Огарев,* Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 527—528).

Статья заканчивалась словами: «Шуметь без толку и лезть под пулю вразбивку нечего; а надо молча сбираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казной, и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять против царя и вельмож мирскую волю народную да правду человеческую» (см. там же, стр. 536).

В «Земледелии» Налбандян проводит ту же мысль. «Завоевание власти над страной» (т. е. национальное освобождение) для Налбандяна неотделимо от «завоевания власти над землей» (т. е. от антифеодальной демократической революции). Не разрозненные выступления трудящихся, подобные тем, которые имели место в 1861 г. в России, а организованные восстания уничтожат старые «традиционные» власти и создадут новую, демократическую власть трудящихся.

К стр. 404.

[1] *Земля — моя собственность.* — Диалог на предыдущих и последующих страницах посвящен критике буржуазно-демократических революций 1848 г. в Западной Европе. Налбандян показывает, что буржуазии чужды интересы народа и что в борьбе за свое освобождение трудящиеся могут опираться лишь на свои собственные силы.

К стр. 407.

[1] *Мы погибаем.* — Выражение из книги Джона Стюарта Милля «О свободе». Н. Чернышевский рассматривал книгу «О свободе» как выражение пессимизма буржуазии, которая не видит жизненной перспективы. Идентично этому рассматривает книгу либерала Милля и Налбандян. Он видит, что буржуазия превращается в реакционную силу не только в политике, но и в науке. Она попирает провозглашенные ею ранее свободы, отказывается от материализма в науке, становится на защиту средневековых предрассудков, не останавливается ни перед какими грязными мерами для преследования прогрессивных деятелей общественного движения и науки.

К стр. 408.

[1] *To be or not to be* — «быть или не быть» — размышления Гамлета, героя трагедии Шекспира «Гамлет, принц Датский», акт III, сцена 1.

[2] *Восточная война.* — Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг., обнажившей глубокий кризис крепостничества. Царское правительство, ослабленное военным поражением и испуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным приступить к проведению различных реформ.

К стр. 410.

[1] *Прогрессивная партия выражает... интересы... крепостного крестьянства.* — В обстановке революционной ситуации 60-х годов XIX века отказ дворянских либералов в различных губерниях принять царское положение об «освобождении» крестьян объективно содействовал обострению революционной обстановки и свидетельствовал о расстройстве рядов крепостников, о назревании возможностей революции. Однако революционер Налбандян дает ясно понять, что в русском народе есть силы, которые должны и могут опрокинуть крепостничество и самодержавие. Это прежде всего крепостное крестьянство. Подчеркивая сложность антикрепостнического движения, Налбандян дает понять, что у русского народа есть более последовательные защитники, чем дворянские прогрессисты,— есть лучшие его представители, о которых он, по совершенно понятным соображениям, не может писать открыто.

Больше того, Налбандян противопоставляет фрондистской позиции дворянских прогрессистов позицию последовательных революционных демократов, выраженную особенно ярко в письме «русского человека» — Чернышевского, которое было опубликовано в мартовском номере «Колокола» Герцена за 1860 г. Налбандян писал, что крепостной сам разрешит крестьянский вопрос, «разрубив этот гордиев узел топором»; он грозно предупреждает, что «это время очень близко, ближе, чем думают многие...».

На протяжении всего произведения он последовательно отвергает путь реформ, доказывает, что имущие классы добровольно не пойдут на уступки, убеждает, что единственное средство — применение топора, т. е. революция.

[2] *Приводим подлинную копию этого прошения.* — Налбандян в построчном примечании приводит адрес тверских дворян, который был напечатан 22 марта 1862 г. в «Колоколе» (№ 126) Герцена. Повидимому, Налбандян пользовался именно этим источником. Комментарий к адресу принадлежит Налбандяну, ссылка же Налбандяна на третье лицо является литературным приемом, применявшимся им и в других произведениях, например в «Дневнике».

К стр. 418.

[1] Согласно греческому мифу, 50 дочерей царя Даная по подстрекательству отца убили своих мужей, за что в Аиде должны были наполнять водой бездонную бочку.

[2] *События, имевшие место в Константинополе в конце 1861 г.* — Имеется в виду открытая борьба армянских народных масс в Константинополе за так называемую «конституцию» (см. настоящее издание, статью «Национальное бедствие», стр. 581).

К стр. 419.

[1] *Общество обязано принять все доступные ему меры, как обычные, так и чрезвычайные.* — Налбандян доказывает закономерность и необходимость революции.

К стр. 434.

[1] *Где нет движения... там... смерть... Географические условия не при чем.* — Налбандян отвергает географическое направление в социологии — не географическими условиями следует объяснять своеобразие развития Азии и Европы. Налбандян понимает также несостоятельность взгляда, сводящего причину отсталости народов Азии к особенностям их характера, хотя может показаться, что это и его взгляд. Однако Налбандян заявляет, что «деятельность, предприимчивость, конечно, есть *результат движения...*». (Курсив мой. — *А. Х.*)

Понятие движения уточняется и конкретизируется им в следующем абзаце, из которого видно, что содержанием движения является смена исторических фаз, глубокие изменения экономического и государственного строя. Следовательно, здесь у него речь идет о таком социальном движении, которое, сметая одну фазу исторического развития, утверждает другую. Следовательно, по Налбандяну, причина отсталости Азии в том, что она в отличие от Европы не преодолела ту историческую фазу, которая сковывает развитие общества, — не уничтожила феодально-крепостнические отношения.

Налбандян высказывает мысль, что различные формы организации жизни общества по-различному влияют на развитие общества, примером чего являются феодально-крепостническая Азия и капиталистическая Европа, создавшая громадную индустрию, развившая громадные средства связи и ставшая ныне тесной обувью для народа, тормозом его развития.

Налбандян сравнивает Азию с Римской империей накануне вторжения варваров. В этом сравнении есть замечательная мысль: феодальная Азия, переживая глубокий кризис, стоит накануне революционных потрясений, Европа также находится накануне разрешения вопроса о «человеке и хлебе», т. е. накануне революции. Обе революции восторжествуют во взаимодействии. Налбандян с надеждой смотрит на революционную Европу, на европейских трудящихся. В этой связи известная его формула о миновании «средних моментов» в развитии общества на путях к выдвинутому русскими демократами социализму, сторонником которого был Налбандян, получает конкретный смысл.

Однако Налбандян не понял, что в Европе это будет пролетарская революция, что пролетариат и есть истинный носитель социализма. Напротив, он доказывал, что носителем социализма является крестьянство.

В объяснении развития общества на том или ином фазисе он исходит из данных форм собственности, но объяснить последние не может, в происхождении частной собственности важнейшее место он отводит насилию, — это, конечно,идеализм.

Однако гениальные материалистические догадки позволили Налбандяну понять роль революции в развитии общества.

Защищаемый Герценом, Чернышевским, Налбандяном «общинный социализм» есть специфически утопический социализм — крестьянский социализм. Здесь наиболее ярко проявляется исторический идеализм Налбандяна, его неумение выйти за пределы догадок о взаимодействии производительных сил и производственных отношений, им лишь нащупываемых.

К стр. 435.

[1] *«Границы героев — их меч».*— Выражение армянского историка V века Хоренаци («История Армении», Моисея Хоренского, I, 8, в переводе Н. Эмина, Москва 1858, стр. 41).

К стр. 437.

[1] *Поэт-царь* — библейский царь Давид.

К стр. 440.

[1] *Ревностный жрец австрийской тирании* — канцлер Меттерних.

К стр. 441.

[1] В скобках выражение М. Налбандяна.

К стр. 444.

[1] *Малороссию... самодержавие сковывает цепями.* — Не следует понимать Налбандяна так, будто он выступает против единения Украины и России и отрицает родственные связи этих народов. В своих лингвистических работах он подчеркивает родственность славянских языков, славянских народов, их культуры.

Налбандян отвергает царистские методы приобщения народов к России.

В вопросе о судьбе Украины Налбандян был согласен с программой Герцена и Огарева, выдвинувших точку зрения федерации равноправных, свободных, суверенных славянских народов. Для революционных демократов самостоятельность, равенство, суверенность народов не исключают их объединения, а предполагают его.

Налбандян протестует также против политики самодержавия в отношении пророков свободы Украины, имея в виду, несомненно, Шевченко и его последователей.

[2] *Обманом захватило Грузию и часть Армении и душит их.* — Как и в отношении Украины, Налбандян выступает не против единения Армении и Грузии с Россией. Он разоблачает царизм, создавший тюрьму народов, который следует уничтожить, чтобы построить светлое здание будущего, чтобы русский и нерусские народы жили в дружбе и пользовались свободой.

К стр. 453.

[1] *Многим это слово* (материализм) *режет слух... да к тому же правду не скроешь.*— Даже в прогрессивном заграничном армянском издательстве, в котором издавалось «Земледелие...», нельзя было открыто защищать материализм; но правду, которая есть в материализме, скрыть нельзя, ее-то последовательно и отстаивал армянский революционный демократ.

[2] *Человек морален, когда...* — К проблеме нравственности Налбандян в своих произведениях возвращается неоднократно, в частности этому вопросу посвящено много гневных, разоблачающих буржуазную мораль страниц в работе «Критика «Сос и Вардитер»» и в конспекте «Гегель и его время».

Налбандян высказывает свое отношение к различным догматическим учениям о нравственности: иудейства, христианства, магометанства, а также различным философским учениям — Канта, Гегеля и других.

Налбандян преувеличивал роль христианства в истории вообще и его моральных принципов, в частности, но он отнюдь не считал мораль христианства истинной моралью; об этом свидетельствуют страницы «Земледелия».

Налбандян отвергает основу феодальной морали — покорность и основу буржуазной морали — эгоизм и индивидуализм.

В работе «Земледелие как верный путь» Налбандян приходит к выводу, что глубочайшим источником нравственности является решение «экономической проблемы». Ни насилие, ни наказание, ни любовь и прощение, ни абстрактно-религиозная или иная проповедь не улучшают нравственность людей. Только экономическое преобразование жизни может установить моральную чистоту в обществе.

Исходя из этих же соображений, Налбандян отвергает абстрактный долг Канта, его категорический императив, он последовательно защищает высокую моральность долга служения народу, его коренным интересам, принцип активности в служении народу, в борьбе за осуществление его интересов, в уничтожении феодально-капиталистических обществ. Высшие добродетели для Налбандяна — это солидарность и счастье в обществе, но ни то, ни другое не существует вне решения экономического вопроса.

ГЕГЕЛЬ И ЕГО ВРЕМЯ

(выписки и размышления)

Налбандян работал над этим конспектом в Петропавловской крепости с 12 по 17 августа 1863 г. Работа впервые опубликована в журнале «Лума» («Грош») в 1902 г. Рукопись хранится в литературном музее Армянской ССР в Ереване. На русском языке дается в новом переводе.

На заглавном листе рукописи помечено: «Лекции, читанные Гаймом в Берлинском университете; перевод Соляникова, Спб. 1861 г.; выписки и размышления». Несмотря на конспективный характер, работа важна для характеристики философских воззрений Налбандяна. Конспект «Гегель и его время» целиком направлен против немецкого спекулятивного идеализма, в нем автор защищает и развивает материалистическую философию. Материализм армянского революционера-демократа носит воинствующий характер.

Характер ссылок автора на Чернышевского показывает единство их идейно-теоретических позиций.

Интерес представляют высказывания автора о предмете, источниках и задачах философии. Раскрывая реакционный, затемняющий разум характер идеализма, Налбандян в отношении к истории философских учений, в том числе и идеалистических, не становится на позицию общего отрицания. Он горячо рекомендует изучать историю философии, отделяя в ней зерна истины — положения, близкие к природе, от шелухи, от наносного и неистинного; он указывает, что изучение истории философии является главным средством

развития, оттачивающим мышление. Это требование Налбандян реализует в отношении философии Гегеля, проводя строгое различие между его системой и методом. В работе «Гегель и его время» устанавливается связь между диалектическим принципом развития и борьбой за демократическое преобразование общества.

«Гегель и его время» наряду с другими работами Налбандяна показывает, что ее автор вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом.

Незначительное отступление в тексте в область религиозной мифологии, не имеющее прямого отношения к идеям работы, опущено.

Ссылки автора на книгу Р. Гайма «Гегель и его время» будут указываться по переводу Соляникова, изданному в 1861 г.

К стр. 456.

[1] Цит. по Гайму «Гегель и его время», стр. 7. В переводе Б. Столпнера у Гегеля сказано так: «Постичь то, что *есть,* — вот в чем задача философии, ибо то, что *есть,* есть разум. Что же касается отдельных людей, то уж, конечно, каждый и без того *сын своего времени;* таким образом, и философия есть точно так же *современная ей эпоха, постигнутая в мышлении.* Столь же глупо думать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь глупо думать, что отдельный индивидуум может перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос. Если же его теория в самом деле выходит за ее пределы, если он строит себе мир, *каким он должен быть,* то этот мир, хотя, правда, и существует, однако — только в его мнении; последнее представляет собою мягкий материал, на котором можно запечатлеть все, что угодно» (*Гегель,* Сочинения, т. VII, Соцэкгиз, М.—Л. 1934, стр. 16).

[2] *«Труд Бокля».* — Имеется в виду «История цивилизации в Англии».

К стр. 457.

[1] В Петропавловской крепости у Налбандяна было двухтомное издание сочинений Т. Н. Грановского, 1856 г.

Заслуга Грановского перед исторической наукой, отмеченная еще Чернышевским, заключается в стремлении понять значение материальных сторон жизни в истории общества. В этих вопросах Налбандян становится на сторону Грановского против Гегеля. Налбандян считает совершенно справедливыми замечания Грановского, направленные против фаталистического истолкования Гегелем закономерного характера истории. Отрицание абсолютной свободы воли для Налбандяна не равносильно отрицанию значения воли в историческом процессе. Точно так же он положительно относится к высказываниям Грановского о значении традиции в истории.

В понимании воли в отличие от взгляда, высказанного в «Замечаниях» (см. настоящее издание, стр. 152), Налбандян — материалист. Для Налбандяна определяющими являются объективные материальные условия, объективный характер законов. Люди, принадлежащие к различным сословиям, не могут одинаково относиться к одним и тем же историческим законам.

Налбандян показывает, что в английском обществе различно относятся к остаткам крепостничества, к майоратной системе и к законам, защищающим остатки крепостничества, трудящиеся, с одной стороны, и английская буржуазия и дворянство — с другой. Налбандян близко подходит к пониманию роли классовой борьбы в истории, и это служит ему основанием правильно поставить вопрос о значении, как он выражается, психологического элемента в развитии общества.

[2] *В предисловии к «Истории философии».* — Здесь ошибка. На самом деле Гегель пишет это во введении к «Философии истории». Вот это место в переводе Столпнера: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего» (см. *Гегель,* Сочинения, т. VIII, Соцэкгиз, М.—Л. 1935, стр. 7—8).

[3] Цит. по книге Р. Гайма «Гегель и его время», стр. 8.

[4] Налбандян стоит на позиции классиков русской материалистической философии, отказавшихся от абстрактного логицизма философов-идеалистов и подвергавших идеалистические системы беспощадной критике.

К стр. 458.

[1] Налбандян отвергает абстрактную, туманную гегелевскую философию, отягченную прошлым и бегущую от настоящего. Он приветствует разрушение идеалистических систем.

[2] *Истину нельзя исследовать и понять из нее самой.* — По вопросу о критерии истины у Налбандяна можно проследить известную эволюцию. В работе «Замечание» и в некоторых очерках «Дневника» он проводит рационалистическую точку зрения. В работах 60-х годов, в частности в данной работе, Налбандян последовательно исходит из того, что источник и критерий истины лежат в объективном мире. Исследовать, понять истину — означает не рабски повторять те или иные положения науки, не фетишизировать мнения ученых авторитетов, а выяснять, насколько эти положения соответствуют реальной действительности.

К стр. 459.

[1] Налбандян цитирует положение Декарта в работе «Рассуждение о методе» по книге Бокля «История цивилизации в Англии», т. I, ч. II, Спб. 1863, стр. 95.

К стр. 462.

[1] *Армянский Кокисон.* — См. примечание к стр. 318.

К стр. 463.

Каким оно [будущее] будет, мы сможем сказать...когда доживем до того времени. — Налбандян считает, что мир развивается закономерно, а закономерности познаваемы, поэтому возможно предвидение общего хода развития, но он против фантазерства, сочинительства будущего.

К стр. 466.

[1] Цит. по книге Р. Гайма «Гегель и его время», стр. 374.

[2] *Дух революции проник даже в Англию.* — Имеется в виду чартистское движение.

[3] *Bill of reform.* — Имеется в виду избирательная реформа 1832 г.

К стр. 467.

[1] Цит. по книге Р. Гайма «Гегель и его время», стр. 375—376.

К стр. 468.

[1] Цит. по книге Р. Гайма. «Гегель и его время», стр. 376.

К стр. 469.

[1] Цит. по книге Р. Гайма «Гегель и его время», стр. 376.

К стр. 470.

[1] Цит. по книге Р. Гайма «Гегель и его время», стр. 376—377.

К стр. 472.

[1] Акт *Habeas corpus* — английский закон 1679 г.

К стр. 476.

[1] *Р. Гайм,* Гегель и его время, стр. 377—378.

К стр. 477.

[1] *Р. Гайм,* Гегель и его время, стр. 378—379.

К стр. 478.

[1] *Р. Гайм,* Гегель и его время, стр. 380.

[2] Весь текст этого абзаца Налбандян цитирует из произведения Н. Г. Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения» (*Н. Г. Чернышевский,* Полное собрание сочинений, т. V, М. 1950, стр. 363—364).

[3] *Н. Г. Чернышевский,* там же, стр. 387.

К стр. 479.

[1] В заключительном абзаце статьи Налбандян дает вольное изложение соответствующего места из «Критики философских предубеждений против общинного владения» Чернышевского (*Н. Г. Чернышевский,* Полное собрание сочинений, т. V, стр. 383—384).

КРИТИКА «СОС И ВАРДИТЕР»

Написана в Петропавловской крепости. Сравнение двух сохранившихся вариантов «Критики» показывает, что Налбандян тщательно трудился над обстоятельной формулировкой своих революционно-демократических, философских и эстетических взглядов. Первый вариант носит чисто литературоведческий характер и, повидимому, не завершен. Во втором варианте недостает в середине четырех страниц. Судя по последней зачеркнутой фразе, эти страницы носили откровенно-революционный характер, и Налбандян уничтожил их, опасаясь за судьбу произведения. Сохранившаяся фраза гласит: «Насущная, справедливая задача времени — выступить против этого течения; разрушение этого сопротивления и бесплодной средневековой системы мы провозглашаем незаменимым средством цивилизации народа».

Однако революционный дух «Критики» настолько был очевидным, что предпринятая автором ампутация не могла спасти ее от рук царских чиновников.

В письме к брату Казаросу от 12 апреля 1863 г. Налбандян просил прислать ему песенник Саят-Нова, «Раны Армении» Абовяна и «Сос и Вардитер» Прошяна (см. *М. Налбандян,* Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 190—191).

Таким образом, можно предположить, что к работе над «Сос и Вардитер» Налбандян вплотную приступил примерно в середине апреля 1863 г. и закончил ее в феврале 1864 г.

5 февраля 1864 г. Налбандян обратился к коменданту Петропавловской крепости с заявлением о разрешении заниматься переводами и составлением литературных и научных статей для армянского литературного журнала «Северное сияние». Разрешение Налбандян получает и 20 февраля того же года посылает рукопись «Критика «Сос и Вардитер»» на просмотр. Однако царские жандармы пришили ее к «Делу», не выпустив за стены крепости. Работа пролежала в бумагах сенатской комиссии по делу Налбандяна до 30-х годов нашего столетия (см. «Архив внешней политики и революции», фонд департамента полиции, 1862 г., № 230, ч. 76. «О революционном духе народа в России и распространении по сему случаю возмутительных воззваний. О Михаиле Налбандове»).

«Критика «Сос и Вардитер»» впервые полностью опубликована в «Неизданных произведениях Налбандяна», Москва — Ереван 1935. В настоящем сборнике печатается в новом переводе.

О первом варианте «Критика «Сос и Вардитер»» было сообщено в печати еще в конце 60-х годов XIX века другом Налбандяна Тер-Григоряном и поэтом Рафаелем Патканяном.

Отрывок первого варианта «Критики» был опубликован в третьей книге «Альманаха литературы и истории» в 1890 г. Автор романа «Сос и Вардитер» Перч Прошян проявил живейший интерес к «Критике» Налбандяна, он настоял, чтобы был опубликован хотя бы этот сохранившийся отрывок. В последующих своих романах «Насущный хлеб» и др. Прошян учел требования Налбандяна в показе социальных противоречий в армянской деревне.

Однако значение «Критики» выходит далеко за пределы только оценки романа «Сос и Вардитер» и непосредственного влияния на его автора.

Работа представляет большой интерес для характеристики мировоззрения Налбандяна, особенно его эстетических взглядов, в ней выражаются взгляды автора на роль народа в истории. Налбандян пишет, что не цари, короли и прочие эксплуататоры являются создателями духовной культуры, а народ. Народ создает и передает из поколения в поколение культуру, писатели же обрабатывают ее

В литературно-эстетических суждениях автор стремится вскрыть специфическую особенность искусства. Он выдвигает важнейшие положения материалистической эстетики, реалистического искусства. Искусство, по Налбандяну, должно быть народным. Оно должно отражать типическое. Писатель образно обобщает факты и события; определив свое отношение к действительности, он либо утверждает ее, либо отрицает. Ценность романа «Сос и Вардитер» он видит в его антикрепостнической направленности, слабость — в недостаточно резкой ее выраженности

Налбандян ставит проблему создания положительного образа героя-революционера в целях глубокого разоблачения общественного зла.

К стр. 483.

1 В библейском тексте псалма Давида вопросительный знак отсутствует. Вопрос петропавловского узника, очевидно, выражает раздумье, сможет ли он на сей раз вырваться из рук царских палачей.

2 Взятый в скобки текст автором был зачеркнут. Он восстановлен нами ввиду его важности. Иронизируя по адресу влюбленных в армянскую древность господ, Налбандян прежде всего имеет в виду книгу консервативного историка Н. Эмина «Эпос древней Армении», Москва 1850.

К стр. 484.

1 *Армянский Гоголь.* — Налбандян высказывает здесь насущную потребность Армении в своем Гоголе.

2 *О романе «Агапи»* — точнее «Агапи Хеквяси», вышел в свет в Константинополе в 1851 г., автор неизвестен. Газета А. Свачяна «Мегу» также высоко оценила это произведение, отмечая, что «в нем дан правдивый образ народной жизни». Роман впервые переведен на армянский язык и издан в Ереване в 1953 г.

К стр. 485.

1 *Много, много раз и внимательно прочитали мы эту вещь.* — Налбандян глубоко заинтересовался романом Прошяна еще в

1860 г., когда он впервые печатался в тифлисском журнале «Крунк айоц ашхари» («Вестник Армении»). В том же году в Тифлисе роман был издан отдельной книгой.

К стр. 491.

[1] *Безысходная нищета не лучше голода и осады.* — Налбандян в условиях цензуры Петропавловской крепости пропагандирует мысль, что народ от гнета эксплуататоров страдает не меньше, чем осажденный от захватчиков, следовательно, народ должен и бороться с эксплуататорами, как с чужеземными захватчиками.

К стр. 492.

[1] *Le roi le veut* — король этого хочет.

К стр. 494.

[1] *Гата* — род печенья.

[2] *Автор изображает скептическое направление молодого поколения.* — Налбандян прибегает к эзоповскому языку, он имеет в виду революционно-демократическое направление. От писателя Налбандян требует четкого, яркого, принципиального изображения представителей революционного поколения, которому принадлежит будущее. Налбандян выдвигает как актуальную задачу демократической литературы создание образа революционера.

[3] *Они «немые».* — По обычаю патриархальной армянской семьи женщины не могли разговаривать с мужчинами. Налбандян иронизирует по адресу автора, который не разоблачает этот обычай, а изображает его в натуралистических тонах. По Налбандяну, реализм, требуя изображения правды жизни, заключает в себе и разоблачение ее вредных, реакционных сторон. В этом плане глубоко интересной является его критика фаталистического отношения к жизни, статистического ее изображения.

К стр. 495.

[1] См. *Х. Абовян,* Раны Армении, М. 1948., стр. 236—237 русского перевода.

[2] *Югабер* — масленица.

К стр. 498.

[1] *Такими зрелищами услаждали жителей... Испании.* — Налбандян пользовался автобиографическим рассказом Араго из I тома русского издания «Биография знаменитых астрономов, физиков и геометров», 1859 г. Два тома этого издания хранятся в библиотеке Налбандяна.

[2] *(См. письмо 248).* — См. *Ю. Либих,* Письма о химии, т. I, Спб. 1861, стр. 319.

К стр. 499.

[1] *Егише,* «О варданидах и армянской войне», Москва 1861, стр. 19.

[2] *«Домом еретиков»* — называл злейший враг демократии мистик Чамурчян редакцию газеты «Мегу», где обычно собирались сторонники Налбандяна — Свачяна (Мечухеча) — «Партия молодых».

К стр. 500.

[1] *Арагац (Алагез)* — вулканический массив высотой 4 095 *м* над уровнем моря на территории Армянской ССР. Отлогие склоны его славятся родниками и богатой растительностью.

К стр. 502.

[1] *Предание о кузнецах.* — Мовсес Хоренаци рассказывает легенду гохтенских певцов. По случаю смерти армянского царя Арташеса по языческому обычаю погубили очень много народу; огорчился сын его Артавазд и сказал: «Ты ушел и унес с собою всю нашу землю, как же мне царствовать над развалинами?» За это Арташес проклял его, сказав: когда будешь охотиться на свободном Масисе, то схватят тебя Каджи (духи), и не увидишь более света. Старухи также рассказывают, что Артавазд, связанный железными цепями, заключен в какой-то пещере; что две собаки грызут беспрестанно его цепи и он силится выйти и положить конец миру; но что от ударов кузнечных молотов оковы снова укрепляются. Поэтому также и в наше время многие из кузнецов, следуя легенде, по воскресеньям ударяют молотом о наковальню, чтобы укрепились цепи Артавазда («История Армении», книга II, глава 61, стр. 130).

[2] *Аканатес* — армянская легенда, содержание которой рассказывал Прошян в романе «Сос и Вардитер».

К стр. 503.

[1] Необходимо иметь в виду, что Налбандян писал в застенках Петропавловской крепости под бдительным оком жандармов. Деистическая формулировка для Налбандяна была наиболее доступной формой отстранения религии.

К стр. 504.

[1] См. *Ю. Либих,* Письма о химии, т. I, Спб. 1861, стр. 19.

К стр. 505.

[1] *Предание о Нурин* восходит к языческому периоду развития армянского народа. Нурин была богиней воды и дождя.

К стр. 507.

[1] *Масис* (Арарат) — горная цепь, называется также армянским хребтом; возвышается почти в центре армянского нагорья. Отличают Большой Арарат (5 156) и Малый Арарат (3 914). *Арагац* — см. примечание к стр. 500.

К стр. 508.

[1] *Писал несравненный отец армянской словесности.* — Имеется в виду М. Хоренаци.

К стр. 510.

[1] *Шивы, Дурги и Вишну* — индийские боги. Дурга, жена Шивы, олицетворение жестокости.

К стр. 514.

[1] *Notice scientifique sur le tonnerre***.* — Книга «Гром и молния» Франсуа Арагона, Спб. 1859, стр. 149. Налбандян, повидимому, пользовался этим русским переводом.

К стр. 515.

[1] *В физике.* — Имеется в виду книга «Общие физические явления» Циммермана, Спб. 1861.

К стр. 517.

[1] *Месмеризм.*— См. примечание к стр. 295.

К стр. 521.

[1] *«Жаманак»* («Время») — реакционный журнал крепостнического направления, издавался в 1863—1868 гг. в Константинополе. Придерживался тех же позиций, что и журнал Чамурчяна «Ереван».

[2] См. *Ю. Либих,* Письма о химии, т. I, Спб. 1861, стр. 349.

К стр. 525.

[1] *Автор не устоял, чтобы не дать в веских словах свое примечание.* — Имеется в виду место в романе Абовяна «Раны Армении», где автор выступает против проповеди непротивления злу (см. русский перевод «Раны Армении», Москва 1948, стр. 145).

Налбандян подчеркивает священное право народа на применение оружия во имя жизни, «знамени своего отечества», во имя свободы. Налбандян проводит идею необходимости вооруженного восстания народа против угнетателей. Таким образом, он разъясняет выражение: «что означает меч». Налбандян искал подходящие формы для пропаганды, и в застенках Петропавловской крепости он призывал народ к насильственному свержению существующего строя, призывал к революции.

[2] См. *М. Хоренский,* История Армении, Москва 1893, стр. 104.

К стр. 528.

[1] *Неужели бонзы Будды и брамины Брамы более виновны?* — Буддизм и браманизм — религии, распространенные в Индии и странах дальнего Востока. Налбандян отмечает, что всякая религия является орудием эксплуатации, бичом народа.

К стр. 531.

[1] *На могилу Саркиса Бухараци.* — По преданию, армянин Саркис из Бухары пытался перевести евангелие на арабский язык с целью распространения среди восточных народов христианства. Но Магомет обманом завел его в глубокую яму и обратился с призывом забросать ее камнями, первый подав пример этому. С тех пор якобы всякий правоверный магометанин, проходя мимо могилы Саркиса, бросает в нее камнем Имеется и другая версия.

К стр. 537.

[1] См. *Х. Абовян,* Раны Армении, 1948, стр. 69.

К стр. 540.

[1] *Животворное влияние скептицизма.* — Налбандян имеет в виду революционно-демократическое направление.

К стр. 542.

[1] *Каурма* — жареная баранина.

К стр. 551.

[1] *В специальном теоретическом обзоре.* — Налбандян имеет в виду «Грамматику нового армянского языка» (см. настоящее издание, стр. 554).

ГРАММАТИКА НОВОГО АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

(Из введения)

Публикуемые в новом переводе отрывки из введения к «Грамматике...» затрагивали глубокие, животрепещущие вопросы развития армянской культуры, проблемы национального языка, народных диалектов, эстетики (проблема прекрасного) и т. д. Опираясь на тезис Чернышевского — «прекрасное есть жизнь», Налбандян камня на камне не оставляет от идеалистической теории чистого искусства, искусства для искусства. Диалектический подход к действительности помогает Налбандяну связать категорию прекрасного с живым и развивающимся. Прекрасно то, чему принадлежит будущее,— таков лейтмотив его творчества.

«Введение» написано в Петропавловской крепости в апреле — июне 1863 г. Впервые опубликовано в № 1 журнала «Лума» («Грош») за 1900 г. За исключением начала, рукопись «Введения» сохранилась и находится в ереванском литературном музее

К стр. 554.

[1] *Наша работа.* — Судя по некоторым письмам Налбандяна из Петропавловской крепости, он написал там большую часть труда «Грамматика нового армянского языка», но до сих пор обнаружить его не удалось.

К стр. 558.

[1] *Мерилом прекрасного является близость к природе.* — Налбандян имеет в виду знаменитое положение Чернышевского — «прекрасное есть жизнь», высказанное и обоснованное им в труде «Эстетические отношения искусства к действительности».

[2] *Мерилом природы.*— Налбандян материалистически подходил к понятию относительности. Относительность, по Налбандяну, есть выражение отношений реальных вещей, реальных тел и предметов. Относительность обусловлена не точкой зрения, а отношением реальных вещей. Вопрос о прекрасном тоже можно решить, лишь опираясь на реальное мерило; таким мерилом Налбандян в согласии с материалистической эстетикой Чернышевского считает природу, реальную жизнь. Прекрасно то, что адекватно природе, что правдиво отражает жизнь.

Налбандян теоретически обосновывает это положение.

Мысль, художественное слово формируются в жизни, являются ее отражением, следовательно, нельзя вопрос о прекрасном решать безотносительно к жизни, безотносительно к ее запросам и потребностям.

К стр. 563.

[1] *«Изнеженных женщин страны Армении»* — выражение Егише, историка V века.

[2] *Оживить... лизунами... умершего Ара́.*— Согласно армянскому народному мифу, царица Ассирии Шамирам (Семирамида) в гневе на армянского царя Ара̀, не отвечавшего ей любовью, объявила Армении войну, в которой Ара́ геройски погиб. Шамирам, подняв труп Ара́ на крышу дворца, пыталась его воскресить: «Я приказала моим богам,— говорит она,— лизать его раны, и он оживет». У Хоренаци («История Армении» 1,15) Ара̀ не оживает, по народным же мифам оживает. Среди языческих армянских богов были боги с телом человека и головой собаки по имени Аралезы, или Арлезы, которые якобы, облизывая раны павших в бою героев, исцеляли их. Трупы героев устанавливали на возвышенных местах, на кровле башен, чтобы обратить на них внимание Арлезов.

[3] *Полезный скептицизм.* — Налбандян имеет в виду революционно-критическое направление в мышлении и идеологии.

К стр. 565.

[1] *Армянского не останется, он будет... турецким.* — С подобным заявлением выступил журнал «Вестник Армении» № 2, 1862 г., стр. 661.

К стр. 567.

[1] *Не будь языка, на что был бы похож человек!* — (См. *Х. Абовян*, Раны Армении (русский перевод). Армения — Ереван—Москва 1948, стр. 119—120.)

АРМЯНО-ГРЕГОРИАНСКАЯ ОБЩИНА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Впервые опубликована в «Неизданных произведениях Налбандяна», 1935 г., откуда и воспроизводится в настоящем издании.

Записка в свое время была представлена русскому послу в Константинополе А. Б. Лобанову-Ростовскому. Налбандян пытался использовать международный авторитет России для укрепления уз армянского и русского народов в борьбе против турецкого султанизма, американских, английских и французских колонизаторов. Налбандян разоблачает национальное предательство армянских богачей и духовенства в Турции.

Основные идеи записки Налбандян позже, находясь в Петропавловской крепости, развивает в статье «Национальное бедствие».

К стр. 577.

[1] *Хамалы* — грузчики.

К стр. 578.

[1] *Хатти-Хумаюн* — султанский фирман, даровавший армянам в Турции так называемую «Конституцию» (25 августа 1860 г.).

НАЦИОНАЛЬНОЕ БЕДСТВИЕ

Этой статьей, написанной в феврале 1864 г. в Петропавловской крепости, заканчивается литературная деятельность Налбандяна. В настоящем издании печатается в новом переводе.

Впервые статья была опубликована в № 3 журнала «Юсисапайл» за 1864 г. за подписью редактора «Юсисапайла» С. Назарянца. Принадлежность ее перу Налбандяна установлена писателем Казаросом Агаяном. В своих воспоминаниях он сообщает, что собственноручно в типографии набирал «Национальное бедствие», написанное знакомой рукой любимого Налбандяна. О принадлежности статьи Налбандяну говорит также сходство этой работы с запиской Налбандяна «Армяно-грегорианская община в Константинополе» (настоящее издание, стр. 573).

В статье «Национальное бедствие» обобщаются события одного из бурных периодов развития армянского общества. Налбандян развивает здесь идею, что армянские крепостники являются вернейшими союзниками турецкого султанизма, с которым они действуют згодно против армянских трудящихся, и разоблачает непоследовательность, трусость, примиренчество армянской буржуазии в этих событиях.

В результате протеста и борьбы армянских трудящихся в 40—50-х годах, вызванных бесчинствами турецких сатрапов, турецкое правительство 25 августа 1860 г. предоставило армянам так называемую «Конституцию». Однако армянские крепостники потребовали ее отмены, на что трудящиеся ответили бурным протестом. Эти выступления послужили поводом к пересмотру Конституции. 16 августа 1861 г. действие ее было приостановлено. Но правительство под натиском народного движения вынуждено было распоряжением от 14 февраля 1862 г. создать комиссию из 7 человек для срочного пересмотра Конституции. Однако это было видимостью. Султанизм тормозил работу комиссии, и армянские либералы, возглавившие комиссию, не спешили. Борьба завершилась грозной массовой демонстрацией армянских трудящихся 1 августа 1862 г., возглавленной демократами, организованными вокруг «Мегу» Свачяна, с требованием передать дело Конституции в руки народа.

Демонстрация 1 августа 1862 г., не случайно совпавшая с зейтунским восстанием (восстание армянских народных масс в Зейтуне против турецкого режима), разогнала комиссию по пересмотру Конституции и повесила замок на двери армянского патриаршества в Константинополе, где она заседала. Турецкое правительство, направив вооруженные силы, подавило демонстрацию. Конституция была введена в марте 1863 г., но, по выражению Налбандяна, в кастрированном виде.

Налбандян в статье цитирует номера свачяновской газеты «Мегу», запрещенной в России и получаемой им конспиративно, через друга и соратника своего Л. Султаншаха, о чем можно заключить по письмам Налбандяна (см. настоящее издание, стр. 642).

К стр. 581.

[1] *Управление, будучи монополией деспотических лиц.* — В Турции к 40-м годам XIX века сложилась своеобразная прослойка эксплуататоров из армян, так называемые амираны — крупнейшие откупщики налогов, захватившие в свои руки ключевые позиции турецкой экономики. Амираны были политически тесно связаны с султанизмом и с высшим армянским духовенством, поэтому борьба армянского народа против амиранов и духовенства была направлена и против феодально-султанского режима. Борьба за Конституцию, как справедливо отмечает Налбандян, была выражением острых классовых противоречий.

[2] *Религиозный раскол... не вызван догматическими разногласиями, а... создан злоупотреблениями.* — В Турции среди армян усилиями западноевропейских государств проводилась политика религиозного раскола, в частности насаждалось католичество, являвшееся одним из важнейших орудий колониальной политики западных держав.

К стр. 582.

[1] *Унхиар Скелеси* — площадь в Константинополе, где 1 августа 1862 г. демонстрировало свыше 300 тысяч человек.

[2] *Пешик-таш* — квартал в Константинополе, где находилось армянское патриаршество, центр крепостническо-клерикальной реакции в Турции.

[3] *Васаково предательство* — названо по имени армянского князя V века н. э. Васака Сюни, который в войне армян с персами перешел на сторону последних.

[4] *Меружанов меч* — от имени армянского князя IV века н. э. Меружана Арцруни, боровшегося в сепаратистских целях против армянского царя Аршака II (Аршак желал создать сильное централизованное государство) и перешедшего на сторону персидского царя Шапура.

К стр. 583.

[1] *Защитники Конституции и ее враги... адепты просвещения и мракобесы.* — Этими партиями были: *демократы*, во главе которых стояли соратники Налбандяна А. Свачян со своей газетой «Мегу» и К. Фаносян с газетой «Мюнати Ерчиас», и *крепостники-монархисты*, возглавляемые Чамурчяном и другими реакционерами, находившими поддержку у правительства, которое и субсидировало их органы: «Еревак», «Жаманак» и др.

[2] *Не ломал себе спину... перед пашами.* — Налбандян указывал на предательство интересов армян армянскими крепостниками и на их угодничество перед султанизмом.

[3] *Лаодикийцы* — изменники родины. Во II и III вв. н. э. Лаодикия, соперничая с Антиохией (города в Сирии), в периоды борьбы последней с Римом, предательски поддерживала Рим.

[4] *Траммеризм* — своеобразная политика балансирования, двурушничества. Налбандян имеет в виду поведение армянских либералов в Турции, которые, притворяясь «друзьями» Конституции, на деле перешли на сторону реакции.

[5] *Наукой Аристотеля.* — Речь идет о либеральных армянских журналистах, софистикой и схоластикой прикрывавших свою предательскую деятельность.

К стр. 584.

[1] *Поплыл по течению.* — Налбандян глубоко и метко характеризовал сущность либерализма. Либералы не могли последовательно бороться против феодально-деспотических порядков, они плыли по течению, шли на поводу у крепостников.

[2] *Монастырь святого Акопа* — центр иерусалимского армянского монашества, сыгравший реакционную роль в конституционном движении.

К стр. 585.

[1] *Указом правительства Конституция была утверждена.* — «Оскопленная» конституция была одобрена правительством 25 марта 1863 г.

[2] *«Юсисапайл»... заявляет... благодарность... и неизвестным деятелям.* — Этим Налбандян подчеркивает решающую роль народных масс в борьбе за Конституцию.

[3] *Молодежь и «Мегу»... защищавшие Конституцию.* — Налбандян, давая высокую оценку деятельности «Партии молодых», вместе с тем критикует ее конституционные иллюзии, слабое разоблачение либералов, скрытых врагов народа.

К стр. 586.

[1] Здесь Налбандян перечисляет имена буржуазных дельцов того времени.

[2] *О смутах в Тавросе.* — Имеется в виду восстание армянских народных масс в Зейтуне в 1862 г. против турецкого режима.

[3] *«Аршалуйс* [Араратян]*» («Заря Арарата»)* — консервативная газета (1840—1887 гг.) издавалась в г. Смирне Г. Балтазаряном.

К стр. 587.

[1] *Нарды* — игра в кости, распространенная на Ближнем Востоке и Средней Азии.

[2] *Стада каравана мушцев.* — Муш — область в турецкой Армении.

К стр. 588.

[1] Налбандян цитирует фельетон Ар. Свачяна «Ночь в степи Муша», опубликованный в 1863 г. в «Мегу» № 226.

[2] *«Юсисапайл» призывает предпринять меры против причины.* — Налбандян призывал уничтожить феодально-крепостнические и колониально-зависимые отношения.

[3] *Политический комитет... потребовал... подписки.* — Политический комитет при армянской администрации вопреки Конституции потребовал от редакторов газет подписки, ограничивающей их права. Буржуазные газеты дали подписку, зная, что она не запретит им чернить деятельность демократов. «Мегу» А. Свачяна отказалась дать подписку. В 1864 г. газеты «Мегу» и «Мюнати Эрчиас» (см. примечание к стр. 592) были запрещены.

К стр. 591.

[1] *Доморощенной Конституции.* — Имеется в виду так называемая «конституция» армян в Турции.

К стр. 592.

[1] *«Мюнати* [*Эрчиас*]*»* — см. примечание второе к стр. 372.

К стр. 593.

[1] *Земля армянская, оплакиваю тебя.* — Слова Мовсеса Хоренаци. (См. «История Армении» М. Хоренского, 1858 г., стр. 228).

К стр. 594.

[1] *«Масис»* — газета, орган либеральной буржуазии, выходила в 1852—1884 гг. в Константинополе.

КОЕ-ЧТО ОБ АЙВАЗОВСКОМ

Этот замечательный обличительный документ был написан в Петропавловской крепости и впервые опубликован в газете «Мегу» 5 декабря 1864 г., без подписи автора.

Рукопись обнаружена в армянском хранилище (матенадаран) в Ереване и опубликована в № 7 журнала «Известия» (Серия общественных наук) АН Армянской ССР за 1950 г. Переведена для настоящего сборника впервые с издания 1950 г

К стр. 595.

[1] Оба эпиграфа взяты из приписываемой изобретателю армянского алфавита Месропу Маштоцу церковно-обрядовой книги «Нарек».

[2] *Снова возник вопрос о нахичеванских церковных счетах.* — Речь идет о присвоенных в 40-х годах городским головой Новой Нахичевани Ар. Халибяном и Н. Аштаракским (в то время начальник епархии в Бессарабии и Нахичевани) церковных суммах. Дело об этих суммах тянулось и в 60-х годах, когда в результате требований народных масс Айвазовский, прикрывавший хищения, был смещен с поста начальника Бессарабско-Новонахичеванской епархии.

К стр. 596.

[1] *Пресловутый... Мальтус заимствовал свою теорию у этих господ.* — Налбандян, метко сравнивая деяния армянского крепостника с деяниями попа Мальтуса, клеймил это человеконенавистническое «учение». На полях книги мальтузианца Молинари «Курс политической экономии» Налбандян оставил следующее замечание: «Глупее и подлее этого сочинения едва ли я когда-нибудь отроду читал».

К стр. 600.

[1] *Неприятности у него с братом-художником.* — Знаменитый художник-маринист И. И. Айвазовский — брат архимандрита Г. Айвазовского.

К стр. 605.

[1] О доносах Айвазовского Налбандян писал неоднократно (см. в настоящем издании «Дневник» и «Две строки»).

ОДНО ЗАМЕЧАНИЕ

Статья написана в Петропавловской крепости в 1864 г. Впервые опубликована в константинопольском журнале «Еркрагунд» («Глобус») № 3 в 1871 г. На русский язык переводится впервые.

В статье Налбандян разоблачает колонизаторскую политику западных держав и американской буржуазии, стремящихся через своих агентов превратить армянский народ в своих рабов.

К стр. 609.

[1] *Напечатан отличный труд за подписью А. П. А.*— Имеется в виду статья «Из истории тридцатилетней деятельности миссионеров в Турции и несчастия армянского народа», опубликована в «Мегу» №№ 176—178 за 1862 г. и №№ 220—223, 226 за 1863 г.

[2] *Ганнибал у ворот* — крылатое выражение, имеет значение предупреждения об опасности, призыва к бдительности. Этим возгласом были мобилизованы римские патриоты, когда Ганнибал с войском в 211 г. до н. э. подступил к Риму.

К стр. 610.

[1] В этом абзаце восклицательные, вопросительные знаки и слова в скобках принадлежат Налбандяну.

К стр. 611.

[1] *История Англии Маколея.* — Точное название книги Маколея: «История Англии от восшествия на престол Иакова II», Полное собрание сочинений, т. VII, Спб. 1862 г.

[2] Нью-Ленаркская школа была открыта Р. Оуэном для рабочих в Америке.

[3] *Чего только не перенес он в Америке от квакеров.* — Религиозная секта квакеров возникла во второй половине XVII века. Квакеры отрицали церковь, ее права на десятину, военную службу и т. п. Однако, как правильно указывает Налбандян, квакеры являются злейшими врагами народной свободы, агентами американских колонизаторов.

К стр. 613.

[1] *В книге Маколея статью о Байроне.*— См. *Маколей,* Жизнь лорда Байрона, Полное собрание сочинений, т. I.

ПИСЬМА

Из многочисленного эпистолярного наследия М. Налбандяна в настоящем издании помещаем незначительную часть.

Публикуемые письма написаны в разное время и по различным поводам, но общим для них является антикрепостническая демократическая направленность.

ПИСЬМО АРУТЮНУ ГЕКЧЯНУ

Переводится на русский язык впервые для настоящего издания. Письмо характеризует философскую направленность мысли Налбандяна, высказывавшего идею, что будущее в жизни принадлежит новому, растущему.

ПИСЬМА К. АЙРАПЕТЯНУ

Письма, адресованные нахичеванскому городскому голове К. Айрапетяну, впервые опубликованы в 1932 г. в Ереване в книге Е. Шахазиза «Диван Налбандяна». Печатается по-русски впервые. Являются важными документами борьбы Налбандяна с армянскими реакционерами.

К стр. 620.

[1] *Вы найдете мое письмо к издателю.* — Это письмо от 11 октября 1858 г. напечатано в настоящем издании, стр. 245.

[2] *Айвазовский... пожаловался на нас Лазаревым.* — Лазаревы — основатели армянского Института восточных языков в Москве, — убедившись в революционно-демократическом характере деятельности Налбандяна, заняли по отношению к нему крайне враждебную позицию. В 1854 г. они устранили его от преподавания в Лазаревском институте. Враждебность их усилилась в период деятельности Налбандяна в журнале «Юсисапайл».

К стр. 621.

[1] *Напечатали книги.* — Имеется в виду первая часть романа Э. Сю «Агасфер», который вышел в переводе Налбандяна в 1857 г.

К стр. 624.

[1] *Жду копии бумаг об индийских суммах.* — Речь идет о завещании, оставленном индийскими купцами-армянами городу Новой Нахичевани.

ПИСЬМО Г. САЛТИКЯНУ

Впервые опубликовано в кн. Е. Шахазиза «Диван Налбандяна», 1932 г. Переводится на русский язык впервые для настоящего издания.

К стр. 625.

[1] *«Аревмутк» жестоко бичует его.* — В журнале «Аревмутк» (№ 4, 5 и 6 за 1859 г.) были опубликованы статьи Ст. Восканяна, разоблачавшие Г. Айвазовского как французского шпиона.

[2] *Благородно мыслящие соотечественники и друзья, окажете мне помощь... возобновить «Юсисапайл» в другом месте.* — Налбандян мечтал открыть журнал в Лондоне в случае закрытия его в Москве.

ПИСЬМО АРУТЮНУ СВАЧЯНУ

Впервые опубликовано в 1871 г. в газете «Мегу» № 54 со следующим примечанием А. Свачяна: «Имея честь и счастье быть одним из ближайших единомышленников Налбандяна, я давно уже обязал себя написать биографию этого, погибшего рано, действи-

тельно мудрого, истинного патриота — этого великолепного, обаятельного человека, но работа все откладывалась ввиду собирания о нем новых сведений. И теперь я намерен время от времени публиковать некоторые его мелкие письма, в которых отразились его душа и его стремления.

Из написанных ко мне многочисленных его писем от пожара спаслись только несколько. С целью сохранить их для потомства я сегодня публикую одно, обращая на него внимание читателей».

В этом письме, разоблачая крепостников и либералов, Налбандян обосновывает положение о революции. Он указывает, что возрождение Армении возможно через движение, подобное итальянскому, возглавленному Гарибальди и Мадзини.

По пути в Индию Налбандян был в Мессине, Неаполе и Генуе, т. е. в наиболее активных центрах демократического национально-освободительного движения Италии. В общей сложности он пробыл в Италии около 10 дней (с 25 декабря 1860 г. до 4 января 1861 г.). Письмо и ряд других документов доказывают, что Налбандян налаживал связи с руководителями итальянского освободительного движения и с польскими военными легионами еще до приезда в Лондон к Герцену в 1861 г. Об установленной связи с Мадзини свидетельствуют «Секретный словарь» (см. *М. Лемке,* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 114) и письмо к Налбандяну одного из членов «Партии молодых», С. Тагворяна, от 14 мая 1862 г., где Мадзини конспиративно назван Мартиросом (см. настоящее издание, стр. 673).

Идеи письма, а также вся деятельность Налбандяна показывают, что опорой разгрома царизма в России, султанизма в Турции, бурбонизма в Италии и на юге Европы он считал революционные демократические массы. Но Налбандяну, повидимому, не чужда была мысль об использовании противоречий между европейскими государствами в целях облегчения дела демократического движения.

Теснейшие идейные и организационные связи с русскими, итальянскими и польскими демократами-революционерами показывают, что Налбандян рассматривал армянское национальное освобождение не изолированно от общедемократического движения 50—60-х годов, а как звено в общей цепи антикрепостнической революции.

Налбандян в священной борьбе за дело народа не был одиноким, он имел последователей, соратников, действовавших в демократических организациях. Идеи и дела этого преданного воина свободы и после его смерти в течение десятков лет, вплоть до возникновения марксистского движения, оказывали в Армении прогрессивное влияние, служили источником сил в борьбе с царизмом, султанизмом и внутренними национальными поработителями армянского народа. Они подготовили почву для распространения марксизма в Армении.

ПИСЬМА ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Публикуемые нами девять писем Налбандяна с пометкой «С[анкт]Петербург» имеют более точный адрес — все они написаны в Петропавловской крепости.

Эти письма (кроме конспиративной записки без точной датировки от 1865 г., написанной по-армянски и адресованной Султанишаху) написаны по-русски и семь из них адресованы брату Налбандяна Лазарю Лазаревичу Налбандяну, но предназначались другим лицам, и прежде всего другу и соратнику Налбандяна — Ананию Султаншаху. Таким образом, Налбандян ограждал своих друзей от подозрений царской охранки.

Налбандян был в курсе всех событий внешнего мира, в курсе деятельности своего детища «Партии молодых» в далеком Константинополе, точно так же и они знали обо всех изменениях в жизни узника Петропавловской крепости. Очевидно, связь эта осуществлялась через Султаншаха.

Предположение, высказанное в литературе, что Арутюн Свачян сам приезжал в Петербург из Константинополя для установления непосредственных связей с Налбандяном, не имеет достаточных оснований.

О связующей роли Султаншаха можно заключить и по письмам Налбандяна из Петропавловской крепости, особенно по записке Налбандяна к Султаншаху.

К стр. 643.

[1] *«Радуга»* — приложение к реакционному журналу Айвазовского «Голубь Масиса», выходила на русском и армянском языках.

К стр. 645.

[1] *Благодарю его пр-во.*— Речь о генерале С. Г. Султаншахе.

К стр. 648.

[1] *Поздравление за прекращение литературного сборника.* — Был закрыт реакционный орган «Чраках» («Старина»).

К стр. 652.

[1] *Я приготовляю и материалы введения для... физикс-филолог[ического], историко-географического [труда].*— Речь идет о «Грамматике нового армянского языка» (см. настоящее издание, стр. 554).

ПИСЬМА ИЗ КАМЫШИНА

Адресованы, повидимому, близкому другу. Письма отражают последние дни жизни замечательного революционера, отравляемые полицейской слежкой, в невыносимых условиях ссылки. Налбандян умирал, уверенный в правоте дела революции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

К сборнику прилагаются следующие материалы, опубликованные М. Лемке в работе «Очерки освободительного движения шестидесятых годов», Спб. 1908: письма 1862 г. к М. Л. Налбандяну С. Таг-

воряна от 14 мая (М. Лемке необоснованно приписал авторство этого письма Арутюну Свачяну, и перевод был выполнен неудовлетворительно), Н. Огарева и А. Герцена Н. Серно-Соловьевичу от 8 июня. В приложениях помещены также передовая статья газеты «Мегу» о Налбадяне и письмо А. Султаншаха к брату М. Налбандяна, невежественному купчику Григору Налбандяну. Документы представляют большой интерес для характеристики личности и деятельности Налбандяна.

К стр. 671.

[1] Согласно конспиративному словарю Мартиросом называли Мадзини.

[2] *Не имея в этом городе менялы.* — Намек на какие-то неполадки в организации связи с итальянскими демократами.

[3] *Ложа братьев (Готфело).* — Повидимому, полулегальный филиал конспиративной революционной организации константинопольской «Партии молодых», подчиняющейся организации «Земля и Воля» в Лондоне. Очевидно, предполагалось создать широкую сеть этих лож по стране в целях сближения с массами трудящихся Став на путь подготовки крестьянской революции, революционные демократы искали различные формы для ее организации.

К стр. 672.

[1] *Стараюсь вступить в торговлю с этим человеком.* — Речь идет о зейтунских событиях на армянском Тавре (см. примечание второе к стр. 586). Члены «Партии молодых» и Налбандян были в курсе готовившихся событий на Тавре и пытались повлиять на их ход.

К стр. 673.

[1] 8 сентября 1862 г. предполагалось празднование тысячелетия России. К этому дню ожидались всевозможные манифесты.

[2] Следующее слово испорчено шнуром, скрепляющим дело.

К стр. 674.

[1] До сих пор письмо писано Огаревым, дальше — Герценом. Под буквой N, а дальше под «сбежавшим восточным приятелем» подразумевался М. Л. Налбандян.

[2] Следующее слово испорчено шнуром.

[3] Речь идет о «Современной Летописи» Каткова и Леонтьева.

[4] Перетц был одним из русских, довольно часто посещавших Герцена летом 1862 г., потом он служил в III отделении...

[5] Речь идет о «Современнике» Панаева и Некрасова, в котором главная роль принадлежала Чернышевскому. 19 июня по высочайшему повелению были приостановлены на 8 месяцев «Современник» и «Русское слово». 8 июня Герцен уже имел сведения о возможности такой кары и потому сделал свое предложение. Не получив ответа от Серно-Соловьевича, он печатно предложил издавать у себя «Современник».

Г-н МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

Редакционная статья демократической константинопольской армянской газеты «Мегу» появилась в № 172 в 1862 г. Она опубликована в приложении к III тому Полного собрания сочинений Налбандяна, откуда и переведена для настоящего издания. Статья характеризует отношение константинопольских друзей, Свачяна и др., к Налбандяну как признанному вождю армянского революционно-демократического движения. «Партия молодых» никогда не теряла надежды вырвать Налбандяна из хищных когтей царизма, она сумела держать с ним постоянную связь, получать его указания и из Петропавловской крепости.

Редакция «Мегу» держала связь с Налбандяном через своих корреспондентов, друзей Налбандяна, находившихся в Петербурге, Москве и в других городах России и Закавказья.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *В. Козерук*

Ответственные корректора О. Левонович и А. Столярова
Технический редактор А. Данилина
Художник Н. Седельников

Сдано в набор 13 апреля 1954 г. Подписано к печати 3 сентября 1954 г. Формат 84×108. Физ. печ. л. 23 1/2 + (2 вклейки) 1/4. Услов. печ. л. 38,745. Уч.-изд. л. 38,86. Тираж 10 тыс. экз. А06803. Заказ № 982. Цена 10 р. 50 к.

Государственное издательство политической литературы.

Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
16	1 снизу	676	674	редактора
30	7 снизу	что	кто	"
400	10 сверху	разбогатевшими	разбогатевшим	типографии
414	9 сверху	земле-владельцев	земле-дельцев	"
708	7 сверху	675	674	редактора
731	25 сверху	673	671	"
738	1 снизу	412, 671, 677.	412.	"
740	18 снизу	675, 677.	673.	"
743	20 сверху	440, 673.	440.	"
744	22 снизу	675.	673.	"
744	17 сверху	677.	15.	"
746	4 снизу	675.	673.	"
746	7 сверху	681.	678.	"
746	20 сверху	673.	671.	"

М. *Налбандян.* Избранные философские и общественно-политические произведения.